

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы

V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева

12 – 13 мая 2020 г.

Москва, МГППУ

МГППУ.РФ

сУДК 316.6
ББК 88.5
С69

Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. – 594 с.

Представляем сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». В нем нашли отражение результаты новейших социально-психологических и психолого-педагогических разработок, выполненных отечепственными и зарубежными специалистами-практиками, методологами, известными учеными и начинающими исследователями. Представлены перспективные направления научно-практической деятельности в социальной психологии образования, организационной психологии, этнопсихологии. Большое внимание уделено киберпсихологии, психологическим основам безопасности дорожного движения, актуальным вопросам психологического тренинга и консультирования.

Сборник представляет интерес для специалистов, а также для тех, кто изучает психологию и стремится овладеть современными социально-психологическими средствами повышения эффективности взаимодействия людей.

ISBN 978-5-94051-213-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Работа конференции проходила по следующим направлениям:

- актуальные проблемы современной социальной психологии;
- современное состояние и тенденции развития организационной психологии;
- современные технологии в психологии и образовании;
- психологический тренинг и консультирование в социальной сфере;
- практическая этнопсихология;
- социальная психология дорожного трафика;
- киберпсихология и общество.

Конференция привлекла большое внимание отечественных и зарубежных исследователей. В сборнике опубликовано около двухсот работ, выполненных в различных сферах современной социальной психологии. Представлены отечественные и зарубежные разработки, в том числе – исследования, выполненные в русле научной психологической школы академика РАО А.В. Петровского. Традиции этой школы, благодаря научной и организационнйо деятельности М.Ю. Кондратьева, поддерживаются и развиваются в научно-исследовательской работе факультета социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Участниками нынешней конференции стали специалисты из различных вузов и городов России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Большинство докладов имеет практический и прикладной характер.

К вопросу о саморегуляции поведения сотрудников и показателях психологического климата коллектива

Абраменко В.В., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
abramenkovv@mgppu.ru

В современных непрерывно меняющихся социальных и экономических условиях растущей конкуренции успешность организации зависит от многих факторов, в числе которых сформированность зрелого коллектива, эффективной, хорошо сработанной команды сотрудников. «Благоприятный социально-психологический климат является условием повышения производительности труда, удовлетворенности работников трудом и коллективом» [3, с.127].

Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование благоприятного климата в коллективе организации, является психологическая совместимость, сработанность сотрудников, «…сочетание и взаимодействие людей, которое позволяет добиваться высокой успешности совместной работы и удовлетворенности своим трудом и друг другом» [1, с.368]. «…Исполнение трудовой деятельности неразрывно связано с процессами саморегуляции, которая обеспечивает гармоничное и успешное выполнение самой деятельности» [4, с.49].

В настоящее время психология саморегуляции находится на стадии становления. Как область знания, психология саморегуляции зародилась во второй половине XX века. Активное развитие получила в конце XX начале XI века. В нашей стране в этом направлении работали С.Л. Рубинштейн, И.М. Сеченов, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, П.Я. Гальперин, А.В. Брушлинский, П.К. Анохин, Н.А. Берштейн, Ошанин Д.А., О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Л.Г. Дикая, А.О. Прохоров, Е.А. Сергиенко и др.

В.И. Моросанова отмечает, что «…современные теории управления организацией в разработке методов эффективного достижения целей, основываются на знании и представлении о различных моделях самоорганизующихся систем» [2, с.306]. В конфликтологии рассматриваются технологии рационального, конструктивного или эффективного поведения в конфликте, призванные помочь человеку в управлении эмоциями. Ряд исследований рассматривает саморегуляцию в контексте совладающего поведения, которое ярко проявляется в конфликтных ситуациях.

Теоретическая основа исследования представлена методами, базирующимися на теории осознанной саморегуляции произвольной активности человека. Анализ психологической литературы позволяет отметить, что чаще изучается взаимосвязь саморегуляции с индивидуально-личностными характеристиками, с темпераментом, характером, экстраверсией, нейротизмом, тревожностью. Для управления конфликтами в организации в конфликтологии особое внимание уделяется навыкам управления эмоциями в рамках технологий эффективного общения и рационального поведения в конфликте. Навыки саморегуляции субъектов профессионального взаимодействия могут свидетельствовать о зрелости коллектива, в котором конфликтные взаимодействия носят конструктивный характер, обеспечивают развитие позитивного социально-психологического климата и способствуют выполнению профессиональных задач. На сегодняшний день можно отметить недостаток исследований взаимосвязи саморегуляции и условий осуществления профессиональной деятельности.

Цель нашего исследования – выявить взаимосвязь саморегуляции поведения с показателями психологического климата в организации.

Нами был определен следующий методический инструментарий: опросная методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), методика оценки психологической атмосферы в коллективе (А.Ф. Фидпер).

В исследовании приняло участие 100 сотрудников структурных подразделений на железнодорожном транспорте.

Опросная методика «Стиль саморегуляции поведения» позволила определить общий уровень саморегуляции и индивидуальные регуляторные профили сотрудников. Статистический анализ показал, что существует значимая прямая взаимосвязь между общим уровнем саморегуляции и развитостью таких регуляторных процессов как: планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость. Отмечено отсутствие взаимосвязи между самостоятельностью и программированием, оцениванием результатов, гибкости; обратная взаимосвязь между моделированием деятельности и самостоятельностью; прямая связь между планированием и самостоятельностью. Это говорит о трудностях в адекватном определении цели и программы действий испытуемых и оценке текущей ситуации, но при этом об автономности их активности в организации, что влечет за собой неудачи и создание конфликтных ситуаций.

Было обнаружено, что психологический климат организации в целом оценивается испытуемыми как благоприятный.

Статистический анализ показал, что существует значимая взаимосвязь между индивидуальными особенностями регуляции поведения и оценкой психологического климата в коллективе.

Выявлена прямая взаимосвязь между выбором стратегии соперничества, уровнем самостоятельности и оценкой неудовлетворенности и несогласованности коллектива, что является показателем наличия в коллективе конфликтных взаимодействий деструктивного характера.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что при проведении диагностики психологического климата организации, исследований конфликтных взаимодействий в профессиональной сфере и разработке корректирующих программ, тренингов следует учитывать индивидуальный регуляторный профиль каждого сотрудника коллектива организации.

Литература

1. *Битянова М.Р.* Социальная психология. СПб., 2008.
2. *Моросанова В.И.* Психология саморегуляции человека. М., 2007.
3. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. СПб., 2002.
4. *Семянищева П.А.* Профессионально-обусловленные особенности саморегуляции функционального состояния военнослужащих; автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.03 / Семянищева Полина Андреевна. М., 2017.

Обучение школьных команд проектированию и сопровождению индивидуальной траектории сохранения здоровья обучающихся

Авраменко В.Г.
ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
Avramenko_vg@mail.ru

Командный подход успешно внедряется сегодня в школах для решения задач, связанных с сохранением и укреплением здоровья обучающихся. Проблемы, связанные со здоровьем, требуют коллективного участия многих специалистов, их высокой самоотдачи и максимального учета индивидуальности обучаемых. В то же время, как показало наше исследование [1], на практике имеет место недостаточная личная вовлеченность педагогов школ в совместную

деятельность по формированию культуры здоровья обучающихся. Опрос педагогов школ Зеленограда и Москвы в 2018 г. (выборка составила 765 человек) показал, что только 7% педагогов считают, что в школьную команду здоровья могут входить все участники образовательного процесса, 8,8% педагогов отдают эту обязанность классным руководителям, 21% опрошенных считает, что это вообще не входит в задачи школы. Около 52% педагогов указали, что они не взаимодействуют с коллегами по этим вопросам.

Полученные данные свидетельствуют об актуальности задачи формирования эффективного командного взаимодействия педагогов в области сохранения и укрепления здоровья обучающихся. В четырех школах Зеленоградского АО г. Москвы в 2017-2018 гг. была апробирована технология подготовки школьных команд здоровья к деятельности по проектированию и сопровождению индивидуальной траектории развития здоровья школьников [2; 3]. В них вошли учителя, воспитатели, социальные педагоги, педагоги-психологи, социальные педагоги, представители администрации. Формирование состава команд проходило на основе учета опыта участия педагогов в здоровьесберегающих проектах, их интересов, готовности и способности работать в команде. Необходимо было обеспечить единство целей и задач всех участников команды, функциональную слаженность и сотрудничество при решении совместных задач, мотивацию на общий результат. Групповой процесс был направлен на сплочение команды, обеспечение ее ролевой и мотивационной совместимости и удовлетворенности от совместной деятельности.

На первом этапе с командами проводилось обучение, направленное на повышение компетенций педагогов в области сохранения здоровья обучающихся и проектирования индивидуальной траектории здоровья. Командообразующий этап был направлен на выработку и принятие педагогами командных норм и правил поведения в процессе совместного проектирования, на формирование командного духа и сотрудничества. С командами обсуждались цели и задачи работы, принципы командного взаимодействия, опыт участия каждого педагога в командной работе, его возможные роли в команде.

Для повышение взаимного доверия и отработки навыков совместной деятельности были реализованы элементы социально-психологического тренинга, что позволило выявить проблемные «узлы» во взаимодействии внутри команды, оценить и развить возможности коммуникации участников команды, активизировать потребность в индивидуальной и групповой рефлексии. Таким образом, были созданы психологические условия для совместного проектирования, в ходе которого проводилась экспертная оценка

внутрикомандного взаимодействия по следующим критериям: степень сотрудничества и доверия при подготовке группового задания, равноправное участие и возможность лидерства для каждого участника, степень согласованности действий и принцип добровольности выбора ролей, уровень коммуникации в группе, мотивация на коллективный результат.

По окончании совместного проектирования проводилась самооценка опыта взаимодействия в команде. Ее результаты показали, что команды в целом обладали ясным видением цели своей работы (8,2 балла по 10-балльной шкале), удовлетворены результатом совместной деятельности (средний балл 8,8). Также высоко были оценены и согласованность функций (8,7 баллов), способность работать с информацией (8,3 балла), процесс принятия решений и его продуктивность (8,4 балла), стиль руководства командой (8,6 балла), психологический климат (9,3 балла).

Были выявлены и факторы риска эффективности взаимодействия в командах здоровья:

- недостаточно четкое понимание того, как использовать полученную информацию при постановке педагогических задач;
- слабая мотивация к партнерству с семьей в вопросах здоровья детей;
- традиционный характер форм и методов предлагаемых решений
- борьба за лидерство при решении отдельных задач и ориентация на мнение формального руководителя команды.

Опыт обучения школьных команд здоровья показал, что ключевую роль в обеспечении эффективности командной работы играют социально-психологические факторы. А именно:

- от уровня слаженности команды зависит желание взять на себя роль координатора и нести персональную ответственность за решение задач команды;
- независимо от степени сплочения, команде необходим эмоциональный лидер, роль которого особенно важна на этапе командообразования;
- качество работы в команде зависит от компетентности ее членов, оптимального распределения ролей и координации совместной деятельности;
- важным критерием отбора в школьную команду здоровья является личная мотивация и способность к работе в команде;
- успех школьной команды здоровья во многом зависит от внешнего руководства, способного мотивировать и объективно оценивать результаты работы команды.

Литература

1. *Нехорошева Е.В. Денисов Л.А., Авраменко В.Г.* Оценка готовности педагогического сообщества к командному взаимодействию в сохранении и укреплении здоровья обучающихся//Сборник научных статей по итогам Межрегиональной научно-практической конференции «Здоровьеформирующая среда в современной школе». Сост. и отв. ред. И.В. Рябова. Изд-во МГПУ. М.: 2018. С.34–42.
2. *Нехорошева Е.В., Авраменко В.Г.* Психолого-педагогическое сопровождение индивидуальной траектории формирования здоровьесохраняющего поведения обучающихся//XV Международная научно-практическая конференция "Психология образования: лучшие практики работы с детством". Сборник материалов. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. 2019. С. 144-150.
3. *Нехорошева Е.В*. Проектный подход к управлению надежной и безопасной для развития школой /Е.В. Нехорошева//Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2019. № 1 (19). С.90–98.

Взаимосвязь мотивации одобрения и успеваемости студентов с разным уровнем самооценки

Агапова И.А., Лазарева Е.Г.
ФГБОУ ВО ВГСПУ, Волгоград, Россия
ira.agapova.00@inbox.ru

К одной из значимых потребностей человека в любом обществе относится стремление к одобрению, похвале, поэтому проблема потребности в одобрении студентов очень актуальна в наше время, так как она влияет на их учебную активность, познавательную деятельность, а, следовательно, и на успеваемость. На момент обучения высокая успеваемость студента – это не только повышенная стипендия, но и в будущем компетентный специалист в своей области. В качестве одной из причин, влияющих на успеваемость, можно рассматривать мотивацию одобрения.

В отечественной психологии проблемой мотивации одобрения студентов занимались многие учёные, такие, как В.Г. Асеев, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, П.В. Симонов, П.М. Якобсон. Также данной

проблемой занимались и зарубежные исследователи, такие, как Д.В. Аткинсон, М.Д. Вернон, А.Г. Маслоу, Р.С. Петерс, К.В. Мадсен. По мнению Аманжоловой А.Е., под мотивацией понимаются «побуждения, вызывающие активность личности и определяющие её направления, это один из наиболее эффективных способов улучшить процесс и результаты обучения» [1]. Для студентов важную роль в учебной деятельности студентов играют такие слова: «хорошо», «молодец», «правильно», «так держать», «могло быть и лучше». М.А. Соломченко считает, что «моральное стимулирование за хорошо выполненную работу повышает интерес студента усердно учиться. Различные одобрения следует адресовать не только лучшим студентам, но и всем тем, кто проявляет старание к учебной работе» [4].

Под успеваемостью студентов А.С. Воронин понимает «степень усвоения знаний, умений и навыков, установленных учебной программой, с точки зрения их полноты, глубины, сознательности и прочности» [2, с.117]. По мнению Губина В.А. и Акулова А.О., на успеваемость в обучении студентов влияют следующие факторы: «мотивы, не входящие в сам процесс учебной деятельности, но обеспечивающие ее: материальное положение, состояние здоровья, возраст, семейное положение, уровень довузовской подготовки. Также мотивы, которые входят в сам процесс учебной деятельности: владение навыками самоорганизации, планирования и контроля своей деятельности, организация учебного процесса в вузе, индивидуальные психологические особенности студентов» [3].

В нашем исследовании мы рассмотрели определение взаимосвязи потребности мотивации одобрения и успеваемости у студентов с разным уровнем самооценки. Исследование проводилось на базе Волгоградского Государственного социально-педагогического университета. Испытуемые: студенты 2 курса; 18-19 лет. 30 студентов, из которых 13 девушек, 17 юношей.

В своем исследовании мы предположили, что мотивация одобрения связана с успешностью обучения при условиях низкой и средней самооценки. У студентов с высокой самооценкой влияние мотивации одобрения незначительно. Для выявления взаимосвязи мотивации одобрения и успеваемости у студентов с разным уровнем самооценки мы выбрали следующие методики: «Экспресс-диагностика общей самооценки личности» (С.А. Будасси); «Методика диагностики самооценки мотивации одобрения» (Д. Марлоу и Д. Крауна).

Для определения успеваемости студентов мы провели анализ оценок, полученных по результатам исследования за летнюю сессию.

Для проверки гипотезы использован корреляционный анализ (К. Пирсона).

Результаты по «Методике диагностики самооценки мотивации одобрения» (Д. Марлоу и Д. Крауна) позволяют сделать заключение: 35% обучающихся студентов имеют высокую самооценку. Такие студенты, как правило, нечувствительны к своим ошибкам, замечаниям и оценкам окружающих. Участники исследования с высокой самооценкой имеют низкий и средний уровни мотивации одобрения. Для студентов с низким уровнем мотивации одобрения не свойственна категоричность суждений в свой адрес. Они не стараются выглядеть в глазах окружающих лучше, чем есть на самом деле. Средний балл за летнюю сессию у учащихся варьируется от 61 до 78 (из 100). Результаты показали, что выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между уровнем мотивации одобрения и средним баллом успеваемости студентов (коэффициент Пирсона – 0,38.)

42% обучающихся студентов имеют низкую самооценку. Участники исследования с низкой самооценкой имеют высокую мотивацию одобрения. Студентам с данным уровнем мотивации одобрения свойственна категоричность суждений о себе. Балл успеваемости участников исследования составляет от 76 до 89 (из 100). Мы предполагаем, что они часто уходят от трудностей в учебной деятельности, стараются избежать проблем, не верят в свои силы. Такие люди зависят от мнения окружающих людей, получают в основном хорошие и отличные баллы. Результаты исследования показали, что выявлена статистически значимая положительная корреляция между уровнем мотивации одобрения и средним баллом успеваемости (коэффициент Пирсона составляет 0,83). По результатам можно сделать вывод, что у участников исследования, которые имеют низкую самооценку, мотивация одобрения связана с успешностью обучения в университете.

23% обучающихся студентов имеют среднюю самооценку. Средняя самооценка – это совпадение ожиданий относительно своих возможностей и реальных возможностей. Студенты с данным уровнем самооценки имеют низкую мотивацию одобрения. Такие студенты имеют низкий уровень потребности в одобрении со стороны других людей. Балл успеваемости участников исследования составляет от 81 до 98 (из 100). Результаты исследования позволяют сделать вывод, что выявлена статистически значимая положительная корреляции между уровнем мотивации одобрения и средним баллом успеваемости. Это означает, что низкий показатель мотивации одобрения связан с высокими баллами в университете (коэффициент Пирсона – 0,61).

По результатам корреляционного анализа видно, что выдвинутая нами гипотеза о том, что мотивация одобрения связана с успешностью обучения при условиях низкой и средней самооценки, а у студентов с высокой самооценкой влияние мотивации одобрения незначительно, получила подтверждение.

Таким образом, мы можем сделать выводы, что студенты, которые имеют высокую самооценку, ставят перед собой цели, которые сложно достичь. Они не особо успешны в учебной деятельности. Отрицательная корреляция означает, что для обучающихся неважно, хвалят их или нет. При этом студенты, которые имеют низкую самооценку, не очень уверены в себе и постоянно сравнивают себя с другими людьми. Студенты с заниженной самооценкой чувствует себя плохим и недостойным успеха. Но они успешны в обучении. Чем выше баллы мотивации одобрения по шкале Марлоу и Крауна, тем выше баллы за летнюю сессию у участников исследования. И, наконец, студены, которые имеют нормальную самооценку, знают свои сильные и слабые стороны, успешны в учебной деятельности, ориентируются в основном только на хорошие оценки. Это значит, что мотивация одобрения связана с успешностью обучения у студентов со средней самооценкой.

Литература

1. *Аманжолова А.Е.* Проблемы и пути повышения учебной мотивации студентов // Науки и образование сегодня, 2018. №1. С.87-90. [Электронный ресурс]. URL: https://infourok.ru/problemi-i-puti-povisheniya-uchebnoy-motivacii-studentov-1461930.html/ (дата обращения: 10.04. 2020).
2. *Воронин А.С.* Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. 135 с.
3. *Губин В.А., Акулов А.О.* Взаимосвязь учебно-профессиональной мотивации и успеваемости студентов разных курсов педагогического университета//Психопедагогика в правоохранительных органах, 2017. № 4(71). –С.40-45. URL: https: //pp.omamvd.ru/wp-content/uploads/2019/11/2017pp0407.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
4. *Соломченко М.А*. Проблемы мотивации, влияющие на учебную деятельность студентов вуза // Гуманитарные науки. Педагогика и психология, 2009. №1. С.36-40. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-motivatsii-vliyayuschie-na-uchebnuyu-deyatelnost-studentov-vuza/viewer (дата обращения: 10.03.2020).

Я-концепция младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в контексте адаптации

Адеева Т.Н.
ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
adeeva.tanya@rambler.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00768А)

Обращение к данной проблеме обусловлено необходимостью понимания специфики формирования личности при различных вариантах дизонтогенеза. Наличие ограниченных возможностей здоровья имеет важное значение для формирования различных сторон личности человека, специфики самооценки, самоотношения. Одной из общих закономерностей развития при различных вариантах дизонтогенеза является риск возникновения социальной дезадаптации.

Формирование Я-концепции в условиях ограниченных возможностей здоровья имеет свои особенности. Отмечается влияние условий на этапы формирования Я-концепции в целом и отдельных ее компонентов [1; 2; 3]. Результаты исследования самооценки и самоотношения у детей и подростков с различными вариантами дизонтогенеза довольно противоречивы [2; 3; 4].

Методики исследования: методика «Расскажи о себе» А.М. Щетининой (2000). Методика «Социальный атом» Я.Л. Морено (2001), «Карта наблюдений» Д. Стотта (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, 1991).

Выборку исследования составили 83 младших школьника: 24 человека с нарушениями зрения, 33 человека с тяжелыми нарушениями речи, 15 человек – с задержкой психического развития, 12 человек с нарушениями слуха.

Компоненты Я-концепции младших школьников разных групп имеют определенную специфику. Статистически значимые отличия наблюдаются по параметрам определения ребенком своих личностных качеств, роли в семье, оценки гендерной принадлежности. Дети с нарушениями слуха (НС) демонстрируют наименьшую сформированность представлений о себе по сравнению с детьми с нарушениями зрения (НЗ, $U=18$ $p<0,000$), с задержкой психического развития (ЗПР, $U=78$ $p<0,000$). Респонденты с нарушениями слуха чаще всего характеризуют себя как «добрых», испытывают затруднения при определении своих умений, навыков. У младших школьников с нарушениями слуха ниже степень осознания своих качеств по сравнению с детьми с нарушениями зрения (U=46,5

p<0,000), детьми с ТНР (U=63 p<0,000), детьми с ЗПР (U=16,5 p<0,000). Результат обусловлен, вероятно, трудностями использования речи.

В группе детей с НЗ отмечена статистически значимая разница по параметрам оценки роли в семье по сравнению с детьми с ТНР (U=119,5 p<0,000), с детьми с ЗПР (U=49,0 p<0,000), детьми с НС (U=57 p<0,004). Младшие школьники с ТНР дают наибольшее количество ответов, определяющих свое положение и отношения в семье. Кроме того, ответы данной группы респондентов отличаются достаточным разнообразием: «я добрый; заботливый; защищаю маму; мне дарят подарки; на речку ездим; в огороде помогаю». Дети с ЗПР дали характеристику своего положения в семье, однако содержание ответов отличается стереотипностью: «я хороший; добрый; послушный». Еще меньшее разнообразие ответов наблюдается в группе детей с нарушениями слуха. Примерно 67% детей с НЗ затруднились дать ответы на вопросы, что может быть обусловлено спецификой семейных и детско-родительских отношений, но требует проверки в дальнейшем.

В группе детей с НЗ получена статистически значимая разница по параметру оценки гендерной принадлежности по сравнению с детьми с ТНР (U=152,5 p<0,000), с детьми с ЗПР (U=64,5 p<0,000), с детьми с нарушениями слуха (U=61,5 p<0,006). Около 33% респондентов назвали поведенческие и деятельностные отличия мальчиков и девочек. Наибольшие трудности вызвала формулировка внешних отличий, что может быть обусловлено зрительным дефектом.

В ходе исследования выявлены особенности показателей адаптации – дезадаптации младших школьников. По критерию Краскела-Уоллиса статистически значимые различия выявлены по показателям Д (Депрессия) (p<0,0121), ВВ (Враждебность по отношению к взрослым) (p<0,0002), Б (Болезни и органические нарушения) (p<0,0000). С точки зрения экспертов (по методике Стотта) менее благополучной является группа детей с ТНР и НС. Вероятно, в отношении детей с НС это обусловлено трудностями речевой коммуникации, объем которой существенно возрастает в начальной школе. В отношении младших школьников с ТНР результат может быть связан с завышенными требованиями к детям вследствие специфики дефекта. С помощью критерия Спирмена выявлены корреляционные связи (p<0,05) между показателями Д (Депрессия), ВВ (Враждебность по отношению к взрослым) и оценкой себя в семье, оценкой гендерной принадлежности. Эти результаты требуют анализа промежуточных факторов. В группе детей с НС статистически выше значимость в системе взаимодействия фигур бабушки (U=37,5

p<0,008), дедушки (U=45 p<0,028), других родственников (U=45 p<0,028) по сравнению с детьми с ЗПР и ТНР (U=33,5 p<0,000; U=79 p<0,001; U=109,5 p<0,021). В группе детей с НС ниже значимость друзей (U=27,5 p<0,000), одноклассников (U=90 p<0,000) по сравнению с детьми с ТНР и ЗПР (U=8 p<0,000; U=36 p<0,007).

Полученные результаты могут быть использованы в определении мишеней коррекционного воздействия.

Литература

1. *Конева И.А., Кузнецова К.Э.* К проблеме образа Я и самооценки младших школьников с задержкой психического развития [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. С. 149–156. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=23668 (дата обращения: 16.04.2020).
2. *Кухарчук О.В.* Самосознание как необходимое условие социализации дошкольников с задержкой психического развития // Социализация и реабилитация в современном мире: сборник научных статей под ред. под редакцией Нестеровой О.Е., Шамионова Р.М., Шиповой Л.В., Пяткиной Е.С., Коноваловой М.Д. – 2017. – С. 179-184.
3. *Papadopoulos K.* The impact of individual characteristics in self-esteem and locus of control of young adults with visual impairments // Research in Developmental Disabilities. 2014. № 35. P. 671–675.
4. *Pinquart M., & Pfeiffer J.P.* Identity development in German adolescents with and without visual impairments // Journal of Visual Impairment & Blindness. 2013. V. 107. № 5. P. 338–349.

Изучение ценностных ориентаций казахстанской студенческой молодежи как одна из проблем социальной психологии

Аймаганбетова О.Х., Адилова Э.Т.

КазНУ им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан

alnara25@mail.ru, elnura.adilova@mail.ru

Проблема изучения ценностных ориентаций студенческой молодежи как одна из проблем социальной психологии приобрела значимость в Казахстане лишь в последние годы. Этой проблемой

занимались Д.Т. Ихсанова, Ж.К. Айдосова, Д.Б. Ахметова, Н.К. Сатыбалдина и др.

Проведенное исследование Д.Т. Ихсановой и А.Б. Аймаганбетовым показало, что современная казахстанская молодежь в процессе социализации вынуждена опираться не на опыт предыдущих поколений, а на новый социальный опыт. По мнению авторов, вследствие этого, современная казахская молодежь, прежде всего, стремится «найти себя в жизни». Поэтому, определяя свои ценности, они отметили «умение найти себя в жизни» в качестве самой важной ценности.

Кроме того, исследование показало, что также значимыми ценностями являются проблема «поиска себя», здоровье и материально обеспеченная жизнь [4, с.23-33].

По мнению Д.Т. Ихсановой, именно ценностные ориентации, сформированные в юношеском возрасте, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и тем самым в определенной мере детерминируют ее поведение [5].

Исследование ценностных ориентаций и коммуникативных проблем студентов было проведено Ж.К. Айдосовой, Д.Б. Ахметовой под руководством А.М. Ким, которое выявило преобладание у студентов казахстанских вузов ориентации на ценность социализации (60%), на втором месте расположились ценности адаптации (33%) и на последнем месте – ценность индивидуализации (7%). Полученные результаты позволили авторам сделать вывод, что для студентов характерен конвенциональный уровень развития моральных суждений и ценностей [1, с.30-33].

Алматинские психологи Н.К. Сатыбалдина, Р.Ж. Ургалиев, проводя исследование гендерных особенностей жизненных ценностей современной молодежи, описали гендерные особенности жизненных ценностей современной молодежи в контексте культурных синдромов, выделенных Г. Хофстеде. Опираясь на параметры «маскулиность – феминность», исследователи увидели, что молодые люди с феминным типом гендерной идентичности направлены на соблюдение обычаев и традиций, уважения к ним и их принятие. Что касается молодых людей с маскулинным типом гендерной идентичности, то у них значительно сильнее выражено стремление к достижению личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами [7, с.19-22].

А.К. Игибаева, изучая ценностные ориентации студентов и магистрантов, выделила условия, обеспечивающие успешность формирования их ценностного компонента. Проведённое автором исследование, позволило ей выделить среди наиболее значимых

ценностей профессиональной деятельности студентов - стремление к саморазвитию, получению новых знаний (31,20 %), которая напрямую связана с отношением к дальнейшему карьерному росту (27,32 %). Для студентов также характерно преобладание мотивов личного благополучия, стремление к личному первенству, к установлению доверительных отношений с окружающими (сокурсниками, преподавателями, друзьями) [3, с.160-163].

К.Б. Сейдулаев провел исследование ценностных ориентаций у студентов педагогического вуза, автором был использован портретный ценностный вопросник («Portrait Values Questionnaire») Ш. Шварца. В ходе исследования были получены следующие результаты: наиболее значима для студентов ценность «Стимуляция», второе место занимает «Доброта» и третьей по предпочтениям является ценность «Самостоятельность». В нижней части ценностной иерархии находятся ценности «Традиции», «Власть» и «Конформизм». Приоритет ценности «Стимуляция» в группе студентов отражает потребность в поддержании оптимального уровня активности в новом социальном статусе [8, с.162-165].

Р.М. Шамионов, изучая установки двух национально-этнических групп – представителей казахского и русского этносов, провел исследование групповых ценностных ориентаций в кросс-культурном аспекте с помощью методики «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой. Полученные результаты показали, что более половины (54%) ценностей значимо различаются в зависимости от этнической принадлежности. Исследование показало, что в оценках казахов больше выражены «взаимовыручка», «дисциплинированность», «миролюбие», «верность традициям», «осторожность», «уважение власти», «самостоятельность», «устремленность в будущее», «уступчивость». В оценках русских более выражены «агрессивность», «склонность к риску», «недоверие к власти». Что касается таких ценностей, как «открытость», «сердечность», «миролюбие», которые определяют представителей казахского и русского этносов с точки зрения теплоты и добросердечия, то они занимают высокое положение в иерархии ценностей обеих исследуемых групп. Полученные результаты исследования позволили Р.М. Шамионову сформулировать вывод о наличии схожих ценностных оснований для установления позитивных взаимоотношений [10, с.12].

Л. Касым в рамках диссертационного исследования «Психологические аспекты ценностных ориентаций казахстанской молодежи», проведенное под руководством профессора PhD Сабы Сафдар провела большую экспериментальную работу по изучению

ценностных ориентаций с помощью авторской модификации опросников ценностей Ш. Шварца и опросника «Социальных аксиом» М. Бонда и К. Леунга для казахстанской выборки, а также с применением современных инновационных компьютерных технологий. Проведенное исследование показало наличие особенностей в групповых представлениях студенческой молодежи о системе значимых и ведущих ценностей, определяющих этническое своеобразие казахского и русского этносов [6].

Анализ факторных структур представителей казахской и русской выборок показал, что в выборке юношей-казахов выявлена установка на семью как на терминальную ценность. Представители казахского этноса характеризировались готовностью к пониманию чужой точки зрения, к уважению вкусов, обычаев и привычек, терпимостью к другим взглядам и мнениям. В выборках казахов, как юношей, так и девушек выявлена творческая направленность личности, стремление к самореализации и личностному росту, к профессиональной самореализации. Для достижения своих жизненных целей казахи, как юноши, так и девушки, старались реализовывать такие качества, как трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность. Для них также характерна потребность в эмоциональной поддержке со стороны окружающих [6].

Выборка русских юношей и девушек отличалась активным стремлением к самореализации, самодостаточности, уверенностью в своих силах и возможностях, свободой от внутренних противоречий и сомнений, умением принимать рациональные решения, стремлением к общественному признанию, высоким уровнем притязания. Итак, результаты проведенного исследования ценностных ориентаций показали наличие особенностей в групповых представлениях студенческой молодежи о системе значимых и ведущих ценностей, определяющих этническое своеобразие казахского и русского этносов [11, с. 3-13].

Исследование ценностных ориентаций, проведённые А.С. Ахметовой и Н.Р. Салиховой на казахской выборке, показали, что у казахов семейные ценности – как соблюдение семейных традиций, культ счастливой семейной жизни по значимости ценятся выше, чем активная деятельная жизнь или интересная работа. Авторы считают, что в этих ценностях раскрывается этническая особенность народа, у которого, семья, уважение и почитание старших всегда занимали особое место в их культуре [2, с.11-12].

Н.А. Ткачева и Р.С. Баймухаметова также показали, что казахстанские студенты в целом считали: чтобы состояться в жизни, им, прежде всего, нужно быть «хорошими людьми» – преданными

своей семье, партнеру, друзьям и работодателю, а также научиться брать на себя ответственность. При этом наименьшая значимость в их ориентирах отводилась карьерному росту и высшему образованию, хотя они и выражали большое желание обрести диплом и получать высокие доходы, считая эти два фактора взаимосвязанными [9, с.134-139].

Таким образом, проведённый анализ исследований показал, что в Казахстане за весь период реформирования до сих пор не сложилась позитивная система ценностей, способная сплотить представителей всех этнических, социальных, возрастных групп, проживающих здесь. Поэтому в современной социальной психологии особую актуальность приобретает проблема изучения психологических особенностей ценностных ориентаций студенческой молодежи.

Литература

1. *Айдосова Ж.К., Ахметова Д.Б., Ким А.М.* Исследование ценностных ориентаций и коммуникативных проблем студентов // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2011. №2(37). С.30-33.
2. *Ахметова А.С., Салихова Н.Р.* Этнические особенности ценностей в казахско-язычной выборке // Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе: матер. IV Всерос.науч. конф. / ред. В.В. Находкина, М.М. Прокопьевой, Т.Ю. Ковтун. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С.11.
3. *Игибаева А.К.* Ценностные ориентации современной молодежи в современных условиях (на примере вузов Казахстана) // Международный журнал экспериментального образования. - 2013. №4. С.160-163.
4. *Ихсанова Д.Т., Аймаганбетов А.Б.* Социально-психологические особенности развития ценностных ориентаций в юношеском возрасте // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2013. №2. С.23-33.
5. *Ихсанова Д.Т.* Социально-психологические особенности ценностных ориентаций в зрелом возрасте // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2016. №3. С.13-23.
6. *Касым Л.* Психологические аспекты ценностных ориентаций казахстанской молодежи: Дис. доктора философии (PhD). Алматы, 2015.
7. *Сатыбалдина Н.К., Ургалиев Р.Ж.* Гендерные особенности жизненных ценностей современной молодежи // Вестник

КазНУ. Серия психологии и социологии. 2011. №3(38). С.19-22.
8. *Сейдулаев К.Б.* Исследование ценностных ориентаций у студентов педагогического вуза // Вестник КазНПУ. 2013. №1 (34). С.162-165.
9. *Ткачева Н. А., Баймухаметова Р.С.* Ценностные ориентации казахстанской молодежи. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. С.134-139. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139.)
10. *Шамионов Р.М.* Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // Психологические исследования. 2014. Т. 7, №35. С. 12 // http://psystudy.ru (дата обращения: 14.10.2015).
11. *Kassymova L.S., Aimaganbetova O.H., Yermekbaeva M.K.* Anexamination of values and social beliefs of Kazakhstani youth // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. 2014. №2(49). С.3-13.

Проблема изучения мотивационного аспекта зависти в современной социальной психологии

Айметдинова О.В., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
olgaaymetdinova@gmail.com

Зависть по сути своей имеет, безусловно, социальную природу и проявляет себя в индивидуальности человека. Испытывать зависть в процессе взаимодействия человек может ввиду необходимости ориентироваться на «Другого». Зависть присуща всем людям и сопровождает человечество с самого начала истории его развития.

В обыденном сознании (т.е. имплицитно) зависть обычно воспринимается негативно: люди не хотят прослыть завистниками, да испытывать на себе чувство зависти другого человека не слишком приятно. К сожалению, опыт это подтверждает.

В научной литературе можно обнаружить противоречивые взгляды на природу это феномена и его место в психике человека. Ввиду различных позиций и подходов исследователей, на данный момент существуют множество трактовок понятия «зависть» и неоднозначная оценка этого социально-психологического феномена.

По мнению ряда авторов, у зависти два полюса – положительный и отрицательный. Уже в Древней Греции философы наряду с

деструктивной выделяли и конструктивную зависть. Например, агон (борьба, состязание) побуждал к соревнованию и появлению мотива усовершенствования личности. Р. Декарт разделял зависть на справедливую и несправедливую, И. Кант на «белую» и «черную» [7; 8].

Положительные «стороны» зависти морально оправданы и связаны с восхищением, проявляются в соревновательности, стремлении к успеху и превосходству. По мнению Э.М. Мамедовой, «согласно различным социально-политическим, экономическим, психологическим концепциям лидерства превосходство составляет сущностную черту личности лидера и моделируется в процессах принятия решений» [6, с.3].

Отрицательная сторона зависти, однако, больше интересует исследователей. Рассматривая проявления зависти, многие авторы отмечают, что у зависти есть негативные индивидуальные, межличностные и коллективные последствия [1; 2; 7; 8; 11].

Так, например, завистливое отношение к кому-либо переживается как комплекс состояний (печаль, ярость, отчаяние, слабость, угнетенность) и тесно связана с такими отношениями как ненависть, враждебность, ревность и презрение.

Зависть довольно сложно дифференцировать от других эмоций и чувств, она переплетается с другими эмоциональными проявлениями – ревностью, враждебностью, тщеславием, стыдом, потому что все в этой богатой палитре состояний тесно связаны между собой [9].

Зависть интерпретируется как «эмоция», «чувство», «страсть»; как «личностная характеристика»; «деструктивное отношение»; и даже как «проявление мотивации достижения».

При всем многообразии трактовок зависти наиболее полным и убедительным является понимание зависти как когнитивно-эмоционально-мотивационного комплекса [5]. В когнитивной сфере изменения продиктованы возникшим представлением о более высоком положении другого, базирующемся на социальном сравнении. В эмоциональном плане переживание зависти сопровождается разрушительными эмоциями досады, грусти, гнева и проч. Мотивационный компонент связан с побуждением выразить в действиях как разрушительные тенденции, так и поведение, направление на достижение желаемого – того, чем уже обладает объект зависти.

Изучение мотивации или мотивационных составляющих всегда связано с необходимостью выявлять и анализировать причины и факторы, инициирующие активность человека. От того, на что человек направляет свои усилия в процессе деятельности, зависит,

какой тип мотивации для него более характерен – мотивация, ориентированная на достижения, или мотивация, помогающая избежать неудач.

Мотивация достижения связана с наилучшим выполнением разного вида деятельности, ориентированной на достижение определенного результата, к которому, в свою очередь, применим критерий успешности. Проявляется мотивация достижения в готовности человека прилагать больше усилий и достигать наилучших результатов в значимой для себя области [3]. Там, где присутствует деятельность, ориентированная именно на результат, мотивация достижения имеет наивысшее значение. Здесь мы имеем в виду учебную и профессиональную деятельность. Отдельно исследователи выделяют спортивную деятельность в силу ее содержания и ведущих соревновательных принципов [10].

В отечественной психологии мотивации наиболее разработанной областью является мотивация в учебной деятельности. Используемые методики обычно подразумевают измерение двух противоположных тенденций – «мотивации достижения» и «мотивации избегания неудач». Так, Е.В. Гончарова предприняла попытку выявить особенности соотношения мотивации достижения и компонентов зависти в своей работе «Взаимосвязь зависти и мотивации достижения у студентов» [4].

Используемые в исследовании методики позволили получить результат, наглядно показавший, что зависть-неприязнь в отличие от зависти-уныния имеет положительную связь с мотивацией достижения. Был сделан вывод, что для активации мотивации достижения зависть может быть даже полезна. Речь идет о том виде зависти, который основан на аффективных негативно окрашенных чувствах. Другими словами, зависть как мотив может рассматриваться как весьма конструктивный для развития личностного потенциала и профессиональной деятельности.

Ввиду недостаточности исследований зависти как мотивирующей составляющей, необходимой для развития личности, формирования направленности на достижения и успешную деятельность, проблема изучения зависти становится особенно актуальной.

Литература

1. *Бескова Т. В.* Особенности проявления зависти в межличностном взаимодействии субъектов // Психологический журнал. – 2010. – №5. – С. 103-108.
2. *Бескова Т.В. и Шамионов Р.М.* Особенности субъективного благополучия субъектов зависти и соперничества //

Российский психологический журнал. – 2011. – Т.8. – №2. – С. 9-18.
3. *Виндекер О.С.* Структура и психологические корреляты мотивации достижения: Автореф. дис. канд. психол. наук. Екатеринбург, 2010
4. *Гончарова Е.В.* Взаимосвязь зависти и мотивации достижения у студентов // Акмеология. – 2019. – 1 (69). – С. 22-26.
5. *Кочетова Т. В., Кукушкина А Н.* Социально-психологические и философские аспекты исследования зависти: проблемы и перспективы исследования // Социальная психология и общество. – 2012. – № 3. – С. 8-12.
6. *Мамедова Э.М.* Феномен зависти: социальные и личностные основания (социально-философский анализ): Дис. канд. филос. н. Тверь, 2018
7. Муздыбаев К. Завистливость личности // Психологический журнал. – 2002. – №6. – С. 38-50.
8. Муздыбаев К. Психология зависти // Психологический журнал. – 1997. Т. – 18 №6. – С. 3-12.
9. *Пилишина А.В., Иванов Е.А.* Социально-психологические аспекты зависти в зарубежной психологической литературе: к постановке проблемы исследования // Экономика образования. – 2015. – № 2. – С. 146–151.
10. *Портных Ю.И.* Воспитательное влияние психологии побед и поражений в спорте // Спортивная психология в трудах отечественных специалистов: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. И. П. Волкова. – СПб.: Питер, 2002. – С. 202-210.
11. *Розенова М.И.* Феноменология зависти // Психология и психотехника. – 2013. – №10 (61). – С. 961-972.

Представления о приемном ребенке у социальных воспитателей и кровных опекунов

Алдашева А.А., Зеленова М.Е.
ФГБНУ ИП РАН, Москва, Россия
aigulmama@mail.ru, mzelenova@mail.ru

Работа выполнена по ГЗ № 0159-2020-0001

Научное наследие М.Ю.Кондратьева является важным вкладом в изучение актуальных проблем социальной психологии. Среди его трудов большое место принадлежит работам, посвященным

психологии малых групп и психологии социального восприятия Особую актуальность для решения социальных проблем настоящего периода имеют исследования М.Ю. Кондратьева, направленные на выявление структуры и стратификации групп детских домов и интернатов, изучение «отношений межличностной значимости» в диадах «взрослый – ребенок» и «ребенок – ребенок», выявление авторитета взрослого и восприятие педагогами социальных учреждений детей-сирот [3]. Возникновение в России новых форм усыновления и передача социальных сирот в приемные семьи, осуществляющие воспитательные функции на основе трудового договора за материальное вознаграждение привело к появлению новой профессии, получившей название «социальный воспитатель». Повсеместное распределение детей-сирот в семьи подобного типа обнаружило множество серьезных проблем, среди которых нередки насилие и агрессия по отношению к детям и др. Встал вопрос о более тщательном отборе желающих стать социальными воспитателями [4].

Целью представленного эмпирического исследования выступило изучение особенностей социальных представлений о приемном ребенке в сознании разных категорий приемных родителей.

Исследование проводилось на базе ГБУ Центр «Детство». Выборку составили приемные родители (социальные воспитатели) с разным количеством детей и замещающие родители – родственники приемных детей (кровные опекуны). Вся выборка была разбита на 3 подгруппы: 1) ПР1 - приемные семьи с 1-2-мя детьми»; n= 48, M= 50,57±11,04 лет; 2) ПР2 - приемные семьи, усыновившие более 3-х детей; n= 30, M= 50,71±7,50 лет; 3) КО - «кровные опекуны», n= 32, M= 58,45±9,79 года.

Применялась вербальная часть «Методики изучения образа человека» СОЧ(И) В.Л. Ситникова. Респондентов просили письменно перечислить и ранжировать качества приемного ребенка («хорошего-плохого», «девочки-мальчика»). При обработке понятийных рядов методом контент-анализа была получена структура образа ребенка, состоящая из 7 компонентов, выделенных Ситниковым: 1. «Волевой» («В»); 2. «Деятельностный» («Д»); 3. «Интеллектуальный» («И»); 4. «Поведенческий» («П»); 5. «Социальный» («С»); 6. «Телесно-физический» («Т»); 7. «Эмоционально-личностный» («Э»). Кроме того, нами были выделены еще две единицы анализа: «Вредные привычки» («ВП») и «Ценность семьи» («ЦС») [5].

Математико-статистические методы включали частотный анализ, корреляционный анализ (τ-Кендалла), сравнительный анализ (*U*-Манна-Уитни, χ^2).

Результаты исследования.

1. Количественный анализ ранжированных понятийных рядов показал, что наполненность образа приемного ребенка позитивными характеристиками у всех приемных родителей в 1,5 раза больше, чем негативными (Р<0,05). Результаты обработки подтвердили выводы В.Л. Ситникова о существовании гендерных различий восприятия детей: образ ребенка (мальчика и девочки) у приемных отцов является более полным, в то время как приемные матери имеют менее сформированный образ мальчика.

2. Анализ компонентной структуры образа ребенка показал, что в его структуре у всех групп приемных родителей (ПР1, ПР2 и КО) преобладают «Социальные» и «Поведенческие» компоненты, а «Телесно-физические» и «Эмоциональные» являются наименее выделяемыми и занимают нижние ранговые позиции.

3. Обработка результатов анкетирования показала, что понятия, составляющие показатель «Ценность семьи» («привязан к семье», «нет ценности семьи» и др.) присутствуют только в описаниях приемного ребенка в группах ПР1 и ПР2 и не встречаются у КО.

4. Компонентная структура образа «хорошего» ребенка идентична у респондентов ПР1, ПР2 и КО. Образ «плохого» приемного ребенка коррелирует у родителей ПР1-ПР2, а также ПР1-ОК и различен у ПР2 и КО. Основные различия касаются характеристик, составляющих компоненты «П», «В», «И» и «Э»: кровные опекуны чаще используют характеристики, отражающих поведенческие и волевые особенности, у многодетных приемных родителей больше характеристик интеллектуальной и эмоциональной сферы «плохого» приемного ребенка(Р<0,05).

5. Сравнение образов «хорошего-плохого» ребенка внутри каждой из выделенных групп показало, что представления о хорошем и плохом ребенке не совпадает внутри групп ПР1 и КО; у многодетных приемных родителей образы плохого и хорошего ребенка одинаковы (Р<0,01). Опираясь на результаты наших предыдущих исследований [1;2] и данные Ситникова [5], можно предположить, что ПР2 слабо включаются эмоционально в воспитательный процесс, что, в свою очередь, может способствовать формальному отношению к обязанностям по воспитанию детей-сирот.

Таким образом, исследование позволило выявить особенности представлений о приемном ребенке у родителей с разной формой усыновления и обнаружить некоторые тревожные факты, требующие дополнительного изучения и анализа.

Литература

1. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е.* Профессиональный менталитет как ресурс успешности социальных воспитателей // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 23-47.
2. *Алдашева А.А., Гуцыкова С.В., Зеленова М.Е.* Профессиональный менталитет как регулятор деятельности социальных воспитателей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 20–36. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-2-20-36.
3. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М. : ПЕР СЭ, 2006.
4. *Мисник Л.* Родителей выбирают небрежно: систему опеки ждут реформы // ГАЗЕТА.RU. URL: https: // www.gazeta.ru/social/2018/08/16/11898325.shtml.
5. *Ситников В.Л.* Образ ребенка в сознании детей и взрослых. Спб.: Химиздат, 2001.

Деятельность педагога-психолога по обеспечению получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции

Алибекова С.В., Сидоренко О.А.
КГАУ ДПО КК ИПКиППРО, Красноярск, Россия
alibekova@kipk.ru, sidorenko@kipk.ru;
Красова В.В.
КМДКБ №1, Красноярск, Россия
Viktoria19832007@yandex.ru

В свете принятия мер по предупреждению распространения коронавирусной инфекции в России, все образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность начального, основного общего, среднего общего образования с конца марта – начала апреля 2020 г. перешли на реализацию образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Переход на дистанционное обучение с требованием сохранения качества образования и реализации образовательных программ в полном объеме вызывает множество вопросов, среди которых и деятельность специалистов психолого-педагогического

сопровождения учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), в частности – деятельность педагога-психолога. Обеспечение качественного сопровождения детей дистанционно может быть осложнено следующими трудностями:

- слабое владение компьютером и дистанционными образовательными ресурсами учащихся и их родителей;
- отсутствие или недостаточность технических средств в домашних условиях;
- невозможность оказания непосредственной помощи учащемуся педагогом-психологом;
- высокая зависимость включенности родителей в образовательный процесс;
- индивидуальные противопоказания детей с ОВЗ к работе за компьютером.

Обучение с использованием дистанционных технологий позволяет применять многообразие различных форм подачи развивающе-учебных материалов, которые могут быть использованы педагогом-психологом:

- дидактический материал (варианты заданий, таблицы, памятки, схемы, чертежи, демонстрационные таблицы);
- наглядный материал (рисунки, фотографии, картинки, схемы, презентации);
- текстовый материал (методические пособия, статьи, книги, учебники);
- видеоматериалы (видеоролики, видеоуроки, вебинары, видео-консультации);
- аудиоматериалы (музыка, аудиозаписи, голосовые сообщения);
- диагностические материалы (проверочные тесты, контрольные задания, карточки).

При составлении расписания ребенка с ОВЗ, в соответствии с Методическими рекомендациями от 19.03.2020г. № ГД-39/04 в разрабатываемых и корректируемых локальных актах (приказах, положениях) необходимо учесть возможность обучения детей с ОВЗ по расписанию не обязательно идентичному оффлайн-расписанию, но обязательно соответствующее учебному плану ребенка [1, с.2]. В свою очередь, в учебный план, рабочие программы, адаптированные образовательные программы, специальные индивидуальные программы развития ребенка необходимо внести изменения с учетом новых форматов обучения и технических средств.

Важно учитывать также, что, в соответствии с требованиями СанПиН, для учеников 1-4 классов время за компьютером на уроке не

должно превышать 15-ти минут, для учеников 5-7 классов – 20 минут, для учеников 8-9 классов – 25 минут, для старшеклассников 10-11 классов на первом часу учебных занятий – 30 минут и на втором – 20 минут [2]. Однако для слабовидящих обучающихся начального общего образования при различных видах учебной деятельности продолжительность непрерывной зрительной нагрузки не должна превышать 10 минут; для слабовидящих обучающихся, осваивающих образовательные программы основного общего и среднего образования – не более 15 минут [3]. В связи с необычностью сегодняшней ситуации в стране, рекомендация СанПиН не проводить внеучебных занятий за компьютером чаще 2 раз в неделю общей продолжительностью для обучающихся 2-5 классов – не более 60 минут, а для обучающихся 6-х классов и старше – не более 90 минут, не может быть исполнена, но должна быть учтена.

Основу образовательного процесса при дистанционном обучении составляет целенаправленная и контролируемая интенсивная самостоятельная работа самого обучаемого и контроль родителями, которая происходит, в основном, за компьютером посредством интернет-ресурсов. Поэтому одним из необходимых аспектов решения проблем, является преодоление дефицита владения компьютером и дистанционными образовательными ресурсами у родителей и учеников, а иногда и у педагогов.

Множество сложностей и трудностей реализации образовательной программы детей с ОВЗ, в частности коррекционно-развивающей ее части, могут решиться более успешно при большой включенности и активности родителей в образовательный процесс. От родителей (лиц их заменяющих) зависит:

- обеспечение ребенка необходимой электронной техникой. Если ее нет в наличие, то семья может обратиться в школу или учредителю образовательной организации за предоставлением во временное безвозмездное пользование гаджетом (смартфон, планшет, ноутбук и др.). Об этом же говорит и статья 16 части 3 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Если такой помощи ни школа, ни учредитель предоставить не может, совместно обсуждается, каким другим путем будет проводиться образование ребенка с ОВЗ;
- совместно с педагогами обдумывание режима дня ребенка и обеспечение соблюдения режимных моментов;
- предоставить ребенку рабочее пространство и «тихое» время для обучения;

- взять на себя роль помощника в обучении ребенка, т.е., получив инструкцию от педагога, оказывает необходимую ребенку с ОВЗ помощь в процессе обучения;
- контроль фактического присутствия учащегося в назначенное время на дистанционном уроке и своевременное выполнение учащимся домашнего задания. Однако помимо контроля, помощь в выполнении заданий, если это предписано и рекомендовано педагогом;
- предварительное оповещение школьного учителя (или другое уполномоченное лицо) об отсутствии по уважительной причине учащегося на онлайн уроке в назначенное время.

При таком тесном взаимодействии следует собрать заявление или согласие от каждого родителя (законного представителя) на реализацию образовательной программы с полным или частичным использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Разумеется, в этом согласии/заявлении, предупрежденные родители (законные представители), расписываются в том случае, если у их ребенка с ОВЗ, в том числе ребенка-инвалида, не имеется противопоказаний для работы на компьютере. В противном случае участниками образовательных отношений также будут обсуждаться альтернативные возможности обучения на расстоянии (Viber, WatsApp и др.).

Литература

1. Письмо Минобрнауки от 19.03.2020г. № ГД-39/04 «Методические рекомендации по реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий».
2. СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы».
3. СанПиН 2.4.2.3286-15 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения и воспитания в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья».

Психологический тренинг как ключевой метод ресоциализации осужденных-инвалидов

Алигаева Н.Н., Леонова Е.В.
ФГБОУ ВО КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
nigar-0520@mail.ru

Ресоциализация – это процесс воздействия на осужденных с целью устранения негативных последствий их изоляции и включения в позитивные социальные связи, начинающаяся с подготовки к освобождению в исправительном учреждении и продолжающаяся социальной адаптацией после него [7]. Как мы видим из данного определения, важную роль играет восстановление социально-значимых связей, в основе которых лежат коммуникативные процессы и способность устанавливать межличностное взаимодействие. В исправительном учреждении у осужденных формируется свой стиль общения друг с другом, в основе которого лежит тюремная субкультура. Это сильно затрудняет установление здоровых отношений после освобождения.

В местах лишения свободы содержатся осужденные, относящиеся к различным категориям и социальным статусам. Каждому требуется индивидуальный подход в процессе подготовки к освобождению. Но трудность заключается не только в том, что человека сложно вернуть в общество, но и в том, что он может не желать возвращения или не быть готовым к этому [4].

Многие исследователи отмечают, что в настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся большое количество людей, страдающих различными острыми и хроническими заболеваниями, в основном социально значимыми и в тяжелой форме, что чаще всего приводит к возрастанию случаев инвалидности среди осужденных. Это вызывает не только трудности в принятии своего нового медицинского статуса, но проблемы с адаптацией к условиям исправительного учреждения [2].

Д.В. Андерсен отмечает, что постановка проблемы адаптации осужденных-инвалидов тесно связана с еще одной, не менее значимой социально-педагогической проблемой – их исправление и дальнейшая ресоциализация [1].

М.А. Мантахаева выделяет три основных этапа подготовки к освобождению. Один из значимых, первый, непосредственно связан с необходимостью проводить лекции и собрания, на которых будут выяснять, с какими трудными жизненными ситуациями они сталкивались. В психологическом тренинге это позволит обыграть

данные ситуации и самим осужденным найти способы выходы из возникших затруднений [5].

Осужденным-инвалидам необходимо научиться уметь находить баланс между позитивными и негативными эмоциями, а также управлять своим актуальным эмоциональным состоянием. Эмоции и чувства плохо поддаются волевой регуляции. Мы не можем требовать от осужденного-инвалида не переживать то, что он переживает, чувствует, мы можем только незначительно ограничить проявления отрицательных эмоций.

В психологическом тренинге важно использование элементов арт-терапии (музыкотерапия, изотерапия, библиотерапия, кинезотерапия), что позволяет человеку выплеснуть все накопившиеся негативные эмоции и стабилизировать эмоциональное состояние [3].

Т.А. Маркова провела масштабное исследование ценностно-смысловой сферы осужденных-инвалидов, а также разработала и апробировала психокоррекционную программу, в основе которой – психологический тренинг. В результате реализации программы осужденным удалось выработать определенную систему ценностей, личностных смыслов, целей и планов на будущее [6].

Таким образом, психологический тренинг, являясь формой активного обучения навыкам поведения и развития личности, играет значимую роль при подготовке осужденного к освобождению, позволяет сформировать установки на положительную адаптацию и социальную активность. Благодаря данному методу, осужденные-инвалиды способны оптимизировать собственное эмоциональное состояние, сформировать навыки саморегуляции и межличностного взаимодействия.

Литература

1. *Андерсон Д.В.* Адаптация осужденных инвалидов к условиям лишения свободы: постановка проблемы // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. №1 (39).
2. *Боева А.А.* Медико-психологическое сопровождение в процессе осуществления социальной работы с осужденными инвалидами // Правовое обеспечение деятельности органов и учреждений УИС как субъекта частноправовых отношений. 2016.
3. *Губанова И.М.* Применение арт-терапевтических техник в оказании психологической помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья в государственном бюджетном учреждении Самарской области «Социально-

оздоровительный центр «Преодоление» // Психологическая культура и психологическое здоровье личности в современных социокультурных условиях. Региональная научно-практическая конференция. 2015.
4. *Заборовская Ю.М.* Проблема ресоциализации осужденных к лишению свободы инвалидов и лиц пожилого возраста // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. 2016.
5. *Мантахаева М.А.* Правовое регулирование и организация подготовки к освобождению отдельной категории осужденных (инвалиды и осужденные пожилого возраста) // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурса на лучшую научную работу. 2017.
6. *Маркова Т.А*. Апробация программы коррекции ценностно-смысловой сферы личности осужденных-инвалидов // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №2.
7. *Чигринец Е.А.* «Реосциализация» осужденных к лишению свободы: вопросы многоаспектности термина // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 4-2.

Настольные игры как инструмент оптимизации социально-психологической структуры школьного класса

Андронов Б.Б., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
boris-178825@yandex.ru

Использование игровых технологий в работе по оптимизации группового развития имеет давнюю историю. Дело в том, что: «игра – источник развития и создает зону ближайшего развития» [1, с.220]. Реализация целенаправленной игровой деятельности возможна в большом количестве разнообразных форм [2], при этом крайне важна их аутентичность социальной ситуации, в которой находятся участники игры. Одна из современных и актуальных форм – настольные игры.

В современном мире использования настольных игр в психологической работе с людьми приобретает все большую популярность и значимость в т.ч. в различных сферах психолого-педагогического взаимодействия [3]. В связи с этим возникает необходимость исследовать возможность их использования в психологической работе. Настольные игры заставляют людей

взаимодействовать друг с другом и примерять разные социальные роли, следовать правилам, и в процессе игры сталкиваться с проблемой и совместно решать разные социальные задачи, что должно повлечь за собой создание новых социальных связей между испытуемыми и так же давать возможность реализовать себя тем, кого устоявшиеся социальные роли в этих группах сковывали и не позволяли реализовывать свои потребности.

В связи с этим целью нашего исследования было выявление возможности использования настольных игр для оптимизации социально-психологической структуры школьного класса. Исследование проводилось в виде формирующего эксперимента.

В качестве экспериментального воздействия был организован цикл из девяти досуговых мероприятий с использованием настольных игр со школьниками. В качестве респондентов выступали 53 ученика пятых классов, приглашенные на внеучебные мероприятия раз в неделю после уроков.

Мероприятия проходили по следующему сценарию.

1. Эмоциональная рефлексия и настрой на совместную игру.
2. Презентация/повторение правил. Ключевым были три правила: а) следование правилам игры, б) запрет на вербальную и невербальную агрессию и в) осознание того, что действия в игре не переносятся на реальную жизнь.
3. Принятие совместного решения о выборе игр и разделение на игровые подгруппы. В данном случае строго соблюдалось правило отсутствия исключения из игры низкостатусных игроков и обеспечение их включенности в игру.
4. Игра.
5. Обсуждение и завершение.

Для изучения влияния игровой деятельности в виде участия в настольных играх на оптимизацию социально-психологической структуры школьного класса был использован социометрический тест по Дж. Морено. Учащимся предлагалось выбрать из своего коллектива тех товарищей, с кем они бы вместе хотели выполнять сложное задание и проводить свободное время. Методика была направлена на:

а) измерение степени сплоченности в социальной группе;

б) выявление внутригруппового статуса – сопоставимой значимости членов группы по признакам симпатии или антипатии, где на крайних полюсах оказываются «лидер» группы и «отвергнутый».

В качестве основного критерия эффективности игровой деятельности мы предполагали уменьшение количества школьников, не получивших ни одного выбора (т.н. «изгоев»). По результатам

первого среза (перед началом экспериментального воздействия) 14% респондентов не получили ни одного выбора. По результатам диагностики, проведенной по завершении работы, количество «отвергнутых» учащихся уменьшилось в два раза.

Таким образом, результаты показывают положительную динамику и улучшение общей социальной ситуации в группах школьников после участия в совместных настольных играх. Совместное досуговое мероприятие, призванное изменить их привычный уклад жизни и внести особые правила в процессы взаимодействия, позитивно влияет на изменение неформальной структуры школьного класса. Со слов преподавателей, дисциплина в классах улучшилась, и количество конфликтов стало меньше, также дети приобрели навыки взаимодействия практически с каждым из своих сверстников и повысили уровень принятия друг друга.

Следует отметить, что у данного метода есть и свои ограничения. В тех случаях, когда между детьми был сильный конфликт, они избегали взаимодействия друг с другом или даже покидали занятие. Также сплоченные школьные коллективы из нескольких учащихся, хотя и готовы были пустить новичков в свои ряды на время игры и даже взаимодействовать с ним как с равными, все равно продолжали взаимодействовать исключительно друг с другом. Таким образом, для преодоления острых конфликтных ситуаций и для повышения инклюзивности внутригрупповой структуры совместные настольные игры могут оказаться недостаточно эффективными.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М., 2005.
2. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1999
3. *Салмина Н.Г., Тиханова И.Г., Черная О.В.* Построение развивающих программ с использованием настольных игр // Психологическая наука и образование, 2011.

Эмпатия в системе ценностей подростков нового поколения.

Анисимова Е.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anisimovaev@mgppu.ru

Эмпатия, представляя собой уникальный механизм вчувствования в эмоциональное состояние другого человека, способна влиять на эффективность процесса межличностного взаимодействия через

невербальный компонент общения – эмоции и чувства [1]. Поистине ее роль неоценима, когда речь заходит о выстраивании межличностных отношений и коммуникаций, что особенно важно в подростковом возрасте [6].

«Поколение Z», или миллениалы так характеризуют последние исследования в области психологии и социологии современных подростков, отличающихся от своих сверстников, живших в других эпохах и обстоятельствах [2; 5]. На сегодняшний день этот термин, широко использующийся в научном обиходе, позволяет проследить не только ряд отличий между поколениями, но и обозначить совершенно новые тенденции в развитии современной молодежи. Особенностями социального взаимодействия современных подростков «поколения Z», определяемых по результатам многочисленных социологических опросов и исследований по всему миру, являются «невозможность существования без социального взаимодействия», а в ценностно-смысловой сфере обозначаются такие ценности как «достижение успеха», «индивидуализм», «инфантилизм» и «гедонизм» [5]. Однако перечисленные особенностей характеризуют не столько современных подростов, сколько среду, в которой происходит их развитие и осуществляется межличностное взаимодействие [1].

Современные тенденции в развитии общества направляют подростков по пути достижения успеха, который в данном возрасте может быть достигнут только в условиях эффективного осуществления ведущей деятельности – интимно-личного общения. Общение в подростковой среде становится эффективным в том случае, если индивид эмпатически замечает своего собеседника и способен чувственно реагировать на его психоэмоциональное состояние, а не просто быть участником вербального взаимодействия [1]. И все же развитая эмпатия, играя большую роль в процессе межличностного взаимодействия в подростковом возрасте, зачастую остается недоступной для «поколения Z» [2]. Это объясняется тем, что эмпатические способности «децентрация», «эмпатическая забота» и «сопереживание», лежащие в основе эмпатии [3], должны опираться на систему ценностей и смыслов, противоположную той, которая существует у современных подростков данного поколения, а именно носящую просоциальный характер [1].

В подростковом возрасте система ценностей и смыслов находится в процессе становления и претерпевает ряд существенных изменений. Обновляются не только взгляды на жизнь, но и на свое место во взрослом мире, частью которого вчерашнему ребенку предстоит стать. На этом этапе подростку, который и так стоит перед лицом трудностей в решении совершенно новых для него задач общения и

взаимодействия теперь уже не только с родителями, но и со сверстниками в референтной группе [4], довольно сложно самостоятельно осваивать пусть и эффективные, но совершенно новые «эмпатичные» стратегии общения, а также стоящие за ними просоциальные ценности, признающие значимость другого человека или социума, выше, чем свои собственные интересы.

Современные подростки зачастую сталкиваются со сложностями в межличностном взаимодействии, обусловленными их нежеланием или неспособностью вставать на место другого человека, что подкрепляется нарциссическими тенденциями современного социума. Они упрямо идут по своему пути достижения успеха, соревнуясь со сверстниками и опираясь на вполне определенные ценности, не учитывающие место другого и в жизни и во взаимодействии [5]. Но вот парадокс: для того, чтобы общение было эффективным, нужно не просто учитывать мнение другого человека или его позицию, но и уметь на невербальном, чувственном уровне взаимодействовать с ним, что, в свою очередь, требует развития совершенно иных просоциальных ценностей.

«Поколение Z – это просто подростки, живущие в современном мире» [2]. Социум сегодня – это среда непростых испытаний для зрелого человека, которые для подростка могут стать непосильными. Именно поэтому, осознавая эффективность эмпатии в межличностном взаимодействии в подростковом возрасте, понимая особенности и условия ее формирования на данном этапе развития человека, можно построить среду, в которой подросток сможет освоить необходимые для него навыки эмпатического общения и взаимодействия через просоциальное развитие ценностно-смысловой сферы личности.

Литература

1. *Анисимова Е.В.* Эмпатия и ее роль в межличностном взаимодействии в подростковом возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 244–255. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.175
2. *Богачева Н.В., Сивак Е.В.* Мифы о «поколении Z» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 56 с. – (Современная аналитика образования. №1 (22)).
3. *Карягина Т.Д., Кухтова Н.В.* Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном

контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. №4. С. 33–61.
4. *Крушельницкая О.Б.* Феномен референтности с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 30-37.
5. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
6. *Суханова М.О., Шерягина Е.В.* Особенности сопереживания на разных этапах подросткового возраста // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. №1. С. 102–115. DOI:10.17759/chp. 2019150111

Особенности привязанности подростков, воспитывающихся в Центре содействия семейному воспитанию

Анисимова Ю.Ю., Денисенкова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
venezia-jul@mail.ru nataliya-denisenkova@yandex.ru

Известно, что у детей, находящихся в учреждениях закрытого типа, возникают различные личностные изменения и, в частности, нарушения в формировании привязанности, т.е. стремления (и способности) к длительной эмоциональной близости с другим человеком и потребности эту близость сохранить [3, с.54; 6, с.101].

Цель нашей работы – выявить и провести сравнительный анализ особенностей типа привязанности у детей-сирот подросткового возраста в зависимости от возраста попадания в систему государственных учреждений для детей-сирот [1, с.118].

Объект исследования – типы привязанности у детей-сирот.

Предмет исследования – выявление типа привязанности у детей-сирот, попавших в ЦССВ в младшем дошкольном или подростковом возрасте.

Основная гипотеза работы состоит в том, что у детей, попадающих в раннем возрасте в ЦССВ (младший дошкольный возраст), преобладает избегающая привязанность, тогда как у детей, попадающих позднее (подростковый возраст) преобладает амбивалентная привязанность.

Выдвинутая основная гипотеза позволила нам поставить следующие задачи.

1. Провести обзор подходов к определению и классификации привязанности в зарубежной и отечественной литературе.

2.Охарактеризовать психологию подросткового возраста и факторы, которые могут влиять на психологические особенности и тип привязанности ребенка-сироты.

3. Провести эмпирическое исследование проблемы привязанности у детей-сирот проживающих в ЦССВ с младшего дошкольного возраста и попавших в ЦССВ в подростковом возрасте.

4. Выполнить сравнительный анализ типов привязанностей у детей-сирот проживающих в ЦССВ с младшего дошкольного возраста и попавших в ЦССВ в подростковом возрасте.

В исследовании участвовало 50 человек в возрасте 13-17 лет. Из них 22 девочки и 28 мальчиков.

В работе использовались следующие методики: социометрическая процедура по Дж. Морено, выявление типа привязанности для подростковоговозраста «Интервью-привязанности детей и подростков» [2, с.38], в модификации М.В. Яремчук, также было проведено наблюдение за частотой и причинами возникновения в группах конфликтов и способамиих разрешения [5, с.140].

Результаты исследования показали, что из опрошенных в группе детей, попавших в ЦССВ в младшем дошкольном возрасте, 56% детей имеют избегающий тип привязанности, дезориентированный – 16%, амбивалентный – 16%, надежный – 12%. В группе детей, попавших в ЦССВ в подростковом возрасте, распределение происходит следующим образом: 56% детей имеют амбивалентный тип привязанности, дезориентированный – 16%, тревожный – 12%, надежный – 16%. Для корреляции полученных данных, мы применили критерий χ^2 Пирсона, и было установлено, что возраст попадания в детский дом вовзаимосвязи с типом привязанности имеет статистическую достоверность - χ^2Эмп =25.634.

Также была проверена частотность конфликтов: в группе детей, попавших в ЦССВ в младшем дошкольном возрасте, в среднем возникало 8 конфликтов в день; в группе детей, попавших в ЦССВ в подростковом возрасте, – 7,4. Была проверена взаимосвязь частоты конфликтов в зависимости от возраста попадания в детский дом. Асимптотическая значимость χ^2Эмп = 1.271, что говорит о том, что значимая взаимосвязь отсутствует.

Основная гипотеза подтвердилась. На основании полученных данных были сделаны следующие выводы.

1. У детей, попадающих в младшем дошкольном возрасте в ЦССВ, преобладает тревожно-избегающая привязанность.

2. У детей, попадающих в ЦССВ в подростковом возрасте, преобладает амбивалентная привязанность.

3. Частота возникновения конфликтов в зависимости от возраста попадания ребенка в ЦССВ не имеет статистической значимости.

4. Типы привязанности формируются у детей в системе государственных учреждений для детей-сирот, в зависимости от времени помещения их в детские дома, опыта пребывания в родной и приемной семье, сложностей, с которыми дети сталкивались в течение жизни

Литература

1. *Боулби Д.* Привязанность / Пер. с англ., Под ред. Г. В. Бурменской. М., 2013.
2. *Мухамедрахимов Р.Ж., Плешкова Н.Л.* Особенности привязанности у детей в семьях и домах ребенка // Дефектология. 2008. №2. С. 37-44.
3. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. СПб., 2007.
4. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Работа психолога в учреждения интернатного типа для детей, оставшихся без попечения родителей / Рабочая книга школьного психолога. М., 1995.
5. *Смирнова Е.О.* Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. №3. С. 139-151.
6. *Счастная Т.Н.* Особенности проявления сопереживания как социального качества у детей дошкольного возраста //Актуальные проблемы социальной психологии развития: Вопросы теории и практики: сборник научных трудов / Под ред. О.Б. Крушельницкой, Н.Н. Толстых, О.Е. Хухлаева. – М., 2012. С.101-109.

Литературный блоггинг – современная форма coping и социально-психологический феномен

Анцупова М. К., Красило Д.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
airheart1@yandex.ru , krasiloda@mgppu.ru

Современное общество стремительно меняется – появляются новые психологические задачи и проблемы, и следом за ними видоизменяются механизмы совладания с ними. В научной и

практической психологии неоднократно отмечалось, что современные компьютерные технологии могут способствовать усугублению стресса, однако при этом зачастую вне фокуса исследователей остаются инструменты coping, напрямую связанные с цифровизацией современной жизни. Так, одним из примеров сравнительно новых, однако устойчивых форматов coping, выступает литературный блоггинг.

Литературный блоггинг привлекает к себе совершенно разные возрастные группы, и обращаться к нему начинают уже с подросткового возраста. Начинающие литературные блоггеры заводят свою страницу, зачастую пребывая под влиянием более успешных блоггеров, что проявляется в заимствовании стилистических и иных творческих элементов, однако с течением времени происходит формирование собственной творческой идентичности. Чаще всего формат литературного блога привлекает к себе людей, ориентированных вглубь себя, с хорошо развитым воображением и не слишком сильно включенных в социум; зачастую собственный блог помогает найти им единомышленников и друзей. Собственный блог становится не только отдушиной, но и инструментом, который помогает справиться с переживаниями и найти поддержку у читателей.

На наш взгляд, литературный блоггинг обладает богатым совладающим потенциалом, поскольку сочетает в себе сразу несколько важных для уменьшения стресса аспектов: он активизирует творческий потенциал личности, что, как показывают исследования, является важным личностным фактором проблемно-ориентрованного копинга [4, с 268]. Нельзя обойти тот факт, что литературный блог восходит корнями к так называемой «терапии писательством» (writing therapy, expressive writing), которая за рубежом начинает получать распространение с 70-ых годов прошлого века и имеет обширный эмпирический багаж [7. с 280]. Данные свидетельствуют о том, что написание прозаических и поэтических текстов способствует совладанию с самыми различными жизненными трудностями (например, такими, как болезни; зависимости; горе и т.д.) [2; 5, с. 2].

Помимо проблемно-ориентированного копинга, важно учитывать социальный аспект блоггинга: в частности, позитивный отклик аудитории позволяет отнести его к эмоционально-ориентированному копингу. В швейцарском обзоре 2015 года приводится сравнительный анализ исследований, изучающих совладающий потенциал персонального блога. Исследователи приходят к выводу, что блоггинг может быть отнесен как к проблемно-ориентированным копинг-стратегиям (за счет развития навыка рефлексии, формулировки и

переработки проблемы), так и эмоционально-ориентированным копинг-стратегиям (в первую очередь из-за социальной поддержки и одобрения от аудитории) [6, с. 3].

На основании данных зарубежных исследований мы можем выдвинуть предположение о том, что литературный блоггинг имеет немалый совладающий потенциал, однако в отечественной научно-психологической литературе этот вопрос пока еще мало освещен [2; 3]. Некоторое осмысление получил такой специфический вариант литературного блога, как фанфикшен (от англ. fan – поклонник и fiction – художественная литература), написание фанатской литературы по мотивам популярных произведений современной культуры. Долгие годы оставаясь «за кадром» и литературы, и психологии, в наше время он начинает привлекать к себе самое пристальное внимание. Например, крупнейшая площадка фанфикшен-текстов в мире archiveofourown.com в 2019 году стала лауреатом престижной литературной премии Хьюго. Отечественное исследование 2018 года показало, что фанфикшен может быть использован в качестве эмоционально-ориентированной копинг-стратегии, помогающим авторам отреагировать и перерабатывать психологически трудные ситуации [1, с. 22].

Однако фанфикшен – всего лишь частный случай рассматриваемого нами явления. В настоящее время литературный блоггинг развивается на многих популярных цифровых площадках, что мотивирует современных исследователей к изучению его как особого социально-психологического феномена в современном обществе. Выявление специфики взаимодействия внутри сообщества литературных блоггеров и ее связь с особенностями совладающего потенциала литературного блоггинга представляется нам одним из перспективных направлений исследований в современной социальной психологии.

Литература

1. *Дячук А. С.* Феномен фанфикшн как способ преодоления жизненных трудностей в юношеском возрасте. Сборник тезисов участников научно-практической интернет конференции по юридической психологии (21-24 мая 2018 года). – М.: МГППУ, 2018. – 252 с.
2. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (период вхождения во взрослость):

Автореферат дис. ... кандидата психологических наук/Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005.
3. *Красило Т.А*. Особенности отношения креативной личности к продуктам творческой деятельности: Автореферат дис. …кандидата психологических наук/Психологический институт Российской академии образования. Москва, 2005.
4. *Суркова Е. Г., Власова Н. Н.* (2012) Успешность совладающего поведения подростков, предпочитающих творческие стратегии преодоления трудных жизненных ситуаций // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 267–275.
5. *Heimes S.* (2011) State of poetry therapy research (review). The Arts in Psychotherapy 38(1):1-8.
6. *Petko D., Egger N., Schmitz F. M., Totter A., Hermann T., & Guttormsen S.* (2015). Coping through blogging: A review of studies on the potential benefits of weblogs for stress reduction. Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace, 9(2), Article 5.
7. *Wright J., & Chung M. C.* (2001). Mastery or mystery? Therapeutic writing: A review of the literature. British Journal of Guidance & Counselling, 29(3), 277–291.

Психологические особенности личности, влияющие на возникновение конфликтов

Архипенкова Ю.А., Маринова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия;
Феоктистова С.В.
АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия

Разрушительная сила конфликтов настолько велика, что именно это обстоятельство определяет социальную значимость этой проблемы. Изучение конфликтов очень востребовано в современном обществе и поэтому продолжает являться одним из наиболее динамично развиваемых направлений психологии.

Причины конфликтов могут очень различаться в каждом отдельном случае, но, если провести тщательный анализ происходящего, то можно сделать вывод, что в каждой ситуации социальные ожидания индивидуумов идут вразрез с имеющимся положением дел, что и является основой возникновения противостояния. Деструктивные возможности конфликтов настолько велики, что организации, в которых не считают необходимым

грамотно и своевременно конфликты разрешать, оказываются неэффективными и теряют свою конкурентоспособность в условиях рыночной экономики.

Анализ литературы о проблеме конфликтов показывает, что причиной конфликтного поведения часто становится сам человек, вовлеченный в трудноразрешимую для него ситуацию [1; 3]. Личностно-ориентированный подход в решении конфликтных ситуаций является сегодня одним из наиболее популярных. В зарубежной и отечественной литературе принято в настоящее время говорить об определенных чертах личности, характерных для конфликтного человека. Конфликтная личность – это человек, который не только становится инициатором конфликтов, но и может легко вовлекаться и активно участвовать в конфликтах, которые были созданы совсем другими людьми.

Многие авторы считают, что определенные акцентуации характера, неадекватный уровень самооценки, характер реагирования на фрустрацию, а также некоторые другие качества человека можно отнести к особенностям, характеризующим конфликтную личность. Выраженность этих черт и степень контроля над ними определяет возникновение, течение и способ разрешения конфликта [3; 4]. Вопрос о степени влияния каждого из этих факторов на возникновении и течение конфликтной ситуации, а также о том, какие из этих факторов можно подвергнуть изменению с целью уменьшения вероятности ее возникновения, остается сегодня открытым [3].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что склонность человека к конфликтному поведению тесно связана с его личностными характеристиками.

В проведенном нами исследовании участвовали 50 человек студентов РосНоу в возрасте от 20 до 30 лет, у которых проводилось определение акцентуаций характера по методике К. Леонгарда [2]. В итоге было выявлено, что 32% участников имеют конфликтогенные типы акцентуаций характера. Исходя из этого можно сделать вывод, что определение акцентуаций характера человека может помочь в выявлении личностей, которые имеют склоность к участию в конфликтах. Рациональное преодоление и предотвращение конфликтных ситуаций нужно реализовывать главным образом с применением различных методик, воздействующих на субъектов конфликтного противоборства психологически таким образом, что у них должна выработаться установка на его конструктивное преодоление.

Литература

1. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. с. 9-22.
2. *Леонгард К.* Акцентуированные личности // Эксмо – Пресс, 2001. 446 с.
3. *Маринова Т.Ю., Архипенкова Ю.А.* Исследование особенностей личности, предрасположенной к конфликтам // Сборник: Патриотизм и Профессионализация в контексте гражданской лояльности Московский психолого-социальный университет. Москва, 2019. с. 65-68.
4. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе: сборник научных статей ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2011, с. 40-42.

Восприятие дошкольниками трёх – семи лет детского цифрового обучающего контента

Бабаджанова-Павлова А.В., Архангельская В.Д.
ФГАОУ ВО «БФУ им. И. Канта», Калининград, Россия
z7617@yandex.ru, tory1331@yandex.ru

В настоящее время создается большое количество визуального обучающего контента для детской аудитории в возрасте трёх-семи лет. Технический прогресс имеет тенденцию очень быстрого развития. Педагогические, психологические науки подвергаются влиянию новых техногенных факторов. Проблемой нашего исследования стало изучение информации о развитии восприятия детьми цифрового обучающего контента. Нам необходимо было выявить особенности восприятия цифрового обучающего контента детьми выше указанного возраста.

Гипотеза исследования заключается в том, что использование компьютерных технологий развивает восприятие дошкольников через цифровой обучающий контент. Теоретический анализ литературы показал, что термином «восприятие» обозначается система действий, направленных на ознакомление с предметом, воздействующим на

органы чувств, т.е. чувственно-исследовательская деятельность наблюдения [4, с.74-75].

Нами были использованы следующие диагностические методики на изучение восприятия: Р.С. Немов «Нелепицы», Т.Н. Головина «Кто спрятан в рисунках?», Л.А. Вегнер «Эталоны», к каждой из которых был подобран цифровой аналог задач по принципу взаимодействия с восприятием. Базой исследования послужил нейропсихологический центр «Жираф» города Калининграда. Выборку составили 60 испытуемых с возрастным диапазоном трёх-семи лет.

Дети дошкольного возраста активно воспринимают окружающий мир, оперируя объектами, которые представляются ими как физические и воображаемые категории. Ж. Пиаже выделял несколько стадии развития интеллекта и восприятия дошкольника. В нашем исследовании интересным являются сенсомоторный и предоперационный период, на протяжении которых ребенок понимает окружающий его мир через действия посредством координации чувственного (сенсорного) опыта с физическими действиями.

От рождения до семи лет идет постоянная категоризация объектов окружающего мира с последующим сравнением. Также дети строят логические связи на основе одной из характеристик категорий. Такие явления были обозначены Ж. Пиаже как «операции» – действия, направленные на обработку полученной информации и структуризацию ее в дальнейшем [4, с.74-75]. Логические операции детей до семи лет не позволяют структурировать словесное рассуждение [6, с.153]. Результаты современных исследований показали, что дети видят мир как совокупность отдельных объектов. Их зрительное поле разделено на отдельные объекты [6, с.155]. Такой эксперимент ставили П.Д. Келлман и Е.С. Спелки [8, с.438-524]. При разработке материала для детей следует всегда учитывать возрастные особенности развития восприятия и интеллекта. Существуют факторы, на которые следует опираться при разработке цифрового обучающего контента для дошкольников. К ним относится визуальное, аудиальное и тактильное восприятие [2].

В цифровой мультимедиа-среде от ребенка не требуется объемного понимания объектов, ему даются начальные категории, с которыми он может взаимодействовать и совершать операции. Выполняемые задачи ребенок решает словами или действиями, в выборочном восприятии объектов, которые его окружают. Искусственными стимулами выполнения операций могут служить мультимедийные игры. Таким образом, при взаимодействии с ребенком необходимо понимать, какую картину мира сформирует тот или иной объект у дошкольника. Исследования показывают, что в России уже 42% детей

в 2-3 года выходят в Интернет при участии взрослых [5]. Психологи, занимающиеся изучением влияния на развитие личности ребенка информационных технологий, указывают на такие последствия общения ребенка с телевизором, компьютером и другими гаджетами, как отставание в развитии речи, неспособность к концентрации внимания, значительное снижение фантазии и творческой активности [2]. Так, учёные К. Бофф, Л. Кауфман и Д. Томас в своей работе исследовали восприятие объекта детьми [7]. Психологами Б.М. Величковским, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия были исследованы внешние и внутренние факторы, влияющие на восприятие [1].

Таким образом, у нас есть полный инструментарий для создания мультимедийного контента, отвечающий современным требованиям образовательная. Если пытаться переосмыслить некоторые методики диагностики в психологии, то из них могут получиться отличные игры для детей. Результаты эмпирического исследования показали, что у дошкольников в возрасте трёх – семи лет существуют различия в восприятии цифровой и физической формы обучения. Это характеризуется тем, какой объем заданий они успешно решают за отведенное время. Наше исследование доказало: положительная динамика восприятия существует при более частом взаимодействии дошкольников с цифровой формой, чем с физической. Поэтому приоритетом при разработке цифрового контента является соблюдение норм разработки или построение структуры обучающего контента таким образом, чтобы развитие ребенка было последовательным и гармоничным.

Производителям цифрового контента следует опираться на факторы восприятия, которыми обладают дети трёх – семи лет, так как основной детский контент приходится именно на данный возраст. Одной из иллюстраций того, как важна форма контента и его содержание, является то, как дети решали задания из методики «Эталоны». В цифровой форме явно были преимущества для решения, что и показали результаты при сравнении. Для развития необходимо объединить принципы диагностики восприятия и игровую форму для того, чтобы построить задачи для дошкольников, которые будут максимально эффективно влиять на их развитие.

В заключении отметим: с развитием цифрового обучающего контента задачи будут постоянно меняться, но принципы построения всегда остаются неизменными. Специалисту необходимо понимание, на каком этапе развития находится дошкольник, чтобы подобрать детский цифровой обучающий контент для его успешного продвижения.

Литература

1. *Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р.* Психология восприятия. Москва, 2016.
2. *Губанова А.Ю.* // Медиаобразование. / Медиаконтент для детей как элемент образовательного процесса. MediaEducation. № 2. 2017.
3. *Давыдов В.В.* Генезис и развитие личности в детском возрасте // Вопросы психологии. №1, 1992. С. 22-33.
4. *Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.* Большой психологический словарь. СПб.: Прайм Еврознак, 2006.
5. Мультимедиа-технологии в образовании: путь к свободе / Материалы Первой международной интернет-конференции / Открытый каталог «Учебные презентации». Екатеринбург, 2011.
6. *Ньюкомб Н.С.* Развитие личности ребенка. СПБ.: Питер, 2002.
7. *In K. Boff, L. Kaufman, & J. Thomas (Eds.).* Handbook of perception and human performance (Vol. I. chap. 21). NewYork: Wiley.
8. *Sedgwick. H. A.* (1986). Space perception.

Стратегии межличностного взаимодействия учителей и родителей

Баранова В.А.

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

bva06@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-013-00525 «Взаимодействие между учителями, учениками и родителями в образовательной среде: возможности и ограничения»

Исследования в области социальной психологии образования показывают, что гармонизация системы взаимоотношений всех субъектов образовательного процесса является одной из важнейших проблем образовательной среды. Эта задача может и должна быть решена психологическими средствами через создание «условий для гармоничного и эффективного взаимодействия субъектов образовательного пространства» [2, с.6].

Социальная коммуникация является основой всех процессов в образовательном учреждении, от её эффективности зависят итоги обучения, воспитания и траектория развития личности [1, 2, 3].

Коммуникативная компетентность включена в систему «общекультурных, метапредметных, профессиональных компетенций» [2, с.2], без которых невозможно современное образовательное пространство.

Стили взаимодействия изучались в поисковом исследовании в рамках образовательного учреждения г. Москвы, для чего использовался опросник К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной), выявляющий коммуникативные особенности и стиль межличностного взаимодействия.

В исследовании участвовали 32 родителя и 16 преподавателей (учителя, классные руководители и завучи) 4-х классов частной школы г. Москвы. Первую группу респондентов составили родители учеников 4-го класса: 16 мужчин (50 %) и 16 женщин (50 %), средний возраст 41 год. Вторую группу респондентов-учителей составили 2 мужчины (12,5 %) и 14 женщин (87,5 %), средний возраст 46 лет.

Анализ средних значений и стандартных отклонений по шкалам опросника показывает, что существуют различия между предпочитаемыми стратегиями взаимодействия у родителей и учителей. Так, в среднем, у учителей наиболее выражена стратегия *Сотрудничество* (7,06;1,340), тогда как у родителей – *Компромисс* (6,94, 2,139). В среднем, учителя (5,19;4,246) чаще склонны к стратегии *Соперничество*, чем родители (4,28;3,324), а родители (6,31;1,874) чаще, чем учителя (5,75;2,049) склонны к стратегии *Избегание.* Однако эти различия не достигают уровня статистической значимости, что скорее всего связано с объемом выборки.

Родители. 37,5% родителей склонны прибегать к стратегии *Компромисс.* Очевидно, что многие родители заполняли опросник, исходя из своей ролевой позиции, представляя определенную ситуацию, требующую обязательного итогового решения (обсуждение экскурсий, праздников и пр.).

Сотрудничество как вариант оптимального типа взаимодействия, занимает второе место среди стратегий, которые зафиксированы у родителей (25%).

Третьей по частоте использования стратегией является *Конфронтация* (18,75%). Возможно, данная стратегия определяется тем, что дети учатся в частной коммерческой школе, что способствует проявлению потребительской позиции и развитию желания отстоять собственное мнение.

Стратегию откладывать конфликты или не вступать в них реализуют (12,5%) (*Избегание*). Наименее популярной стратегией поведения среди родителей является *Приспособление* (6,25%) - предпочитая уступать, чем доказывать что-либо - хорошие

взаимоотношения с оппонентом для них важнее, чем спор. Поэтому родители, следующие подобной стратегии, предпочитают адаптироваться под предложенные условия.

Учителя. *Компромисс* является наиболее популярным и часто используемым (31,25%) типом взаимодействия. Очевидно, что учителя заполняли опросник исходя из ролевой позиции «преподаватель», основываясь на необходимости решения вопросов, даже если это решение не будет самым эффективным. Второе место среди предпочитаемых стратегий делят стратегии *Соперничество* и *Сотрудничество* (по 25%). *Сотрудничество* является оптимальной стратегией поведения, в то время как *Соперничество* приводит к доминированию одной позиции, способствует образованию конфликтных ситуаций.

Дополнительное интервью с учителями показало, что преподаватели, предпочитающие *Соперничество,* считают, что они обладают большим педагогическим опытом, знанием методик и практик преподавания своего предмета, что действительно соответствует реальному положению дел, но, и может послужить провокацией конфликтов в случае отсутствия коммуникативной компетентности: высказываний, которые могут быть поняты родителями неоднозначно (например, как надо воспитывать детей в семье), проявлений невербального общения (например, тон голоса) и т.д.

Избегание как стратегия поведения занимает четвертое место среди используемых стратегий (12,5%). На последнем месте - *Приспособление* (6,25%).

В целом, результаты исследования показали, что наиболее предпочитаемыми стратегиями взаимодействия для всех респондентов являются благоприятные стратегии *Компромисс* (35,42%) и *Сотрудничество* (25%), а наименее популярной – *Приспособление* (6,25%).

Родители чаще, чем учителя выбирают стратегию поведения Компромисс (37,5% и 31,25%), а учителя чаще идут на *Конфронтацию* (25% и 18,75%). Результаты исследования показывают, что стратегии взаимодействия учителей и родителей не различаются на уровне статистической значимости, что, возможно, связано с малым объемом выборки. Предварительно можно сделать вывод о том, что предпочтение тех или иных стратегий родителями и учителями связано с ролевыми моделями поведения, с важным фактором обязательного решения вопросов, с позицией родителей отношения к негосударственной школе. Можно сделать вывод о

необходимости развития навыков коммуникативной компетентности у всех участников образовательного пространства.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М., 2008.
2. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А., Сачкова М.Е.* Социальная психология образования как отрасль научного знания // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru / ISSN: 2074-5885 / E-mail: psyedu@mgppu.ru 2013, №2 С.1-14.
3. Личность и группа в образовательном пространстве // Сб. науч. трудов. Вып. 1–3 / Под ред. О.Б. Крушельницкой. М., 2007–2009.

Особенности личностной зрелости у разностатусных студентов вуза

Баранова Е.В., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elizaveta.v.baranova@gmail.com, vladimirorlov@bk.ru

Человек без контактов с другими людьми, без общения и взаимоотношений с ними не может быть полноценным членом общества, развиваться и формироваться как личность. В широком смысле слова взаимоотношения представляют собой совокупность различных связей между людьми, которые являются необходимым для формирования каждой отдельной личности. Важную роль в общении и становлении взаимоотношений играет статус личности в определенной социальной группе. Именно взаимоотношения, социальные контакты и статус человека в каждой социальной группе способствуют развитию личностной зрелости.

Необходимо отметить, что социометрический статус оказывает важное влияние на развитие личностной зрелости студентов, когда на фоне юношеского максимализма и становления ценностно-смысловой сферы, они довольно критически относятся к другим людям. Именно поэтому главной проблемой нашего исследования является определение влияния социометрического статуса в студенческом возрасте на личностную зрелость будущего специалиста, его

социализацию как субъекта, прежде всего, профессиональной группы и ингруппового взаимодействия.

Однако, целый ряд исследований показывает, что развитие только профессионального мастерства не всегда отвечает полному самоосуществлению человека. К тому же только зрелая личность умеет самостоятельно актуализировать свои внутренние ресурсы, стимулировать самотрансформационную деятельность [1]. Высокий уровень личностной зрелости позволяет человеку осознать процессы самопознания, саморазвития и самореализации как жизненные ценности, создавать условия для самосовершенствования и самовоспитания в ходе жизнедеятельности, познавать, актуализировать, творчески осуществлять свою индивидуальность.

Анализ литературных данных по теме исследования показал, что в психологии понятие «зрелость» используется как для описания определенного возрастного периода жизни человека, так и для определения высокого уровня развития и характеристики процесса дозревания как отдельных качеств, так и личности в целом [3]. Личностная зрелость является результатом и ресурсом личностного развития, обусловленным активностью личности, ее способностью к самодетерминации, саморегуляции, потребностью в самоактуализации и саморазвитии, стремлением к смыслу как отдельных своих действий, поступков, так и к жизненному смыслу в целом [2]. Уровень личностной зрелости определяется тем, насколько личность выступает в качестве субъекта своих собственных трансформаций, своего саморазвития.

На базе Российского университета дружбы в период с марта 2019 г. по май 2020 г. было проведено эмпирическое исследование В исследовании приняли участие 40 студентов в возрасте от 18 до 22, обучающихся на 2 курсе (25 мужчин и 15 женщин; 20 студентов обучаются специальности «гостиничное дело», 20 – специальности «туризм»).

Целью исследования было выявление особенностей личностной зрелости у разностатусных студентов вуза. Предполагалось, что у студентов, у которых социальный статус выше, также будут выше показатели личностной зрелости.

В ходе исследования респондентам было предложено заполнить комплексный опросник, содержащий следующие методики:

- «Социометрия» (Дж. Морено, в адаптации Я.Л. Коломинского);
- «Методика диагностики личностной зрелости» (В.А. Руженков, В.В. Руженкова, И.С. Лукьянцева).

Полученные эмпирические данные были подвергнуты математическому анализу. В результате сравнения двух учебных групп по уровню развития личностной зрелости студентов и их интрагруппового статуса, были выявлены следующие различия.

1 группа (специальность «Туризм»): «предпочитаемые» – 7 чел., «звезды» – 3 чел., «принятые» (или «пренебрегаемые») – 10 чел., «изолированные» (или «изгои») – 0.

2 группа (специальность «Гостиничное дело»): «предпочитаемые» – 8 чел., «звезды» – 4 чел., «принятые» (или «пренебрегаемые») – 7 чел., «изолированные» (или «изгои») – 1.

С помощью критерия Краскала-Уоллиса подтвердилась достоверность различий в уровне личностной зрелости у разностатусных студентов, а именно: значения по общей шкале «личностная зрелость» ($p = 0{,}000$) попадает в зону значимости (различие при $p \leq 0{,}05$).

Также достоверность различий подтверждается и по остальным компонентам личностной зрелости (кроме терпимости), а именно:

- «ответственность» ($p = 0{,}034$);
- «саморазвитие» ($p = 0{,}011$);
- «позитивное мышление» ($p = 0{,}000$);
- «самостоятельность» ($p = 0{,}025$).

Следует отметить, что у студентов с высоким интрагрупповым статусом оказались гораздо выше показатели не только по общей шкале личностной зрелости, но и практически по всем ее компонентам.

Что касается «терпимости», то эмпирические значения, которые находились бы в зоне значимости (различия при $p \leq 0{,}05$) и подтверждали наличие различий по уровню терпимости между выделенными группами, не были определены – $p = 0{,}060$. То есть такая характеристика личностной зрелости, как терпимость, не зависит от интрагруппового статуса студента.

Таким образом, можно сказать, что практически по всем компонентам личностной зрелости, а также по общей шкале были выделены достоверные различия в показаниях между группами студентов в зависимости от их статуса, то есть чем выше внутригрупповой статус личности, тем выше ее уровень зрелости. Полученные данные исследования и проведенный статистический анализ данных с помощью непараметрического Н-критерия Краскала-Уоллиса, позволили подтвердить ранее выдвинутую гипотезу.

Литература

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. Спб.: Питер, 2010. 288 с.
2. *Маслоу А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. СПб.: Питер, 2012. 352 с.
3. Практическая психология образования: Учебное пособие. 4-е изд. / Под редакцией И.В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. – 592 с.

Кросскультурные различия в ролевых ожиданиях и притязаниях в браке у россиян и индийцев

Батурова Н. И., Кривцова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
navorutab@gmail.com, edmond21@yandex.ru

В нашей современной реальности изменения происходят во всех областях жизни человека, его отношениях и его личности. Это не может не отразиться и на семье. Институт семьи как важная часть человеческого общества в разные исторические периоды имел разное значение. Но всегда изменения в обществе на институт семьи оказывали влияние и способствовали также и его изменениям. Институт семьи в современном мире стремительно меняется – перераспределяются его функции, роли и само значение, как того требует развитие общества и современные технологии, В эту переходную эпоху теряются ориентиры, которые многие века использовались людьми для построения своего жизненного пути. Традиционные представления еще имеют свою силу, но в современных условиях малоэффективны, а новые концепты и ориентиры еще не совсем сложились. Так, исследование О.В. Кучмаевой показало, что взгляды россиян на желаемую модель семьи очень разнообразны и что среди россиян немного сторонников традиционной семьи с четко закрепленными патриархальными внутрисемейными ролями [1]. Глобализация, в свою очередь, тоже вносит свои коррективы. Межнациональные браки становятся объективной реальностью. И такие браки заключаются все чаще и чаще. Согласно информации на сайте мэра Москвы, в 2018 году по Москве интернациональных браков было заключено от общего количества заключенных браков примерно 10% [2]. Это данные официальной статистики. А сколько пар не регистрируют свои отношения официально, но живут вместе, мы может только догадываться.

К сожалению, очень часто пары, вступающие в интернациональные браки, имеют лишь поверхностное понятие о культуре своего партнера и даже не подозревают о глубинных аспектах, которые образуют смыслы и ценности каждой конкретной культуры и которые могут быть очень важны для взаимопонимания. В таких условиях – с размытыми представлениями об эффективном семейном взаимодействии с одной стороны и с малой межкультурной осведомленностью и межкультурной компетентностью с другой, к чему еще может примешиваться еще и языковой барьер – пара может попасть в серьезную психологическую ловушку хронического недопонимания и конфликтов. Очень часто это приводит к краху семейных отношений и многим психологическим, юридическим и финансовым проблемам – особенно если в семье уже успели появиться дети. Поэтому межкультурным парам, вступающим в отношения, крайне необходимо понимать основы устройства семьи в культуре своего партнера наряду с ее главными ценностями и смыслами.

Наше исследование направлено на выяснение ролевых ожиданий и притязаний в браке у индийцев и россиян, поскольку политическое и экономическое сотрудничество России и Индии в последние годы усилилось [4] и вполне логично, что число индийско-российских браков может возрасти.

В качестве пилотного исследования мы решили провести онлайн-опрос для выявления базовых сходств и расхождений в интерпретации концепта семьи в России и Индии. При выборе методик исследования необходимо было решить следующие задачи: во-первых, опросник должен охватывать все основные функции и стороны брака, универсальные для любой культуры; во-вторых, формулировки должны быть культурно нейтральными, чтобы не вызвать замешательства у респондентов из разных культур; в третьих, в связи с размыванием традиционных гендерных ролей в современном мире не только в России, но и в Индии [5], формулировки должны быть нейтральны также и в гендерном плане.

За основу мы взяли опросник А.Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке» [3], так как он в достаточной мере полно отражает основные функции брака и позволяет изучить как семейные ценности, так и ролевые притязания и ожидания в браке, и адаптировали его к современным реалиям и согласно цели исследования.

Так, мы обьединили изначально отдельные мужскую и женскую версии опросника в один вариант и заменили традиционные гендерные формулировки на гендерно-нейтральные. Например,

утверждения «Самая главная забота жены – чтобы в семье были накормлены и ухожены» и «Самая главная забота мужа – обеспечить материальный достаток и бытовой комфорт семьи», были заменены на «Самая главная забота моего/ей супруга/ги – обеспечить бытовой комфорт семьи». Утверждения «Я очень ценю женщин, умеющих красиво одеваться» и аналогичное ему «Мне нравятся видные, рослые мужчины» были заменены на «Внешняя привлекательность – одно из обязательных условий, на которое я буду обращать внимание при выборе спутника жизни», поскольку в гендерно сегрегированном обществе межполовые симпатии вне контекста брака обычно не одобряются и это может смутить респондента. Также, например, утверждение «Я собираю полезные советы хозяйке: как готовить вкусные блюда, консервировать овощи, фрукты» было заменено на гендерно- и культурно нейтральное «Я люблю заниматься домашними делами» – респондент может вложить в эту формулировку любые близкие ему смыслы.

Кроме того, интимно-сексуальная шкала и шкала личностной идентификации с супругом, которые в оригинале у А. Н. Волковой не разделяются на притязания и ожидания, были нами дополнены и расширены как весьма актуальные в современном контексте.

Дополнительно к адаптированному опроснику были добавлены незаконченные предложения, в которых респондентам предлагается дописать своими словами, для чего люди создают семью, какие качества они ожидают увидеть в спутнике жизни и какие обязанности собираются выполнять. Апробация данного опросника проходила в несколько этапов. Сначала методом экспертных оценок были отобраны утверждения по каждой шкале, а версия, предназначеная для индийских респондентов, была переведена на английский язык и проверена методом обратного перевода, который был осуществлен специалистом индийского происхождения. Далее, полученные ответы мы планируем проанализировать для составления наиболее полной картины притязаний, ожиданий и ценностей в браке у индийцев и россиян, которые будут отражены в других публикациях.

Литература

1. *Кучмаева О.В*. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/idealnaya-model-semi-v-glazah-rossiyan-i-strategiya-po-povysheniyu-tsennosti-semeynogo-obraza-zhizni

2. Любовь без границ: еще три загса в Москве начали регистрировать браки с иностранцами. URL: https://www.mos.ru/news/item/57244073/
3 *Олифирович Н.И., Зинкевич-Куземкин Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. URL: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/117.pdf
4. «Россия – Индия: надежное партнерство в меняющемся мире». Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Республики Индии Н. Моди. URL: http://kremlin.ru/supplement/5343/print
5. *Bidisha Mahanta, Purusottam Nayak.* Women Empowerment in India. URL: https://www.researchgate.net/publication/23795416_Women_Empowerment_in_India

Психологическая адаптация инокультурных людей с помощью культурного танца в России (на примере афроамериканцев)

Беляева А.Д., Кривцова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alenabelyaeva01@mail.ru, edmond21@yandex.ru

Психологическая адаптация инокультурных людей имеет важное значение в нашем меняющемся мире. В последнее десятилетие процессы глобализации приводят к тому, что всё больше людей меняют свое место жительства, при чем не только в пределах своего города или страны, но и всего мира. Так, например, в 2019 году Россия занимала четвертое место в мире по числу мигрантов, по данным официальной статистики мигрантов насчитывалось более 12 млн человек[1]. По данным миграционного центра России только в 2019 году приехало в Россию: 492 человека прибыли в нашу страну по приглашениям и 185 прибыли в нашу страну по визам из Кубы, 379 человек прибыли в нашу страну по приглашениям и 171 человек прибыли по визам из Гаити, 145 человек прибыли в нашу страну по приглашениям и 400 человек прибыли по визам из Гвинеи-Бисау, 47 человек прибыли в нашу страну по приглашениям и 34 человека

[1] Газета.ru. Как в Германии: сколько мигрантов в России https://www.gazeta.ru/social/2019/10/10/12747578.shtml (дата посещения 26.11.2019

прибыли по визам из Доминиканской Республики[1]. И опять же это данные официальных источников, приезжающих, которые проходят все необходимые в нашем государстве процедуры при въезде в нашу страну.

Можно предположить, что чем больше территориально удалены культуры друг от друга, тем сложнее будет проходить процесс адаптации. Адаптация инокультурных людей будет сопровождаться разными трудностями, связанными, прежде всего с акклиматизацией, коммуникацией, социально-бытовыми трудностями и другими психологическими сложностями.

В нашем исследовании мы рассмотрели и изучили уровень психологической адаптации таких мигрантов в России. Очевидно, что процесс адаптации афроамериканцев в нашей стране имеет свои психологические особенности. Одной из культурных, социальных особенностей является их танцевальная активность. Вся афроамериканская культура пронизана народными, традиционными танцами, которые сопровождают их в течение всей жизни. Особенностью исследуемых нами мигрантов, является то, что они занимаются танцами родной культуры в инокультурной среде.

Проблемами психологической адаптации мигрантов в разное время занималось и занимаются большое число ученых. Среди большого количества работ можно отметить работы по психологической адаптации Г.Д. Гриценко, Т.Ф. Масловой, О.С. Петровой, В.В. Константинова [1; 2; 3], которые представляют собой примеры изучения проявления адаптации к чужим культурам, ее психологические особенности и другие специфические явления адаптации в инокультурной среде.

Процесс адаптации мигрантов часто связан с трудностями, которые возникают из-за различий в культурах. Одной из сложностей являются затруднения в процессе коммуникации. Если отсутствует знание русского языка, то процесс коммуникации может просто не состояться. Но если использовать невербальные каналы коммуникации, то возможности адаптации повышаются.

При изучении культур разных народов отмечаются общие, схожие аспекты – то, что объединяет культуры. К таким можно отнести культурный танец. При рассмотрении культурного танца как важного аспекта культуры можно предположить, что он будет способствовать адаптации в новых культурных условиях.

---

[1] Министерство внутренних дел РФ https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya

По мнению, Королевой Е.А., культурный танец может являться средством коммуникации в человеческом обществе [4]. А. Ломакс считал, что танец можно рассматривать как некий эскиз или модель, которая столь необходима для коммуникативной связи [5]. Если исходить из такого определения танца, то можно сделать вывод, о том, что культурный танец является своего рода возможностью для коммуникативного процесса в инокультурной среде.

Одной из разновидностей танцев являются социальные культурные танцы. Это категория танцевальных стилей разных народов мира, которыми занимаются, как правило, в качестве досуга и обмена положительными эмоциями между людьми. В основе понятия социальный культурный танец лежат термины «социальный» и «танец», которые указывают на направленность танца на взаимодействие с людьми.

В связи с этим, мы выдвинули гипотезу: исполнение социального культурного танца способствует процессу адаптации в инокультурной среде.

Объект исследования в данной работе: психологическая адаптация афроамериканцев.

Предмет исследования: социально-психологическая адаптация личности афроамериканцев посредством социальных культурных танцев.

В качестве эмпирической базы выступили московские танцоры-мигранты.

Для проверки гипотезы нами была взята методика Л.В. Янковского «Адаптация личности к новой социокультурной среде», которая позволила нам рассмотреть процесс адаптации по шести шкалам: шкала адаптивности, шкала конформности, шкала интерактивности, шкала депрессивности, шкала ностальгии, шкала отчужденности.

Уровень и тип адаптации в данной методике следующие: от 0 до 5 баллов мы расцениваем как низкую выраженность показателей адаптации, от 6 до 11 – как среднюю выраженность, баллы от 12 и выше мы трактуем как высокую, яркую выраженность показателей адаптации.

В нашем исследовании были получены следующие результаты: наибольшее среднее значение, равное 10,06, у мигрантов определено по шкале интерактивности, на втором месте – по шкале адаптивности (9,53). По другим шкалам средние значения такие: конформность 8,31; ностальгия 7,66; отчужденность 6,38. Наименее выражена у респондентов шкала депрессивности (5,81).

Эти результаты показывают, что большинство мигрантов имеют среднюю адаптацию, с низким выражением отрицательных критериев,

к которым мы относим отчужденность, ностальгию и депрессивность. Это может говорит о том, что уровень адаптации респондентов (афроамериканцев) в России стремится к высокому.

В процессе интервью мы попросили каждого респондента оценить по пятибалльной шкале степень влияния на их адаптацию в России культурных социальных танцев. Низких баллов (1 и 2) нет ни у одного опрошенного. Среднее значение по полученным баллам – 4,31. Каждый мигрант выделил положительное влияние танцев на его адаптацию и пояснил, как это проявляется.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что социальные культурные танцы оказывают положительное влияние на адаптацию афроамериканцев. Танцы способствуют снижению риска психологической адаптации в инокультурной среде. Социальные культурные танцы снижают чувство ностальгии, облегчают коммуникацию с людьми, воссоздавая атмосферу Родины. Благодаря социальным культурным танцам афроамериканцы быстрее и с меньшими потерями для своего психологического здоровья адаптируются в инокультурной среде.

Результаты нашего исследования могут быть полезны в процессе психологической консультации и психокоррекции личности эмигранта. Используя ее, можно более эффективно помочь ему адаптироваться в новой социокультурной среде, реализовать свой личностный потенциал для преодоления трудностей, связанных с изменением стереотипов поведения, преобразовать деятельность, самого себя и систему отношений к окружающим людям.

Литература

1. *Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф.* Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция / Социологические исследования, 2010, № 5.
2. *Петрова О.С.* Проблемы социальной адаптации среднеазиатских трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге / Вестник КГУ им. Н.А. Некрасовой, 2011, №3.
3. *Константинов В.В.* Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе. Дис. канд. психол. н. В.В. Константинова. Саратов, 2018.
4. *Королева Э.А.* Ранние формы танца. Кишенев: Штиинца, 1977.
5. *Lomax A.* Folk Song Style and Culture / Washington, D.C.: American Association for the Advancement of Science, Publ. 1968.

Основные вызовы информационно-психологической безопасности субъектов позднего периода жизни

БерестокТ.Б.
МосГУ, Москва, Россия
bertat1@yandex.ru

В современных условиях особое значение приобретает выявление глобальных факторов развития информационного общества и пространства. Целью статьи является анализ психологических вызовов информационно-психологической безопасности субъекта.

Социально-экономические преобразования, происходящие в стране, требуют не только проведения скоординированных экономических реформ, направленных на усиление защиты прав и свобод граждан, их интересов от социально-психологического негативного воздействия информационного пространства [1]. Сейчас информатизация стала тем фактором, который может привести к значительным конфликтам в обществе и дезорганизовать государственное управление, функционирование и стабильность в социуме, негативно отразиться на личности. Чем выше уровень интеллектуализации и информатизации общества, тем более необходимой становится надежная информационно-психологическая безопасность личности [5]. Учитывая то, что под влиянием информационных атак может целенаправленно изменяться мировоззрение и мораль отдельных лиц, общества в целом, повышается значимость изучения сущности и форм информационно-психологической безопасности. Под информационно-психологической безопасностью понимается положительное самоощущение человека, его эмоциональное, интеллектуальное, когнитивноеразвитие, а также защищенность от психологических травм в условиях неблагоприятного информационного воздействия [4].

Особенно актуальной является проблема самообеспечения информационно-психологической безопасности пожилых людей [6]. Ее решение неразрывно связано с определением путей развития общества, с разработкой социальной политики в разных сферах [3]. Исследование данной проблематики может выступить составной частью поиска и выделения особенностей негативного информационно-психологического воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание.

Негативные или позитивные аспекты информационно-психологического воздействия определяются с учетом стратификации

общества и присутствия разных возрастных категорий населения: детей, молодежи, людей старшего и среднего возраста. Одни и те же аспекты информационно-психологической безопасности имеют разную структуру для конкретного субъекта в зависимости от его социального статуса. Рассмотрение системы личной информационно-психологической безопасности конкретного человека связано с изучением неповторимого средства его реагирования на ту или иную экстремальную ситуацию или вызов. Безопасность человека как индивида – состояние, которое интегрирует все уровни психологической безопасности: психологическую безопасность человека как индивида, как субъекта и как личности в контексте жизненного пространства [2]. Нарушение личной безопасности обусловлено комплексом причин объективного и субъективного характера. С точки зрения психологии, наиболее восприимчивы к негативному воздействию информационной среды лица пожилого возраста [7].

Для указанных категорий лиц психологическая составляющая системы информационно-психологической безопасности обоснована спецификой совокупности индивидуально-психологических, социально-психологических, политико-психологических, религиозно-психологических, морально психологических, этнопсихологических установок и мотивов. Так, психологическое самообеспечение категории лиц пожилого возраста характеризуется своими закономерностями, стратегиями, принципами, средствами и методами организации, обусловленными накопленным жизненным опытом и стационарностью мотивационных и моральных установок. Причины этого заключаются в общих представлениях данной категории субъектов, которые трактуют процесс обеспечения безопасности через заключенные в обществе условия формирования и развития духовной сферы через установленные критерии нравственности, сложившихся в период их молодости, зрелого возраста, а также общественно допустимые стереотипы поведения.

Итак, вызовы информационно-психологической безопасности рассмотренных субъектов можно определить как опосредованное или прямое влияние на защищенность личности и перспективы ее развития. Для нивелирования негативного воздействия этих вызовов должна учитываться духовная сфера пожилых людей. Достижение информационно-психологической безопасности лиц старшего возраста возможно только в условиях их свободного доступа к достоверной информации, защиты тайн частной жизни посредством социальной инженерии.

Литература

1. *Кефели И.Ф., Юсупов Р.М.* Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. СПб., 2017. 300с.
2. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Классификация угроз информационно-психологической безопасности личности и основные подходы к их преодолению // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. №4. С.210-216.
3. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Ресурсы психологической безопасности личности в зависимости от трудового статуса пенсионера // Успехи геронтологии. 2018. Т.31. №1. С.39-45.
4. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Субъектный импринтинг принципа безопасности в условиях массовых информационных воздействий // II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России. М.: Изд-во Московского гуманитарногоун-та, 2019. С. 267-272.
5. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М.* Субъектные маркеры безопасности при разном уровне рефлексии информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-929
6. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В.*Темпоральные маркеры психологической безопасности субъектов поздних периодов жизни // Проблемы современного образования. 2019. №4. С.84-97.
7. *Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G.* Resources of individual psychological security with respect to the employment status of a pensioner // Advances in Gerontology. 2018. Vol. 8. No.3. PP. 256-261.

Проблема профессиональной адаптации молодых специалистов в современных организациях: социально-психологический аспект

Бессережнева С.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
besserezhneva.job@gmail.com

Проблема адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности была и остаётся по сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем профессионального становления личности. Это

обусловлено тем, что с процессом адаптации в своей жизни так или иначе сталкивается практически каждый человек, и этот этап является одним из самых нелёгких. Недаром такие авторы, как Э.Ф. Зеер [1], Т.В. Кудрявцев, Ю.П. Поваренков [2] и др., занимающиеся исследованием различных аспектов профессионализации человека, выделяют этап вхождения молодого специалиста в профессиональную среду и его адаптацию к ней как центральное звено в процессе профессионального становления человека, как наиболее значимый его компонент. Вместе с тем, многие авторы определяют вхождение человека в профессиональную среду как переходный этап, требующий значительных затрат психологических и физических ресурсов, характеризующийся нарастанием у индивида кризисной симптоматики, высокой интенсивностью переживаний [2]. Однако, наряду с этим, анализ современных отечественных исследований, посвящённых изучению различных аспектов профессиональной адаптации молодых специалистов, позволяет говорить о том, что в большинстве из них фокус работы сосредоточен на индивидуально-психологических факторах, оказывающих влияние на протекание адаптационного процесса, как, например, факторы мотивационной и волевой динамики, профессиональная идентичность, стратегии совладающего поведения, готовность к профессиональной деятельности и т.д. При этом, практически полностью игнорируется социально-психологический аспект данной проблемы, который, по нашему мнению, является не менее важным, чем индивидуально-психологический. Актуальность изучения социально-психологических проблем профессиональной адаптации начинающих специалистов обусловлена дефицитом современных исследований, направленных на анализ социально-психологической стороны профессиональной адаптации и тех социальных проблем, с которыми сталкивается молодой специалист на данном этапе своего профессионального развития.

Нами был проведен теоретический анализ этой проблемы, целью которого стало выявление совокупности факторов, влияющих на эффективность прохождения молодыми специалистами этапа профессиональной адаптации. Однако, прежде чем перейти к результатам работы, нам представляется необходимым дать определение данному феномену. Профессиональная адаптация, как мы её понимаем, представляет собой динамический процесс уравновешивания индивида с внешней средой, результатом которого является баланс между человеком как субъектом трудовой деятельности и профессиональной средой [3]. Данный этап включён в общий процесс профессионального становления личности и

охватывает временной период, начиная с прихода нового сотрудника в организацию и заканчивая вторым годом работы в компании. Существует ряд факторов, оказывающих влияние на характер протекания, а также на эффективность прохождения индивидом адаптационного процесса. Однако, это прохождение осложняется тем, что внутри этапа адаптации психологи выделяют кризис профессионального развития, а именно кризис социально-профессиональных экспектаций [1]. Этот кризис представляет собой противоречие между ожиданиями недавнего выпускника относительно содержания профессиональной деятельности, характера профессиональных задач, взаимоотношений с коллегами, значимости своих профессиональных компетенций и той реальностью, с которой ему приходится столкнуться, придя в компанию. На успешность разрешения кризиса социально-профессиональных экспектаций, а, следовательно, и всего этапа адаптации в целом, оказывает влияние совокупность факторов, которые мы, в рамках нашей работы, классифицировали на индивидуально-психологические и социально-психологические. В качестве индивидуально-психологических факторов профессиональной адаптации мы выделили такие характеристики личности, как уровень мотивации, самооценка, субъективная оценка индивидом своей готовности к профессиональной деятельности, профессиональная идентичность и стратегии совладающего поведения, используемые молодым специалистом для преодоления сложных жизненных ситуаций.

К социально-психологическим факторам, которые и являются областью нашего научного интереса, мы отнесли такие выделенные нами аспекты, как процесс социализации индивида, ролевой конфликт, ролевая неопределённость, уровень сплочённости коллектива, организационная культура, уровень вертикальной и горизонтальной коммуникации в компании, а также фактор, имеющий больше отношения к индивидуально-психологической группе, однако обладающий социальной направленностью – локус контроля, преобладание экстернального или интернального его полюса. Все выделенные факторы в большой степени влияют, а если точнее, определяют эффективность прохождения молодым специалистом этапа профессиональной адаптации.

Необходимо отметить, что в ходе проведения теоретического анализа научных источников по данной проблеме нами был выявлен недостаток, как эмпирических данных, так и теоретических концепций, посвящённых выявлению социально-психологических проблем, с которыми сталкиваются молодые специалисты на этапе вхождения в профессиональную среду, в связи с чем нельзя считать

настоящее исследование исчерпывающим. Однако, нам видится в этом недостатке ресурс для дальнейшего погружения в данную проблематику, а также для построения и проведения эмпирического исследования, позволяющего выделить эти социально-психологические проблемы, что и является целью нашей будущей исследовательской работы. В дальнейшем, после выделения этих проблем, нам также кажется важным уделить внимание разработке психологического инструментария или программы психологического сопровождения, направленных на помощь в повышении уровня эффективности прохождения человеком этапа профессиональной адаптации.

Литература

1. *Зеер Э. Ф.* Психология профессионального развития: учебное пособие / Э.Ф. Зеер. – 3-е издание, стереотипное. – Москва: Академия, 2009. – 240 с.
2. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессиональных кризисов человека // Ярославский педагогический вестник. 2001. №2.
3. *Реан А.А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан., А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

К вопросу о восприятии мемов

Бессонов Д.О., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
bessonovdo@ya.ru, alexandrova.elenaandreevna@mail.ru

Главной задачей нашего исследования было изучение понимания специфических мемов различными группами людей. В ходе работы была выдвинута гипотеза о том, что локальные мемы могут быть понятны, но при этом они не будут положительно оценены пользователями, не принадлежащими к этой локальной группе. То есть в рамках данной работы мы исследовали взаимосвязь полноты понимания мемов между различными группами людей.

Все множество мемов можно разделить на «обычные», то есть, те, которые будут понятны большинству их пользователей, и локальные – те, которые не получили широкого распространения на просторах интернета. Локальные мемы зарождаются и существуют в

коммуникации небольших ограниченных групп. Это могут быть отдельные форумы, чаты, ЖЖ. Локальные мемы могут также существовать и вне сети [3]. Они применяются только в конкретном сообществе – мем известен определенному кругу людей, использовать и упоминать его в какой-либо другой группе совершенно бессмысленно. Однако случается, что локальные мемы, зародившись на каком-то форуме, популярном или не очень, получают свое признание по всему интернету. Мем начинают использовать разные пользователи сети, популярность возрастает и тогда из ряда локальных мемов, его можно перевести в разряд обычных, распространенных или значимых [1].

В нашем исследовании мы поставили цель определить понимание специфических мемов различными социальными группами – школьниками и взрослыми.

В исследовании приняли участие 368 человек, в возрасте от 13 до 58 лет. Полученная выборка была разделена на учащихся среднеобразовательных школ и людей, закончивших обучение и работающих в различных областях (маркетинг, бизнес, IT, юриспруденция и т.д.).

Понимание мемов мы исследовали, используя авторскую методику, которая была разработана по итогам отбора стимульного материала и качественного анализа интервью с экспертами. Экспертами в нашем исследовании стали редакторы и руководители публичных страниц социальной сети Вконтакте, которые ежедневно работают с мемами, при этом аудитория их страниц превышает порог в 100000 человек.

Респондентам предлагалось оценить каждый мем по 10-тибальной шкале – насколько они находят предложенный материал смешным или не смешным. После они должны были обосновать свою оценку, расписав свое понимание этого мема. На следующем вопросе респонденты оценивали, насколько уместной является публикация этого мема в социальных сетях, а также его употребление. Интерпретации мемов впоследствии оценивалась нами в соответствии с критериями понимания, которые были выделены в совместной работе с экспертами.

В ходе нашего исследования мы обнаружили, что существует прямая взаимосвязь между оценкой мемов с одной стороны и уровнем их понимания с другой, т.е. чем лучше респонденты понимали мем, тем выше его оценивали. Эта закономерность не проявилась, когда мем, смысл которого был значимым для школьников, был предложен группе, не относящейся к сфере образования. Соответственно, вне локальной группы, без соответствующего отношения к предложенной

теме, мем не был понят в соответствии со всеми критериями, выявленными экспертами, а оценки не соотносились с пониманием мема.

Проблема непонимания мема другой социальной группой порождает проблему, связанную с представлениями о пагубном влиянии мемов на развивающуюся личность. Так, например, мы не можем утверждать, что если у подростка на странице в социальной сети преобладают суицидальные или агрессивные мемы, то он находится в группе риска или даже «станет преступником». Часто такие дети не соотносят выложенный материал с их собственной личностью, они делают это ради того, чтобы быть принятыми сверстниками, представителями своей субкультуры.

Литература

1. *Бессонов Д.О. Александрова Е.А.* Мем как социально-психологическое явление. URL: https://drive.google.com/file/d/1tJNxiym_P31_K53BDu_JQkeS-piEHUtJ/view?usp=sharing
2. *Неклюдов С. Ю.* Структура и функция мифа. URL: http://philologos.narod.ru/myth/nekludov.html
3. *Савицкая Т.Е.* Интернет-мемы как феномен массовой культуры. URL: http://pdf.knigi-x.ru/21kulturologiya/45152-1-stalo-tryuizmom-govorit-seti-kak-zone-sociokulturnogo-kreativa-meste-rozhdeniya-novogo-tipa-sociuma.php
4. *Сычев А.А.* Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект. URL: http://www.abc-globe.com/sichev.html

Социальные сети и психическое здоровье молодежи: pro et contra?

Бессчетнова О.В.
Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО СГУ, Балашов, Россия
oksanabesschetnova@yandex.ru

В современном мире преобладает визуальный канал потребления и передачи информации, чему способствует быстрое развитие цифровых медиа – мобильных телефонов, компьютеров, планшетов с доступом в Интернет, ежегодное увеличение количества пользователей

мессенжеров, социальных сетей, значительную долю которых составляют молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет [1].

Китайские исследователи, изучив влияние социальных сетей на психическое здоровье молодежи, отметили, что основными мотивами их использования являются, во-первых, идентификация с группой; во-вторых, ориентация поведения на групповые социальные нормы и ценности, соответствие которым вознаграждается, а противоречие или несогласие часто служит поводом для остракизма и травли [3].

Согласно опросу ЮНИСЕФ и Ipsos, проведенному в апреле 2016 года в 25 странах мира, 80 % современных детей и подростков осведомлены о существовании опасностей в Интернет-пространстве; а 57 % опрошенных расценивают поведение своих друзей онлайн как рискованное. В то же время, более 90% респондентов уверены, что смогут избежать опасностей в сети и не стать жертвой кибертравли или троллинга. Однако чрезмерная уверенность в своей неуязвимости может обернуться новыми рисками, с которыми молодые люди не всегда могут справиться самостоятельно. Установлено, что 33% подростков 11-12-лет, 49% несовершеннолетних 13-14 лет и 63% 15-16-летних молодых людей за рубежом отметили вовлеченность в ситуации риска в онлайн-пространстве [2].

С целью изучения влияния виртуального общения в социальных сетях на эмоциональное состояние и поведение молодежи, в ноябре-декабре 2019 года на базе Балашовского института Саратовского университета было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 386 студентов 1-4 курсов в возрасте от 18 до 22 лет (девушек – 250, юношей – 136).

Основным методом исследования выступало анкетирование, которое проводилось в университете на принципах конфиденциальности и добровольного участия. Анкета состояла из четырех блоков, отражающих следующие аспекты: 1) количество времени, проводимого в сети; 2) субъективное отношение к виртуальной дружбе/виртуальному общению; 3) характеристика коммуникативных качеств в онлайн-пространстве; 4) отношение молодежи к общению в сети как способу преодоления одиночества. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics v. 22.0.

На момент опроса 59,6% опрошенных имели в сети от 100 до 300 и более виртуальных друзей, при этом лично знакомы были с 35-67 из них, соответственно остальные – это малознакомые или незнакомые в реальной жизни люди.

Виртуальное общение использовалось респондентами для следующих целей: «занять время» – 51,0%, «высказать свое мнение» –

7,1%, «показать лучшие стороны своей жизни» – 10,6%, «найти работу/самореализоваться» – 7,8%, «справиться с одиночеством» – 23,6%. Четверть студентов отметили, что анонимность дает возможность отыграть роли, недоступные в реальной жизни, вместе с тем 73,1% согласились с тем, что виртуальным друзьям не всегда следует доверять.

По мнению респондентов, с виртуальным другом не обязательно знакомиться лично, такое общение служит для социальной и/или психологической поддержки, помощи, совета, проведения досуга или возможности выговорится (синдром «попутчика»). В случае разных интересов или нежелательности общения с ним можно безболезненно расстаться, удалить, заблокировать.

Относительно времени, проводимого онлайн, 84,0% респондентов выбрали ответ «более двух часов в день» и «в течение дня всегда». Установлена обратная зависимость между наличием друзей обоего пола в реальной жизни и началом виртуального общения: молодые люди, имеющие реальных друзей и романтические отношения, позже завели аккаунт в социальных сетях, по сравнению с теми, кто начал общаться в сети раньше наступления подросткового возраста.

Юноши демонстрируют более высокий уровень одиночества по сравнению с девушками (74,4% и 65,3% соответственно); 84,5% респондентов обоего пола считают, что виртуальное общение помогает только на время забыть о состоянии одиночества. Поведение в виртуальном пространстве у молодых людей, испытывающих негативные виды одиночества, преимущественно повторяет поведение в реальной жизни, при этом оно не выполняет ожидаемую компенсаторную функцию, а еще более усиливает фрустрацию. Социальные сети способны спровоцировать возникновение негативных переживаний в связи с оценкой собственной популярности на основании количества «лайков» и положительных комментариев, по сравнению с другими.

Для поддержания и усиления собственного онлайн-имиджа молодым людям приходится постоянно находиться в контакте с аудиторией, как вербально, так и визуально. Пытаясь преодолеть чувство одиночества, расширить круг общения, упрочить свое социальное положение, молодые люди стремятся компенсировать это более активным общением в социальных сетях: менять статус; ставить лайки; писать сообщения; отправлять открытки и подарки; выставлять «селфи», шокирующие, неординарные фотографии, часто сделанные с риском для жизни (на крышах высотных зданий, поездов, краю пропасти, рядом с высоковольтными линиями передач и т.д.) или репутации, изображающие акты агрессии, насилия, эротические

сцены. Вместе с тем, импульсивное, необдуманное, эмоциональное поведение может иметь долгосрочные последствия и отразится на их будущей карьере или семейных отношениях. Однако, по мнению самих же опрошенных, это занимает очень много времени и утомляет (82,1% юношей и 67,0% девушек соответственно).

Другими словами, онлайн-активность молодых людей не приводит к развитию коммуникабельности, выстраиванию реальных дружеских или романтических отношений, занимает много времени, усиливая чувство одиночества и провоцируя возникновение депрессивных состояний (70,7% – девушки, 48,2% – юноши). Помимо прочего, 74,4% респондентов отметили, что в виртуальном мире много фальши, преувеличений, фейковой информации.

Таким образом, бесконтрольное потребление цифровых медиа из беспрецедентного ресурса, может стать источником опасности для физического и психического здоровья подрастающего поколения; спровоцировать формирование Интернет-зависимости, отчуждение от реальности, что в дальнейшем приведет к трудности выражения собственных и распознавания чужих эмоций; к неспособности работать в команде, проявлять эмпатию, навыки сотрудничества (недаром сейчас популярные курсы личностного роста, направленные на овладение эмоциональным интеллектом, навыками «teambuilding» и «soft skills»); к межличностным конфликтам, сужению куга социальной поддержки, трудностям поиска брачного партнера и созданию семьи.

Литература

1. Instagram в цифрах: статистика на 2019 год. URL: https://lpgenerator.ru/blog/2019/02/28/instagram-v-cifrah-statistika-na-2019-god.
2. *Livingstone, S., Haddon L., Görzig A., Ólafsson K.* Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings. LSE, London: EU Kids Online, 2011. URL:http://eprints.lse.ac.uk/33731/1/Risks%20and%20safety%20on%20the%20internet%28lsero%29.pdf
3. *Wu X.-S., Zhang Z.-H., Zhao F., Wang W.-J., Li Y.-F., Bi, L., Sun, Y.-H.* Prevalence of Internet addiction and its association with social support and other related factors among adolescents in China // Journal of Adolescence. 2016. № 52. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27544491.

Культурные особенности взаимосвязи ассертивности и стратегий поведения в конфликте

Бехбудзаде М.Б., Гриценко В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
behbudzademb@gmail.com, gritsenko2006@yandex.ru

Усиление глобализации приводит к тому, что все большее внимание уделяется культурному разнообразию и его влиянию на личную и социальную практику. В связи с тем, что взаимодействие, коммуникация между разными культурами активно развивается, проблема конфликтов охватывает и межкультурное пространство.

В отечественной и зарубежной литературе мы можем найти исследования [см., напр., 5], подтверждающие влияние культуры на управление конфликтами и их разрешение, на выбор того или иного стиля (стратегии) поведения человека при разрешении конфликтов. Как правило, выделяют пять стратегий поведения в конфликте, «сотрудничество», «компромисс», «уход», «доминирование», «уступки». Но не стоит забывать, что культурные факторы тесно взаимодействуют с личностью, следовательно, при изучении влияния культуры на выбор стратегии поведения в конфликте необходимо учитывать личностные особенности представителя той или иной культуры. Среди таких личностных особенностей следует назвать «ассертивность» – понятие, пришедшее в отечественную литературу из американской психологической школы и понимаемое как качество здоровой личности, заключающееся в свободном, решительном выражении своего мнения, позиции и т.п. при коммуникации с другими людьми.

Данная работа посвящена изучению взаимосвязи ассертивности и стратегий поведения в конфликте у разных культур. Для сравнения были взяты представители русской и азербайджанской культур. Всего в исследовании приняло участие 145 человек, среди них 70 представителей русской и 75 представителей азербайджанской культур. При этом, все русские респонденты проживали в Москве и МО, а азербайджанские – в Баку и в близлежащих районах.

В исследования использовались методика Рэхима в модификации Дж. Оэтцеля и др. для межкультурного конфликта для измерения предпочитаемых стратегий конфликтного поведения [6], методика оценки ассертивности личности, разработанная В.П. Шейновым [4], и методика Г. Хофстеде «Модуль исследования ценностей» [2].

Рассмотрим полученные результаты: изучение статистически значимых различий методом расчета критерия U Манна-Уитни у двух

независимых групп по методике «оценка ассертивности личности» показало наличие различий, а именно, азербайджанские респонденты имеют более высокий уровень, нежели русские респонденты ($p<0,001$), при этом, независимо от культурной принадлежности, мужчины показали более высокие баллы, чем женщины.

При изучении стратегий поведения в конфликте значимые различия были обнаружены по такой стратегии, как «доминирование» ($p<0,001$), данная стратегия в большей степени свойственна азербайджанским респондентам. При этом, независимо от культурной принадлежности, «доминирование» в большей степени склонны выбирать мужчины, нежели женщины. Помимо различий были обнаружены и сходства, а именно, независимо от культурной принадлежности, наиболее предпочитаемыми стратегиями в поведении и мужчин, и женщин являются «сотрудничество» и «компромисс».

Что касается корреляционных связей, то были обнаружены как сходства, так и различия. Метод расчета критерия R Спирмена показал наличие значимой обратной корреляционной связи между ассертивностью и стратегией поведения «уход» у русских и азербайджанских мужчин и женщин (-0,720 и -0,468 соответственно). Также обнаружена прямая корреляционная связь между ассертивностью и «доминированием» у русских и азербайджанских респондентов на групповом уровне (0,257 и 0,265 соответственно), отдельно она проявилась только у азербайджанских мужчин (0,428). Помимо этого, у русских респондентов существует обратная корреляционная связь между ассертивностью и еще одной избегающей стратегией – «уступки» (-0,333).

Таким образом мы можем сказать, что связь ассертивности с «доминированием», и обратная связь ассертивности с «уходом» являются культурно универсальными показателями, проявляющимися на групповом уровне, что говорит о том, что чем более люди склонны к отстаиванию своей точки зрения и позиции, тем более они стремятся к доминированию в конфликтной ситуации и менее стремятся к уходу. Но при этом связь между ассертивностью и «доминированием» у азербайджанских мужчин и более высокие показатели у азербайджанских респондентов, в отличие от русских, говорит о том, что азербайджанцы, в особенности мужчины, в большей степени склонны к отстаиванию своих мнений и позиций, что проявляется в доминантном поведении в конфликте [1; 3]. Мы можем предположить, что это связано с высоким уровнем «маскулинности» в азербайджанской культуре (97 баллов), по сравнению с русской,

которая считается больше «феминной» (37 баллов по «маскулинности» в нашем исследовании).

Подытожив результаты, мы можем сказать, что во взаимосвязи ассертивности и стратегий поведения в конфликте у представителей азербайджанской и русской культур есть как сходства, так и различия, обусловленные культурными особенностями.

Литература

1. *Крысько В.Г.* Этническая психология. Москва. 2019. — 359 с. электронный // URL: https://urait.ru/bcode/432791/p.233 (дата обращения: 11.04.2020).
2. *Татарко А.Н.* Методы этнической и кросс-культурной психологии / А.Н Татарко, Н.М. Лебедева. М. 2011. 236 с.
3. *Халитова С.Х.* Проявление личностных особенностей представителей этнических групп в условиях межэтнического взаимодействия: автореф. дис. ... кандидата психол. наук. – К. 2010. - 23 с.
4. *Шейнов В.П.* Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности / В.П. Шейнов // Вопросы психологии. 2014. – №2 2014. – С. 107-116.
5. *Croucher S.M., Bruno A., McGrath P., et al.* Conflict Styles and High-Low Context Cultures: A Cross-Cultural Extension // Communication Research Reports. 2012. Vol. 29. Iss. 1. P. 64—73.
6. *Oetzel J., Myers K., Meares M., Estefana L.* Interpersonal conflict in organizations: Exploring conflict styles via face-negotiation theory // Communication Research Reports.2003. Т. 20. № 2. С. 106–115.

Особенности стрессоустойчивости лидеров добровольческих групп

Богачева Т.И.

ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия

logtat91@gmail.com

Вопросы, касающиеся феномена лидерства, остаются актуальными на протяжении достаточно большого количества времени. Такой интерес со стороны психологов-исследователей обусловлен, во-

первых, постоянным расширением и обогащением предмета психологических исследований, а, во-вторых, их высокой практической значимостью.

Следует отметить, что лидерство представляет собой естественный процесс, возникающий в любой группе. Лидером же является член малой группы, который выдвигается на основе взаимодействия членов группы с целью решения важных для нее проблем. Значимым представляется тот факт, что лидерство всегда предполагает наличие системы отношений, включающей лидера и других членов группы, принимающих лидерство, ведомых [1]. Немаловажно, что феномен лидерства трактуется отечественными исследователями неоднозначно. При этом большинство авторов считает, что отличие лидера от других членов группы заключается в наличии у него более высокого уровня влияния. Так, А.В. Петровский рассматривает лидера как референтное лицо в отношении групповой деятельности, от которого зависит ее эффективность, причем референтность не всегда предполагает наличие у лидера статуса «социометрической» звезды [2].

В связи с тем, что на данный момент внимание научного сообщества обращено к добровольчеству и добровольческой деятельности как к новому предмету психологических исследований, то представляет существенный интерес изучение особенностей проявления лидерства в добровольческих группах. Ведь именно лидеры добровольческих групп выступают в качестве посредников между обществом и добровольческими группами, и от них зависит общий вектор развития добровольческого объединения, транслируемые им ценности, идеалы и модели поведения. В связи с этим существует объективная необходимость исследования феномена лидерства и, в частности, лидеров добровольческих групп.

Немаловажным является и тот факт, что для современного общества характерна высокая стрессогенность, и первыми, кто должен научиться адекватно реагировать на многообразие факторов стресса – это, конечно, лидеры (в том числе и молодежных групп), так как это необходимо как для благоприятной социальной адаптации самих лидеров, их последователей, так и в целом групп, в которых они занимают лидерскую позиицию.

Целью нашего исследования стало изучение особенностей стрессоустойчивости лидеров добровольческих групп.

Выборка исследования включила две группы респондентов: 1) лидеры добровольческих групп; 2) лидеры – школьных и студенческих групп (лидеры учебных групп). Общий объем выборки составил 108 молодежных лидеров, среди которых 54 – лидеры

учебных групп и 54 лидера – добровольца. Возраст респондентов от 15 до 22 лет.

Выявление лидеров в добровольческих группах осуществлялось с помощью метода экспертных оценок и теста «Самооценка лидерства». На основе метода экспертных оценок руководителями Ресурсного центра добровольчества Курской и Орловской областей были выделены члены различных добровольческих объединений, которые, по их мнению, являются лидерами. Затем среди отобранных добровольцев было проведено тестирование, которое позволило определить актуальный уровень проявления лидерства у представителей добровольческих групп. Для выявления лидеров в учебных группах применялась аппаратурная методика «Арка». Стрессоустойчивость лидеров изучалась с применением теста «Самооценка стрессоустойчивости личности» (Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова). Установление статистически достоверных различий осуществлялось с использованием непараметрического критерия U – Манна–Уитни.

В ходе эмпирического исследования нами было установлено, что большинство лидеров учебных групп обладает средним уровнем развития стрессоустойчивости, что соответствует 35,1%. Причем очень низкий, низкий, ниже среднего и чуть ниже среднего уровни развития стрессоустойчивости в данной группе респондентов не представлены (что соответствует 0%). В то же время высокий и очень высокий уровень развития данного референта имеет по 11,1% лидеров учебных групп, уровень чуть выше среднего свойственен 24,2% исследуемых, а выше среднего – 18,5%.

Исследование стрессоустойчивости лидеров добровольческих групп показало, что 38,9% исследуемых обладает уровнем развития чуть выше среднего. При этом очень низкий уровень, очень высокий, а также низкий и ниже среднего в данной группе респондентов выявлен не был (0%). Однако для 20,4% лидеров-добровольцев характерен средний уровень стрессоустойчивости, уровень выше среднего выявлен у 22,2%, чуть ниже среднего имеет 7,4% и высокий - 11,1% респондентов.

Интересен тот факт, что очень высокий уровень стрессоустойчивости был выявлен у лидеров учебных групп (11,1%), в то время как у лидеров добровольческих групп он не представлен (0%). В связи с чем, можно предположить, что требования, предъявляемые к личности лидера с позиции его стрессоустойчивости, выше в учебных группах, чем в добровольческих.

Однако в показателях стрессоустойчивости лидеров добровольческих и учебных групп статистически значимых отличий

по анализируемому референту выявило не было (U=1402, p>0,05). Такие результаты исследования позволяют утверждать, что респонденты обеих групп обладают сходными характеристиками стрессоустойчивости, т.е. они могут в большинстве случаев сохранять спокойствие в конфликтных ситуациях или в ситуациях неопределенности. Уместно также предположить, что в рамках групп анализируемой направленности (добровольческой и учебной) отсутствуют условия, требующие высокой сопротивляемости стрессу со стороны лидеров, в связи с чем лидерскую позицию в данных группах занимают индивиды не обладающие высоким уровнем стрессоустойчивости.

Литература

1. *Корягина Н.А., Михайлова Е.В.* Социальная психология. Учебник для бакалавров. – Юрайт, 2019. – 493 с.
2. *Петровский А.В.* Теория деятельностного опосредствования и проблема лидерства // Вопросы психологии. -1980. -№ 2. - С.29-41.

К вопросу о трансформации музыкальной субкультуры и ее влиянии на социализацию подростков

Богданова О.С.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва
Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва

Проблема влияния субкультуры на личность подростка является актуальной с точки зрения как возрастной, так и социальной психологии. Субкультура в целом является одним из важнейших пространств, в которых развивается личность подростка. Молодежная культура понимается как институт, который является связующим звеном между семьей и социальным миром взрослых. Этот институт определяет траекторию процесса отделения молодого человека от семьи [1]. Субкультуры отличаются наличием особых идентифицирующих признаков: системой ценностей, присущей данной группе, нормами и правилами поведения, стилем одежды, музыкой. Кроме содействия развитию формирующейся личности, субкультура предупреждает культурную стагнацию за счет частичного разрушения общепринятых норм и ценностей [2]. Поэтому сложно

говорить о субкультурах как о сугубо положительном явлении, поскольку они включают в себя целый спектр различных асоциальных явлений. Вместе с этим, по мнению специалистов, субкультурная асоциальность не представляет собой большой угрозы, поскольку носит временный характер [2]. Музыкальная субкультура может считаться идеальным образцом альтернативной культуры, поскольку отвечает самым широким требованиям молодежной аудитории. Музыка является важным социальным и культурным явлением, играющим большую роль в процессе социализации подростка. То или иное музыкальное направление тесно связано с жизненным стилем и ценностями молодежи. Музыкальные вкусы подростков обусловлены, в основном, процессами глобализации, медиатизации и развитием общества потребления. [3]. Несмотря на свою социальную значимость, влияние современной подростковой музыкальной субкультуры пока еще недостаточно изучено.

Ярким представителем субкультуры современной популярной музыки является американская певица Билли Айлиш, признанная самой прослушиваемой исполнительницей в США в 2019 году. В противовес исследованиям, посвященным положительному влиянию музыкальной субкультуры на подростка, следует говорить и об асоциальном характере подростковой музыкальной субкультуры. Одна из самых известных песен Билли Айлиш – «Bad guy» содержит такие строки: «Ты считаешь себя преступником; из-за тебя мои колени в синяках», «Я плохая девчонка; я могу заставить твою маму расстроиться; я могу заставить твою девушку сходить с ума; я могу соблазнить твоего отца». Песни подобного содержания являются ярким примером манифестации антиповедения как стремления нарушить культурные запреты. Не имея возможности осуществить антиповедение в социально приемлемом виде, подростки проявляют его через использование агрессивной риторики и иных форм поведения, включающих агрессивные действия. Известно, что нахождение в позиции «анти» и разрушение через эту позицию культурных норм является необходимым для развития подростков. Идентификация с кумиром и прослушивание музыки, содержащей провокационную риторику, дает подросткам возможность ознакомиться со своей темной стороной, что необходимо для достижения личностной целостности [2]. Кроме того, становясь членом субкультуры, личность не теряется в ее пространстве, а продолжает взаимодействие с культурой официальной. Однако и сама субкультура может претерпевать изменения и выходить за пределы своих границ [1]. Феномен Билли Айлиш иллюстрирует переход из субкультуры в официальную культуру. В январе 2020 года она

выиграла 5 премий «Грэмми», что свидетельствует о всестороннем признании певицы не только со стороны слушателей, но и со стороны профессиональных музыкальных критиков. Понятно, что на вручение официальных наград не влияет жанр или культурная принадлежность лауреата. Кроме этого, зимой 2020 года Билли Айлиш была приглашена записать заглавную песню к новому фильму о Джеймсе Бонде, что, по ее собственному признанию, стало для нее большой честью. Этот процесс можно объяснить трансформацией субкультуры в массовую культуру, которая играет важную роль в социализации подростка в реалиях общества потребления [1]. Наблюдение за этим процессом помогает подростку преодолеть кризис идентичности, за решением которого в том числе уходят в субкультуру.

Литература

1. *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М.; 2000.
2. *Хухлаева О.В.* Психология подростка: учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. М.; 2008.
3. *Шапинская Е.Н., Иванов С.В.* Молодежные музыкальные субкультуры в глобализованном мире: эстетические ценности и поиск идентичности // Человек и культура. 2016.

Особенности социальных представлений об образе консультирующего психолога (на примере Российской Федерации)

Болтова А.Ю., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
psystudy@bk.ru

Парадигма отношения людей к консультирующим психологам меняется, хотя и медленно. Исследования, проведённые ВЦИОМ и ФОМ, показывают, что в 2006 г. 93% россиян никогда не обращались за психологической помощью, в 2014 г. – 92%, в 2018 г. процент никогда не обращавшихся россиян снизился до 90%. [2; 3]. В то же время, опрос Левада-центра за 2010 г. показывает: 90% людей никогда не обращались к психологам, 20% респондентов хотя бы раз в жизни воспользовались услугами экстрасенсов, гадалок и магов; к помощи профессионального психолога прибегло в 2 раза меньше россиян – 10% [1].

Всё ещё наблюдается ситуация путаницы, когда многие россияне не знают, чем именно занимается психолог. Часто профессиональных психологов путают с представителями эзотерических ремесел. Также путаются понятия «житейский психолог» и «научный психолог», а чаще всего житейская психология затмевает собой научную. Люди склонны не разделять четко психолога, психотерапевта и психиатра, и чаще всего соединяют воедино понятие «психиатр» и «психолог». Обращение к психологу становится пугающим и бессмысленным, ведь психика человека функционирует в пределах нормы.

Наше исследование было проведено в ноябре-декабре 2019 г. Выборка составила 210 человек, не имеющих психологического образования и не работающих психологами. Базисом нашего исследования является теория поколений Штрауса и Хау [4]. На ее основе респонденты были разделены нами по группам, критерием разделения выступала принадлежность к тому или иному поколению. Было представлено четыре поколения: поколение Бэби-бумеров, поколение X, поколение Y и поколение Z. Численность представителей поколения Бэби-бумеров – 21 респондент, поколения X – 52 респондента, поколения Y – 56 респондентов и представителей поколения Z – 88 человек. Для проведения эмпирического исследования были использованы методика прототипического анализа П. Вержеса для изучения социальных представлений и методика семантического дифференциала Ч. Осгуда.

Представители поколения Бэби-бумеров, отличающиеся наиболее консервативными взглядами, в том числе и по отношению к психологическому консультированию, реже всего обращались за психологической помощью. Представители поколения X обращаются к психологам чаще, чем представители предыдущего поколения, и реже, чем поколение 30-летних. Но затем тенденция меняется, и представители поколения 20-летних проявляют меньшую склонность к обращению за психологической помощью.

По результатам применения методики прототипического анализа социальных представлений П. Вержеса, больше всего положительно окрашенных ассоциаций было названо представителями поколения X, меньше всего – представителями поколения Бэби-бумеров. В ядре всех социальных представлений, кроме социального представления представителей поколения Бэби-бумеров, присутствует понятие «врач». Это говорит об отсутствии адекватного образа консультирующего психолога, который скорее ассоциируется с врачом, работающим в больнице. Социальное представление респондентов-представителей поколения Бэби-бумеров отличается большей абстрактностью по сравнению с социальными

представлениями других групп выборки. Наиболее конкретные понятия присутствуют в социальном представлении респондентов из поколения Z – к примеру, такие понятия, как «кресло» и «кабинет». Представители поколения 30-летних, как наиболее часто обращающиеся за психологической помощью, имеют в ядре социального представления такие понятия, как «трата денег» и «дорого», что мы связываем с обращением к некомпетентным специалистам. В структуре социальных представлений представителей поколений Бэби-бумеров и X присутствуют понятия «слушать», «наблюдатель», «излить душу» и так далее, что указывает на позицию консультирующего психолога, скорее, со стороны. В то же время, в структуре социального представления у представителей поколений 30- и 20-летних присутствуют такие понятия, как «решение», «долгая работа», «работа над собой» и прочие, что говорит о двустороннем процессе консультирования, о двусторонней работе и консультирующего психолога и клиента.

По результатам применения методики семантического дифференциала видно, что представители поколения Z – единственные, кто оценивает образ консультирующего психолога более положительно, по сравнению с оценкой образа самого себя. Респонденты – представители поколения X оценивают образы самого себя и консультирующего психолога примерно в равной степени положительно. Представители поколения 30-летних в рамках нашего исследования также демонстрируют равенство в оценке образов психолога и самих себя, за исключением наиболее положительного оценивания самих себя по фактору оценки. Представители поколения Бэби-бумеров оценивают образ самого себя более положительно, по сравнению с образом консультирующего психолога. Также уточним, что образы консультирующего психолога у представителей поколения Y и образ самого себя у представителей поколения Z практически полностью совпадают. Образ самого себя наиболее положительно оценивается представителями поколения Y, наименее положительно – представителями поколения Бэби-бумеров. Респонденты – представители поколения Бэби-бумеров наименее положительно оценивают и образ самих себя, и образ консультирующего психолога по сравнению с представителями других поколений.

Литература

1. *Боде В.* Итоги исследования Левада-Центра, посвященное тому, как решают россияне свои психологические проблемы. URL: https://www.svoboda.org/a/24474463.html

2. *ВЦИОМ.* Проблемы и трудности: к кому россияне обращаются за поддержкой? URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9474
3. *ФОМ.* Ходят ли россияне к психотерапевтам? URL: https://fom.ru/Obraz-zhizni/11885
4. *Strauss W., Howe N.* Generations: the history of America's future, 1584 to 2069 – NY.: Morrow, 1991. – 538 pp.

Актуализация потребности к завершенности в условиях пандемии коронавируса

Буренина Е.В., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
burenina.evg@yandex.ru, huhlaevoe@mgppu.ru

Стремительное увеличение масштаба глобальных угроз, в том числе связанных с пандемией коронавируса во всем мире, актуализировало научный интерес к изучению когнитивных процессов восприятия, интерпретации, оценки личностью данного социального явления.

В этих условиях особую актуальность приобретает обращение к исследованию такого когнитивного феномена, как потребность в завершенности (NFC).

Идея конструкта «потребность в завершенности» зародилась в работе А. Кругрансски [2], а сформулировали это понятие А. Кругрански и Д. Вебстер [4].

Кругрански в своей теории эпистемологии [2] доказывал, что формирование знания в своей основе состоит из двух этапов:

- сбор информации и выдвижение или формирование гипотезы;
- нахождение ответа и формирование Знания.

NFC имеет отношение к человеческим стимулам, которые управляют этими двумя стадиями. Более того, NFC также влияет на процесс перехода из одной стадии в другую, когда вера кристаллизуется и превращается из робкой догадки в субъективно устойчивый факт. Особенно сильно NFC влияет на желание завершить процесс Познания, или на желание индивида получить точный ответ на вопрос и на неприятие индивида неопределенности.

Кругрански и Вебстер в своем исследовании [3] утверждают, что NFC вызывает, по крайней мере, две тенденции в поведении, такие как настойчивость или срочность, и постоянство, и эти характеристики хорошо соотносятся с двумя стадиями процесса Познания.

Тенденция настойчивости указывает на предрасположенность индивида быстро захватить ту информацию, которая позволит приблизить состояние завершенности.

Для индивида с высоким уровнем NFC достижение состояния завершенности является очень привлекательным, а откладывание этого состояния, наоборот, очень нежелательно. Поэтому индивид с высоким уровнем NFC может быстро сформировать умозаключение (кристаллизовать Знание) на основании частично полученной информации и/или неокончательно сформированных гипотез.

Тенденция удержания, в свою очередь, определяет склонность индивида сохранить состояние завершенности. Для этого индивид удерживает и фиксирует полученную информацию. Этот процесс фиксации стабилизирует полученную информацию и делает невосприимчивым индивида к получению и усвоению новой противоречащей информации.

Обе тенденции необходимы индивиду, чтобы избежать потери состояния завершенности. Тенденция настойчивости помогает избежать потери состояния завершенности, потому что способствует быстрому завершению первой стадии (стадия сбора информации и выдвижения гипотезы). Тенденция удержания помогает избежать потери этого состояния, потому что не дает вернуться в первую стадию.

Ранние исследования NFC в основном фокусировались на ситуациях, которые провоцируют высокий уровень NFC у индивида. Например, в условиях недостатка времени индивиду по определению необходимо быстро принять решение. Следовательно, такая ситуация заставляет индивида присваивать самые первые, возможно преждевременные, ответы. Условия недостатка времени также увеличивают стоимость пересмотра этих ответов, и вынуждают человека, единожды приняв решение, сохранять это решение в зафиксированном виде.

Вообще говоря, любая ситуация, которая приводит к увеличению стоимости обработки информации, усложняет обработку и повышает трудоемкость обработки информации, а также увеличивает неприязнь обработки информации, может усилить желание индивида принять состояние завершенности.

Например, задача, над которой трудится индивид, является монотонной, трудоемкой из-за усталости и/или интоксикации. Или внешние стрессовые факторы, такие как шум оборудования, мешают выполнению задачи.

В условиях сегодняшней мировой катастрофы, вызванной пандемией коронавируса, Ари Круглански описал [1] актуальность

влияния конструкта Потребность в завершенности на мотивацию и поведение мирового социума. Он заявляет, что стрессогенные силы, вызванные пандемией, оказывают глубокое внутреннее воздействие на людей. Пандемия воздействует на психику в трех направлениях: она влияет на чувство безопасности, меняет потребности и изменяет ценности.

Исследования о Потребности к завершенности говорят, что в условиях распространяющейся неопределенности люди, как к магниту, притягиваются к упрощенным решениям и черно-белым рассуждениям.

Некоторые тяготеют к полюсу отрицания, другие – к точке абсолютной паники, вере в то, что худшее обязательно придет, и конец близок.

Это время, когда устойчивое и уверенное лидерство крайне необходимо. Это время, когда авторитарное, уверенное руководство намного предпочтительнее, чем гибкое руководство или руководство невмешательства.

Одним из последствий нашей беспомощности перед лицом пандемии является наша большая общность, желание тепла и поддержки, осознание того, что нам нужны другие, что мы не можем справиться с этим в одиночку.

Коллективистские ценности, такие как взаимодействие, внимательность и забота, становятся приоритетными, в то время как индивидуалистические ценности – ценности престижа, популярности и власти теряют часть своей актуальности.

Итак, пандемия коронавируса изменяет социум изнутри, затрагивая различные аспекты психики. И конструкт Потребность в Завершенности достоверно объясняет причины этих изменений.

Литература

1. *Kruglanski A.W.* 3 ways the coronavirus pandemic is changing who we are. The *Conversation*. (March 2020) URL: https://theconversation.com (дата обращения: 25.03.2020)
2. *Kruglanski A.W.* Lay Epistemic Theory in Social-Cognitive Psychology. Psychological Inquiry. (1990). 1 (3): 181–197.
3. *Kruglanski A.W., Webster D.M.* Motivated closing of the mind: 'Seizing' and 'freezing'. Psychological Review. (April 1996). 103 (2): 263–83.

4. *Kruglanski A.W., Webster D.M., Klem A.* Motivated resistance and openness to persuasion in the presence or absence of prior information. Journal of Personality and Social Psychology. (1993) 65 (5): 861–76.

Взаимосвязь агрессивного поведения московских школьников и размеров тела

Буркова В.Н.
ИЭА РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
burkovav@gmail.com

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-00461)

С 50-х гг. XX в. психологи и антропологи исследуют проблему взаимосвязи агрессивного поведения и телосложения человека. Основоположник конституциональной психологии У.Г. Шелдон отмечал, что у юношей-правонарушителей мезоморфные компоненты тела выше среднего (они худы и мускулисты «от природы») [7]. Далее исследователи перешли к прямым измерениям тотальных размеров тела – роста и веса, на основе которых высчитывается индекс массы тела (ИМТ), являющийся адекватным показателем для оценки степени ожирения или нехватки веса у детей и взрослых [5]. К настоящему времени накоплено большое количество работ по данной теме, однако, во многих наблюдаются существенные недостатки – неравномерность использованных выборок, отсутствие учета социальных и культурных (этнических) факторов, смешение разных возрастов, применение разных методик для оценки агрессивности [1; 5; 6].

Отечественные работы, как правило, затрагивают не нормотипичные группы: исследования проводились в специальных коррекционных школах или среди заключенных. В одной из работ показано преобладание количества мускулистых подростков в спецшколах по сравнению со среднеобразовательными [2]. В исследовании мужчин, осужденных за насильственные преступления, связи роста и веса с агрессией не обнаружено [3]. Дети и подростки, страдающие ожирением, имели более высокий уровень тревожности и формирования агрессивного поведения по сравнению с нормой [4].

Наше исследование было проведено в 2018-2019 гг. в общеобразовательных школах. Конечная выборка составила 490

школьников (247 мальчиков и 243 девочки) в возрасте от 10 до 17 лет. Все школьники, определившие себя как нерусские, были исключены из анализа, поскольку в более ранних работах было показано, что этнические особенности телосложения могут влиять на агрессивное поведение [1; 6]. Все школьники заполняли демографический опросник и личностный опросник уровня агрессивного поведения Басса-Перри. Далее измерялись длина (рост) и масса (веса) тела. На основе проведенного анализа имеющихся работ была определена следующая гипотеза: школьники с более высокими показателями размеров тела (рост, вес, ИМТ) будут иметь более высокие оценки по агрессии, в особенности по физической; у мальчиков и юношей данный эффект должен быть выражен сильнее.

Анализ полученных данных показал значимый положительный эффект фактора «пол» для шкал «гнев» и «враждебность», и отрицательный эффект для физической агрессии для целой выборки. Морфологические показатели (рост, вес, индекс массы тела) показали значимые эффекты только с враждебностью. При разделении выборки по полу эффект параметров роста, веса и ИМТ на шкалу гнев был не значим для школьников. Для физической агрессии мальчики более высокого роста оценивали себя как менее физически агрессивные, тогда как более низкие школьники имели более высокие оценки по физической агрессии (F=3,804, p=0,050), но не девочки. Вес был значимым предиктором для физической агрессии как у мальчиков (F=4,387, p=0,037), так и у девочек (F=6,373, p=0,012) – школьники с бóльшим весом имели более низкие самооценки по физической агрессии, т.е. они реже дрались и вступали в открытые физические столкновения, а более худые школьники оценивали себя как более драчливые. Школьницы с повышенным ИМТ (с избыточной массой тела) имели более низкие самооценки по физической агрессии, а с нехваткой веса – более высокие самооценки по физической агрессии (F=4,840, p=0,028). Для враждебности значимыми предикторами были рост (F=5,319, p=0,022), вес (F=10,375, p=0,001), ИМТ у мальчиков (F=5,042, p=0,026), но не у девочек – более высокие и крупные по весу мальчики менее враждебны по отношению к своим одноклассникам, а более худые и низкорослые – более враждебны. Для вербальной агрессии значимым предиктором был только рост у девочек (F=6,677, p=0,010).

Теоретическая гипотеза нашего исследования не подтвердилась – мы ожидали, что школьники с более высокими показателями размеров тела будут иметь более высокие оценки по агрессии. Однако, напротив, такие школьники оценивали себя как менее агрессивные, чем их более низкие и более худые одноклассники.

Анализ взаимосвязи агрессивного поведения и размеров тела на примере московских школьников показал наличие значимых морфофизиологических предикторов физической агрессии и враждебности.

Литература

1. *Буркова В.Н.* «Хорошего человека должно быть много»? Агрессия и ее связь с размерами тела // Этнографическое обозрение. 2020. №3 (в печати).
2. *Васильев В.Л.* Конституция делинквентного подростка // Материалы 4–го Международного Конгресса по интегративной антропологии. СПб.: Изд–во СПБГМУ, 2002. С. 46.
3. *Зайченко А.А., Краснощеков А.С.* Особенности личности, телосложения и дерматоглифики мужчин, осуждённых за насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология телесности: теоретические и практические исследования. 2011. С. 124–132. URL: https://psyjournals.ru/psytel2009/issue/40823_full.shtml (дата обращения: 10.04.2020).
4. *Самойлова Ю.Г., Кравец Е.Б., Семке В.Я., Белокрылова М.Ф.* Типы пищевого поведения и клинико-психологические особенности детей и подростков, страдающих ожирением // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. №. 3. С. 71–75.
5. *Lee K.S., Vaillancourt T.* Developmental pathways between peer victimization, psychological functioning, disordered eating behavior, and body mass index: a review and theoretical model // Aggression and violent behavior. 2018. N 39. P. 15–24.
6. *Raine A., Reynolds C., Venables P.H., Mednick S.A., Farrington D.P.* Fearlessness, stimulation-seeking, and large body size at age 3 years as early predispositions to childhood aggression at age 11 years // Archives of general psychiatry. 1998. N 55 (8). P. 745–751.
7. *Sheldon W.H.* Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry. New York: Harper, 1949. 899 p.

Альтруизм и парохиализм у детей младшего школьного возраста: экспериментальное исследование

Буркова В.Н., Бутовская М.Л.
ИЭА РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
burkovav@gmail.com, marina.butovskaya@gmail.com

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-18-00075)

Социальные нормы и связанное с ними альтруистическое поведение имеют решающее значение для развития человеческой кооперации и поддержания социального порядка в группе [2; 3; 5; 6]. Ряд исследований говорят в пользу ранней (врожденной) склонности детей проявлять альтруизм и помощь вне зависимости от каких-либо обстоятельств [7]. Современные работы показывают, что важную роль в раннем детском альтруизме играет наблюдение за альтруистичными жестами и взаимопомощью окружающих, являющееся своеобразными триггерами в развитии просоциального поведения детей [1].

Данные были собраны в 2019 г. в московских общеобразовательных школах в начальных классах. Выборка составила 168 детей (83 мальчика и 85 девочек) в возрасте от 6 до 11 лет. Склонность к просоциальному поведению у детей оценивалась с помощью экспериментальной методики, разработанной Э. Фером с соавторами [4]. Экспериментальная игра проводилась с каждым ребенком один-на-один, чтобы исключить влияние одноклассников или учителей на принятие решений. Школьники принимали решения в нескольких дилеммах:

1) игра «просоциальное поведение» – испытуемый делает выбор получить конфету самому, при этом другой ребенок не получает сладость вовсе, либо взять конфету себе и дать еще одну второму ребенку. Себе вторую конфету он забрать не может;

2) игра «зависть» – испытуемый получает одну конфету сам, но может при этом выбрать, сколько конфет получит другой: 1 или 2. Себе вторую конфету он забрать не может;

3) игра «альтруизм» – перед ребенком ставится трудный выбор, сопряженный с реальным ущербом для своих собственных интересов: взять 2 конфеты себе либо поделиться с другим (отдать 1 или даже 2 конфеты).

Каждый ребенок выполнял 2 серии таких заданий: в первом случае ему сообщалось, что получатель конфеты – кто-либо из знакомых ему ребят (одноклассник, друг), во втором – незнакомый сверстник.

Школьникам предлагались в каждой игре реальные конфеты, то есть принимаемое решение было основано на реальном подкреплении в виде сладости.

Мы провели ряд тестов χ^2 с использованием анализа таблиц сопряженности, чтобы выявить половые различия в трех играх в отношении друзей и анонимных сверстников для всей выборки. Значимых гендерных различий ни в одном из сетов игры обнаружено не было – мальчики и девочки младшего школьного возраста выбирали одинаковые стратегии. Однако, сравнение двух зависимых выборок показало значимые различия при сравнении игр с друзьями и незнакомыми сверстниками: просоциальная игра (t=17,596; df=167, p=0,000), игра «зависть» (t=13,817; df=167, p=0,000), альтруистическая игра» (t=16,730; df=167, p=0,000). В игре «просоциальное поведение» школьники (и мальчики (80%), и девочки (81%)) делали выбор в пользу более альтруистичного решения – отдавали 1 конфету друзьям. В случае с незнакомыми сверстниками школьники были уже не так «добры» – конфету отдавали меньшинство: 23% мальчиков и 25% девочек. В игре «зависть» друзья получали по 2 конфеты (то есть больше, чем себе) у 73% мальчиков и 76% девочек, остальные делили конфеты поровну. С недрузьями ситуация менялась наоборот – большинство детей отдавали им по 1 конфете (54% мальчиков и 58% девочек), и только по 27% отдавали незнакомым больше, чем себе, остальные – не давали ничего. В третьей игре на истинный альтруизм, 47% мальчиков и 51% девочек делили конфеты поровну между друзьями, а 35% и 33% отдавали обе конфеты друзьям. Тех, кто все конфеты забрал, не поделившись с другом, себе было всего по 1 %. Однако, в случае с незнакомыми сверстниками ситуация снова кардинально изменилась: 43% мальчиков и 53% девочек указали, что не дадут им ничего, 33% и 26% были готовы разделить конфеты поровну, и только 7% и 6% готовы отдать обе конфеты.

Полученные нами данные показывают, что в младшем школьном возрасте при выборе просоциального поведения и альтруизма пол школьников не имеет значения в отличие от более старшего возраста. Однако, наблюдается сильный парохиальный эффект (положительное отношение к представителям своей социальной группы) – значимая разница в принятии решений по отношению к друзьям и анонимным сверстникам. По-видимому, парохиализм играет важную роль в процессе принятия решений – дети склонны поощрять членов своей группы, что в целом способствует функционированию и эффективности собственной группы и в перспективе дает долгосрочные выгоды.

Литература

1. *Barragan R.C., Dweck C.S.* Rethinking natural altruism: Simple reciprocal interactions trigger children's benevolence // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111, no. 48. Pp. 17071-17074.
2. *Bernhard H., Fischbacher U., Fehr E.* Parochial altruism in humans // Nature. 2006. Vol. 442, no. 7105. Pp. 912-915.
3. *Boyd R., Gintis H., Bowles S., Richerson P.J.* The evolution of altruistic punishment // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2003. Vol. 100, no. 6. Pp. 3531-3535.
4. *Fehr E., Bernhard H., Rockenbach B.* Egalitarianism in young children // Nature. 2008. Vol. 454, no. 7208. P. 1079.
5. *Fehr E., Gächter S.* Altruistic punishment in humans // Nature. 2002. Vol. 415. No. 6868. P. 137.
6. *Nowak M.A., Sigmund K.* Evolution of indirect reciprocity // Nature. 2005. Vol. 437, no. 7063. P. 1291.
7. *Warneken F., Tomasello M.* Varieties of altruism in children and chimpanzees // Trends in cognitive sciences. 2009. Vol. 13, no. 9. Pp. 397-402.

Партнерство как реализация горизонтальных связей в социальном взаимодействии

Вавакина Т.С.
ИП РАН, Москва, Россия
tvavakina@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00735)

Современный этап развития социальной психологии примечателен тем, что на протяжении последних 30 лет развитие нашей страны сопровождается постоянной трансформацией норм, правил и общественных ценностей. Это напрямую соотносится с тем, как реализуется социальное взаимодействие на разных уровнях общественной жизни. В самом общем виде можно говорить об иерархически-организованном и о паритетном взаимодействии. Отметим, что социальной иерархии, управлению, лидерству и т.п. в отечественной социальной психологии традиционно уделялось достаточно много внимания, эти темы активно обсуждались с точки зрения, как теоретических вопросов, так и в плане эмпирических

исследований. Естественно, существуют определенные различия между вертикальным и горизонтальным взаимодействием. Поэтому нам представляется интересной проблематика паритетного взаимодействия [1].

Уделим внимание связанным с этой темой понятиям. Во-первых, можно говорить про *отношения партнерства*. В данном случае речь идет о содержании и особенностях взаимодействия, это скорее формальное описание характера связи между людьми или группами. Ранее, в предыдущих исследованиях взаимодействия в деловой сфере, мы рассмотрели наиболее важные социально-психологические аспекты делового партнерства. Мы соотнесли наши теоретические представления с эмпирически полученными результатами. Постарались выявить отличие делового партнерства от других форм взаимодействия, описав его уникальные особенности. Так, например, деловое партнерство предстает как сотрудничество, допускающее конкуренцию, его характеризуют: автономность и относительная независимость деловых партнеров – субъектов экономической деятельности, чувствительность к вопросам стабильности статусов участников по отношению друг к другу и предпочтение паритетных отношений [2]. Во-вторых, можно рассуждать про *партнерские отношения*. Так, формально люди могут быть деловыми партнерами, и даже вполне исправно выполнять свои функции в процессе взаимодействия, однако сами взаимоотношения, которые складываются между людьми в этом взаимодействии не всегда можно в полной мере назвать партнерскими. Зная, что субъекты находятся в отношениях партнерства, мы можем предполагать, но наверняка ничего не можем сказать о том, какие у них отношения друг с другом, потому что это уже скорее качественное описание конкретных взаимоотношений, т.е. *оценка существующей связи между людьми*.

Итак, партнерство как социальное взаимодействие характеризуется вполне определенными особенностями. Какими? В эмпирическом исследовании мы использовали метод незаконченных предложений. Предлагалось закончить следующие фразы: «Партнерство – это ...», «Для меня быть партнером – ...», «Я могу сказать, что у меня с другим человеком сложились партнерские взаимоотношения, если …», «Партнерские взаимоотношения отличаются от всех других тем, что...».

В соответствии с представлениями наших респондентов, *партнерство* – это сотрудничество, взаимодействие, предполагающее общие цели и задачи, общие интересы, общее дело, возможно – совместная деятельность, характеризующееся взаимной выгодой, установлением определенных взаимоотношений, доверием,

равноправием, взаимопомощью, взаимовыручкой и поддержкой, взаимопониманием, пониманием, принятием и взаимоуважением. Кроме того, быть партнерами – значит принимать ответственность, выполнять свои обязательства, в отношениях важны честность, уверенность, что на партнера можно положиться. Отмечая отличие от других видов взаимодействия, помимо перечисленных аспектов партнерства, респонденты часто отмечают, что это «особые отношения».

Происходящие на протяжении последних десятилетий процессы привели к активному развитию горизонтальных связей между людьми и общностями. Можно отметить развитие интернет-коммуникаций, социальных сетей, всплеск благотворительной и волонтерской активности, сетевую организацию коммерческой деятельности, распределенную систему обмена информацией, знаниями и др. Интенсивное развитие горизонтальных социальных связей требует осмысления специфики такого рода взаимодействий в разных сферах жизнедеятельности человека [3], внимания к проблеме установления, поддержания и развития паритетных отношений.

Литература

1. *Вавакина Т.С.* Проблема исследования партнерства в социальной психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2018. Т. 25. С. 38-50.
2. *Позняков В.П., Вавакина Т.С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. Сер. Психология социальных явлений. Москва, 2016. – 320 с.
3. *Вавакина Т.С.* Отношения партнерства в разных сферах жизнедеятельности человека / Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности // Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С.640-647.

Ответственность как экзистенциальная основа культурной практики отвечания жизни «да»

Валуев О.С.
РАНХиГС, Москва, Россия
o.valuev@yandex.ru

Ответственность – один из ключевых экзистенциалов человеческой жизни, наряду с духовностью и свободой [7]. Бытие человека в мире

есть бытие-в-ответственности, ведь само «бытие человека представляет собой ответственность, вытекающую из конечности его жизни» [9, с. 202]. И это вполне объяснимо в логотерапевтической логике В. Франкла, например, в ответе студента на экзамене [там же]. Отвечание себе (своей совести) и за себя «всегда ответственность перед смыслом» [7, с. 51]. Жизнь вопрошает нас о нашем смысле, «вся наша жизнь есть стремление к цели, к смыслу. Эта наша жажда смысла есть всегда стремление вперед и вверх… Душа жаждет подъема, стремится к горнему полету…» [5, с. 56]. Бесконечные вопросы жизни, сменяющиеся из ситуации в ситуацию, из часа в час, от одного пространства к другому – вызывают к ответу, поэтому В. Франкл называл уникальную и неповторимую человеческую жизнь выпускным сочинением, в котором важен не объем и полнота изложения авторской мысли, а «качество» выполнения [7, с. 104]. В логике деятельностного подхода в психологии можно было бы добавить – и стиль исполнения [1], на что из культурно-исторического подхода вырастает ответ про наполненность содержанием [3]. Поэтому особенно актуально рассмотрение ответственности как фундаментального вызова эпохи перемен, т.е. реальное личностное отвечание на экзистенциальный вопрос современной жизни «как изменяться, не изменяя себе» [10, с. 4]. Всякий человек «должен отвечать жизни, он несет «ответ-ственность» перед жизнью» [7, с. 90]. Следовательно, ответственность рассматривается нами как экзистенциальная основа культурной практики отвечания жизни «да». И отвечает ответственный, и ответственность уже содержится в ответе, а если все-таки ответа нет, или он оказывается неполным, то нет и смысла отвечать, одна бессмысленность бесконечного круга жизненной суеты [5].

Главный герой комедийного фильма «Yes Man» (2008) режиссера П. Рида по одноименному биографическому роману Д. Уоллеса, который перевели на русский как «Всегда говори «Да»», по имени Карл Аллен долгое время упорядочивал свою жизнь, сохраняя в ней определенность и устойчивость, комфорт и некоторую замкнутость. Это выражалось в том, что на любые предложения как-то изменить, разнообразить жизнь он отвечал стойкое «нет». От него ушла жена, на работе он стал отказывать клиентам, дома – друзьям. На это ему стали говорить, что в некотором смысле он мертв, поскольку не живет на полную. Пустоты внутренней жизни, подобные тем, что показаны на картине Р. Магритта «Препятствие пустоты» (1965), пронзают все существование героя. И это закономерные пустоты бессмысленности [6]. Можно сказать, что Карл не жил, а скорее «отнекивался» от жизни, старался отвернуться от ее внутренней формы, в которой

только и возможно обретение смысла [4]. Все изменилось, когда он посетил семинар по саморазвитию «Да – новый вид нет» Терренса Бандли, где «договорился» всегда отвечать «да» на все предложения жизни. В его жизни быстро появилась новая возлюбленная, повышение по службе, расширился круг друзей и знакомых, герой втянулся в цепочку авантюр… Однако, принуждение к «поддакиванию» жизни не дало ему желанного смысла. Один ответ не может подменить другой: оба варианта – «отнекивание» и «поддакивание» – представляют собой крайности отношения человека к жизни, – в них нет собственно ответственности за себя, это безответственная жизнь. Только разговор Карла с Терренсом в больнице открывает герою неотменяемость и неотменимость свободы воли, противопоставленной судьбе [8]; из свободы воли только и возможен свободный выбор тех обстоятельств, которым человек говорит «да» и тех, которым он решает ответить «нет». И в этом обнаруживается современный ответ человеческой жизни в эпоху перемен.

Таким образом, отвечание жизни «да» не исключает отвечания жизни «нет», напротив, осмысленно включает его в себя. «Да», сказанное жизни, не абсолютно, более того, в зависимости от меры осознанности и ответственности оно «заряжено» эмоционально и ценностно, что придает новые силы жизни, раскрывает и укрепляет ее потенциал. Следовательно, в отвечании жизни «да» открывается иное ее измерение – мир вертикальной взрослости (изменением взрослости), не связанной с возрастанием (изменением возраста). Взрослый отпустил детство [2], став ответственным и приняв свою судьбу и свободу. Ответственность – не только экзистенциальная основа, но и вертикальный смысловой ход культурной практики отвечания жизни «да», ход во взрослость. Ответственным никого нельзя назначить. Это не результат обстоятельств или договоренности. Мы назначены отвечать жизни самим своим существованием в этом мире. Ответ «да» обращен не только вперед к жизни, но и вверх, к взрослости, что само по себе изменяет направление личностного движения. Значит, личностное отвечание жизни «да» есть культурная практика смысловой навигации индивидуального пути человеческой жизни.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубнштейна: к 100-летию со дня рождения. М., 1989.

2. *Валуев О.С.* Детство надо отпускать. Психология метаобразования человека в медийном мире // Наука и образование: современные тренды. 2015. № X. С. 196-205.
3. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2006.
4. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М., 2010.
5. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 2011.
6. *Франкл В.* Воспоминания / Пер. с нем. Л. Сумм. М., 2016.
7. *Франкл В.* Доктор и душа: логотерапия и экзистенциальный анализ / Пер. с нем. Л. Сумм. М., 2017.
8. *Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / Пер. с нем. Д. Орлова, Д. Леонтьев. М., 2016.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла / Пер. с англ. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М., 1990.
10. *Mobilis in mobili:* личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А.Г. Асмолова. М., 2018.

Метафора как социальная репрезентация жизненного пути в условиях социальных преобразований

Вачков И.В.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
igorvachkov@mail.ru
Саликова Э.М.В.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
evelina.salikova@mail.ru

Количество исследований в области социальных репрезентаций в рамках современной психологии отражает общую заинтересованность ученых в данном феномене, не менее интересным является феномен жизненного пути, который остается одной из центральных проблем психологического знания, как в зарубежной, так и в отечественной науке. В настоящий момент, когда весь мир переживает сильнейший кризис, особенно актуальным выступает исследование социальных репрезентаций жизненного пути, поскольку таким образом становится возможным изучение восприятия представителями определенных социальных групп жизни в условиях трансформации современного общества и мира в целом. В связи с распространением не изученного ранее вируса, 11 марта 2020 г. генеральный директор Всемирной Организации Здравоохранения заявил о введении пандемии, что означает, что в большинстве стран мира зарегистрированы случаи инфицирования [1]. В связи со сложившейся эпидемиологической

обстановкой общество вынуждено вырабатывать новые механизмы преодоления кризисной ситуации результатом данного процесса, является решение о самоизоляции граждан, что является необходимой мерой. Данная ситуация предполагает появление новых возможностей для изучения социальных репрезентаций жизненного пути в трансформации и развитии.

Разработка понятия социальной репрезентации велась представителями французской школы, которые предприняли попытки выявления механизмов функционирования индивидуального сознания субъекта в социуме. Последователи данного направления уделяли особое внимание способу жизни, выбранному субъектом, как отражению специфического типа его личности. В данный момент субъект вынужден находиться в изоляции, что не является его выбором, а регламентировано позицией государственных органов управления, исключены привычные социальные контакты, типичные модели поведения нуждаются в трансформации, требуется выработка новых способов удовлетворения потребностей в коммуникации и социальном взаимодействии. В данном ключе актуально исследование репрезентаций жизненного пути, сопряженного с понятием выбора, который в данной ситуации обусловлен в значительной степени социумом, в котором осуществляется.

На основе анализа различных подходов к изучению жизненного пути, разрабатываемых с позиции личности, субъекта, а также объективных биографических аспектов жизни человека, можно определить данный феномен как субъективно воспринимаемую, организованную, проектируемую индивидуальную историю жизни человека, представленную социальным и индивидуальным компонентом и осуществляемую в рамках социума.

По мнению К.А. Абульхановой-Славской, на протяжении жизни личность осуществляет разработку определенной теоретической концепции жизненного пути, которая должна соответствовать адекватному отношению как к самой личности, так и к действительности, в которой личность находится. Концепция выступает продуктом индивидуального и социального сознания, включает в себя социальную репрезентацию, которая согласно С. Московичи выступает соединением когнитивного и эмоционального.

Мы исходим из положения о том, что в качестве социальной репрезентации жизненного пути может выступать метафора, поскольку социум в процессе своего развития порождает метафорические образы, формирующие психологическую реальность как отдельной личности, так и социальных групп [2]. Процесс метафоризации состоит в обобщении жизненного опыта и получения

новых знаний о современном мире. Продуктом данного процесса выступают метафоры, отражающие социальные репрезентации.

Нами было реализовано исследование социальных репрезентаций жизненного пути студентов и людей, получивших высшее образование, до объявления пандемии и во время предписания режима самоизоляции, способом выражения которых выступает метафора.

В первом этапе исследования приняли участие 267 респондентов. Количество респондентов, которые приняли участие во втором этапе на данный момент составило 31, из них 29 женщин и 2 мужчины в возрасте от 20 до 45 лет.

Исследование проводилось посредством сервиса «Google Формы», на котором были размещены: эссе «Метафора жизненного пути»; эссе «Метафора жизненного пути в самоизоляции». В рамках данных методик испытуемому предлагалось выразить в метафорическом эссе свое представление о жизненном пути, а также о жизненном пути в самоизоляции соответственно.

В рамках данной работы мы произвели сравнительный качественный анализ, а также контент анализ социальных репрезентаций жизненного пути, выраженных в метафорах в условиях повседневной жизни и в условиях самоизоляции 31 респондента, 9 студентов и 22 представителей контрольной группы посредством программы MAXQDA.

Участники исследования характеризовали свой режим: 79% респондентов практически не покидают дом, работают дистанционно 15% вынуждены посещать рабочее место, однако стараются ограничить посещение общественных мест, 6% не изменили образ жизни, что свидетельствует о том, что большинство испытуемых находятся в состоянии самоограничения.

В предоставленных эссе «Метафора жизненного пути» в ходе контент-анализа 74 метафор нами были выделены 14 категорий: Характеристика Я (11); Эмоциональный компонент (11); Действия (9); Дорога, путь, путешествие (9); Природные объекты (8); Предметы (6); Характеристика времени (6); Описания (4); Испытания (4); Человек (3); Графические образы (2); Повествование (1); Абстрактные понятия (1); События (1).

В предоставленных эссе «Метафора жизненного пути в самоизоляции» в ходе контент-анализа 57 метафор нами были выделены 9 категорий: Эмоциональный компонент (25); Природные объекты (8); Действия (8); Испытания (5); Характеристика времени (4); Предметы (3); Описания (2); Абстрактные понятия (1); События (1).

Отметим, что метафоры жизненного пути по отношению к метафорам жизненного пути в самоизоляции более подробные, что обусловлено целостным восприятием жизни в первом случае и фрагментарным восприятием конкретного периода во втором, о чем свидетельствует количество метафор и категорий анализа. В рамках метафоры жизненного пути особое место занимает характеристика испытуемыми своего я, локуса контроля – Я, переживание жизненного пути, а также характеристики его продолжения, метафора жизненного пути в самоизоляции в больше степени наполнена эмоциональным компонентом, переживанием неопределенности, социальная репрезентация жизненного пути в этот период выступает в качестве природных объектов, что может являться отражением отсутствия контроля над жизнью, репрезентации продолжения пути (Дорога, путь, путешествие) отсутствуют.

Литература

1. Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. URL: https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19--11-march-2020
2. *Вачков И.В.* Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 5. С. 68 – 74.

Социально-психологический тренинг как средство преодоления трудностей взаимодействия волонтеров и лиц с ОВЗ

Вачков И.В., Гукасова М.П.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
igorvachkov@mail.ru , marina_gukasova@mail.ru

В настоящее время становится популярным оказание безвозмездной помощи людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Участие в волонтерском движении можно рассматривать как своего рода подготовку к профессиональной деятельности. Так как в большей степени это касается помогающих профессий, то данный вид активности мы рассматриваем как антропологический, аксиологический и деятельностный ресурс для успешного формирования у будущих специалистов нравственно-

ценностных ориентиров и профессионально-значимых качеств, таких как толерантность, доброжелательность и эмпатия [2].

Развитие вышеперечисленных качеств, по нашему мнению, необходимо, так как в процессе взаимодействия у волонтеров появляются трудности (психологические барьеры), которые существенно затрудняют процесс общения. Особенно актуальна проблема взаимодействия волонтеров, имеющими сохранный слух и зрение, с людьми с одновременными нарушениями зрения и слуха (слепоглухих). В процессе коммуникации слепоглухих и зрячеслышащих барьеры взаимодействия проявляются у обеих сторон [2].

На основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы и метода экспертных оценок нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого выступало изучение трудностей, возникающих в процессе взаимодействия волонтеров и лиц с ОВЗ, и механизмов их возникновения.

В исследовании приняли участие 16 человек: волонтеры, входящие в проект «Наставники и ученики» Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение», и волонтеры ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», прошедшие программу повышения квалификации «Подготовка волонтеров для сопровождения лиц с комплексными нарушениями слуха и зрения».

Методиками диагностики волонтеров выступили:

1. опросник «Психологические барьеры взаимодействия»;
2. методика «Диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении» В.В. Бойко;
3. 16 факторный опросник Р. Кеттела;
4. «Методика диагностики профессиональной педагогической толерантности» Ю.А. Макарова.

Данные, полученные по вышеуказанным методикам, были обработаны с помощью программы SPSS Statistics. Для выявления линейной связи между двумя величинами был использован коэффициент корреляции Пирсона. Во всех процедурах статистического анализа рассчитывался достигнутый уровень статистической значимости.

По результатам корреляционного анализа мы увидели, что фактор С теста Кеттелла (эмоциональная стабильность-нестабильность) положительно коррелирует с показателями методики диагностики эмоциональных помех в общении В.В. Бойко. Фактор Е теста Кеттелла (подчиненность-доминантность) отрицательно взаимосвязан с показателями методики диагностики профессиональной педагогической толерантности Ю.А. Макарова. Фактор F теста

Кеттелла (сдержанность-экспрессивность) положительно коррелирует с показателями методики диагностики эмоциональных помех в общении В.В. Бойко. Фактор Q2 теста Кеттелла (конформизм-нонконформизм) отрицательно взаимосвязан с показателями методики диагностики эмоциональных помех в общении В.В. Бойко.

Проанализировав полученные результаты, мы пришли к выводу, что одним из наиболее эффективных методов предупреждения и преодоления вышеописанных барьеров взаимодействия волонтеров и слепоглухих взрослых, является социально-психологический тренинг.

Социально-психологический тренинг (СПТ) – средство психологического воздействия, направленное на развитие знаний, социальных установок, умений, опыта в области межличностного общения (Л.А. Петровская) [3].

Основной целью СПТ, по мнению Л.Ф. Анн, является помощь людям в самопознании, открытии своих сильных сторон, развитии чувства собственного достоинства, преодолении неуверенности и страха, утверждении собственных прав и собственной ценности, а содержание тренинга построено на самопознании, самосознании и саморазвитии личности [1].

По нашему мнению, основной целью СПТ будет выступать развитие социально-психологической компетентности личности, то есть способности индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми.

Мы считаем, что эффективными видами СПТ будут выступать такие, как тренинг коммуникативной компетенции, самореализации личности, партнерского общения.

Разработка тренинговой программы в рамках заявленной нами проблемы будет нацелена на принятие, преодоление психологических барьеров взаимодействия волонтеров и слепоглухих взрослых. Также она будет включать в себя аспекты, нацеленные на совершенствование психологической культуры, коррекции и самокоррекции как личности, так и группы в целом.

Тренинговая программа будет проходить в несколько этапов:

1) вступительный этап, заключающийся в организации знакомства участников, в создании благоприятной атмосферы, принятии правил, выявлении ожиданий участников;

2) основной этап, предполагающий актуализацию проблемы, оценку уровня информативности, информативный блок и приобретение практических умений и навыков;

3) заключительный этап – оценка изменения уровня информативности, анализ результатов, рефлексия.

По нашему мнению, проведение тренинговой программы с волонтерами позволит осознавать и успешно преодолевать психологические барьеры, которые мешают эффективному взаимодействию субъектам общения.

Литература

1. *Березин С.В. Лисецкий К.С.* Психология ранней наркомании. Самара: Самарский университет, 2000. 72 с.
2. *Ермакова Е.А.* Теоретический анализ причин и механизмов возникновения трудностей в социальном взаимодействии у лиц с двойным сенсорным нарушением // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2481–2485.
3. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. М.: Изд. МГУ, 1989.

Об особенностях проживания культурного шока в связи с выбранным типом адаптации

Введенский А.А., Ковыльникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nevskiu89@mail.ru

В настоящее время в психологической науке существует достаточно большое число работ, которые связаны с вопросами адаптации, аккультурации и культурного шока. Разработкой данной проблематики занимались такие ученые как П. Адлер, Дж. Берри, С. Бочнер, К. Гроув, М. Запф, Д.Б. Мамфорд, К. Оберг, К. Фурнем, А. Фэрнхем, Э. Холл, Г. Хофстеде и др. Однако изучение проблемы культурного шока является весьма значимой задачей для психологической науки по сей день.

Современная ситуация в мире такова, что люди становятся открытыми для понимания иного социокультурного опыта и, наряду с этим, с радостью делятся собственным. Создание общей системы культурных основ и кодов для всего человечества, которое происходит в результате глобализации приводит к формированию единого полиязыкового и поликультурного пространства. Это единое пространство способствует все большему количеству контактов людей из разных культурных пластов.

Однако, если встреча человека с другой культурой – это получение нового опыта, знаний, духовного обогащения, то процессы вхождения человека в другую культуру всегда имеют определенные последствия. Разность культур порождает сложности коммуникативных процессов, непонимание, и, как следствие, неприятие новой культурной среды. Сложность вхождения в новую культуру отягощается также возможностью негативной переоценки собственной культуры.

В результате при погружении в новое культурное пространство в межэтническом взаимодействии возникают определенные сложности для индивида, приводящие к внутренним и внешним конфликтам. Разного рода отличия новой культурной среды вступают в противоречие с привычной картиной мира реципиента и вызывают сложное состояние, определяющиеся в межкультурной коммуникации как культурный шок.

Термин «культурный шок» впервые в 1960 г. ввел американский исследователь Калерво Оберг. Культурный шок ученый определил, как «следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия».

В новых культурных условиях данная потеря способствует разрушению привычных алгоритмов коммуникации и поведения, так как в их основе фундамент иной культуры, других ценностях и нормах, а также поведенческих шаблонов и восприятия.

Большая часть оказавшихся в другой культуре мигрантов так или иначе сталкивается с проживанием этого психологического феномена, независимо от факторов, повлиявших на переезд и необходимость вхождения в новую культуру.

Процесс проживания культурного шока может иметь различную симптоматику: от незначительных эмоциональных расстройств до тяжелых депрессивных состояний, психических нарушений, вплоть до ухода в зависимости и суицидального поведения. Индивиды значительно отличаются по степени влияния культурного шока на них. В зависимости от определенных особенностей личности процесс культурного шока по продолжительности может занимать от пары месяцев до нескольких лет.

Культурный шок, рассматриваемый современными учеными как часть процесса естественной адаптации к новым условиям, имеет пять основных стадий протекания. Однако процесс адаптации даже при самых благоприятных условиях все же не может обеспечить полное принятие и удовлетворение между средой и человеком. В связи с чем, возникает сопротивление, и попытка видоизменить новую среду или самому измениться. Результаты адаптации имеют широкий спектр

различий и зависят от психологических и социокультурных факторов, которые, в свою очередь, имеют тесную связь между собой.

Психологическая адаптация зависит от образа жизни индивида, типа его личности, его образования, событийного ряда, а также от социальной поддержки.

Социокультурный фактор зависит от имеющихся знаний о культуре, степени емкости в области контактных связей и установок между группами. Социокультурная адаптация также в свою очередь непосредственно связана с выбором адаптационной стратегии.

Изучение стратегий адаптации представлено различными теориями. Наиболее популярной и востребованной стала теория аккультурации, разработанная канадским ученым Дж. Берри.

Теория аккультурации Дж. Берри рассматривает две важнейшие проблемы, которые приходится решать иммигранту. Первая проблема – это поддержание культуры, то есть степень сохранения собственной культурной идентичности. Вторая проблема заключается в участии в межкультурных контактах, то есть в степени «включенности» в новую среду. Отталкиваясь от этих проблем, ученый выделил четыре стратегии аккультурации в зависимости от качественного и количественного их комбинирования. Такие стратегии как: ассимиляция, сепарация, интеграция, маргинализация.

Ассимиляцию, сепарацию и интеграцию можно отнести к типам адаптации. Стратегия ассимиляции способствует наиболее значительным социокультурным изменениям. Стратегия сепарации характеризуется самым минимальным уровнем культурных изменений. Стратегия интеграции в свою очередь характеризуется наименьших изменений в поведении мигрантов. Маргинализация же представляет собой дезадаптацию, которая проявляется в потери идентичности с собственной культурой и отсутствием интереса к получению новой идентичности.

Характер взаимодействия индивидов и групп с данным четырьмя путям аккультурации значительно может меняться, и их фактические модели поведения могут меняться соответственно. Все вышеперечисленные факторы в свою очередь оказывают влияние на проживание культурного шока.

Таким образом, анализ теоретической базы, методолгических и научных работ в данной области психологической науки, позволяет нам говорить об актуальности темы нашего исследования, которая заключается в выявлении взаимосвязи между особенностями проживания культурного шока и выбранным типом адаптации и статистически значимых различий в проживании культурного шока у мигрантов с различным выбором стратегий аккультурации.

Значимость исследования также заключается в обобщении исследований по проблематике культурного шока и адаптации к новой социокультурной среде. Выводы и результаты, полученные в работе, могут быть использованы в разработке практических рекомендаций для практикующих психологов, работающих с проблемами проживания культурного шока и адаптации мигрантов к новой социокультурной среде.

Литература

1. *Есина Г.К.* К вопросу формирования этнической идентичности у детей младшего школьного возраста // Молодые ученые - столичному образованию. Материалы XIII Городской научно-практической конференции с международным участием. 2014. С. 89-90.
2. *Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Гриценко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Рыжова С.В., Шорохова В.А.* Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3.С. 71-82.
3. *Шорохова В.А* Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально- психологический анализ // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 2. С. 585-589.

Современные подходы к изучению лидерства в ученических группах

Власова К.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
uspeh-007@mail.ru
Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
sachkova@list.ru

В современном мире образовательные организации играют одну их самых важных ролей в жизни детей и молодежи. На базе этих учреждений появляются различные молодежные организации (отряды вожатых, ученическое и студенческое самоуправление и т.п.). В таких организациях особенно проявляются личностные качества учащихся, в том числе и их лидерские способности, помогающие в организации

эффективной работы в группе. Обучение в школах, колледжах и университетах в последнее время также претерпело ряд изменений. Все больше внимания в них уделяется проектной деятельности и групповой работе в ходе обучения. Здесь также могут быть задействованы лидерские качества обучающихся.

Многие ученые посвятили свои научные труды проблеме лидерства (К. Бэрд, Е. Хартли, Е.С. Богардус, Дж. Хоманс, Т. Ньюком, Ф. Фидлер, Р.Л. Кричевский, Л.И. Уманский, Б.Д. Парыгин и др.).На данный момент в науке сосуществуют несколько подходов, объясняющих происхождение лидерства и выявлющих критерии его эффективности. Так, в рамках «теории черт» лидер – это человек, обладающий определенным набором личностных качеств и способностей (К. Бэрд и др.). Согласно ситуационной теории происхождения лидерства, лидерство – это продукт ситуации. Данная теория не отрицает влияния личностных особенностей, но предполагает, что в определенной ситуации становится наиболее важной определенная черта, которой обладает человек (Е. Хартли, Т. Ньюком и Ф. Фидлер). В рамках теории обмена была разработана одна из первых типологий лидерства, основывающаяся на трех компонентах: действии, взаимодействии и отношении. (Е.С. Богардус. Дж. Хоманс). С. А. Хаслам, С. Д. Ричер и М. Дж. Платов, опираясь на теорию социальной идентичности, разработали новую теорию лидерства. Согласно этой модели, лидер должен быть внутригрупповым прототипом, «предводителем» или своеобразным индивидуальными предпринимателем, другими словами, он должен быть носителем групповой идентичности [7].

Несмотря на то, что феномен лидерства в социальной психологии исследуется уже давно, не так много работ посвящено исследованию лидерства именно в ученических группах. Прежде всего это связано с тем, что в ученических группах существует как формальное, так и неформальное лидерство, причем на разных этапах обучения и в разные возрастные периоды на первый план выходит то один процесс, то другой.

Целью нашего теоретического исследования стало изучение феномена лидерства и выявление его особенностей в ученических группах на разных этапах обучения. Мы предполагаем, что специфика лидерства в ученических группах напрямую связана с возрастными особенностями ее участников.

Интересно, что в современных подходах к изучению лидерства в ученических группах большая часть российских исследователей опирается на концепции «значимого другого» А.В. Петровского и рассматривают лидера с точки зрения выраженности у него высоких

показателей по трем факторам: авторитета, аттракции и власти [5]. Мы также в своем исследовании опираемся на данную модель, а также считаем важным при этом именно в ученических группах учитывать возрастные особенности учащихся.

Так, в младшем школьном возрасте ведущей становится учебная деятельность, а фигура учителя играет очень ценную роль как при выстраивании формальных отношений, так и при функционировании неформальных отношений. Исходя из этого лидером может являться ученик, которого выделяет учитель, или ученик со схожими с большинством группы интересами [4; 6].

В подростковом возрасте ведущей деятельностью становится общение и, в связи с этим, неформальные отношения становятся главенствующими. Разные исследования выделяют разные личностные особенности, которые значимы в отроческий период. Так, для десятиклассников самыми важными качествами являются такие, как честность, готовность помочь по учебе и в трудную минуту, то есть те качества, которые проявляются в общении и взаимодействии. Следующие по важности качества – волевые. За ними следуют интеллектуальные особенности [1]. По данным А.Н. Лутошкина, первые места занимают моральные и интеллектуальные качества, а также отношение к людям (доброта, отзывчивость), далее идут – волевые, деловые качества и внешние данные [3].

Для того чтобы стать успешным в студенческой группе, необходимо уделять большую часть своего времени той деятельности, которая ценится в конкретной ученической группе. Я.Л. Коломинский в своем исследовании выяснил, что наиболее значимыми для студентов и ценимыми в лидерах являются качества, связанные с общением, а именно общая положительная оценка друга, затем следуют эмоционально – интеллектуальные качества, а уже потом – морально-волевые [1].

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что при исследовании лидерства в ученических группах важно учитывать возрастные особенности учащихся (например, ведущую деятельность), а также структуру формальных и неформальных отношений.

В планируемом эмпирическом исследовании мы предполагаем раскрыть специфику лидерских качеств и их проявлений у разностатусных учащихся на примере студентов колледжа. Для решения исследовательских задач нами будет использован комплекс социально-психологических методик: социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе [2], опросник

«Коммуникативные и организаторские способности» (КОС-2), методика «Социальный интеллект» Н. Холла в адаптации Г.В. Резапкиной.

Литература

1. *Коломинский Я.Л.* Социальная психология взаимоотношений в малых группах. Учебное пособие для психологов, педагогов. М.: АСТ, 2010.
2. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М., Кочетков Н.В., Крушельницкая О.Б., Сачкова М.Е.* Социально-психологический диагностико-коррекционный комплекс для современных российских интернатных учреждений. Учебно-методическое пособие. М.: МГППУ, 2010.
3. *Лутошкин А.Н.* Эмоциональная жизнь детского коллектива. М.: Знание, 1978.
4. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2013.
5. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель значимого другого. // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7-17.
6. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный учащийся: онтогенетический аспект анализа. М.: Янус-К, 2011.
7. *Haslam A. S. Reicher S. D., and Platow M. J.*: The New Psychology of Leadership: Identity, Influence and Power NY.: Psychology Press, 2010.

Влияние кибербуллинга на психологическое благополучие подростков

Водяха С.А., Водяха Ю.Е.

ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия

svodyakha@gmail.ru

Технологии социальных сетей стали неотъемлемой частью жизни подростков. Исследование частоты использования молодежью мобильных телефонов в большинстве европейских стран показало, что в возрасте от 8 до 10 лет 31% имеют мобильный телефон, 69% среди 11–14-летних и 85% среди 15–18-летних [2]. Неудивительно, что согласно исследованию, проведенному Pew Research Center в 2014 году, доля владельцев сотовых телефонов в возрасте 12–17 лет в США составляет 78%, а в возрасте 18–29 лет - 98%. Растущее использование

сетевых средств массовой информации дает много преимуществ для обучения, взаимных социальных отношений и т. д. Несмотря на это, неконтролируемое воздействие разнообразия контента увеличивает риск быть вовлеченным в кибербуллинг или испытать его [6]. Кибербуллинг определяется как насильственное поведение, осуществляемое отдельным лицом или группой лиц по отношению к человеку с помощью технических средств [5].

Различные исследования указывают на увеличение случаев кибербуллинга среди детей и подростков во многих странах [5]. Исследования, проведенные в Соединенных Штатах, Канаде и Австралии с целью изучения распространенности кибербуллинга показали, что среди детей и подростков от 11% до 29% школьников сообщили, что они были киберпреступниками [3]. Подобный диапазон процентных показателей был обнаружен в исследованиях, проведенных в европейских странах, таких как Великобритания и Бельгия. Из серии исследований, проведенных в Израиле, выясняется, что количество израильской молодежи можно сравнить с молодежью из других стран. Доля студентов, сообщивших о том, что они являются киберпреступниками, выросла с 6,9% в 2009 году, до 16,5% в 2012 году и до 27% в 2014 году [6]. Несколько исследований выявили значительную корреляцию между вовлечением в кибербуллинг и психологическими переменными, а также с социальными, эмоциональными и поведенческими [5].

Например, исследования, в которых изучались корреляции, склонности к кибербуллингу с социальным и эмоциональным и психологическим благополучием, показали, что киберпреступники часто сообщают о психологических расстройствах, таких как разочарование, апатия, одиночество, грусть, депрессия, гнев, низкая самооценка, трудности в социальной адаптации или социальное отчуждение [5]. Кроме того, дети, вовлеченные в кибербуллинг, сообщили, что они чувствовали себя менее защищенными в школьной среде и имели более низкую уверенность в себе, чем дети, не вовлеченные в него [2]. Учащиеся, ставшие жертвами киберпреступлений, сообщали об уменьшении успеваемости и снижении способности концентрироваться на учебе. С другой стороны, в некоторых исследованиях не было обнаружено таких связей между кибер-виктимизацией и психологическим дистрессом [6]. Корреляции между кибервиктимизацией и эмоциональными аспектами были описаны в нескольких исследованиях. Например, М. Ибарра [8] сообщил о значительных корреляциях между кибервиктимизацией и депрессивными симптомами, поскольку у студентов, которые испытали кибервиктимизацию, депрессия была

как минимум в три раза выше по сравнению с их некибербуллиозными сверстниками (13,4% против 4,6%). В выборке учащихся 4-х классов в Канаде [3] результаты показали, что положительные отношения со сверстниками и взрослыми были связаны с благополучием, а виктимизация была связана с низкой удовлетворенностью жизнью. В частности, на психологическое благополучие повлияло индивидуальное восприятие социальной принадлежности, а также участие в кибербуллинге. Девочки, ставшие жертвами, сообщили о снижении благополучия и отсутствии удовлетворительных социальных отношений. Другие ученые [7] обнаружили сильную корреляцию между опытом виктимизации, социальной поддержкой и симптомами депрессии.

Учащиеся, ставшие жертвами киберпреступлений, сообщают о более сильном чувстве одиночества в семье, тогда как жертвы традиционного издевательства сообщают о более высоком уровне социального одиночества. Возможно, это связано с низкой воспринимаемой самоэффективностью, связанной с процессом принятия решений, целями, эмоциональными реакциями, усилиями, преодолением трудностей и настойчивостью индивидуума, которая может измениться в процессе обучения, накопления опыта и обратной связи [2]. Исследование Э. Андреу и ее коллег [1] показало, что высокий уровень самоэффективности был связана как с буллингом, так и с виктимизацией. Высокая самоэффективность ассоциировалась с более низкими оценками виктимизации среди мальчиков и девочек, а более высокие оценки позитивного взаимодействия со сверстниками были связаны с более низкими показателями виктимизации.

Литература

1. *Andreou E., et al*. The Roles of Self-efficacy, Peer Interactions and Attitudes in Bully-victim Incidents. School Psychology International. 2005. 26 (5).
2. *Bonanno R.A., and S. Hymel.* Cyber Bullying and Internalizing Difficulties: Above and Beyond the Impact of Traditional Forms of Bullying. Journal of Youth and Adolescence. 2013. 42.
3. *Cross D., et al.* A Longitudinal Study of the Social and Emotional Predictors and Consequences of Cyber and Traditional Bullying Victimisation.International Journal of Public Health. 2015. 60 (2).
4. *Gardella J.H., et al.* A Systematic Review and Meta-analysis of Cyber-victimization and Educational Outcomes for Adolescents. Review of Educational Research. 2017. 87 (2)

5. *Kowalski R. M., et al.* Bullying in the Digital Age: A Critical Review and Meta-analysis of Cyberbullying Research among Youth.Psychological Bulletin. 2014.
6. *Olenik-Shemesh D., et al.* Cyber-victimization among Children: Prevalence, Characteristics, Gender Differences and Links to Social Difficulties. Journal of Children & Adolescent Behavior. 2017. 5 (2).
7. *Sticca F., S. et al.* Longitudinal Risk Factors for Cyberbullying in Adolescence. Journal of Community and Applied Social Psychology. 2013. 23
8. *Ybarra M. L.* Linkages between Depressive Symptomatology and Internet Harassment among Young Regular Internet Users. Cyberpsychology & Behavior. 2004. 7 (2).

Соотношение идентичности и уровня спортивных достижений у юниоров

Волков Р.С., Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, г. Москва, Россия
volkov.roman@inbox.ru, sachkova@list.ru

В связи с последними событиями, происходящими в российском и мировом спортивном сообществе (допинговые скандалы, отстранение национальной сборной от участия в Олимпийских играх), проблема вовлечения подрастающего поколения в спортивную деятельность становится еще более актуальной.

Спорт всегда привлекал внимание психологов. Например, изучением мотивационных особенностей юных спортсменов занимались Д.А. Донцов и К.И. Денисова [3]. Анализ влияния воображения на результаты спортивной деятельности начинающих футболистов можно найти в работе А.Н. Вераксы и А.Е Горовой [2]. Изучением психологических особенностей восстановления спортсменов после травмы занимался С.В. Леонов [4]. Однако социально-психологических работ по данной теме представлено не так много [5; 6]. В особенности, это относится к небольшому количеству эмпирических исследований. На наш взгляд, важным является выделение таких характеристик личности и социальных групп, которые могут детерминировать высокие достижения в спорте. Например, интересно было бы рассмотреть процессы включения подростков в спортивные группы через прохождение ими этапов становления персональной и социальной идентичности.

Проблематику идентичности подробно разрабатывал Э. Эриксон. В своих трудах автор даёт развёрнутое описание возрастных периодов и

кризисов, через которые проходит человек в течение всей жизни [9]. Отрочество и юность, которые Э. Эриксон поместил в границы 12 – 20 лет, автор считал основным этапом в развитии идентичности человека как персональной, так и социальной.

В нашем исследовании мы ставим целью изучить, какие изменения будут происходить в компонентах личностной и социальной идентичности у подростков и юношей по мере продвижения их спортивной карьеры. Сравнительному анализу подлежат когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты личностной, групповой и организационной идентичности в двух возрастных группах (13-15 и 17-18 лет). В задачи исследования входит установление взаимосвязи между степенью выраженности разных уровней идентичности и спортивными достижениями юных спортсменов.

Первый этап исследования был проведен в ходе первенства России по боксу среди юниорок, который состоялся в г. Королёве в феврале 2020 г. В исследовании применялся методический комплекс из трех опросников, соответственно измеряющих три уровня идентичности – личностную, групповую и организационную. Вначале участникам исследования давался опросник самоотношения (ОСО), разработанный В.В. Столиным. Опросник В.В. Столина позволяет выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности: 1) глобальное самоотношение; 2) самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; 3) уровень конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я» [8]. Вторая методика – «Опросник социальной идентичности». Данный опросник направлен на диагностику отношения подростков к своей группе членства и внутригрупповым процессам посредством определения их групповой идентичности. Шесть шкал методики были выделены А. Грациани, М. Рубини, А. Палмонари, остальные три шкалы представлены в работах П. Обст и К. Уайт. Перевод, адаптация и проверка на надежность методики проведена О.В. Васьковой [1]. Третья использованная в исследовании методика, разработанная А.В. Сидоренковым, направлена на установление трех компонентов (когнитивного, аффективного, поведенческого) организационной идентичности [7].

Полученные результаты помогут достовернее оценить не только социально-психологические особенности юных спортсменов, но то, каким образом их идентичность способствует или не помогает успешности их спортивной деятельности. С практической точки зрения, комплекс эмпирических методик может быть использован в социально-психологической диагностике спортсменов не только в боксе, но и в других видах спорта.

Литература

1. *Васькова О.В.* Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 87—96.
2. *Веракса А.Н., Горовая А.Е.* Влияние воображения на результаты спортивной деятельности начинающих футболистов // Национальный психологический журнал. 2010. №2. С.131-135.
3. *Донцов Д.А., Денисова К.И.* Мотивационные особенности спортсменов юношеского возраста // Человеческий капитал. 2019. № 7 (127). С. 168–177.
4. *Леонов С.В.* Психологические особенности восстановления спортсменов после травмы// Материалы конференции «125 лет Московскому психологическому обществу». М., 2010.
5. *Остапенко Д.К.* Ценности подростков, вовлечённых в спортивную деятельность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. No1. С. 44-49.
6. *Светлова А.А.* Взаимоотношения спортсмена и тренера как фактор успешности спортивной деятельности // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 181–187.
7. *Сидоренков А.В., Шипитько О.Ю., Штильников Д.Е., Штроо В.*А. Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации // Организационная психология, 2019. Т. 9. № 3. С. 74-102.
8. *Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
9. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

Мотивация достижения успеха в учебной деятельности у студентов

Волкова Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tanja-v@inbox.ru
Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
sachkova@list.ru

Одной из важных и актуальных в современной системе профессионального образования является проблема мотивации достижения успеха в учебной деятельности. Сложность и

многогранность данной проблематики обусловливает появление различных подходов к ней.

Изначально мотивация достижения рассматривалась учеными либо как внутриличностный конструкт, актуализация которого определялась внутренними побуждениями человека, либо как внешний конструкт, обусловленный воздействием внешних социальных факторов.

В последнее время стала распространенной точка зрения, что учебная деятельность одновременно обусловлена множеством мотивов. В отечественной литературе отмечают полимотивированность деятельности А.Н. Леонтьев, В.К. Вилюнас, В.И. Ковалев, Л.И. Божович и др. Противопоставление внутренних и внешних мотивов как двух полюсов дихотомии данный момент перестает быть актуальным, наблюдается тенденция к сглаживанию границ между этими понятиями [1]. Так, авторы теории интринсивной (внутренней) мотивации, Э. Деси и Р. Райан полагают, что внутренняя и внешняя мотивация тесно взаимосвязаны и постоянно переходят одна в другую [3,4].

Мотивация учебной деятельности представляет собой сложное системное, динамично развивающееся образование, обеспечивающее побуждение, направленность и регуляцию выполнения учебной деятельности [2]. В связи с этим была поставлена цель – изучить структуру мотивации учебной деятельности на примере двух групп студентов (высшей школы и колледжа) и сравнить их мотивационные профили. Были сформулированы две гипотезы: первая о том, что мотивация достижения успеха в учебной деятельности имеет прямую связь с познавательной мотивацией и мотивацией саморазвития, интроецированной мотивацией (гордость за мастерство и успехи, стыд и чувство долга перед собой и значимыми людьми), и обратную – с экстернальной регуляцией (требования социума) и амотивацией (потеря смысла); вторая о том, что существуют различия в структуре мотивации у студентов вуза и студентов колледжа.

В эмпирическом исследовании приняли участие 111 студентов в возрасте от 16 до 22 лет. Для диагностики выраженности и типа внутренней и внешней учебной мотивации использовался опросник Шкалы академической мотивации для студентов (ШАМ), разработанный Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиным на основе Шкалы академической мотивации Валлеранда. Для студентов колледжа использовалась дополнительная шкала «Мотивации уважения родителями».

В исследовании для анализа использовались непараметрические статистические методы (корреляционный анализ Спирмена, U-

критерий Манна-Уитни). Результаты исследования показали, что в мотивационном профиле студентов обеих групп, принявших участие в исследовании, преобладают «Внутренняя» и «Идентифицированная мотивация», а «Амотивация» относительно низка, что свидетельствует о благоприятном мотивационном профиле. Это значит, что для студентов обеих групп важную роль играет познавательный интерес, стремление к реализации своего потенциала в рамках учебной деятельности, для многих является важным ощущение собственной значимости и компетентности, приобретаемое за счет академических достижений.

У студентов вуза между «Познавательной мотивацией», «Мотивацией достижения», «Идентифицированной мотивацией» и «Интроецированной позитивной мотивацией (гордость)» наблюдаются значимые позитивные связи (r от 0,39 до 0,80 при r=0,005), и все эти четыре переменные отрицательно коррелируют с «Амотивацией» (r от -0,16 до -0,43 при r=0,005). «Экстернальная мотивация» позитивно связана с «Интроецированной мотивацией» (r=0,52). «Интроецированная негативная мотивация (стыд)» положительно коррелирует с «Интроецированной позитивной мотивацией (гордость)» и с «Познавательной мотивацией» (r=0,50, 0,39).

У студентов колледжа между «Познавательной мотивацией», «Мотивацией достижения», «Идентифицированной мотивацией» и «Интроецированной позитивной мотивацией (гордость)» наблюдаются значимые позитивные связи (r от 0,46 до 0,89 при r=0,005), и все эти четыре переменные отрицательно коррелируют с «Амотивацией» (r от -0,44 до -0,60). «Интроецированная негативная мотивация (стыд)» положительно коррелирует с «Экстернальной мотивации», «Мотивацией уважения родителями» и «Амотивацией» (r=0,48, 0,20, 0,60). «Экстернальная мотивация» негативно связана с «Познавательной мотивацией», «Мотивацией достижения» и «Идентифицированной» (r=-0,53,-0,48,-0,42) и позитивно с «Мотивацией уважения родителей», «Амотивацией» и «Интроецированной негативной мотивацией (стыд)» (r=-0,63,-0,61,-0,48).

Статистически значимых различий в мотивационном профиле студентов вуза и студентов колледжа не выявлено (U-критерий Манна-Уитни), за исключением шкалы «Мотивации достижения». Более высокий показатель у студентов вуза обусловлен тем, что студенты находятся в более свободной и менее жестко регламентированной учебной среде, позволяющей принимать собственные решения, проявлять самостоятельность и чувствовать

себя более компетентными. Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась лишь частично.

В исследовании было установлено, что для продуктивной мотивации учебной деятельности важно не только правильно определять доминирующий мотив, но и учитывать всю структуру мотивационной сферы человека, а также поддерживать чувство автономии и компетентности, предоставлять выбор в самостоятельном принятии решений, поддерживать инициативу, давать возможность применять приобретаемые знания и умения на практике.

Литература

1. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35-45.
2. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкала академической мотивации» //Психологический журнал 2014, том 35, №4. С. 96–107.
3. *Дергачева О.Е.* Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Района // Леонтьев Д. А. Современная психология мотивации. – М.: Смысл, 2002. С. 103 – 122.
4. *Deci E.L., Ryan R.M.* Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology, 2008b. V. 49. P. 182–185.

К вопросу о связи гейм-аддикции и учебной мотивации разностатусных школьников

Воложаева Е.Н., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

zhenia.rogacheva@gmail.com

Обучение в школе – основной вид деятельности на протяжении всего подросткового возраста, оно вносит огромный вклад в развитие индивида как личности посредством развития у него не только когнитивных навыков, но и эмоциональных и поведенческих. Мотивация к обучению играет здесь важную роль: от способа регуляции учебного процесса зависит академические успехи, эмоциональное состояние ученика, взаимоотношения с близкими

людьми, выработка форм решения поставленных задач [2]. Но, какими бы мотивами не руководствовался ученик, каждый современный школьник испытывает влияние со стороны компьютерных технологий, и в частности, со стороны такой эффектной и масштабной формы досуга и уникальной площадки для социализации и самореализации как онлайн-игры. За счет своей незаурядности онлайн-игра может «перетягивать» на себя такие функции школьной жизни как удовлетворение познавательной потребности, реализация межличностной коммуникации, развитие таких индивидуальных качеств как лидерство, креативность, коммуникативность и когнитивных функций подростка [1].

Ранее в исследованиях не затрагивался вопрос о взаимосвязи зависимости от онлайн-игр и мотивации к обучению школьников в контексте принадлежности ученика к группе определенного социального статуса. Этот аспект важен тем, что интрагрупповой статус члена учебной группы – необходимое звено, скрепляющее мотивационную структуру с гейм-аддикцией [3]. Система взаимодействия подростка с ближайшим референтным окружением накладывает отпечаток на все сферы его жизни, в частности, на образовательную деятельность и внешкольные/внеклассные увлечения. В данном исследовании мы предположили наличие различных значимых связей между гейм-аддикцией и учебной мотивацией у разностатусных школьников. Особенно ярко проявилась связь между игровой зависимостью и учебной мотивацией, и их различными компонентами, у учеников с низким социальным статусом.

Выборка составила 104 респондента – учеников 9-11-х классов ГБОУ «Пушкинская школа № 1500». Юноши – 43, девушки – 61.

Были использованы три психодиагностические методики: опросник «Шкала академической мотивации для школьников и учащихся колледжей» (Гордеева Т.О., Сычев О.А., Гижицкий В.В., Гавриченкова Т.К.), методика диагностики гейм-аддикции (Кочетков Н.В.), методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса учеников класса.

В ходе исследования было выявлено, что в интрагрупповой структуре у учеников только с низким статусом прослеживается прямая корреляционная взаимосвязь между общим показателем гейм-аддикции и общим показателем мотивации к обучению ($r=0,437$ при $p\leq0,05$). Это свидетельствует о том, что для тех учеников, для которых учеба – значимая деятельность, игра становится, с одной стороны,

площадкой для наведения мостов с одноклассниками из другой статусной группы, с другой – способом отдохнуть, переключиться, самоутвердиться в другой социальной среде.

Эти процессы также иллюстрирует прямая взаимосвязь общего уровня мотивации с таким элементом игровой деятельности, как отношение к игре ($r=0,378$ при $p\leq0,05$). Максимальная адаптация в игровом мире, интерес в углубленном изучении игровых возможностей, использование этих возможностей в полном объеме стимулируют и учебную активность - происходит двухстороннее расширение навыков и в учебе, и в игре.

С физическими проявлениями зависимости (нарушения сна, режима питания и гигиенических привычек, недомогания в теле) прямо связаны интроецированная мотивация ($r=0,415$ при $p\leq0,05$), экстернальная мотивация ($r=0,352$ при $p\leq0,05$), мотивация уважения родителями ($r=0,476$ при $p\leq0,01$) и общий показатель мотивации ($r=0,440$ при $p\leq0,05$): у низкостатусного ученика активизируются такие компоненты учебной мотивации как совесть, стыд, долг, боязнь неудачи, страх перед родителями вместе с увеличением телесных проявлений аддикции. В большей степени внешние регуляторы учебной деятельности связаны с физическими недомоганиями: находясь в напряжении от учебного процесса и испытывая недостаток в личностном общении, ученики выбирают онлайн-игру как способ снятия стресса; погружение в виртуальной мир становится отдушиной, но может и неблагоприятно действовать на физическое состояние подростка и вызывать перегрузку организма.

Корреляционный анализ по отдельным частям групповой статусной структуры показал, что ученики с низким референтометрическим статусом проявляют заинтересованность в учебе вместе с любознательностью и активностью в игровой сфере для того, чтобы добиться расположения одноклассников – об этом свидетельствует прямая связь между познавательной мотивацией и отношением к игре ($r=0,583$ при $p\leq0,01$), и общим уровнем зависимости ($r=0,496$ при $p\leq0,05$). У учеников с низким статусом в структуре неформальной власти наблюдается прямая корреляционная связь между общим уровнем мотивации и отношением к игре ($r=0,378$ при $p\leq0,05$) и общим показателем зависимости ($r=0,437$ при $p\leq0,05$): если в игровом мире подросток сможет занять высокое положение, то его положение и среди одноклассников изменится, или же он обретет самоуверенность благодаря успехам в виртуальном сообществе.

Литература

1. *Воложаева Е.Н., Кочетков Н.В.* К вопросу о социально-психологических аспектах влияния интернет-зависимости на мотивацию к обучению школьников // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13-14 мая 2019). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018.
2. *Гижицкий В.В.* Внутренние и внешние мотивы учебной деятельности как факторы академической успешности старшеклассников: дис. … канд. психол. наук. Москва, 2016.
3. *Крушельницкая О.Б., Киселёв А.В.* Интрагрупповое структурирование учебных групп в образовательных учреждениях разного типа // Социальная психология и общество. 2011. №3.

Отношение к новейшим биомедицинским технологиям у мужчин и женщин

Воробьева А.Е.
ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия
aeVorobieva@yandex.ru

Работа выполняется по Государственному заданию 0159-2019-0003 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности»

Одной из актуальных тем современных социально-психологических исследований становится изучение отношения к глобальным рискам. Вопросы о допустимости технологий, меняющих саму суть человеческой природы, способствовали развитию в социальных науках исследований, которые сфокусировались вокруг проблематики телесности. Прогресс в области медицинских технологий провоцирует конфликт интересов между биомедицинской идеологией и моральными нормами общества. Биомедицина интегрируется в современную культуру и стимулирует изменение ценностей населения, представлений о норме, об образе жизни и т.п. Возникает вопрос, какова готовность принять инвазивные технологии, которые могут стать доступными в будущем. В связи с этим с 2019 г. нами реализуется исследовательский проект, направленный на теоретико-эмпирическое исследование отношения к новым

биомедицинским технологиям, которые воспринимаются не только как технологический прорыв, но и как глобальная угроза человечеству. Предполагается выявить комплекс факторов, определяющих различное отношение к этим технологиям. Ниже представлена часть полученных нами результатов.

Цель исследования: сравнительный анализ отношения молодых мужчин и женщин к новейшим биомедицинским технологиям.

Гипотеза исследования: Отношение мужчин и женщин к биомедицинским технологиям будет отличаться: мужчины будут более позитивно оценивать те технологии, которые повышают функциональность и выживаемость, а женщины будут более позитивно оценивать репродуктивные технологии.

Методики исследования: авторский методический прием (анкета) для изучения отношения к некоторым биомедицинским технологиям (редактирование генома эмбриона, 3D печать органов и тканей тела, вынашивание эмбриона в искусственной матке, трансплантация мозга в другое тело, принудительный запуск регенерации тканей тела, нейроинтерфейсы, бионические протезы, экзоскелет), которые уже применяются или будут применяться в ближайшем или отдаленном будущем. Анкета содержит вопросы о готовности испытать на себе эти технологии, критериях допустимости применения, оценке отдаленных последствий, какие эмоции вызывают.

Выборка исследования: студенты московских вузов, обучающиеся психологии, медицине, техническим специальностям (108 человек в возрасте 18-30 лет), из них мужчин 31%, женщин 69%.

Результаты исследования: анализ различий (по критерию Манна-Уитни) в отношении к биомедицинским технологиям показал, что мужчины в большей мере готовы испытать на себе редактирование генома детей, чтобы устранить врожденные заболевания, 3D печать органов и тканей в случае травмы или болезни, вынашивание ребенка в искусственной матке в случае невозможности естественной беременности по медицинским причинам, трансплантация мозга в другое тело в случае невозможности продолжения жизни моего тела, принудительный запуск регенерации тканей тела в случае серьезной травмы, нейроинтерфейсы для улучшения мыслительных функций и релаксации, бионические протезы для восполнения утраченных функций тела, экзоскелет для восполнения утраченных функций тела и увеличения физических возможностей здорового тела. Также мужчины допускают большую широту применения таких биомедицинских технологий как редактирование генома эмбриона, 3D печать органов и тканей тела, вынашивание эмбрионов в искусственных матках, трансплантация мозга в другое тело,

принудительный запуск регенерации тканей тела, нейроинтерфейсы, бионические протезы, экзоскелет. С точки зрения женщин развитие биомедицинских технологий приведет к тому, что человек перестанет быть человеком, а с точки зрения мужчин - жизнь станет проще и удобнее, особенно для людей с особенностями здоровья. Также женщин беспокоит вероятность роста онкологических заболеваний в результате развития и внедрения новых биомедицинских технологий, а мужчины ожидают, что человек станет совершенным (сильным, здоровым, умным, долгожителем и т.д.).

Мужчины выражают более позитивное отношение к новейшим биомедицинским технологиям (большая готовность испытать на себе, допускают более широкое их применение, оптимистично оценивают последствия), чем женщины. Женщины отличаются пессимистичной оценкой последствий развития биомедицинских технологий. Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась частично: мужчины более позитивно оценивают не только те технологии, которые повышают функциональность и выживаемость, но и репродуктивные технологии, а женщины склонны к более негативным оценкам как репродуктивных, так и иных биомедицинских технологий.

Полученные данные об отношении мужчин к новейшим биомедицинским технологиям согласуются с известными фактами о большей склонности мужчин к риску [2], а также с тем, что в истории медицины именно мужчины испытывали на себе новые вакцины, лекарства и т.д., и риск негативного исхода эксперимента их не останавливал (Н. Гамалея, И. Мечников, А. Розенфельд, Дж. Ласеар, О. Мочутковский, Р. Уоррен и Б. Маршалл, Р. Смит и др.). К тому же можно заметить, что среди российских и зарубежных последователей трансгуманизма и биохакинга больше мужчин (Р. Карлсон, С. Фаге, С. Скакун, В. Зайцев, А. Рауткин, А. Сандберг, Р. Хансон, Н. Бостром, Д. Пирс, Ю. Пичугин, М. Соловьев и др.), чем женщин (С.Г. Семенова, А.Г. Гачева и др.). Также наши результаты исследования согласуются с данными полученными Т.П. Емельяновой, А.В. Мишариной, И.Е. Вопиловой [1] об отношении россиян к редактированию генома эмбриона: 33% мужчин являются сторонниками этой технологии, 0% мужчин являются ее противниками.

Литература

1. *Емельянова Т.П., Мишарина А.В., Вопилова И.Е.* Репрезентация рисков применения вспомогательных

репродуктивных технологий// Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 4.
2. *Ильин Е.П.* Психология риска. СПб.: Питер, 2012.

Смысложизненные ориентации в профессиональном пространстве

Воробьева Д.А., Пащенко А.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vorobyova1996@list.ru, pashchenkoak@mgppu.ru

Педагогическая профессия наравне с прочими актуальными профессиями претерпевает в настоящее время трансформацию. Влияние внешних факторов (например, цифровой образовательной парадигмы) и внутренних факторов, включающие взгляд на актуальные проблемы школы, отношение к будущему образованию и своему будущему, определяю такую проблематику для исследователя как смысложизненные ориентации в профессиональном пространстве педагогов и педагогов-психологов.

Цель исследования – определить специфику значимых отношений смысложизненных ориентациями педагогов и профессиональных представлений о профессии педагогов с различным профессиональным стажем. Гипотезой исследования выступило предположение о существовании специфики указанного отношения.

Исследование проведено в период с ноября 2019 по март 2020 года. Выборку составили 80 респондентов в возрасте от 17 до 65 лет. Участники были разделены на 4 различных групп в зависимости от педагогического стажа: 1) абитуриенты педагогических и психолого-педагогических вузов («абитуриенты»), 2) студенты педагогических и психолого-педагогических вузов («студенты»); 3) педагоги и педагоги-психологи со стажем работы до трех лет («молодые педагоги»); 4) педагоги и педагоги-психологи со стажем работы более четырех лет («педагоги со стажем»).

Методическими инструментариями исследования выступили методика «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) [1] и контент-анализ эссе респондентов.

Первичный анализ данных исследования показал общую тенденцию ответов всех респондентов в отношении представления о том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать задуманное в жизнь независимо от стажа работы:

– респондентам характерны высокая целеориентрованность в жизни, высокая ценность и желание реализовать свои планы;

– респонденты воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом;

– респонденты довольны и удовлетворены пройденным отрезком своей жизни, которая кажется наполненной смыслами, насыщенной и осознанной;

– респонденты имеют представление о себе, как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле.

По результатам анализа выявлены различия специфики смысложизненных ориентаций в зависимости от педагогического стаже по следующим проблематикам:

а) трудность в профессии:

– абитуриенты: работа в коллективе, эмоциональная усталость и выгорание;

– студенты: эмоциональная усталость и выгорание, работа с детьми ОВЗ, работа с родителями;

– молодые педагоги: эмоциональное выгорание, работа с родителями, ведение документации, низкая зарплата;

– педагоги со стажем: работа с большим объёмом документов, дети ОВЗ, низкая зарплата, усталость.

б) лучшее и приятное в профессии:

– абитуриенты: общее признание социумом, подарки, постоянное развитие и интересные проекты, которые можно реализовать с детьми;

– студенты: социальное признание, проектная и творческая деятельность;

– молодые педагоги: социальное признание, благодарность детей и родителей и вдохновение от успехов учеников, творчество с детьми;

– педагоги со стажем: успехи учеников, высокий социальный статус профессии, благодарность учеников и родителей.

в) влияние на выбор профессии:

– абитуриенты: рекомендации родителей, незнание куда еще можно пойти учиться, личный интерес;

– студенты: рекомендации родителей, личное желание, личные способности;

– молодые педагоги: любовь к детям, личное желание работать в данной сфере;

– педагоги со стажем работы: рекомендации родителей, личное желание и любовь к детям;

г) дальнейший профессиональный рост:

– абитуриенты: есть желание развиваться в профессии и повышать личный и профессиональный статус в ближайшие 10 лет;

– студенты: присутствует желание развиваться в данной профессии в ближайшие 3-5 лет;

– молодые педагоги: присутствует желание развиваться в данной профессиональной сфере, но не более 5 лет;

– педагоги со стажем работы: присутствует большое желание развиваться в своей профессиональной деятельности всю оставшуюся жизнь.

Данные исследования свидетельствуют о следующих социально-психологических спецификах страт педагогического стажа:

1) абитуриенты педагогических и психолого-педагогических вузов имеют высокие показатели целеустремленности, заинтересованности и высокие притязания на признания в профессии;

2) когорта студентов так же имеет высокие притязания на признания в профессии, высокий уровень желания развиваться в профессиональной среде и стойкая уверенность в себе и реализации планов;

3) специалисты со стажем работы менее 3-х лет имеют самые низкие показатели в категории смысложизненных ориентаций, это может быть связано с кризисным периодом в профессии, когда специалист приступив к практической работе после обучения, осознает трудности профессиональной деятельности; у молодых специалистов присутствует уверенность в себе и своих желаниях;

4) специалисты со стажем работы более 4х лет самые высокие показатели в сфере смысложизненных ориентаций, они хотят развиваться в своей профессии всю жизнь, у них присутствует уверенность в своих целях, планах и себе, они наслаждаются самим процессом работы.

Полученные данные позволяют сделать вывод о зависимости смысложизненных ориентаций от опыта работы педагога. Полученные данные могут быть использованы специалистами, работающими в области педагогики и психологии.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. – М.: Смысл, 2000.
2. *Семенова Е.В.* Синергетический контекст современного интеркультурного образовательного пространства / Е. В. Семенова // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 3.

3. *Чудновский В.Э. и др.* Роль смысложизненных ориентаций и акме в профессиональной деятельности. // Психологический журнал. – 2004. – т. 25. – №1.

О взаимосвязи макиавеллизма, удовлетворенности жизнью и депрессии

Воробьёв В.В., Кокурина И.Г.
ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
vasiliy.v.vorobyov@gmail.com, irinakokur@yandex.ru

Проблематика макиавеллизма продолжает активно разрабатываться. По данным ScienceDirect, за 2018 и 2019 годы было опубликовано 300 статей и исследований о макиавеллизме. На момент написания этой работы на портале были размещены 62 новые статьи [11]. Высокий интерес к проблеме и отсутствие надежно выделенных и воспроизведенных составляющих макиавеллизма [3] демонстрируют актуальность темы.

В нашем исследовании используются два подхода к пониманию макиавеллизма: 1) макиавеллизм как количественная характеристика, представляющая собой сочетание когнитивных, мотивационных и поведенческих аспектов манипуляции [1, с. 28; 10, p. 10-35]; 2) макиавеллизм как стратегический эгоизм [13, p. 100]. Первый подход предлагает методику исследования макиавеллизма [10, p. 10-15; 4]. Второй, вместе с идеями Э. Фромма о несчастье и неудовлетворенности эгоиста [9, с. 118], служит основанием для выдвижения гипотез.

Параметр «удовлетворенность жизнью» понимается нами по Е. Динеру как компонент субъективного благополучия [5]. Параметр «депрессия» используется и в клиническом понимании, и как состояние, для которого характерно значительно подавленное настроение и/или ангедония, сниженный интерес к различным видам деятельности и сниженная способность получать от них удовольствие [13, с. 307].

В исследовании приняло участие 139 человек в возрасте от 17 до 64 лет (средний возраст 29,9 лет). Из них 52 мужчины (37,4%) и 87 женщин (62,6%). Респонденты были разделены сначала на 4, а затем на три группы по возрастной периодизации, принятой на симпозиуме АПН СССР в 1965 г. [7]. Группа пожилых (4 человека) не вошла в исследование из-за малочисленности.

Гипотезы: 1) макиавеллизм положительно связан с депрессией и отрицательно – с удовлетворенностью жизнью; 2) связь макиавеллизма с этими параметрами варьирует в различных возрастных группах.

Методики: шкала Mach-IV [4], опросник депрессивности BDI [8] и шкала удовлетворенности жизнью ШУДЖ [6].

Для обработки результатов использовались ключи методик, программа SPSS Statistics 22.0, описательные статистики, критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент корреляции Спирмена, критерий Манна-Уитни.

Результаты. На общей выборке макиавеллизм значимо отрицательно связан с удовлетворенностью жизнью ($r=-0,231$; $p<0,01$) и возрастом ($r=-0,381$; $p<0,01$). В первой группе (мужчины 17-21 год; женщины 16-20 лет) связей макиавеллизма с исследованными параметрами не обнаружено. Во второй группе (мужчины 22-35 лет; женщины 21-35 лет) макиавеллизм отрицательно коррелирует с удовлетворенностью жизнью ($r=-0,342$; $p<0,01$). В третьей группе (мужчины 36-60 лет; женщины 36-55 лет) установлена положительная корреляция макиавеллизма с депрессией ($r=0,441$; $p<0,05$).

Удовлетворенность жизнью существенно ниже у высоких макиавеллистов по сравнению с низкими макиавеллистами ($p<0,05$). Депрессия ($p<0,001$) и макиавеллизм ($p<0,05$) выше в группе низко удовлетворенных по сравнению с высоко удовлетворенными. Макиавеллизм ($p<0,05$), выше у депрессивных, а удовлетворенность жизнью значимо выше ($p<0,001$) в группе с низкими значениями депрессии.

Выводы и интерпретация. С одной стороны, мы подтвердили результаты других исследователей, что макиавеллизм отрицательно связан с удовлетворенностью жизнью [12], и что с возрастом в норме он снижается [2]. Также мы получили результат, согласно которому только в третьей возрастной группе была обнаружена значимая положительная связь макиавеллизма с депрессией. Как согласуются эти данные?

Действительно, в норме с возрастом удовлетворенность жизнью должна расти, а макиавеллизм снижаться, поскольку карьерные достижения и конкурентные преимущества в третьем возрастном периоде в основном получены. Переломным этапом при этом является именно третий возрастной период (36-60 лет), в котором макиавеллист переживает кризис отношений с окружающими его людьми, о чем свидетельствует значимая связь макиавеллизма с депрессией. Исход кризиса связан со способом выхода из депрессивного состояния. Этот способ в дальнейшем определит позитивные или негативные

личностные изменения человека при переходе в старшую пенсионную возрастную группу. Данное объяснение представляется нам наиболее перспективной гипотезой в нашем будущем изучении связей макиавеллизма личности с параметрами субъективного благополучия на разных этапах жизненного пути человека.

Литература

1. *Бедненко А.В.* Манипулятивная установка в профессиональной деятельности менеджера: дис. канд. психол. наук. М., 2003.
2. *Джонасон П.К.* Возраст и Темная триада: снижение показателей черт Темной триады и увеличение их согласованности на протяжении жизни [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 3. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 22.02.2020).
3. *Егорова М.С., Ситникова М.А.* Темная триада [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 12. URL: http://psystudy.ru (дата обращения 12.02.2020).
4. *Знаков В.В.* Методика исследования макиавеллизма личности // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14-15. С. 122-128.
5. *Кужильная А.В.* О подходах к изучению субъективного благополучия личности в зарубежных исследованиях. //Психопедагогика в правоохранительных органах.2015. №1 (60) С.83-86.
6. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов. 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM, ISBN 978-6-89697-157-3).
7. *Прилепский И.А.* Современные тенденции продления возрастных границ среднего возраста // Вестник МГУКИ. 2012. №3. С. 137-142.
8. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. СПб: Питер, 2001. 272 с.
9. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм – М.: АСТ, 2018. – 288 с. – (Эксклюзивная классика).
10. *Christie R.* Studies in Machiavellianism / R. Christie, F. L. Geis. – Academic press, 1970. 415 p.

11. ScienceDirect [Электронный ресурс]. 2020. Дата обновления: 12.02.2020. URL: https://www.sciencedirect.com/ (дата обращения: 12.02.2020).
12. *Vincent E., Chan S., Shorter G.W.* The Dark Triad, happiness and subjective well-being // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 67. P. 17-22. https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.004 (дата обращения: 03.02.2020).
13. *Zeigler-Hill V.* The Dark Side of Personality: Science and Practice in Social, Personality and Clinical Psychology / V. Zeigler-Hill, D. K. Marcus – American Psychological Association, 2016. 389 p.

Психолого-педагогические средства мотивации дошкольников к спортивной деятельности

Воронина М.И., Крушельницкая О.Б., Терентьева В.Э.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
masha_bat@inbox.ru, social2003@mail.ru, nika.terentyeva@mail.ru

Проблема формирования мотивации детей дошкольного возраста к спортивной деятельности, как правило, рассматривается в педагогике (А.В. Родионов, Б.П. Яковлев, Г.Ю. Лазарева, Г.Д. Горбунов и др.). В то же время важным, но малоизученным аспектом мотивации к систематическим занятиям спортом являются ее психолого-педагогические основания. Неучет этого фактора не позволяет тренерам и спортивным психологам в полной мере использовать адекватные возрастным особенностям детей психолого-педагогические средства, формирующие позитивный эмоциональный фон занятий спортом, устойчивый интерес к систематической и целенаправленной двигательной активности, желание ребенка выполнять различные двигательные упражнения, а в конечном итоге – достигать полноценного физического и личностного развития человека.

В дошкольном возрасте ребенок обучается основным двигательным умениям и навыкам, в формировании которых значительную роль играют двигательно-координационные способности. Они являются основой для двигательной базы, которая в дальнейшем поможет с наименьшими усилиями осваивать все более сложные движения. Этот возраст особенно благоприятен для формирования интереса ребенка к спортивным занятиям, для овладения базовыми компонентами культуры движений, освоения обширного арсенала двигательных координаций, техники

разнообразных физических упражнений. Физическое развитие ребенка неразрывно связано со становлением его личности. В процессе развития ребенка дошкольного возраста формируется внеситуативно-личностная форма общения со значимым взрослым. Взрослый в глазах ребенка приобретает роль не просто человека, который заботится о нем – кормит, лечит, обучает, а роль исторического и социального лица, члена общества. Общение со сверстниками удовлетворяет потребность дошкольника в самопознании, в создании аффективно-когнитивного образа себя и другого ребенка [1].

В то же время у индивида дошкольного возраста процессы возбуждения преобладают над процессами торможения, в результате чего детям сложно долго сосредотачивать внимание на выполнении учебных и иных заданий. Дошкольники быстрее, чем подростки и взрослые, устают, их работоспособность быстро снижается. Специалисты также подчеркивают существенную психическую уязвимость детей, возбудимость нервной системы. Однако утомляемость у детей проходит быстрее, чем у взрослых.

Знание возрастных способностей и особенностей развития детей этого возраста позволяет уже на этапе начальной подготовки добиться быстрого прироста результатов. Но недостаточное разнообразие средств снижает эффективность тренировочного процесса, делая его скучным и монотонным, что в свою очередь ведет к снижению результатов. Именно на этапе начальной подготовки закладывается функциональная база физического развития ребенка, его потенциал, осуществляется подбор наиболее эффективных средств.

Формирование важной для жизнедеятельности потребности в двигательной активности во многом зависит от особенностей семейного воспитания ребенка, а также от характера взаимодействия с педагогом (спортивным тренером) [2].

Теоретический анализ проблемы формирования мотивации детей к спортивной деятельности позволил выявить ряд психолого-педагогических факторов, побуждающих дошкольников с удовольствием заниматься физкультурой и спортом. Прежде всего – это использование тренером элементов игры в работе с дошкольниками. Такой подход создает благоприятную психологическую атмосферу и способствует заинтересованности детей в спортивных занятиях. Следующий фактор – это акцентирование внимания значимых взрослых на положительных сторонах спортивной деятельности детей, на их трудолюбии, целеустремленности, собранности. Необходимы также положительная оценка выполнения упражнений, формирование атмосферы взаимного уважения, доверия, проявления терпимости к ошибкам и неудачам [3].

Дети испытывают потребность в одобрении со стороны сверстников, родителей и других значимых взрослых своего «спортивного поведения» – посещения занятий, трудолюбия, достижения результатов. Удовлетворение этой потребности ведет к получению положительных эмоций, связанных со спортом, и мотивирует к дальнейшей работе.

Помимо тренировок, важнейшей составляющей спортивной деятельности является выступление на соревнованиях. Изучив опыт участия юных хоккеистов в соревнованиях, исследователи выявили особенности восприятия детьми реакции тренера и родителей на результаты своей спортивной деятельности [3]. Оказалось, что спортсмены 6-7 лет связывают свой проигрыш в большинстве случаев с переживанием негативных эмоций со стороны тренера и родителей (например, «меня ругают»). При этом большинство детей не проявили адекватного понимания того, что следует делать в случае проигрыша (например, больше и лучше тренироваться, быть собранным и внимательным). Исследование показало неготовность тренеров и родителей психологически правильно реагировать на соревновательную деятельность юных хоккеистов, так как именно взрослые отвечают за психологическую поддержку юных спортсменов, особенно в ситуации проигрыша, а также формирование у юных спортсменов конструктивных установок на преодоление возникающих трудностей.

Таким образом, роль значимых взрослых в успешности тренировок и соревновательной спортивной деятельности является недооцененной, а повышение психолого-педагогической грамотности тренера и родителей юных спортсменов может эффективно оптимизировать мотивацию детей дошкольного возраста к спортивной деятельности.

Литература

1. *Ермолаева М.В.* Психология развития: Методическое пособие для студентов заочной и дистанционной форм обучения. 2-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 376 с.
2. *Крушельницкая О.Б., Светлова А.А.* Социально-психологические факторы эффективности спортивной деятельности // В сб.: Личность и группа в образовательном пространстве сборник научных трудов. Московский городской психолого-педагогический университет, Факультет

социальной психологии, Кафедра теоретических основ социальной психологии. Москва, 2011. С. 112-118.
3. *Лагутин А.Б., Коченгина Е.С.* Формирования мотивации детей дошкольного возраста к занятиям спортом // Спортивный психолог. 01 октября 2015 г.
4. *Рогалева Л.Н., Малкин В.Р., Хаерзаманова Ю.В., Богданова М.В.* Опыт участия юных хоккеистов 6-7 лет в соревнованиях // Спортивный психолог. №3 (50) 2018. С. 8-11.

К вопросу о взаимосвязи личностных особенностей руководителя и его стиля управления производственной группой

Габриэлянц И.А., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ogogogo2000@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru

В настоящее время, в связи с появлением разных направлений бизнеса, как, впрочем, всё новых и новых разновидностей видов деятельности, все острее становится проблема, связанная с взаимодействием руководства и подчинённого состава, а также системой мотивации последних [1]. Однако на данный момент исследований, посвященных взаимоотношениям одной категории сотрудников с другой явно недостаточно [2]. Ввиду вышесказанного, было проведено исследование взаимосвязи выраженности стиля руководства с мотивационными, а также личностными качествами руководителя.

Из ряда методик, позволяющих определить стиль руководства, мы выбрали «Опросник определения стиля управления персоналом» А.Л. Журавлева, так как его способ диагностики наиболее адекватен нашей цели исследования. Выбранная методика соответствует классификации стилей руководства, которую предложил К. Левин. Методика направлена на оценку преобладающего стиля руководства: директивного, коллегиального или либерального. С целью диагностики личностных и мотивационных факторов были использованы: опросник «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир в модификации А. Реана), опросник «Индекс стремлений» (Э. Деси и Э. Райан), тест «Пятифакторный личностный опросник» (Р. МакКрае, П. Коста).

В исследовании приняли участие 36 менеджеров низшего звена и 17 – среднего звена коммерческих организаций различных сфер бизнеса.

В ходе исследования была выявлена значимая связь особенностей личностных, мотивационных факторов и выраженности стиля руководства у менеджеров низшего и среднего звена.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. У всех опрошенных менеджеров выраженность показателей внутренней и внешней положительной мотивация отрицательно связана с попустительским стилем руководства (использовался критерий Спирмена, r_s=,356; p = 0,005).
2. Показатель внутренней мотивации «достаток» положительно связан с директивным стилем у 22 % менеджеров низшего и среднего звена (r_s=,285; p = 0,027).
3. Показатели внутренней мотивации – такие, как «рост по карьерной лестнице», «внешний вид», «социум», «здоровье», отрицательно связаны с выраженностью попустительского стиля руководства (r_s=,339; p = 0,008).
4. У части опрошенных (21%) имеется прямая взаимосвязь показателя «привязанности» и выраженностью коллегиального стиля руководства. В то же время имеется обратная взаимосвязь с директивным и попустительским стилем руководства.
5. Менеджеры среднего звена рассматривают «ориентацию на общество» и на «построение отношений» в среднем на более высоком уровне, нежели менеджеры низшего звена (83% против 52%; использовался критерий Манна-Уитни, различия значимы на уровне $p<0,05$).

Таким образом, гипотеза исследования о существовании взаимосвязи между личностными особенностями, выраженностью мотивации и стилем руководства была подтверждена.

Литература

1. *Агейка О.В.* Представления о формальном лидере // Научные труды республиканского института высшей школы, номер 17-3, ГУО «Республиканский институт высшей школы» (Минск), 2017. С. 4.
2. *Карцева Т.Т.* Идеальный руководитель российской организации: личностные характеристики и управленческие навыки // Государственная служба, 2014. №5 (91). URL: http://pajournal.ranepa.ru/articles/r47/1791/

Долговой менталитет: теоретический анализ и результаты эмпирического исследования

Гагарина М.А.
ФГОБУ ВО «Финуниверситет», ФГБУН ИПРАН, Москва, Россия
MGagarina224@gmail.com

Целью данной работы является теоретический анализ и эмпирическое исследования долгового менталитета россиян. Понимание причин, механизмов и типов долгового поведения является актуальной проблемой социальной и экономической психологии. С целью описания целого спектра психических явлений, связанных с пониманием, переживанием, оценкой и регуляцией всех видов активности, предполагающих заимствование и одалживание денежных средств, автор предлагает использовать понятие «долговой менталитет», под которым мы понимаем интегральную характеристику людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми отношений заимствования и исполнения обязательств, и объяснить специфику их реагирования в таких ситуациях. При формулировке данного определения мы опирались на определение менталитета, представленное в работах В.А. Кольцовой и А.Л. Журавлева [3]. В отечественной психологии имеются наработки по проблеме национального менталитета [2], которые создают надежную концептуальную основу для изучения долгового менталитета. Перспективность употребления понятия «долговой менталитет» во многом повторяет сказанное в статье А.Л. Журавлева и соавт. с той оговоркой, что мы ограничиваем поле исследования ситуациями, связанными с долгом: «возникает необходимость ввести понятие, которое обозначало бы совокупность *всех психологических свойств людей*, влияющих на принятие или непринятие правил, заданных социальными институтами (*долгом*) – *добавлено автором*. Эти свойства разнятся от одной общности людей к другой, более того – от человека к человеку» [1, с. 108]. Долговой менталитет россиян, как и национальный менталитет [4], имеет структуру, куда входят следующие компоненты: когнитивный, аффективный и поведенческий.

Для организации эмпирического исследования мы выделяем компоненты по следующему принципу: в когнитивный блок включает все, что связано с пониманием, убеждениями, знанием, представлением о долге. Аффективный блок включает все, что связано с оценкой долга и переживаниями. Основная особенность

этого блока – наличие эмоциональной окраски, что человек чувствует или переживает по поводу долга. Оценка предполагает наличие определенной системы ценностей, с которой соотносятся суждения о долге или поведение, и в результате формируется отношение. Поведенческий компонент менталитета включает все то, что обусловливает готовность к определенному долговому поведению: установки, традиции, стереотипы. Таким образом, методы исследования когнитивного блока долгового менталитета: (1) метод свободных ассоциаций к категориям «долг», «денежный долг», «моральный долг», с последующим прототипическим анализом по П. Вержесу и сравнением ядра и периферии социальных представлений (СП) об указанных категориях и (2) выделение ядра и периферии социальных представлений о денежном долге на основании подсчета коэффициента позитивных ответов по Ж.К. Абрику для утверждений авторского опросника долгового поведения (здесь представлен не только когнитивный, но и поведенческий компонент – как готовность к рациональным действиям в ситуации заимствования); сравнение структуры СП для лиц с различным опытом заимствования. Исследование аффективного компонента долгового менталитета включает изучение отношения к долгу (оценка понятий «долг» и «кредит»), выполненное с помощью метода семантического дифференциала; изучение долговой толерантности (способности испытывать или не испытывать чувство эмоционального напряжения в ситуации долга) и ее предикторов, опросник А.Н. Лебедева, О.А. Булыгиной. Исследование поведенческого компонента долгового менталитета, как уже отмечалось выше, проведено через изучение представленности в ядре СП готовности к рациональным действиям и путем анализа семейных традиций относительно финансовой активности и поведенческих стратегий молодежи и их родителей. Помимо опросника долгового поведения, использовалась методика «Денежная генограмма», анализ пословиц и поговорок, методика «Ценностные ориентации» (Ш. Шварц). Общая выборка исследования составила 1353 респондента.

Результаты исследования.

СП о долге согласуются с научными знаниями о долге. Долг – это, прежде всего, обязательства, подлежащие исполнению как в форме возврата взятых взаймы денег, так и в форме служения. Долг переживается, его исполнение связано с чувством тяжести.

СП о денежном долге и о моральном долге имеют одинаковое содержание, но разную структуру.

СП о долге характеризуются осознанием собственной ответственности и необходимости исполнения обязательств, а также

рациональностью – признанием важности расчетов стоимости займа и поиска наиболее выгодных вариантов.

Должники тоже имеют представления о рациональном долговом поведении, но отличаются от респондентов, не прибегающих к заимствованию, и заемщиков, исполняющих свои долговые обязательства в полном объеме, приоритетом комфортного образа жизни (не по средствам) и допустимостью отложенного исполнения своих долговых обязательств.

Отношение к долгу и кредиту у россиян – негативное, обе категории оцениваются как неприятные, слабые и пассивные. Различия наблюдаются только по двум характеристикам – долг хуже и менее динамичный, чем кредит. По сравнению с 2013 годом, в 2019 году наблюдается более положительное отношение к кредиту.

Долговая толерантность более выражена у юношей, чем у девушек. Долговая толерантность связана с ценностными ориентациями «гедонизм» и «достижение». Предикторами долговой толерантности являются склонность к прокрастинации, готовность к риску, интернальность в области межличностных отношений, высокая эмоциональная устойчивость и низкая интернальность в области неудач.

Преобладающей стратегией финансового поведения является ориентация на сбережение. Молодые люди, оценившие родительские позиции как согласованные, выше ценят традиции – проявляют уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи и идеи, а также власть – в поведении стремятся к социальному статусу и доминированию над людьми и ресурсами.

Литература

1. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107-112.
2. Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. Ред. Кольцова В.А., Харитонова Е.В. Москва, Изд-во ИПРАН. 2015.
3. *Кольцова В.А., Журавлев А.Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5-17.
4. *Юревич А.В.* Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 12. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 24.03.2020).

Культура, ценности и особенности восприятия образа тела

Глаголева Е.Н., Лейбман И.Я.
ФГБОУВО МГППУ, Москва, Россия
egla2822@gmail.com, irina.leybman@gmail.com

На протяжении XX-XXI века в России произошли значительные социально-экономические и политические изменения. Поменялся образ жизни россиян, культурные нормы и общепринятые правила поведения. Произошедшие в обществе изменения не могли не сказаться на российской культуре. Нас интересовала взаимосвязь ценностей и образа тела в зависимости от культуры.

В науке понятие «культура» исследуется в рамках философского, социологического и антропологического подходов. Общим для всех подходов является то, что они рассматривают ценности как важную составляющую любой культуры. Понятие «ценности» имеет много различных определений. По мнению Д.А. Леонтьева, словом «ценность» обозначается три класса явлений:

1) идеалы, представленные в общественном сознании, отражающие представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни;

2) материальное воплощение этих идеалов (картины, скульптуры, изделия, литературные и музыкальные произведения, архитектурные сооружения и пр.);

3) мотивационные структуры личности («модели должного»), побуждающие людей к воплощению общественных ценностных идеалов в реальной жизни [4, с.13].

В психологии культурные ценности понимаются как «компонент культуры и идеологий, включающий довольно общие по содержанию идеи о самых необходимых для человека и общества условиях и целях существования» [2, с. 553].

Ш. Шварц придерживается антропологического подхода к изучению культуры и рассматривает ее как «латентную, гипотетическую переменную, которую мы можем измерить только через ее проявления» [7, с. 37]. Он изучает культурные ценности как идеи, разделяемые большинством представителей определенной культуры.

В теории Шварца выделены 7 групп культурных ценностей: гармония (единство с природой, мирная жизнь), принадлежность (социальный порядок, подчинение, уважение традиций), иерархия (власть, покорность), мастерство (честолюбие, смелость),

аффективная автономия (удовольствие, увлекательная жизнь), интеллектуальная автономия (широта взглядов, любознательность) и равноправие (социальная справедливость, равенство). Чем сильнее в обществе выражен один полюс измерения, тем меньше представлен противоположный.

Мы также рассматриваем термин «образ тела». Первым его использовал психиатр П. Шильдер и определил как «картину нашего собственного тела, которую мы создаем в голове, т.е. то, каким образом тело представлено нам» [3, с. 45].

Теория образа тела рассматривалась разными учеными и достаточно полно разработана в когнитивно-поведенческом направлении, представителем которой является Т. Кэш. По мнению Т. Кэша образ тела включает в себя связанные с телом самоощущения и самоотношения человека, включая мысли, убеждения, чувства и поведение [8, с. 1-5]. Он выделяет в образе тела 2 компонента: перцептивный и установочный. Перцептивный – степень точности и осознанности, с которой физическое тело представлено в образе тела. Установочный включает мысли, чувства и поведенческие привычки, которые отражают отношение к своему телу и внешнему облику.

Т. Кэш пишет о том, что образ тела формируется под влиянием двух факторов: исторических и проксимальных (сопутствующих). Исторические факторы – это события и опыт, определяющие отношение человека к своему телу. Исторические факторы действуют через процесс социального научения, социализации. На формирование отношения к своему телу оказывает влияние культура и культурные ценности, эталоны внешности, представления о нормативном теле, существующие в обществе. Проксимальные или сопутствующие факторы, согласно Т. Кэшу, относятся к текущим событиям. Это – внутренние диалоги, эмоции, связанные с образом тела и саморегулирующее поведение.

На основании этого мы выдвинули гипотезу, что изменение культурных ценностей за последние годы в российском обществе могло повлиять на изменение восприятия образа тела у разных поколений россиянок.

В рамках работы поставлены задачи исследовать изменения культурных ценностей у двух поколений и их взаимосвязь с изменением их представления своего образа тела.

Для исследования были использованы «Опросник культурных ценностей» Ш. Шварца, «Мультимодальный опросник отношения к собственному телу» MBLRQ и «Шкала состояний образа тела» BISS Т. Кэша. Исследование проводилось на двух поколениях россиянок –

студентках 15-25 и работающих женщинах 39-59 лет. Общий объем выборки составил 70 человек.

Корреляционный и регрессионный анализ позволили определить взаимосвязь между культурными ценностями и образом тела, те психологические изменения, которые произошли на ценностном и телесном уровне у российских женщин в связи со значительными социокультурными изменениями в обществе. По итогам исследования сделан вывод о влиянии культурно-экономических и социальных процессов на психологические характеристики личности.

Литература

1. *Бельская С.А.* К проблеме определения понятия «культурная ценность» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3-1.
2. Большой психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 4-е изд., расш. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009.
3. *Каминская Н.А., Айламазян А.М.* Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах. // Национальный психологический журнал. 2015. № 3(19).
4. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. // Психологическое обозрение. 1998. №1. https://hr-portal.ru/article/da-leontev-cennostnye-predstavleniya-v-individualnom-i-gruppovom-soznanii-vidy-determinanty
5. *Сушкова Е.В.* Становление понятия «образ тела» в психологической науке // История российской психологии в лицах: Дайджест-2017. № 6.
6. *Татаурова С.С.* Сравнительное кросс-культуральное исследование образа тела как когнитивной структуры самосознания // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 31.
7. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т.5, №2.
8. *Cash T.F.*иBody image: past, present, and future. // Body Image. № 1. 2004.
9. *Cash T.F.* The multidimensional body-self relations questionnaire // MBSRQ USERS' MANUAL (Third Revision, January, 2000).

К вопросу изучения особенностей организационных патологий в поликультурной организационной среде

Горин Н.Н., Сонькин Д.М., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
akm71@yandex.ru, dimitryson@gmail.com, aleksandrovaae@gmail.com

Как известно, любую организацию можно рассматривать как сознательное объединение людей, деятельность которых направлена на достижение определенной цели [4]. При этом необходимо сразу заметить, что изучение различных социально-психологических аспектов организации предполагает рассмотрение психологии организации как профессионального коллектива. Такой коллектив безусловно обладает всеми «общими» признаками организации, но, в то же время, имеет и ряд специфических особенностей.

Так, любой профессиональный коллектив характеризуется определенной организационной структурой – т.е. формально-функциональной системой взаимосвязей между сотрудниками. На развитие этой самой формально-функциональной (или организационной) структуры коллектива оказывает влияние ряд факторов. Так, например, каждый сотрудник, занимая определенную должность – позицию в организационной иерархии – должен выполнять свои должностные функции, согласовывая свои действия с другими сотрудниками. Подчеркнем, что существенное значение в установлении деловых, межличностных отношении между сотрудниками имеет высокая степень однородности (гомогенности) коллектива по таким признакам, как возраст, образование, уровень квалификации. Некоторые авторы отмечают, что подобные коллективы характеризуются высоким уровнем внутренней организованности и групповой сплоченности [1; 2].

Однако не трудно заметить, что в большинстве случаев современные коллективы являются очень разнородными по своему составу, так как в них входят и молодые, и более опытные сотрудники, имеющие разный уровень профессиональной квалификации, представители разных возрастных категорий. Именно в таких профессиональных коллективах приходится сталкиваться с разнообразными дисфункциями, которые мешают эффективной деятельности и мешают достижению организационных целей. В том случае, если такие дисфункции начинают пронизывать всю систему управления организацией, то они принимают патологический характер и становятся так называемыми организационными патологиями.

Под такой дисфункцией понимается сбой в выполнении какой-либо функции или устойчивое «недостижение» целей организации. Дисфункцией может также считаться достижение целей, но с существенно большими затратами времени, сил и средств по сравнению с запланированным уровнем [3].

Выделяется три типа организационных патологий

1. *Патологии в строении организаций*. Патологии в строении организаций охватывают всю структуру предприятия – от управляющего органа до подведомственных звеньев.

2. *Патологии в управленческих решениях*. Возникновению патологий в управленческих решениях способствуют не только неправильные решения руководящих органов, но и сформировавшиеся патологии в строении организации.

3. *Патологии в организационных отношениях.* Патологии в организационных отношениях чаще возникают на фоне управленческих ошибок [3].

Организационные патологии зависят от многих факторов, их взаимосвязь с элементами структуры организации требует системного подхода в устранении патологий.

Наибольший интерес для нас как психологов может представлять исследование патологий в организационных отношениях, которые складываются в профессиональных коллективах. Учитывая, что на развитие и сплоченность коллектива может оказывать влияние его однородность (гомогенность), то выглядит совершенно логичным изучение динамики развития профессионального коллектива в зависимости от монокультурной или поликультурной организационной среды. При этом также логичным может выглядеть предположение, что поликультурная организационная среда может накладывать определенный отпечаток на формирование системных дисфункций – патологий в организационных отношениях.

Литература

1. *Аникеева Н.П.* Психологический климат в коллективе. М.1989.
2. *Бойко В.В., Ковалев А.Т., Панферов В.И.* Социально-психологический климат коллектива и личность. М.,1983.
3. *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. М., 2003.
4. *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995.

Социально-психологическая адаптация студентов к учебно-профессиональной деятельности

Горчакова А.А.
ФГБОУ ВО «ЯрГУ им. П.Г. Демидова», Ярославль, Россия
gorchakovaanastasia@yandex.ru

Адаптация – одно из главных понятий в сфере знаний, изучающих человека с позиций гуманитарного, естественно- или общественно-научного подходов [8]. В настоящее время понятие «адаптация» все более активно используется в педагогике и психологии, представляя собой одну из важнейших проблем, исследуемых на различных уровнях [7; 10; 11].

Научная и практическая актуальность проблемы адаптации заключается в том, что современное образование заинтересовано сохранить и улучшить физическое и психическое здоровье человека, в связи с чем изучение особенностей, механизмов и закономерностей адаптации к образовательным условиям учебного заведения приобретает фундаментальное значение [1; 2].

Период обучения в стенах колледжа или вуза – это важнейший этап жизнедеятельности современного молодого человека, его личностного роста и развития, становления как будущего специалиста в своем деле. Поступив в учебное заведение, человек сталкивается с рядом трудностей: высокая интенсивность изучения нового материала, недостаточность развития навыков самостоятельной работы, новые виды деятельности, новый коллектив, преподавательский состав. Поиск путей успешной адаптации – насущная проблема для каждого, кто переступил порог учебного заведения. От того, как быстро и эффективно пройдет адаптационный процесс, зависят дальнейшие успехи студентов [1; 2].

Социально-психологическая адаптация – это приспособление индивида к студентам своей группы и взаимоотношениям с ними, выработка собственного стиля поведения, налаживание отношений с преподавателями и представителями администрации, активное освоение ценностей, особенностей и норм будущей профессиональной деятельности [3; 5].

Анализ научных исследований позволил определить основные направления педагогического сопровождения социально-психологической адаптации студентов [2 – 6; 9; 12]: психологическая диагностика (выявление индивидуально-психологических особенностей студентов, уровня адаптированности к учебной группе и учебной деятельности, динамики личностного роста, причин

трудностей в учебно-профессиональной деятельности), психологическое просвещение (формирование потребности в психологических знаниях у всех участников образовательного процесса, информирование студентов о трудностях периода адаптации), коррекционная деятельность (разработка коррекционных программ на основе выявленных причин нарушений социально-психологической адаптации, формирование стремления к оптимальной адаптации, перестройке своего поведения в соответствии с новыми требованиями), консультативная деятельность (разработка рекомендаций по проблемам социально-психологической адаптации, самореализации или самовоспитания).

Одной из эффективных форм педагогического управления процессом социально-психологической адаптации считается кураторство. От куратора как воспитателя во многом зависит успешность адаптации первокурсников, налаживание межличностных отношений в учебной группе, поэтому к основным направлениям педагогического сопровождения студентов можно отнести следующие: организация работы по ознакомлению студентов с особенностями учебно-профессиональной деятельности; изучение индивидуально-психологических особенностей студентов, их уровня знаний и общественной активности; изучение формирующийся системы межличностных взаимоотношений в курируемой группе; оказание помощи в активизации самовоспитания.

Таким образом, проблема социально-психологической адаптации студентов к учебно-профессиональной деятельности в новом образовательном учреждении актуальна и в настоящее время, так как смена привычной обстановки, новая социальная ситуация, постоянная умственная и психоэмоциональная нагрузка вызывают определенную напряженность личности. Помочь студенту войти в образовательное пространство учебного заведения с минимальными потерями, достичь оптимального уровня адаптированности к учебной группе и учебной деятельности – важнейшая задача психолого-педагогического сопровождения студентов.

Литература

1. *Авдеенко А.С.* Психологическая адаптация студентов вуза // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. № 2 (13).
2. *Александрович П.И.* Психологическая адаптация студентов к обучению в высшем учебном заведении // Труды БГТУ. 2015. № 5.

3. *Андриенко О.А.* Профессиональная адаптация студентов вуза в период прохождения производственной практики // Перспективы науки и образования. 2018. № 4 (34).
4. *Андриенко О.А.* Психологическое сопровождение образовательного процесса – условие успешной социальной адаптации первокурсников в профессиональном лицее // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 3.
5. *Андриенко О.А., Безенкова Т.А., Олейник Е.В.* Воспитательная деятельность куратора в период адаптации студентов – первокурсников вуза // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38).
6. *Венцель В.Д., Янчий С.В., Каргополова Е.О.* Из опыта работы куратора по адаптации студентов в техническом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. № 1 (22).
8. *Елгина Л.С.* Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 5.
9. *Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю.* Адаптация и адаптационный потенциал личности: соотношение современных исследовательских подходов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2013. № 9.
10. *Рогалева Г.И.* Педагогическая поддержка как основа деятельности информационно-консультационной системы социальной адаптации студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 4 (21).
11. *Салахутдинова Е.С.* Педагогическое сопровождение адаптации студентов в учебной группе: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Кострома, 2014.
12. *Толканюк З.А.* Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников в колледже // Humanitarian Balkan Research. 2019. № 2 (4).
13. *Федорова Е.Е.* Адаптация студентов вузов к учебно-профессиональной деятельности. М., 2007.

Реализация личностно-ориентированного подхода в учебно-профессиональной подготовке студентов

Горчакова А.А., Пошехонова Ю.В.
ФГБОУ ВО «ЯрГУ им. П.Г. Демидова», Ярославль, Россия
gorchakovaanastasia@yandex.ru

На сегодняшний день ведущим стратегическим направлением развития системы современного образования является личностно-

ориентированное образование [4; 5]. Обучение, ставящее во главу угла личность самого обучающегося, имеет глубокие корни. Еще древнегреческий философ, виднейший представитель софистов Протагор говорил: «Человек есть мера всех вещей». Идея всестороннего развития личности провозглашалась и в советский период, где человек объявлялся главной ценностью. Наиболее полно проблемы личностно-ориентированного образования разрабатываются и конкретизируются И.С. Якиманской: цель данного обучения – создание таких условий, которые необходимы для раскрытия и целенаправленного развития индивидуально-психологических особенностей обучающихся [6].

Социально-психологические исследования в системе образования занимают все большее место. В научных работах затрагиваются социально-психологические аспекты обучения и воспитания, проблем девиантного поведения, методы активного социально-психологического обучения, а также проводится социально-психологическое изучение учебных групп, личности обучающегося [1].

Переход к личностно-ориентированному образованию предполагает обучение с учетом личностных особенностей студентов [3], что невозможно без диагностики индивидуально-психологических особенностей обучающихся и тех проблем, которые становятся источником профессиональных трудностей. Несмотря на большое количество работ, касающихся изучения личностных особенностей студентов, в литературе существуют противоречивые сведения о том, как индивидуальные особенности связаны с успешностью обучения.

В нашем исследовании представлен психологический портрет студента, принадлежащего к одной из двух групп (к студентам с высокой и низкой академической успеваемостью) [2]. В качестве респондентов выступили студенты среднего профессионального учебного заведения г. Архангельска в количестве 180 человек. Для определения выборки мы изучили документацию, отражающую сведения о результатах сданных сессионных экзаменов и зачетов, а также опирались на сведения о поведении студентов на семинарских и лекционных занятиях (пропуски, дисциплинарные взыскания, активность и готовность включиться в работу). Испытуемым был предложены опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина; «Методика для определения вероятности развития стресса» Т.А. Немчина. Проведенное исследование позволило предложить рекомендации, позволяющие преподавательскому составу дифференцировать и индивидуализировать работу по личностному развитию и профессиональному становлению обучающихся.

Существуют достоверные различия между группами обучающихся по шкале психастении и социальной интроверсии: студенты с более высоким уровнем успеваемости значимо превосходят остальных по данным показателям. Личностный профиль студентов с низкой успеваемостью имеет высокий показатель по шкале психопатии, что свидетельствует о повышенной конфликтности и агрессивности в межличностных отношениях. Академическая успеваемость сопряжена с личностным адаптационным потенциалом, моральной нормативностью и стрессоустойчивостью.

Студентам с низким уровнем академической успеваемости необходимо помочь сформировать интерес к собственным успехам и достижениям. Низкая моральная нормативность данных студентов, препятствуя адаптационному процессу к образовательным условиям учебного заведения, негативным образом отражается на профессиональной деятельности в сфере «человек-человек». Преподаватель должен осознавать необходимость развития и формирования в студентах таких качеств, как ответственность и добросовестность, настойчивость и стабильность. Предупреждение студентов о неблагоприятных последствиях несоблюдения правил и требований учебно-воспитательного процесса: отсутствие допуска к экзамену или зачету, низкие оценки, исключение из учебного заведения – не всегда оказывается продуктивным для студентов с низким уровнем успеваемости. Однако в большей степени подобные предупреждения воздействуют на студентов с высоким уровнем успешности и завышенным показателем тревожности, что приводит к отсутствию желания включаться в выполнение наиболее сложных заданий.

Студентам с высоким уровнем академической успеваемости необходимо развивать навыки работы в команде, стремление к доминированию, повышению уровня сложности решаемых задач, а также осознанию своих неудач как этапа их личностного и профессионального роста и развития.

Применение личностно-ориентированного подхода наиболее ориентировано на воспитание и формирование личности обучающегося, создание таких условий взаимодействия между обучаемым и преподавателем, когда к каждому участнику образовательного процесса относятся как к высшей самостоятельной ценности, что невозможно без диагностики личностных социально-психологических особенностей и своевременного оказания психологической помощи и поддержки в обучении.

Литература

1. *Акопов Г.В., Варфоломеева Т.П., Чернышова Е.Л.* Социальная психология образования //Самарский научный вестник. 2013. №4(5).
2. *Горчакова А.А., Пошехонова Ю.В.* Уровень развития личностного адаптационного потенциала и его связь с академической успеваемостью студентов медицинского профиля //Бюллетень СГМУ. 2020. №1.
3. *Ледовская Т.В.* Индивидуально-типологические особенности студентов вуза с разными показателями успешности учебной деятельности //Психология образования в XXI веке: теория и практика. 2011.
4. *Туленкова Л.А.* Личностно-ориентированный подход в формировании личностных универсальных учебных действий//Научное обозрение. 2019. №5.
5. *Урусова З.М.* Личностно-ориентированный подход как стратегия современного образовательного процесса //Вестник МГТУ. 2013.
6. *Якиманская И.С.* Основы личностно-ориентированного образования. М., 2013.

Культурная специфика уверенности в себе у молодежи в возрасте 16-20 лет

Григорян М.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mgbw23@gmail.com

Данное исследование проведено в рамках магистерской диссертации, посвященной изучению уверенности в себе у молодежи в возрасте 16-20 лет. Теоретические результаты исследования были частично представлены в наших предыдущих публикациях [1].

Изучение этнической идентичности в контексте различной культурной специфики, с одной стороны, затрагивает социальную значимость личности человека. С другой стороны – позволяет глубже посмотреть на проявление данных особенностей в культуре, в том числе этнической.

Особенный интерес для нашего исследования представляет изучение данных направлений в тот период жизни человека, когда формируется его психика. Этот период связан с позиционированием себя в обществе, осознанием себя и своих личностных характеристик. Одним из самых важных аспектов является понимание и ощущение

уверенности в себе. Этим обусловлена характеристика выборки, то есть изучение молодежи в возрасте 16-20 лет.

Нами была изучена и проанализирована уверенность в себе в контексте культурной специфики, ее влияние на формирование личности, в том числе гендерных особенностей. Для анализа результатов нами был использован междисциплинарный подход, сочетающий в себе психологические, культурологические и антропологические основания.

Мультикультурность и глобализация являются дополнительными факторами в формировании такой психологической характеристики, как уверенность в себе. Поэтому наша выборка, в первую очередь, собиралась в больших городах – мегаполисах. Это позволяет показать данную специфику более широко. В данном исследование приняли участие 191 человек:

- 108 русских, проживающих в Российской Федерации, студентов ГБПОУ города Москвы «Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинжиниринга №26» и ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МИЭТ» в возрасте 16-20 лет;
- 83 армян, проживающих в Российской Федерации (42 человека) и в Армянской Республике (41 человек) в возрасте 16-20 лет; 33 респондента из московской академии танца имени Оганнеса Гаспоряна и 50 респондентов набраны с помощью социальных сетей во вконтакте.

Для выявления культурной специфики уверенности в себе были использованы следующие методики: тест уверенности в себе В.Г. Ромека [2] и тест-опросник самоотношения, разработанный В.В. Столиным [3].

В результате нашего исследования мы получили следующие данные. У юношей, относящихся к русской и армянской этнической группе, значимых различий в уверенности в себе и самоотношении не обнаружено. У девушек, относящихся к русской и армянской этнической группе выявлены различия в самоотношении.

У армянок выше, чем у русских девушек, выражены самоинтерес ($p \leq 0{,}05$), ожидание положительного отношения других (как готовность к внутренним действиям – отбору информации о себе, поступающей от других людей) ($p \leq 0{,}05$).

У представителей армянской выборки большее количество корреляций отдельных структурных компонентов уверенности в себе и самоотношения, чем у респондентов русской выборки.

У армян:

- уверенность (когнитивная составляющая уверенности в себе) прямо коррелирует со всеми компонентами самоотношения (только с самообвинением – отрицательная связь);
- социальная смелость (эмоциональная составляющая уверенности в себе) коррелирует с интегральным самоотношением, самоуважением, аутосимпатией, ожиданием положительного отношения других, самоуверенностью, самопринятием, самопониманием, самопоследовательностью;
- инициатива в социальных контактах (поведенческая составляющая уверенности в себе) коррелирует с интегральным самоотношением, самоуважением, аутосимпатией, самоуверенностью, самопринятием.

У русских:

- уверенность (когнитивная составляющая уверенности в себе) коррелирует с аутосимпатией и самоинтересом;
- социальная смелость (эмоциональная составляющая уверенности в себе) и инициатива в социальных контактах (поведенческая составляющая уверенности в себе) коррелирует только с самоинтересом.

Таким образом, мы можем утверждать, что частично существуют различия в уверенности в себе и самоотношении между молодыми людьми в возрасте 16-20 лет, принадлежащими к армянскому и русскому этносам. Также существует взаимосвязь между культурной спецификой и уверенностью в себе у молодежи в возрасте 16–20 лет.

Полученные результаты можно использовать в практических целях: в разработке тренингов по межкультурной коммуникации, в работе с поликультурным коллективом, с целью профилактики и преодоления межнациональных конфликтов.

Литература

1. *Григорян М.А., Хухлаева О.В.* Гендерные особенности уверенности в себе у молодежи в возрасте 16-20 лет. // XVIII Всероссийская научно-практическая конференция молодых исследователей образования. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. 569 с.

2. *Ромек В.Г.* Понятие уверенности в себе в современной социальной психологии // Психологический вести. Вып. 1. Ч. 2. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006. 132 с.

3. *Столин В.В.* Самосознание личности. – М.: МГУ, 1983. 284 с.

Сплоченность малой группы как показатель командообразования

Грищенко Н.П., Авдонькин С.О.
ФГКВОУ ВО Военный университет МО России, Москва, Россия
natalya_spring@mail.ru

Под командообразованием понимается процесс целенаправленного формирования особого способа взаимодействия людей в организованной группе, позволяющего эффективно реализовать их энергетический, интеллектуальный и творческий потенциал сообразно стратегическим целям организации [3; 4]. К настоящему времени выделяют несколько наиболее востребованных направлений деятельности: во-первых, вопросы, связанные с комплектованием команд; во-вторых, задачи командной сыгровки; в-третьих, оценка целевых групп с точки зрения их соответствия понятию «команда» [3; с. 9-10].

К одному из аспектов, позволяющих повысить ресурс командного взаимодействия, следует отнести групповую сплоченность. Сплочённость различными авторами рассматривается в двух аспектах: как процесс и как особое состояние отношений в группе [2; с. 279]. По мнению Г.М. Андреевой, сплоченность – это «процесс формирования особого типа связей в группе, которые позволяют внешне заданную структуру превратить в психологическую общность людей, в сложный психологический организм, живущий по своим собственным законам» [1; с. 206].

В рамках настоящего исследования представляет интерес сравнительный анализ уровня групповой сплоченности курсантов, обучающихся в образовательной организации силового ведомства и студентов гражданской образовательной организации. Выборка составила – 68 респондентов: первая группа испытуемых – 18 человек (курсанты), вторая и третья группы – по 25 человек (студенты). Возраст испытуемых от 19 до 23 лет.

Индивидуально-психологические особенности личности изучались с помощью методики «Опросник структуры темперамента». У первой группы (курсанты) полученные результаты находятся в диапазоне средних значений. У второй и третьей групп (студенты), результаты находятся в диапазоне средних значений, за исключением: во второй группе по шкалам «социальная эргичность» (*ср.* = 9,85) и «социальная эмоциональность» (*ср.* = 9,56); в третьей группе – «социальная эргичность» (*ср.* = 10,56), «социальная пластичность» (*ср.* = 9,83) и «социальная эмоциональность» (*ср.* = 9,15) – высокие значения. Данные указывают на то, что курсанты избирательны в проявлении активности, не избегают напряженной работы, однако инициатива в поисках сфер приложения своих способностей недостаточно высока.

Студенты второй группы испытывают потребность в социальных контактах, обладают высокой эмоциональностью, вместе с тем у них отсутствует чувствительность к неудачам в общении, свойственна низкая вовлеченность в процесс деятельности. Студенты третьей группы стремятся к социальным контактам, лидерству, легко устанавливают коммуникативные связи.

По «Методике диагностики межличностных отношений»: у первой группы на высоком уровне проявляется «дружелюбие» (*ср*. = 10,59), умеренно выражено «доминирование» (*ср.* = 6,82); у второй группы и «дружелюбие» (ср. = 7,62) и «доминирование» (ср. = 5,82) выражено умеренно; у третьей группы сходные результаты: «дружелюбие» (ср. = 5,64) и «доминирование» (ср. = 7,69). Методика «Определение индекса групповой сплоченности»: 1 группа – высокий уровень (*ср.* = 15,22), 2 группа – средний уровень (*ср.* = 10,52), 3 группа – уровень ниже среднего (ср. = 6,52). «Методика диагностики уровня развития малой группы»: 1 группа – «коллектив» (*ср.* = 67,56), 2 и 3 группа – «ассоциация» (*ср.* = 31,36 и *ср.* = 29,68).

По «Методике диагностики групповой мотивации» получено: первая группа – «положительно мотивирована на успех в деятельности» (*ср.* = 150,89), вторая и третья группа – «недостаточно мотивирована на получение положительных результатов» (*ср.* = 87,96) и (*ср.* = 81,92). По тесту «Определение ценностно-ориентационного единства группы» выявлено: у первой группы – высокий уровень ЦОЕ у 90% респондентов, у второй (72%) и третьей (68%) групп – средний уровень ЦОЕ. Следовательно, в группе курсантов выявлено преобладание дружелюбия, высокий уровень групповой сплоченности, уровень развития группы – коллектив, положительная мотивация на успех в деятельности, высокий уровень ценностно-ориентационного единства. В группах студентов установлено проявление дружелюбия и доминирования на среднем уровне, уровень групповой сплоченности проявился на среднем уровне (2 группа) и уровне – ниже среднего (3 группа), по уровню развития группы отнесены к ассоциации, недостаточная мотивация на получение положительных результатов, средний уровень ценностно-ориентационного единства

В результате корреляционного анализа результатов «Опросника структуры темперамента» и «Методики диагностики уровня развития малой группы» выявлены положительные связи ($p \leq 0,01$) по шкалам: «эргичность» и «уровень развития малой группы». Эргичность показывает степень активности, проявляемой человеком в общении с людьми и в практической работе, оказывает непосредственное влияние на уровень развития малой группы.

По шкалам «Методики диагностики межличностных отношений» и «Определение индекса групповой сплоченности» выявлены положительные связи: «дружелюбный» и «индекс групповой сплочённости» (1 группа); «альтруистический» и «индекс групповой сплочённости» (2 группа). Отрицательные связи – «авторитарный» (2 группа) «агрессивный» (3 группа) и «индекс групповой сплочённости». Итак, дружелюбный и альтруистический типы отношения к окружающим связаны с высоким индексом групповой сплочённости, а агрессивный и авторитарный типы снижают величину индекса групповой сплочённости. В первой группе среднее значения по шкалам «альтруистический» и «дружелюбный» превышают значения по шкалам «авторитарный» и «агрессивный», во второй и третьей группах равны.

Таким образом, в результате проведенного пилотажного исследования было выявлено, что на уровень групповой сплоченности влияют особенности типа темперамента личности, тип межличностных отношений членов группы, уровень групповой мотивации, ценностно-ориентационное единство. Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень групповой сплоченности курсантов выше уровня групповой сплочённости студентов.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 206.
2. *Битянова М.Р.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. С. 279.
3. *Жуков Ю.М., Журавлёв А.В., Павлова Е.Н.* Технологии командообразования. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 9-10.
4. *Солодова Е.П., Калмыкова Д.А.* Командообразование как современный способ управления человеческими ресурсами // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. Том 9. № 4. С. 67-72.

Благополучие личности как социально-психологический феномен

Губкина И.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Invo.off@gmail.com
Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
sachkova@list.ru

В настоящее время проблема психологического благополучия личности все чаще привлекает исследователей в силу необходимости

определения оснований внутреннего равновесия личности и его компонентов. Изучение факторов, влияющих на формирование психологического благополучия личности, становится все более актуальной проблемой психологии и ряда смежных областей научного знания в связи с тем, что различные социально-психологические факторы играют в жизнедеятельности общества все более значимую роль.

Особую актуальность приобретает проблема психологического благополучия личности в сфере профессиональной деятельности. Причинами этого выступают как объективные обстоятельства осуществления деятельности, результаты профессиональной социализации личности, так и обстоятельства, прямо не относящиеся к психологическому благополучию, но во многом являющиеся его детерминантами (политическая, экономическая, социальная неопределенность, экологические проблемы и т.д.).

Наличие множества подходов к психологическому благополучию обусловливает потребность в их систематизации. Р. Райан и Э. Деси выделили основные подходы к пониманию психологического благополучия: эвдемонистический и гедонистический, названные в соответствии с зародившимися в античной философии основными концепциями счастья [4]. Эвдемонистическое направление определяет счастье как целостное, осмысленное и полноценное бытие. Гедонистическая центрация предусматривает в качестве основной цели человеческого существования позитивные чувства, радость и наслаждения. Таким образом, авторы отмечают, что благополучие в рамках гедонистического подхода определяется посредством достижения удовольствия и избегания неудовольствия, выступая результатом социального сравнения. Основой эвдемонистического подхода являются идеи гуманистической психологии. Благополучие с позиции эвдемонистического подхода рассматривается как развитие индивидуальности, обретение идентичности личности, полнота самореализации, возможность становления в качестве субъекта своей жизни.

Тем не менее, у современных отечественных исследователей, как отмечает Е.В. Бенко, присутствует тенденция к рассмотрению психологического благополучия в качестве интегрального феномена, включающего в себя аспекты эвдемонистических и гедонистических представлений. Эмпирически была продемонстрирована взаимосвязь между позитивностью аффективной жизни и самореализацией личности, несмотря на наличие даже акцентуаций различных ее аспектов [1].

Кроме того, исследователями был обоснован ряд иных позиций [1, 2]:

- субъективистский подход (Э. Деси, Н. Брэдберн, Э. Фромм, А. Маслоу и пр.);
- объективистский подход (М. Аргайл, Э. Динер и пр.);
- психологический подход (К. Рифф и др.).

В одних исследованиях указанные подходы выступают как взаимоисключающие друг друга, в других – как дополняющие. Современными зарубежными исследователями [2; 3] выделяются два похода к пониманию психологического благополучия: социально-ориентированный и индивидуально-ориентированный, что в ряде аспектов соотносится с эвдемонистическим и гедонистическим подходами [4].

По мнению М. Бубера, личность существует исключительно в собственном устремлении к «другому», познает себя лишь через «другого» и только в «другом» обретает себя. «Ты» (а в нем и «Мы») предшествует «Я» или как минимум всегда сопровождает «Я» [3]. М. Бубер акцентирует внимание на том, что, не видя личность в других людях, человек и себя самого не переживает как личность, оказываясь тем самым сущностно отчужденным от мира и себя [3]. И. Боннивелл, рассматривая структуру психологического благополучия, отмечает, что психологическое благополучие отражает эмоциональный фон, функциональное состояние организма и психики и позитивное соотношение, доверительное отношением к миру [2].

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что в современной зарубежной и отечественной психологии феномен психологического благополучия изучался с различных сторон, с применением разных подходов. При рассмотрении психологического благополучия исследователи исходят из субъективной эмоциональной оценки человеком себя и своей жизни, а также моментов просоциального личностного развития. Следовательно, высокую социальную значимость и актуальность в современный период приобретает проблема поиска способов позитивного функционирования личности, обладающая междисциплинарным характером. Благополучие личности выступает, таким образом, в качестве многоаспектного конструкта, в котором тесно переплетаются социальные, экономические, культурные, психологические и духовные факторы. Кроме того, особую значимость приобретает выявления факторов, обеспечивающих внутреннее равновесие личности, среди которых важная роль принадлежит удовлетворенности трудом, профессиональной самооценке, мотивации, социально-психологическому климату в организациях.

Литература

1. *Бенко Е.В.* Субъективное благополучие человека, переживающего нормативный кризис развития личности: дис. … канд. психол. наук: 19.00.01. - Челябинск, 2017.
2. *Бонивелл И.* Ключи к благополучию. Что может позитивная психология. - М.: Время, 2009.
3. *Бубер М.* Я и Ты. - М.: Мосты культуры, 2017.
4. *Ryan R.M., Deci E.L.* On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and EudaimonicWell-Being// Psychology. - 2001. - № 52. - P. 141-166.

Особенности интернет-общения у подростков

Гуменюк А.В., Ковыльникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Интернет вошел в нашу жизнь не так давно, но его популярность как средства массовой коммуникации растет каждый день, равняясь с телевидением и прессой. Сегодня интернет есть практически у каждого человека, доступ в него возможен всем от совсем маленьких детей до людей пенсионного возраста. Подростков можно отнести к группе людей наиболее часто его использующих не только как средство получения информации, но, в основном, как способ коммуникации. Чем же соблазняет школьников общение в сети? Тем, что в интернете не важно, какая у тебя внешность, есть ли недостатки речи, здесь можно скрыть свой возраст и пол, то есть те барьеры, которые мешали подростку в реальной жизни, в сети теряют свою значимость [1; 3].

Поэтому тема интернет-общения в подростковой среде, на наш взгляд, представляется наиболее перспективной и интересной. Исследование особенностей интернет-общения подростков, проведенное нами, показало, что по степени вовлеченности в виртуальную реальность можно выявить три условные группы: высокого, среднего и низкого уровня активности [1]. Например, использование интернета во время прогулок с друзьями у подростков с высоким уровнем активности составляет 73%. Все это происходит одновременно с общением в дружеской обстановке. Подобное случается во время приема пищи, на уроках. Можно предположить, что это происходит из-за неудовлетворенности качеством контактов

как с друзьями и одноклассниками, так и с родителями и учителями. То есть ради сохранения внутреннего спокойствия подросток уходит в примитивную самоизоляцию, исключаясь из межличностных контактов. Нами было отмечено, что 58% таких детей постоянно делают замечания в связи с их долгим погружением в интернет, то есть связи близких с такими подростками осложнены [2; 3]. При этом 40% опрошенных отмечают справедливость сделанных им замечаний и только 27% находит это неправильным.

Более открытыми в интернете считает себя 75% исследуемых. Уходит стеснение. Больше не страшно совершить ошибку, быть кем-то осужденным. 38% подростков отмечают, что в сети им проще знакомиться, а 20% из них зарегистрированы на сайте знакомств. При этом многие приписывают себе физические и личностные качества, которыми не обладают, но хотели бы обладать в реальной жизни. Около 45% старшеклассников используют чужие фотографии, выдавая их за свои, создают фейковые странички для поиска виртуальных друзей, особенно это касается попыток знакомств с противоположным полом. При этом большинство, осознавая искусственность подобных контактов, продолжает пользоваться ими, около 75% имеют хотя бы одного виртуального друга, которого никогда не видели. 13% опрошенных испытали чувство влюбленности в человека, которого никогда не знали в реальной жизни. Причем некоторым удавалось встретится с таким «идеальным» возлюбленным в реальности и испытать глубокое разочарование. Несмотря на это, у 30% подростков повышалась самооценка в жизни после определенных достижений в интернете.

Работа, проделанная нами, позволяет проследить определенные тенденции в отношении времяпровождения старшеклассников в интернете. Можно предположить, что общение современных подростков в интернете является частью процессов их развития и взросления.

Литература

1. *Зарецкая О.В., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю.* Интернет-зависимость как патология социального взаимодействия // Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 472 с., с.120-122.
2. *Маринова Т.Ю.* Методы диагностики функциональных состояний // Москва, МГППУ, 2008. 93 с.

3. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология // Москва, «Юрайт» (2 издание, исправленное и дополненное). - 2017.- 241 с.

Особенности совладающего поведения у будущих водителей автотранспорта

Гут Ю.Н.
НИУ БелГУ, г. Белгород, Россия
gut.julya@yandex.ru

Проблема безопасности дорожного движения уже давно злободневна и обсуждается на международном уровне. Причиной тому является ежегодная статистика дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых погибают десятки тысяч людей, и сотни тысяч получают телесные повреждения различной тяжести. Среди различных видов ДТП особое место занимают автоаварии, совершенные на личном транспорте, число которых, согласно статистике, с каждым годом продолжает оставаться на высоком уровне. Выделяются самые различные причины ДТП, совершенные на личном транспорте, однако, указывается, что чаще всего в аварии попадают либо автомобилисты с длительным стажем вождения, у которых высокую аварийность психологи связывают с переоценкой своих водительских навыков; либо те, которые получили права относительно недавно. У данной группы водителей высокая аварийность связывается с: во-первых, недостаточно развитыми водительскими навыками; а во-вторых, с более высокой подверженностью профессиональным стрессам [2].

Подверженность стрессам, а также способность противостоять им во многом определяется степенью развитости у человека такого качества как стрессоустойчивость [1]. По мнению психологов, стрессоустойчивость является интегративным образованием, включающим ряд составляющих. К числу данных составляющих многие исследователи также относят актуализацию и применение стратегий совладающего поведения (копинг-стратегий), конструктивность которых определяет уровень стрессоустойчивости.

Таким образом, социальная ситуация, выражающаяся в том, что начинающие водители в большей степени страдают от стресса, связанного с ситуацией вождения, обуславливает необходимость изучения стрессоустойчивости у данной группы, а также будущих водителей. В свою очередь, изучение стрессоустойчивости диктует

необходимость изучения особенностей у данных групп также и копинг-стратегий.

Отсюда целью нашего исследования является изучение особенностей копинг стратегий у будущих водителей с разным уровнем стрессоустойчивости.

Для проведения психодиагностического исследования мы подобрали два блока методик. 1. Стрессоустойчивость нами исследовалась с помощью анкеты нервно-психической устойчивости «Прогноз – 2» В.Ю. Рыбникова. Второй блок методик направлен на анализ копинг-стратегий: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» (С. Хобфолл); «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймса, М.И. Паркер, в адаптации Т.А. Крюковой).

В исследовании приняли участие 110 курсантов автошкол г. Белгорода в возрасте от 18 до 35 лет.

По итогам диагностики нервно-психической устойчивости (НПУ) нами было выявлено, что 56% испытуемых обладают удовлетворительной нервно-психической устойчивостью, 40% – хорошей НПУ, и 4% – неудовлетворительной НПУ. Представителей с высоким уровнем стрессоустойчивости в данной выборке не выявлено. Возможно, это обусловлено с тем, что высокая нервно-психическая устойчивость связана с высоким уровнем поведенческой саморегуляции, которым будущие водители еще не обладают.

Результаты математико-статистической обработки данных с использованием критерия Краскела-Уоллиса позволили нам сделать вывод о том, что продуктивные копинги, связанные с прямым просоциальным взаимодействием с окружающими, способствуют повышению стрессоустойчивости. В свою очередь, копинг-стратегии, имеющие асоциальную направленность, оказывают негативное влияние на стрессоустойчивость.

В группе будущих водителей с удовлетворительной и неудовлетворительной НПУ выявлены наиболее высокие показатели по копингам: импульсивные действия и социальное отвлечение. На основании полученных результатов мы можем предположить, что именно частое использование данных копинг-стратегий может служить препятствием для развития более высокого уровня стрессоустойчивости.

Далее мы провели анализ корреляционных взаимосвязей вышеуказанных переменных, использовав коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В результате положительные взаимосвязи на высоком уровне значимости выявлены между нервно-психической устойчивостью с

индексом конструктивности копинга (r=0,480, p<0,01), а также отрицательные взаимосвязи с избеганием (r= -0,301, p<0,01), эмоционально-ориентированным копингом (r= -0,611, p<0,01) и агрессивными действиями (r= -0,389, p<0,01).

Таким образом, чем конструктивнее копинг-стратегии, тем выше уровень стрессоустойчивости у будущих водителей.

Проблемно-ориентированный копинг взаимосвязан с копингами вступление в социальный контакт (r=0,291, p<0,01) и осторожные действия (r=0,352, p<0,01). Другими словами, социальные кооперации повышают эффективность разрешения проблемных ситуаций, однако сам процесс разрешения требует осторожности и осмотрительности.

Эмоционально-ориентированный копинг имеет прямые связи с избеганием (r=0,3, p<0,01) и агрессивными действиями (r=0,299, p<0,01), а также обратную с копингом ассертивные действия (r=-0,381, p<0,01) и индексом конструктивности копинга (r=-0,240, p<0,05). Человек, прибегающий к эмоционально-ориентированному копингу, в большей степени концентрируется на собственных недостатках вместо решения проблемы, либо же теряет уверенность в себе как в человеке способном решать проблемы, что в совокупности снижает конструктивность копинга.

Таким образом, по итогам анализа мы можем сделать вывод о том, что чем выше уровень стрессоустойчивости у будущих водителей, тем более конструктивные копинг-стратегии они используют. Конструктивные копинг-стратегии отвечают критериям активности в решении проблемы, вызвавшей стресс, прямым и просоциальным взаимодействием с окружающими людьми. Это необходимо учитывать при подготовке будущих водителей.

Литература

1. *Гут Ю.Н.* Диагностика психофизиологических и личностных качеств, определяющих надежность водителей [Электронный ресурс] / Ю.Н. Гут // Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Психология дорожного движения: вопросы теории и практики», г.Москва 26 МАЯ 2017 года – Режим доступа: https://mgppu.ru›document/download/7331. – С. 8-12.
2. Статистика автокатастроф за 2017 год в России [Электронный ресурс] // http://avtopravozashita.ru / АвтоПравозащита.Ру. – Режим доступа: http://avtopravozashita.ru/dtp/statistika-dtp-v-rossii-za-2017-god.html

Опыт ведения онлайн группы для подростков из трудной жизненной ситуации в условиях самоизоляции

Даниленко О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
olgapositive@yandex.ru

Проект «Школа юного психолога» функционирует уже почти десять лет. Программа, созданная факультетом социальной психологии МГППУ на базе ГБУ Центр социальной помощи семье и детям в трудной жизненной ситуации «Семья», ориентирована на поддержку подростков из семей, находящихся на социальном сопровождении по различным жизненным обстоятельствам. У подростков, участников группы, нелегкие судьбы, за плечами у некоторых потеря родителей, часть проживает в опекунских семьях, в части семей у родителей алкоголизм и дезадаптивное поведение, неполные семьи с выраженными материальными трудностями, часть подростков имеет ОВЗ или постановку на учет в связи с девиантным поведением.

Программа использует интерес к познанию самого себя, окружающих людей и стремление к эффективному общению для вовлечения в групповую деятельность позитивной направленности. В программе принимают активное участие студенты факультета, проходит практику, аботают в качестве волонтёров. Их участие помогает расширять социальный опыт подростков, формировать новый поведенческий репертуар. Школа юного психолога» – это программа, сочетающая работу психологической мастерской, в которой можно многое узнать о себе и о других людях, поэкспериментировать с новыми формами поведения, а также территорию дружеского общения, где можно приятно провести время.

В непростой ситуации с самоизоляцией многие участники группы оказались в замкнутом пространстве неблагополучной семейной системы. Ресурсы семей, и так уже находящихся в трудной жизненной ситуации, снижены во всех смыслах, и с точки зрения материальных ресурсов, и с точки зрения психологического климата, возможностей амортизации стресса. В части семей практически потерян контроль за поведением подростка, даже в карантин некоторые подростки уходят из дома, не сообщают о своих делах и планах своим опекунам и родителям, не делятся переживаниями с родителями. Часть испытывает выраженную тревогу и часами «зависает» в интернете, пытаясь уйти от переживаний.

На протяжении длительного времени эти подростки регулярно раз в неделю посещали занятия в «Школе юного психолога», для них это

стало важной частью проведения досуга, местом общения и обсуждения волнующих вопросов, у группы существует своя страница беседы в ВК, на которой они обмениваются мнением, договариваются о предстоящих встречах и планах. С началом периода самоизоляции удалось наладить регулярное ежедневное общение на странице беседы.

Были поставлены цели – сохранить чувство общности, причастности к группе, создать запас позитивного ожидания, сохранить в постоянном доступе контакты с психолога для доступности помощи при необходимости. В общении группы через интернет активное участие принимает волонтер – студентка факультета. Для активизации общения на первом этапе использовались небольшие проективные тесты с последующим обсуждением. Анализ ответов и обсуждение результатов происходит на следующий день, после публикации вопросов. Ожидание момента, когда будут выложены ответы и трактовки с рекомендациями, создает интригу, ожидание контакта. Публикация результатов происходит с соблюдением этики и учетом возраста и особенностей группы.

Следующим удачным опытом стала организация творческого марафона, который продолжается уже две недели, и интерес к которому только растет. В марафоне использован формат «Капсула времени», включающий образное и ассоциативное отображение восприятие сегодняшней ситуации своей жизни. Анализ выполненных проектов позволяет увидеть актуальные для подростка стороны жизни, его эмоциональное состояние. Также разработан новый вариант игры по типу «Сочини историю», удобный для онлайн-формата, с использованием ассоциаций. Эти формы работы могут одновременно быть увлекательным способом проведения свободного времени, тренингом творческого развития и диагностикой эмоционального состояния участников группы.

Вузовский этикет: нужны ли писаные правила?

Даниленко О.И., Носова А.С., Сагитов Е.Б.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
danilenko.olga@gmail.com, nosova.ann.98@gmail.com, egor-sagitov5@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-013-00369) «Интрапсихические предикторы этикетного поведения субъектов учебного процесса в вузе»

Проблема нормативной регуляции поведения в вузе находится в сфере внимания специалистов разных областей научного знания и

практиков – социологов, психологов, преподавателей вузов. Однако, как и всякая научная проблема, она не может найти окончательного решения, в том числе в силу неизбежных изменений общественно-культурного контекста, в котором происходит деятельность образовательных учреждений. Сегодня этот контекст и сами условия работы вузов меняется радикально: вузы оказываются в сфере влияния законов рыночной экономики, становятся звеном сферы услуг; демократизация общественной жизни побуждает к сомнениям относительно статусного неравенства преподавателей и студентов и т.д. Это обусловливает необходимость как теоретического анализа текущих процессов, так и проведение эмпирических исследований, выявляющих отношение студентов, преподавателей и администрации вузов к нормам и правилам поведения в вузе.

Представленное здесь исследование проводится в рамках работы над проектом, посвященном психологическим механизмам этикетной регуляции поведения участников образовательного процесса. Поскольку понятие этикета не имеет однозначной трактовки, обозначим здесь подход, который выбран нами в качестве рабочего для нашего проекта. А именно, этикет трактуется как правила, регламентирующие общение людей с учетом их социальных статусов [1].

Наличие правил значительно облегчает процесс взаимодействия людей за счет определенности взаимных экспектаций, но лишь в случае, если правила известны всем и приняты всеми. Наиболее очевидный путь к этому – принятие соответствующего свода правил в качестве нормативного документа. Как к созданию подобного регламента для вуза относятся преподаватели и студенты? Чтобы выяснить это, мы использовали анкету, в которую был включен вопрос: «Как Вы считаете, нужно ли создавать в вузах свод правил, регламентирующий ***формы*** взаимодействия студентов и преподавателей?» Предлагалось дать ответ «да» или «нет» а) для студентов; б) для преподавателей. В опросе приняли участие 199 студентов и 53 преподавателя российских вузов. Выяснилось, что среди студентов 49% считают, что такой свод правил нужен как для студентов, так и для преподавателей; 37% считают, что он не нужен ни для студентов, ни для преподавателей, по 5% считают, что он нужен либо для студентов, либо для преподавателей. Результаты опроса преподавателей близки к тому, как ответили студенты: 51% считает, что такой свод правил нужен как для студентов, так и для преподавателей, 30% считает, что он не нужен ни для студентов, ни для преподавателей; в отличие от студентов, 15% преподавателей

считает, что такие правила должны быть созданы только для студентов.

Итак, среди и студентов, и преподавателей примерно половина выступает за то, чтобы были приняты правила, предписывающие им формы взаимодействия. Примерно треть – против таких правил. Чем можно объяснить различия в позициях людей, по-разному ответивших на этот вопрос?

Одно из объяснений состоит в том, что в нашем опросе участвовали студенты и преподаватели из вузов с разной организационной культурой. Именно организационная культура определяет то, как общаются люди друг с другом в организации [2, с. 219]. Одним из факторов формирования организационной культуры являются требования к работникам, зафиксированные в нормативных документах. Анализ документации ряда вузов, представленных на официальных сайтах, выявляет следующее. В Уставе и других нормативных документах всех вузов сформулированы общие принципы и нормы поведения участников образовательного процесса. Что же касается конкретных правил, регулирующих взаимодействие преподавателей и студентов, здесь мы видим значительный разброс: в некоторых вузах регламентируются лишь немногие формы поведения, тогда как в других они подробно прописаны. Так, в правилах внутреннего распорядка Санкт-Петербургского горного университета подробно перечисляются требования к поведению студентов и преподавателей в разных ситуациях, обязательно ношение форменной одежды, на которой знаки отличия маркируют статус работников и обучающихся вуза [3].

Можно предположить, что именно опыт обучения в вузе с той или иной организационной культурой определяет отношение студентов и преподавателей к оформлению этикетных предписаний в качестве свода правил, регламентирующих их взаимодействие; другим фактором являются личностные особенности участников учебного процесса. Жесткая регламентированность форм поведения, как и отсутствие определенных требований к обозначению своего статуса в ситуации взаимодействия с другими участниками учебного процесса, может казаться неприемлемой или непродуктивной для решения задач обучения для лиц с одними психологическими характеристиками и желанной для людей с другими характеристиками. Ответить на вопрос, нужны ли писанные правила этикета в вузе, можно лишь учитывая специальность, по которой ведется обучение и особенности людей, которые в нем учатся и работают.

Литература

1. *Даниленко О.И.* О типах установок в отношении этикетных моделей поведения и их ценностных основаниях // Петербургский психологический журнал. 2013. №4. С.58-71.
2. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология: учебник М., 2020.
3. Правила внутреннего распорядка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет». URL:https://spmi.ru/sites/default/files/imci_images/univer/document/2019/533_Pravila_vnutrennego_rasporjadka_2019.pdf (Дата обращения: 14.04.2020).

Социально-психологические особенности эмоционального восприятия (на примере детей от 5 до 7 лет и людей старше 60 лет)

Данилова Е.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
DanilovaLiza2012@yandex.ru

Современный мир привнес в нашу жизнь и в профессиональную сферу такое понятие, как эмоциональный интеллект, обретший актуальность в связи с потребностью людей в изучении своих и чужих эмоций и стремлением понять, как с ними работать. В данной работе мы рассматриваем эмоциональное восприятие детей младшего дошкольного возраста и представителей старшего поколения – группы людей, достигших возраста 60 и более лет. Выбор двух рассматриваемых категорий обусловлен тем, что обе находятся в кризисных периодах жизни, в которых эмоциональный интеллект может претерпевать изменения ввиду перехода из одного социального статуса в другой.

Главная цель данного исследования – это изучение особенностей эмоционального восприятия двух указанных выше категорий людей и последующее сравнение изменений, происходящих с их эмоциональным интеллектом.

Исходя из цели работы, можно выделить следующие задачи:

- раскрыть сущность эмоционального восприятия личности, проанализировать чувства, сопряженные с процессом формирования эмоционального интеллекта;

- дать определение основным терминам, необходимым для раскрытия темы исследования [1; 4; 5];
- описать особенности развития эмоционального интеллекта у детей младшего дошкольного возраста и особенности эмоционального восприятия, встречающиеся у возрастной категории шестидесяти лет и старше [2; 3; 4];
- сравнить обозначенные особенности эмоционального восприятия указанных групп лиц, на основе предоставленной теоретической и эмпирической информации.

Эмпирическая часть данного исследования представлена такими методологическими работами, как:

- «Волшебная страна чувств» (Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева);
- методика «САН», разработанная учеными 1 Московского медицинского института им. Сеченова;
- «Рисуночный тест»;
- авторский опросник, разработанный на основании теорий и методов Пола Экмана.

В данном исследовании приняло участие 50 человек. 25 из них – дети младшего дошкольного возраста, 25 – представители поколения 60+.

Акцент был сделан, в первую очередь, на работу с первой группой, так как в информационном пространстве куда легче отыскать информацию по эмоциональному восприятию людей старшего поколения, нежели по эмоциональному восприятию детей в возрасте 5-7 лет.

Работа по анализу эмоционального состояния представителей 2-й группы (возраст – 60+) проводилась с использованием методики «САН». Результаты можно обозначить так:

- хорошее самочувствие - 58%;
- плохое самочувствие - 18%;
- высокая активность - 38%;
- пониженная и низкая активность - 62%;
- хорошее настроение - 76%;
- плохое настроение - 14%.

Помимо этого, была выявлена положительная связь между высокой активностью и хорошим самочувствием опрашиваемых респондентов.

Методика «Волшебная страна чувств», в свою очередь, позволила продиагностировать эмоциональный состояние детей младшего школьного возраста и определить, в каком состоянии ребенок пребывает в данный момент. К тому же указанная техника характеризуется качеством своей коррекционной функции,

направленной на отслеживание реакции респондента на негативные выбросы эмоций. Она работает на раскрытие внутренних ресурсов личности и помогает человеку формировать умение грамотного выражения собственных мыслей. Психоэмоциональное состояние опрошенных было стабильным и в большинстве случаев отличалось позитивными характеристиками.

Также нами был использован разработанный ранее опросник, позволивший выделить различия в эмоциональном восприятии детей младшего дошкольного возраста и группы людей возраста «60+». По итогам исследования было выявлено, что ближе к конечному периоду собственной жизни (конечному, по оценке самих опрошенных) люди начинают больше ценить испытываемые эмоции: они обретают способность реагировать на окружающий их мир как дети, которые только начинают осознавать, по каким законам им предстоит существовать в социуме. Таким образом, возраст связан с эмоциональным восприятием индивида, но все же не так основательно, как личностные особенности самого человека.

Проведенное исследование показывает, что и дети, и взрослые воспринимают свои эмоции сугубо индивидуально. Это хорошо заметно, на примере тех представителей старшего поколения, которые стремятся вести активный образ жизни и стараются смотреть на жизнь оптимистично. Такие люди, как правило, имеют высокий уровень эмпатии по отношению к другим индивидам. Другие представители того же поколения, достигнув пожилого возраста, начинают испытывать постоянное чувство тревоги, характеризующееся понижением уровня эмпатии и эмоционального восприятия.

Что касается другой группы респондентов, также следует выделить зависимость их эмоционального восприятия от огромного количества факторов, таких как личностный опыт, среда обитания и взаимоотношения с родителями (родственниками).

Современное положение в мире заставляет нас обращать внимание как на наши эмоции и чувства в частности, так и на развитие эмоционального интеллекта (EQ) в целом. Стоит заметить, что показатель эмоционального интеллекта напрямую связан с IQ. Отсюда происходит и их взаимозависимость (т.е., зачастую, чем выше у индивида EQ, тем выше и коэффицент его IQ).

Понимание разницы эмоционального восприятия представителей различных поколений полезно для определения работы эмоциональной связи между ними, потому что ребенок должен уметь правильно определять настроение и состояние взрослого, а взрослый, в свою очередь, – уметь правильно интерпретировать эмоциональные

показатели ребенка. На поиск подобных взаимосвязей и была направленна обозначенная работа.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Учение об эмоциях // Собр. соч. Т. 4. - М., 1984. - С. 90-318.
2. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. - 4-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 1999. - 456 с.
3. *Шаповаленко И.В.* Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.
4. *Шагидаева А.Б.* Эмоциональная сфера в старости: возрастные и региональные различия. 2014.
5. *Экман П., Фризен У.* Узнай лжеца по выражению лица / Пер. с англ. Спб.: Питер, 2016. 272 с.

Взаимосвязь тревожности со стратегией поведения в конфликтной ситуации у молодежи

Данилова Е.А., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
danilova2807@yandex.ru, huhlaevoe@mgppu.ru

Тревожность в современном мире, в том числе и у молодого поколения, является одной из серьезных проблем. Проблема тревожности, молчания и соперничества, жертвы и вечной темы верного служения, была поднята и по-своему преломлена еще в работе датского философа и психолога «Страх и трепет» Сёрена Кьеркегора (1843). Их значимость не устарела и сегодня. В современной парадигме разработаны теоретические и методологические основания социально-психологического анализа тревожности молодежи и студенчества с диалектических и конкретно-исторических позиций. В результате ряда социально значимых кризисов последних десятилетий у целого поколения произошел тотальный надлом морали. Поэтому сегодня очень важно обрести духовную доминанту общественного развития, преодолеть дух нигилизма, пассивности, конформизма и инфантильности. Пробудить в умах и сердцах молодых людей стремление наиболее полно реализовать себя не в узкоутилитарных

аспектах стремления к ложным ценностям «красивой жизни», успешности, подчинения своим страстям и мамоне.

Молодежь стремится к переменам, так как осознает, что перед ней в перспективе будут раскрыты новые жизненные возможности. Это пора достижений, наращивания знаний, умений и навыков, становление «Я» в новой социальной позиции. При этом часто наблюдается тревожность, которая порождает сомнения в собственных силах и способностях, являясь значительным фактором регуляции активности поведения и деятельности молодого индивида.

Цель нашего исследования: изучение особенностей проявления тревожности у молодежи.

Гипотеза: у молодежи преобладает личностная тревожность и стиль поведения в конфликтной ситуации – соперничество.

В нашем исследовании применялась методика исследования Ч.Д. Спилбергера по выявлению личностной и ситуативной тревожности (адаптирована на русский язык Ю.Л. Ханиным), которая позволяет получить информацию о самооценке человеком уровня своей тревожности. Использована также методика диагностики стратегий поведения в конфликте К.Н. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной).

База исследования: студенты Российского университета транспорта (МИИТ) в количестве 52 человек в возрасте 18-23 лет, из них 25 девушек и 27 юношей (средний возраст – 19 лет). Эмпирическое групповое исследование было проведено в рамках «Недели науки» в апреле 2019 года.

На основании проведенного эмпирического исследования сделаны следующие выводы.

1. Большинство респондентов имеют высокий уровень личностной тревожности и средний уровень ситуативной.
2. Анализируя результаты опросов, наблюдаем у респондентов склонность к применению всех стилей поведения в конфликтной ситуации. Преимущество у стилей поведения в конфликтных ситуациях «соперничество» и «избегание».
3. В результате проведенного исследования с использованием методов математической статистики, в частности, определяя коэффициент ранговой корреляции Спирмена, можно сделать вывод о наличии взаимосвязи ситуативной тревожности и возраста. Возраст является значимым показателем и напрямую взаимосвязан с ситуативной тревожностью: чем больше возраст, тем выше ситуативная тревожность.
4. Выявлена корреляционная связь между показателями личностной тревожности и такой стратегией поведения в конфликтной ситуации, как «избегание». Она свидетельствует

о том, что, чем выше уровень личностной тревожности, тем чаще испытуемый использует стратегию избегания. Это можно объяснить, на наш взгляд, тем, что большинство ситуаций воспринимаются респондентами как угрожающие их престижу и самооценке. У таких студентов наблюдается достаточно высокая эмоциональная чувствительность, сочетаемая с повышенной обидчивостью и ранимостью, что существенно оказывает влияние на процесс общения.

Теоретический анализ источников и проведенное эмпирическое исследование позволяет нам сделать вывод о том, что гипотеза нашего исследования о преобладании у молодежи личностной тревожности и стиля поведения в конфликтной ситуации «соперничество» подтвердилась лишь частично.

Таким образом, в результате проведенного исследования все поставленные задачи решены, цель достигнута, гипотеза подтверждена частично.

Литература

1. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. Москва: Акад. Проект, 2014. 153с.
2. *Тревога и тревожность.* Хрестоматия / Сост. и общая ред. И.М. Астапова. Москва: ПЕР СЭ, 2008. 240 с.
3. *Хухлаева О.В.* Психология развития и возрастная психология: уч. / О.В. Хухлаева, Е.В. Зыков, Г.В. Бубнова. - Москва: Издательство Юрайт: 2014. 367 с.

К вопросу исследования особенностей организационной культуры компаний с тенденцией к самоуправлению

Демниченко Н.В., Погодина А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

finance@izbenka.msk.ru

Сегодня, в эпоху стремительного развития человечества, у современных предпринимателей уже не получается традиционно управлять компаниями «сверху-вниз» и обходиться посредственными продуктами или услугами. Естественным образом в бизнес-среде появляются тенденции к новым способам сотрудничества и новым моделям организаций. Одной из самых популярных и вызывающей интерес оказалась модель «бирюзовой организации», которую

предложил Ф. Лалу в своей книге «Открывая организации будущего» [2]. Несмотря на привлекательность этой модели и стремления многих предпринимателей применить предложенную эволюционную теорию, в России построить «бирюзовую организацию» пока не удалось. Но как никогда стало очевидно, что мы нуждаемся в «бирюзовом» мировоззрении, и возникла потребность в новом типе организаций, основанном на принципах контролируемого самоуправления и отсутствии вертикальной иерархии, в которой каждый сотрудник сможет проявить свои лучшие качества, решать очень сложные задачи и полноценно реализоваться в процессе достижения общей цели. В компаниях с тенденцией к самоуправлению одним из ключевых факторов, влияющих на ее успех и процветание, является мотивация профессиональной деятельности сотрудников [1; 3]. Мотивация – это многогранное явление, которое проявляется в поведенческом аспекте, в эффективности сотрудников, в их мыслях и отношении к организации.

По итогам проведенного анализа литературы мы отметили, что тема особенностей организационной культуры компаний с тенденцией к самоуправлению и факторов, влияющих на мотивацию сотрудников таких компаний, на данный момент крайне мало раскрыта с точки зрения эмпирических исследований. В связи с этим наш исследовательский интерес был направлен на определение особенностей организационной культуры российских компаний с признаками «бирюзового» типа и выявление взаимосвязи между типом организационной культуры и факторами, влияющими на мотивацию профессиональной деятельности сотрудников компании с тенденцией к самоуправлению.

Для проведения исследования был определен следующий методический инструментарий: опросник Ф. Херцберга, направленный на выявление значимости различных мотивационных факторов профессиональной деятельности у сотрудников компании, а также на выявление степени удовлетворенности (неудовлетворенности) сотрудниками условиями труда; опросник «Шкалы организационных парадигм» (Л. Константин) для определения типа организационной культуры в компании и основных ее характеристик.

В настоящее время в России начинают создаваться и функционировать компании, ориентированные на применение в практике менеджмента положений теории «бирюзовой» организации. Одной из таких компаний является ООО ВкусВилл. В этой компании работают организационные подразделения, действующие в рамках

традиционного менеджмента, и подразделения, внедряющие в практику менеджмента принципы «бирюзовой» организации.

В рамках нашего исследовании мы ставим эмпирические задачи определения типа и характеристик организационной культуры традиционных и условно «бирюзовых» подразделений, изучения доминирующих мотивационных факторов профессиональной деятельности у сотрудников этих подразделений, а также проведения сравнительного анализа и выявления взаимосвязи между особенностями организационной культуры и мотивацией трудовой деятельности сотрудников. В исследовании приняли участие 60 сотрудников компании, работающих в различных подразделениях.

Опросник Л. Константина позволил нам определить тип организационной культуры компании и выявить основные ее особенности, а также выяснить, какая корпоративная культура для сотрудников является предпочтительной. Опросник Ф. Херцберга позволил выявить выраженность мотивов профессиональной деятельности в изучаемой выборке.

Подводя итоги нашего исследования, мы сможем сделать вывод о том, какие из факторов, влияющих на мотивацию сотрудников в исследуемой компании, являются преобладающими и выявить согласованность представления сотрудников о реальном типе организационной культуры компании с ожидаемым.

В результате эмпирического исследования мы предполагаем получить важный с точки зрения прикладного менеджмента материал о проблемах и специфике построения компании, ориентированной на принципы управления «бирюзовой» организации, в современных российских условиях.

Литература

1. *Киган Р., Лейхи Л.* Неприятие перемен. Как преодолеть сопротивление изменениям и раскрыть потенциал организации. – М.: Манн Иванов и Фербер, 2017. – 364с.
2. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего. – М.: Манн Иванов и Фербер, 2016 – 432с.
3. *Погодина А.*В. Социально-психологическое обеспечение формирования и развития организационной культуры. Учебное пособие. – М.: МГППУ, 2010. – 116 с.

Некоторые аспекты социального развития одарённых дошкольников

Денисенкова Н.С., Елизаров Д.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nataliya-denisenkova@yandex.ru, 7497809@mail.ru

Социальное развитие одаренных детей многие авторы рассматривают как одну из наиболее сложных с точки зрения изучения и реализации в образовательно-воспитательной практике проблем. Особенности личности такого ребенка (склонность подшучивать над слабостями других детей; высокие соревновательность, перфекционизм, уровень притязаний; неумение уступать сверстникам, проигрывать, учитывать темп деятельности и возможности партнера, а также проблемы с соблюдением норм и правил) в сочетании с высоким уровнем развития интеллекта часто приводят к трудностям в общении со сверстниками. Проблемы адаптации в группе, непринятие ребенка сверстниками могут стать препятствием для успешного развития одаренности ребенка и его самореализации. (М.Е. и Д.Б. Богоявленская, О.М., Дьяченко, Л.А. Венгер, Н.Е. Веракса, Н.С. Лейтес, А.И. Савенков, В.С. Юркевич, Е.К. Ягловская, J. Freemen, и др.) [1; 2] . Современный одаренный ребенок растет в сложных условиях повышения конкуренции, капитализации детских талантов, ранней включенности в многочисленные конкурсы, олимпиады, тестирования, необходимости доказывать свою одаренность и др., что не может не оказывать влияния на его социальное развитие. В связи с этим актуальным становится изучение социального развития одаренного ребенка, прежде всего с точки зрения его общения со сверстниками и способности к соблюдению правил (произвольности).

Хотя в психологической научной литературе термин «одарённые дети» до сих пор имеет различные трактовки, мы согласны с определением, приведенным в Рабочей концепции одаренности, созданной под редакцией Д.Б. Богоявленской и В.Д. Шадрикова [4]. Согласно ему, одаренные дети – это дети, демонстрирующие выдающиеся достижения в том или ином виде деятельности или в нескольких деятельностях одновременно.

Мы выдвинули гипотезу, согласно которой существует взаимосвязь между социальным развитием и умственной одаренностью дошкольников: одаренные дети более низкий социометрический статус в группе и более высокий уровень произвольности.

Эмпирическое исследование проходило в 2 этапа: на первом этапе нами были исследованы старше дошкольники и из их числа выявлены умственно одаренные дети, продемонстрировавшие высокий уровень интеллектуального и/или творческого развития; на втором этапе были исследованы социометрический статус и уровень развития произвольности одаренных и обычно развивающихся детей 5-7 лет, а также проведено их сравнение. В исследование приняли участие 189 дошкольников 5-7лет из старших и подготовительных к школе групп дошкольных отделений школ г. Москвы (169 детей) и г. Смоленска (20 детей).

Для выявления умственно одаренных дошкольников нами были использованы методики, разработанных для выявления ранней умственной одаренности под руководством Л.А. Венгера и О.М. Дьяченко [3; 5] («Эталоны», «Перцептивное моделирование», «Схематизация», «Систематизация», «Дорисовывание»). В результате умственная одаренность была выявлена у 25 детей, обычно развивающимися оказались 164 ребенка.

Исследование социометрического статуса старших дошкольников проводилось с помощью методики «Два дома» (Р.И. Бардина) [5], а уровня развития произвольности с помощью методики «Учебная деятельность» (Т.В. Лаврентьева) [3; 5].

По результат анализа, с использованием статистического аппарата программного (пакета IBM SPSS Statistics расчёт коэффициента корреляции Спирмена, p= 0,05).

В результате проведенного исследования мы обнаружили, что среди одаренных 7 детей (28%) были высокостатусными, 10 детей (40%) - среднестатусными, 8 детей (32%) – низкостатусными. В то время как у обычно развивающихся 39 детей (23,8%) был выявлен высокий социометрический статус, у 83 детей (50,6%) – средний статус, у 42 детей (25,6%) – низкий статус. Таким образом, можно говорить о том, что распределение высокого, среднего и низкого социометрических статусов в группах одаренных и обычно развивающихся детей оказалось схожим. Статистическая обработка данных показала, что корреляция между статусом и уровнем развития интеллекта не являлась значимой (r=-,044), статистически значимых различий в социометрическом статусе одаренных и обычно развивающихся дошкольников выявлено не было.

Исследование способности к соблюдению правил (произвольности) показало, что среди одаренных 15 детей (60%) имели высокий уровень развития произвольности, 8 детей (32%) - средний, 2 ребенка (8%) – низкий. В группе обычно развивающихся дошкольников 38 детей (23,2%) имели высокий уровень, 85 детей

(51,8%) – средний, 41 ребенок (25,0%) – низкий. Следовательно, можно сделать вывод о том, что уровень развития произвольности по-разному распределялся в группах одаренных и обычно развивающихся детей. Обработка данных подтвердила это. Обнаружена связь между уровнем развития интеллекта и произвольности (r= 0.403), при этом в подготовительной группе связь более сильная (r= 0,433), чем в старшей (r= 0,287). Получены статистически значимые различия между уровнем развития произвольности у одаренных и обычно развивающихся дошкольников (p= 0,05).

Результаты эмпирического исследования позволяют нам сделать вывод, что наша гипотеза подтвердилась частично. Социальное развитие одаренных дошкольников имеет специфические черты. Умственно одаренные старшие дошкольники имеют более высокий уровень развития произвольности, способны лучше следовать правилу, чем их обычно развивающиеся сверстники. Мы полагаем, что данная связь объясняется тем, что произвольность, согласно Л.С. Выготскому, напрямую связана с развитием высших психических функций. В то же время доказано, что у одаренных дошкольников такие ВПФ как произвольное восприятие, память, логическое мышление и речь лучше развиты, чем у обычно развивающихся дошкольников. Следовательно, и произвольность находится на более высоком уровне. В то же время социометрический статус оказался не связан с одаренностью, что опровергает предположение, что одаренные дети хуже принимаются сверстниками и имеют проблемы с адаптацией в группе.

Литература

1. *Венгер Л. А.* и др. "Психолог в детском саду". М., 1995.
2. Одаренный ребенок / Под ред. О.М. Дьяченко. М., 1997.
3. Психолог в дошкольном учреждении. Методические рекомендации к практической деятельности / Под ред. Т. В. Лаврентьевой. М., 2004.
4. Рабочая концепция одаренности. М., 2003.
5. Рекомендации по выявлению умственно одаренных детей дошкольного возраста. Психологическая диагностика / Под ред. А.И. Булычевой, О.М., Дьяченко. М., 2002.

Психологическая готовность к школе детей, посещающих негосударственные и государственные дошкольные организации

Денисенкова Н.С., Кузьмина А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nataliya-denisenkova@yandex.ru, a.kuzminadv@gmail.com

Теоретическому осмыслению проблематики связи готовности к школе и дошкольной образовательной среды посвящено немало трудов (К.В. Бардин, В.С. Библер, Л.А. и А.Л. Венгер, Н.Е. Веракса, Е.Е. Кравцова, М.С. Максимова, Ю.С. Мануйлова, Т.Д. Марцинковская, А.К. Нисская, Л.А. Парамонова, В.И. Слободчиков, В.В. Рубцова, Е.Ю. Протасова, Д.Б. Эльконин и др.) [1; 2; 5].

Мы выдвинули гипотезу о том, что психологическая готовность к школе различается у дошкольников, посещающих государственные и частные дошкольные образовательные организации. В исследовании приняли участие 103 дошкольника 6-7 лет. Из них 51 ребенок, посещающих четыре государственные дошкольные организаций и 52 ребенка из трех частных дошкольных организаций г. Москвы и Московской области.

Для диагностики мотивационной готовности использовались рисуночная методика «Я в школе» (Н. Г. Лусканова), методика исследования мотивов учения «Шесть историй» (М.Р. Гинзбурга) [3; 4]. Для диагностики умственной готовности – серия тестов, направленных на диагностики умственного развития старших дошкольников, созданных под руководством Л.А. Венгера («Эталоны», «Перцептивное моделирование», «Схематизация», «Систематизация»), для выявления уровня развития воображения методика «Дорисовывание фигур» О.М. Дьяченко [6]. Для оценки социальной готовности к школе применялась социометрическая процедура «Два дома» (модификация Р.И. Бардиной) [6]. Волевой компонент готовности исследовался с помощью методики «Учебная деятельность» (Л.И. Цеханская) [6].

Исследование мотивационной готовности к школе выявило следующее. Рисунок «Я в школе» показал, что у детей из государственной дошкольной организации у 38,46% детей сложилось эмоционально благополучное отношение к школе. У 46,15 % детей отмечалась тревога по поводу школьного обучения как незнакомой для них ситуации, а у 15,38 % детей – страх перед школой. У детей негосударственных дошкольных организаций у 27,45 % детей сложилось эмоционально благополучное отношение к школе и

учению; у 47,05 % детей – тревога по поводу школьного обучения; у 25,49 % детей обнаружился страх перед школой.

По методике «6 историй» дошкольники государственных организаций 25 % детей продемонстрировали преобладание учебных и социальных мотивов. Учебная мотивация у 26,92 % детей, социальные мотивы у 34,61 % детей, мотивация оценки у 9,61 % детей, позиционный мотив у 3,84 % детей. У дошкольников, посещавших негосударственные организации, 17,64 % детей продемонстрировали преобладание учебных и социальных мотивов. Учебная мотивация у 19,60 % детей, социальные мотивы у 39,21 % детей, мотивация оценки у 5,88 % детей, позиционный мотив у 17,64 % детей.

По социометрической методике «Два домика» среди дошкольников государственных организаций высокостатусных детей 71,15 %; среднестатусных 3,84 % детей; низкостатусных 25 % детей. У дошкольников не государственных организаций: высокостатусных 43,13 % детей; среднестатусных 41,17 % детей; низкостатусных 15,68 % детей.

По выявлению интеллектуальной готовности у дошкольников государственных организаций уровень развития соответствующих процессов выше среднего у 7,69 % детей, средний уровень развития у 80,77 % детей, уровень ниже среднего у 11,53 % детей. У дошкольников не государственных организаций уровень развития соответствующих процессов выше среднего у 11,76 % детей, средний уровень развития у 80,39 % детей, уровень ниже среднего у 7,84 % детей.

У детей из государственной организации по методике «Дорисовывание фигур» 59,61 % показали низкий уровень развития воображения; средний уровень – 23,07 % детей; высокий уровень – 17,3 %. У детей частного детского сада низкий уровень показали 36,53 % детей; средний уровень 21,15 % детей; высокий уровень у 40,38 %.

Методика «Произвольность» позволила констатировать у дошкольников государственных организаций у 36,53 % детей достаточно высокий уровень умения действовать по правилу; у 26,92 % детей умение сформировано недостаточно; у 1,92 % детей – низкий уровень умения; у 34,61 % детей – умение не сформировано. У дошкольников не государственных организаций у 86,27 % детей достаточно высокий уровень умения; у 3,92 % детей (2 чел.) умение сформировано недостаточно; у 5,88 % детей – низкий уровень умения; у 3,92 % детей умение не сформировано.

Статистическая обработка данных показала, что наша гипотеза частично подтвердилась. Мотивационная готовность у детей, посещающих государственные и частные дошкольные организации,

различалась на уровне тенденции (при p=0,05). Волевая готовность у детей из двух различных образовательных сред значимо различается (при p=0,05). Социальная готовность значимо отличается (при p= 0,05). В интеллектуальной готовности к школе значимых различий нет. Воображение значимо различается у детей, посещающих государственные и частные дошкольные организации (при p= 0,05).

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическая готовность (волевая, социальная и частично интеллектуальная) связана с дошкольной образовательной средой. Дети из негосударственных дошкольных учреждений чаще демонстрировали страх перед школой и позиционный мотив учения, высокий уровень способности к соблюдению правил, высокий уровень развития воображения. В государственном детском саду чаще встречались учебные и социальные мотивы, уровень развития произвольности и воображения чаще был ближе к среднему. Социометрическая структура группы в частном учреждении была более благополучной, чем в государственном. Интеллектуальная готовность к школе в частном и государственном детских садах не различались. По нашему мнению, такие отличия могут быть объяснены тем, что в частном детском саду социальной и волевой составляющим психологической готовности к школе уделяется больше внимания, чем в государственном. При этом образовательная работа в обоих учреждениях ведется на одном уровне.

Литература

1. *Бабкина Н.В.* Оценка психологической готовности детей к школе. – М., 2015.
2. *Бардин К.В.* Подготовка ребенка к школе. – М., 1983.
3. *Гуткина Н.И.* Психологическая готовность к школе. – Спб., 2004.
4. *Гуткина Н.И.* Диагностическая программа по определению психологической готовности детей 6 – 7 лет к школьному обучению. – М., 1993.
5. Психологическая готовность ребенка к школе: пособие для психологов и педагогов ДОУ / Е.А. Грудненко. М., 2013.
6. Рекомендации по выявлению умственно одаренных детей дошкольного возраста. Психологическая диагностика / Под ред. А.И. Булычевой, О.М., Дьяченко. М., 2002.

Взаимосвязь мотивационной готовности к школе и уровня интеллектуального развития старших дошкольников

Денисенкова Н.С., Романцова Ю.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nataliya-denisenkova@yandex.ru, yurom@list.ru

В настоящее время снижается число дошкольников, которые хотят идти в школу, а также меняется отношение к школе как социальному институту, появляются различные формы школьного образования. Многие родители полагают, что высокий уровень интеллектуального развития обеспечит детям успешную адаптацию к школе и обучение в ней. В то же время исследования показывают, что все компоненты школьной готовности имеют сложную взаимосвязь, играют важную роль в успешности обучения в первом классе (М.М. Безруких, А.Л. Венгер, Н.И. Гуткина, А.К. Нисская, О.А. Карабанова, К.Н. Поливанова, Г.А. Цукерман и др.).

В отечественной психологии проблематика психологической готовности к школьному обучению имеет глубокую проработанность в трудах Л.И. Божович, Е.А. Бугрименко, Л.А. и А.Л. Венгера, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, Н.И. Гуткиной, И.В. Дубровиной, И.В. Ермаковой, Е.Е. Кравцовой, Н.Г. Лускановой, В.С. Мухиной, Н.В. Нижегородцевой, К.Н. Поливановой, Н.Г. Салминой, Г.А. Цукерман, В.Д. Шадрикова, Д.Б.Эльконина и др. Большинство авторов понимают под психологической готовностью к школе уровень психологического развития ребенка, который необходимый и достаточный для благополучного освоения им школьной учебной программы в процессе совместного обучения со сверстниками. Хотя вопрос о структуре психологической готовности к школе остается до сих пор спорным, большинство психологов сходятся во мнении, что можно выделить интеллектуальный, личностный, социальный и волевой компоненты (Л.И. Божович, Л.А. и А.Л. Венгер, Н.И. Гуткина, И.В. Ермакова, Е.Е. Кравцова, К.Н. Поливанова, Г.А. Цукерман и др.).

Одним из наиболее важных компонентов готовности к школе Л.И. Божович считала мотивационную готовность. Она выделила познавательные, внутренние по отношению к учебе, и широкие социальные, не связанные непосредственно с учебной деятельностью внешние мотивы [1]. Л.А. и А.Л. Венгер, И.В. Ермакова, К.Н. Поливанова, Г.А. Цукерман [2] и др. полагали, что умственная готовность, включающая в себя сформированность речи, мышления, восприятия, памяти, внимания, воображения, внутреннего плана действий и т.д., является также очень значимым компонентом,

обеспечивающим успешную адаптацию и дальнейшее обучение в школе. Готовность к школе современных дошкольников претерпевает значительные изменения и становится феноменом, требующим подробного изучения, в том числе взаимосвязь таких ее компонентов как мотивационная и умственная готовность [5].

Для выявления взаимосвязей между мотивационной и умственной готовностью к школе нами было проведено исследование, в котором приняли участие 110 дошкольников ГБОУ ЗАО 6-7 лет (58 девочек и 52 мальчика), посещающих дошкольные отделения школ г. Москвы. Для диагностики мотивационной готовности использовались рисуночная методика «Я в школе» (Лусканова Н.Г.), методика исследования мотивов учения «Шесть историй» (Гинзбурга М.Р.) [3]. Для диагностики умственной готовности (интеллектуального развития) – серия тестов, направленных на диагностику умственного развития старших дошкольников, созданных под руководством Л.А. Венгера («Эталоны», «Перцептивное моделирование», «Схематизация», «Систематизация»); для выявления уровня развития воображения – методика «Дорисовывание фигур» О.М. Дьяченко [4]. В качестве дополнительных методик, позволяющих изучить другие компоненты психологической готовности к школе, применялись: социометрическая процедура «Два дома» (модификация Р.И. Бардиной) (социальная готовность), «Учебная деятельность» (Л.И. Цеханская) (волевой компонент) [3].

Результаты показали, что у исследованных детей преобладали позиционный - 43%, социальный -28%, учебный -20% мотивы. Только 2% детей демонстрировали игровой и 7% внешний мотивы. Результаты исследования по методике «Я в школе» показали следующее распределение мотивов: внеучебный - 46% детей, учебный - 38%; игровой -15%.

Тесты свидетельствовали о том, что высокий уровень умственного развития отмечался у 4% дошкольников; выше среднего – у 16%; средний – у 66%; ниже среднего – у 12%; низкий – у 2%. Низкий уровень развития воображения был выявлен у 15% детей; средний – у 70%; высокий – у15%.

Гипотеза исследования не подтвердилась, значимой связи между мотивационной готовностью к школе и уровнем интеллектуального развития старших дошкольников не существует (p=0,05).

Дополнительные исследования показали, что существует связь мотивационного и социального компонентов готовности к школе (p=0,05), а также между мотивационным и волевым компонентами готовности к школе (p=0,05). Иными словами, дошкольник, демонстрирующий учебную мотивацию, имеет более высокий

социометрический статус в группе и более высокий уровень произвольности. Наоборот, ребенок с неадекватной учебной деятельности мотивацией занимает низкое статусное положение в группе сверстников и имеет более низкий уровень произвольности.

Литература

1. *Божович Л.И., Морозова Н.Г., Славина Л.С.* Развитие мотивов учения у советских школьников // Известия АПН РСФСР, 1951. № 36. С. 38.
2. Венгер А.Л., Цукерман Г.А. Психологическое обследование младших школьников. М., 2001.
3. *Гуткина Н.И.* Психологическая готовность к школе. СПб., 2004.
4. *Дьяченко О.М., Булычева А.И.* Рекомендации по выявлению умственно одаренных детей дошкольного возраста. Психологическая диагностика. М., 2002.
5. *Нисская А. К.* Дошкольная образовательная среда как фактор психологической адаптации ребенка к школе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология, 2012. №15. С. 273-278.

К вопросу исследования социально-психологических особенностей лидеров нового типа

Денисов В.В., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
hello@vdenisov.ru

Современный мир значительно изменился за последние десятилетия: жизнь стала более динамичной, а явления, ранее рассматриваемые как «кризисы», постепенно становятся новой нормой. Крупные компании и иные социальные институты значимо и, порой, разновекторно влияют на общество через свои культуру и ценности. В современном мире будущее уже не является константой, к которой нужно идти: оно одновременно является и динамичной целью, и фактором обучения, и мотивацией к достижению. Такая готовность к изменениям предполагает развитие внешнего (инновации) и внутреннего (свобода от стереотипов, умение использовать новые возможности) потенциала современного лидера [3]. Фактически речь идёт о новом виде лидерских отношений с

нечеткой иерархией, высокой степенью самомотивации, лояльности и гибкости участников.

Глубокое изучение лидерства началось с конца 1940-х годов и имеет богатую историю. Тем не менее, большинство «традиционных» теорий (таких, как описательные подходы, поведенческие стили лидерства, ситуативное лидерство) фокусируются на поведенческой составляющей отношений между лидером и подчиненными, и в итоге демонстрирует низкую эвристичность при использовании их для практических задач развития лидеров [4].

Отдельно считаем важным выделить первую социально-психологическую теорию харизматического лидерства Р. Хауса, опубликованную в 1977 году: в ней впервые были объединены личностные и поведенческие черты лидера.

Современные теории лидерства включают несколько важных отличительных моментов: 1) они опираются на базовые концепции развития взрослых, то есть допускают развитие и изменение как внутриличностных, так и межличностных характеристик; 2) они стремятся дать целостное, системное видение феномена лидерства.

Примером такой зрелой и развитой теории, активно используемой научным сообществом более 30 лет и наиболее близко описывающей феномен лидерства нового типа, является модель «транзакционного лидерства» (Б. Аволио, Б. Басс), также называемая «моделью полного диапазона лидерства»: она устойчиво покрывает диапазон от «харизматичного», «вдохновляющего» до пассивного «избегающего» лидерства и имеет доказательные инструменты измерения.

В отечественной практике также можно говорить о формировании социальной психологии развития (В.А. Ильин) на примере психосоциального подхода, предложенного Э. Эриксоном, в то же время прикладные теории лидерства можно охарактеризовать как достаточно разрозненные.

Таким образом, проблемой исследования в широком смысле можно назвать растущую необходимость обучения и адаптации людей к постоянно изменяющимся условиям в течение всей их взрослой жизни. В узком – заметный наблюдаемый разрыв между наличием комплексных доказательных психологических концепций и их реализацией в виде доступных практических инструментов оценки и формирования трансформационных лидеров.

Цель нашего исследования заключается в выделении ключевых социально-психологических особенностей (выявлении значимых различий) лидеров нового типа в сравнении с лидерами «традиционного» типа, а также системное обобщение таких

особенностей для последующей выработки практических рекомендаций по их развитию.

Методический инструментарий исследования состоит из четырёх опросников: первый используется для классификации респондентов по ведущим типам лидерства, последующие раскрывают их личностные особенности.

Краткий многофакторный опросник лидерства MLQ-5X (Б. Аволио, Б. Басс) содержит три категории стилей лидерства: транзакционные, трансформационные и «отсутствие лидерства» (избегание), а также соответствующие им детальные шкалы. Важно отметить, что опросник MLQ не классифицирует респондентов однозначным образом, его результаты следует интерпретировать скорее как «более трансформационный, чем норма» и «менее транзакционный, чем норма» [5]. Данный опросник имеет подтвержденную валидность на российских выборках [1] и имеет подтвержденные исследованиями корреляции отдельных шкал с шкалами таких методик, как Big five (МакКрэй, Коста), MBTI (Майерс, Бриггс), 16PF (Кеттел) [5].

Методика «Дифференциал психосоциального развития» В.А. Ильина позволяет оценить степень прохождения лидером пяти первых стадий психосоциального развития, оценить целостность его идентичности. Такая целостность, в свою очередь, позволяет лидеру успешно интегрировать социальный и личный опыт с сохранением собственной уникальности в условиях непрерывных изменений [2].

Сокращенный личностный опросник Кеттела (13PF) используется как облегченная версия опросника 16PF и дает широкое представление о характеристиках личности респондента.

Ценностный опросник Шварца позволяет оценить мотивационно-ценностный профиль респондента, а также соотнести характер взаимодействия двух противоположных групп ценностей («ценности сохранения» против «ценностей изменения», «ценности самоопределения» против «ценностей самовозвышения») с уровнями шкал MLQ.

В исследовании принимают участие случайно отобранные лидеры (собственники и руководители разных уровней) из различных отраслей российской экономики, а также независимые директора и самозанятые эксперты с подтвержденным опытом управления людьми.

Как итог, лидерство является сложным многогранным социально-психологическим явлением, и мы уверены, что с ростом количества полидисциплинарных исследований лидерства многие его насущные проблемы будут переосмыслены или даже разрешены.

Литература

1. *Грязева-Добшинская, В.Г.* Инновационное лидерство и психометрические проблемы его диагностики / В.Г. Грязева-Добшинская, Ю.А. Дмитриева, П.С. Глухов, В.А. Глухова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2015. – №2. – с.14 – 24.
2. *Ильин В.А.* Психосоциальная теория как полидисциплинарный подход к анализу социальных процессов в современном обществе: Дис. на соиск. уч. степени д-ра психол. наук / Моск. гор. психолого-пед. ун-т. М., 2009. 392 с.
3. *Комаров С.В.* Смена типа мышления в современном менеджменте: философский ключ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2012. № 16 (41).
4. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности, 3-е изд. – СПб.: Питер, 2019.
5. *Avolio, B.J., & Bass, B.M.* Multifactor Leadership Questionnaire. Manual and Sampler Set (3rd ed.). Redwood City, CA: Mindgarden, 2004.

Отношение к смерти у людей, играющих в компьютерные игры с разной степенью жестокости

Джуматаева М.Б.
Центр подготовки «Aiplus», Алматы, Казахстан
dz.madina13@yandex.kz

Компьютерные игры как феномен вызывают в условиях современности жаркие споры по поводу приносимых ими пользы или вреда. Игры на различных электронных носителях, будь то смартфон или полноценный игровой компьютер, уже плотно вошли в жизнь людей разных возрастов и статусов. Однако широкий пласт людей уверен: игры вызывают зависимость, провоцируют агрессию, мешают обучению и т.д. В связи с этим проводятся различные исследования, направленные на выяснение степени воздействия игр на человека [2; 3].

Данное исследование посвящено отношению к смерти среди игроков в компьютерные игры. В процессе игры ее персонажи могут погибать самыми разнообразными способами: от достаточно реальных до абсолютно фантастических. Наш научный интерес состоит в

исследовании отношения к смерти людей, которые наблюдают регулярные сцены насилия и жестокости как сторонних персонажей, так и тех, кем они управляют и с кем, возможно, себя отождествляют.

Для исследования были отобраны две группы игроков: в первую входят пользователи, предпочитающие игры с меньшим количеством насилия и смертей (41 человек, 21-30 лет), во вторую – с большим (38 человек, 21-31 год). Для отбора использовалась авторская анкета со списком игр, на основе которой формировались выборки.

Выдвинута гипотеза: существуют различия в отношении к смерти у людей, играющих в компьютерные игры с большим и меньшим уровнями жестокости.

Были применены следующие методики: «Профили аттитьюдов по отношению к смерти» П.Т. Вонга, «Шкала тревожности по поводу смерти» Д. Темплера (обе методики в адаптации Т.А. Гавриловой), «Метафоры личной смерти» Дж. МакЛеннана.

«Профили аттитьюдов» исследуют следующие факторы отношения к смерти: страх, избегание (мыслей, рассуждений о смерти и т.д.), нейтральное принятие, приближающее принятие (смерть как переход в новую жизнь), избавляющее принятие (избавление от страданий и боли). Первые два фактора являются негативной окраской отношения к смерти, а следующие три – позитивной. «Шкала тревожности» дает возможность исследовать 4 фактора: когнитивно-аффективной озабоченности смертью, озабоченности физическими изменениями, осознания течения времени и озабоченности болью и стрессом [3]. «Метафоры личной смерти» подразделяет образы смерти респондента на позитивные и негативные, является вспомогательной, подкрепляющей методикой.

Сравнение выборок по методикам с помощью t-критерия Стьюдента показало значимые различия только по компоненту «Избавляющее принятие смерти» (0,007), где данный фактор выражен сильнее у второй группы. Можно предположить, что обилие насильственных сцен, в том числе сцен смерти в процессе игры развивает у игрока веру в то, что смерть избавляет от страданий, страха, мучений. Остается открытым вопрос, насколько игроки ассоциируют себя с персонажем, особенно в условиях фантастичного сюжета, и насколько игра наталкивает игрока на размышления о его собственной смерти.

Анализ взаимосвязей через коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена показал следующие результаты. У игроков первой группы субшкала «позитивные образы смерти» прямо коррелирует с нейтральным принятием (r=0,527), приближающим принятием (r=0,720) и избавляющим принятием (r=0,391), а субшкала

«негативные образы смерти» – со страхом смерти (r=0,484), избегающим принятием (r=0,345) и озабоченностью болью и стрессом (r=0,402), благодаря чему можно утверждать, что негативный образ смерти в глазах игроков напрямую связан негативными компонентами отношения к смерти, а позитивные образы – с положительным отношением.

У той же группы компонент «страх смерти» оказался прямо взаимосвязан с факторами когнитивно-аффективной озабоченностью смертью (r=0,410), озабоченностью болью и стрессом (r=0,352), озабоченностью физическими изменениями (r=0,357) и осознанием течения времени (r=0,401), что говорит переживании страха смерти через мысли и эмоции, переживания о судьбе тела, о нехватке времени, страхе боли. При этом озабоченность болью и стрессом связана с избегающим принятием (r=0,401).

У респондентов второй группы негативные образы смерти прямо связаны с избегающим принятием (r=0,487) и страхом смерти (r=0,407), позитивные образы – с приближающим (r=0,487) и избавляющим принятием смерти (r=0,493), т.е. наблюдается аналогичная картина связи негативных и позитивных образов смерти с соответствующими компонентами отношения к ней.

Также в данной группе страх смерти связан с озабоченностью физическими изменениями (r=0,504), когнитивно-аффективной озабоченностью (r=0,487) и озабоченностью болью и стрессом (r=0,480), избегающее принятие – с озабоченностью физическими изменениями (r=0,383), нейтральное и избавляющее принятие – с когнитивно-аффективной озабоченностью (r=0,424 и r=0,320 соответственно).

На этой основе можно утверждать, что негативизация образа смерти у игрока может привести к «ухудшению» отношения к ней, например, усилению страха, появление мыслей о том, какой может быть смерть и т.д. При этом же, в случае, например, если персонаж погибает после длительной и мучительной борьбы за справедливость, погибает в буквальном смысле умиротворенным, образ смерти может изменяться в сторону положительного и настраивать игрока на более спокойное ее восприятие.

Результаты показывают нам, что игры как с большим, так и с меньшим количеством жестокости могут оказывать примерно одинаковое воздействие на отношение к собственной смерти у игрока. Тем не менее, гипотеза была подтверждена.

Литература

1. *Гаврилова Т.А.* Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога: методы исследования и диагностики // Прикладная психология. 2001. №6.
2. *Кузьмина Г.П., Сидоров И.А.* Компьютерные игры и их влияние на внутренний мир человека // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2012. №2-2.
3. *Полутина Н.С.* Актуальные направления исследований в психологии компьютерных игр // Интеграция образования. 2010. №4.

Сравнение причин доната в однопользовательских и ММО-играх

Добрынин Я.В., Кляхина П.Р., Кулдина Е.С.
ФБГОУ ВО РАНХиГС ИОН, Москва
yaroslavdob96@mail.ru, polina.klyakhina@gmail.com, kuldina-es@ranepa.ru

XXI век – эпоха геймификации и компьютеризации. Огромную популярность на рынке цифровых технологий приобретает игровая индустрия. В исследовании нам бы хотелось сравнить причины доната в многопользовательские игры и в однопользовательские на примере «Клуба романтики». Данная тема совмещает в себе две тенденции – популяризацию визуальных новелл и увеличение объема доната в играх (объем микротранзакций в игры free-to-play в России вырос на 13% до $456 млн за 2 года). Free-to-play — это модель распространения видеоигр, позволяющая пользователям устанавливать и пользоваться продукцией бесплатно, но, чтобы получать больший комфорт от игрового процесса, нужно потратить реальные деньги для получения доступа к платным элементам игры [1]. В нашем исследовании термин «донат» означает микротранзакцию в игру с целью получения уникальных предметов или определенной выгоды [2]. По данным сайта Superdata, Россия занимает шестое место в мире по количеству донатов в игры.

Наравне с многопользовательскими играми также набирают популярность однопользовательские, в том числе визуальные новеллы (жанр видеоигр, в котором игроку предоставляется конкретная история при помощи вывода на экран текста, изображений и музыкального сопровождения). В российском сегменте самая популярная игра в соответствующем жанре — это «Клуб романтики» (10 млн скачиваний в Google Play, в группе ВКонтакте более 860 тысяч участников). Она представляет текстовый роман о любовных

интригах, который состоит из десяти историй, представляющих человеку диалог его персонажа с другими героями новеллы.

В одиночных играх большая часть «задоначенных» денег тратится на сокращение времени ожидания и на кастомизацию (изменение внешнего облика персонажа). В «Клубе романтики» существует две внутриигровые валюты – чашки и кристаллы. Чашки можно тратить на открытие новых серий, они приобретаются за внеигровые деньги или накапливаются в день. Кристаллы, которые начисляются за прохождение серий или приобретаются за реальные деньги, можно потратить на кастомизацию персонажа или, когда предоставляется выбор реплик, на более интересный вариант, позволяющий развивать любовную линию с другим персонажем.

Что подталкивает пользователей к вложению денежных средств в игры? Т.Г. Неруш отмечает, что в онлайн-играх создается модель реальности, включающая в себя социальное взаимодействие, соревновательный контекст, самопрезентацию и экономическое поведение игроков [2]. И.М. Слободчиков выделил мотивы микротранзакций: потребность в доминировании и признании, зависть и комфорт [3]. Зарубежные ученые Y. Guo и S. Barnes на основе пяти теорий (теория мотивированного действия, теория запланированного действия, модель принятия технологии, модель веб-доверия, единая теория принятия и использования технологий) выделили десять факторов, влияющих на микротранзакции в игре [4, с. 70-73]:

1) Behavioral intention (поведенческое намерение, заключающееся в собственной оценке игроком возможности совершения доната);
2) Performance expectancy (ожидаемая эффективность микротранзакций);
3) Effort expectancy (ожидаемое усилие связано с временем, которое необходимо потратить игроку на кастомные предметы без использования доната);
4) Social influence (социальное влияние заключается в оценке важности предмета другими пользователями);
5) Character competence (компетентность персонажа, обусловленная наличием улучшенных предметов);
6) Perceived enjoyment (предполагаемое удовольствие от совершения покупки);
7) Trust/composite (доверие к способу осуществления микротранзакции);

8) Perceived information asymmetry (информация об игровом предмете может сподвигнуть к его приобретению);
9) Critical mass («эффект толпы». Человек вероятнее приобретет предмет, который покупает большинство игроков);
10) Perceived virtual game community quality (ожидаемое качество виртуальной игровой среды. Игровое сообщество стимулирует приобретение новых предметов).

Социальное влияние является сильным предиктором поведенческого намерения игроков приобретать виртуальные предметы, поэтому большинство приведенных причин относятся к ММО-играм. Но это не меняет тот факт, что пользователи совершают большое количество микротранзакций и в игры, использующие режим «соло». Согласно нашей гипотезе, основанной на включенном наблюдении, семь из десяти пунктов (исключая второй, четвертый и девятый) классификации факторов совершения доната в ММО-играх, предложенных Y. Guo и S. Barnes, соответствуют причинам в однопользовательских играх. Для проверки предположения мы разработали гайд и планируем провести пять пилотных интервью. Респондентами для них будут участники официальной группы ВКонтакте «Клуб романтики», которые хотя бы раз в любом объеме донатили в данную игру. После анализа полученных результатов структурированных неглубинных интервью мы сможем сделать конкретный вывод.

Литература

1. *Малышева В.В., Дурасов А.Р.* Free-to-play – бизнес-модель распространения видеоигр //Актуальные вопросы экономического развития регионов. 2015
2. *Неруш Т.Г., Неруш А.А., Бирюков Д.И.* Экономическое поведение пользователей онлайн-игр // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2019. Т. 4. №. 4.
3. *Слободчиков И.М., Гольденберг Е.А.* Психология «Доната»: контур проблемного исследования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 2.
4. *Guo Y., Barnes S.* Why people buy virtual items in virtual worlds with real money // ACM SIGMIS Database: the DATABASE for Advances in Information Systems. 2007. Т. 38. №. 4.

Информационно-коммуникационные технологии и внутрисемейные отношения: польза или вред?

Дубров Д.И.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ddubrov@hse.ru

В последние годы идет активное обсуждение того, какое влияние оказывает активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на взаимоотношения между индивидами и в семье, в частности. Проведенные исследования, посвященные данной проблеме, демонстрируют противоречивые результаты. По результатам данных исследований можно сформулировать следующие четыре основные гипотезы.

1) «Гипотеза вытеснения». ИКТ оказывают негативное воздействие на данные отношения. Согласно ей, чем больше времени индивид тратит на использование ИКТ, тем меньше времени он уделяет членам семьи. Таким образом происходит «вытеснение» и снижение ценности данных отношений для индивида [1; 5; 7].

2) «Гипотеза активизации». Согласно данной гипотезе, ИКТ, наоборот, оказывает положительное воздействия на внутрисемейные отношения. Благодаря ИКТ, индивиды могут поддерживать и даже усиливать данные отношения. Например, когда члены семьи временно находятся на расстоянии [3; 4; 6].

3) «Гипотеза обогащения» предполагает, что семьям, в которых изначально прочные узы и высокий социальный капитал, ИКТ будет приносить только преимущества и выгоды, тогда как для семей со слабыми узами и низким социальным капиталом ИКТ будет играть негативную роль и способствовать еще большей дезинтеграции [6; 8].

4) «Гипотеза социальной компенсации». Использование ИКТ помогает индивиду совладать со стрессом в виду внутрисемейных конфликтов, слабости семейных уз, низкого социального капитала. Кроме того, ИКТ также помогает индивидам с проблемами с установлением социальных связей в виду объективных (инвалидность, проживание в малонаселенной местности и т.д.) и субъективных причин (личностные особенности и т.д.) развить навыки социального взаимодействия и создать прочные социальные связи [2; 6; 9].

Проведенное нами исследование (N=208) позволило найти эмпирическую поддержку последней гипотезы. В ходе анализа прямых и непрямых связей (линейная регрессионная модель и модели медиации) было установлено, ИКТ способствует нивелированию негативного эффекта низкого уровня социального капитала в семье на

субъективное благополучие ребенка. Таким образом, ИКТ выполняет буферную функцию и представляет собой некую копинг-стратегию, которая позволяет ребенку сохранять чувство субъективного благополучия в случае недостаточного уровня доверия, психологической близости, внимания и поддержки со стороны родителей.

Литература

1. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.* Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61–76.
2. *Barbosa Neves B., Fonseca J., Amaro F., Pasqualotti A.* Social capital and Internet use in an age-comparative perspective with a focus on later life // PloS one. 2018. № 13(2). doi: 10.1371/journal.pone.0192119.
3. *Davis K.* Young people's digital lives: The impact of interpersonal relationships and digital media use on adolescents' sense of identity // Computers in Human Behavior. 2013. № 29. P. 2281–2293.
4. *Ellison N.B., Steinfield C., Lampe C.* The benefits of Facebook "friends:" Social capital and college students use of online social network sites // Journal of Computer Mediated Communication. 2007. № 12. P. 1143–1168.
5. *George M., Odgers C.* Seven fears and the Science of How Mobile Technologies May Be Influencing Adolescents in the Digital Age // Perspectives on Psychological Science. 2015. № 10(6). P. 832-851.
6. *Kraut R., Kiesler S., Boneva B. et al.* Internet paradox revisited // Journal of Social Issues. 2002. №58. P. 49–74.
7. *Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukopadhyay T., Scherlis, W.* Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? // American Psychologist. 1998. № 53. P. 1017–1031.
8. *Lee S.J.* Online communication and adolescent social ties: Who benefits more from Internet use? // Journal of Computer-Mediated Communication. 2009. № 14. P. 509–531.
9. *McKenna K.Y.A., Green A.S., Gleason M.E.J.* Relationship formation on the internet: what's the big attraction? // Journal of Social Issues. 2002. № 58(1). P. 9–31. doi:10.1111/1540-4560.00246.

Взаимосвязь социальной идентичности и ценностных ориентаций старших подростков

Дулин А.С., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
setpar@yandex.ru, os_pavlova@mail.ru

В современной России большое внимание уделяется психологическому благополучию лиц детско-юношеского возраста. Необходимо отметить, что данный постулат имеет научную и житейскую обоснованность. Именно в старшем подростковом возрасте личность осознаёт себя, задумывается о своём месте в обществе, семье. Одну из самых важных ролей в этом процессе занимают ценностные ориентации определяющейся и формирующейся личности.

Важно понимать, что ценности у каждого человека индивидуальны, но вместе с тем они отражают ценности социокультурной среды, ценности общества.

Вторым важным феноменом в процессе познания себя подростком следует выделить социальную идентичность, которая в психологическом плане отражает осознание им предполагаемой роли в социуме.

Актуальность исследования продиктована необходимостью изучения взаимосвязи социальной идентичности и ценностных ориентаций старших подростков. Значимость изучения социальной идентичности объясняется необходимостью понимания того, какое место отводится исследователями к данному феномену в общей структуре личности человека. Некоторые авторы считают, что социальная идентичность – это один из факторов, который образует психологическую основу сознательного поведения в разных социокультурных условиях.

Большое количество исследований в области социальной идентичности связано с изучением отдельных ее видов, таких как:

- этническая;
- гендерная;
- профессиональная;
- политическая;
- религиозная.

Изучению социальной идентичности посвящены исследования большого числа ученых, в частности: Г.У. Олпорта; А.Р. Эммонса; Д. Е. Мануйловой, Э. Фромма; К.М. Лоуэнфал и др.

Однако пока остаётся малоизученным содержание социальной идентичности у старших подростков. Эмпирическая база и выборка исследования включает в себя 90 старших подростков-старшеклассников в возрасте от 16-ти до 18-ти лет: 38 девушек и 52 юноши. В процессе исследования использовались следующие психодиагностические методики: тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой); Ценностный опросник Ш. Шварца.); методика «Модель измерения индивидуальной групповой идентификации» К. Лича в адаптации Агадуллиной Е.Р., Ловакова А.В.

Результаты, которые мы получили, проведя исследование по данной теме, подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что существует взаимосвязь социальной идентичности и ценностных ориентаций старших подростков. Чем более актуальна для подростков потребность оказывать взаимопомощь и выстраивать благоприятные взаимоотношения с окружающими, тем они более удовлетворены принадлежностью к определенной социальной группе, тем они более сплочены.

В процессе принятия подростками обычаев, идей, существующих в культуре, их пожелания, намерения, мечты начинают все более соотноситься с групповой принадлежностью, происходит рост психологической связи между подростками и этнической группой. Уровень благополучия в повседневном взаимодействии с близкими людьми оказывает влияние на занятия, деятельность, интересы, увлечения подростков и их самооценку. Потребность в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности способствует самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности подростков и восприятию ими себя членами какой-либо группы людей, опосредуя тем самым выбор подростками занятий, деятельности, увлечений.

Уровень гедонизма подростков взаимосвязан не только с учебно-профессиональной ролевой позицией, но и с восприятием подростками себя членами какой-либо группы людей и уровнем удовлетворенности данным членством. Потребность достижения определенного социального статуса, социального уважения у подростков взаимосвязана с позитивными эмоциями, возникающими по отношению к ингруппе и факту принадлежности к ней.

Литература

1. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы В.С. Агееев. М., 2008. 130с.
2. *Алексеев В.Г.* Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. М., 2009. 298 с
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник. Гриф МО РФ. 2017. 363с.
4. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. / Под ред. Д.И. Фельдштейна. Издание 2-е, стереотипное. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2010. 351 с.
5. *Брушлинский А.В.* Культурно-историческая теория мышления. Изд. Либрокаом, М., 2014. 120 с.
6. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.
7. *Здравомыслов А.Г.* Национальные социологические школы в современном мире. Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 114-130.
8. *Кутейникова В.Д.* Взаимосвязь системы ценностных ориентаций старших подростков со статусным положением в ученической группе. Дисс. кан. психол. наук. М.: 2013. 68-80 с.
9. *Мухина В.С.* Возрастная психология / В. С. Мухина. М.: Академия, 2013. 438 с.
10. *Павлова О.С.* Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество, 2013. № 2. 119-136 с.
11. *Почебут Л.Г.* Социальная психология. Учебник для вузов. СПб., Изд-во Питер, 2017. 400 с.
12. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. М.: Норма, 2013. 329 с.
13. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. № 2. С. 36–67.

Инновационный потенциал как фактор эффективной деятельности педагогов колледжа

Дьячков С.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
shtift12@yandex.ru

Принято считать, что предпосылкой формирования инновационного потенциала является талант, проявляющийся как особая способность создавать нечто новое, и выражающийся в высоком уровне творческого потенциала. В нашем исследовании мы попытались расширить данное понимание в контексте более целостного явления на различных психических уровнях и этапах развития личности.

На внутреннем уровне процесс совершенствования заключается в преломлении какой-либо значимой проблемы деятельности через свою призму профессионального самосознания, опыта и потенциала, формируя уникальный шаблон решения задачи. В психологии труда этот процесс может быть охарактеризован как индивидуальный стиль деятельности. Однако отметим, что отличительной чертой от обычного индивидуального стиля деятельности является не просто поиск формата наиболее простого решения поставленной задачи, отражающий содержание его ценностей и установок, как это происходит при ИСД, это в первую очередь процесс творческий, а выработку дивергентного подхода к наиболее эффективному и совершенному решению [1].

Из этого мы можем заключить, что личность достигшая самоактуализации, обладает способностью к построению уникальных стратегий решения заданных проблем профессионального характера (наше исследование направлено именно на изучение данной стороны явления), которые, наряду с их эффективностью, носят характер инновационности и неповторимости, вполне логичным становится формирование гипотезы о том, что у самоактуализирующейся личности высокий уровень инновационно-изобретательского потенциала и стремления к изменению, совершенствованию того вида деятельности, которым она занимается, и достижению совершенства в нем.

В этом контексте наше исследование позволяет выявить один из алгоритмов, создающих некую основу для формирования способности адекватно адаптироваться к разнообразным вызовам современной реальности. Актуальность нашего исследования обусловлена:

- потребностью определения и исследования составляющих элементов и их взаимосвязанности в контексте инновационного взаимодействия в условиях вероятностного пути социально-экономического развития современного общества в целом и образования в частности;
- поиском методов, способствующих заблаговременному обеспечению готовности к выбранному роду деятельности;
- обеспечением устойчивости поступательного развития формирования готовности к инновационной деятельности.

Согласно основным позициям психологии, носителями инновационного потенциала, наиболее часто могут являться лица юношеского возраста и лица, проходящие этап ранней взрослости. Дело в том, что конкретно на данных периодах закладываются основы профессиональной социализации и профессиональных компетенций (профессионализация). В более зрелом возрасте высок риск паттернизированности мышления на выполнении определенного алгоритма (профессиональной деформации), этот факт препятствует построению новых стратегий и поиску новых вариантов решения задач. Однако, при условии гармоничного развития личности специалиста, на более поздних этапах, по классификации Е.А. Климова [2], мы имеем право говорить о возможных вариантах достижения мастерства в своей специальности, что позволяет говорить о высоком уровне профессиональных компетенций наряду с развитыми творческими способностями, выражающимися в нетривиальном подходе к решению поставленных задач. Таким образом, инновационная деятельность – это творческий, созидательный процесс преподавателя. Трудности, возникающие в процессе инновационной деятельности, предстают перед личностью как перспектива возможности их разрешения своими силами.

Исходя из вышеизложенного, возможно предположить, что катализатором инновационной деятельности будет достижение личностной самоактуализации, которая характеризуется максимальным раскрытием человеческого потенциала.

В исследовании приняли участие 150 человек в возрасте от 25 до 66 лет. Средний возраст составил 37 лет. Из них 82,73% – женщин и 17,27% – мужчин. Объем данной выборки не является репрезентативным для генеральной совокупности, но позволяет провести процедуры математического анализа данных и выявить статистически значимые тенденции и зависимости между признаками. Респонденты являются преподавателями колледжа.

Для решения поставленных задач в работе были использованы теоретические, эмпирические методы, а также методы количественной обработки данных.

В работе было определено, что перспективы построения успешной карьеры респондента подразумевают связь с мотивацией продвижения по службе и являются долгосрочной программой развития как по горизонтали, так и по вертикали. Данный процесс призван способствовать повышению уровня удовлетворенности своим трудом и лояльности к организации, прогнозированию перспектив осуществления и совершенствования трудовой деятельности посредством формирования устойчивой заинтересованности в результатах своего труда.

Литература

1. *Михайлова О.Б.* Методологические основы исследования инновационного потенциала личности Вестн. университета (Гос. ун-т управления). 2010. № 21. С. 71–75.
2. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2019. С. 86-96.

К вопросу о факторах, влияющих на удовлетворенность браком

Елфимова Ю.А., Красило Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
y.elfimova@bk.ru; tkrassilo@yandex.ru

Понятие удовлетворенности браком в современной социальной и семейной психологии изучено достаточно широко, но до сих пор нуждается в эмпирическом изучении. Во многом это связано с ростом количества разводов – процесс распада брака требует многостороннего изучения.

В России наибольшую актуальность этот вопрос получил в 90-е годы, когда выяснилось, что, с ростом «прав и свобод» человека, браки стали распадаться патологически часто [2]. Изучению факторов удовлетворенности браком посвящены работы Ю.Е. Алешиной, С.И. Голода, Н.Г. Юркевича и др. Исследованием гендерных различий в удовлетворенности браком занимались О.А. Добрынина, М.С. Мацковский, А.Г. Харчев и др. Более поздние исследования семьи

посвящены поискам зависимости между финансовым и социальным благополучием и удовлетворенностью браком (Т.В. Андреева, О.В. Бунина, Е.Е. Новосельцева, А.В. Толстова). Наиболее крупные исследования факторов, влияющих на удовлетворенность браком, были проведены под руководством Г. Навайтиса, Р.А. Левиса и Дж.Б. Спэниера, Ю.Е. Алешиной, Т.В. Андреевой и др.

Очевиден тот факт, что семья и брак, это понятия, которые обладают высокой социальной значимостью. Так можно сказать, что семья – это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизведении населения [4].

Как видно из вышесказанного, семья отвечает за физическое и психологическое здоровье ее членов, в этой связи, удовлетворенность браком становится показателем ее качества. Неудовлетворенность же берет свое начало в фрустрации значительной части потребностей партнеров, а соответственно семья может быть дисфункциональной, т.к. не смотря на свою социальную значимость.

Сегодня основными факторами, влияющими на удовлетворенность браком, считаются: стаж совместной жизни, чувство единства, характерологические особенности личности, специфика распределения обязанностей, мотивы вступления в брак, регулярность удовлетворения сексуальных потребностей, соответствие ценностей, социально-экономическое положение семьи и т.д. [5].

Так, например, согласно проведенным исследованиям, в семьях, в которых бытовые обязанности распределены примерно поровну между партнерами, либо по обоюдным договоренностям, согласно потребностям и возможностям, – 94% опрошенных партнеров удовлетворены браком. В семьях же, где бытовые обязанности в основном возложены на женщину, браком удовлетворены только 59 % опрошенных женщин и мужчин. Это еще раз подчеркивает тот факт, что грамотное распределение обязанностей оказывает положительное влияние на отношения в семьях.

Экономическое обеспечение семьи также является одной из обязанностей, которая должна быть грамотно встроена в брачные отношения. Естественно, финансовое благосостояние является еще одним фактором удовлетворенности браком, между ними существует определенная закономерность: чем слабее финансовая стабильность семьи, тем ниже и удовлетворенность ею.

Стаж семейных отношений становится еще одним из самых интересных показателей удовлетворенности браком. Так, в 1985 году Ю.Е. Алешина провела исследование, которое показало, что наивысшая удовлетворенность браком свойственна молодоженам. Со временем она снижается, и ближе к 15 годам совместной жизни достигает своего минимума. У части пар, по достижению пороговых значений, удовлетворенность снова начинает повышаться и со временем фиксируется на определенном уровне [1]. Важно понимать, что решение о расторжении брака многие принимают именно в момент первого снижения удовлетворенности – в первые 5-10 лет семейной жизни. Это ставит перед исследователями новый сложный вопрос – насколько сильно на стабильность брака влияет мотивация вступления в него? И какие цели изначально преследовали люди, которые разочаровались в браке и партнере в первые годы семейной жизни?

Предполагается, что некоторые личностные качества человека влияют на его способность жить в браке, проживая каждый день с одним и тем же партнером, на способность понимать чувства другого человека и делиться с ним своими. Исследователи отмечают, что семьи, в которых супругам свойственен высокий уровень удовлетворенности браком, отличаются четким пониманием личностных особенностей друг друга, способностью к эмпатии и уважению [3]. Для людей, состоящих в таких отношениях, характерна высокая значимость партнера, причем оба партнера осознают свою личную значимость для супруга.

Таким образом, удовлетворенность браком всегда взаимосвязана с отношениями между партнерами, но еще больше она изменяется под воздействием личностных характеристик каждого человека, находящегося в браке. Поэтому каждому человеку, потерявшему благополучие отношений с супругом, до расторжения брака следовало бы обратить внимание на причины своих внутренних изменений.

Литература

1. *Алешина Ю.Е.* Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни // Вестник МГУ. 1987. № 2. С. 60-71.
2. *Красило Т.А., Стриго А.А*. Взаимосвязь самоотношения и готовности к браку у современной молодежи // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Социальная психология в образовательном пространстве. 2017. С. 418-420.

3. *Паташури А.Г., Красило Т.А.* Взаимосвязь удовлетворенности браком с самоотношением личности //Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Социальная психология: вопросы теории и практики. 2019. С. 115-118
4. *Посысоев, Н.Н.* Основы психологии семьи и семейного консультирования М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕС. 2004. 328 с.
5. *Тавит А.* Ценностные ориентации лиц, вступающих в брак // Проблемы семьи. Эстония: Тарту. 2014. 56 с.

Представления о высшем образовании студентов из семей с разным социально-профессиональным статусом

Есина Г.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Актуальность исследования представлений студентов о высшем образовании обусловлена как реформой российского высшего образования, так и необходимостью изучения факторов, влияющих на возможность получения качественного высшего образования, одним из которых является социально-профессиональный статус семьи [1].

Методологической основой нашего исследования является структурный подход к анализу социальных представлений, разработанный Ж.-К. Абриком [2]. Цель исследования заключается в определении структуры и содержания представлений о высшем образовании у студентов из семей с разным социально-профессиональным статусом. Мы предположили, что структура социальных представлений студентов о высшем образовании имеет общие и специфичные характеристики, связанные с социально-профессиональным статусом их семей.

В исследовании приняли участие 375 студентов бакалавриата и магистратуры московских вузов, средний возраст которых составил 24 года. Анализ структуры социальных представлений о высшем образовании производился с помощью методики свободных ассоциаций (по П. Вержесу), предполагающей их рангово-частотный анализ [3], а также оценку респондентами каждой ассоциации по степени значимости (от 1 до 10) и по уровню эмоционального отношения (от 1 до 7). Для анализа различий полученных данных был применен U-критерий Манна-Уитни. Уровень социально-профессионального статуса семьи был установлен с помощью показателя социальной позиции Холлинсхеда [1] на основе анализа

данных анкетирования, определяющего уровень образования и вид профессиональной деятельности родителей респондентов. В результате были выделены три уровня социально-профессионального статуса семьи: ниже среднего (15,2% респондентов), средний (39,2% респондентов), выше среднего (45,6% респондентов). Низкий и высокий социально-профессиональные статусы семьи в исследовании не были выявлены.

У студентов с социально-профессиональным статусом семьи ниже среднего 171 ассоциация составила структуру социальных представлений о высшем образовании. Зона ядра образована понятиями: «знания» (24; 2,7), «диплом» (18; 2,9), «развитие» (11; 2,9), «престиж» (10; 2,8). Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения, содержит понятия: «практика» (8; 2,6), «карьера» (7; 2,1), «университет» (7; 2,3), «профессия» (6; 2,5), «образованность» (6; 2,8), «работа» (21; 3,2), «доход» (10; 3). Собственно периферическая система включает понятия: «статус» (8; 3,1), «труд» (8; 3,4), «квалификация» (8; 3,6), «самореализация» (7; 3,1), «возможности» (6; 3,2), «сложное» (6; 3,3).

У студентов со средним социально-профессиональным статусом семьи 351 ассоциация составила структуру социальных представлений о высшем образовании. Зона ядра образована понятием «знания» (51; 2,8). Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения, содержит понятия: «университет» (26; 2,4), «престиж» (18; 2,1), «интеллект» (18; 2,5), «карьера» (18; 2,6), «работа» (40; 3), «диплом» (39; 2,9), «развитие» (31; 3,3), «профессия» (30; 3). Собственно периферическая система включает понятия: «доход» (26; 3,3), «статус» (22; 3), «учеба» (16; 2,9), «экзамены» (16; 3,1).

У студентов с социально-профессиональным статусом семьи выше среднего 454 ассоциации составили структуру социальных представлений о высшем образовании. Зона ядра образована понятиями: «знания» (49; 2,6), «работа» (48; 2,7), «квалификация» (29; 2,8). Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения, содержит понятия: «образованность» (25; 2,8), «университет» (23; 2,2), «будущее» (19; 2,7), «интеллект» (18; 2,2), «диплом» (38; 2,9), «профессия» (35; 3,1), «развитие» (33; 3), «доход» (29; 3,2). Собственно периферическая система включает понятия: «учеба» (27; 2,9), «интересное» (24; 3,4), «экзамены» (20; 3), «престиж» (19; 3,2), «статус» (18; 3,1).

Общим и наиболее часто упоминаемым элементом ядра для всех трех статусных категорий является категория «знания». Только это понятие составляет область ядра у студентов из семей со средним социально-профессиональным статусом, поэтому оно характеризуется

наибольшей согласованностью. Наименее согласованное ядро представлений, включающее четыре понятия, отмечается у студентов из семей с социально-профессиональным статусом ниже среднего. Для студентов из семей со статусом выше среднего понятие «знания» наиболее значимо в сравнении со студентами из семей со статусом ниже среднего (8,59 и 7,2 соответственно, различия достоверны U = 427 при p = 0,045) и наиболее позитивно окрашено в сравнении со студентами из семей со средним статусом (6,42 и 5,82 соответственно, различия достоверны U = 990 при p = 0,042).

В процессе анализа результатов исследования была доказана гипотеза, а также сформулированы следующие выводы:

1. особенности структуры социальных представлений студентов о высшем образовании связаны с социально-профессиональным статусом их семей: ядра социальных представлений о высшем образовании каждой статусной категории отличаются по количеству элементов и по их содержательным характеристикам;
2. ядра представлений студентов из семей с разным социально-профессиональным статусом имеют схожие характеристики, однако студенты из семей со средним статусом обладают наиболее согласованным ядром представления, включающим единственное понятие («знания»), характеризующее не только сам процесс получения высшего образования, но и его результат;
3. элемент ядра «знания» является наиболее значимым и позитивно окрашенным для студентов из семей с социально-профессиональным статусом выше среднего.

Литература

1. Бедность и развитие ребенка / Под. ред. Д.А. Александрова, В.А. Иванюшиной, К.А. Маслинского. М. 2015. 392 с.
2. *Abric J.-C.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamic of social representations // Papers on Social Representations. 1993. No 2. P. 75–78.
3. *Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G.* Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // Quality & Quantity. 2015. V. 49. P. 489-507.

Представления молодых россиян о психологической и медицинской помощи: проблема разграничения понятий

Есипов М.А.
МГОУ, Москва, Россия
scientia76@bk.ru

Современное общество в XXI веке располагает широким арсеналом возможностей, которые позволяют эффективно справляться с разного рода психологическими проблемами: это работа с психологом в индивидуальном или семейном формате, участие в различных тренингах и обучающих семинарах, обращение к научно-популярной литературе, кино- и видеоматериалам и т.п. Тем не менее, жители современной России неохотно обращаются за психологической помощью, поскольку в обществе существует достаточно стойкое предубеждение против того, чтобы признать наличие затруднений и поделиться своими переживаниями со специалистом. Такое же пренебрежительное отношение россияне нередко демонстрируют в ситуациях необходимости обращения за медицинской помощью, причем зачастую не имеет значения, какой характер носит беспокоящая человека проблема: соматический (телесный) или психический – если у человека есть возможность избежать обращения к врачу, он непременно ею воспользуется.

В предыдущих исследованиях [1] нами было установлено, что юноши и девушки, получающие высшее образование в Москве, в целом имеют адекватные представления о психологической помощи и изначально относятся к психологу положительно или как минимум нейтрально. Несмотря на это, существуют определенные барьеры, препятствующие обращению молодых людей к специалисту в области психического здоровья, среди которых, по данным зарубежных авторов [2; 3], можно выделить стигматизацию пациентов со стороны общества, переоценку собственных возможностей, страх огласки, недостаток знаний о доступности психологических услуг.

Учитывая вышесказанное, мы предположили, что в обыденном сознании населения может отсутствовать (или наличествовать не в полной мере) понимание специфики деятельности различных специалистов в области психического здоровья, а это, в свою очередь, будет способствовать самостигматизации пациента при обращении как к врачу (психиатру, психотерапевту), так и к психологу.

В целях нашего исследования мы попросили респондентов озвучить ассоциации, которые возникают у них в связи с такими понятиями, как «психология», «психолог», «психологическая

помощь», «психотерапия», «психиатр». В исследовании приняли участие 198 студентов (51,74% – юноши и 48,26% – девушки), всего было получено 1669 ответов-ассоциаций.

В ходе анализа были обнаружены ассоциации, в которых прослеживаются попытки респондентов отделить науку психологию, процесс оказания психологической помощи и специалиста-психолога от сферы медицины: «не психиатр», «либо ученый, либо доктор» и др. И хотя у некоторых молодых людей данные понятия в той или иной степени всё же ассоциируются с медицинскими терминами, атрибутами и функциями («врач», «доктор», «мозгоправ», «лекарства», «успокоительные», «депрессия», «лечение», «клиника», «больница», «дяденька из военкомата, который очень спокойно и тихо разговаривает»), процент «медицинских» ассоциаций здесь относительно невелик. Так, среди ассоциаций к понятию «психология» таковых было выявлено 2,18%, «психологическая помощь» – 9,21%, «психолог» – 14,4%.

Иную картину показал анализ ассоциаций к понятию «психотерапия»: половина ответов респондентов имеют явно выраженную медицинскую окраску (49,29% от общего числа ассоциаций). На наш взгляд, это объясняется тем, что психотерапия часто назначается в условиях медицинского учреждения в качестве дополнительного метода лечения пациента наряду с медикаментозным, и осуществляет этот процесс либо врач психиатр-психотерапевт, либо клинический (медицинский) психолог. Наконец, с понятием «психиатр» связано уже 78,23% исключительно медицинских от общего числа ассоциаций, что вполне объяснимо, ведь психиатр – это всегда врач, имеющий высшее медицинское образование и занимающийся медикаментозным лечением пациентов.

В заключение отметим следующее: чтобы успешно интегрировать молодых россиян в систему оказания психологической помощи, при этом переломить в обществе отношение к людям, обращающимся к психологу, и уменьшить их самостигматизацию, необходимо заниматься психологическим просвещением. И оно, на наш взгляд, станет более успешным, если психологическая помощь будет ассоциироваться скорее с обращением к специалисту по оказанию услуг (такому как адвокат, сантехник или консультант по недвижимости), чем с лечением у «мозгоправа», поскольку в обыденном сознании визит к нему до сих пор является чем-то постыдным и ненормальным.

Литература

1. *Есипов М.А.* Феномен психологической помощи в ментальных репрезентациях студенческой молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 29. С. 3–13.
2. *Gulliver A., Griffiths K.M., Christensen H.* Perceived barriers and facilitators to mental health help-seeking in young people: a systematic review // BMC Psychiatry. 2010. 10. Pp. 113–121.
3. *Wilson C.J., Deane F.P.* Adolescent opinions about reducing help-seeking barriers and increasing engagement // Journal of Educational and Psychological Consultation. 2001. 12(4). Pp. 345–364.

Особенности статусного поведения сотрудников бизнес-организации

Ефанкина Е.В., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ekaterinaefvas@gmail.com

Как в отечественной, так и в зарубежной психологии уделяется внимание изучению социального статуса.

На сегодняшний день существует множество различных определений понятия «статус». А.Н. Занковский рассматривал статус как соотносительное положение индивида или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы [2]. В этом случае индивиду статус предписывается группой, и тогда статусная характеристика будет представлена как индивидуальная, личностная характеристика. Так, к индивидуальным социально-демографическим характеристикам относят возраст и возрастные изменения, половые различия, семейное положение и продолжительность работы в организации. К личностным характеристикам относят авторитаризм, макиавеллизм, локус контроля, ориентацию на достижения, а также склонность к риску и др.

По словам А.Н. Занковского, статусом является престиж, позиция или должность в рамках группы [2]. Формально статус может быть утвержден группой с помощью звания, титулы или привилегии. При этом статусным значением может обладать и положение в организационной иерархии. В свою очередь, Дж. Френч и Б. Рейвен,

говорили о том, что одним из оснований получения власти является статус, так и повышение социального статуса приводит к увеличению власти [3].

Под статусным поведением может пониматься набор определенных поведенческих особенностей индивида, который определяет линию поведения индивида в различных социальных ситуациях и способ его взаимодействия с окружающими [1].

Статусные атрибуты могут выполнять различные функции в организации. Например, статусные атрибуты могут служить как награды для вознаграждения, как мотивирующий фактор и как средство облегчения общения. В последнем случае статус помогает определять, позицию индивида по отношению к другим внутри организации, а также его статус для посторонних лиц. Также статус помогает определять, кто начинает коммуникацию, к кому она адресована и как распределена ответственность [2]. Общение в контексте организации включает в себя различные взаимодействия между сотрудниками. Так как общение необходимо для выполнения таких функций менеджмента как планирование, контроль, принятие решений, координации, обучения и других функций [2].

В связи с тем, что значимой «статусностью» может обладать положение в организационной иерархии (например, должность или целое подразделение, выполняющее определенную значимую функцию), рассмотрим организационную иерархию в конкретной организации - маркетинговом агентстве. В данной организации должности выстраиваются в иерархическом порядке в каждом из отделов (подразделений).

Рассмотрим более подробно отдел по работе с клиентами, в котором существуют три рабочие группы менеджеров, которые ведут от трех до пяти клиентов.

В связи с тем, что каждая рабочая группа ведет несколько проектов одномоментно, то и рабочий процесс выстроен таким образом, чтобы менеджеры, которые ведут работу с различными клиентами, не пересекались. Пересечение происходит только в случае передачи дел на время отпуска или ухода сотрудника из компании, или перевода одного из менеджеров на работу с проектами другого клиента.

Рабочие группы менеджеров имеют различную статусную иерархию, следовательно, статусное поведение проявляется в каждой группе разнообразно.

В нашем исследовании принял участие 61 сотрудник организации, из которых 29 сотрудников из отдела по работе с клиентами. В процессе эмпирического исследования использовались следующие методики: опросник «Определение стиля руководства»

(А.Л.Журавлев, В.Ф.Рубахин), опросник «События и факты, оказывающие влияние на статус и репутацию» (Д.Басс), опросник исследования уровня агрессивности (А. Басс, А. Дарки).

Опросник «Определение стиля руководства» (А.Л. Журавлев, В.Ф. Рубахин) позволил нам определить преобладающий стиль руководства трудовым коллективом в отделе по работе с клиентами. Опросник исследования уровня агрессивности А. Басс и А. Дарки позволил провести диагностику агрессивных и враждебных реакций среди сотрудников. Опросник «События и факты, оказывающие влияние на статус и репутацию» Д.Басса позволил нам оценить степень влияния различных событий и фактов на статусное поведение сотрудника в организации.

Подводя итог, можно сказать, что важно проводить исследования статусного поведения в организации, так как понимание особенностей статусного поведения сотрудников позволит обеспечить организации грамотное распределение ресурсов при планирование карьеры сотрудников и обеспечение кадрового резерва.

Литература

1. *Безрукавая Я.В., Кочетова Т.В.* Особенности статусного поведения людей с разными уровнями макиавеллизма [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 2. С. 81–95. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61315.shtml
2. *Занковский А.Н.* Организационная психология : учебное пособие / А.Н. Занковский. – М. ФОРУМ, 2009 – 648 с.
3. *French J.R.P. Jr., Raven B.* The Bases of Social Power // Studies in Social Power / ed. by Dorwin Cartwright. Ann Arbor: University of Michigan, Institute for Social Research, 1959.

К вопросу о связи между социальной компетентностью и атрибутивным стилем мышления студентов вуза

Жахмалидинова А.Д., Кожухарь Г.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

zhahmalidinova2017@yandex.ru

В современном мире вопрос об уровне развития социальной компетентности студентов вузов изучен достаточно широко. Несмотря на это, некоторые вопросы в этой области по-прежнему нуждаются в

эмпирическом изучении. Так, проблема сочетания уровня развития социальной компетентности и атрибутивного стиля мышления (поведения или жизни) у студентов высших учебных заведений остается открытой. С этой точки зрения, воспитание наиболее социально компетентных выпускников становится одним из важнейших аспектов успешности будущей деятельности во многих сферах жизни [1, с. 132].

Изучению социальной компетентности в отечественной и зарубежной психологии послужили исследования таких ученых, как: А.Л. Андреева, В.И. Байденко, Р.М. Баскаева, В.А. Болотова, Э. Зеер, И.А. Зимняя, В.В. Серикова, В.Д. Шадрикова, В.Н. Куницина, Р. Уайт, М. Аргайл, Т. Дзурилла, Дж. Спивак, М. Б. Шурэ, Д. Зиглер, А. Бандура, У. Мишель, Р. Мак-Фолл, У. Пфингстен и Р. Хинтч и др. [1, с. 134].

Большой вклад в изучение атрибуции внес М. Селигман. К сожалению, в современной литературе до сих пор мало исследований посвящено связи атрибутивных стилей и успешности профессиональной и других сфер деятельности, следовательно, и связи с уровнем социальной компетентности [2, с. 56].

Для более подробного изучения данной проблематики было проведено исследование, которое включало в себя выявление уровня сформированности социальной компетентности с помощью методик, направленных на определение социального интеллекта и его «слагаемых» (самосознание, саморегуляция, эмпатия, коммуникабельность, самомотивация), диагностику социальных ценностей и социальной эмпатии, индекса толерантности, предпочтение типа поведения в конфликте [1, с. 138], а также на определение атрибутивного стиля жизни (оптимистический, пессимистический) личности [3, с. 138]. В результате исследования были выявлены значимые корреляционные связи между показателями сформированности социальной компетентности и атрибутивными стилями мышления. Особое внимание стоит уделить выявленной отрицательной корреляционной связи между показателями (шкалами): «саморегуляция» и «постоянство в негативных событиях» ($r = -.258$, $p \leq 0,05$).

В процессе профессионального развития личности студентов очень важно формирование уровня социальной компетентности, что, на наш взгляд, невозможно без развития навыков саморегуляции. Полученная корреляционная связь означает, что при высоком уровне саморегуляции для личности (в данном случае студента) неблагоприятные события имеют «непостоянный» характер (временный).

В результате данного исследования, при выявленной обратной корреляционной связи между «саморегуляцией» и «постоянством в негативных событиях», можно предположить, что студенты с более высоким уровнем развития социальной компетентности склонны к оптимистичному атрибутивному стилю мышления, и наоборот. Таким образом, для «высококомпетентных» студентов негативные или неблагоприятные события в жизни имеют непродолжительный характер, следовательно, можно предполагать, что существует связь между уровнем сформированности социальной компетентности и атрибутивным стилем мышления.

Литература

1. *Елисеева Е.В., Петухова Л.П., Лупоядова Л.Ю., Киютина И.И., Казимирова Н.П.* Развитие социальной компетентности студентов вуза // Научный журнал «Проблемы современного педагогического образования». Издательство Гум. пед. акад. (филиал) КФУ им. В.И. Вернадского. Ялта, 2016.
2. *Селигман М.* Как научиться оптимизму / М.: Вече, 1997. С. 56-60.
3. *Рудина Л.М.* Индивидуально-психологические особенности адаптивности женщин к состоянию беременности / Дисс. на соис. канд. психол. наук. М., 2003.

Взаимосвязь ассертивности и самоотношения у молодежи

Железняк К.В., Бабанин П.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kristina.zheleznyak.97@bk.ru, babaninpa@mgppu.ru

Ассертивность – это свойство зрелой и здоровой личности, у которой есть своя сформированная позиция ненасилия, способность отстаивать свои права, при этом не задевая и не нарушая границы и чувства других людей [4, с. 59]. Самоотношение определяется как сложное психологическое образование, которое связано с целостным эмоциональным отношением индивида к самому себе. Считается центральным компонентом в структуре самосознания, определяет картину представлений человека о себе и его поведенческие проявления. Также оно тесно связано с уровнем социальной активности и с целями жизнедеятельности личности, ценностями, обуславливает ее психическое здоровье [5, с. 530]. В своём

исследовании мы решили исследовать вопрос взаимосвязи этих психологических характеристик ассертивности и самоотношения у молодых людей в возрасте 16-25 лет. Поиск данной взаимосвязи был основан на результатах диагностики молодежи. Под молодежью подразумевается поколение людей, которое находится в периоде социализации и усваивает образовательные, профессиональные, культурные и социальные функции. В среднем данный период может колебаться от 16 до 30 лет [3, с. 407-410].

Эмпирические данные были получены в марте-апреле 2020 года. Респондентами выступили молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет в общем количестве 60 человек. Для оценки развития ассертивного поведения использовался опросник «Тест ассертивности личности» В.П. Шейнова [6, с. 107-116]. Методика состоит из 26 утверждений, которые позволяют выяснить поведение человека с окружающими, с друзьями и близкими людьми и его реакцию в определенных ситуациях. Для исследования самоотношения был применен «Тест-опросник самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантелеева [2, с. 216], включающий 57 вопросов и позволяющий выявить три уровня самоотношения: глобальное самоотношение, самоотношение, состоящее из самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса и ожиданий отношения к себе и третий уровень – конкретные действия, направленные на свое «Я». Респонденты заполняли их с помощью онлайн формы, созданной в сети интернет (среднее время прохождения опросников – 20 минут).

Цель работы: исследование взаимосвязи ассертивности и уровней самоотношения у молодежи. Объект исследования: ассертивность и самоотношение. Предмет исследования: особенности взаимосвязи развития ассертивности с уровнями самоотношения у молодежи. Основная гипотеза: существует взаимосвязь между ассертивностью и уровнями самоотношения у молодежи.

Для определения наличия взаимосвязи между рассматриваемыми психологическими характеристиками личности испытуемых был подсчитан коэффициент корреляции Пирсона. Подсчет коэффициента корреляции Пирсона осуществлен с помощью статистического пакета программы SPSS, которая автоматически оценивает значимость критерия, тесноту и направленность корреляции между двумя рассматриваемыми психологическими характеристиками на 0,5 и 0,01 уровне значимости.

На основании доказанных эмпирическим путем гипотез, принятых на основании правила принятия и отвержения статистических гипотез, в практической части исследования, установлены достоверные положительные корреляции (на уровне значимости <0,001) между

показателем «представление об ассертивности» и шкалами Самоинтереса и Самообвинения. То есть, чем выше у молодого человека интерес к своим собственным мыслям, чувствам и ощущениям и уверенность в том, что он является интересной личностью для других, тем выше его представление об ассертивности и тем чаще у него преобладает ассертивное поведение в различных ситуациях. Также тесные устойчивые положительные связи (на уровне значимости <0,001) установлены между способностью к овладению ассертивностью и Шкалами Самоотношения, Самоуважения, Самоуверенности и Самопоследовательности. Можно сказать, что легче научиться быть ассертивной личностью людям, которые адекватно воспринимают самих себя, у них нет разделения на чувства «за» и «против» в отношении своей личности. Они верят в свои силы, умения и способности. Трезво оценивают свои возможности, могут самостоятельно контролировать свою жизнь и понимают свои намерения и эмоции.

В исследовании взаимосвязи между самим развитием ассертивности и уровнями самоотношения не было выявлено положительных тесных связей. Однако была обнаружена не менее значимая (на уровне значимости <0,05) положительная корреляция между развитием ассертивности и шкалой Самоинтереса испытуемых. К тому же, что не менее важно, была установлена тесная отрицательная (обратная) корреляция между уровнем ассертивности и шкалой Самопонимания испытуемых. То есть, чем больше молодые люди интересуются своими собственными мыслями и чувствами, готовы не обманывать себя и вести искренний разговор с самим собой, тем более ассертивными личностями они являются. Но при этом, чем выше уровень самопонимания у них, тем ниже уровень ассертивности. Возможно, это связано с тем, что период молодежи вписывается в период поиска себя, определение своей значимости в обществе и понимания своих основных целей. И в этом процессе у них возникают множество вопросов, которые помогают им развиваться и становиться более зрелой личностью.

Также признаются достоверными на 5% уровне значимости обратные корреляции между представлением об ассертивности и шкалами Самоуважения и Аутосимпатии испытуемых. То есть, чем выше уровень представлений об ассертивности, тем ниже уровень самоуважения и аутосимпатии. Возможно, это связано с тем, что люди теоретически знают, как себя правильно вести, но мало кто готов признать, что он где-то может быть неправ и может нарушать границы других людей.

По итогу можно заключить, что существует взаимосвязь между ассертивностью и уровнями самоотношения у молодежи. Основная гипотеза исследования подтвердилась.

Литература

1. *Бишоп С.* Тренинг ассертивности. Санкт-Петербург, 2001.
2. *Глуханюк Н.С.* Практикум по психодиагностике: учеб. пособие - 2-е изд. Москва, 2005.
3. *Лисовский В.Т.* Социология молодежи// Социологический словарь. 2-е изд., перераб. и доп./Науч. ред. Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко. Минск, 1991.
4. *Степанов С.С.* Популярная психологическая энциклопедия. Москва, 2005.
5. *Столин В. В.* Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: Дис. д-ра психол. наук. Москва, 1985.
6. *Шейнов В.П.* Разработка теста ассертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности // Вопросы психологии. № 2. Минск, 2014.

Основные технологии социально-психологических исследований в интернете

Журавлев А.Л., Китова Д.А.
ИП РАН, Москва, Россия
alzhuravlev2018@yandex.ru; j-kitova@yandex.ru

Исследование выполняется по гранту РФФИ № 20-013-42001

В современных условиях развития информационных технологий выявление психологических знаний стало доступно посредством анализа *продуктов деятельности* человека (текстов, сообщений, информационных релизов и т.д.), представленных в интернет-пространстве [2]. Цель работы – показать возможности «цифровых» исследований, основанных на анализе текстов.

Традиционный контент-анализ текстов в интернете. Опираясь на публикации, представленные в РИНЦ, можно указать целый ряд таких исследований в Сети: психологический анализ проблем безработицы (Т.В. Дробышева), выявление образа романтических отношений пользователей (Т.П. Емельянова), анализ субъектности сетевых сообществ (Ю.В. Ковалева) и др.

Анализ поисковых запросов в Интернете. Достаточно обширную информацию можно получить путем анализа поисковых запросов пользователей, представленных в статистических системах Яндекс и Гугл. В качестве такого исследования можно привести анализ потребностей личности в знаниях по психологии. Так, на основе изучения 2 260 590 поисковых запросов пользователей Яндекса, в структуре которых присутствовало слово «психология», выявлен характер потребностей пользователей в знаниях по психологии. Анализ по *регионам* показал, что у 60% пользователей Яндекса отмечается высокий интерес к психологии: самый высокий уровень выявлен в Дальневосточном ФО, наименьший – в Республике Крым, средний – у пользователей Уральского ФО. Уровень интереса к *различным* направлениям психологии также неравномерен: *максимальный* интерес выявлен к учебной литературе по психологии, *минимальный* – к клинической [1].

Автоматизированный анализ текстовых сообщений в социальных сетях, посредством применения *алгоритмических* методов и методов *машинного обучения (нейронных сетей)*. Такой подход позволяет изучить большие текстовые массивы информации, не подлежащие ручной обработке в силу своего чрезмерного объема. К примеру, анализ 1077 твитов пользователей социальной сети Twitter, в контексте которых присутствовало слово «психология», позволил выделить типовые ситуации, в которых они обращаются к психологии [4]. Как оказалось, к таковым относятся анализ житейских ситуаций (33%); оценка возможностей психологии при решении практических проблем (17,9%); рассуждение о психологии людей ближнего круга общения (14,6%); отношение к социальным группам (8,1%), к людям из своего окружения (8%), к самому себе – самоотношение (7,6%); выражение интереса к психологии, как науке (4,8%); повествование о чем-то – житейские рассказы (3,9%); философский анализ бытия – размышления о психологической природе человека и общества (1,7%).

Автоматизированный анализ эмоционального фона высказываний (междисциплинарный уровень исследований). Современные технологии с использованием *нейронных сетей* предоставляют возможности для анализа эмоционального фона сообщений (нейтрального, положительного или отрицательного) в социальных сетях, форумах, группах и т.д. Ниже представлены четыре принципиально различных эмоциональных фона, полученных в разных исследованиях с нашим участием. Оценка тональности сообщений производилась с использованием нейросетевой модели Dostoevsky.

1. Анализ эмоционального фона сообщений со словом «психология», показал *несходные* между собой эмоциональные оценки повседневных психологических ситуаций пользователей социальной сети Twitter. Оказалось, люди переживают и радуются по самым *различным основаниям*: нельзя утверждать, что они огорчаются большей частью из-за житейских (бытовых) ситуациий, а в принципе удовлетворены ситуацией в обществе, или наоборот [4].
2. По некоторым проблемам получены *согласованные* эмоциональные оценки. В частности, эмоциональный фон отношения к коррупции практически у всех пользователей социальной сети ВКонтакте (98,7%) носит ярко выраженный негативный характер.
3. Выявлены *непересекающиеся* сферы эмоциональных оценок в анализе отношения пользователей социальной сети Twitter к детям. Оказалось, что респондентов радуют одни позиции, связанные с ребенком, а огорчают другие, т.е. нами не обнаружено ситуаций, которые радовали бы одних пользователей, но огорчали бы других. Можно констатировать, что мы все радуемся детским успехам и единодушно огорчаемся, когда у детей возникают проблемы [3].
4. Существуют рассогласованные оценки одних и тех же феноменов. Одни и те же явления (например, отношение к Советскому союзу) вызывают у пользователей социальной сети Twitter *разные*, и даже *полярные* оценки: у одной части респондентов – положительные оценки (30%), у второй – отрицательные (29%), у третьей – нейтральные (41%).

Важно отметить, что развитие «цифровых» технологий позволяет производить ранее недоступные, в силу отсутствия технологических возможностей, макропсихологические исследования [5] и способствует разработке различного рода социальных систем: например, онлайн-мониторинга общественных настроений.

Литература

1. *Апреликова Н.Р., Китова Д.А.* Потребности пользователей Яндекса в знаниях по психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4. С. 618-633.

2. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3-4. С. 10-21.
3. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Психологические особенности отношения к детям пользователей социальной сети Twitter // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 1(17). С. 33-72.
4. *Китова Д.А., Апреликова Н.Р.* Отношение пользователей социальных сетей к знаниям по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1(13). С. 99–128.
5. Макропсихология современного российского общества / Под. ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие русских Кабардино-Балкарии

Закарян Д.А., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
zakariandavid@yandex.ru; os_pavlova@mail.ru

Первое русское население на территории современной Кабардино-Балкарии появилось в конце XVIII века, в лице волжских и малороссийских казаков, крестьян, отставных солдат, однодворцев, которые вместе составили терское казачье войско. По-разному складывались и взаимоотношения между ключевыми народами объединённой Кабарды и Балкарии: кабардинцами, балкарцами и русскими. Также менялся и статус русского населения Кабардино-Балкарии, в соответствии с этим, возможно, менялось и этническое самосознание русских, их региональная идентичность. Последние три десятилетия характеризовались оттоком русского населения из Республики, сегодня этнополитическая ситуация и социально-психологический климат в КБР характеризуется относительным благополучием и стабильностью, однако определённый уровень напряжённости всё же есть. Так, некоторые исследователи [1; 4] отмечают, что балкарцы и русские испытывают по отношению к себе несправедливость и недоброжелательность. Подливает масла в огонь, социально-экономическая неустроенность, отсутствие перспектив, безработица – именно это главные причины, по которым русское население покидает Республику.

Согласно Т.Г. Стефаненко [5, с. 229], этническая идентичность – это (прежде всего) составляющая социальной идентичности, психологическая категория, заключающаяся в осознании индивидом своей принадлежности к определённой этнической общности. Межкультурное взаимодействие раскрывается посредством термина аккультурации, под которой следует понимать изменения, происходящие в культурных паттернах индивида в результате длительного контакта с другой культурой. В принятой нами за основу модели Дж. Берри [5, с. 327] возможны следующие 4 стратегии аккультурации.

1. Интеграция, при которой индивид сохраняет свою культуру, усваивая при этом культуру большинства. Признаётся наиболее успешной: социально-психологическая поддержка оказывается обеими культурами.
2. Ассимиляция, характеризующаяся отказом от своей культуры, в пользу культуры доминирующего большинства.
3. Сепарация – отказ усваивать и принимать чужую культуру, сохраняя при этом свою.
4. При маргинализации индивид утрачивает свою культуру, не принимая, однако же, культуры большинства – наименее верный выбор, который может сделать человек, лишая себя поддержки и одной и другой культуры.

Специфика этнической идентичности молодежи Кабардино-Балкарии рассматривалась в целом ряде работ, в частности [4; 5].

По результатам исследования Е. Кобахидзе [2], межэтнические отношения в КБР на период 2000-х характеризовались преобладанием стратегии интеграции, коррелирующей с позитивной этнической идентичностью, причём к интегративным установкам более склонны были русские респонденты. Кроме того, по мнению автора данного исследования, высокая значимость этнического компонента в структуре идентичности северокавказских этносов может служить фактором интеграции в единую северокавказскую общность.

Интересное исследование было проведено в 2008 году Д.В. Скляровой (N=54) [4] – оно показало, что русское студенчество КБР не испытывало затруднений с самоидентификацией (100% опрошенных идентифицировали себя со своей этногруппой), а вот чувство национальной гордости оказалось присуще всего 26% респондентов: 70,3% воспринимают это как данность – эти данные, говорят в пользу того, что этническая идентичность, по крайней мере на тот период, не являлась для русской молодёжи чем-то имеющим важное значение, несмотря на полиэтничность региона и своё меньшинство.

Межкультурные взаимоотношения трёх крупнейших народов КБР имеют следующий вид (по крайней мере среди молодёжи): кабардинцы оценивают балкарцев выше, чем русских, балкарцы предпочитают русских кабардинцам, а русские теплее относятся к балкарцам, чем к кабардинцам [3]. То есть отношения русских и балкарцев взаимно более тёплые, а вот русских и кабардинцев взаимно более холодные. Уровень воспринимаемой дискриминации значимо выше у балкарцев, между русскими и кабардинцами значимых отличий не выявлено [3]. Уровень удовлетворённости жизнью выше всех у балкарцев, русские удовлетворены жизнью меньше всех, причём этот показатель негативно связан с интеграцией. Русские больше склонны к межэтническому взаимодействию, балкарцы и кабардинцы – к внутриэтническому. Таким образом, получается, что чем больше межэтнических контактов у «среднестатистического» русского КБР, и чем больше он стремится сохранить свою культуру, тем ниже его уровень удовлетворённости жизнью – это, по мнению З.Х. Лепшоковой, «свидетельствуют о наличии в республике социально-политического контекста, не предполагающего интеграцию русских» [3]. Установка на этническую толерантность выше всех у русских, что, казалось бы, соответствует их склонности к интеграции и межэтническому взаимодействию. Однако эти показатели не связаны между собой: межэтнические контакты русских являются предикторами их ассимиляции, то есть, существует тенденция отказа русских от своей культуры при взаимодействии с титульными этносами.

Литература

1. *Аккиева С.И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике. Дисс. … докт. ист. наук. Нальчик, 2002. 426 с.
2. *Кобахидзе Е.* Интеграционные и дезинтеграционные процессы в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2005. №. 7.
3. *Лепшокова З.Х.* Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике // В кн.: Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред.: Н. М. Лебедева. М.: Менеджер, 2017. Гл. 5. С. 157-186.
4. *Павлова О.С.* Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: содержание и особенности соотношения // Ислам в

современном мире: государственный и международно-политический аспекты. 2015, Т. 11, № 2. С. 75-86.
5. *Павлова О.С., Семёнова Ф.О.* Ценностные ориентации мусульманской молодёжи Северо-Западного Кавказа // Minbar. Islamic Studies. 2018;11(2):361-374. https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-361-374.
6. *Склярова Д.В.* Особенности этнической идентичности студенческой молодежи кабардинской, балкарской и русской этногрупп //Автореф. дисс… канд. психол. наук/ДВ Склярова. Ростов-на-Дону. 2008.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для студентов вузов. М., 2018.
8. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX-начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. 2014.

Эскапизм и установки в мотивационно-потребностей сфере у педагогов с разным уровнем отчуждения

Заруцкая Е.И., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
katerina021@list.ru, nkochetkov@mail.ru

Социальная среда меняется довольно быстро, а в сфере труда зачастую изменения происходят даже быстрее, чем сотрудники успевают к ним адаптироваться. Это приводит к замкнутости, отстранению субъекта от профессионального сообщества и его профессиональных обязанностей, т.е. к потере профессиональной идентичности. Профессиональная эффективность снижается, разрушаются социальные связи и профессиональные отношения, личность испытывает дискомфорт от условий, в которых производится деятельность, что способствует возникновению ее профессиональной деструкции.

В связи с этим, изучение особенностей особенно актуально в педагогической сфере труда, так как эта профессия обусловлена социальной направленностью и отчуждение может негативно сказываться на качестве обучения и воспитания формирующейся личности школьника.

Давая определение отчуждению, необходимо характеризовать две его диаметрально противоположные, но переплетающиеся между собой стороны.

С одной стороны отчуждение – это потеря личностью собственной субъективности, превращение в объект общественных отношений, возникновение противоречия в отношениях с собой, окружающими людьми и миром, чувство враждебности по отношению к предметам своей деятельности и труда, по отношению к общественным нормам и ценностям, переживание бессилия, изоляции, утраты смысла. В тоже время отчуждение является механизмом самоопределения, позволяет человеку сохранять свою индивидуальность, имеет естественную природу, необходимую для развития личности [2].

Отчуждение педагога в образовательной среде имеет много причин. Несовпадение реального и желаемого, конфликт между Я-идеальным и Я-реальным, профессиональная и эмоциональная дезадаптация, трудности в удовлетворении потребностей в общении, познании, социальном признании, самоуважении, самореализации и творчестве, вынужденность следовать постоянно изменяющимся требованиям образовательной системы, подстраиваться под запросы всех сторон учебного процесса, поглощение предписанной социальной ролью и стереотипами по отношению к образу учителя и ученика, необходимость затраты огромного количества внутренних ресурсов, все это вынуждает педагога отстраниться от подлинных профессиональных ценностей и занять позицию непричастности [1].

Зачастую феномен отчуждения идет параллельно с эскапизмом. Мы предполагаем, что у педагогов эскапизм носит компенсаторный характер [3].

Многие исследования ценностной ориентации педагогов, выявляют тенденцию того, что ученик как личность все больше теряет для учителя ценность, учитель отчуждается от своих учеников [4]. А низкая выраженность мотива, связанного с содержанием работы, может говорить об отчуждении педагогов от труда [2]. Мы предполагаем, что выраженность определенных ведущих мотивов и установок взаимосвязана с распространением в образовательной среде феномена отчуждения.

Чтобы это доказать, мы провели эмпирическое исследование на 66 педагогах Москвы, в число которых входили учителя начальных классов, учителя-предметники (учителя математики, русского языка, иностранных языков, информатики, химии, истории, обществознания, физики), учителя-логопеды, учителя, имеющие классное руководство, педагоги дополнительного школьного образовния, социальные педагоги, педагоги-психологи школ. 63 респондента женского пола и 3 мужского в возрасте от 21 до 61 года.

Мы предположили, что у педагогов с разным уровнем отчуждения будут по-разному выражены составляющие социального эскапизма и

установки в мотивационно-потребностей сфере. Разделив испытуемых по трем уровням отчуждения, мы сравнили средние баллы по показателям выраженности эскапизма и установок в мотивационной-потребностной сфере респондентов каждой из трех групп.

В результате обнаружились следующие закономерности. Чем выше уровень отчуждения, тем сильнее выражены ориентация на процесс, ориентация на эгоизм, ориентация на власть, ориентация на деньги. У педагогов с высоким уровнем отчуждения слабо выражена ориентация на результат. Ориентации на альтруизм и на труд распределяются равномерно. Чем выше у педагогов уровень отчуждения, тем выше показатели эскапизма.

По полученным результатам можно увидеть, что у педагогов с разным уровнем отчуждения значимо различаются показатели установок в мотивационо-потребностной сфере, наиболее ярко выражена взаимосвязь с ориентацией на процесс; а также показатели выраженности эскапизма, наиболее ярко выражена взаимосвязь с эскапизмом в форме неудовлетворенности и избегания.

Эти результаты можно объяснить тем, что, во-первых, явление эскапизма зачастую сопровождает процесс отчуждения, т.к. причины появления и характер их протекания довольно схожи, поэтому в зависимости от уровня отчуждения, степень выраженности признаков эскапизма усиливается. Во-вторых, феномен отчуждения влияет на многие компоненты личности, поэтому у субъектов одной профессиональной среды при различном уровне отчуждения будут выражены различные установки в мотивационно-потребностной сфере. С одной стороны, отчуждение может возникать, когда педагог с определенной мотивационной установкой встречает в процессе своей деятельности трудности, которые не может преодолеть. Тогда из-за отчуждения установка может замениться индивидом на другую. С другой стороны, педагог может изначально иметь установку, не совпадающую с ценностями, которые признает профессиональный кружок или общество в целом. Тогда, чтобы не испытывать внутреннее противоречие, индивид отчуждается от них и продолжает реализовывать свою деятельность.

Взаимосвязь отчуждения и эскапизма с установками в мотивационно-профессиональной сфере выявила моменты, на которые можно опираться при проведении коррекционных и профилактических мер по снижению уровня отчуждения и эскапизма с помощью работы с мотивационными компонентами личности учителя.

Литература

1. *Егорова Н.Н.* Психологические особенности профессионального отчуждения педагогов: дис. канд. психол. н. Москва, 2007.
2. *Кожевина А.П., Дубровина С.В.* Мотивация профессиональной деятельности педагогов общеобразовательных организаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. №5.
3. *Литинская Д.Г.* Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1.
4. *Нечаев М.А.* Ценностные ориентации как фактор мотивационной деятельности педагогов // Психология, социология и педагогика. 2014. № 12.

Особенности представлений женщин о брачных отношениях в период кризиса среднего возраста

Заславская М.А., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
obmen-ss@ya.ru, vladimirorlov@bk.ru

В результате изменений, происходящих в последние десятилетия в ролевой, структурной и функциональной системах института семьи и вызывающих беспокойство со стороны общества и государства, возрос научно-исследовательский интерес к межличностным внутрисемейным отношениям и факторам, влияющим на них. Однако чаще всего указанные вопросы изучаются на представителях молодежной выборки. Кроме того, малоизученным остается вопрос изменения представлений о брачно-семейных отношениях на протяжении жизни человека, в том числе в период нормативных кризисов развития.

Период взрослости – это время максимальной реализации различных жизненных возможностей и личностного потенциала: в профессиональной сфере, в близких, брачно-семейных отношениях, в сфере родительства и других областях самореализации. Как и любой возрастной период, он сопровождается переживанием нормативных кризисов развития, в том числе – кризиса 30 лет и кризиса середины жизни.

Кризис среднего возраста затрагивает все сферы жизни человека, в том числе сферу семейно-брачных отношений. Представления мужчин и женщин о том, какими должны быть брачные отношения, в значительной степени влияют на то, будет ли сохранена семья в кризисный период и какие трансформации будут происходить в отношениях с супругом или супругой, детьми и членами расширенной семьи [4]. Соответственно, целью данного теоретического исследования было изучение представлений женщин о брачных отношениях в кризисный период среднего возраста. В качестве гипотезы исследования было выбрано следующее предположение: представления женщин о семейно-брачных отношениях претерпевают значительные изменения в период кризиса среднего возраста.

Для реализации цели исследования были определены и решены следующие задачи.

1. Осуществлен анализ исторических и психологических исследований семейно-брачных отношений и трансформации института семьи и брака в современном обществе.
2. Осуществлен анализ психологических исследований кризиса середины жизни, в том числе его гендерных аспектов.
3. Осуществлен анализ психологических исследований, посвященных представлениям женщин о семье и браке и трансформации этих представлений в период кризиса середины жизни.

На основании проведенного анализа литературных источников были сделаны следующие выводы.

1. Отношение к браку и семье складывалось по-разному на разных исторических этапах развития общества [2]. Отечественные исследователи подчеркивают в своих работах зависимость прямых или опосредованных изменений в социальном институте семьи от существенных изменений, происходящих в обществе, хотя в целом признают семью довольно устойчивой и относительно автономной системой.

2. В наши дни некоторые тенденции изменений брачно-семейной системы (более поздний возраст вступления в брак, рост количества разводов, увеличение числа одиноких людей, внебрачных детей и неблагополучных семей, снижение общего процента рождаемости и т.д.) способствуют формированию её кризисного образа для ряда исследователей, а также вне научной среды – средств массовой информации, общественного мнения. Несмотря на пугающее некоторых исследователей и аналитиков стремление современных людей к индивидуализации, семья и близкие отношения по-прежнему остаются для них привлекательными и ценными идеями [10], при этом

феномен семьи развивается и преобразуется в плане разнообразия типов и форм семейной жизни, внутрисемейных отношений. Наряду с сохранением традиционных брачно-семейных отношений, в современном обществе существуют и альтернативные модели.

3. Во время кризиса среднего возраста происходит переосмысление собственной жизни, оценка её продуктивности, что сопровождается не только когнитивными усилиями, но и эмоциональными переживаниями (чаще всего – негативными). Несмотря на различные жизненные условия, для людей, проходящих кризис среднего возраста, в целом характерно снижение показателей осмысленности собственной жизни и удовлетворенности ею, возникновение противоречий в мотивационной сфере личности [9].

4. Считается, что структура жизненного цикла женщин в большей степени определяется не хронологическим возрастом, а стадиями семейного цикла (вступление в брак, появление детей, уход детей из семьи, появление внуков), а значимые ценности и достижения, которые активно переоцениваются в период кризиса середины жизни, концентрируются в основном в области брака и семьи. Однако данное утверждение требует пересмотра и современных уточняющих исследований. Одной из основных особенностей кризиса среднего возраста у женщин является конфликт между семейной и профессиональной ролями, а также психологическая напряженность в связи с высокими требованиями (внешними и/или внутренними) в рамках каждой или одной из ролей.

5. В браке женщины любого возраста стремятся реализовать одну из базовых потребностей личности – в любви, принадлежности и заботе. Одной из наиболее важных функций брака для женщин является эмоционально-психотерапевтическая, однако и для женщин среднего возраста, и для более молодых женщин также важен фактор материальной надежности и стабильности партнера [1; 5]. Кроме того, для женщин среднего возраста брак является не единственной ценностью и сферой самореализации [6; 8]. Несмотря на развитие эгалитарных тенденций в представлениях о брачно-семейных отношениях [5; 7], многие женщины по-прежнему разделяют идеи традиционной модели семьи [3].

Гипотеза исследования подтвердилась частично: согласно имеющимся данным, несмотря на некоторую специфику восприятия брачно-семейных отношений, представления о них в целом не отличаются у женщин среднего возраста от представлений у более молодых или более взрослых женщин. Можно сказать, что в большей степени кризис среднего возраста (как у мужчин, так и у женщин)

сказывается на особенностях межличностного взаимодействия внутри семейной системы.

На основании данного теоретического анализа предполагается проведение эмпирического исследования представлений современных женщин и мужчин среднего возраста о брачно-семейных отношениях.

Литература

1. *Бережная А.М., Лукьяненко Е.С.* Особенности представлений о брачном партнере у современных девушек // Российский психологический журнал. – 2016. – №1. – С. 29-39.
2. *Бокатуро Е.В., Жижина А.В.* Семья как ценность: изменение представлений // Смоленский медицинский альманах. – 2015. – №3. – С. 93-94.
3. *Гонта А.В.* Представления о браке и супружеских ролях у женщин в ранней и средней взрослости // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2017. – № 17-3. – С. 78-85.
4. *Крушельницкая О.Б.* О социально-психологических факторах самореализации личности во второй половине жизни // В сб.: Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики. Москва, МГППУ, 2008. С. 41-49.
5. *Маленова А.Ю., Аникеева О.А.* Представления о потенциальном брачном партнере у одиноких людей с разными социально-демографическими характеристиками // ОмГУ. – 2017. – №1. – С. 32-41.
6. *Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А., Семенова В.Э.* Гендерная специфика смыслового значения счастья в представлениях людей разных возрастов // Вестник Мининского университета. – 2017. – №4(21). – С. 8-24.
7. *Сивишкина М.Е.* Стереотипные представления современной молодежи о «Любви» и «Семье»: гендерный аспект // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – №2(46). – С. 105-115.
8. *Скрипачева Е.Н., Бохан Т.Г.* Психические состояния женщин, переживающих кризис середины жизни (феноменологические характеристики и особенности коррекции) // Акмеология. – 2015. – №4 (56). – С. 191-198.
9. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* Кризис среднего возраста: теоретическая интерпретация переживаемого опыта // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 4 (92). – С. 178-202.

10. *Gesselman A.N., Franco C.Y., Brogdon E.M., Gray P.B., Garcia J.R., Fisher H.E.* (2019), Perceptions of married life among single never-married, single ever-married, and married adults. Pers Relationship, 26: 586-601. doi: 10.1111/pere.12295.

Соотношение религиозной и этнической идентичности у жителей мегаполиса

Захаркина А.Г., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anya-zakharkina@yandex.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

Феномен социальной идентичности интересовал российских и зарубежных ученых: Р. Бернс, Г. Тэшфел, Дж. Тернер, С. Роккас и др [6; 7]; Г.М. Андреева, В.С. Агеев, Н.Л. Иванова, О.А. Гулевич и др. [2; 5; 6; 7]. Опыт изучения этнической идентичности (Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, Н. М. Лебедева и др. [2; 6]) и религиозной идентичности (Г. Олпорт, А.Н. Крылов, Б.С. Братусь и др. [3])) также имеет большую историю изучения. Опираясь в нашем исследовании на «Я-концепцию», мы рассматриваем социальную идентичность как соотнесение Я индивида с группой [1].

Тем не менее, несмотря на большое количество исследований, посвященных социальной идентичности, крайне мало научных работ затрагивает тему соотношения разных видов идентичности. Для анализа соотношения этнической и религиозной идентичности мы используем концепцию сложной социальной идентичности С. Роккас и М. Бюер. Авторы предположили, что существует несколько типов мультиидентичности: «пересечение», преобладание, «дробление», «слияние» [7]. Это и определило проблему нашего исследования: сложность в изучении именно структуры социальной идентичности и соотношения ее видов с помощью количественных методов, поскольку они не дают представление о структуре.

Целью нашей работы является изучение соотношения этнической и религиозной идентичности у молодежи Москвы. Объект исследования – этническая и религиозная идентичности. Предметом нашего исследования стало соотношение религиозной и этнической идентичности у молодых жителей Москвы, относящих себя к православию и исламу. Исходя из этого, главной задачей нашего исследования было проанализировать уже имеющуюся литературу на данную тему, а также разработать и апробировать методический инструментарий для изучения данной проблемы.

Общей гипотезой исследования является предположение о том, что в зависимости от степени выраженности религиозной и этнической идентичности в структуре будет наблюдаться пересечение этих феноменов, преобладание одного над другим, полное разделение или слияние этих феноменов.

Выборку нашего исследования составили молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, (n=20) относящие себя к православным (n=10) и мусульманам(n=10), проживающие в Москве.

Для решения наших исследовательских задач использовались качественные и количественные методы: полуструктурированое интервью с элементами рисуночного ответа; методика Дж. Финни [5]; опросник Д. Ван Камп [4]. Обработка полученных данных проводилась с помощью элементов процедуры кодирования обоснованной теории.

В ходе исследованиянами были получены следующие виды соотношений.

Первый вид – пересечение этнической и религиозной идентичности. Этнос и религия сцеплены и расцениваются как неразрывно связанные элементы.

Второй вид – преобладание одной идентичности над другой. При этом были выявлены два разных типа этого сочетания. Так, в первом случае у респондента наблюдается доминирование этнической идентичности, а религиозная представлена слабо. Во втором случае наблюдается доминирование религиозной идентичности над этнической.

Третий вид – обе идентичности одинаково важны для респондентов. Этот вид очень похож на «слияние». При этом существует несколько типов данного «слияния». Первый тип – обе идентичности одинаково важны и не разделяются по принципу включения друг в друга. Второй тип – обе идентичности одинаково важны, но религиозная оценивается как внутренняя переменная, а этническая идентичность как внешняя. Третий тип – обе идентичности расцениваются как внутренние, однако этническая входит в состав религиозной.

Четвертый вид – отношения между Я, этнической идентичностью и религиозной идентичностью как между отдельными элементами. Нам удалось выделить несколько типов таких отношений. В первом типе Я влияет на этническую идентичность, этническая идентичность влияет на религиозную, религиозная идентичность влияет на Я. Степень влияния в этом случае одинаковая. Второй тип представлен взаимным влиянием элементов друг на друга: сильная связь между Я и религиозной идентичностью, слабая («символическая») связь между Я

и этнической идентичностью, этническая и религиозная идентичности связаны «априори». В третьем типе наблюдается сильная взаимосвязь этнической и религиозной идентичности, сильное влияние религиозной идентичности на Я и слабое влияние этнической идентичности на Я.

Таким образом, по результатам исследования можно утверждать, что

1. использование качественных методов помогает решить проблему исследования структуры социальной идентичности в контексте соотношения религиозной и этнической идентичностей;
2. степень выраженности этнической и религиозной идентичности оказывает влияние на структуру социальной идентичности.

Литература:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс. 2005. 301 с.
2. Гулевич, О.А. Психология межгрупповых отношений: учебник для бакалавриата и специалитета / О. А. Гулевич. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 341 с. — (Серия: Бакалавр и специалист)
3. Крылов А.Н. Религиозная идентичность: индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд. доп. и пераб. - М.: ИКАР, 2014. 356 С.
4. Павлова О.С., Миназова В.М., Хухлаев О.Е. Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 4. С. 90–99.
5. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: практикум: Учебное пособие для студентов вузов — М: Аспект Прес 2006.— 208 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник. 5-е изд. — М.: Аспект Пресс, 2014. — 352 с.
7. Roccas S., Brewer M.B. Social Identity Complexity // Personality & Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. № 2.

Я-концепция девушек, склонных к пищевым аддикциям

Зезюн Н.С., Шевцова Ю.А.
ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь
natashazezun@yandex.ru

Социально-экономическая обстановка, сложившаяся в нашей стране, характеризующаяся как напряженная и неустойчивая, привела психоэмоциональному напряжению молодежи. Столкновение со стрессовыми ситуациями способствует стремлению уйти от реальности. Одним из таких способов является аддиктивное поведение [1, с. 34]. Среди женщин и девушек наиболее распространенной является пищевая аддикция [2, с. 70]. Склонность к пищевой аддикции в настоящее время в Республике Беларусь выявлена у около 45 тысяч женщин в возрасте от 10 до 30 лет [3, с. 136].

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что любое аддиктивное поведение имеет не внешнее, а внутреннее происхождение. Внешние факторы рассматриваются, скорее, как условия становления аддикций, а не их причина. Исходя из этого, возникает интерес к изучению особенностей Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям. В доступной нам психолого-педагогической литературе отмечается дефицит исследований, направленных на изучение Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям, что обусловило выбор темы нашего исследования. Выявление особенностей Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям, даст возможность предсказать склонность к пищевой зависимости даже на ранних этапах ее появления и позволит сместить акцент с коррекции зависимости на профилактику.

Цель исследования: изучить особенности Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям.

Исследование проводилось на базе ГУО «СШ № 30 г. Бобруйска» со 100 девушками 10, 11-х классов с помощью следующего психодиагностического инструментария: методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г.В. Лозовой); методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн (модифицированный А.М. Прихожан); методика изучения особенностей Я-концепции (Е. Пирс, Д. Харрис, А.М. Прихожан). Математическая обработка результатов проводилась с помощью критерия φ*-углового преобразования Фишера.

Анализ проведенной диагностики склонности к пищевым аддикциям у девушек с помощью методики диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г.В. Лозовой), позволил нам условно разделить обследуемых на две подгруппы: девушки, склонные к пищевым аддикциям (46 человек); девушки не склонные к пищевым аддикциям (54 человека).

Статистически значимые различия между девушками, склонными к пищевым аддикциям, и девушками, не склонными к пищевым аддикциям, были выявлены по следующим шкалам:

- низкий уровень самооценки ($\varphi^*_{эмп}$ = 3.987 при $\rho \leq 0{,}01$);
- низкая оценка внешней, физической привлекательности ($\varphi^*_{эмп}$ = 4.047 при $\rho \leq 0{,}01$);
- низкая самооценка общения популярности, общения среди сверстников ($\varphi^*_{эмп}$ = 5.024 при $\rho \leq 0{,}01$);
- низкая степень удовлетворенности собственным положением в семье ($\varphi^*_{эмп}$ = 4.665 при $\rho \leq 0{,}01$);
- низкий уровень уверенности в себе ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.97 при $\rho \leq 0{,}01$);
- низкий уровень самоотношения ($\varphi^*_{эмп}$ = 4.152 при $\rho \leq 0{,}01$).

Проведенное эмпирическое исследование позволило определить особенности Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям. Девушки, склонные к пищевым аддикциям, отличаются низкой самооценкой, неуверенностью в себе, собственных силах, робостью, стеснительностью. Они отличаются низкой самооценкой внешности, физических качеств. Считают, что они не очень красивы, что у них некрасивая фигура. Низкая самооценка собственной внешности является фактором риска, т.к. может быть причиной низкой общей самооценки, его общей неудовлетворенностью собой. У них отмечается низкая самооценка популярности среди сверстников. Девушки считают, что они не пользуются авторитетом в классе, сверстники не считаются с ними, порой смеются над ними. Также им кажется, что они не нравятся представителям противоположного пола. Относятся к себе как к неспособному вызвать уважение у окружающих, как к вызывающему у других людей осуждение и порицание. Не надеются и не ждут одобрения и поддержки от окружающих, что свидетельствует о неудовлетворенности их потребности в общении. Также отмечается переживание неудовлетворенности своим положением в семье. По мнению девушек, их родители редко прислушиваются к мнению девушек, ждут от них слишком многого, а им в свое время трудно оправдать их ожидания. Родители не подчеркивают положительные стороны испытуемых, акцентируют внимание только на отрицательных поступках и качествах. Для них характерен неблагоприятный вариант

самоотношения. У них отмечается негативный фон отношения к себе, склонность относиться к себе излишне критично.

Результаты исследования имеют высокую практическую значимость и могут быть использованы для создания коррекционных и развивающих программ, направленных на коррекцию и профилактику пищевой зависимости.

Литература

1. *Перре М.* Клиническая психология / М. Перре, У. Бауманн. – СПб.: Питер, 2003.
2. *Короленко Ц.П.* Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – Новосибирск: «Олсиб», 2001.
3. *Скугаревский О.А.* Проблема нарушений пищевого поведения / О.А. Скугаревский // Заболевания экстрапирамидной системы и пограничные состояния: материалы V Республиканской школы по неврологии для молодых специалистов (20–21 мая 2006 г., г. Брест). – Брест: «Академия», 2006.

Первое впечатление студентов о здоровых людях и людях с инвалидностью

Зимина Н.А.
ФГБОУ ВО ННГАСУ, Нижний Новгород, Россия,
n.a.zimina@yandex.ru

Первое впечатление – достаточно известный как широкой общественности, так и научному сообществу социально-психологический феномен. В целом первое впечатление можно определить как психологический феномен, объединяющий эмоциональный, логический и чувственный компоненты.

Целью данной статьи является изучение первого впечатления о здоровых людях и людях с инвалидностью у студентов по фотографии. Студенты – это наиболее прогрессивная часть общества, его образовательный и интеллектуальный потенциал, оперативно и быстро отражающий происходящие в нем изменения; своеобразный показатель имеющихся в обществе настроений, тенденций, проблем. Проблема отношения общества к людям с инвалидностью и ОВЗ на данный момент является актуальной и важной, так как призвана

изменить их положение в обществе и создать благоприятные социально-психологические условия для их реализации.

В эксперименте приняло участие 68 студентов Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (28 девушек и 40 юношей в возрасте от 19-22 лет). Исследование проходило следующим образом. Студентам предлагалось рассмотреть четыре фотографии и при помощи теста коммуникативно-характерологических особенностей личности В.В. Козлова оценить, насколько представленные на бланке качества личности выражены у каждого человека на данных фотографиях. Оценка проходила по пятибалльной системе: от 5 – черта проявляется постоянно и является характерной и ярко выраженной до 1 – черта не проявляется.

Каждого человека на фотографиях необходимо было оценить по 27 личностным особенностям. В методике данные черты характера сгруппированы следующим образом: черты, выражающие направленность личности, интеллектуальные черты характера, волевые черты характера, эмоциональные черты характера, черты характера, выражающие отношение к другим людям, черты характера, выражающие отношение к самому себе.

На первой фотографии была изображена слепая девушка; на второй фотографии – здоровый молодой человек; на третьей фотографии – инвалид-колясочник; на четвертой фотографии – здоровая девушка. Фотографии были подобраны таким образом, чтобы молодые люди, запечатленные на них, имели похожее выражение лица, позу и жесты. В целом они все были доброжелательны, опрятно одеты, смотрели прямо в объектив (кроме незрячей девушки).

Далее были подсчитаны средние значения по каждому качеству и получены обобщенные профили по каждой фотографии отдельно по выборке юношей и девушек. Затем фотографии здоровых людей и людей с инвалидностью были объединены в две группы и при помощи t-критерия Стьюдента выяснилось, что ответы юношей и девушек имеют различия на достоверном уровне как при оценивании портретов здоровых людей ($t_{Эмп}$ = 3,3; p=0,01), так и при оценки людей с инвалидностью ($t_{Эмп}$ = 3,3; p=0,01). В связи с этим анализ результатов проходил отдельно по выборке юношей и девушек.

Таблица средних оценок к фотографиям с изображениями инвалидов

Особенность личности	Средняя оценка юношей		Средняя оценка девушек	
	Люди с инвалидностью	Здоровые люди	Люди с инвалидностью	Здоровые люди
А. Черты характера, выражающие направленность личности				

1.Принципиальность	3,0	3,1	3,3	3,0
2.Правдивость	3,2	3,3	3,2	3,5
3.Общественная направленность	3,1	3,3	2,5	3,3
4.Корыстолюбие	2,5	2,4	2,4	2,3
5.Скромность	3,3	3,1	3,0	3,0
6.Отзывчивость	3,2	3,4	3,1	3,6
Средняя оценка по блоку А	3,05	3,1	2,9	3,1
Б. Интеллектуальные черты характера				
7.Наблюдательность	3,0	3,3	3,0	3,3
8.Работоспособность	3,2	3,3	3,3	3,5
9. Любознательность	3,2	3,3	3,1	3,6
Средняя оценка по блоку Б	3,13	3,3	3,13	3,46
В. Волевые черты характера				
10. Уверенность в своих силах	3,4	3,3	3,5	3,7
11.Дисциплинированность	3,4	3,4	3,0	3,8
12. Инициативность	2,9	3,2	3,3	3,3
13. Самостоятельность	3,2	3,3	3,2	3,5
14. Внушаемость	2,7	2,7	3,7	3,3
15. Смелость	3,3	3,4	4,0	3,6
16. Настойчивость	3,1	3,2	4,0	4,0
17. Активность	3,3	3,5	4,0	4,0
Средняя оценка по блоку В	3,12	3,25	3,6	3,65
Г. Эмоциональные черты характера				
18. Веселость	2,9	3,4	4,0	4,4
19. Бодрость	3,1	3,4	3,4	3,8
20. Раздражительность	2,8	2,5	3,7	3,2
Средняя оценка по блоку Г	2,9	3,1	3,7	3,8
Д. Черты характера, выражающие отношение к другим людям				
21. Коллективизм	2,8	2,9	2,5	3,4
22. Общительность	3,0	3,6	3,5	3,8
23. Бестактность	2,2	2,2	3,0	2,7
24. Чуткость	2,8	3,0	4,0	3,7
25. Замкнутость	2,9	2,5	3,1	2,9
Средняя оценка по блоку Д	2,74	2,8	3,22	3,3
Е. Черты характера, выражающие отношение к самому себе				
26. Требовательность к себе	2,8	2,8	4,0	3,9
27. Самокритичность	2,9	2,9	3,3	3,3
Средняя оценка по блоку Е	2,85	2,85	3,65	3,6

Полученный анализ показывает, что девушки более эмоциональны в оценках и видят больше отличий в характере здоровых людей и людей с инвалидностью.

Также можно говорить о том, что в целом студенты здоровым людям приписывают более выраженные личностные качества, что говорит о том, что восприятие людей с инвалидностью в обществе – это актуальная, требующая решения проблема.

Особенности психотерапевтического взаимодействия с клиентом, живущим в инокультурной среде

Знаменский В.В., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Данная работа посвящена исследованию психотерапевтического взаимодействия с клиентами, живущими в инокультурной среде. Под психотерапией в нашем исследовании понимается немедицинская психотерапия, в рамках которой происходит решение психологических проблем человека с опорой на его собственные ресурсы в специально созданных условиях общения, пространства и отношений. Мигранты, особенно вынужденно уехавшие, – непростые клиенты в психотерапии. Это, в частности, связано с комплексностью их психологических проблем, обусловленных тяжёлым травматическим опытом, проработка которого осложнена необходимостью адаптироваться в инокультурной среде, что само по себе часто приводит к травмам. Проблемы стимулируют мигрантов обращаться за психологической помощью, но, вместе с тем, те же проблемы зачастую препятствуют обращению к психологу. Связи с большим увеличением числа мигрантов, а также вынужденных мигрантов, вопрос конструктивного психотерапевтического взаимодействия встаёт особенно остро в последнее время. В мире нет ни одной крупной страны без мигрантов. Проблема миграции приобретает невиданные ранее масштабы. В современном мире по разным причинам миграции достигли небывалых до сих пор размеров, к примеру, по данным ООН в 2017 году число мигрантов достигло отметки в 258 миллионов человек. Тогда как в 2000 году число мигрантов составляло 173 миллиона [1].

Первостепенной экзистенциальной задачей мигранта становится развитие культурной идентичности, в первую очередь этнической. Поэтому при миграции, когда контакты с людьми незнакомой этнической принадлежности становятся неизбежными, а включение в

чужую культуру – жизненной необходимостью, у человека происходят определённые изменения в структуре идентичности, к которым он чаще всего не готов. Человек с нарушенной этнической идентичностью теряет способность приспосабливаться к меняющейся социальной среде и утрачивает контакт с глубинными аспектами собственной психики – коллективным бессознательным. Этнос выполняет функции ориентации в мире, определяет общие жизненные ценности и ответственен за сохранение позитивного самоощущение человека, являясь более надёжной «группой поддержки», чем любое другое социальное объединение. Среди беженцев отмечена повышенная психическая заболеваемость, склонность к суициду. Особый аспект нарушения этнической идентичности у вынужденных мигрантов – развивающаяся у них невротическая этнофобия, связанная со снижением фрустрационной толерантности, трудностями в общении, неадекватностью и иррациональностью поведения в этноконтактных ситуациях, астенической и депрессивной симптоматикой: «...В условиях продолжительной психотравматической ситуации невротики-этнофобы пополняют ряды националов» [2, с. 354]. Американская психологическая ассоциация настаивает на использовании и развитии культурной компетентности в работе с иммигрантами. Культурная компетентность должна быть неотъемлемым принципом в работе психотерапевтом. В культурно компетентной психологической и психиатрической помощи предоставляемые услуги «приемлемы, привлекательны и эффективны для мультикультурного населения» [3, с. 12]. Психотерапевтам следует оценить способность используемых ими программ предоставлять услуги теми способами, которые являются приемлемыми и эффективными для мультикультурным населения. Культурная компетентность включает в себя три широких аспекта:

- культурные знания терапевта;
- отношение и убеждения терапевтов по отношению к клиентам из разных культур;
- навык терапевтов применять культурно -соответствующие вмешательства в психотерапевтическом взаимодействии.

Дальнейшее развитие психотерапии в миграционном контексте должно корениться в убеждении, что все люди имеют право на справедливое лечение, справедливое распределение общественных ресурсов и долю в принятии решений. Психотерапевты могут поспособствовать улучшению общества для всех, бросая вызов систематическим неравенствам. Чтобы успешно следовать принципу социальной справедливости, терапевты должны использовать экологическую основу для интерпретации всех факторов, влияющих

на состояние психического здоровья иммигрантов. Терапевтические вмешательства должны быть разработаны таким образом, чтобы помочь людям предпринять шаги для изменения себя и изменения условия, чтобы способствовать проблемам, с которыми они сталкиваются [4, с. 9].

План нашего исследования включает в себя качественную обработку 10 интервью с психотерапевтами, работающими или работавших с клиентами, которые по тем или иным причинам переехали за рубеж. Мы ожидаем, что во всех интервью будут сходства в описании проблем клиентов, их копинг-стратегий и инсайтов, которые помогли преодолеть проблемы. Также мы ожидаем, что особенности взаимодействия в рамках психотерапии с клиентами из инокультурной среды качественно отличается от взаимодействия с клиентами из той же культурной среды. Помимо прочего, мы предполагаем, что после заверешения процесса адаптации, клиенты, несмотря на наличие других запросов, заканчивают психотерапевтический процесс.

Литература

1. *Рабер А.* Миграция. ООН. URL: un.org/ru/sections/issues-depth/migration
2. *Milton M. Gordon.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
3. *Moghaddam F.M.* Individualistic and collective integration strategies among Iranians in Canada// International Journal of Psychology, North Holland -1987. – 22.
4. *Sánchez J.I., Fernández, D. M.* Acculturative stress among Hispanics: A bidimensional model of ethnic identification // Journal of Applied Social Psychology, - 1993. -23(8).

Взаимосвязь осознанности (Mindfulness) подростков и характеристик социального климата в школьном классе

Зотова Л.Э., Сидячева Н.В.

ФГБОУ ВО МГОУ, Москва, Россия

zolar@yandex.ru, sidna@bk.ru

Роль группы сверстников в подростковом возрасте необычайна высока, а психологическое воздействие ее на личность школьника трудно переоценить. В своих работах Hamre, Pianta, Weigand, Burton,

Wang, Haertel, Walber и др. указывали на роль сверстников в психологическом благополучии детей и подростков [2; 6]. В отечественной психологии исследования в данной области представлены А.В. Петровским, М.Е. Сачковой и др. Исследования Suchert, Hanewinkel, Isensee, Twengeetal, Campbell, Carter и др. показывают, что психические проблемы детей и подростков связаны с проблемами общения с учителями и одноклассниками, а также с социальным климатом в школьном классе.

Под социальным климатом понимается многоуровневая структура, которая включает в себя несколько измерений: образование подгрупп, готовность к помощи, агрессия, дискриминация, чувство удовлетворения взаимодействием с одноклассниками. Социальный климат фокусируется на отношениях учитель – ученик, ученик – ученик и на характеристиках процесса обучения. Эти три измерения трудно рассматривать отдельно друг от друга, они находятся во взаимовлиянии (Eder, Von Saldern, В.В. Бойко, А.Г. Ковалева и В.Н. Панферова, Б.Д. Парыгин, В.А.Покровский, В.М. Шепель и др.).

В психологической науке описывается связь между персональными характеристиками и социальным климатом (Pekrun, Gruehn и др.). В этом ключе представляется полезным выделить личностные характеристик подростков, которые имеют связь с изучаемым средовым фактором. К ним можно отнести мотивацию к достижениям и школьной успешности, эмоциональное благополучие (Niederkofler, Herrmann, Seiler, Gerlac, А.И. Лутошкин, А.Л. Русаличева, Р.Х. Шакуров и др.), самооценку (Bracke), саморегуляцию, эмпатию, осознанность (Steinebach, Langer, Schulte, Zotova) [5; 6].

Особое значение придается феномену осознанности. Осознанность является многомерным конструктом, включающим в себя способность концентрироваться на предмете (явлении) в один момент времени; отказ от автоматических действий, умение направлять луч внимания на свое внутреннее «Я», принимать свои мысли и чувства без осуждения, такими, как они есть и бережно, без осуждения к ним относится; не реагировать сразу на свои мысли и чувства, а уметь их созерцать, тем самым отсрочивая поведенческую реакцию. Осознанность – это фокус сознания, направленный внутрь и вовне. Это сигнал «стоп» в быстро пролетающем существовании, когда человек не чувствует «вкуса» настоящего момента.

Проблема осознанности широко разрабатывалась в зарубежной психологии Brown, Bishop, Davidson, Kabat-Zinn, Langer, Lau, Ryan, Williams, Teasdale, Segal, Siegel, Smith, Steinebach и др. В отечественной психологической науке представлена работами А.М.

Голубева, Н.В. Гришиной, Е.А. Дорошевой, Л.Э. Зотовой, С.П. Ивановой, И.И. Кобзаревой, О.С. Прилепских, О.Д. Пуговкиной, Т.И. Шульги, Н.М. Юмартовой и др. [1; 6].

Осознанность в подростковом возрасте имеет свою специфику, заключающуюся в недостаточной сформированности ряда психологических структур, например, подростки еще не в полной мере могут различать нюансы своей внутренней жизни и не могут давать объективную оценку своим мыслям и чувствам. Не все подростки обладают развитыми лингвистическими навыками для описания своей внутренней жизни, поэтому экспертная оценка уровня развития этого качества может быть затруднена. Также стоит отметить находящуюся в процессе становления волевую регуляцию подростков, столь необходимую для процесса фокусировки на одном процессе или явлении.

Тем не менее, существующие методики для измерения уровня осознанности, адаптированные для детей и подростков демонстрируют, что школьники 13-15 лет адекватно понимают суть предложенных высказываний и могут дать отчет об актуальном уровне выраженности данного качества.

Мы базировались на взглядах Christoph Steinebach, Álvaro I. Langer, в основу которых легли следующие основания [5; 6].

1. Интеграция в группу отвечает потребности подростков в принадлежности.

2. Молодые люди любят выбирать своих друзей в группах в соответствии со сходством в поведении. Это может увеличивать риски развития, но может создавать новые возможности.

3. Подростки могут получать поддержку в группе. Группа помогает находить совместное решение проблем. Компетенции, полученные с помощью группового решения проблемы, соответствуют устойчивому положительному развитию.

В этом плане вопрос о соответствии осознанности и характеристик социального климата школьного класса является актуальным.

Целью нашего исследования явилось выявление взаимосвязи осознанности и характеристик социального климата класса.

В исследовании приняли участие 411 подростков 13-15 лет школ Москвы и Московской области.

В исследовании были использованы метод тестирования и метод статистической обработки данных (корреляционный анализ), а также следующие методики.

1. Шкала осознанности для детей и подростков (Child and Adolescent Mindfulness Measure), авторы L.A. Greco, R.A. Baer, G.T. Smith, адаптированная для российской выборки Зотовой Л.Э.,

Губановым А.В., Сидячевой Н.В.). Шкала позволяет выявить уровень осознанности подростка. Вопросы направлены на выявление способности концентрироваться на внешних и внутренних стимулах.

2. Методика для измерения социального климата в классе (Social climate in classrooms, LASSO 4-13 scales), авторы Von Saldern & Littig, 1987. Были взяты во внимание только две шкалы: готовность к помощи и агрессия в классе [3; 4].

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи осознанности с характеристиками социального климата в классе. Выявлена положительная корреляция осознанности с готовностью подростков к помощи (r=0,16; p=0,01) и отрицательная корреляционная связь с агрессивным климатом в классе (r=-0,23; p=0,01). В тех классах, в которых выявлен высокий уровень готовности школьников к помощи, проявляется взаимовыручка и поддержка в трудных учебных ситуациях, в которых принято утешать и вдохновлять одноклассников, испытывающих трудности - проявляется более высокий уровень осознанности подростков.

В классах с негативным социальным климатом, характеризующимся провоцированием школьниками проблем, драками и другими агрессивными проявлениями, уровень осознанности подростков ниже.

Таким образом, выявлена взаимосвязь осознанности подростков с социальным климатом в классе. Позитивный социальный климат связан с высоким уровнем осознанности, а негативный – с низким уровнем осознанности подростков.

Литература

1. *Шульга Т.И., Зотова Л.Э.* Осознанность как особое качество современной молодежи // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В.Петровского (15-16 октября 2019 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ. С. 204-208.
2. *Niederkofler B., Herrmann C., Seiler S., Gerlac E.* What influences motivation in Physical Education? A multilevel approach for identifying climate determinants of achievement motivation. Psychological Test and Assessment Modeling, Volume 57, 2015 (1), 70-93.
3. *Von Saldern, M., & Littig, K.E.* (1987). Landauer Skalen zum Sozialklima [The Landau Social Climate Scales]. Weinheim: Beltz.

4. *Von Saldern, M.* (1987). Sozialklima von Schulklassen [Social climate in classrooms]. Frankfurt: Lang.
5. *Steinebach Ch., Langer A., Schulte V., Zotova L.* Mindful peers: mindfulness-based and peer-related interventions in positive environments. в книге: xvi european congress of psychology 2019. с. 417.
6. Enhancing Resilience in Youth. Steinebach C., Langer Á.I.: Editors, Springer Nature Switzerland AG 2019.

Технология биндунг-терапии в межличностных отношениях

Ильиных Ю.В.
ФГБОУ ВО РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Москва, Россия
yulechka335@mail.ru

Проблема формирования и сохранения устойчивых позитивных отношений в любом возрасте, особенно в детском, находится в центре внимания теории привязанности. Подход Карла Бриша, основанный на установлении особого эмоционально-защищенного психологического пространства, называется биндунг-терапией [1, с. 124]. Он вполне гармонично входит в систему изучения таких базовых потребностей человека, как потребность в снижении напряжения, самосохранении и безопасности [3, с. 136]. Именно благодаря созданию устойчивых отношений привязанности в окружении ребенка или взрослого достигается субъективное состояние благополучия, а также согласованность механизмов интроекции и проекции.

Среди важнейших условий биндунг-терапии выделяется ограничение влияний внешней среды и стабилизация внутреннего пространства. Первое условие позволяет редуцировать внешние стрессовые факторы, которые непосредственно создают у человека состояния тревоги, страха и беспомощности. Что касается второго условия, то здесь необходимо последовательно создавать у человека чувство эмоциональной защищенности и стабильности. Биндунг-терапия включает в себя несколько основных элементов. Главным приемом является установление особого межличностного пространства психологической защищенности и безопасности. Наличие враждебности в любых межличностных отношениях, особенно тех, которые связаны с феноменами власти и подчинения (детско-родительские или профессиональные субординационные), становится фактором психологической травматизации, появления

различных поведенческих компенсаторных механизмов. Многие современные исследователи [2, с. 289] приходят к выводу об онтологическом характере воздействия социальных условий на ребенка или взрослого. Чувство глобальной тревожности возникает тогда, когда в межличностных отношениях присутствует холодность и враждебность. Противоположность этой ситуации представляет собой защищенное терапевтическое пространство отношений привязанности, для установления которой необходима взаимная чуткость. В таких условиях возникает возможность еще одного элемента биндунг-терапии – эксплорации. По мере того, как человек ощущает себя уверенным и искренним в эмоционально стабильных и безопасных межличностных отношениях, растет спонтанность и самоутверждение. Способность раскрытия и осознания внутренних конфликтов, обсуждения их с другими является показателем зрелости в отношениях привязанности. Такая эмоционально-позитивная готовность к эксплорации позволяет аккуратно проработать прошлый травматический опыт расставаний и утрат. Стабильные отношения, в которых присутствует поддержка и участие, развивают привязанность и запускают процессы восстановления через механизм проекции страхов, разочарований, а также чрезмерных и постоянных стрессов. Непроработанные аффекты, которые часто являются причиной расщепления (диссоцации), заново переживаются благодаря переносу привязанности. Развитие надежных терапевтических отношений становится реальным жизненным обстоятельством для создания особого нарратива, обеспечивающего предсказуемость и последовательность со стороны окружающих. На место отрицания и обесценивания травматического опыта приходит интеграция и принятие индивидуальной траектории развития. Кроме того, наличие элементов биндунг-терапии в одних межличностных отношениях создает устойчивые предпосылки выстраивания конструктивных взаимодействий в других, проявляя эффект фасилитации. Здесь возникает решение вопроса о преемственности как оптимальном сочетании психологических тезаурусов жизненных сфер, их сопряжения и десинхроизации. Основной проблемой при этом является координация нормативно-деятельностной и ценностно-смысловой стороны социальных взаимодействий. Эта двуипостасная природа межличностных отношений воплощена во всех экзистенциально-личностных переживаниях. Становление личностного способа жизнедеятельности осуществляется исключительно в условиях подлинно развивающего, антропологического общения. Универсальная задача становления самоценности как способности отстоять свое внутренне и внешнее

существование решается только во взаимодействии со значимым другим, конструирующим эталоны деятельностных систем (родителем, учителем, любым другим человеком, наделенным властью). Именно этот другой, обладающий характеристиками эксперта, ответственного за проектирование и выстраивание биндунг-терапевтических отношений, создает условия для выращивания жизнеспособного человека на всех этапах его возрастного развития.

Таким образом, отношения привязанности онтологически связаны со всеми аспектами жизнедеятельности ребенка и взрослого. Чем больше биндунг-терапевтических элементов будет содержатся в семейной, образовательной, профессиональной сфере межличностных отношений, тем полноценнее человек будет участвовать в общественной жизни, познавать мир и профессионально развиваться.

Литература

1. *Бриш К.* Терапия нарушений привязанности: От теории к практике. – М.: Из-во Когито-Центр, 2014.
2. *Молокоев А.В., Слободчиков И.М., Франц С.В.* Психологическая безопасность личности. Основы комплексного анализа. – М.: Изд-во Левъ, 2018.
3. Проблемы психологической безопасности / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Обзор специфики материнских практик в современном социуме

Ильющеня О.А.
БГПУ, Минск, Беларусь
illiusana07@gmail.com

В условиях активной социальной динамики, обусловленной развитием информационных технологий, новыми требованиями в сфере труда, семья как социальная система, родительство как социально-психологический феномен, материнство как частный агент родительской роли и функции – вынуждены к интенсивным изменениям.

Такая ситуация интенсивно преобразует практики, применяемые современными матерями, в воспитании детей и привлекает междисциплинарный научный интерес со стороны социологии,

культурологии, психологии и других наук к явлению материнства и детства в меняющемся мире.

Трансформация материнских практик находит свое отражение в трудах как зарубежных, так и отечественных исследователей. Под «практикой» в материнстве, ими понимается набор ежедневных рутинных действий, осуществляемых в контексте воспитания ребенка [3].

Широкое распространение получила практика «интенсивного материнства», корни которой лежат в системе воспитания стран Южной Азии. Большую популярность она приобрела в американском обществе (вертолетное родительство) и становится общеупотребимой в странах СНГ. «Интенсивное материнство» представлено следующими характеристиками: детоцентрированность, эмоциональная включенность, ориентация на экспертное мнение в области воспитания и развития детей, следование трендам раннего обучения ребенка, гиперконтроль, чрезмерная забота, завышенные ожидания со стороны матери, низкий уровень автономии ребенка и высокие вложения капитала семьи в конструирование его будущего. Необходимыми рутинами выступают постоянный контроль и активное сопровождение образовательного процесса с младенческого возраста и до поступления на работу. Исследователи полагают, что, выбирая такой путь, матери подвержены большему количеству стрессоров и, как следствие, эмоциональному выгоранию, однако часто следуют ему под давлением «доминирующей в современном обществе социальной нормы, требующей глубокого вовлечения родителей в детскую жизнь» [4, с. 180; 3]. Последовательницами такого стиля материнского поведения оказываются как работающие матери, так и женщины, оставившие свой профессиональный путь, конвертируя весь личностный потенциал в ребенка. Российский социолог О.Г. Исупова, описывая историю возникновения данного явления, отсылает нас ко времени и идеям Ж.Ж. Руссо, при этом указывая, что в контексте современного материнства оно впервые было описано в книге Ш. Хейс «Культурные противоречия материнства» [5].

Как радикальное проявление практики «интенсивного материнства», определяется некоторыми исследователями модель «естественного родительства» [1; 5], однако существует и иное мнением [4]. Отличительными чертами «естественного материнства» наряду с биологически детерминированной, исключительной ролью матери, являются предельная эмоциональная включенность, создание тесной эмоциональной связи с ребенком посредством длительного грудного вскармливания по требованию, совместный сон, ношение в

слинге. Вторичными, выборочно реализуемыми, практиками такого типа материнского поведения А. Авдеева называет домашние роды и приверженность альтернативной медицине [1]. В 80–х годах XX века «естественное материнство» получило широкую популярность в западных странах, на территории СНГ в 90-х и 2000-х.

Некоторой альтернативой «интенсивному материнству» можно назвать «достаточно хорошее материнство». Термин «достаточно хорошая мать» принадлежит британскому психиатру и педиатру Данальду Винникотту. Специфика данного материнского поведения состоит в адекватном соответствии требованиям благополучного развития психики ребенка в каждый период ее становления. Она находит свою реализацию в возможностях матери как дать опыт здорового слияния в младенчестве, так и в адекватной поддержке сепарационных процессов в диаде мать-ребенок. Такие женщины не склонны к завышенным ожиданиям по отношению к себе и ребенку, принимают возможность ошибок в процессе реализации материнской практики, и по мере взросления ребенка возвращаются к реализации своего жизненного плана [2].

Таким образом, специфика современных материнских практик обусловлена следующими основными характеристиками: ориентация на потребности ребенка, эмоциональная включенность, контроль, высокая степень ответственности за ребенка и его будущее. Необходимость их дальнейшего и более глубоко изучения, актуальна для целостного понимания процессов трансформации феномена материнства как социально-психологического явления.

Литература

1. *Авдеева А.В.* «Если мы сломаем ногу, мы пойдем в травму, конечно»: особенности взаимодействия российских последовательниц естественного родительства с официальной медициной // Антропологический форум. 2018. №37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esli-my-slomaem-nogu-my-poydem-v-travmu-konechno-osobennosti-vzaimodeystviya-rossiyskih-posledovatelnits-estestvennogo-roditelstva-s (дата обращения: 12.04.2020).
2. *Винникот Д.* «Маленькие дети и их матери». М., 1998.
3. *Годованная М., Темкина А.* Мать - ты навечно, но и художница - всегда": творчество в условиях интенсивно расширенного материнства // Laboratorium. 2017. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mat-ty-navechno-no-i-

hudozhnitsa-vsegda-tvorchestvo-v-usloviyah-intensivno-rasshirennogo-materinstva (дата обращения: 13.04.2020).
4. *Исупова О.Г.* Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. 2018.№3.
5. *Исупова О.Г.* Кому нужен мой ребенок. Рец. на кн.: Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017 // Мониторинг. 2019. №6 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komu-nuzhen-moy-rebenok-rets-na-kn-shadrina-a-dorogie-deti-sokraschenie-rozhdaemosti-i-rost-tseny-materinstva-v-xxi-veke-m-novoe-literaturnoe (дата обращения: 13.04.2020).

Влияние информационных технологий на эффективность учебной деятельности современных школьников

Кадурина Ю.А., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Kadurina_Julia.1997@mail.ru, kharchenkma@mgppu.ru

Последние годы характеризуются сильным влиянием информационных технологий на эффективность учебной деятельности. Возможности информационных технологий для человека становятся практически безграничными, способствуют эффективному решению политических, экономических, а также многих других проблем. Наибольшую актуальность получил вопрос о влиянии современных информационных технологий на эффективность учебной деятельности современных школьников.

На сегодняшний день внедрение новых технологий в обучение стало не просто потребностью, а объективной необходимостью. Применение информационных технологий в процессе обучения в общеобразовательной организации дает возможность активизировать познавательную и мыслительную деятельность учащихся [3]. Благодаря информационным технологиям появляется возможность перевести формы и методы учебной работы на современный лад, овладеть умением ориентироваться в информационных потоках, в среде мультимедиа.

На наш взгляд, новые грани применения информационных технологий в школе инициировало появление интернета. Трудно переоценить значение интернета как источника разнообразной

информации, способного заметно повысить уровень преподавания практически каждого школьного предмета. Как новое мощное средство коммуникации, интернет позволяет наладить эффективное оперативное взаимодействие между органами управления образованием и школами, между школой и родителями (вовлечение родителей в жизнь школы), взаимодействие школ между собой и с широким кругом культурно-образовательных центров [5]. Интернет образует связи с другими странами, что позволяет делиться методиками, способами обучения детей. Без информационных технологий современное образование трудно себе представить. В быстро меняющемся мире образовательная сфера, рамках информационных образовательных технологий, предполагает выделение таких базовых процессов, как передача, обработка, организация хранения и накопления данных, формализация и автоматизация знаний. Образовательная организация все чаще следует новым информационным технологиям, таким как: компьютерные обучающие программы, включающие в себя электронные учебники, тренажеры, лабораторные практикумы, тестовые системы; обучающие системы на базе мультимедиа-технологий, построенные с использованием персональных компьютеров, видеотехники; средства телекоммуникации, включающие в себя электронную почту, телеконференции; электронные библиотеки, распределенные и централизованные издательские системы [1].

С точки зрения потребностей современного общества, ребенок, не владеющий информационными технологиями, не познакомившийся с технологиями интернета в школе, будет неизбежно отброшен на периферию информационного общества. Необъятное информационное пространство сети рождает ощущение безграничности и непознаваемости окружающего мира. Но именно механизмы самой же сети дают реальную возможность познать и освоить этот мир. Благодаря информационным технологиям, обучающиеся смогут в дальнейшей своей жизни уверенно чувствовать себя в современных информационных потоках, а именно: осмысливать и правильно использовать информацию, расширять знания о формах письменного творчества, взаимодействовать в интернет-проектах и т.д. Необходимо принять во внимание, что использование рационально составленных компьютерных обучающих программ позволяет индивидуализировать процесс обучения, стимулировать познавательную активность и самостоятельность обучающихся, развивать творческий потенциал, проектировать собственную деятельность, проявлять интерес к пополнению недостающих знаний из готовых источников [2].

Информационные образовательные технологии, на наш взгляд, действительно являются эффективными, способствуют реализации известных дидактических принципов организации учебного процесса, отличаясь высокой степенью интерактивности, информационные образовательные технологии способствуют созданию эффективной учебно-познавательной среды. При использовании информационных образовательных технологий на занятиях повышается мотивация учения и стимулируется познавательный интерес учащихся, возрастает эффективность самостоятельной работы [4]. Компьютер вместе с информационными технологиями открывает принципиально новые возможности в области образования, в учебной деятельности и творчестве учащегося.

Литература

1. *Ананишнев В.М.* Информационные технологии в системе управления образованием // Системная психология и социология. 2015. № 1 (13). С. 94-103.
2. *Андреева Т.А.* Модернизация системы образования в России // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2017. № 1-2. С. 438-444.
3. *Илларионов С.В., Илларионова Л.П.* Плюсы и минусы обучения с применением дистанционных образовательных технологий. – ЦИТИСЭ: электронный научных журнал. 2015. № 2. С. 27.
4. *Соколова Е.В.* Модернизация российской системы образования в современных условиях развития общества // Дельта науки. 2020. № 1. С. 82-84.
5. *Чернов К.С., Косенко Е.А., Ермолаева В.В.* Влияние информационных технологий на образование и главная проблема современного образования в России. – Текст: электронный журнал // Молодой ученый. 2018. № 22. С. 358-359.
6. *Шаповалова Е.И.* Реформирование образования: инновационная составляющая // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 21. С. 63-66.

Взаимосвязь эмоционального благополучия с самооценкой младших школьников

Кадырмаева Р.Р., Павлова О.С.
ФГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия
kadmi-74@mail.ru, os_pavlova@mail.ru

Этап начального школьного обучения детей, его особенности, проблемы социально-психологических условий адаптации обучающихся были и будут всегда предметом изучения психологов, педагогов и социальных работников. В младшем школьном возрасте перед ребенком стоит задача освоения новой социальной роли обучающегося, у него появляются одноклассники и учителя, меняется социальное окружение. Вхождение ребенка в школьную жизнь требует от него довольно сложной психологической перестройки. Начало обучения в школе не всегда сопровождается позитивным восприятием детьми школьных правил и установок, норм культурно-социального поведения. Возникающие сложности, связанные с учебным процессом, качеством взаимодействия с учителями и одноклассниками, эмоциональным напряжением могут способствовать формированию у младших школьников трудностей в эмоционально-личностной сфере, в частности в особенностях самооценки и эмоционального благополучия в учебной деятельности. В связи с этим актуальными являются вопросы формирования у младших школьников адекватной самооценки и положительного эмоционального опыта в учебной деятельности. Это будет способствовать сохранению психологического здоровья и эмоциональному благополучию, когда ребенок учится с радостью, у него выраженная внутренняя мотивация учения, высокие учебные результаты, благоприятное психоэмоциональное состояние, сформированная познавательная и физическая активность, успешная социализация.

В работах Л.И. Божович, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, Н.Г. Лускановой, М.В. Матюхиной, Д.Б. Эльконина подчеркивается необходимость положительного эмоционального фона в состоянии ребенка в процессе обучения в школе [3]. Вопросы изучения самооценки детей отражены в работах таких психологов, как Р. Бернс, Л.В. Бороздина, В.В. Добрякова, И.С. Кон, И.М. Меркурьева, Э. Эриксон и др.

Проблемы эмоционального благополучия изучали М. Аргайл, А. Маслоу, С.Л. Рубинштейн, П.М. Якобсон, Б.И. Додонов, А.Н. Леонтьев, Я. Рейковский, К. Изард. Согласно М. Аргайлу и Р. Бернсу, эмоциональное благополучие связано с социальными и

психологическими факторами, то есть наличием стабильного и успешного положения в обществе, социальным довольством и удовлетворенностью, полным и положительным психоэмоциональным состоянием личности [1; 2]. А. Маслоу считал, что психологическое и эмоциональное благополучие личности зависит от удовлетворенной потребности в безопасности, сопричастии, любви, уважении и признании [4].

Несмотря на многочисленные исследования компонентов личностного развития детей младшего школьного возраста в ходе учебной деятельности, вопросы взаимосвязи эмоционального благополучия и самооценки младших школьников в литературе недостаточно раскрыты. Проблема нашего исследования состоит в имеющемся противоречии между необходимостью изучения того, как младшие школьники чувствуют себя в учебном процессе, что, безусловно, оказывает значительное влияние на успешность обучения, и малой степенью разработанности методических аспектов повышения самооценки и степени эмоционального благополучия ребенка в ситуации учебной деятельности.

С целью выявления связи эмоционального благополучия и самооценки младших школьников было проведено исследование, объектом которого выступало эмоциональное благополучие младших школьников, а предметом – связь эмоционального благополучия и самооценки младших школьников.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- проанализировать психолого-педагогическую литературу по проблеме взаимосвязи эмоционального благополучия и самооценки младших школьников;
- организовать и провести психодиагностическое исследование по определению характеристик эмоционального благополучия и уровня самооценки детей младшего школьного возраста;
- выявить и охарактеризовать специфику взаимосвязи эмоционального благополучия и самооценки младших школьников.

В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположение, что существуют особенности взаимосвязи эмоционального благополучия и самооценки младших школьников.

Методами нашего исследования стали:

- теоретические (анализ литературных источников, обобщение, систематизация);
- эмпирические (наблюдение, тестирование, количественный и качественный анализ данных).

Новизна реализуемого исследования состоит в получении новых эмпирических данных относительно взаимосвязи характеристик эмоционального благополучия и самооценки обучающихся младшего школьного возраста, а также в разработке рекомендаций для педагогов начальных классов по развитию позитивной эмоционально-личностной сферы детей в процессе обучения. Теоретическая его значимость заключается в систематизации и конкретизации имеющихся в психологии и педагогике представлений о взаимосвязи эмоционального благополучия и самооценки детей младшего школьного возраста. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в педагогической работе с детьми младшего школьного возраста с целью формирования адекватной самооценки и степени эмоционального благополучия ребенка в ситуации учебной деятельности, а также в консультировании родителей по вопросам поддержки ребенка в школьном обучении.

Таким образом, эмоциональное благополучие – это эмоциональное состояние личности, которое обусловлено состоянием ее здоровья и выражает позитивное отношение ребенка к себе самому и к окружающему его миру, состояние безболезненной адаптации к жизненным обстоятельствам, не ощущая при этом какого-либо особенного дискомфорта, страха или тревожности. Ребенок чувствует себя счастливым, когда ощущает принятость, успешность в обучении, наличие социальных контактов, отсутствие ограничений в приобретении и потреблении, т.е. он хорошо адаптирован. Положительная оценка и адекватная самооценка, доброжелательное и отзывчивое отношение педагога на начальной ступени образования, благожелательный климат в коллективе сверстников обучающегося, безусловно, формируют позитивные чувства, как основу эмоционального благополучия ребенка.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 270 с.
2. *Бернс Р.* Развитие Я - концепции и воспитание. М.: Прогресс, 2016. 420 с.
3. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. М.: Директ-Медиа, 2014. 612 с.
4. *Маслоу А. Психология* бытия. Пер. с англ. О.О. Чистякова. М.: АСТ, 2015. 138 с.

Социальные ориентиры современного общества на формирование «нового» человека

Казанцева Д.Б.
ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия
dinasens@mail.ru

В стремительно меняющемся современном мире происходит формирование нового человека. Осуществляется это в результате трансформации личности, заключающейся в смене ее социального опыта, регулирующего социальное поведение. Социальная установка нового человека развивается в процессе интериоризации личностью новых потребительских ценностей в ходе образования и самообразования, а также в ходе социально-культурной деятельности через её компоненты: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Происходит это с одновременным уходом в прошлое интериоризации личностью ценностной основы российской идентичности, передачи культурного кода преемственности поколений и условий их формирования.

Когнитивное, эмоциональное и поведенческое самоотождествление индивида с нормами и ценностями новой социокультурной среды формируют человека-потребителя, у которого нарушен морально-нравственный порядок и межпоколенческая преемственность традиционных духовно-нравственных ценностей, характерных для народа России. Мораль современного общества уже не соответствует общечеловеческим духовно-нравственным принципам, адекватным многовековому опыту России до рубежа XX в. Средства массовой информации внедряют в человека информацию, содержащую токсичные ценности: потребительство, насилие, разврат, извращения, праздность и т. п.

Большинство исследователей, например, Е.В. Антонова, Д.Ю. Вагин, Л.М. Дробижева, Г.И. Зверева, А.К. Соколов, М.К. Горшков, Ю.Г. Волков, Е.К. Климова, А.Н. Махинин, Н.Н. Моисеев, Т.Е. Чернышева и мн. др., характеризуя Россию XX и XXI вв., отмечают трансформацию личности, ухудшение ее человеческих качеств, разрушение ценностей и идеалов как личности, так и общества, замещение их потребительскими, потерю обществом социальных ориентиров, пробуждение низменных инстинктов [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Теоретико-методологическая база аспектов формирования нового человека рассматривается через культурно-исторический, деятельностный и гуманистический подходы, концепцию социального действия и теорию социальной установки.

Новый образ человека-потребителя, навязанный российскому обществу с 90-х гг., и новое потребительское общество XX столетия привели Россию на пиковую точку кризиса (точку бифуркации), где обострились все противоречия, и с которой возможно лишь два пути развития: дальнейший регресс и гибель или развитие и прогресс. Ю.Г. Волков отмечал, что граждане России не видят свое будущее в качестве «рыночной» нации [2, с. 89]. Однако, по неутешительным данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 2005–2015 гг., лишь 20% населения Российской Федерации в 2005 году, и 26% населения в 2015 году идентифицирует себя с гражданами страны [3, с. 7–22].

Подобные процессы разрушают не только психологический склад личности, но и привлекательность образа государства, разрушение его базовых ориентиров и основ. При этом развитие российского общества и его успешное функционирование невозможно без изменения социальной установки и механизмов, и методов ее формирования на создание нового человека с ценностной основой российской идентичности, с её когнитивными, эмоциональными и поведенческими компонентами.

Литература

1. *Вагин Д.Ю.* Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия, 2016. – № 7 (70).
2. *Волков Ю.Г.* Образы будущего в формировании российской идентичности // Социально-гуманитарные знания, 2019. – № 1.
3. *Дробижева Л.М.* Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2017. – № 4.
4. *Зверева Г.И.* Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России. – Вестник общественного мнения, 2009. – № 1(99).
5. *Моисеев Н.Н.* Русская интеллигенция: начало и конец века // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. – М., 2000.
6. *Соколов А.К.* Конец советской истории // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. – М., 2000.

Определение концептуальных психолого-педагогических основ технологизации управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ

Казанцева Н.А.
МБУ ДО ДЮСШ №3, Новокузнецк, Россия
kzntsv-na@yandex.ru

Выделение концепции в качестве конструкта теоретизации и оптимизации возможностей организации психолого-педагогической и профессиональной деятельности определяется важным этапом в теоретизации успешности решения задач развития личности.

Определение концептуальных основ технологизации управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ будет осуществляться в контексте выделения педагогических основ управления качеством организации профессиональной деятельности [1-3], выбора и уточнения педагогичских условий реализация возможностей повышения качества профессиональной деятельности личности [2], теоретизации основ и уточнения возможностей разработки концепции [3] в решении задач повышения результативности описания продуктивного решения задач профессиональной деятельности личности [1-3].

Концептуальные основы технологизации управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ – это система положений и моделей, психологически обоснованное использование которых в деятельности руководителя обеспечивает качественное уточнение возможностей реализации идей управления в контексте выбора составляющих учебно-тренировочной работы в ДЮСШ.

Концептуальные основы технологизации управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ будут определяться в структуре разработки следующих составляющих научно-педагогической деятельности:

- определение и уточнение уровня качества постановки и решения задач развития личности в ДЮСШ на основе технологии и конструктов мониторинга;
- использование технологий педагогической поддержки, фасилитации и научного донорства в реализации условий повышения качества развития личности в избранном виде деятельности;
- использование метода и технологии педагогического моделирования в работе методистов, тренеров, педагогов-организаторов в ДЮСШ;

- позиционирование смыслов личности на развитии и уточнении целеполагания при теоретизации и технологизации управления качеством учебно-тренировочной работы в структуре организуемой деятельности в ДЮСШ;

- возрастосообразность, природосообразность и культуросообразность развития личности в избранном виде деятельности в ДЮСШ;

- учет индивидуальных различий в структуре выбора модели развития личности через спорт в ДЮСШ;

- учет основ педагогической методологии в уточнении и коррекции качества развития личности в ДЮСШ;

- использование психолого-педагогических технологий как способа оптимизации решений задач развития личности в ДЮСШ;

- мотивация личности к самопознанию, самосовершенствованию, самовыражению, сотрудничеству, продуктивному решению задач организуемой или мотивированно-включенной деятельности;

- системность изучения основ и противоречий развития личности в целостном выборе направленности и уровня достижений;

- разработка новых моделей управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ;

- разработка нового программного обеспечения развития личности в структуре управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ;

- уровневое стимулирование активности тренеров в реализации идей управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ;

- использование синергетических и математических моделей в объяснении результатов деятельности тренеров, педагогов-организаторов, методистов, руководительского состава ДЮСШ;

- разнообразие форм организуемой учебно-тренировочной работы в ДЮСШ как основы и способа оптимизации результатов управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ;

- повышение профессионального мастерства у тренеров, педагогов-организаторов, методистов, руководительского состава ДЮСШ;

- включенность личности в систему непрерывного образования и гарантированной поддержки личности в решении задач развития и самопрезентации.

Определение концептуальных основ технологизации управления качеством учебно-тренировочной работы в ДЮСШ позволит повысить эффективность профессионально-деятельностного решения задач развития и самоактуализации личности обучающихся.

Литература

1. *Козырева О.А.* Теоретизация управления качеством организации научно-исследовательской работы сотрудников и студентов училища олимпийского резерва // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. №4. С. 46-50.
2. *Логачева Н.В., Козырев Н.А., Козырева О.А.* Проектирование и реализация возможностей повышения качества самореализации и сотрудничества личности в спортивно-образовательной среде // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24. № 183. С. 91-101. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-183-91-101.
3. *Языкова О.В., Горюшкина О.С., Козырева О.А.* Концепция как конструкт и продукт инновационной педагогики // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2020. № 1 (24). Март. (http://ce.if-mstuca.ru)

Особенности эмоционального выгорания менеджеров по продажам

Калиничева Н.И., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Natali150896@mail.ru, elen-litvinova@ya.ru

Актуальность данной проблемы вызвана тем, что в современном информационном мире эмоциональное выгорание все чаще встречается в профессиональных сферах типа «человек – человек» и оказывает сильное влияние на психоэмоциональное состояние человека, его настроение и профессиональную деятельность.

Доказано, что выгорание – не вопрос слабости или плохого отношения людей к труду. Скорее это проблема социальной окружающей среды работника сферы «человек – человек», вызванная несоответствием между тем, что может дать работе человек, и тем, что работа требует от него. Чем больше это несоответствие, тем мощнее потенциал выгорания [3].

Особенно подвержены эмоциональному выгоранию люди, чья профессия связаны с непосредственной коммуникацией (в том числе к таким относятся и менеджеры по продажам). Вся деятельность менеджеров по продажам основана на продаже товаров или услуг посредством коммуникаций между ними клиентами, партнерами. Их

задача – заинтересовать своим товаром или услугой, быть замотивированными работать на результат, ведь от этого зависит их финансовый доход, быть целеустремленными, стрессоустойчивыми в общении с клиентами и т.д. Если менеджер видит, что его работа не приносит ему удовольствие и доход, угнетает продолжительное время, он становится раздражительным, неуверенным в себе, подверженным эмоциональному выгоранию в данной сфере [1; 2]. В связи с этим, мы решили провести психологическое исследование, чтобы выяснить, какие же особенности эмоционального выгорания у менеджеров по продажам.

Исследование проводилось в коммерческой организации, занимающаяся продажей спецодежды, спецобуви, средств индивидуальной защиты. В исследовании приняли участие 75 менеджеров по продажам – 40 мужчин в возрасте от 20 лет до 49 лет и 35 женщин в возрасте от 20 лет до 53 лет. Методиками в исследовании выступали «Опросник на определение уровня профессионального выгорания» (MBI) (К. Маслач и С. Джексон), в адаптации Н.Е. Водопьяновой; «Опросник диагностики типа психологической защиты или индивидуального жизненного стиля» (ИЖС) Плутчика-Келлермана-Конте в адаптации Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенщиковым; методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильмана).

В ходе исследования было обнаружено следующее.

1. У менеджеров по продажам в большей степени выражено эмоциональное истощение как составляющая профессионального выгорания личности (высокий уровень выявлен у 60% менеджеров, средний – у 40%). Данные специалисты отдела продаж характеризуются сниженным эмоциональным фоном, в профессиональной деятельности и отношениях проявляют равнодушие и эмоциональное перенасыщение социальными контактами и событиями.
2. Высокую степень выраженности имеют такие защитные механизмы, как регрессия (59% ОНЗ), компенсация (52% ОНЗ), проекция (60% ОНЗ) и замещение (57% ОНЗ). Данный анализ позволяет предположить, что их деструктивные проявления оказывают отрицательное влияния, в первую очередь, на психоэмоциональную сферу специалистов в период выполнения ими профессиональных задач, отражается на качестве межличностного общения с коллегами, с клиентами и руководителями, а также на общий психологический климат в коллективе.

3. У менеджеров по продажам преобладают мотивационная направленность на поддержание жизнеобеспечения (34,2 балла) и социальный статус (32,2 балла – средний уровень с тенденцией к высокому). Менеджеры стремятся к большему заработку, относятся к работе как к вынужденной необходимости, при появлении возможности и свободного времени стараются дополнительно заработать. Авторитет и призвание рассматриваются как залог продвижения по служебной лестнице, социальные контакты преимущественно поддерживаются для возможности их дальнейшего использования.

Проведенный корреляционный анализ по линейному коэффициенту корреляции Пирсона позволил выявить взаимосвязи между показателями профессионального выгорания и механизмами психологических защит у менеджеров по продажам. Прямая взаимозависимость имеется между эмоциональным истощением и такими защитными механизмами как подавление (0,61 на уровне значимости 0,05) и интеллектуализация (0,062 на уровне значимости 0,05). Деперсонализация как показатель профессионального выгорания имеет взаимосвязь с такими механизмами защит, как регрессия (0,58 на уровне значимости 0,05), проекция (0,68 на уровне значимости 0,05) и замещение (0,75 на уровне значимости 0,01). Взаимосвязь между редукцией профессиональных обязанностей как показателем профессионального выгорания и такими защитными механизмами, как регрессия (0,74 на уровне значимости 0,01) и интеллектуализация (0,71 на уровне значимости 0,01).

Эмоциональное истощение как показатель эмоционального выгорания имеет прямые и обратные корреляционные связи с различными видами мотивации – комфорт (+0,74 на уровне значимости 0,01), общение (-0,72 на уровне значимости 0,01), общая активность (-0,72 на уровне значимости 0,01), творческая активность (-0,59 на уровне значимости 0,05). Деперсонализация обратно взаимосвязана с мотивацией на выполнение общественно полезной деятельности (-0,52 на уровне значимости 0,05); редукция профессиональных обязанностей имеет обратные взаимосвязи с мотивацией к общению (-0,78 на уровне значимости 0,01), общей активности (-0,64 на уровне значимости 0,05), творческой активности (-0,68 на уровне значимости 0,05), общественной полезности (-0,74 на уровне значимости 0,01).

Полученные выводы, дают основания предполагать, что синдром профессионального выгорания нуждается в изучении с привлечением специалистов разных профессий и сфер деятельности, поскольку

технологии и коммуникации постоянно развиваются, меняются люди, меняется их отношение к социальной и профессиональной деятельности.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях / Н. Е. Водопьянова // Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова; Санкт-Петербург. ГУ. – СПб., 2015. – С. 443–463.
2. *Погодина А.В.* Феномен эмоционального выгорания и организационная культура образовательных учреждений // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009 №4 (67). С. 170-175. (5)
3. *Maslach C.* The truth about burnout: How organizations cause personal stress and what to do about it / C. Maslach, M. P. Leiter. – San Francisco: Jossey-Bass publishers, 2007. – 156 p.

Восприятие социокультурных изменений этническими группами Республики Молдова через коллективную память и временную перспективу

Кауненко И.И.
Центр этнологии Института Культурного Наследия,
Кишинев, Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com

Длительное исследование этнической идентичности у представителей разных этнических групп обозначило проблему особенностей восприятия ими социокультурных изменений, происходящих в обществе. В экономической, политической, культурной системе произошли кардинальные изменения. Выросло уже целое поколение в совершенно новых условиях: рыночная экономика, Республика Молдова как международный субъект, и др. Актуальным представляется исследование особенностей восприятия изменений в обществе представителями разных этнических групп, для прогнозирования вектора направленности процесса формирования и трансформации этнической идентичности, межкультурных отношений.

Целью нашего исследования было изучение особенностей восприятия социокультурных изменений в обществе этническим группами. В своём исследовании мы исходили из того, что на восприятие социокультурных изменений представителями разных этнических групп будет оказывать влияние культурных фактор и социальное окружение (в особенности «ближний круг»).

Выборка: 192 респ., возраст – 25-57 лет, этнические группы – молдаване, русские, гагаузы, украинцы, болгары. Период исследования – 2016 г. Регионы: г. Кишинёв, АТО Гагаузия – Комрат, с. Кирсово; г. Твардица; Рышканский район – с. Малиновское; Кагульский район – с. Лучешты; г. Сынжерей.

Фокус-группы - 31 респ., возраст 20-40 лет. Регион: г. Бельцы, г. Комрат (АТО Гагаузия). Период исследования – 2018 г.

Эмпирическое исследование включало изучение этнической идентичности, восприятие настоящего времени, временной перспективы, удовлетворённостью жизнью, коллективную память, социальные аксиомы. Мы остановимся на результатах исследования временной перспективы и коллективной (семейной) памяти.

Методический инструментарий. Для исследования коллективной (семейной) памяти в анкету был включён вопрос «Какие события должны помнить Ваши дети?», с целью определения значимых событий и готовностью их трансляции. Данный вопрос мы заимствовали из исследований А.В. Кузнецовой [2], посвящённых изучению коллективной памяти. Для исследования временной перспективы был включён вопрос «На какой промежуток времени Вы можете планировать свою жизнь?», и предлагались различные варианты ответов, характеризующих разную длительность планирования. Данный вопрос был заимствован из исследований Н.М. Лебедевой, А.Н.Татарко [1, с. 478]. Полуструктурированное интервью, проведённое в фокус-группах, включало вопросы, направленные на восприятие значимых событий в обществе и личной жизни, на эмоционально-оценочное определение времени в прошлом, настоящем, будущем.

Результаты исследования.

1. Исследование социокультурных изменений через коллективную память у этнических групп молдаван, русских, болгар, гагаузов, украинцев выявило, что одной из базовых категорий является категория «Семья». Частыми событиями, которые выделяют респонденты, являются события, связанные с семейными праздниками, ритуалами и семейными отношениями. Выявленные

трудности категоризации и рефлексии социокульутрных изменений в обществе при восприятии мира у представителей этнических групп активизируют категории «близкого круга» – семья, родственная межпоколенная солидарность.

2. У исследуемых этнических групп выявлены различия в семейной трансмиссии значимых событий: категория «Традиции, обычаи, история народа» наиболее выражена у группы болгар, украинцев; категория «Исторические события» наиболее значима для группы русских, у которых центральными событиями являются праздник 9 мая (День Победы), развал СССР. У группы молдаван в данную категорию включены понятия – страна, родина. Категория «Переживание событий» наиболее выражена у группы молдаван, болгар, включающая позитивные эмоциональные состояния.

3. Эмпирическое исследование *временной перспективы* у этнических групп выявило, что респонденты планируют своё будущее на короткий срок – от 1 года до 5 лет. Планировать на 1-5 лет могут значительное число респондентов – молдаване, русские (50%), гагаузы (40%), болгары (38,9%), украинцы (44,4%). Однако значительна доля тех, кто не может совсем планировать – у молдаван (30%), русских (37,5%), украинцев (41,7%), болгар (41,7%), гагаузов (40%). В настоящее время у представителей исследуемых этнических групп не сформирована долгосрочная временная перспектива.

4. В исследовании по восприятию времени, на основе фокус групп были выделены группы: «оптимисты», представляющие реформаторский потенциал; «социально-тревожные», которые, при условии продолжения снижения социально-экономического развития региона, имеет тенденцию к эмиграции; «позитивные фаталисты», для которых базовым является положение: «как будет, так и будет», «всё по мере возможностей», и главное – профессиональная реализация дома, или зарубежом.

В дальнейшем перспективным представляется исследование этнокультурной преемственности поколений у этнических групп в период транзитивности.

Литература

1. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
2. *Кузнецова А.В*. Коллективная память о значимых событиях и фигурах российской истории в различных социальных группах. дисс. канд. псих. наук. М., 2013.

Потенциал использования интернет-мемов в качестве элемента современного образования

Кляхина П.Р., Кулдина Е.С.
ИОН ФБГОУ ВО РАНХиГС, Москва
polina.klyakhina@gmail.com, kuldina-es@ranepa.ru

Вопрос использования мемов в образовательном процессе вызывает интерес исследователей, так как визуальный контент в интернет-пространстве оказывает большое влияние на коммуникацию людей. Недостаточная изученность вопроса, связанная с относительной новизной данного явления, обусловливает актуальность данной проблемы.

В 1976 году концепцию мема предложил использовать Ричард Докинз, эволюционный биолог. Он сравнивал это явление с генами, которые передают информацию, подвергаются отбору и мутации, только в данном случае объектом коммуникации являлись не биологические данные, а современная культура [4]. К.А. Зыкова в свой статье пишет: «В широком смысле под интернет-мемом понимают любую короткую информацию в виде слова или фразы, изображения, мелодии или видеоряда, которая спонтанно приобрела популярность в Интернете» [2, с. 1491]. Она выделяет основные виды интернет-мемов [2]:

- мем-картинка;
- видеомем;
- текстовый;
- креолизованный (мем состоит из изображения (иконическая часть) и надписи (вербальная часть)).

Мемы, отражающие современные процессы в обществе, могут сильно воздействовать на аудиторию, в особенности знакомую с этим явлением. Так как интернет-коммуникация является неотъемлемой частью жизни молодых людей, она формирует аспекты их восприятия языка и происходящего вокруг. Обусловлено это полимодальностью мемов (передача данных с помощью текстовых и визуальных каналов восприятия), что позволяет упростить процесс механизмов мышления благодаря созданию визуальной опоры [2].

Большая часть жизни современных студентов и учеников связана с интернет-пространством, поэтому с помощью применения понятных обучающимся методов можно увеличить их заинтересованность в образовании, мотивацию, активность во время занятий и оптимизировать процесс преподавания. Кроме того, мем может помочь иллюстрировать предмет исследования с учётом его

особенностей. Это крайне необходимо преподавателям и студентам в условиях постоянно растущего количества информации, чтобы структурировать данные и рассматривать проблему с разных сторон.

В основном в образовательном процессе используется креолизованный мем. Популярность данного вида обусловлена его ёмкостью, развлекательным характером и лёгкостью восприятия. Применение иллюстративного материала развивает творческое и визуальное мышление. Л.В. Цаценко и Д.Л. Савиченко в своей статье отмечают, что мемы способствуют запоминанию объекта посредством его наложения на уже знакомый образ и помогают создавать актуализированный под конкретную проблему визуальный материал [4].

Современное образование имеет тенденцию к гуманизации (ориентация образовательного процесса на общечеловеческие ценности), поэтому использование мемов помогает учитывать особенности обучающихся [2, с. 1493]. Такая нестандартная форма преподнесения материала благоприятно сказывается на процессе интеграции членов коллектива. Применение мемов помогает преподавателям улучшать коммуникацию и менять стиль общения со студентами.

Предполагается, что мем как средство образования будет приносить наибольшую пользу в студенческой среде или в старших классах школы, где обучающиеся более подготовлены и обладают достаточным критическим мышлением. Несмотря на все преимущества, для адекватной подачи материала преподавателю необходимо грамотно отбирать мемы, исключая нерелевантную информацию.

Мемы можно использовать не только как вид визуализации новой информации, но и как упражнения для студентов с целью развития креативного мышления. Данный способ применим к техническим, гуманитарным и социальным областям. Существует множество вариантов использования мемов в образовательном процессе. Можно предложить студентам самим придумать мем по тематике занятия или найти тот, который точнее отражает проблематику обсуждаемого вопроса. Например, на уроке истории можно предложить мем с известной личностью и попросить дополнить изображение высказываниями, которые подходят этому правителю, тем самым в памяти актуализируется и структурируется система понятий, относящихся к данному периоду [3]. На занятиях по иностранному языку можно предложить перевести мем на изучаемом языке, сохраняя коммуникативный эффект [1]. Такие упражнения способствуют систематизации новых знаний и отработке полученных навыков.

Применение мема в учебном процессе обусловливается его популярностью и высокой степенью коммуникативности. Кроме того, современные школьники и студенты, погруженные в интернет-среду, привыкли воспринимать поступающую информацию дискретно (по частям), именно поэтому креолизованные мемы получили такое распространение в образовательной сфере. В контексте мультимедийной культуры мемы помогают воспринимать, запоминать, упрощать и интерпретировать сложные темы.

Феномен интернет-мема всё ещё изучается с точки зрения многих наук, что позволяет выявлять его огромный потенциал в различных отраслях образования.

Литература

1. *Загоруйко А.О.* Потенциал использования интернет-мемов в качестве обучающего средства / А.О. Загоруйко, М.А. Ефремова // Вопросы методики преподавания в вузе. - 2019. - Т. 8. - №28. - С. 12–21.
2. *Зыкова К.А.* Перспективы использования интернет-мемов в обучении РКИ/ К.А. Зыкова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. - 2018. - №6. - С. 1491–1495.
3. *Сосновский И.З.* Использование коммуникативного потенциала текстов новой природы в образовательном процессе / И.З. Сосновский // Педагогический ИМИДЖ. - 2018. – Т.39.- № 2. - С.66–77.
4. *Цаценко Л.В.* Мемы как форма иллюстрации в науке и образовании [электронный ресурс] / Л.В. Цаценко, Д.Л. Савиченко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2015. – Т.10.- №114. – С.582-591. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/memy-kak-forma-illyustratsii-v-nauke-i-obrazovanii (дата обращения: 29.11.2019).

Психологические особенности развития синдрома профессионального выгорания у работников транспортной сферы

Ковыльникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

В современном мире проблема синдрома эмоционального выгорания становится все более и более актуальной как в психологической науке, так и в практике. Работники разных сфер

деятельности при выполнении своих профессиональных обязанностей испытывают постоянный стресс. Традиционно психологи рассматривают синдром эмоционального выгорания как специфическое изменение состояния лиц, чья профессия связана с постоянной работой и общением с другими людьми. Эмоциональное выгорание не возникает сразу. Это длительный динамический процесс, который возникает постепенно, в соответствии с хорошо изученными механизмами развития стресса. При этом наблюдаются три фазы стресса, описанные еще Г. Селье [4; 5].

Многие авторы отмечают, что выгорание может распространяться среди работников какой-либо организации как болезнь, захватывающая все больше и больше сотрудников [1; 2]. Особенно высока подобная схема развития событий в тех организациях, где работа людей связана с высоким уровнем стресса, где все её члены также постоянно находятся под влиянием стресса. К таким организациям легко можно отнести транспортную сферу, на работников которой возложена высочайшая ответственность за жизнь и здоровье людей, как пешеходов, так и пассажиров.

Выгорание меняет моральные установки и принципы человека, его систему ценностей. Работа превращается в скучную, неинтересную, не приносит удовлетворения, кажется никому не нужной. Все это в дальнейшем легко может привести как психосоматическим, так и вегетативным нарушениям и, в итоге, к ухудшению самочувствия и здоровья в целом.

Нами было проведено экспериментальное исследование, в котором достоверно доказана актуальность проблемы эмоционального выгорания среди профессиональных работников транспорта [1; 3]. Исследование взаимосвязи типа темперамента и эмоционального выгорания у профессиональных водителей показало, что существует положительная связь между нервно-психическим напряжением, нейротизмом, и эмоциональным выгоранием у водителей общественного транспорта. Кроме того, отмечена отрицательная корреляционная связь между стрессоустойчивостью, социальной адаптацией и показателями эмоционального выгорания.

В группе профессиональных водителей с отсутствием эмоционального выгорания ведущим типом темперамента оказался сангвиник. В группе водителей автобусов со сформированным эмоциональным выгоранием ведущими типами темперамента оказались холерический и флегматический. У них же оказалась высокая степень корреляции между нейротизмом и экстраверсией [2].

Результаты, которые были получены в нашем исследовании, подтверждают гипотезу о том, что такие показатели,

характеризующие эмоциональное выгорание, как резистенция, напряжение и истощение, присутствуют у профессиональных работников транспорта, а их выраженность зависит от личностных особенностей и стажа работы.

Литература

1. *Бабанин П.А.* К вопросу об этапах вхождения личности в группу и уровне эмоционального выгорания. Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. – М.: МГППУ, 2011. – С. 61–62
2. *Бабанин П.А., Бирюков Д.А., Ковыльникова Е.А.* Профессиональное выгорание у водителей // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019.- с. 451-453
3. *Ковыльникова Е.А.* Автомобильный бренд как элемент социальной идентичности личности // Сборник: Социальная психология: вопросы теории и практики Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Факультет социальной психологии. 2018. С. 267-269.
4. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Сборник: Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе сборник научных статей ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2011, с. 40-42
5. *Маринова Т.Ю.* Ценностные ориентации личности: отношение молодежи к своему здоровью. // Сборник: Личность и группа в образовательном пространстве // Сборник научных трудов. Московский городской психолого-педагогический университет. Факультет социальной психологии. Кафедра теоретических основ социальной психологии. Москва, 2009. С. 91-94

Танец как средство социализации дошкольников и младших школьников

Ковыльникова Е.А., Свечникова Ю.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Социализация дошкольников и младших школьников – это в первую очередь развитие потребности в общении, познании мира, в творчестве. В этом возрасте очень важно развить у ребёнка способность к сотрудничеству, умение общаться и выстраивать отношения со сверстниками. Социализация, конечно, это игровая, коммуникативная, познавательная, исследовательская и творческая деятельность, направленная на приобретение индивидуального социального опыта [3].

Занятия в танцевальном кружке – одна из форм дополнительного образования, благодаря которой у старших дошкольников и младших школьников развиваются навыки необходимые для жизни в обществе, формируется культура общения, вырабатывается собственное мнение. Кроме того, дети получают необходимый потенциал для физического и психического развития, формирования представлений о здоровом образе жизни [2].

Основными компонентами личностного и интеллектуального развития ребенка являются креативность и творчество [1,3]. Образовательный процесс в учреждения дополнительного образования для дошкольников и младших школьников строится в соответствии с возрастными психофизическими особенностями ребенка, а следовательн – идет от игры, которая является ведущей деятельностью ребенка.

Танец, являясь одним из самых древних видов искусства, играет особую роль в социальной адаптации ребенка. Современные дети проявляют активный интерес к танцам, взрослые же, со своей стороны должны сделать всё, чтобы через танцевальное искусство приобщить детей к творчеству [1].

На начальных этапах обучения в детском коллективе складываются межличностные отношения и система ценностей, а основой занятий в это время являются различные игры. Необходимо заинтересовать ребёнка, развить желание заниматься в коллективе.

Грамотно организованная среда в системе дополнительного образования позволяет решать путем танцевальных занятий задачи как психофизического, так и социального развития детей, воспитывает толерантность, доброжелательность в отношении к окружающим [2].

Нами была выдвинута гипотеза исследования: танцевальная среда способствует социализации детей дошкольного и младшего школьного возраста. Мы предположили, что для этого необходимо

использование разных форм деятельности, таких как танец, игра, пение, импровизация, что будет создавать пространство для общения. Кроме того, необходимо наличие определенных норм и правил, определяющих нахождение в этом пространстве, чтобы обеспечить нормальную работу детского танцевального коллектива.

Наблюдения и работа с детским танцевальным коллективом показали, что занятия танцами благотворно влияют не только на развитие хорошей физической формы, но и способствуют формированию навыков общение, созданию положительного эмоционального фона. Кроме того, благоприятное влияние на детей этого возраста оказывает отсутствие соревновательности и оценок.

Выявленные условия позитивного влияния занятий танцами, по нашему мнению, могут быть применимы при организации любой другой творческой деятельности детей в системе дополнительного образования.

Литература

1. Арт-терапия / Сост. и общая редакция А.И. Копытина. — СПб: Питер, 2001. —320 с.
2. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Сборник: Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе сборник научных статей ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2011. - с. 40-42
3. *Маринова Т.Ю., Кухтеня Я.И.* Исследование связи творческой деятельности и адаптации обучающихся к обучению в вузе // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. - с.314-317

Особенности организационной культуры производственных компаний

Козерод В.С., Погодина А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

vkozeod@gmail.com, allavan@yandex.ru

Деятельность большинства производственных предприятий характеризуется стационарностью, высокой стереотипностью и рутинностью производимых операций, выраженной

стандартизированностью и повторяемостью технологических циклов. Эти характеристики организационной среды в значительной степени обусловливают особенности организационной культуры таких компаний. В первую очередь, речь идет о минимизации влияния человеческого фактора на течение производственного процесса: с одной стороны, это нивелирует риски, связанные с возможными технологическими ошибками и погрешностями, существенно повышает темпы производства и увеличивает эффективность деятельности предприятия; с другой – формирует в организации объектное отношение к рабочему персоналу, снижая степень его вовлеченности и заинтересованности в развитии компании. Выполняя только строго регламентированные функции и не имея возможности влиять на производственный процесс, такие сотрудники зачастую подвергаются профессиональному выгоранию и занимают обособленную позицию по отношению к корпоративным ценностям и миссии организации.

Другой важный момент, касающийся специфики организационной культуры производственных компаний, – сложная иерархия власти. Так называемым «импульсам организационной культуры», берущим начало в топ-менеджменте, как правило, не хватает необходимого потенциала, чтобы дойти до рядовых исполнителей. В достаточно крупных производственных компаниях административно-управленческий аппарат и непосредственно производство могут существовать как две параллельные организации и иметь минимальное количество общих черт с точки зрения организационной культуры.

Также производственным компаниям присуща неоднородность социальных срезов: половозрастные характеристики, уровень образования, наличие и качество профессионального опыта сотрудников – подобный разброс детерминирует вероятную разобщенность внутри коллектива, дифференциацию по целям трудовой деятельности, ценностные конфликты.

Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование представлений сотрудников об организационной культуре, можно выделить следующие: дистанция и форма власти, способ поведения, избираемый руководством в критической ситуации, психологический климат в коллективе, ведущие ценности, цели и миссия организации, система мотивации, условия труда, культурная преемственность внутри предприятия. Вышеперечисленные стимулы вызывают у сотрудников соответствующую реакцию, зависящую не только от личностных особенностей, но и от того, какой способ

реагирования является в организации наиболее распространенным и одобряемым [3].

Важнейшей характеристикой здоровой организационной культуры является то, насколько эффективно она объединяет персонал компании, транслируя заданные топ-менеджментом ценности [1]. Поскольку специфика организационной культуры большинства производственных компаний заключается в высокой дифференцированности цеховой и офисной субкультур, формирование единого представления об организационной культуре среди сотрудников разных подразделений крайне затруднительно. Представители производства и административно-управленческого отдела, как правило, мыслят разными категориями, считая задачи своего подразделения первостепенными для организации. Представители производства не взаимодействует с внешней средой, ориентированы на выполнение производственных планов и показателей, в то время как ключевой вектор деятельности офиса – эффективное взаимодействие с контрагентами организации и поддержание ее внешнего имиджа [2].

Большинство нововведений, призванных оказать влияние на организационную культуру, исходящих от высшего менеджмента, доходит до представителей административного подразделения быстрее и точнее, чем до производственного отдела; цеховая организационная культура часто более ригидна и консервативна. Еще одним важным фактором, детерминирующим существующие различия между исследуемыми субкультурами, является среднестатистический профессиональный профиль сотрудника, представляющего каждую из групп. Рядовые рабочие на производстве могут не иметь высшего образования, серьезных карьерных амбиций и личных стратегических целей, а сотрудники административно-управленческого аппарата, в большинстве случаев, имеют оконченное высшее образование, достаточно амбициозны и карьерно-ориентированы. Наличие внутри организации нескольких субкультур с разными целями и ценностями может повлечь за собой нарушения психологического климата, снижение производительности труда, ухудшение экономических показателей в следствие неслаженной работы сотрудников. В случае отсутствия необходимого внимания к данной проблеме со стороны топ-менеджмента, скрытые противоречия между субкультурами могут привести к открытым конфликтам и серьезным финансовым убыткам.

Создание сильной организационной культуры и формирование адекватных представлений о ней среди сотрудников производственных компаний – достаточно долгий, ресурсозатратный процесс, включающий в себя поиск и интеграцию идентичных

сильных сторон внутриорганизационных субкультур, а также минимизацию высокой степени дифференциации между ними.

Литература

1. *Занковский А.Н.* Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». - 2-е изд. - М.: Флинта: МПСИ, 2007.
2. *Ларичева Е.А.* Сравнительный анализ корпоративной, инновационной культуры и культуры производства // Менеджмент в России и за рубежом. - 2004.
3. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство. Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. - СПб.: Питер, 2011.

Динамика социальных представлений студентов о враче в условиях пандемии COVID-19

Кондратьев М.Д.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
mdkondr@gmail.com

Статья посвящена описанию результатов исследования динамики структуры и содержания социальных представлений о враче студентов немедицинских специальностей. В качестве основного фактора, обуславливающего изменения, рассматриваются информационные последствия пандемии COVID-19. Исследование проводилось в два этапа, 6-14 февраля и 6-11 апреля 2020 г. Важно отметить, что эти два периода принципиально различаются по эпидемиологической обстановке в стране и по тематическому содержанию публикаций в средствах массовой информации – второй период связан с режимом самоизоляции.

Для выявления структуры социальных представлений использовался сбор ассоциаций к слову «врач» с последующей обработкой по методу П. Вержеса, сопровождавшийся работой фокус-групп и индивидуальными беседами с участниками для повышения надежности и достоверности полученных результатов. Этот подход уже был использован при решении ряда задач [1]. Кроме того, был использован метод семантического дифференциала (11 оснований, объект оценки – врач) и сбор развернутых определений понятий «Психиатр», «Психолог», «Психотерапевт», «Стоматолог», «Учитель», «Повар» для контроля динамики представлений о представителях других профессий.

К участию в исследовании приглашались студенты первого курса многопрофильного бакалавриата различных направлений (история, социология, реклама, филология и др.), всего 240 человек, из них повторно прошли исследование 103 человека (89 женщин и 14 мужчин). Статистически значимых различий между подгруппами, выделенными по полу, обнаружено не было.

С использованием данных всей выборки был составлен полный перечень понятий, относящихся к структуре социальных представлений студентов о враче. В дальнейшем были выделены структуры социальных представлений участников исследования, относящихся к двум указанным временным отрезкам. По методу П. Вержеса в структуре социальных представлений выделяется 4 области: область ядра, две буферных области и область периферии социальных представлений.

Подробный анализа полученных результатов позволил зафиксировать количественные и качественные изменения в структуре и содержании социальных представлений студентов о враче. Так, в зоне ядра сохраняется понятие «Помощь», понятия «Болезнь» и «Процедура» покидают эту область, причем упоминания болезней и диагнозов вообще оказываются на периферии представлений. Отметим, что упоминание коронавируса и контекстуальных понятий-синонимов встречается в материалах исследования 4 раза (0,38% от общего числа ассоциаций), что прямо свидетельствует об отсутствии прямой ассоциативной связи. Частотный анализ показывает значительную содержательную динамику буферной зоны социальных представлений: с наибольшей частотой участники исследования упоминают понятия, характеризующие внешние атрибуты врача, среди которых значительно увеличивается доля упоминания понятия «Маска». Растет частота упоминания позитивно окрашенных черт личности врача (доброта, внимательность, честность). На периферии представлений возникает группа понятий, связанных с перегрузкой на работе, стрессом и депривацией сна у врачей, связанных с условиями работы в период пандемии. Также на периферии представлений неизменно остаются понятия, связанные с негативно-ассоциируемыми чертами личности врача (грубость, холодность и др.). Там же находится упоминание традиционного для обозначения медицинской помощи цвета – «Белый».

Участникам исследования было предложено оценить 6 профессий с точки зрения того, насколько их представители являются врачами (использовалась шкала 1-7, где 1 – врач, 7 – совсем не врач; в скобках дана медиана оценки). Сравнительный анализ показал отсутствие значимых различий в оценках, которые участники дали в феврале и

апреле. Выделено два кластера профессий: стоматолог (1), психиатр (1), психотерапевт (2) – кластер врачей; повар (7), учитель (6), психолог (4) – кластер не врачей. Анализ определений, которые участники давали указанным профессиям, позволяет отметить, что на фоне событий пандемии происходит конкретизация представлений о психологе и психотерапевте, где задачи лечения приписываются психотерапевту, а задачи консультирования – психологу, причем для этой профессии отмечается появление новых элементов представлений (напр., «коучинг»). По мнению самих участников исследования, это связано с ростом числа проводимых психологами дистанционных мероприятий и популяризацией психологической помощи и сопровождения в сми и социальных сетях, которые происходят на фоне пандемии.

Что касается семантического дифференциала, в представлениях участников исследования выявлены статистически достоверные различия. В период с февраля по апрель значимость врача повысилась, врач стал добрее, внимательнее, полезнее и привлекательнее, но грустнее.

Полученные данные позволяют утверждать, что у студентов-участников исследования отмечается качественная динамика структуры социальных представлений о враче и изменение содержания понятий, входящих в эту структуру. В последующих исследованиях предстоит установить, насколько стабильными будут полученные результаты и как повлияют на структуру и содержание социальных представлений дальнейшие события.

Литература

1. *Кондратьев М.Д.* Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 2. С. 116–130. doi:10.17759/sps.2017080208

К вопросу о методах диагностики креативности в социальном взаимодействии

Косенкова Н.М., Мешкова Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nata.kosenkova.00@bk.ru, nmeshkova@yandex.ru

На мировом экономическом форуме в Давосе (Швейцария, 2018 г.) креативность была признана одной из десяти самых востребованных к

2020 году компетенций человека на рынке труда [7]. Дивергентное мышление как ключевой компонент креативности может проявляться в любой области деятельности и, в том числе, в социальном взаимодействии [3; 4]. На настоящий момент остается малоизученной проблема соотношения уровня креативности в социальном взаимодействии и предметной креативности, поскольку зачастую при их диагностике используется один и тот же метод – необычное использование предметов.

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи показателей креативности (беглость и оригинальность), измеряемых с помощью метода Real Word Divergent Task (далее RWDT) при решении проблем в различных социальных ситуациях. Зарубежные исследования показали, что в качестве заданий на дивергентное мышление можно использовать реальные ситуации из обыденной жизни [6]. Респондентам дается задание придумать как можно больше оригинальных решений проблем в социальных ситуациях. Для иллюстрации приведем пример задания из исследования коллектива авторов под руководством М. Рунко: «Твой друг сидит за одной партой с тобой и все время отвлекает тебя от выполнения задания учителя. Что ты можешь сделать? Придумай как можно больше решений» [6].

В нашем пилотажном исследовании мы использовали несколько ситуаций: просоциальную (№1 – поздравить друга с днем рождения) [1], ситуации с положительной коннотацией на воображение (№2 – придумать рекламу новой компьютерной игры [5]; №3 – придумать номерной знак на машину, который характеризовал бы респондента как уникальную личность [5]) и ситуацию с негативной коннотацией лжи (№4 – оправдания опоздания на занятия) [2; 3]. Компоненты креативности подсчитывались следующим образом: беглость – по количеству предлагаемых решений в каждой ситуации; оригинальность – с помощью трех экспертов (2 студента и преподаватель, прошедшие обучение по креативности), оценивавших по 5-балльной шкале степень оригинальности решения (из суммы оценок вычислялось среднее арифметическое по каждой ситуации). Полученные баллы по оригинальности проверялись на корреляции с оригинальностью в ситуации лжи (№4) (данный показатель тоже подсчитывался как среднее арифметическое из оценок экспертов). Также был использован тест «Самооценка творческих способностей» (Е. Туник) для выявления связи показателей креативности, измеряемых методом самоотчета и RWDT.

Выборка исследования: подростки 15-16 лет (N=50; из них 26 – юноши). Гипотезы исследования: 1. существует связь между

компонентами дивергентного мышления в различных социальных ситуациях; 2. существует связь между самооценкой воображения и оригинальностью в решении проблем в социальных ситуациях.

Мы выявили следующие положительные корреляции: между показателями беглости (количество решений) в социальной ситуации № 1 и ситуациями №№ 2, 3 и 4 (коэффициенты корреляции 0,319; 0,567; 0,393; 0,579; значимость корреляций p<0,05; 01; 05; 01, соответственно) и между беглостью ситуации № 3 с ситуациями №№ 2 и 4 (коэффициенты корреляции 0,389 и 0,358; значимость корреляций p<0,05, соответственно); между показателями оригинальности в просоциальной ситуации №1 и в ситуации с негативной коннотацией №4 (коэффициент корреляции 391; значимость корреляций p<0,01). Никаких корреляций между самооценкой воображения и оригинальностью в решении проблем в социальных ситуациях, а также между показателями оригинальности в ситуациях №№ 1, 2 и 3 выявлено не было. Полученные результаты частично подтвердили первую гипотезу о существовании связи между компонентами дивергентного мышления, измеряемыми с помощью RWDT в различных социальных ситуациях, и не подтвердили вторую гипотезу о связи самооценки воображения и оригинальности в решении проблем в социальных ситуациях. Мы можем объяснить данный факт тем, что, во-первых, оригинальность может быть выявлена только в значимых для респондента социальных ситуациях (каковой стали просоциальная ситуация и ситуация с негативной коннотацией), во-вторых, респонденты склонны давать не адекватную самооценку собственному воображению, преувеличивая или занижая ее; а, в третьих, в данном исследовании мы обнаружили, что не стоит нумеровать предполагаемые ответы в заданиях, тем самым стимулируя/ограничивая респондентов дать количество ответов в соответствии с предложенной нумерацией в бланке для ответов.

Литература

1. *Антропова М.Ю., Мешкова Н.В.* О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 3. С. 175–185. doi:10.17759/psyedu.2017090318
2. *Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.* Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков [Электронный ресурс] // Психолого-

педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108
3. *Мешкова Н.В. [и др.]* Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2018080306
4. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.* Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 2. С. 279-290.
5. CTS. Creativity Testing Services [Electronic Resource]. URL: https://www.creativitytestingservices.com/products/ (Accessed: 26.9.2019).
6. *Okuda S. [et al.]* Creativity and the finding and solving of real-world problems // J. of educational assessment. 1991. Vol. 9. P. 45-53
7. The 10 skills you need to thrive in the Fourth Industrial Revolution. World economic forum. URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution/

Проблема исследования кросс-культурных особенностей агрессивного вождения водителей таксомоторных компаний

Коскина Т.О., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
koskinatan@gmail.com

В условиях мегаполиса агрессивный стиль поведения и вождения среди водителей распространяется с каждым годом. В первую очередь это относится к водителям такси. Агрессивность является довольно устойчивой чертой личности [5], и, как показывают исследования [3], часто приписывается водителям.

Следует отметить, что при рассмотрении проблемы безопасности дорожного движения за последний год число ДТП по вине водителей такси увеличилось на 70% по сравнению с 2018 годом. Увеличение количества транспортных средств, оказывающих таксомоторные услуги по городу Москве, повышает спрос на рабочие специальности в сфере такси среди иностранного населения Российской Федерации.

В отличие от водителей общественного транспорта, от водителей такси не требуется наличия компетенций, хотя, в качестве

предъявляемых требований для эффективного управления транспортным средством, в случае профпригодности «водителя», наиболее часто необходимо иметь следующие:

- высокий уровень стрессоустойчивости, способность выдерживать психоэмоциональные нагрузки;
- способность длительно выполнять однообразную, монотонную работу, не теряя при этом бдительности и критичности к ситуации;
- оперативное мышление, способность в кратчайшее время оценить дорожную ситуацию и принять правильное решение;
- способность к пространственным представлениям и прогнозу развития ситуации на дороге, умение видеть и понимать явные и неявные особенности поведения участников дорожного движения, и некоторые другие [1].

Если сравнить требования к водителю такси, согласно изученным вакансиям и условиям работы среди довольно крупных таксопарков в городе Москве, любой желающий может устроиться работать в такси. Это означает, что водителя, который не только управляет источником повышенной опасности, но и должен нести ответственность за свою жизнь и жизнь окружающих людей, оценивают согласно стандартным требованиям, без условия проверки на минимальные качества: поведенческие особенности, внимательность и стрессоустойчивость.

К отличительным особенностям, препятствующим безопасному поведению водителей такси на дорогах Москвы, следует отнести: агрессивность, повышенную тревожность, утомляемость, низкую стрессоустойчивость. Особенно важно почеркнуть, что водители такси с высоким уровнем агрессивности, попадая в конфликтную ситуацию, чаще подвержены следующим ситуациям:

- часто попадает в аварии и ДТП;
- совершает опасные маневры, теряя бдительность и внимательность;
- нарушает правила дорожного движения;
- вступает в конфликт с пассажирами и/или сотрудниками безопасности дорожного движения;
- может сесть за руль в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Исследовательский интерес, на наш взгляд, представляет то влияние, которое оказывают на агрессивное поведение водителя его возраст и национальность. Возрастные особенности в достаточной степени определяют психодинамические свойства нервной системы человека, управляющего транспортным средством, его реакцию и принимаемые решения в меняющейся дорожной обстановке. Кроме

того, имеют значение физиологические ограничения, повышающие риск во время управления транспортного средства.

Национальность, в частности, является немаловажной переменной как для понимания и прогнозирования индивидуального поведения водителя на дороге [4], так и для развития психологии дорожного движения в целом, однако анализ необходимо строить с учетом следующих положений: 1) национальные особенности водителей могут быть поняты лишь в контексте отличительных признаков; 2) кроме того, выявленные особенности водителей различных национальностей происходят под воздействием определенных общих социокультурных условий, и не могут рассматриваться без их учета, поскольку находятся между собой в социальном взаимодействии.

Как показывает предварительный анализ результатов нашего исследования, менее агрессивный стиль поведения и вождения у водителей такси является относительно устойчивым явлением среди национальностей Белоруссия и центрального округа Российской Федерации, что, в частности, связанно с совокупностью психодинамических свойств нервной системы и состоянием основных психических процессов, а также межнациональным менталитетом.

Общепринято считать, что наиболее «аварийным» является возраст водителя как слишком молодой (до 25 лет), так и пожилой/пенсионный (после 65 дет). Среди аспектов, характеризующихся национальными отличиями среди таксомоторных компаний, принято выделять ряд групп риска по национальному признаку: киргизы, даргинцы, чеченцы и кабардино-балкарцы.

Изучение кросс-культурных особенностей агрессивного вождения водителей таксомоторных компаний в г. Москва проводилось на различных группах населения с целью выявления признаков агрессии в случае стрессовых ситуаций в дорожной среде.

Литература

1. *Кочетова Т.В.* Новое направление в психологии «Traffic Psychology»: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Том 1. № 2. С. 39–48. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52264.shtml (дата обращения: 12.04.2020).
2. *Лобанова Ю.И.* Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 1. С. 76- 84. doi: 10.15643/libartrus-2015.1.10.

3. *Погодина А.В.* Водители и пешеходы мегаполиса в представлениях друг друга // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 4. С. 19-32.
4. *Поликарпова М.С.* Соотношение понятий «агрессивное» и «опасное» вождение в современной отечественной и зарубежной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 44–52.
5. *Румянцева Т.Г.* Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. М., 1991. 350 с.

Сравнительный анализ профессионального стресса и жизнестойкости у «офисных работников» и «рабочих на производстве»

Котковец Е.С., Кишея И.Л.
Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь
kotkovec.elena@gmail.com, kisheya.inna@yandex.by

Профессиональный стресс возникает в процессе трудовой деятельности человека. Он развивается, прежде всего, под воздействием экстремальных факторов рабочей нагрузки, при дефиците времени и информационной перегрузке как у офисных служащих, так и у работников производства. Эти стрессоры наиболее чувствительны к индивидуальным различиям в уровне профессиональной подготовки и опыта субъектов деятельности [1, с. 49].

Жизнестойкость представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска [3, с. 5].

В связи с вышеобозначенным, была определена цель эмпирического исследования, которой выступило изучение профессионального стресса и жизнестойкости у «офисных служащих» и «работников производства». Базой исследования выступила «Птицефабрика Дружба» а.г. Жемчужный. В исследовании приняли участие 70 работников административного корпуса и 70 работников производства.

Для реализации поставленной цели был подобран релевантный диагностический инструментарий. Так, в частности, для определения уровня стресса была использована методика «Оценка

профессионального стресса» (опросник Вайсмана). Данный опросник позволяет выявить психическую устойчивость [2, с. 166-168].

Для определения жизнестойкости была применена методика «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Леонтьева). Использование данного теста позволило диагностировать три компонента, описывающих жизнестойкость: вовлеченность, контроль, принятие риска [3, с. 59-61; 4].

Проанализируем результаты эмпирического исследования, зафиксированные с помощью методики «Оценки профессионального стресса» у «офисных служащих» и «работников производства».

Согласно полученным данным, можно констатировать, что у 100% респондентов административного корпуса отмечается средний уровень стресса. У работников офиса стресс может наблюдаться из-за умственной работы, однообразия, несогласованности между коллегами, завышенных требований от руководства, большого объема работы. У всех опрошенных работников производства выявлен средний уровень стресса, что может быть связано с условиями труда, тяжелой работой, некомфортными условиями, большими нагрузками и т.д. Таким образом, можно заключить, что стрессу в равной степени подвержены как рабочие на производстве, так и работники умственного труда.

Также рассмотрим и проанализируем результаты обследования «офисных служащих» административного корпуса и «работников производства», полученные с помощью методики «Тест жизнестойкости».

Согласно полученным данным, можно заключить, что у 68,5% «работников офиса» наблюдается низкий уровень «жизнестойкости», у 31,4% опрошенных выявлен средний уровень «жизнестойкости». У 10% респондентов зафиксирован средний уровень «вовлеченности», а у 90% опрошенных отмечается низкий уровень «вовлеченности». Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство «офисных служащих» не получают удовлетворения от своей трудовой деятельности, а работают, ориентируясь на достойную оплату.

У 51,4% опрошенных был выявлен средний уровень «контроля» и у 4,2% – высокий, что свидетельствует о том, что большая часть опрошенных ориентирована на достижение лучшего результата, что и помогает им справляться со стрессом. Низкий уровень «контроля» наблюдается у 32% «работников офиса».

У 50% респондентов был выявлен достаточно высокий уровень «принятия риска» и у 43% респондентов наблюдается средний уровень «принятия риска». Это указывает на то, что данные респонденты не боятся неожиданностей и препятствий, а наоборот –

готовы воплощать новые идеи. Они уверены в себе, оптимистичны, активно усваивают знания из опыта.

У 57,1 % «работников производства» выявлен низкий уровень «жизнестойкости», а у 42,8% опрошенных – средний. У всех работников зафиксирован низкий уровень «вовлеченности», который свидетельствует о том, что работники производства не удовлетворены свой трудовой деятельностью и однообразием в работе.

Средний уровень «контроля» выявлен у 72% «работников производства», высокий наблюдается у 5,7% опрошенных. Полученные результаты свидетельствует о том, что «работники производства» могут контролировать ситуацию, ставят перед собой цели, которые в дальнейшем стремятся достичь, несмотря на тяжелые условия труда, они уверены в себе и в своих возможностях, ориентированы на лучший результат. Низкий уровень «контроля» наблюдается у 20% «работников производства».

Несколько выше, в сравнении с предыдущей группой опрошенных (52,8% респондентов), здесь проявление высокого уровня «принятия риска». Это указывает, что рабочие на производстве не боятся трудностей, они оптимистичны, уверены в себе. И только 8,5% опрошенных работников боятся неожиданностей, не уверены в себе и своих возможностях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

- На профессиональный стресс влияет множество психологически значимых факторов организации производства.
- В результате проведенного исследования было выявлено, что в целом и у офисных работников, и у рабочих на производстве присутствует средний уровень стресса.
- В целом у «офисных служащих» и «работников производства» зафиксирован низкий уровень общей жизнестойкости.
- Как у «офисных служащих», так и у «работников производства» преобладает средний уровень «контроля», низкий уровень «вовлеченности» и высокий уровень «принятия риска».

В итоге можно заключить: несмотря на средний уровень стресса у офисных служащих административного корпуса и у рабочих производства прослеживается связь именно с теми компонентами жизнестойкости, которые помогают работникам достигать цели и преодолевать стрессовые ситуации, возникающие во время трудовой деятельности.

Литература

1. *Бодров В.А.* информационный стресс: учеб. пособие для вузов / В.А. Бодров. Москва: ПЕР СЭ, 2000.
2. *Куприянов Р.В.* Психодиагностика стресса: практикум / Р.В. Куприянов, Ю.М. Кузьмина. М-во образ. и науки РФ, Казан. гос. технол. ун-т. Казань: КНИТУ, 2012.
3. *Леонтьев Д.А*. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. Москва: Смысл, 2006.

Психологические причины нарушения требований безопасности операторами транспорта

Котлярова Л.Н.
ФГБОУ ВО ВГУЮ, Москва, Россия
lnkot-konf@yandex.ru
Смирнова Е.О.
Благотворительный фонд «Шанс», Москва, Россия
smirnova-rpa@yandex.ru

На безопасность трудовой деятельности операторов влияет множество факторов, среди которых центральное место занимают технологические, организационные и человеческие [1]. Надежность персонала является ключевым фактором в обеспечении безопасности операторской деятельности, поскольку специалист, управляющий сложной техникой (объектом повышенной опасности), является тем последним «барьером» в системе безопасности, который может и обязан в любой экстремальной ситуации предотвратить ее развитие и не допустить катастрофических последствий [2; 3].

Роль человеческого фактора в обеспечении безопасности играет ведущую роль. Причины транспортных происшествий в большинстве случаев связаны с человеческим фактором.

Предикторы безопасности разнообразны и относятся к разным уровням эргатической системы. В современных моделях надежности субъекта деятельности выделяются три структурных компонента: профессиональной, функциональной и личностной надежности.

Профессиональная надежность обеспечивается профессиональной компетентностью - знаниями и опытом, приобретенными человеком в процессе профессиональной подготовки и выполнения трудовой деятельности.

Показателями функциональной надежности являются психофизиологические качества, функциональные состояния, психические процессы. Данные показатели отображают и обеспечивают функциональное состояние организма работников. Экстремальные условия требуют мобилизации психофизиологических ресурсов для выполнения рабочих функций. Но не всегда этого ресурса достаточно для реализации безопасной деятельности, могут возникнуть условия несоответствия психофизиологических качеств требованиям экстремальной ситуации, что в итоге приведет к неблагоприятному исходу или даже катастрофическим последствиям. Так, изменение в функциональном состоянии водителя может препятствовать правильной оценке текущей ситуации и привести к выбору неправильного, опасного способа действий [4]. Специфические условия внешней среды (например, специфический профиль дороги, задымление от впереди идущего автомобиля, сходство цветосветовой интенсивности объектов восприятия, яркое солнечное освещение и пр.) могут стать причиной целого ряда психофизиологических факторов (специфические оптические эффекты, адаптация зрительного анализатора, скорость психомоторного реагирования и др.), от которых будет зависеть характер и возможности зрительного восприятия водителя автомобиля и соответственно выбор стратегий поведения в процессе управления транспортным средством.

Показатели функциональной надёжности являются динамичными и варьируемыми, поэтому они рассматриваются в качестве предикторов безопасности операторской деятельности в конкретной сложившейся ситуации и в контексте непродолжительных временных интервалов.

В качестве показателей личностной надежности (равно как и предикторов опасного поведения) рассматривают: акцентуации характера, волевые качества, навыки саморегуляции, мотивационную направленность, когнитивные ресурсы. В частности, такие характерологические качества, как экстраверованность, стремление к состязательности, агрессивность, низкая стрессоустойчивость, низкая готовность к деятельности в сложных условиях, склонность к сверхконтролю за собственными действиями провоцируют опасное поведение, а дисциплинированность, сознательность, ригидность, самоконтроль и эмпатия поддерживают тенденции к безопасному поведению [5].

Показатели личностной надёжности являются относительно устойчивыми свойствами субъекта и могут рассматриваться в качестве предикторов безопасности операторской деятельности в

отношении продолжительных временных периодов, поэтому они используются в практике оценки личностных компетенций персонала при приеме на работу [6].

Обобщая изложенное, представляется возможным сделать вывод о том, что при анализе операторской деятельности, осуществляемой в экстремальных условиях, необходимо опираться на научные концепции, описывающие и объясняющие профессиональную деятельность человека как многоуровневую систему, регулируемую психофизиологическими, когнитивными и личностными функциями.

Знания о функциональных и личностных качествах, обеспечивающих эффективность деятельности человека-оператора, необходимы для оптимизации деятельности и для исследования субъективной стороны преступлений, посягающих на общественную безопасность, безопасность движения, эксплуатацию транспорта и объектов повышенной опасности.

Литература

1. *Армстронг М.,* Практика управления человеческими ресурсами. СПб., 2010.
2. *Бодров В.А.,* Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М., 2006.
3. *Дикая Л.Г., Журавлев А.Л.,* Личность профессионала как объект психологического исследования // Личность профессионала в современном мире / Отв. Ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М., 2014. С. 11-25.
4. *Костин А.Н., Голиков Ю.Я.,* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М., 2014.
5. *Котлярова Л.Н.,* Личностные особенности водителей большегрузного автотранспорта с различными показателями эффективности деятельности // Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию факультета психологии и социальной работы. – Тверь. 2014. С. 176-181.
6. *Сериков В.В.,* Личностная надежность человека-оператора // Психофизиологическое обеспечение надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли. Сборник материалов III отраслевой научно-практической конференции. М., 2018. С. 37- 46.

Особенности отечественного психологического подхода к изучению интернет-зависимости

Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nkochetkov@mail.ru

Анализируя публикации отечественных авторов по киберпсихологии, можно заметить, что большинство из них посвящены интернет-зависимости, несмотря на то, что проблематика этой отрасли психологии очень широка: в ее рамках разбираются интернет-социализация; информационная культура; цифровая компетентность; общение, опосредованное социальными сетями; психология киберспорта; особенности протекания когнитивных процессов в условиях виртуальной реальности и многое другое. Акцент на изучении интернет-зависимости вполне понятен – это новое явление и как все новое оно вызывает интерес. Другое дело, что интернет-аддикция стала, пожалуй, единственным видом нехимических зависимостей, которая была «демонизирована», несмотря на отсутствие внятных представлений о ней. Этот процесс перекинулся с, собственно, аддикции на интернет-активность вообще. Так, Глобальную паутину «обвиняют» в том, что она приводит к «аутизации» личности, упрощении речи, а ее пользователи испытывают сложности в интимно-личностном общении, самораскрытии, принятии своих телесных особенностей, имеют склонность к негативизму (см., например, [4]). В такой же логике изучения представлена и интернет-зависимость. Подобные выводы могут показаться странными, учитывая то, что интернет является средством осуществления деятельности, содержание которой может быть весьма различно. Исходя из этого, можно было бы поставить вопрос – большее влияние оказывает способ, которым осуществляется деятельность или содержание деятельности? В качестве примера можно взять людей, которые используют Сеть для просмотра фильмов. Насколько сильно человек, который ходит в кинотеатр, будет отличаться от человека, который смотрит его на экране компьютера? С точки зрения культурно-исторического подхода, психические процессы обусловлены использованием знака, который не меняет своего свойства в зависимости от того, каким образом он реализуется, т.е. цифровые технологии являются ничем иным, как одним из средств опосредования [5]. Подобные выкладки приводят к необходимости более глубокой научной рефлексии понятий интернет-зависимости. Ее отсутствие дает целый ряд эмпирических

исследований, сводящихся к нахождению корреляций между интернет-зависимостью и разнообразными психологическими переменными, что приводит к накоплению фактов, в итоге ничего не говорящих о самом феномене. Так, например, в отечественной психологии существуют исследования о том, что интернет-аддикты склонны к депрессии, имеют высокую тревожность, эмоциональную неустойчивость, низкие самоконтроль и силу воли, враждебность, сниженный социальный и эмоциональный интеллект, мотивацию избегания неудач, выраженность акцентуаций, снижение показателей общего и невербального интеллектуального развития и т.п. [2] «Картина» интернет-зависимых, которую рисуют ученые, крайне мрачна, однако в ее достоверности можно усомниться, ведь если количество аддиктов достигает до 20% [6], то подобные «симптомокомплексы» должен иметь каждый пятый россиянин. Объяснить такие цифры довольно легко – они получаются из-за несовершенной диагностики, а также особенностей исследований, которые основным методом делают корреляционный анализ. Исследования такого рода вряд ли могут иметь большой научный вес, однако при этом потенциально создают ситуацию, в которой происходит своего рода «стигматизация» людей, в результате чего появляются мнения, что интернет-аддиктам нужна специализированная помощь психотерапевта, которая может дополняться фармакологическими препаратами для снятия психоэмоционального напряжения [1; 3].

На наш взгляд, такая интенция работ была адекватна на этапе зарождения Всемирной паутины. Сейчас, когда мир изменился настолько, что, например, критерий времени нахождения в Сети не может являться диагностирующим аддикцию по причине того, что мобильный интернет есть на каждом смартфоне, научные изыскания должны направляться в другое русло. Первыми его освоили западные психологи, которые уже делают метаисследования, показывающие не только негативные стороны киберпространства, но и его позитивное влияние.

Решением вышеописанных проблем может быть подготовка специалистов в области киберпсихологии (на что уже ориентированы несколько магистерских программ), а также консолидация ученых, работающих в данной предметной области, что возможно сделать в рамках специализированных тематических конференций, появление которых должно произойти в ближайшее время.

Литература

1. *Дмитриев К.Г.* Психологические детерминанты Интернет-зависимости в юношеском возрасте: Дис. … канд. психол. н. М., 2013.
2. *Кочетков Н.В.* Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1.
3. *Лоскутова В.А.* Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: Дис. … канд. мед. н. Новосибирск, 2004.
4. *Опарина И.Г.* Интернет в современном обществе: Социально-философский анализ: Дис. … канд. филос. н. Красноярск, 2005.
5. *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 3.
6. *Рыбников В.Ю., Литвиненко О.В., Юренкова В.А.* Распространенность компьютерной игровой зависимости среди населения мегаполиса // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2008. № 4.

К проблеме изучения предикторов и факторов рискованного дорожного поведения водителя

Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kochetovatv@gmail.com

Одним из наиболее сложных вопросов в исследовании рискованного дорожного поведения остается вопрос о его возможных предикторах и факторах. Данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что результаты многочисленных психологических исследований, посвященных изучению склонности к риску в широком диапазоне самых разных социальных ситуаций, носят весьма противоречивый характер.

С одной стороны, еще позапрошлом веке А. Кетле с помощью статистики выявил взаимосвязь между преступлениями и возрастом. Он убедительно доказал, что молодые люди, особенно мужчины, более склонны к рискованному поведению, такому как насилие, участие в преступлениях, по сравнению с женщинами и взрослыми

мужчинами более старшего возраста [4]. В ряде последующих исследований было показано, что существуют межкультурные и групповые различия в том, как влияет возраст на принятие риска, однако, основные причины таких различий до сих пор систематически не изучались [4].

С другой стороны, современные масштабные исследования показывают, что склонность к риску уменьшается с возрастом в большинстве стран, включая Россию, Германию и США. Это дало основание для ряда исследователей рассматривать риск как «некую адаптивную стратегию» [4]. Однако в таких странах, таких как Нигерия, Мали и Пакистан рискованное поведение с возрастом существенно не меняется. Данное обстоятельство послужило основой для предположения, что склонность к риску в странах со сложными условиями жизни и высоким уровнем нищеты продолжает оставаться высокой даже в пожилом возрасте [4].

Относительно исследования риска в дорожном поведении можно наблюдать такую же тенденцию: так имеются данные, свидетельствующие в пользу снижения склонности к рискованному вождению с возрастом человека. Не меньший интерес представляют данные о том, что женщины в меньшей степени, чем мужчины, склонны рисковать в процессе вождения [2]. Другими словами, исследователи предлагают в качестве возможных предикторов рискованного дорожного поведения рассматривать такие переменные как пол и возраст.

Так, имеются данные, демонстрирующие, как половые различия могут влиять на вождение. Например, было показано, что если у женщины возникли какие-либо неприятности (семейный конфликт, кто-то заболел и т.д.), то подобные обстоятельства повышают риск попасть в аварию для нее как для водителя, в большей степени, чем для мужчины [1].

Согласно проведенным наблюдениям, на которые ссылается Т. Вандербильт, мужчины превышают разрешенную скорость и нарушают безопасную дистанцию, когда рядом с ними в автомобиле сидит другой мужчина. Если же на переднем сиденье находится женщина, то водители-мужчины ведут себя менее рискованно. Другими словами, то, что можно считать желанием произвести впечатление на других мужчин, превращается в своеобразный защитный импульс, когда в машине женщина [1]. Однако самое безопасное вождение было характерно для водителя-одиночки (это, кстати, справедливо и в отношении женщин за рулем).

Что касается основных факторов, повышающих риск в дорожном поведении водителя, то имеется ряд исследований, в которых

подчеркивается, что основным провоцирующим фактором выступает алкоголь [2], и именно из-за действия алкоголя может изменяться структура дорожного поведения в целом, оно становится более рискованным как у мужчин, так и у женщин.

Предельно обобщая исследования, посвященные поиску предикторов и факторов рискованного дорожного поведения можно обнаружить множество работ, в которых рассматриваются различные психологические и средовые переменные [2]. Можно предположить, что подобного рода исследования существенно обогащают теоретические преставления о рискованном поведении в условиях дорожно-транспортной среды и могут послужить основой для построения единой концепции для его детального изучения.

Литература

5. *Вандербильт Т.* Трафик. Психология поведения на дорогах. М., 2013.
6. *Литвинова Е.Ю., Макеева С.А., Харченко М.А.,* Отношение к неопределенности и мотивация достижения у водителей разного пола // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 47–60. doi:10.17759/sps.2018090405
7. *Meinhard G.,* «Klare Sicht…!?», Evaluation der Wirksamkeit eines primärpräventiven Programmes zur Erhöhung der Verkehrssicherheit // Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. 2018. 141 p. [Электронный ресурс] URL: http://hss.ulb.uni-bonn.de/2019/5589/5589.htm (дата обращения 15.04.2020)
8. *Rui M. K., Anika J., Ralph H.,* Propensity for Risk Taking Across the Life Span and Around the Globe. 2016. Psychological Science, 27, 2, 231-243.

Особенности самоотношения и адаптации лиц с гомосексуальной ориентацией

Красило Т.А., Кирсанова Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tkrassilo@yandex.ru, nastakir65@gmail.com

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что нетрадиционные отношения являются частью практически каждой культуры и прослеживаются с древних времен и до наших дней.

Гомосексуальная ориентация вызывала интерес как отечественных (В.М. Тарновский, В.М. Бехтерев и др.) [3, с. 21; 4, с. 17], так и зарубежных ученых (М. Хиршфельд, И. Блох, А. Кинси, З. Фрейд и др.). Несмотря на многочисленные исследования, нет единой точки зрения на то, откуда появляется склонность к гомосексуальной ориентации, врожденная ли она, существует ли ген гомосексуализма, или она является приобретенной под влиянием социума [2, с. 18, 238; 1; 3, с. 23]. Сексуальная ориентация человека может не всегда соответствовать менталитету страны, религиозным и семейным ценностям и т.д. При обнаружении подобных разногласий у людей начинает меняться привычный ход жизни, начинают страдать отношения в социальных группах, в которые они включены. Предубеждения и дискриминация создают враждебную и стрессовую социальную среду, которая может вызывать проблемы с психическим здоровьем, проблемы в адаптации, проблемы с самооценкой и т.д. у лиц гомосексуальной ориентации. Молодёжь нетрадиционной ориентацией часто сталкивается со множеством трудностей, с непониманием со стороны окружающих людей, в том числе близких. Факты показывают, что ЛГБТ сталкиваются с препятствиями при приеме на работу. Большинство национальных опросов показывают, что 10-20% сотрудников ЛГБТ подвергаются притеснениям на рабочем месте. Согласно данным FRA, 29% сотрудников ЛГБТ в ЕС всегда скрывают свою ориентацию, значительная часть раскрывает эту информацию только ограниченному числу коллег (20% часто скрывают, что они ЛГБТ, 23% редко скрывают эту информацию и только 27% никогда не скрывают) [5]. Опрос, проведенный в январе 2017 года, показывает, что дискриминация продолжает оставаться широко распространенной угрозой благополучию, здоровью и экономической безопасности членов ЛГБТ-сообщества. Среди людей, которые столкнулись с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации, 68,5% сообщили, что дискриминация несколько негативно сказалась на их психологическом благополучии; 43,7% сообщили, что дискриминация негативно сказывается на их физическом благополучии; 47,7% сообщили, что дискриминация негативно сказывается на их духовном благополучии; 38,5% сообщили, что дискриминация негативно сказывается на их школьной среде; 52,8% сообщили, что дискриминация негативно сказалась на их рабочей среде; 56,6% сообщают, что это негативно повлияло на их окружение [6]. Проведя небольшое исследование, используя методику МИС (С.Р. Пантелеев), мы получили следующие результаты. Испытуемые гомосексуальной ориентации (60 человек, в возрасте от 18 до 23 лет), проживающие в г. Симферополе и в г. Москве,

избирательно относятся к своей личности, стремятся адаптировать потребности и особенности своего Я под условия социальной среды, в новых обстоятельствах у них усиливается склонность к подчинению внешней среде. Испытуемые критично относятся к своей личности, корректируя некоторые её свойства, не принимая себя полностью таким, какой он есть. Ригидны в области своей Я-концепции, недооценивают себя и свои возможности, чувствительны к мнению окружающих, склонны к самокопанию и постоянному контролированию своего Я. Методика МЛО-АМ (А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина) показала, что испытуемые имеют трудности в адаптации. Также у некоторых испытуемых наблюдаются трудности в установлении контактов с окружающими, хотя большинство легко вступает в контакт, адекватно оценивают свою роль в коллективе и ориентируются на соблюдение общепринятых норм и правил поведения. Из этих результатов мы видим, что людям с такой сексуальной ориентацией постоянно приходиться приспосабливать свое Я к изменениям и требованиям внешнего мира, а успех их адаптации зависит полностью от внешних условий среды.

Литература

1. *Кирсанова Н.В.* Психологическая феноменология гомосексуальной ориентации у мужчин / Журн. Психология и педагогика в Крыму: пути развития. –№ 1 [Электронный ресурс] 2018. – Режим доступа: http://tacfupsyfacjournal.esrae.ru/9-22 (дата обращения: 08.05.2019)
2. *Кон И.С.* Сексология. Учебное пособие для ВУЗов / Кон И.С. - М.: Издательский центр «Академия», 2004г. – 380с.
3. *Кон И.С.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви / Кон И.С. - М.: Олимп; ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1998. -496с.
4. *Тарновский В.М.* Извращение полового чувства : Судеб.-психиатр. очерк : Для врачей и юристов / Тарновский В.М. - Санкт-Петербург, 1885г. - 109 с.
5. *Fric K.* Working life experiences of LGBT people and initiatives to tackle discrimination. URL: https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2016/eu-member-states/working-life-experiences-of-lgbt-people-and-initiatives-to-tackle-discrimination
6. *Sejal Singh and Laura E. Durso*. Widespread Discrimination Continues to Shape LGBT People’s Lives in Both Subtle and

Significant Ways. URL: https://www.americanprogress.org/issues/lgbtq-rights/news/2017/05/02/429529/widespread-discrimination-continues-shape-lgbt-peoples-lives-subtle-significant-ways/

Риски и ресурсы психологической безопасности киберсообщества

Краснянская Т.М.
АНО ВО МосГУ, Москва, Россия
ktm8@yandex.ru
Тылец В.Г.
ЧОУ ВО РМАТ, ФГБУ ВО МГЛУ, Москва, Россия
tyletsvalery@yandex.ru

Под киберсообществом нами понимается разной сложности объединение субъектов новейшими информационными технологиями в особое социокультурное пространство взаимодействия на основе сходства их интересов, убеждений, установок и прочих мотивационно-ценностных факторов. Являясь исторически принципиально новым социальным образованием, обладающим высокой злободневностью, киберсообщество актуализирует широкий спектр проблем психологической безопасности своих субъектов, рассмотрение которых предполагает детализацию специализированных им рисков и ресурсов [4].

Обращаясь к обозначению рисков и ресурсов психологической безопасности киберсообщества, уточним, что они позиционируются нами следствием следующих особенностей этого социального феномена:

1) киберсообщество структурируется в социальные группы, которые в зависимости от темы, предметно определяющей объединение своих участников, могут являться малыми или большими; соответственно, в нём проявляются практически все социально-психологические эффекты взаимодействия, свойственные этим группам (назовём их классическими эффектами);

2) необходимым условием его образования выступает доступ к информационным технологиям, открывающим новые возможности организации взаимодействия субъектов киберсообщества (дистанционность, оперативность, конфиденциальность, далее – ДОК), выступающих предпосылками коррекции классических и появления особых его эффектов (назовём их информационными эффектами);

3) его функционирование поддерживается и, одновременно, сдерживается текущим уровнем развития информационных технологий, соответственно, эффекты взаимодействия (классические и информационные) в киберсообществе приобретают определённую динамичную изменчивость, регулируемую технологиями, используемыми на текущий для него период.

Цифровизация, как общественно-исторический период проникновения информационных технологий практически во все сферы социальной действительности в качестве необходимого условия её комфортного обустройства, определила специализацию рисков психологической безопасности в результате трансформации некоторых классических и инициации информационных эффектов взаимодействия субъектов киберсообщества [2].

Риски психологической безопасности киберсообщества возникают на основе традиционных и информационных эффектов взаимодействия его субъектов через образование, в силу ДОК киберпроцессов, у определённой их части некоторых уязвимостей в познавательной, эмоционально-волевой, мотивационной сферах, способных персонально и общественно нежелательно отразиться на их психическом, социальном, материальном и даже физическом благополучии. Такие риски снижают уровень не только субъективно воспринимаемой защищённости членов киберсообщества, но и их способности к непрерывному развитию в интересах реализации личностно значимой цели. Так, обоснованный М.Ю. Кондратьевым эффект «нисходящей слепоты», обнаруживающийся игнорированием в закрытых группах высокостатусными его представителями индивидуальности и волевой автономности низкостатусных субъектов [1], в пространстве киберсообщества усиливает риск оторванности первых от потребностей, интересов, устремлений вторых, что содержит угрозу пересмотра распределения в нём социального интереса, межличностных выборов, статусных доминант и проистекающих из этого потерь эмоциональной подпитки личности в интересах её дальнейшего развития. Социально-психологические эффекты группы в сочетании с информационными эффектами в условиях киберпространства провоцируют также, в частности, такие риски психологической безопасности его субъектов как: повышение уровня легковерности его субъектов по отношению к непроверенной, но «злободневной» информации; умножение ситуаций формирования необоснованного доверия к отдельным его членам, обладающим способностью привлечения и кумуляции внимания к себе; темпоральная минимизация в сочетании с пространственной максимизацией заражаемости идеями, обладающими содержательной

поверхностностью и сомнительной социальной ценностью, но привлекательной мультипликационной оформленностью и т.д. [3].

Наряду с продуцированием рисков, киберсообщество обеспечивает своих субъектов определёнными ресурсами психологической безопасности.

Ресурсы психологической безопасности киберсообщества, как и его риски, образуются на основе традиционных и информационных эффектов взаимодействия через появление, в силу ДОК киберпроцессов, у его субъектов возможности интенсификации уровня познавательных, эмоционально-волевых и мотивационных процессов как предпосылки персонально и социально позитивных изменений уровня их психического, социального, материального и физического благополучия. Так, ресурсность психологической безопасности субъектов взаимодействия может обеспечиваться эффектом лидерства, который в условиях киберпространства выступает мощным средством не только внутренней, но и межсубъектной мобилизации и интеграции.

Представленные тезисы содержат наиболее общие подходы к рассмотрению проблемы рисков и ресурсов психологической безопасности киберсообщества, которая требует углублённого социально-психологического изучения.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М., 2008.
2. *Краснянская Т.М., Тылец В.Г.* Классификация угроз информационно-психологической безопасности личности и основные подходы к их преодолению // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. №4.
3. *Парфенова Н.Б., Грибанова Д.Я.* Структурно-содержательные компоненты доверия студенческой молодежи к интернет-коммуникации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2019. № 4 (39).
4. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М.* Модеративный потенциал принципа безопасности в моделировании психологической реальности // Молодёжь в современном обществе: к социальному единству, культуре и миру: Материалы Международного форума. Ставрополь, 2017.

Социально-психологические особенности начала взаимодействия наставника и наставляемого (на примере карьерного консультирования)

Крикун С.Д.
ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
sophiakrikun@gmail.com

В настоящий момент рынок труда претерпевает нестабильное время. Исследования показывают, что в начале апреля 2020 года по России наблюдается отток количества вакансий (-3% за последний месяц) и прирост количества резюме (+7% за месяц) [5]. Проведенные опросы показывают, что в период поиска работы, независимо от объективных показателей рынка труда, соискателям свойственно переживать негативное настроение. Для помощи соискателям в разрешении данной проблемы в практической психологии возник новый формат взаимодействия с клиентом – карьерное консультирование.

Исследования, упомянутые выше, показали, что соискатель в процессе поиска работы находится в негативном настроении. По нашему мнению, этот важный аспект имеет психологические детерминанты, которые поможет решить подход в рассмотрении практики карьерного консультирования как взаимодействия наставника и наставляемого.

Данное исследование оценивает возможность применения модели «наставник-наставляемый» в изучении карьерного консультирования, а также изучает личностные особенности наставляемого до начала работы с наставником: его психологическое состояние и ожидания от взаимодействия с наставником.

Цель исследования: изучить социально-психологические ожидания наставляемого перед началом работы с наставником в формате карьерного консультирования.

Гипотеза: наставляемые выделяют характеристики «помогающий», «склонный к сотрудничеству», «справедливый», «заботливый», как наиболее ожидаемые в личности наставника.

Частная гипотеза: у соискателей-наставляемых наблюдается пограничный или повышенный уровень тревожности перед началом взаимодействия с консультантом-наставником.

Методы исследования: диагностика межличностных отношений Т. Лири, шкала тревоги Спилберга-Ханина, анкета «Идеальный наставник – это…» (С.Д. Крикун).

Исследование было проведено с группой испытуемых (8 человек), которые приняли решение о начале работе с карьерным консультантом. Исследование проходило до начала наставнической работы и помогло сформировать следующие выводы.

1. Наиболее важные аспекты взаимодействия в диаде «наставник-наставляемый» (феноменология наставничества, его функции) выполняются в условиях карьерного консультирования.
2. В ситуации поиска работы среди соискателей, будущих участников процесса наставничества, наблюдается сформированный уровень личностной тревожности.
3. Наиболее важной характеристикой в образе наставника для наставляемых является «Помощь». Для наставляемых важен человек, который стремится помочь другим, когда это необходимо, и умеет это делать в той сфере, которая интересует наставляемых, в данном случае – это поиск работы и построение карьеры.
4. «Уверенность в себе», «склонность к сотрудничеству», «доброта», «чувство собственного достоинства», «строгость, но справедливость», «искренность» также, по мнению испытуемых, являются важными качествами в образе наставника.
5. Кроме того, нами были выделены еще 10 качеств, которые ожидают наставляемые от наставника. Данные качества встречаются менее часто, чем предыдущие, поэтому требуют уточнения в дальнейших исследованиях.

Таким образом, основная гипотеза исследования частично нашла свое подтверждение: помимо выделенных в гипотезе качеств, мы обнаружили и другие, которые не менее редко встречаются в ожиданиях наставляемых. Это позволило сформировать список характеристик, которые возможно использовать в построении наставнической модели «карьерный консультант (наставник) – соискатель (наставляемый)». Частная гипотеза также частично нашла свое подтверждение: сформированный уровень тревожности наблюдается у 63% соискателей в поисках работы.

Данное исследование открывает возможность дальнейшего рассмотрения формата карьерного консультирования с точки зрения процесса наставничества. На данный момент мы выдвигаем предположение, что перед началом работы наставнику необходимо выстроить методологию дальнейшего взаимодействия с наставляемыми, а именно:

1. оценить, как психологическое состояние наставляемых влияет на процесс поиска работы;
2. выделить цель работы наставника, цели наставляемых;
3. определить социально-психологическую концепцию или подход, который будет наиболее эффективен для достижения цели;
4. определить методы работы, соответствующие выбранному подходу;
5. определить план работы с наставляемыми.

Такая комплексная подготовка поможет карьерному консультанту учесть те данные, которые были получены в ходе диагностики наставляемых, а также контролировать результативность взаимодействия наставник-наставляемый.

Литература

1. *Дикова В.В.* Карьерное консультирование – инструмент прогнозирования профессионального образа будущего // Профессиональное образование и рынок труда. 2016. №2
2. *Карелин А.А.* Большая энциклопедия психологических тестов М.: Эксмо, 2007.
3. *Коняева А.П.* Руководство для наставников. Национальный исследовательский университет; Высшая школа экономики: Электронный научный журнал; Организационная психология; 2012, т.2 №3, с. 67-89.
4. Настроение на рынке труда в России накануне 1 квартала 2020. URL: https://hhcdn.ru/file/16861695.pdf
5. Служба исследований HeadHunter. Настроение на рынке труда в России.
6. Служба исследований HeadHunter. Россия – статистика рынка труда. Исследование соотношения вакансий и резюме в регионах РФ. URL: https://stats.hh.ru
7. *Собчик Л.Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005
8. *Хэнсли П.А., Парсон Дж. Л.* Творческое, интеллектуальное и психосоциальное развитие через наставничество: отношения и этапы URL: https://dx.doi.org/10.1177/0044118X93025002002
9. The European Center for Evidence-Based Mentoring URL: https://www.ecebmentoring.eu

О соотношении понятий «имидж личности» и «имидж социальной роли»

Крушельницкая О.Б., Асташина Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
social2003@mail.ru, ast-ea@mail.ru

Имидж является важным фактором, определяющим успешность функционирования личности в системе референтных отношений [2]. С помощью имиджа человек, вольно или невольно передает окружающим информацию о своем социальном статусе, нравственных нормах и ценностных ориентациях. Эта информация служит важным ориентиром для выбора стратегии поведения лиц, вступающих в контакт с данным субъектом. С развитием общества остро ощущается необходимость в создании успешного имиджа не только политических деятелей и публичных людей, но и каждого человека.

Существуют различные подходы к изучению данного феномена. Так, например, по мнению Г.Г. Почепцова, имидж является частью публичного «Я» индивида. Благодаря имиджу, в процессе общения формируется первичная информация о человеке и складывается впечатление о том, как вести себя с ним [5]. Имидж является многофакторным феноменом, который влияет на человека по ряду каналов. Но и сам человек формирует собственный имидж, который влияет на внешнее окружение [5, с. 72]. С точки зрения Е.Б. Перелыгиной, имидж следует рассматривать как разновидность перцептивного образа человека, который создается в результате социального познания [3].

В социальной психологии личность рассматривается на пересечении двух систем отношений – общественных и межличностных (или – психологических, согласно определению В.Н. Мясищева). Поэтому проблема соотношения имиджа личности и имиджа социальной роли – это во многом проблема самопредъявления человека в системе межличностных и общественных отношений. В отечественной социальной психологии подчеркивается, что личность является и результатом, и источником, создателем социальных отношений (Г.М. Андреева, А.В. Петровский М.Ю. Кондратьев и др.). Поэтому и имидж личности неотделим от имиджа исполняемой ею социальной роли. В то же время, между этими понятиями, на наш взгляд, существуют не только связи, но и специфические различия, позволяющие прояснить некоторые особенности самопредъявления человека в различных социальных ситуациях.

Социальную роль описывают как ожидаемый от ее носителя образец поведения (И.С. Кон), как деятельность одного из участников

взаимодействия с целью влияния на других (И. Гофман), а также как совокупность существующих в обществе ожиданий (экспектаций) относительно поведения индивида, его представлений о должном поведении в данной роли и реального исполнения роли (М. Дойч, Р. Краусс).

Сторонник символического интеракционизма и представитель «второго поколения» его Чикагской школы И. Гофман одним из первых поставил вопрос о взаимодействии между людьми, которое они сознательно и неосознанно осуществляют в игровой форме. Его вышедшую в свет в 1959 году книгу «Представление себя другим в повседневной жизни» можно считать первым психологическим исследованием имиджа. В этой книге автор описывает приемы, которыми люди пользуются для того, чтобы создать желаемое впечатление о себе.

Согласно концепции множественности социальной личности У. Джемса, человек имеет столько же разных социальных «я», сколько групп, с которыми он взаимодействуют, являются для него референтными. Гофман подчеркивает, что взаимодействуют не столько индивиды, сколько их социальные «маски», словно персонажи, которых они изображают. И в различных социальных ситуациях люди произвольно и непроизвольно предъявляют и воспринимают себя с помощью этих «масок».

В различных социальных ситуациях человек может исполнять разные социальные роли (например, быть руководителем, подчиненным, отцом семейства, сыном своих родителей, одноклассником, болельщиком какой-либо спортивной команды и т.д.). А это значит, что и имидж он будет выстраивать соответствующим ситуации и той референтой группе, представителям которой в данный момент он себя предъявляет.

Таким образом, предъявляя свое социальное «я», человек использует преимущественно имидж своей социальной роли, с ее унифицированными характеристиками, принадлежащими скорее большой социальной группе, чем его уникальной личности.

Однако существует широкий диапазон возможностей поведения личности при исполнении одной и той же социальной роли. Например, социальная роль «мать» может подразумевать мать заботливую и беспечную, руководитель может быть и авторитетным и не обладающим авторитетом для своих подчиненных. Имидж личности отражает как внешние, наблюдаемые (физическая привлекательность, одежда и прическа, особенности поведения) характеристики субъекта, так и его угадываемые за внешними

проявлениями внутренние – психологические особенности (добрый, искренний, замкнутый, лживый и т.д.).

Человек, по каким-либо причинам утративший социальную роль (увольнение, болезнь, выход на пенсию, развод супругов и т.п.), но обладающий положительным имиджем личности, чаще всего сохраняет позитивное отношение к себе со стороны окружающих. Если же имидж личности не был привлекательным, а позитивное самопредъявление основывалось исключительно на социальной роли, прогноз дальнейших межличностных отношений данного субъекта с его ближайшим референтным окружением будет неблагоприятным.

На наш взгляд, для углубленного психологического изучения имиджа личности целесообразно применение трехфакторной модели «значимого другого» [1; 2; 4]. С этой точки зрения, имидж личности определяется совокупностью трех форм метаиндивидной представленности субъекта – его референтности, аттракции и психологически определяемой власти. Описание основных межличностных позиций индивида, которые сделал А.В. Петровский на основе своей модели («кумир», «божество», «деревенский дурачок», «кондовый начальник» и т.д.), может использоваться в качестве основы для обозначения воспринимаемых имиджевых характеристик [4]. Трехфакторная модель позволяет, на наш взгляд, классифицировать возможные варианты имиджа личности как различных сочетаний позитивных, негативных и нейтральных характеристик «значимого другого».

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* О научной психологической школе А. В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 3. С. 14–31.
2. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Условия референтности педагога для учеников // Авторитет и имидж в профессиональной деятельности педагога: Монография /под ред. С.Д. Якушевой. Новосибирск: Изд. АНС СибАК, 2018. 208 с. С. 183-202.
3. *Перелыгина Е.Б.* Психология имиджа: учебное пособие. – Москва: Аспект Пресс, 2002. 227 с.
4. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии — Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. 416 с.
5. *Почепцов Г.Г.* Профессия: имиджмейкер. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. Киев, 2001. 256 с.

Современные технологии активации механизмов профессионального и личностного самоопределения

Крючкова В.В., Кондратьев М.Д.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
valerialera.kryuchkova.99@gmail.com, mdkondr@gmail.com

На сегодняшний день в целом ряде учебных заведений нашей страны реализуется программа тьюторского сопровождения обучающихся, цель которой – создание условий для построения ими индивидуальной образовательной траектории и последующей реализации интеллектуального и творческого потенциала. В этом контексте важным является решение рядя задач, связанных с активацией и поддержкой механизмов профессионального и личностного самоопределения [1]. Традиционно для их решения используются индивидуальные беседы и консультации, групповые занятия, тренинги.

В системе тьюторского сопровождения студентов факультета психологии ИОН РАНХиГС в дополнение к уже описанным используется дистанционная технология тьюторского сопровождения «Пак тьюторских заданий».

Это формат работы, в котором студенты в течении месяца выполняют ряд заранее сформулированных заданий, пишут рефлексивные отчеты о проделанной работе и получают обратную связь. За 2019/2020 учебный год было сформировано 4 Пака тьюторских заданий, в выполнении которых приняло участие более 50 человек.

Работа над Паком заданий обеспечивает благоприятные условия для формирования капитала идентичности студентов за счет обогащения учебной и внеучебной деятельности; способствует формированию сплоченности студентов разных курсов и направлений; обеспечивает развитие ряда навыков у студентов. Особое внимание уделяется коммуникативным навыкам, умению работать в команде и координировать усилия, креативности, агентности и критическому мышлению. Каждый Пак включает одно-два задания, ориентированных на каждое из указанных направлений.

Помимо этого, большая часть заданий предусматривает несколько уровней сложности, между которыми участник может выбирать. Во-первых, это поддерживает тренд вариативности, идею свободного образования и индивидуальных планов обучения. Во-вторых,

позволяет строить ряд гипотез о моделях мотивации участников и их способах преодоления трудностей.

Процедура работы такова. Участники получают список заданий, а в конце месяца пишут отчёты, которые обрабатываются тьютором факультета и его помощниками. Отчёт может выполняться в произвольной форме или по шаблону, включающему в себя следующие пункты к каждому выполненному заданию:

- общее описание проделанной работы;
- возникшие трудности и их возможные причины;
- полученные знания о себе, людях и мире.

В случае, если студент заявил об участии в Паке, но за месяц не выполнил ни одного задания, ему предлагается написать отчёт об этом, рассказав, почему он не выполнил задания, какие знания при этом получил о себе, людях и мире.

После обработки отчётов участники получают обратную связь, включающую поддержку и вопросы, касающиеся выполненной работы и направленные на повышение рефлексии.

Данный формат позволяет, основываясь на обработке нескольких отчётов каждого участника, в безопасной форме получать информацию о ближайшем окружении и об образе жизни участника, выстраивать и проверять ряд гипотез об их сильных и слабых сторонах, о зоне ближайшего развития и возможных затруднениях. Полученная информация позволяет отслеживать динамику изменений и корректировать индивидуальное сопровождение. Помимо этого, студенты старших курсов получают возможность применять на практике получаемые знания, разрабатывая задания для Паков, оказывать поддержку и искать пути решения трудностей участников под супервизией тьютора.

Содержание рефлексивных отчетов, обратная связь от участников и преподавателей указывают на высокий потенциал данного формата работы с точки зрения активации и поддержки механизмов профессионального и личностного самоопределения, а также создания условий для реализации студентом интеллектуального и творческого потенциала в настоящем и будущем. В контексте событий весны 2020 года такой формат работы становится особенно актуальным, поскольку при его использовании отсутствует необходимость непосредственного контакта участника и тьютора.

В то же время, эта работа сопряжена с рядом трудностей, связанных с динамикой состава участников (около 30%), отсутствием внутреннего обсуждения отчетов с целью сохранения конфиденциальности, возможностью смешения ролей и ролевых конфликтов у студентов-организаторов.

В дальнейшем планируется модифицировать проект с учётом вышеперечисленных недостатков. В первую очередь, его следует дополнить регулярным мониторингом социально-психологических и личностных характеристик участников. Студентам, прекратившим участие в проекте по причине нехватки времени, также будет предоставляться возможность раз месяц получать специально разработанную форму и уже существующие опросники, направленные на измерение уровня субъективного благополучия. Это позволит регулярно собирать данные, необходимые для индивидуализации тьюторского сопровождения и оперативного перераспределения ресурсов. Также планируется разработать форму для структурирования и хранения рефлексивных отчетов участников с целью оптимизации обратной связи. Для обеспечения конфиденциальности каждый участник будет получать кодовое имя при входе в проект.

Таким образом, представленная в тексте публикации технология обладает высоким потенциалом активации и сопровождения механизмов профессионального и личностного самоопределения у студентов высшего учебного заведения, а ее дальнейшая модификация с учетом выявленных замечания позволит, с одной стороны увеличить количество участников, а с другой стороны – повысить результативность. В свою очередь, это создаст условия для реализации студентами интеллектуального и творческого потенциала, что и является целью работы системы тьюторского сопровождения.

Литература

1. *Кондратьев М.Д.* Психологическое сопровождение интеллектуально успешных подростков с разным интрагрупповым статусом // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 175–183. doi:10.17759/sps.2019100213

Феномен свободы-зависимости молодежи в интернет-пространстве

Ларина Г.Н., Ермоленко П.И.
ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
galka.larina@yandex.ru, pilaraoffice89@gmail.com

Динамично развивающуюся компьютеризацию современного общества и ее влияние на психологию человека одновременно можно рассматривать в оппозиции развитие – деградация. И в том,

и в другом случае можно отметить усиление их влияние на массовое сознание.

Сейчас профицит информации и возможностей оказывает медвежью услугу обществу – от потока предоставляемых данных и их влияния человеку и обществу необходимо защищаться [2].

Отечественные психологи неоднозначно оценивают перемены, связанные со всеобщей компьютеризацией [2]. А.Л. Журавлев и Т.А. Нестик считают ее не только орудием развития человека, но и предлагают ее активное использование, опираясь на закономерности функционирования психики.

Как не поразительно звучит, но проблема интернет-зависимости молодежи, на наш взгляд, тесно связана с понятием свободы, которая рассматривается как сложный социально-психологический феномен, проявляющийся в представлениях и деятельности личности и группы [3; 5]. Виртуальная реальность – это и условие проявления представлений личности, и ее стратегия самовыражения, и выражение свободы этой личности.

На сегодняшний день важным вопросом является: «что делать в связи с компьтеризацией общества?» Стоит ли спокойно отнестись к изменениям в обществе, происходящим под влиянием интернета, или пора бить тревогу?

Для возможности составления прогнозов мы провели исследование молодежи на наличие интернет-зависимости и ее связи с чертами личности. Выявленные результаты показали, что у женщин и мужчин по-разному формируется интернет-зависимость [1].

У мужчин значительно чаще встречается игровая зависимость. При этом общий уровень интернет-зависимости у мужчин ниже. Это обосновывается тем, что женщины больше зависимы от социальных сетей.

Объяснение этого феномена схоже с полученными данными в исследовании Г.Н. Лариной, где сравнивалось понимание термина «свобода» у мужчин и женщин [3; 4]. Понятие свобода для женщин наполнена более философским смыслом, чем для мужчин, и приписываемая им социальная роль, основанная на прагматичности и материальности, оказывает давление на личность, чего они пытаются избежать путем ухода в более свободный мир [2]. Хочется отметить, что именно этот факт оказывает данное воздействие, так как молодые люди сейчас не сильно справляются с этой ролью, что и заставляет их избегать сложностей и уходить реализовывать свою значимость там, где это сделать проще – в компьютерных играх.

Женщины по своей природе более общительны, поэтому для них более значимы соцсети и мессенджеры. Но, в отличие от мужчин, у них формируется связь с компульсивным видом интернет-зависимости и толерантностью к интернету: чаще наблюдаются навязчивые движения (например, частая неосознанная разблокировка телефона) и увеличение времени пользования интернетом для получения удовлетворения от его употребления [1]. Данной значимой связи у мужчин не наблюдается.

Таким образом, женщины в интернете в основном компенсируют общение, а мужчины убегают от реальных проблем в альтернативный вариант с упрощенными задачам.

Интересно то, что была выявлена сильная обратная связь между количеством работы в интернете и интернет-зависимостью.

Мы объясняем это тем, что люди, когда начинают использовать интернет-ресурсы в целях зарабатывания денег, меньше начинают относиться к интернету как к платформе для отдыха и развлечений.

На основе вышесказанного, мы выделили три основных варианта стратегий уменьшения интернет - зависимости:

- затруднение виртуальной жизни по сравнению с реальной;
- упрощение реальной жизни по сравнению с виртуальной;
- сочетание двух стратегий.

Как мы пояснили, для первого варианта подойдет перенесение в виртуальную жизнь ее негативных составляющих, автоматически переносящихся при работе в интернете.

Второй вариант – это прекращение обновления виртуального контента. Человеку постепенно начинает приедаться однообразность и однотипность виртуального мира. Поэтому владельцы контентов стараются подогревать интерес пользователей, подкидывая новые обновления. Но, к сожалению, на данный процесс мы повлиять не можем.

Для того, чтобы реализовать вторую ветвь стратегии, необходимо развить те компоненты жизнедеятельности, которые компенсируются в интернете.

Их можно свести к трем вещам: общение, уход от реальности как психологическая защита, безопасное исследование окружающего мира, а также мира нереального. Этого можно добиться через создание группы людей, объединенных совместной деятельностью, целями и интересами. Одним из таких видов групп можно назвать игротеки, где люди собираются играть в настольные игры, кои являются прародителями игр жанра «RPG».

Таким образом, рассматривая феномен свободы-зависимости молодежи в условиях интернет-пространства можно сказать, что оно является не ключевым в жизни человека, и стремление в нем оказаться обусловлено социальной потребностью самовыражения и самоутверждения личности.

Литература

1. *Ермоленко П.И., Щербатых Ю.В.* Ролевые компьютерные игры и формирование зависимости человека от компьютера//Психология в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017.
2. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019 № 5.
3. *Ларина Г.Н.* Представления о свободе и отношение к ней в студенческих группах // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019 Т. 4 № 3 (15).
4. *Ларина Г.Н.* Социальные представления о свободе молодежи и особенности их актуализации в условиях жизнедеятельности // Пензенский психологический вестник. 2016. №1.
5. *Штроо В. А*. Защитные механизмы групповой динамики в организационном контексте // Психология. Журнал ВШЭ. 2007. №1.

К вопросу о социально-психологическом климате в организациях с авторитарно-попустительским стилем управления

Латыпова Ш.А., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
l.shabnam@mail.ru; *tatisheva@yandex.ru*

В современном мире вопрос соотношения стиля руководства и социально-психологического климата в организации изучен достаточно широко. Несмотря на это, некоторые вопросы в этой области по-прежнему нуждаются в эмпирическом изучении. Так, проблема сочетания лидерских качеств руководителя и его

способности грамотно выстраивать взаимоотношения в коллективе остается открытым. С этой точки зрения, социально-психологический климат становится одним из важнейших аспектов успешности организации [1].

Специфика организационного климата широко изучена в работах В.М. Шепеля, В.А. Покровского, Б.Д. Парыгина, Г. Хофстеде, Н.Н. Обозова, Л.Г. Почебут и др., и чаще всего определяется как система взаимоотношений людей, постоянно находящихся в непосредственном контакте друг с другом. Ведущую роль в формировании этой системы играет руководитель. От его умения и желания использовать различные способы воздействия на подчиненных и складывается успешность организации.

По наблюдениям многих исследователей, взаимоотношения руководителя с коллективом зависят от того, какой стиль управления он использует. На сегодняшний день, наиболее широкое распространение получили три основные стиля руководства: авторитарный, демократический и попустительский, которые были открыты еще К. Левиным. Более современные исследования утверждают, что на практике, три представленных стиля не встречаются в чистом виде, а всегда смешиваются между собой в той или иной пропорции. Разумеется, наиболее эффективным стилем управления будет тот, в котором преобладает демократический стиль, а попустительский и авторитарный будут смешаны примерно в одинаковых пропорциях. Однако, как показывает практика, такое сочетание встречается редко.

Одним из наименее эффективных сочетаний можно считать авторитарно-попустительский стиль управления. Несмотря на его губительное воздействие на организацию и психологическое состояние подчиненных, он периодически встречается в российских компаниях.

К. Левин отмечал, что по отдельности оба эти стиля управления могут быть эффективны в той или иной ситуации. Так, авторитарный стиль хорошо работает в кризисных ситуациях [3]. Попустительский стиль, наоборот, подходит лишь для тех организаций, где режим работы стабилен и отлажен. Попустительский стиль, или как его еще называют – либеральный, лучше всего подходит творческому коллективу.

Проблема смешанного, авторитарно-попустительского стиля управления часто заключается в том, что такой руководитель не умеет регулировать свое поведение. Излишний контроль и, в то же самое время, равнодушие никогда не применяются им вовремя. Такой руководитель строгий, но при этом безынициативный и

несправедливый. Требование беспрекословного следования расписанию и дисциплине позволяет ему ограничить свое взаимодействие с подчиненными и снять с себя ответственность за рабочий процесс. Интересен тот факт, что такой руководитель часто окружает себя компетентными заместителями и помощниками, которые и регулируют деятельность сотрудников. Тем самым он самоустраняется от руководства, поддерживая при этом статус единоличного руководителя. Вероятно, низкая заинтересованность в деятельности организации основана на некомпетентности руководителя. Логично предположить, что в таких организациях достаточно широко распространен феномен неформального лидерства.

Для более подробного изучения вопроса негативного влияния этого стиля управления на атмосферу в коллективе, нами было проведено исследование, которое показало, что сотрудники исследуемой организации отмечают в коллективе некоторую *враждебность (5,94)* и *недоброжелательность (6,09)*. Они не лишены *сотрудничества*, но как отметили опрошенные, оно скорее вынужденное. Это подтверждалось тем фактом, что *индекс групповой сплоченности коллектива* находится на крайне низком уровне *(4,3 балла)*. Психологическое выгорание сотрудников, неуважение к руководству и нежелание выполнять свои обязанности может говорить о том, что изученная нами организация находится на стадии распада.

Руководитель организации воспринимается подчиненными как пассивный и некомпетентный, он неумело распределяет обязанности, что нередко вызывает возмущение у подчиненных. *Неграмотное делегирование* – это одна из важнейших проблем авторитарно-попустительского руководителя, которая часто становится основой для конфликтов в коллективе.

В первую очередь, в организации появляется *нездоровая конкуренция*, коллеги оказываются в ситуации соревнования, что делает их работу несогласованной, между коллегами пропадает доверие и взаимозаменяемость, часть подчиненных теряют возможность проявить себя, а часть оказывается в ситуации многозадачности, что приводит их к психологическому выгоранию.

Компетентные сотрудники в таких организациях ощущают необходимость в самостоятельном распределении рабочего времени и регуляции рабочего процесса. Можно сказать, что только благодаря таким сотрудникам деятельность организации может сохранять свою эффективность. Однако вмешательство руководителя может вызвать *агрессивную реакцию*, очередная конфликтная ситуация и

непонимание со стороны руководства рождает новую проблему организации – *«текучесть кадров»*.

Из всего вышесказанного видно, что зачастую от неумелого управления организацией страдает социально-психологический климат. Отношения в коллективе становятся с каждым днем все более напряженными, лояльность к организации снижается вместе с эффективностью ее деятельности. В этой ситуации сложно говорить о взаимовыручке, понимании и согласованности действий в коллективе [1].

Таким образом, каждому человеку, находящемуся на руководящей должности, важно понимать, какие цели преследует организация и как он лично может ей помочь, какие его личностные качества станут опорой, а какие необходимо сдержать. В случае с авторитарно-попустительским стилем руководства, к сожалению, можно говорить о психологических особенностях руководителя, которые противоречат занимаемой должности.

Литература

1. *Балабанова Е.С., Беднякова А.М.* Психологические факторы взаимоотношений в трудовом коллективе /Е.С. Балабанова – М.: Научные труды Московского гуманитарного университета– 2019.– №3.
2. *Журавлев А.Л.* Стиль руководства для управленцев. Социально-психологический анализ производственного коллектива. Совместная деятельность, технология, теория, практика /– М.: Наука, 1988 - С.87
3. *Птуха Н., Краснобаева И., Кушнирик В.* Стиль руководителя и управление коллективом / Н. Птуха // Проблемы теории и практики управления –2008. –№. 12. –С. 85-91.

Образовательная среда учреждения дошкольного образования как фактор формирования социальной ситуации развития ребёнка дошкольного возраста

Леганькова О.В., Чикилева Д.В.

БГПУ имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь

leganykova@gmail.com, sarapkina.darya@mail.ru

Создание условий, обеспечивающих позитивную социализацию и развитие личности ребенка, признается в качестве основной ценности

современного общества. Одной из важнейших форм реализации взаимодействия ребенка и взрослого на современном этапе развития общества является образовательная среда. Изменения образовательной среды ведут за собой изменения социальной ситуации развития личности и опосредую становление возрастных новообразований.

Основной потенциал изменений образовательной среды согласно социальной психологии детства, лежит в пространстве системы отношений ребенка с окружающим миром, отраженном в его переживаниях, и определяющих специфику социальной ситуации развития (А.Н. Веракса, Н.Е. Веракса, Л.С. Выготский, Я.Л. Коломинский, А.В. Петровский, Т.А. Репина, Е.О. Смирнова, Л.В. Финькевич и другие) [1; 2]. Дошкольное образование в современном мире признается важной ступенькой общего образования, а образовательная среда учреждения дошкольного образования ставится важной составляющей социальной ситуации развития на этапе дошкольного детства [3]. Таким образом, актуальным является изучение образовательной среды учреждения дошкольного образования как фактора формирования социальной ситуации развития ребёнка дошкольного возраста.

Эмпирическое исследование было реализовано в рамках участия БГПУ совместно с МГПУ в проекте «Лонгитюдное исследование качества дошкольного образования» при помощи следующих методов: оценка образовательной среды с использованием шкал ECERS – R [4] (3 группы учреждения дошкольного образования, г. Жлобин, Республика Беларусь); беседа с воспитанниками: изучение восприятия и переживания ребенком ситуации взаимодействия «ребенок – ребенок», «ребенок – взрослый» (n=45).

Полученный средний балл по результатам оценки образовательной среды с использованием шкал ECERS – R (4,72 при максимальном 7), приближен к хорошему качеству (5 баллов) и соответствует сложившейся образовательной модели, когда главным источником знаний выступает воспитатель дошкольного образования: основой образовательной деятельности являются специально организованные занятия, на которых у воспитанников минимальная свобода в выборе материалов и деятельности, пособия выдаются педагогическими работниками, а воспитанникам предлагается действовать по образцу, что противоречит современным тенденциям в области психологии обучения детей дошкольного возраста, а также реализации субъектного подхода в образовании.

Результаты исследования позволяют утверждать, что в целом, воспитанники позитивно оценивают деятельность учреждения

дошкольного образования и работающих в нем взрослых. Им нравится возможность участия в разнообразных видах деятельности и демонстрации своих возможностей. В учреждении дошкольного образования есть много сверстников и не бывает скучно. В нём сохраняется природосообразная внешняя среда, разнообразие развивающей предметно-пространственной среды, это создает благоприятные условия, на которые воспитанники обращают внимание. Воспитатели выступают как поддерживающие взрослые и воспитанники охотно и в хорошем настроении идут в детский сад, зная, что их там ждут.

Основные сложности возникают при выполнении таких требований создания развивающей среды и образовательного стандарта дошкольного образования Республики Беларусь как индивидуализация образовательного процесса, поддержка инициативы и самостоятельности детей, создание доступной среды и условий для развития мышления, воображения и детского творчества. Воспитанники практически не привлекаются к созданию развивающей среды в группе (82%), зачастую ограничены в выборе вида деятельности, чувствуют себя виноватыми (60%).

Таким образом, при общем положительном фоне взаимодействия «ребенок – ребенок», «ребенок – взрослый», в условиях учреждения дошкольного образования не реализуются важные параметры социальной ситуации развития необходимые для становления личности ребенка дошкольного возраста. По мнению А.Н. Вераксы, «социальную ситуацию развития можно охарактеризовать как систему требований, которые предъявляются «миром взрослых» к ребенку, и тех прав, которые ему этим «миром» предоставляются. Именно в такой ситуации у ребенка появляется возможность не только присвоить социальный опыт, но и сделать шаг в своем развитии…» [1].

Проведенное исследование показывает, что основной потенциал повышения качества дошкольного образования лежит в области качества процесса – реализации субъектного подхода во взаимодействии педагогических работников с воспитанниками, детей друг с другом, а также воспитанников со средой. Социально-психологический подход к рассмотрению образовательной среды, с точки зрения реализации возможностей социальной ситуации развития ребенка, обладает значительным потенциалом для повышения ее развивающего потенциала. При этом разработка и использование национальных инструментов оценки качества дошкольного образования поможет лучше понять контекст и конкретные дефициты системы.

Литература

1. *Веракса А. Н., Веракса Н. Е.* Социальная ситуация развития в дошкольном детстве // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2008. №1. С. 12–20.
2. *Выготский Л. С.* Вопросы детской психологии. СПб.: Союз, 1997. 224 с.
3. *Титовец Т. Е.* Вариативные модели программ дошкольного образования в мировом образовательном пространстве // Пралеска. 2018. №11. С. 67–69.
4. *Хармс Т., Клиффорд Р. М., Крайер Д.* Шкалы для комплексной оценки качества образования в дошкольных образовательных организациях. ECERS-R: переработанное издание. М., Издательство «Национальное образование», 2016. 136 с.

Взаимосвязь детско-родительских отношений и представлений о будущем родительстве у детей подросткового возраста

Ленкова Н.А., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Вопрос семьи всегда остается актуальным в любой государственной политике. На данный момент в современной России, как указывают многие авторы, наблюдается кризис семьи и семейных отношений. Поэтому изучение детско-родительских отношений остается актуальным и важным. Анализ данного вопроса важен для построения продуктивной работы с подрастающим поколением, а также для усовершенствования психологического сопровождения подросткового возраста и решения проблем семьи и детско-родительских отношений.

Данное исследование направлено на изучение взаимосвязи детско-родительских отношений и представлений о будущем родительстве у подростков. Актуальность работы обусловлена разноплановостью исследовательских работ и противоречивыми данными по данному вопросу.

Вопросом детско-родительских отношений и представлений о будущем родительстве занимались многие авторы: В.В. Столин, А.Я. Варга, С.И.Левикова, С.А. Абдуллина, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, Р.В. Овчарова, Г.Г. Филлипова и многие др.

Детско-родительские отношения оказывают значительное влияние на становление личности ребенка. Многочисленные исследования доказывают наличие тесной взаимосвязи между детско-родительскими отношениями и представлениями о будущем родительстве у детей.

При изучении данного вопроса нами было выявлено, что все исследования можно условно разделить на те, в которых доказывается прямая взаимосвязь, то есть чем лучше детско-родительские отношения, тем позитивнее представления [1], и на те, в которых указывается на неоднозначную взаимосвязь между детско-родительскими отношениями и представлениями у подростков [2].

Стоит также отметить, что многие исследователи оценивали представления о будущем родительстве через их идеальную форму. Основываясь на понятии «Я-концепции», в которую входят «Я-реальное», «Я-идеальное», «Я-настоящее», «Я-будущее», можно предположить, что представления о будущем родительстве не всегда носят форму идеала. Нами было выдвинуто предположение, что исследование представлений о реаьном родительстве позволит получить новые значимых результаты. Между детско-родительскими отношениями и представлениями о будущем родительстве у подростков существует взаимосвязь, но особенности ее формирования далеко не всегда однозначны и предсказуемы.

Литература

1. *Алексеева Е.Н.* Развитие представлений о семье и образе родителя в системе детско-родительских отношений // Теория и практика общественного развития. 2012. №12.
2. *Петросова М.Ц.* Родительские установки как важный фактор психологической готовности к семейной жизни // Научные труды КубГТУ. 2018. №5.

Ценностные ориентации студентов-волонтеров

Леонова Т.И., Лесин А.М.
ФГБОУ ВО РязГМУ, Рязань, Россия,
ti1507@mail.ru, am1709@mail.ru

Актуальность данной работы определяется важностью исследования личности студентов, поскольку период обучения в вузе совпадает со временем формирования их ценностей, высокой

социальной активности и многообразия видов деятельности, среди которых особую популярность в последнее время приобрело занятие волонтерством. Однако личностные особенности людей, которые выбирают подобный вид активности, в частности их ценностная сфера, исследованы мало.

Целью нашего исследования являлось определение особенностей ценностных ориентаций студентов, занимающихся волонтерской деятельностью.

Исследование особенностей ценностных ориентаций было проведено с помощью методики «Ценностные ориентации» О.И. Моткова и Т.А. Огневой (вариант 2) [3]. Выборку составили 100 студентов медицинских и психологических специальностей ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России (17-23 лет), из них 50 занимались волонтерской деятельностью, а 50 не занимались, которых мы условно назвали «волонтеры» и «не-волонтеры».

Изучение ценностной сферы личности студентов неоднократно становилось предметом научных исследований. Установлено, что именно в этот период происходит активное становление ценностно-смысловой сферы [4], гармонизация которой может быть важнейшей задачей психологических служб [5]. Исследованы особенности ценностных ориентаций современных молодых людей, в частности их структура и взаимосвязь с инициативностью [2], а также другие аспекты.

В ходе проведения данного эмпирического исследования было выявлено, что в целом для всех студентов наиболее значимой оказалась ценность саморазвития личности. Также важными для них были такие ценности, как теплые, заботливые отношения, уважение и помощь людям, отзывчивость, любовь к природе и бережное отношение к ней. При этом было установлено наличие значимых различий в ценностных ориентациях групп. Студенты, занимающиеся волонтерством, большую значимость придавали ценности любви к природе и бережного отношения к ней и реализовывали ценность саморазвития личности. Для студентов «не-волонтеров» оказалась характерна более высокая значимость ценности физической привлекательности, внешности и реализация ценности роскошной жизни. В целом, они придавали большее значение внешним ценностям. Эти результаты соотносятся с опубликованными ранее данными о том, что включение студентов в социально значимую деятельность, а также развитие их активности, инициативности способствует формированию [1] и гармонизации ценностной сферы их личности [2].

Также были проанализированы связи между значимостью различных ценностей в обеих группах. У «волонтеров» внешние ценности коррелировали исключительно с внешними ценностями, внутренние – с внутренними, т.е. ценностные ориентации данных студентов можно было условно назвать сбалансированными (см. Рис. 1). Например, значимость саморазвития личности была связана со значимостью уважения и помощи людям, отзывчивости и теплых, заботливых отношений с людьми, а значимость известности и популярности – со значимостью хорошего материального благополучия, физической привлекательности, внешности и роскошной жизни. Это позволило предположить, что студенты «волонтеры» не использовали свою деятельность в корыстных целях, как средство достижения популярности или высокого социального положения. При этом изолированными оказались творчество и любовь к природе, бережное отношение к ней, т.е. они не имели связей с другими ценностям.

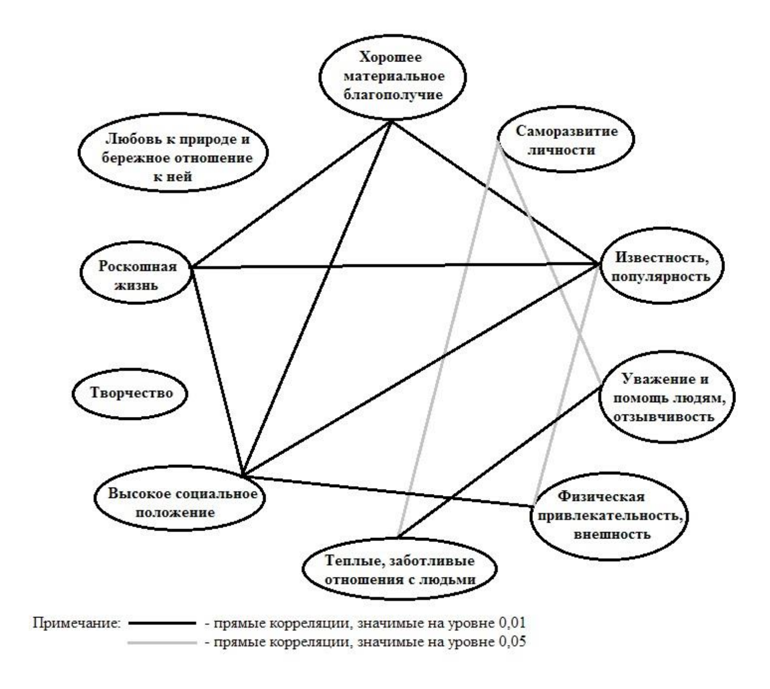

Рис. 1. Взаимосвязи между значимостью различных ценностей у «волонтеров»

В группе «не-волонтеров» можно было наблюдать «смешение» связей внешних и внутренних ценностей (см. Рис. 2).

Например, значимость саморазвития личности для них оказалась связана со значимостью хорошего материального благополучия и любви к природе, бережного отношения к ней, а значимость известности и популярности – со значимостью уважения и помощи людям, отзывчивости, физической привлекательности, внешности, высокого социального положения, творчества, роскошной жизни и любви к природе. На наш взгляд, ценностные ориентации данных студентов являлись несбалансированными.

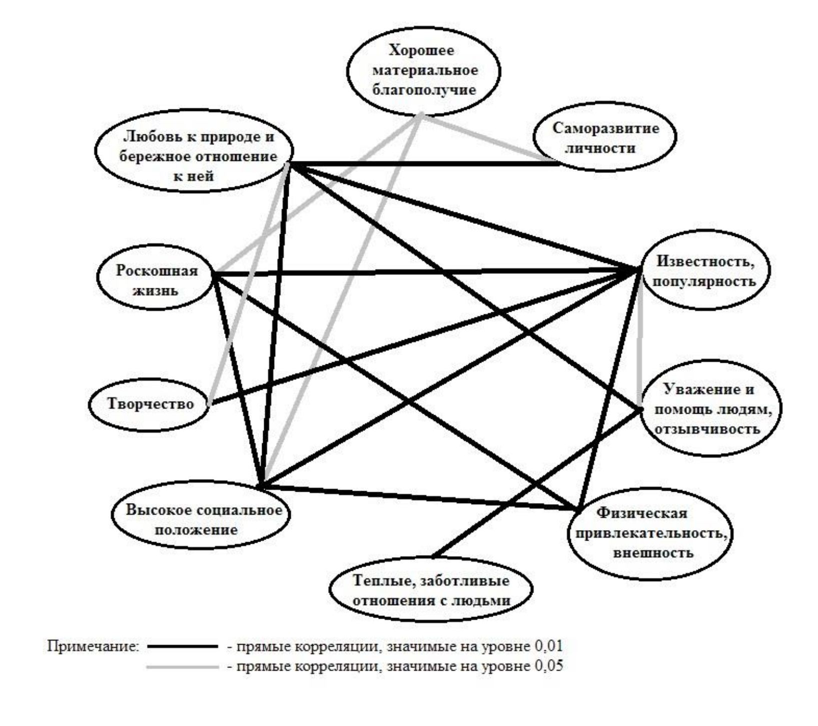

Рис. 2 – Взаимосвязи между значимостью различных ценностей у «не-волонтеров»

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на общее совпадение оценок значимости, ценностные ориентации студентов, занимающихся и не занимающихся волонтерской деятельностью, обладали своими особенностями. «Волонтеры» имели

более сбалансированные ценностные ориентации, большую значимость придавали бережному отношению к природе и реализовывали ценность саморазвития личности. Ценностные ориентации «не-волонтеров» были менее сбалансированы, они придавали более высокую значимость ценности физической привлекательности и реализовывали ценность роскошной жизни.

Литература

1. *Гололобова А.В.* Роль волонтерского движения в развитии гражданских качеств студентов медицинского вуза // Педагогическое образование в России. 2011. №1.
2. *Лесин А.М.* Связь ценностной сферы с психологической структурой инициативности студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. №3.
3. *Мотков О.И.* Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности [Электронный ресурс] // Сайт Психологос. Энциклопедия практической психологии. – 2014.
4. *Сергеева И.А., Кустова В.В.* Ценностно-смысловая сфера личности студентов // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. №6.
5. *Чижо Н.Ю.* Профессиональное самоопределение на этапе вузовской подготовки: типы ценностно-смысловой сферы личности // Известия ВГПУ. 2010. №4.

Связь этнической дискриминации в сети с самоуважением и этническим активизмом в онлайн и офлайн контекстах

Лепшокова З.Х., Титов А.С.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

taimiris@yandex.ru

Этническая дискриминация зачастую исследуется на выборках этнических меньшинств и иммигрантов [4] и совсем не исследуется среди представителей этнического большинства. Однако с ростом вовлеченности населения нашей планеты в информационно-коммуникационные технологии стало понятно, что этническая дискриминация может касаться всех, независимо от этнического статуса. В основном это связано с тем, что в мире существует большое количество международных открытых, латентных, вялотекущих, кровопролитных, потенциальных и других видов конфликтов, которые

сказываются на общении людей разных национальностей в сети. Дискриминация в сети только начинает изучаться и пока не ясно ведет ли она к таким же психологическим и социальным последствиям как этническая дискриминация в оффлайн контексте. Не секрет, что этническая дискриминация в оффлайн контексте связана с психологическим стрессом [2] и с низким уровнем психологического благополучия [3]. Кроме того, этническая дискриминация уже давно признана ключевым фактором, мотивирующим коллективные усилия на социальные перемены [5].

Поэтому в фокусе нашего исследования роль этнической дискриминации сети в уровне самоуважения, а также в этническом активизме, проявляющимся в онлайн и офлайн контекстах.

Перед собой мы поставили следующие исследовательские вопросы. Связана ли этническая дискриминация в сети с самоуважением? Связана ли этническая дискриминация в сети с этническим активизмом в онлайн и офлайн контекстах? Существуют ли различия во взаимосвязи этнической дискриминации в сети с онлайн и офлайн этническим активизмом? Опосредует ли онлайн или/и офлайн этнический активизм связь между этнической дискриминацией в сети с самоуважением?

В исследовании приняли участие 256 представителей русской культуры от 19 до 72 лет, средний возраст 39 лет, из них 87 мужчин и 169 женщин. Методологию исследования составили модифицированные и разработанные авторами методики измерения этнической дискриминации в сети, установок на этнический активизм в онлайн и офлайн контекстах, уровня самоуважения [1].

В результате путевого анализа удалось ответить на выдвинутые исследовательские вопросы. Показатели модели удовлетворительны.

1. Связана ли этническая дискриминация в сети с самоуважением?

Наше исследование показало, что этническая дискриминация значимо отрицательно связана с самоуважением ($\beta = -0{,}13$, $p < 0{,}05$). Результат согласуется с данными, полученными при оценке связи дискриминации и самоуважения у иммигрантов. Получается, что этническая дискриминация в сети ведет к низкому уровню самоуважения у представителей этнического большинства.

2. Связана ли этническая дискриминация в сети с этническим активизмом в онлайн и офлайн контекстах?

Этническая дискриминация в сети значимо позитивно связана с этническим активизмом в онлайн ($\beta = 0{,}16$, $p < 0{,}01$) и офлайн ($\beta = 0{,}16$, $p < 0{,}01$) контекстах.

Иными словами, этническая дискриминация в сети является важным предиктором этнического активизма, независимо от формы проявления последнего.

3. Существуют ли различия во взаимосвязи этнического активизма в онлайн и офлайн контекстах с самоуважением?

Онлайн этнический активизм значимо позитивно связан с самоуважением ($\beta = 0,20$, $p < 0,05$), тогда как этнический активизм в офлайн контексте не связан с самоуважением ($\beta = 0,10$, $p > 0,05$). Данный результат свидетельствует о том, что этнический активизм в онлайн контексте может повысить уровень самоуважения в отличии от этнического активизма в офлайн контексте.

4. Опосредует ли онлайн или/и офлайн этнический активизм связь между этнической дискриминацией в сети с самоуважением?

Оценка значимости непрямых эффектов этнической дискриминации в сети проводилась с помощью Maximum-Likelihood estimation с использованием 5000 bootstrapped samples. В результате анализа обнаружен значимый позитивный непрямой эффект этнической дискриминации в сети на самоуважение, осуществляемый через этнический активизм в онлайн контексте. Получается, что чем больше уровень этнической дискриминации в сети, тем больше проявляется этнический активизм в сети, что в свою очередь ведет к повышению уровня самоуважения.

Резюмируя полученные результаты, следует сказать, что в нашем исследовании четко прослеживается то, что этнический активизм в онлайн контексте проявляет себя как значимый медиатор (буфер) во взаимосвязи этнической дискриминации в сети с самоуважением, снижая негативное влияние этнической дискриминации на самоуважение.

Литература

1. *Rosenberg M.* Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.
2. *Sellers R.M., Caldwell C.H., Schmeelk-Cone K.H., Zimmerman, M.A.* Racial identity, racial discrimination, perceived stress, and psychological distress among African American young adults // Journal of Health and Social Behavior. 2003. Vol. 44. pp. 302–317.
3. *Umana-Taylor A.J., Updegraff K.A.* Latino adolescents' mental health: Exploring the interrelations among discrimination, ethnic identity, cultural orientation, self-esteem, and depressive symptoms // Journal of Adolescence. 2007. Vol. 30. pp. 549 –567

4. *Verkuyten M.* The Perceived Discrimination and Self-Esteem Among Ethnic Minority Adolescents // Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 138(4). pp. 419–493.
5. *Wright S.C., Tropp L.R.* Collective action in response to disadvantage: Intergroup perceptions, social identification, and social change // Relative deprivation: Specification, development, and integration / In I. Walker & H. Smith (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 2002.

Мотивация подростков к волонтерской деятельности

Липатова Л.А., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

В наше время волонтерство представляет собой значимый инструмент экономического и социального развития общества и является социально-одобряемой деятельностью во всем мире. Многие российские и зарубежные исследователи в рамках теоретических и эмпирических работах изучают феномен добровольчества.

Мы затрагиваем волонтерскую деятельность среди современных подростков. У школьного добровольчества есть определенная специфика, не имеющая ничего общего с внеучебной деятельностью и благотворительной практикой. Школьное волонтерство – это не только безвозмездная помощь другим, но еще и возможность для самих детей приобрести интересный и полезный опыт, развить важные навыки, получить новые знания, расширить контакты, определиться с выбором жизненного пути, проявить и показать себя. Одним из наиболее изученных компонентов данной деятельности является мотивация. Авторы описывают в своих работах успешность формирования мотивации в добровольческой деятельности. Волонтерство представляет уникальную возможность совместить удовлетворение личных потребностей подростка с потребностями социума [2; 3].

Рассмотрим мотивацию подростков к волонтерской деятельности как совокупность причин, объясняющих их поведение [2]. Обычно в основе лежит мотив – альтруизм: бескорыстное желание делать добро окружающим [1]. Данная мотивация является неустойчивой, особенно когда подросток сталкивается с равнодушным отношением. Также авторы выделяют социальную мотивацию и социальную ответственность: желание ребят приобрести новый круг общения, найти единомышленников, улучшить жизнь людей в обществе.

Многие следуют традициям оказывать помощь нуждающимся людям [2]. В последние годы появилась материальная составляющая мотивации. Некоторые подростки включаются в добровольческую деятельность для достижения личных целей или удовлетворения потребностей. Оформляют волонтёрские книжки для улучшение своего резюме, возможности зачесть какие-либо предметы в школе, получить дополнительные баллы при поступлении в вуз.

С целью изучения мотивации подростков к волонтерской деятельности нами было проведено предварительное анкетирование среди учеников старших классов школ г. Москвы. В процессе анкетирования мы получили следующие результаты: основным мотивом, побуждающим детей заниматься волонтерством, является альтруистический. На втором месте стоит потребность в общении, приобретение социального опыта. Несомненно, предпринятое нами исследование требует дальнейшей, более глубинной разработки. В дальнейшем мы планируем исследовать социально-психологическую готовность подростков к волонтерской деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что волонтерство становится все более популярным среди старшеклассников. Таким образом, с одной стороны, для подростков важными мотивами являются не только альтруизм, но и самореализация, возможность получения новых компетенций и приобретение социального опыта, но в тоже время быть волонтером – это большая ответственность. С другой стороны, интерес и стремление старшеклассников к добровольческому движению обусловливает потребность в разработке и реализации единой модели формирования волонтерского сознания подростков в условиях функционирования образовательных учреждений.

Литература

1. *Гулевич О.А., Шевелева И.А., Фомичев А.А.* Помощь как стиль жизни: психологические аспекты волонтерской деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 5-18.
2. *Прокопьева Ю.П., Прокопьева М.М.* Мотивация волонтерской деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 6. С. 31–34.
3. *Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е.* Взаимосвязь психологических особенностей студентов и их готовности к волонтерской деятельности // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 6. С. 85–95. doi:10.17759/pse.2019240608

Возможности использования дифференцированного подхода к профилактике дорожного-транспортных происшествий среди водителей различных возрастных категорий

Лисицин В.А., Лебедев А.Н.,
Расходчиков К.А., Расходчикова Г.Ф.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lisitsynva@gmail.com, 79636888877@yandex.ru,
kirakez@mail.ru, gallina@list.ru

В настоящее время в России ведется активная работа по профилактике дорожно-транспортного травматизма и снижению уровня аварийности на дорогах [2], в том числе, эта задача обозначена как одна из основных в рамках «Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2018-2024 гг.». Однако в этой деятельности не уделяется достаточно внимания водителям в возрасте 70-80 лет (и выше), которые, по данным международной статистики, являются особой «группой риска».

Можно констатировать, что системная и планомерная работа среди пожилых водителей в нашей стране практически не проводится, а ряд мероприятий, например, в столичной программе «Московское долголетие», ориентированной на поддержание активной жизненной позиции пенсионеров мегаполиса вообще не предполагает, например, пролонгированные специализированные курсы для пожилых граждан, которые продолжают управлять транспортным средством и остро нуждаются в особой специализированной психологической поддержке сохранения навыков безопасного вождения.

Если учесть, что старение (и рост продолжительности жизни) населения – это устойчивый тренд: к 2025 году доля пожилых людей в нашей стране дойдет до 27%, к 2035 году пожилых людей будет больше, чем работающих [6]. Например, в столице этот тренд ярко выражен, и можно ожидать, что количество пожилых людей, активно использующих личный или прокатный автомобиль, чтобы повысить свою мобильность в условиях городской среды, будет расти.

На сегодняшний день в Российской Федерации нет специальных ограничений или рекомендаций по управлению автомобилем водителями пожилого возраста. За руль может сесть даже 90-летний человек, если у него есть действующая медицинская справка, дающая право продлить водительское удостоверение на новый срок. С одной стороны, возможность продлить права на управление транспортным средством у пожилых людей встречает реальные препятствия по

медицинским показаниям, поскольку к пожилому возрасту возникают различные хронические заболевания. С другой стороны, условно здоровый пожилой человек не получает никакой специальной поддержки, которая требуется ему из-за нормативных возрастных изменений физического и психологического состояния.

Как уже говорилось выше, система психологической поддержки и помощи пожилым водителям транспортных средств отсутствует, а редкие мероприятия в этой области носят фрагментарный характер. Внимание сосредоточено на другой «возрастной» группе риска – молодежи. Дети и подростки (как пешеходы и пассажиры) вовлекаются в тематические уроки и олимпиады, в работу Юных инспекторов движения (ЮИД). Для начинающих водителей введен курс «Психофизиологические основы деятельности водителя». Такие мероприятия, безусловно, являются вполне оправданными, поскольку рискованное поведение подростков и молодежи в дорожно-транспортной среде «обусловлено совокупностью причин: личностными факторами, такими как импульсивность или агрессия; давлением со стороны сверстников; оценкой выгоды от рискованного поведения, которая «перевешивает» риски… [а также рядом физиологических причин]: незрелость префронтальной коры и, реже, влиянием гормонального статуса на эмоции и поведение» [1; С. 32].

При этом пожилые люди имеют такой же высокий риск аварий, как неопытные молодые взрослые (18–23 года) и имеют не меньше потребностей в активном передвижении (например, на них часто ложится задача сопровождения внуков в кружки и секции). А из-за ограничений в области мобильности их, в отличие от молодежи, не удастся переориентировать на использование даже московской развитой системы общественного транспорта.

Обратившись к опыту других стран, где система психологической поддержки пожилых водителей для обеспечения и сохранения их способности к управлению транспортным средством активно развивается и внедрена в систему профилактики аварий и дорожно-транспортных происшествий [5], можно сделать вывод, что такой опыт может быть кране полезен сегодня и в России.

Действительно, опираясь на дифференцированный подход при разработке программ и мероприятий в области дорожно-транспортного травматизма с учетом возрастных (а, возможно, и гендерных) особенностей водителей [5; 6], можно способствовать решению важной государственной задачи: улучшению качества жизни пожилых людей через поддержание их активности при самостоятельном передвижении и сохранении мобильности.

Учитывая сказанное выше, можно наметить несколько конкретных первоочередных шагов к построению программ психологической профилактики аварий и ДТП, которые могли бы направлены на узкую и специфическую «группу риска» – пожилых водителей. В числе таких шагов могут быть следующие:

1) разработка методических материалов (модели работы и конкретные методики) в сфере медико-психологической оценки личностных ресурсов, обеспечивающих безопасное передвижение водителей в условиях, например, современного мегаполиса, на основе переводов актуальной зарубежной литературы по психологии дорожного движения [3; 4];

2) организация взаимодействия специалистов в сфере безопасности дорожного движения и психологов-практиков, работающих с пожилыми людьми с целью разработки системы социально-ориентированных мероприятий, направленных на поддержку мобильности пожилых водителей и сохранения их пригодности к управлению транспортным средством;

3) привлечение внимания экспертного сообщества и общественности к проблемам пожилых водителей современного мегаполиса как особой «группы риска», которая нуждается в пролонгированной психологической помощи и социально-психологической поддержке для сохранения мобильности.

Литература

1. *Арчакова Т.О.,* Безопасность дорожного движения: исследования с позиций возрастной психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 29–37. doi:10.17759/jmfp.2017060104 URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52264.shtml (дата обращения: 13.04.2020)
2. *Бурцев А.А.*, Проблемы комплексной превенции управления транспортным средством в состоянии опьянения: организационно-правовые, медицинские и социально-психологические аспекты // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 98–107. doi:10.17759/sps.2018090409
3. *Кочетова Т.В.,* «Traffic Psychology»: от фрагментарных исследований к комплексным решениям прикладных задач транспортных проблем // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 2. С. 89–99.
4. *Кочетова Т.В.,* Новое направление в психологии «Traffic Psychology»: зарубежный опыт, проблемы и перспективы

развития [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Том 1. № 2. С. 39–48. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52264.shtml (дата обращения: 14.04.2020)

5. *Макеева С.А., Кочетова Т.В.,* Междисциплинарная модель поддержки и содействия развития «компетенции мобильности» в Европе [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 38–43. doi:10.17759/jmfp.2017060105 URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52264.shtml (дата обращения: 13.04.2020)
6. VII Конференция «Общество всех возрастов» 10-11 октября 2019 г. [Электронный ресурс] URL: https://xn--80adfe5b7a9ayd.xn--80adxhks/ru-RU/news/event-announce/view/2528.html (дата обращения 14.04.2020)

Особенности представлений молодежи о людях с расстройством аутистического спектра

Литаврина А.А., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
a.litavrina@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru

В последние десятилетия существенно возрос интерес к исследованию развития людей с расстройством аутистического спектра (РАС). С одной стороны, внимание к данной проблеме обусловлено значительным количеством детей и взрослых с данным видом психического расстройства. С другой – настойчивостью исследователей в поиске эффективных средств помощи аутичным людям в их развитии и социальной адаптации. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, уровень распространения аутизма составляет примерно 1 на 88 человек. С принятием нового Закона об образовании актуализировались вопросы образовательной и социальной интеграции детей с ОВЗ, включая и детей с РАС, и подобные исследования стали необходимы в психолого-педагогической практике [2].

Общепризнано, что важнейшим условием социальной адаптированности индивида является достаточный уровень развития у него социальных навыков. Недостаток социальных навыков, а значит и отсутствие нормального социального взаимодействия с референтными людьми не только не позволяет ребенку занять

благоприятное положение среди других детей, но и может препятствовать его умственному и языковому развитию [1].

Однако при РАС проблема взаимодействия индивида с ближайшим окружением существенно осложнена нарушениями когнитивной сферы личности. При высокой невербальной активности таким людям зачастую свойственно отставание в решении вербально опосредованных задач.

Специалисты, занимающиеся реабилитацией людей с РАС, преследуют цель не вылечить аутизм, а помочь максимально адаптироваться человеку в обществе, чтобы была гармония и у него, и у других людей. Однако социальная адаптация не может быть успешной, если в обществе существуют не благоприятствующие ей установки, базирующиеся на представлениях о людях с РАС. Особенно важно изучение представлении у молодежи как наиболее активной и продуктивной части общества, способной осуществлять значительные социальные изменения. Поэтому целью нашего эмпирического исследования стало выявление особенностей представлений молодежи о людях с расстройством аутистического спектра.

Исследование проводилось в два этапа. На первом, пилотажном этапе было опрошено 52 человека в возрасте от 20 до 30 лет. Использовалась авторская анкета, разработанная на основе теоретического анализа проблемы представлений о людях с РАС. Респонденты отвечали на вопросы и завершали неоконченные предложения. Выделенные в ходе опроса единицы содержательного анализа высказываний респондентов затем использовались для основной части эмпирического исследования. Кроме того, в эмпирической части исследования использовались «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина), «Методика диагностики социально-психологической адаптации» (К. Роджерс и Р. Даймонд) и тест «Индекс жизненной удовлетворенности» (A.O. Neugarten), адаптированный Н.В. Паниной.

В основной части исследовании приняли участие 96 респондентов в возрасте от 20 до 30 лет, не имеющие опыта постоянного общения с людьми с РАС.

17% опрошенных считают, что РАС – это особенность характера, 2% – «нечто типа социофобии», 33% – расстройство эмоционального поведения, 21% – «расстройство типа невроза, но не лечится», 27% – тяжелое психическое расстройство. Самих людей, страдающих расстройством аутистического спектра, испытуемые определили как «живущих в собственном мире» (65% опрошенных), нуждающихся в лечении в психиатрических больницах (2%), похожих на человека из

фильма Б. Левинсона «Человек дождя» (29%), а также как интровертов (4%). Мнения относительно личностных особенностей людей с РАС разделились следующим образом: «они – умственно отсталые» (8,5%), «очень умные» (25,5%), «очень нервные» (4%), «непредсказуемые» (62%). Также респондентам был задан вопрос о том, как, по их мнению, повлияло бы на их семейные отношения наличие в семье человека с РАС. Большинство (51%) ответили, что повлияло бы очень сильно, причем часть ответов имела выраженный эмоциональный характер («страшно представить», «ужасно», «это часто приводит к инвалидности – очень тяжело для семьи», и т.п.). 35% полагают, что наличие в доме ребенка или взрослого с РАС повлияло бы на семейные отношения несущественно, остальные 14% затруднились ответить. Явно негативных представлений относительно личности человека с РАС или характера взаимодействия с ним не выявлено.

В ходе исследования были обнаружены следующие особенности представлений о людях РАС у молодежи с различными показателями удовлетворенности жизнью, жизненных ценностей и социально-психологической адаптированности.

Наиболее и наименее удовлетворены жизнью в целом (по общему индексу жизненной удовлетворенности) те, кто склонны считать РАС сложным и тяжелым психическим расстройством (критерий χ^2 Пирсона 44,230; p=0,045). Представления молодежи со средней общей удовлетворенностью жизни больше сводятся к тому, что это некоторое эмоциональное расстройство.

Респонденты с выраженным позитивным интересом к своей жизни чаще других ассоциируют людей с РАС с «человеком дождя» и говорят об их непредсказуемости. Представления молодых людей с низкими показателями по данной шкале несколько противоречивы: для них это очень умные люди, которые, однако, должны лечиться в психиатрических больницах (χ^2 Пирсона 29,360, p=0,044). Положительная оценка себя и своих поступков свойственна респондентам, которые представляют людей с РАС как непредсказуемых и не стремятся оценивать их интеллектуальные возможности. Молодежь со сниженной самооценкой чаще говорит об умственной отсталости (χ^2=22,530, p=0,032).

В представлениях респондентов с высокой значимостью социальных контактов как жизненных ценностей люди с РАС – это «живущие в своем мире», похожие на «человека дождя». Респонденты с низкой ценностью социальных контактов чаще представляют людей с РАС как психически больных (χ^2=37,912, p=0,002). «Непредсказуемость» доминирует, на уровне тенденции (χ^2=28,109,

p=0,06), в представлениях респондентов с преобладанием духовных потребностей над материальными.

Молодежь, для которой ценность собственного престижа имеет наиболее высокие и наименее низкие значения, определяет людей с РАС как «очень умных», в то время как средние значения соответствуют представлениям о непредсказуемости людей с этим видом психического расстройством (χ^2=54,473, p=0,004). Испытуемые с очень высокой значимостью материальных ценностей считают, что наличие в семье человека с РАС очень сильно повлияло бы на их семейные отношения; остальные полагают, что это не отразилось бы существенно на их взаимоотношениях (χ^2=38,179, p=0,001).

Позитивное отношение к людям с РАС чаще других высказывают респонденты, имеющие высокие показатели по шкалам СПА «принятие других» и «самопринятие». Эскапизм в большей мере свойствен тем, кто считает, что это непредсказуемые люди (χ^2=44,362, p=0,044).

Таким образом, в нашем исследовании выявлено два основных типа представлений молодежи о людях с РАС. Согласно первому, это – тяжелобольные, нуждающиеся в психиатрическом стационаре люди, с повышенными или пониженными интеллектуальными возможностями. Согласно второму – их расстройство не имеет принципиального значения, они мало отличаются от других людей, однако они непредсказуемы. Второй тип представлений свойствен молодежи с высокой социальной адаптированностью, предпочтением социальных и духовных ценностей, а также средним уровнем удовлетворенности жизнью. Первый тип – молодым людям с меньшей социальной адаптированностью, предпочтением материальных ценностей и высокой или низкой удовлетворенностью жизнью.

Литература

1. *Никольская О.С.* Трудности школьной адаптации детей с аутизмом // Особый ребенок: исследования и опыт помощи. М.: Центр лечебной педагогики; Теревинф, 1998. Вып. 1.
2. *Семаго Н.Я., Соломахина Е.А.* Психолого-педагогическое сопровождение ребенка с РАС // Аутизм и нарушения развития. 2017. Том 15. № 1. С. 4–14. doi:10.17759/autdd.2017150101

К вопросу о проявлениях авторитарности личности у обучающихся кадетских и общеобразовательных классов

Литвинова Е.Ю., Полякова П.Д.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Lina6209@yandex.ru

Актуальность проблемы авторитаризма личности в современной России невозможно переоценить. Авторитарность является устойчивым образованием личности и характеризующимся такими свойствами как склонность идентифицировать себя с группой, высокий уровень самоконтроля, конформность, стереотипность мышления, стремление к твердости и к подчинению, а также низкая толерантность к неопределенным ситуациям. Уровень авторитарности зависит от ценностей культуры, с которой взаимодействует личность, а также от того, в какие социальные группы она включена. Глобальные социально-экономические изменения, произошедшие в нашей стране на рубеже веков, повлияли на функционирование социальных институтов, общественные отношения [2].

В современных российских школах существует тенденция к дифференциации классов, в связи с активным внедрением профильного образования, которое в будущем поможет выбрать подросткам дальнейший путь их профессионального становления. Профильное образование позволяет учитывать интересы и способности учеников, а также выстраивать индивидуальные маршруты обучения [3].

В классах кадетского профиля доминирует военно-патриотическая направленность, введено ношение обязательной военной формы, удлинен учебный день за счет ряда дополнительных дисциплин (строевая, рукопашный бой, работа с оружием и т.д.), присутствует строгая дисциплина, поддерживаемая не только учителями, но и офицером-воспитателем, работающим в связке с классным руководителем. Стоит отметить, что в данной работе мы имеем в виду именно кадетские классы, образованные на базе общеобразовательных школ, а не в специальных кадетских учреждениях, которые финансируются Министерством обороны РФ. То есть ученики общеобразовательных классов и дети, обучающиеся в кадетских классах, постоянно находятся в стенах одного образовательного учреждения [1].

Наше исследование проводилось на базе ГБОУ «Школа № 1512» города Москвы. В исследовании приняли участие ученики общеобразовательных и кадетских классов в возрасте от 15 до 17 лет.

Мы не производили деление на классы (9 и 10), поскольку изучаемые нами характеристики, по нашему мнению, связаны с особенностями учебного процесса, а не с этапом обучения. Общий объем выборки составил 145 человека, из которых 69 человек ученики кадетских классов, 76 человек ученики общеобразовательных классов. Цель работы – изучение проявления авторитарности личности у учащихся кадетских и общеобразовательных классов. Объект исследования – авторитарность личности. Предметом представленного исследования является авторитарность личности школьников, обучающихся в кадетских и общеобразовательных классах.

Основная гипотеза нашего исследования: существуют различия в проявлениях авторитарности у учащихся кадетских и общеобразовательных классов.

Исходя из данной гипотезы, мы выдвинули три частные гипотезы.

1. У учащихся кадетских классов наблюдается более высокий социальный самоконтроль, чем у учащихся общеобразовательных классов.
2. Учащиеся кадетских классов обладают более выраженными коллективистскими установками, чем учащиеся общеобразовательных классов.
3. Учащиеся общеобразовательных классов имеют более высокую толерантность к неопределенности, чем учащиеся кадетских классов.

Опираясь на теоретический обзор данной проблемы, мы сформировали батарею методик. Поскольку выбранные методики показывают объективную картину различий в социально-психологических переменных у кадетов и учеников общеобразовательных классов. Для проверки выдвинутых гипотез мы использовали: тест социального самоконтроля Снайдера; методику «Показатели индивидуализма – коллективизма» («ПИК»); методику определения толерантности к неопределенности (С.Баднера) в модификации Г.У. Солдатовой; шкалу авторитаризма правого толка Б. Альтмейера (в адаптации Н.А.Дьяконовой).

По результатам исследования мы пришли к следующим выводам.

- Проявления социального самоконтроля зависят от специфики образовательного и воспитательного процесса в образовательной организации: 56% учащихся кадетских классов и 43% учащихся общеобразовательных классов имеют высокий уровень самоконтроля.
- Учащиеся кадетских классов обладают более выраженными коллективистскими установками, чем учащиеся общеобразовательных классов.

- Учащиеся общеобразовательных классов имеют более высокую толерантность к неопределенности, чем учащиеся кадетских классов.
- Авторитаризм правого толка у учащихся кадетских классов выражен в большей степени, чем у учащихся общеобразовательных классов.

Таким образом, наша основная гипотеза и наши частные гипотезы подтвердились.

Результаты исследования будут полезны не только для педагогов-психологов (их можно использовать для психологического сопровождения подростков, обучающихся в учебных организациях, имеющих классы различной учебной и воспитательной направленность), но для всего педагогического состава, работающего в классах кадетского профиля.

Нам удалось рассмотреть лишь часть социально-психологических переменных, коррелирующих с авторитарность, в дальнейшем мы планируем более глубоко проработать эту тему, рассмотреть другие социально-психологические переменные, а также более глубоко погрузиться в специфику образовательного и воспитательного процесса в кадетских классах.

Литература

1. *Ермак М.А.* Особенности образовательного процесса в кадетских классах общеобразовательной школы. СПб., ТОГИРРО,2013.
2. *Баязитов Р.Ф.* Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях – Нижнекамск: НМИ, 2006.
3. *Резапкина Г.В.* Отбор в профильные классы. – М.: Генезис, 2006. – 124 с.

Межгрупповое взаимодействие представителей молодежных субкультур просоциальной направленности

Логвинова М.И.
ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
landaurita@mail.ru

Согласно представлениям А.В. Петровского, в процессе становления личности важнейшую роль играют значимые для нее группы (референтные). При этом весь ход ее развития во многом задан

поступательной сменой сообществ (например, школьный класс, дружеская компания, студенческая группа, трудовой коллектив). По мнению А.В. Петровского, именно референтная группа выступает источником ориентации в окружающей действительности [2].

Для подростков и юношей в качестве референтных групп довольно часто выступают неформальные группы, в том числе, молодежные субкультуры. Именно на их ценности, мнения и оценки в значительной мере ориентируется современная молодежь. Это обуславливает повышенный интерес исследователей к проблеме изучения феномена молодежной субкультуры.

Молодежные субкультурные сообщества крайне разнообразны: от антисоциальных группировок (скинхеды, хулиганы, «группы смерти») и относительно пассивных социальных групп (геймеры, рокеры, толкиенисты), до молодежных субкультур просоциальной направленности (добровольческие отряды, молодежные движения) [2].

На наш взгляд, именно молодежные субкультуры просоциальной направленности требуют более тщательного изучения в настоящее время по ряду причин.

1. Данные сообщества в значительной мере не изучены, так как в современном виде широкое распространение они стали приобретать в последние десятилетия в связи со сменой вектора государственной молодежной политики (проведение всероссийских форумов, фестивалей, грантовая поддержка молодежи, крупные международные соревнования на территории нашей страны, требующие подготовки волонтеров и т.д.).
2. Просоциальные молодежные сообщества потенциально могут внести существенный вклад в развитие общества, следовательно, выявление механизмов их возникновения и развития является приоритетным практико-ориентированным направлением.
3. Молодежные субкультуры просоциальной направленности способствуют более успешной социализации личности по сравнению с социально-пассивными и, тем более, антисоциальными группами.
4. Имеющийся в отечественной социальной психологии богатый опыт исследования просоциальных молодежных сообществ (коллективов) не всегда может быть применим в отношении современных молодежных групп, так как серьезные изменения претерпели социально-экономические, культурные, политические и иные условия, а также содержательный компонент ценностей, взглядов, убеждений подрастающего поколения.

По нашему мнению, научный интерес представляет вопрос о межгрупповом взаимодействии в данных субкультурах. На первый взгляд может показаться, что такие сообщества должны быть в

большей мере открыты и расположены к взаимодействию с другими группами ввиду своей просоциальной ориентации. Но, с другой стороны, сущность молодежных субкультур состоит в обособлении и их дистанцировании от других групп, демонстрации групповой идентичности, что может обуславливать некое противостояние в отношении с другими группами.

Целью исследования стало изучение межгруппового взаимодействия представителей молодежных субкультур просоциальной направленности.

Базой исследования выступила детско-юношеская организация «Аргон». Исследование проводилось в ходе профильной смены детского оздоровительного лагеря «Лидерский формат», куда были приглашены активисты организации из школ города Курска. Общий объем выборки составил 100 человек. Исследуемые были разделены на четыре отряда, в зависимости от возраста (средний возраст в отрядах от 14 до 16 лет).

Жизнедеятельность отрядов была организована таким образом, чтобы способствовать проявлению в них признаков (внутренних и внешних) молодежной субкультуры просоциальной направленности.

Для исследования особенностей взаимодействия подростков и юношей мы применили методику «Самооценка эмоционально-мотивационных ориентаций в межгрупповом взаимодействии» (модифицированный вариант Н.П. Фетискина), а также математико-статистические методы (Н-критерий Краскала-Уоллиса).

В ходе проведенного исследования нами были получены следующие результаты.

- В молодежных субкультурах просоциальной направленности может преобладать как высокий, так и средний или низкий уровень благоприятности межгруппового взаимодействия. Неблагоприятность межгруппового взаимодействия не выявлена в качестве ведущей характеристики ни в одной из исследуемых групп.
- Во всех исследуемых группах преобладает средний уровень межгрупповой эмпатии и ориентации на сотрудничество.
- В большинстве исследуемых групп преобладает средний уровень развития позитивных межгрупповых установок, в одном из отрядов наблюдается преобладание низкого их уровня.
- Математико-статистический анализ показал наличие в группах статистически достоверных различий при анализе благоприятности межгруппового взаимодействия ($H=18,377$, $p<0,05$); межгрупповой эмпатии ($H=8,189$, $p<0,05$);

ориентации на сотрудничество (H=19,778, p<0,05); позитивных межгрупповых установок (H=22,757, p<0,05).

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что межгрупповое взаимодействие имеет свои особенности проявления в молодежных субкультурах просоциальной направленности. При этом в целом межгрупповое взаимодействие носит благоприятный характер, однако высокий уровень отдельных показателей фиксируется достаточно редко. На наш взгляд, тенденцию к преобладанию средних значений можно объяснить с позиции поиска группой некого баланса между стремлением к межгрупповому взаимодействию и тенденцией к обособлению, обусловленной стремлением подчеркнуть самобытность и уникальность группы.

Литература

1. *Логвинова М.И., Богачева Т.И.* Роль молодежных субкультур просоциальной направленности в развитии социальных способностей личности // Психология способностей и одаренности Материалы всероссийской научно-практической конференции / Под ред. В.А. Мазилова. Ярославль, 2019.
2. *Петровский В.А.* Артур Владимирович Петровский // Культурно-историческая психология. 2008. Том. 4. № 2.

Ценностно-мотивационное отношение медицинских работников к профессиональной деятельности

Лукьянченко Н.В., Кангур А.Н.
ФГБОУ ВО СибГУ, Красноярск, Россия
Luk.nv@mail.ru, kyuteyar@inbox.ru

Профессиональная деятельность – основная сфера реализации человека в социуме, взаимодействия личности и общества. В настоящее время мир профессий активно трансформируется. Меняется состав и соотношение профессий, их социальный статус, многие, сохраняя свой предмет, кардинально меняют форму.

Медицина – одна из самых древних профессиональных сфер, не потерявших своего значения в жизни общества. При этом отношение к ней и её представителям в настоящий момент является полигоном столкновения оценочных суждений разной направленности. Обсуждение ведётся в логике мнений и отзывов. Что касается

исследований, то они фокусируются в основном на разработке и применении инструментария для диагностики удовлетворённости пациентов [1]. Однако анализ результатов введения эффективного контракта для медицинских работников показал, что материальное стимулирование преломляется через их мотивацию, и деятельность врачей полимотивирована [2].

Вышеописанное определяет актуальность исследования ценностно-мотивационного отношения медицинских работников к профессиональной деятельности.

Такое исследование было проведено на базе медицинских учреждений Красноярска. Выборка – 70 человек: 35 врачей и 35 представителей среднего медицинского персонала.

Методическое обеспечение исследования составили:

- методика «Незаконченные предложения», стимульный материал которой определялся темой исследования;
- модифицированный, в соответствии с предметом исследования, тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева;
- опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры» (Э. Шейн);
- опросник «Мотивационный профиль личности» (В.Э. Мильман);
- опросник «Интегральная удовлетворенность трудом» (А.В. Батаршев).

Содержание незаконченных предложений было направлено на выявление ценностно-мотивационных оснований выбора профессии и её привлекательности/непривлекательности в текущий момент. Выявилось, что ценность профессии для респондентов в значительной степени сконцентрирована в возможности приносить ощутимую пользу, помогать людям и в несколько меньшей степени, в интересе к медицине как области знания и технологии. Для участвующих в исследовании медицинских работников важно получать свидетельства того, что их деятельность действительно полезна и принимается другими как полезная. Недостатки условий труда, недоверие окружающих, в первую очередь, пациентов, и недостаточная оцененность – основные негативные аспекты профессиональной деятельности.

Инструкция теста СЖО предлагала респондентам ответить на вопросы методики в контексте профессиональной деятельности. Полученные показатели всех аспектов смысложизненных ориентаций в профессиональной деятельности достаточно высоки: респонденты имеют в профессиональной сфере цели, придающие жизнедеятельности осмысленность, направленность и временную

перспективу, воспринимают процесс жизнедеятельности как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, удовлетворены самореализацией, верят в собственную способность строить жизнедеятельность в профессиональной сфере в соответствии со своими целями, задачами и представлениями о ее смысле.

По данным методики «Якоря карьеры» ведущей карьерной ориентацией для медицинских работников является «Служение». Близки к ней по уровню «Профессиональная компетентность» и «Интеграция стилей жизни». Для среднего медицинского персонала наибольшее значение имеет «Стабильность работы».

Данные методики «Мотивационный профиль личности» показывают, что для врачей высоко желаемыми являются качество жизнеобеспечения и творческая активность. Реальный уровень удовлетворения этих мотивов ниже желаемого. В случае уровня жизнеобеспечения разница невелика, так как реальный уровень его удовлетворения далеко не низкий. А в уровнях мотива творческой активности более выражена. Среди значений реальных уровней удовлетворения самый высокий у мотива социального статуса. И при этом он намного выше желаемого уровня, демонстрируя своего рода пресыщение в этом аспекте. У мотива общения и общей активности реальные уровни также несколько выше желаемых. У среднего мед персонала самый высокий желаемый уровень удовлетворения у мотива комфорта. Он близок к максимальному значению, заметно выделяясь на фоне других мотивов. Среди реальных уровней удовлетворения также очень высоко значение мотива общения. Хотя и желаемый уровень значителен, его реальное удовлетворение значительно выше.

Данные методики А.В. Батаршева показали: наиболее высока удовлетворённость респондентов достижениями в работе и взаимоотношениями с сотрудниками. Несколько ниже показатели удовлетворённости условиями труда, интереса к работе и удовлетворённости отношениями с руководством. Самые низкие значения у показателей удовлетворённости соответствия актуального положения уровню притязаний, предпочтения выполняемой работы высокому заработку и возможности полноценной реализации возложенных обязанностей.

Результаты исследования позволяют говорить, что ведущим радикалом ценностно-мотивационного отношения медицинских работников к профессиональной деятельности является стремление быть по-настоящему полезным, в некоторой степени удовлетворяемое, но в определённой мере не удовлетворённое в силу действия определённых внешних и внутренних факторов. Воздействие на эти

факторы может способствовать большей ценностно-мотивационной «наполненности» профессиональной деятельности и личностно-профессиональной продуктивности.

Литература

1. *Садовой М.А., Кобякова О.С., Деев И.А., Куликов Е.С., Табакаев Н.А., Тюфилин Д.С., Воробьева О.О.* Удовлетворенность качеством медицинской помощи: «всем не угодишь» или «пациент всегда прав»? Бюллетень сибирской медицины. 2017; 16 (1): 152–161.
2. *Чирикова А.Е*. О мотивации российских врачей: мифы и реалии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 20. С. 54–76. DOI: https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.3.

К вопросу прокрастинации и мотивации достижения успеха и избегания неудач

Макаров К.Д., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kharchenkma@mgppu.ru

Каждый человек, хотя бы раз в жизни сталкивался с прокрастинацией – оказывался в ситуации перекладывания дел «на завтра», хотя и мог бы сделать сегодня. При этом кто-то их просто «запихивает в долгий ящик», кто-то занимается бесполезными или малозначимыми делами вместо выполнения более важного и трудоемкого. Во многих художественных произведениях, написанных в разное время, проявление прокрастинации встречается достаточно часто. Это явный показатель того, что люди прокрастинировали всегда, во все времена. Для некоторых прокрастинация становится их «нормальным» рабочим состоянием, что приводит к значительному снижению их продуктивности. Потому прокрастинация становится всё более серьезной психологической проблемой, и именно поэтому ее изучение так важно. Кроме снижения продуктивности, прокрастинация является еще и источником стресса, всепоглощающего чувства вины и недовольства окружающих из-за невыполнения обязательств.

Хотя данное явление наблюдали еще философы античности, впервые термин был введен в конце 70-х гг. XX в. Основной вклад в изучение прокрастинации в зарубежной психологической науке

внесли такие ученые как С. Милграм, П. Стилл, Дж. Хариотт и Дж. Феррари, в то время как в отечественной психологии проблема прокрастинации стала разрабатываться исследователями относительно недавно (Я.И. Варваричева, Т.Л. Крюкова, Е.Л. Михайлова, Н.А. Шухова и др. [6]).

Прокрастинация – склонность к откладыванию важных дел на неопределенное время.

В настоящий момент нет единой точки зрения в научной среде на причины прокрастинации, на техники работы с ней и в какой области ее следует изучать. Однако это не является неразрешимой проблемой, так как большое разнообразие гипотез ведет к большой вероятности проверить все варианты и найти реальную причину прокрастинации, выработать техники коррекции. Пока что психологи под прокрастинацией понимают механизм борьбы с тревогой, возникающий во время начала или завершения работы, или во время принятия решений. На данный момент мы можем с уверенностью сказать, что проявление этого феномена связано со следующими личными чертами человека [5]:

- страх перед неудачами;
- повышенная тревожность;
- неадекватная самооценка;
- перфекционизм;
- отсутствие мотивации.

Так как прокрастинация настигает человека и во время рабочего процесса, то перед руководителями возникает вопрос о грамотной мотивации сотрудников, подверженных прокрастинации. Человек, не желающий работать, найдет любой повод, чтобы отвлечься и полениться. То, что людей следует побуждать к действиям для достижения некоторого желательного результата, было отлично известно руководителям со времен появления частной собственности. Но стихийные подходы к мотивации, использовавшиеся нашими предками, ограничены и не всегда могут быть применены в современных условиях. Чтобы понять, как избавиться от следствия (прокрастинация), нам следует понять, что лежит в ее основании (мотивация).

Мотивация – внутреннее состояние, стимулирующее и направляющее человека действовать ради достижения поставленной цели [4]. В подсознании человека существуют различные потребности. Эти потребности преобразуются в мотивацию, которая формирует поведение человека, его внешне наблюдаемую форму активности [2]. Американский ученый Д. Макклелланд выделил

отличительные черты людей с ярко выраженной мотивацией достижения [3]:

1. приоритет работы в условиях максимального побуждения мотива достижения, т.е. решать задачи средней степени сложности;
2. мотивация достижения не всегда приводит к более высоким результатам по сравнению с другими, а высокие результаты не всегда являются следствием актуализированного мотива достижения;
3. принятие на себя личной ответственности за выполнение какой-либо деятельности. Есть условие: ситуации низкого или умеренного риска, а также, если успех не зависит от случайности;
4. предпочтение адекватной обратной связи о результатах своей деятельности;
5. стремление к поиску более эффективных новых способов выполнения задач, т.е. такие люди более склонны к новаторству.

Мотивация к достижению успеха – это стремление к успеху, высоким результатам в деятельности. Это проявляется в определенной направленности, интенсивности и настойчивости деятельности. А мотив избегания неудачи подразумевает потребность человека в любой ситуации действовать так, чтобы избежать неудачи, особенно в тех случаях, когда результаты его деятельности воспринимаются и оцениваются другими людьми. Таким образом, для личности, мотивированной на неудачи, самым главным является не допускать ошибок, иногда даже ценой преобразования изначальной значимой цели, ее полного или частичного недостижения [1].

Отталкиваясь от схожести вектора поведения человека при прокрастинации и при мотивации избегания неудач, мы можем предположить, что эти явления взаимосвязаны. Человек, стремящийся достичь успеха, с наименьшей вероятностью будет перекладывать важные дела. Он сконцентрирован на достижении результата, более адекватно оценивает свои возможности, навыки и умения. Он более настойчив и выбирает задачи средней и повышенной степени сложности. А люди, ориентированные на избегание неудач, выбирают легкие задачи, постоянно сомневаются в правильности принятого решения.

Литература

1. *Давлетчина С.Б.* Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ, 2005.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005.

3. *Макклелланд Д.* Мотивация человека. СПб., 2007.
4. *Маклаков А. Г.* Общая психология. СПб., 2013.
5. *Стил П.* Уравнение прокрастинации. СПб., 2011.
6. *Тронь Т.М.* Феномен прокрастинации: причины возникновения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т.6. № 2А.

К вопросу изучения статусного продвижения в организации: исследования, ограничения, перспективы

Макеева С.М., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

В современной психологии менеджмента вопросы о статусном продвижении и, существующих представлений об этом феномене, без преувеличения можно считать одними из тех, которые сегодня активно изучаются. Ведь история нашего государства такова, что о понятиях «социальный статус» и «статусное продвижение» появилась возможность открыто говорить, осознавать и исследовать в научных кругах примерно четверть века назад.

Необходимо упомянуть, что в психологической науке, как и в других гуманитарных областях научного знания, существует достаточно много разных точек зрения на интерпретацию понятия «статус». Мы опираемся на наиболее цитируемое определение, а, соответственно, и более признанное в отечественной психологии, данное А.В. Петровским: «Статус – это положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии. Важными характеристиками статуса являются престиж и авторитет как своеобразная мера признания окружающими заслуг индивида» [5]. Отметим, что в данном определении подчеркнута эклектичность понятия, т.к. статус объединяет в себе особенности взаимоотношений членов одной группы друг к другу и соотношение их ролей (межличностный статус) и те права, обязанности и привилегии, которые могут появиться или наоборот ограничатся, и которые будут определять набор конкретных действий (социальный статус).

Под статусным продвижением понимается изменение социального и межличностного статуса. Граница между двумя этими понятиями не четкая и в социально-психологических исследованиях зачастую пересекаются.

Обращаясь к вопросу изучения статусного продвижения, обратимся к некоторым теоретическим представлениям, которые

позволяют обрисовать границы «предметной области» нашего исследования.

Во-первых, это теория статусных ожиданий, которая построена на разработках Д. Бергера и Дж. Зелдича (80-е годы прошлого века). Согласно данным теоретическим представлениям, человек может приобрести статус, причем члены группы готовы дать более высокий статус тем, кто сможет обеспечить группе достижение совместных намеченных целей. Уже на этапе знакомства все участники пытаются оценить возможность других в содействии по достижению общих целей, и эти оценки формируют статус каждого члена группы [2; 6]. В этом подходе важно отметить исследования Ш. Тейлора и коллег, которые выявили, что на выбор «…влияют релевантные задачам характеристики, так и потенциально нерелевантные диффузные статусные характеристики, такие как возраст, этническая принадлежность и престижность профессии» [2]. Отдельно скажем, что исследованием выбора такого рода занимался психиатр, психолог и социолог Джекоб Морено. Он является основателем «социометрии», благодаря которой стало возможным на основании межличностных предпочтений выявлять положение индивида в структуре групповых взаимоотношений [1; 3].

Во-вторых, интересен подход, направленный на исследование так называемой «социальной власти». Опираясь на понятие «социальная власть[1]», введенное К. Левиным, Дж. Френч и Б. Равен выделили шесть ведущих типов социальной власти и критерии, лежащие в истоке разделения людей контактного сообщества по статусу с учетом степени обладания влиянием в группе. По названию видов социальной власти можно определить принцип разделения: вознаграждающая власть, наказывающая власть, легитимная власть, референтная власть, экспертная власть, информационная власть [6]. Логичным продолжением и доработкой вышеописанной мысли является «теория власти как трех процессов», разработанная англичанином Дж. Тернером. Ученый описывает три процесса, приводящие личность к обретению властью: убеждение, авторитет и принуждение, - и обозначил, что власть и контроль не только влияют на группу, но и сами зависят от группового влияния. Позднее А. Фрагле, Дж. Овербек, М. Нил обозначили границы двух разных терминов «власть» и «статус», говорят о том, что эти понятия схожи лишь тем, что связаны с процессом влияния, однако их отличие заключается в источнике

[1] Социальная власть - способность оказывать волевое воздействие на людей и вещи.

этого влияния. Так, власть – это возможность поощрять и наказывать, а статус – истинное уважение члена группы. Исходя из своей позиции, ученые в концепции социальной власти Дж. Френча и Б. Равена отнесли первые три параметра к самой власти, а другие три (референтность, экспертность, информативность) непосредственно к статусной характеристике [6].

И, наконец, социально-когнитивный подход, который строится на двух концепциях английских ученых: «теория социальной идентичности» Г. Тэджфела и «теория самокатегоризации» Дж. Тернера. Первая теория гласит, что человеку свойственно стремление к положительной идентичности, которой он достигает через процесс социальной идентичности. «Теория самокатегоризации» Дж. Тернера описывает то, что межгрупповое поведение является результатом процесса самовосприятия [6]. На этой теоретической основе строится большая часть исследований и экспериментов по изучению статусности. Приведем один из таких экспериментов Р. Хамфри. Ученый в рандомном порядке поделил группу испытуемых на «менеджеров» и «клерков», т.е., по сути, сформировал две группы участников, равные по способностям. Обязанности были разделены в соответствии с доставшимися должностями, так «менеджеры отдавали распоряжения клеркам и осуществляли руководство на высшем уровне», по окончании эксперимента обе группы испытуемых были убеждены, что «менеджеры» являются «более интеллигентными, настойчивыми и ответственными – как если бы они действительно были более пригодны для руководящей работы». Этот эксперимент подтверждает и дополняет слова американского социального психолога Д. Майерса: «во многих бытовых и лабораторных ситуациях люди, получившие более высокий статус, начинают рассматривать себя как лиц, заслуживающих более хорошего отношения к себе или как более способных к руководящей работе», а люди с низшим статусом расценивают таких людей как исключительных и признают свою неполноценность по сравнению с ними [3; 4].

В отечественной психологии некоторые идеи изучения статусного поведения в группах опирались также на системный и субъектно-деятельностный подходы, первые идеи можно увидеть в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, В.Н. Мясищева, где «вектор статусности» опосредован деятельностью в системе межличностных отношений. Немного позднее социальные психологи стали описывать межличностные отношения через теорию становления и развития малой группы и исследовали межличностные отношения в различных социальных группах, отметим таких личностей, как Г.М. Андреева,

Р.Л. Кричевский, И.П. Волков, А.И. Донцов, А.В. Петровский, М.Ю. Кондратьев, М.Е. Сачкова, М.Г. Рогов, А.Л. Свенцицкий, В.Е. Семенов, Р.Х. Шакуров, и др.

Отдельно выделяется научная школа А.В. Петровского, где исследования строились с использованием трехфакторной модели «значимого другого» и были посвящены изучению интегрального интрагруппового статуса индивидов [1; 3].

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М: Аспект Пресс. 1998. 375 с.
2. *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 2006. - 340 с.
3. *Кондратьев М.Ю. Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. — М.: ПЕР СЭ, 2007. — 464 с.
4. *Майерс Д.* Социальная психология. Спб., 1997.]
5. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М, 1990
6. *Сачкова М.Е.* Западноевропейский подход к исследованию феноменов власти и статусных отношений в группах разного типа [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. №5. URL:http://psyjournals.ru/files/33835/psyedu_ru_2010_5_Sachkova.pdf (дата обращения: 12.04.2020).

Психологические особенности инициаций в традиционной русской культуре

Максин С.В., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

stasmaksin@mail.ru, tata.tkachenko@gmail.com

Актуальность психологического исследования феномена инициаций в традиционной русской культуре определяется изменениями, происходящими в обществе и трудностями передачи традиционной русской культуры [4].

Цель исследования: определение психологических особенностей инициаций в традиционной русской культуре.

На основании сформулированной цели был поставлен ряд задач: рассмотреть теоретические подходы к проблеме инициаций в

традиционной русской культуре; раскрыть основные понятия по теме исследования; выявить сущностные характеристики процесса инициации в традиционной русской культуре; проанализировать значимость ритуалов инициации в процессе перехода личности на новый возрастной этап.

Основным методом исследования стал аналитический обзор теоретических источников по проблеме исследования.

В традиционном мировоззрении психическое развитие человека воспринималось как лестница – периоды стабильности сменяются кризисом, знаменующим переход на новый, более высокий уровень. Каждый такой переход сопровождался обрядами инициации. В зависимости от местности и субэтноса, обряды отличались.

Как отмечает заведующий отделом этнографии русского народа Российского этнографического музея Д.А. Баранов, существует обратная зависимость между наполненностью обрядов инициации и свадебного обряда ритуальными составляющими. В тех культурах, где наиболее насыщенными являются обряды инициации, свадебный обряд менее выражен и наоборот [3]. Русскую культуру можно отнести ко второму типу – свадебный обряд наиболее наполнен, ярко выражен и однообразен на большинстве территорий, обряды инициации не так хорошо выражены и часто отличаются по своему составу в разных регионах [2]. Однако, помимо свадебного обряда, в своей работе мы выделили наиболее часто встречающиеся возрастные.

После каждого возрастного перехода обстоятельства жизни (социальная и бытовая среда) должны быть изменены. Часто это связано с изменением обязанностей, сменой места жительства [1]. Крайне важна смена психологического климата – например, в 7-летний переход полностью менялось отношение окружающих к ребенку. После прохождения обряда относились к нему как к новому члену общины, у него появлялась возможность участвовать в общих праздниках.

Одним из результатов нашей теоретической работы является дополнение и детализация подхода О.В. Хухлаевой [5]. В частности, наше дополнение касается периода детства именно для русской культуры. Здесь наблюдаются следующие обряды.

После кризиса 1 года и обряда пострига можно выделить переход в пол, проводившийся в 3 года: для мальчика это – посажение на коня и выбор мужского мира, для девочки – посажение за прялку и, соответственно, выбор женского мира.

В 7-8 лет наступает уход в обучение («в люди»): мальчику отец вручает первый личный инструмент (топор), происходит также «развязывание ума» (специального узла).

Для девочки наступает «закосычивание» (заплетение волос в косу особым образом). В 13-14 лет происходит переход в предсвадебный период (парни-девки). Для мальчиков это – уход в лес, в так называемые «волчьи союзы», где происходят инициационные испытания. Для девочек в этот период производится обряд «впрыгивания в понёву». Далее следует свадебный обряд, знаменующий переход в полноценную взрослую жизнь, на примере которого мы рассмотрели психологические особенности.

На основании нашего теоретического исследования можно сделать следующие выводы.

В настоящее время инициации, а точнее – отдельные их элементы можно наблюдать в некоторых малочисленных традиционно-народных группах, но более наглядно проследить, насколько сохранились обряды, можно, проанализировав особенности свадебных ритуалов. Анализ показал, что какие-то элементы традиционного обряда сохранились, какие-то заменились аналогами, а некоторые забыты.

Проведенное исследование позволило подтвердить истинность сформулированной в начале нашей работы гипотезы о том, что для инициаций в традиционной русской культуре характерны свои психологические особенности, которые способствуют перестройке психики инициируемого при переходе в новый социальный статус. На примере свадебного обряда мы увидели, что последовательность выполняемых действий, начальным из которых является сватовство, играла ключевую роль в успешной смене социального статуса девушки. В современном свадебном обряде эта часть утрачена практически полностью [4], что может оказывать влияние на протекание психологического перехода инициируемых в новый социальный статус, из-за чего современный переход часто не происходит в полной мере.

Литература

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / Издательство СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. *Балушок В.Г.* Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. 1995 г. №1.
3. *Баранов Д.А.* Курс антропологии и этнографии русского народа: великороссы, малороссы, белоросы. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CwdnON1rmMs&t=3434s

4. *Жуйков А.В.* Обряды инициации в современной России / Всероссийский журнал научных публикаций. - 2011. - №23. - С.48.
5. *Хухлаева О.В., Кривцова А.С.* Этнопедагогика: учебник для бакалавров / Издательство Юрайт, 2017. 333 с.

Некоторые социально-психологические установки студентов спортивных и неспортивных вузов

Малышева О.О., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
stepope@mail.ru, elen.litvinova@ya.ru

В настоящее время спорт является важной частью жизни человечества. Спортивные достижения становятся фактором индивидуального и национального престижа. Занятия спортом популярны среди представителей всех возрастов. Многим студентам удается совмещать учебу в вузе и спорт, особенно это касается студентов спортивных вузов. Стремление к высоким результатам в профессиональной карьере, трудность сочетания учебной и спортивной деятельности накладывают отпечаток на личность студента-спортсмена, на его поведение и отношение как спортивной, так и не спортивной деятельности.

В литературе по спортивной психологии подчёркивается значение для спортсменов высокого уровня эмоционального напряжения спортивной деятельности. В этой связи профессионально значимыми психическими свойствами личности спортсмена, положительно влияющими на освоение и эффективность спортивной деятельности, называются такие характеристики структуры личности, как мотивационные, когнитивные, психомоторные, эмоционально-волевые, среди которых серьезное место занимают установки личности [1; 3].

Способность человека посвящать спорту всю свою жизнь, подвергать себя многолетним ежедневным физическим и психическим нагрузкам становится возможной лишь при условии высочайшей мотивации спортивной деятельности, её личностной значимости для спортсмена и системы установок и представлений, способных это обеспечить [2].

В описываемом исследовании было выдвинуто предположение о том, что среди социально-психологических установок у студентов-

спортсменов преобладают установки на труд и на результат; у студентов не спортсменов – на процесс и на свободу.

Для проверки выдвинутой гипотезы использовалась методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина). Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью критерия Манна-Уитни.

Исследование проводилось на базе МГАФК, РГУФК, МГППУ и РГСУ. Было сформировано две выборки по 50 человек в каждой. Первую выборку составили студенты, обучающиеся в спортивных ВУЗах (МГАФК и РГУФК) на втором курсе магистратуры. Всего в первую выборку вошло 50 спортсменов в возрасте от 24 до 29 лет. Вторую группу составили студенты в возрасте от 24 до 29 лет, обучающиеся в не спортивных ВУЗах (МГППУ и РГСУ), не имеющие спортивного разряда, либо не занимающиеся спортивной деятельностью, либо занимающиеся на любительском уровне в качестве досуга. При проведении исследования гендерные признаки не учитывались. Исследование проводилось с января по февраль 2020 года.

В ходе исследования установок на процесс и результат было выявлено, что установка на результат для спортсменов более значима, чем для студентов не спортсменов. Статистическая обработка данных по критерию Манна-Уитни показала достоверность различий показателей между двумя выборками по критерию отбора. Эмпирическое значение U=593 находится в зоне значимости при критическом значении U=789 для p=0,05 и U=706 для p=1. Это соответствует специфике спортивной деятельности, главной задачей которой является достижение новых рекордов и побед.

Исследование установок на альтруизм и эгоизм показало, что спортсмены ориентированы больше на альтруизм. Значимость у спортсменов альтруизма в первую очередь обусловлено тем, что в процессе тренировочной и соревновательной деятельности спортсмены вынуждены учиться жертвовать личным (временем, досугом, даже здоровьем), во имя общей цели, что особенно проявляется в командных видах спорта. Статистическая обработка данных по критерию Манна-Уитни показала достоверность различий между двумя выборками, где эмпирическое значение U=686 находится в зоне значимости при критическом значении U=789 для p=0,05.

В исследовании ориентации студентов спортсменов и студентов не спортсменов на труд и свободу значимых различий выявлено не было. Статистическая обработка данных по критерию Манна-Уитни показало не достоверность различий между двумя выборками что

эмпирическое значение U=866.5 находится в зоне не значимости при критическом значении U=789 для p=0,05 и U=706 для p=1. Отсутствие значимых различий между выборками может свидетельствовать о том, что и студенты спортсмены и студенты не спортсмены рассматривают ориентацию на труд как источник самореальзации,также установка на свободу является характерной в целом для данной возрастной категории.

Результаты исследования установок на власть показали, что и у студентов спортсменов и студентов не спортсменов нет значимых различий. Однако установка на деньги для спортсменов является наиболее значимой, что можно объяснить определённой взаимосвязью между спортивными достижениями и финансовыми вложениями, компенсируемыми денежным вознаграждением в ситуациях спортивных успехов. Статистическая обработка данных по критерию Мана Уитни показала достоверность различий между двумя выборками в исследовании установки на деньги, где U=663.5 находится в зоне значимости при критическом значении U=789 для p=0,05.

В результате проведенного теоретического анализа и эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что социально-психологические установки студентов спортсменов связаны в большей степени с направленностью на результат, альтруизм и деньги, а у студентов не спортсменов – на процесс, эгоизм и свободу. При этом двум выборкам в равной степени присущи установки на труд и свободу. Вследствие полученых результатов можно сделать вывод о том, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась частично.

Литература

1. *Бабушкин Г.Д.* Психология физической культуры и спорта. Учебник для физкультурных вузов, под редакцией Г. Д. Бабушкина, В. Н. Смоленцевой – Омск: СибГУФК, 2007. – 270 с.
2. *Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения. — М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006 — 336 с.
3. *Родионов А.В., Сивицкий В.Г.* Спортивная психология: учебник для академического бакалавриата. - М.: Издательство Юрайт, 2016. – 367 с.

Самооценка учащейся молодежи с разным уровнем конформности

Мананкова Ю.В., Пащенко А.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
jmanan@mail.ru, pashchenkoak@mgppu.ru

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что уровень конформности и самооценка учащейся молодежи являются значимыми регуляторами поведения человека. От самооценки человека во многом зависят критичность человека, его взаимоотношения с окружающими, отношение к неудачам и успехам, требовательность к себе. В данном исследовании под конформностью мы понимаем согласования взглядов, убеждений и поведения с групповыми взглядами, убеждениями и поведением. Поведение, которое ожидается группой или обществом. В исследование мы берем не всю учащуюся молодежь, а только старших подростков в возрасте от 15 до 17 лет. Это возраст, когда происходит становление личности, перед которой стоит выбор жизненного пути, например, профессии, друзей и пр. В отечественной и зарубежной литературе есть отдельные исследования, посвященные вопросам самооценки учащейся молодежи и отдельные исследования, посвященные конформности. Вместе с тем, значимость работы обусловлена тем, что ранее не исследовалась комплексно самооценка учащейся молодежи с разным уровнем конформности личности [1; 4].

Цель исследования – описать специфику самооценки учащейся молодежи с разным уровнем конформности.

В качестве основной гипотезы исследования выступает предположение о том, что самооценка учащейся молодежи связана с разным уровнем конформности: чем выше самооценка, тем ниже уровень конформности.

Исследование было проведено в мае 2019 года. В нём приняло участие 65 старших подростков в возрасте от 15 до 17 лет, обучающихся в Государственном бюджетном профессиональном образовательном учреждении города Москвы «Колледж сферы услуг № 3».

Первая задача, которая перед нами стояла – выявить уровни самооценки учащейся молодежи. Для этого мы использовали методику Г.Н. Казанцева «Диагностика общей самооценки личности» [2]. Анализ данных показал, что адекватная самооценка преобладает у 60% подростков. Почти каждый третий подросток имеет высокую самооценку (30,8%) и почти каждый десятый с низкой самооценкой (9,2%).

Вторая задача, которая стояла перед нами, – охарактеризовать уровней субъективного контроля, выявить связь самооценки учащейся молодежи с различным уровнем субъективного контроля с помощью методики «Уровень субъективного контроля» (Форма А) [3].

Анализ данных по шкале общая интернальность показал, что каждый третий подросток (32,3% (21 человек из 65)) имеет низкий уровень субъективного контроля. В подростковом возрасте они не видят связи между своими действиями и событиями своей жизни, которые являются значимыми для них, не считают себя способными контролировать свое развитие и полагают, что большинство из них являются результатом инцидента или действий других людей.

Для исследования взаимосвязей между самооценкой подростков и различным уровнем конформности мы использовали корреляцию Спирмена.

Были выявлены следующие взаимосвязи: между самооценкой подростков и общей интернальностью (чем выше самооценка, тем выше уровень субъективного контроля), р=0,206 (при α ≤0,001); интернальностью в области достижений (чем выше самооценка, тем выше показатели по шкале интернальностью в области достижений), р=0,421(при α ≤0,001) и интернальностью в области межличностных отношений (чем выше самооценка, тем выше показатели по шкале интернальность в области межличностных отношений), р=0,378 (при α ≤0,009).

Изучение самооценки людей с различными типами субъективного контроля показало, что люди с низким уровнем субъективного контроля чаще всего имеют более низкую самооценку, и наоборот.

Также перед нами стояла задача выявить самооценку с различным уровнем конформности в межличностных отношениях по диагностики межличностных отношений Т. Лири [3]. Были выявлены следующие взаимосвязи: между такими показателями, как самооценка подростков и авторитарностью (р=0,399 (при α ≤0,001)), подозрительность (подростки с низкой самооценкой имеют большую степень выраженности по шкале «подозрительность») (р=0,278 (при α ≤0,040)), подчинением (подростки с высокой самооценкой имеют меньшую степень выраженности по шкале «подчинение») (р=-0,382 (при α ≤0,001)).

Между фактором дружелюбия в группе и самооценкой в нашем исследовании корреляционной связи обнаружено не было. А вот между показателями фактора доминирование в группе и самооценкой имеется прямая связь. Чем выше самооценка подростков, тем больше у них показатель доминирования, р=0,492(при α ≤0,000).

Далее мы применили методику Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций [3]. Нами были проанализированы значения по шкале «конформность» в связи с самооценкой подростков. Наблюдается средняя корреляционная связь: чем выше самооценка, тем выше баллы по этой шкале, р=0,419 (при α ≤0,001).

Второй список ценностей предлагалось оценить также в качестве руководящих принципов, но только не для человека в целом, а конкретно для себя самого. Выявлена корреляционная связь: чем выше самооценка, тем выше баллы по этой шкале, р=0,355 (при α ≤0,001).

Полученные данные могут быть использованы специалистами, работающими в области возрастной психологии и психологии образования.

Литература

1. *Майерс Д.* Социальная психология – СПб.: Питер, 2019
2. *Нетребскова С.В.* Сборник диагностических методик / URL: https://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2017/07/24/sbornik-diagnosticheskih-metodik-v-pomoshch (дата обращения: 10.01.2020)
3. Сборник диагностических методик изучения ценностных ориентаций подростков и старшеклассников / URL: https://kopilkaurokov.ru/klassnomuRukovoditeliu/prochee/sbornik-diaghnostichieskikh-mietodik-izuchieniia-tsiennostnykh-oriientatsii-podrostkov-i-starshieklassnikov (дата обращения: 15.01.2020)
4. *Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста – М., Юрайт, 2016

Современные подходы к проблеме психолого-педагогического сопровождения младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ)

Маринова Т.Ю., Суркова Ю.Г.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Феокистова С.В.
АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия

В настоящее время общество предъявляет все более высокие требования к развитию и формированию социально активной личности, обладающей способностью эффективно взаимодействовать

с окружающей действительностью. В связи с этим возрастает интерес к вопросам психического развития детей и подростков, в частности, к формированию навыков общения и коммуникации, поскольку общительность и умение контактировать с окружающими людьми являются важнейшим фактором формирования личности и необходимым условием успешности в различных видах деятельности.

Современный образ жизни характеризуется высокими темпами развития технологий, а также быстрой сменой условий окружающей среды. Важной составляющей этого процесса является необходимость переработки больших объемов информации и умение приспосабливаться к быстроменяющемуся темпу жизни. Так, например, сегодняшняя ситуация с мировой пандемией заставляет людей принимать неожиданные и быстрые решения, которые повлияют на их будущую жизнь, и к этому люди должны быть психологически готовы.

Как отечественные психологи-исследователи (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, М.И. Лисина, А.В. Мудрик), так и зарубежные психологи (Ж. Пиаже) сходятся во мнении о том, что коммуникативные умения не являются врожденными особенностями человека, а представляют собой освоенные им способы эффективного общения как совокупность приобретенных знаний и навыков в этой области. Коммуникативные умения, в свою очередь, ведут к формированию коммуникативной способности, под которой ученые понимают индивидуально-психологические особенности людей, обеспечивающие их общение, совместность с другими людьми и успешное решение коммуникативных задач.

Однако несмотря на то, что в обществе растет потребность в коммуникабельных людях, которые обладают разносторонними знаниями и умениями, школа зачастую не в состоянии охватить потребности всех детей, которые учатся, например, в одной параллели. Одной из таких групп являются дети с наличием синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). По данным врача-невролога Н.Н. Заваденко - 1 из 20 детей в России имеют СДВГ. У 50% детей, имеющих СДВГ симптомы продолжаются и во взрослом возрасте.

По данным науки, синдром дефицита внимания и гиперактивности проявляется с первых лет жизни. Результаты проводимых исследований указывают на следующие виды нарушений в развитии дошкольников и младших школьников: недоразвитие моторики, нарушение речи, нарушение восприятия, снижение уровней внимания и произвольности, недостаточная ориентация на взрослого. В подростковом возрасте у таких детей могут возникать проблемы с

алкоголем и наркотиками, а во взрослой жизни, таких людей чаще преследуют личностные расстройства и жизненные неудачи, они с трудом адаптируются к жизни в обществе.

Неблагоприятная тенденция роста числа детей с СДВГ, увеличивает необходимость раннего выявления у них проблем и особенностей развития, поскольку ранняя диагностика позволяет достичь более высокого уровня коррекции впоследствии, причем за диагностикой должны следовать коррекционные мероприятия, соответствующие уровню и особенностям детей с проблемами в развитии, а также работа с родителями и педагогами, контактирующими с ребенком.

Таким образом, мы считаем, что ранняя диагностика и правильно организованное обучение с учетом особенностей развития детей способствует нормализации социально-психологических особенностей. И в качестве первой помощи таким детям может служить специально организованная программа сопровождения с использованием нейропсихологических методов коррекции, которая будет способствовать успешному социально-психологическому развитию ребенка и его успешной адаптации в сегодняшнем обществе. Нейропсихологические упражнения учитывают индивидуальные особенности функциональной зрелости мозга, активизируя его природные механизмы, а также эффективно оптимизируют интеллектуальный процесс и повышают умственную работоспособность.

Литература

1. *Заваденко Н.Н.* Синдром дефицита внимания и гиперактивности: современные принципы диагностики и лечения. Вопросы современной педиатрии. 2014;13(4):48-53.
2. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // *С*борник: Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе сборник научных статей ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2011, с. 40-42.
3. *Сиротюк А.Л.* Синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Диагностика, коррекция и практические рекомендации родителям и педагогам. — М.: ТЦ Сфера, 2002 — 128 с.

4. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология // Москва, «Юрайт» (2 издание, исправленное и дополненное) - 2017. 241 с.

Теоретические подходы к проблеме тревожности подростков, обучающихся по разным учебным программам (в гимназическом и кадетском классах)

Маринова Т.Ю., Феоктистов Л.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Проблема психолого-педагогического сопровождения подростков с повышенным уровнем тревожности не впервые становится объектом научного интереса со стороны психологов, поскольку меняющийся образ жизни людей продолжает вносить коррективы в привычные схемы поведения. В частности, ритм жизни современного человека, живущего в России в начале XXI века, по мнению большинства наблюдателей, участился за прошедшие 30-40 лет, и его частота продолжает расти. Люди, очевидно, получили возможность больше успевать за единицу времени. Связано это явление не только с расширением технологических возможностей физического перемещения подростков в привычной для них среде обитания (в частности, с ростом числа видов как общественного городского – монорельс, МЦК, МЦД, так и личного – прокат велосипедов/самокатов, каршеринг – транспорта). Ритм жизни растёт, в первую очередь, в связи увеличением общего объёма перерабатываемой жителем мегаполиса информации, которая, в отличие от предыдущих лет, поступает к человеку одновременно по разным каналам – через ТВ, радио, мессенджеры, социальные сети с использованием компьютеров, планшетов, смартфонов и других гаджетов. Особенную обеспокоенность вызывает низкая эффективность личной социализации и перемещение активности людей из среды непосредственного общения при личном контакте - в среду цифровую, часто называемую также «виртуальной». В этой связи, нервная система человека испытывает постоянное напряжение, с которым необходимо справляться не только (и даже – не столько) взрослым людям, но и подросткам, личность которых находится на этапе формирования. В связи с исключительно высокими темпами развития технологий, влияние многих из них на развитие подростков в полной мере ещё не вполне изучено.

Подростковый возраст характеризуется необходимостью перехода (зачастую, не плавного, а резкого, в форме кризиса) от детства к взрослости. В соответствии с периодизацией Д.Б.Эльконина, с 11 до 18 лет человек переживает как минимум два кризисных перехода – в 11-13 лет и в 16-17 лет. Указанные переходы протекают как в физическом, физиологическом, так и в эмоционально-психологическом плане, что делает их особенно сложными этапами в формировании личности подростков. В рамках указанных переходов, подростки проявляют признаки трудновоспитуемости (например, нежелание учиться, социальные конфликты с окружающими, острые негативные переживания, потерю интересов к прежним видам деятельности). Ребёнок испытывает сложности в формировании взаимоотношений с окружающими в рамках основных систем взаимодействия с миром, таких как «родитель-ребёнок», «взрослый-ребёнок», «ученик-ученик». В этой связи уровень самооценки ребёнка зачастую снижается, а ощущение постоянного стресса, а также сопутствующие факторы, в частности, тревожность – наоборот, возрастают. Повышенный уровень тревожности особенно негативно воздействует на становление личности взрослеющего ребенка. Подросток, и без того очень критически относящийся к себе в этот возрастной период, ещё больше начинает сомневаться в своих способностях и силах. Нужно учитывать, что, проявившись в результате соприкосновения со стремительно меняющейся социальной средой в подростковом возрасте, тревожность может постоянно присутствовать в жизни человека, оказывая на неё существенное влияние.

Интересно, что тревожность может оказывать как негативное, так и положительное влияние на развитие личности подростка. Например, А.М. Прихожан отмечает, что тревожность в подростковом возрасте становится устойчивым личностным образованием, «включившись в структуру личности, обладает тенденцией к самоподкреплению и самоподдержанию, приобретает собственную побудительную силу и оказывает влияние на развитие других личностных образований и на саму себя». Однако повышенный уровень тревожности дезорганизует учебную деятельность, деструктивно влияет на психологическое состояние подростка, вызывая состояние уныния, депрессии и даже паники, влияет на физическое здоровье, начинает разрушать его личностные структуры. Выявление повышенной тревожности у подростков, изучение и определение истинных причин её возникновения может помочь в проведении своевременной профилактики и коррекционно-развивающей работы по снижению

тревожности до оптимального уровня и психолого-педагогическому сопровождению подростков с повышенным уровнем тревожности.

В этой связи представляется интересной возможность изучения зависимости уровней тревожности от принадлежности учащихся к классам различной направленности, таких, например, как обычные гимназические и кадетские.

Как известно, создание кадетских классов обусловлено тем, что в сложных экономических условиях велико количество неполных семей, в которых мальчики не имеют перед собой примера мужского поведения. Большое количество учителей составляют женщины. В этой связи, особенно важным представляется целенаправленное ознакомление юношей с мужскими ролевыми стереотипами поведения и формирование таких черт личности, как ответственность, дисциплинированность, патриотизм, настойчивость, умение лидировать и подчиняться, способность к принятию волевых решений, что является затруднительным в неполных семьях и школьных коллективах, в которых преобладают женщины. Целостность, упорядоченность, длительность педагогического взаимодействия между учителями и учащимися могут способствовать формированию организованности учащихся, их умению управлять своим временем, что способствует повышению психологической безопасности и, следовательно, снижению тревожности.

Изучение этой проблемы направлено на общую и целостную работу с целью профилактики и коррекции тревожности у подростков и понимание закономерностей развития чувства тревожности и возможной зависимости её уровней от образовательных форматов.

Литература

1. *Зарецкая О.В., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю.* Интернет-зависимость как патология социального взаимодействия // Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 472 с., с.120-122.
2. *Прихожан А.М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст // С-Питер - (2-е издание). 35 с.
3. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология // Москва, «Юрайт» (2 издание, исправленное и дополненное) - 2017. 241 с.
4. *Юдин В.В.* Кадетское образование: понятие, содержание, значение // Вестник ОГУ. — 2011. — № 11. — С. 247–254

Подростковые реакции на фрустрацию: теоретические и практические аспекты

Масленникова А.А., Майсак Н.В.
ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет,
Астрахань, Россия
maslennikova_1973@bk.ru, n-maisak@mail.ru

Социально-экономические и психологические проблемы современной жизни способствуют разнообразным стрессовым проявлениям среди членов общества, и несовершеннолетние оказываются наиболее незащищенной группой лиц, уязвимых в социально-психологической сфере. Так, подростки не всегда эффективно справляются с задачами возрастного развития, так как не обладают развитыми жизненными и социальными навыками, не обучены выбирать продуктивные способы снятия психологического напряжения, не готовы осознанно применять конструктивные стратегии преодоления (копинга). Возникающие трудности связаны с особенностями эмоциональных реакций подростков: легкостью возникновения эмоциональной напряженности, частотой и глубиной переживаний из-за психологического стресса, постоянной смены настроения, аффективными состояниями, подверженностью страстям, что приводит к бесконечному кругу переживаний.

У любого человека на возникающие преграды реализуется эмоциональная и когнитивная реакция, ведущая к различным изменениям поведения. Так, в неумелом преодолении стрессовых состояний у подростка закрепляются поведенческие паттерны, которые Е.П. Ильин описывает как виды фрустрационного поведения. Это агрессия и аутоагрессия, двигательное возбуждение, апатия, деструкция, регрессия [3].

Внутреннее и внешнее проявление фрустрации рассматривается учеными с точки зрения психологических защит, саморегуляции, копинг-стратегий и копинг-ресурсов. Часто в ситуациях фрустрации у подростков возникает: а) неуверенность и чувство вины, что ведет к изоляции и эгоцентризму, или б) озлобленность и агрессивность, что способствует невротизации и развитию психопатии – «уродству» характера.

Внешним фактором-фрустратором может стать неприятие подростка значимым окружением, а также отсутствие возможностей для самоутверждения. В попытке проверить свои силы, расширить границы самостоятельности, в желании получить признание подросток накаляет пространство вокруг себя, доказывая

окружающим свою взрослость. Данные тенденции повышают внутреннее напряжение подростка, ведущее к искажению восприятия окружающей действительности. Именно напряженность, проявляемая в склонности подростка переживать тревогу по малейшим поводам, способна усиливать состояние фрустрации, снижать адаптационные возможности личности.

Поводом для сильных переживаний может стать несовпадение представлений подростка о себе самом на основе мнения других людей (Какой же я на самом деле? Каким я хочу быть?). Важными ценностями, ведущими к появлению фрустрации, являются внешний вид, благополучие, нравственность, социальный статус. Чем больше фрустрированных ценностей, тем выше склонность подростка к агрессивному реагированию, причем агрессия в состояниях фрустрации чаще отмечается у подростков с низкой коммуникативной компетентностью [1].

Среди внутренних факторов-фрустраторов следует отметить отсутствие смысла жизни и переживание собственной неуспешности в учебе, в отношениях с родителями, со сверстниками и противоположным полом. Традиционно подростки озабочены поиском своей социальной группы, членство в которой позволяет развить лидерские качества, активно отстаивать свою жизненную позицию, приобретая «чувство взрослости».

Современные исследования показали, что в ситуациях фрустрации поведение подростков с разным образом взрослости имеет свои отличия. Так, при формальной взрослости для подростков характерны экстрапунитивные реакции, а для подростков с содержательной взрослостью – интропунитивные. В домашних условиях подросткам в большей степени свойственны самозащитные реакции, а в ситуациях удовлетворения потребностей им присуще соблюдение общепринятых норм и самостоятельность действий [5].

В.И. Зорина подчеркивает, что сформированный образ «идеального взрослого» служит ориентиром в направлении развития подростка, и эту направленность можно считать предпосылкой к проявлению волевых усилий для достижения намеченных целей и реализации своих желаний [2].

Применительно к нашему исследованию фрустрационных реакций подростков может быть использована теория С. Розенцвейга, изучавшего реакции на фрустрацию, причиной которой является невозможность удовлетворения «пресеченной» значимой потребности из-за внутриличностного или межличностного конфликта. Направленная на защиту «я» реакция может иметь три направления

развития: экстрапунитивные (внешнеобвиняющие), интропунитивные (самообвиняющие) и импунитивные (безобвинительные) ответы.

Реакции на фрустрацию рассматриваются С. Розенцвейгом и с точки зрения прямоты, адекватности и адаптивности. Если ответы на фрустрации имеют прямую направленность на преодоление препятствий, выражаются в демонстрации спокойствия и рассудительности, в готовности без самообвинений использовать случившееся как жизненный урок, то такие реакции личности расцениваются как адекватные и адаптивные. При этом пунитивные реакции (экстра- и интроагрессивные), направленные на неоправданное обвинение себя и других, а также неопределенные и хаотичные могут говорить о дезадаптивности личности [4].

Мы полагаем, что обучение подростков адекватным, адаптивным и конструктивным реакциям на фрустрацию позволит в ходе тренингов развивать их рефлексивные навыки и способность к антиципации, что улучшит качество общения и взаимодействия подростков с окружающими людьми, облегчит процесс обучения и воспитания в образовательных учреждениях, в семье и группе сверстников. Разработкой данной социально значимой проблемы и проверкой гипотезы мы и заняты в настоящее время.

Литература

1. *Белов В.Г., Парфенов Ю.А., Малинина Н.С.* Фрустрация как предиктор девиантного поведения у подростков // Ученые записки университета Лесгафта. 2011. № 11 (81).
2. *Зорина В.И.* Опыт исследования идеального образа взрослого в подростковом возрасте с помощью семантических пространств // Вестник Пермского университета. 2014. № 1(17).
3. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. — СПб: Питер, 2001. — 752 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
4. *Майсак Н.В.* Тест «Деловые ситуации» в выявлении фрустрационных реакций и девиативных паттернов учителей и врачей // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2012. № 4.
5. *Шевченко Н.А., Колбасина О.И.* К вопросу о фрустрации и агрессивности у подростков // Сборник материалов V Международной студенческой научно-практической конференции, 2018.

Социальные представления азербайджанцев и русских о доме

Махаринская Е.А., Гриценко В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
maharinska@yandex.ru, gritsenko2006@yandex.ru

Исследования представлений о доме видятся авторам интересными с точки зрения возможности использования результатов в психологической работе, в частности, как ресурса адаптации личности в условиях поликультурности. Для более эффективной и прицельной работы была поставлена задача раскрыть содержательное и функциональное наполнение понятия «дом» в кросскультурном контексте.

Для решения поставленной задачи было проведено качественное исследование социальных представлений о доме у азербайджанцев и русских с использованием методик контент анализа и прототипического анализа (по П. Вержесу) [4].

В исследовании приняло участие 113 человек, 57 азербайджанцев и 56 русских с преобладанием женщин в обеих выборках (46 азербайджанок и 39 русских). Большинство респондентов принадлежат возрастной группе от 18 до 23 лет. Две трети азербайджанцев проживают в Баку, русские – преимущественно в Москве[1].

Данные, полученные из свободных словесных ассоциаций к слову «дом» (путем очного и онлайн-анкетирования), стали ключевым материалом для анализа. В общей сложности было получено 557 ассоциаций (279 азерб., 278 рус.), что составило в среднем 4,9 ответа на человека. С помощью контент анализа ответы были классифицированы на 8 смысловых групп, связанных с удовлетворением потребностей (по А. Маслоу) [1].

Хотя ассоциации действительно в той или иной степени отразили почти все человеческие потребности (физиологические, в безопасности, любви, принадлежности, самоактуализации, эстетические), ответы распределились неравномерно. Две трети ответов азербайджанцев и чуть больше половины ответов русских пришлось на смысловые категории «дом как зона комфорта» и «дом как семья», наименьшее число – на категории «дом как источник негативных эмоций» (1,6%) и «дом как источник красоты» (1,5%). Большинство ассоциаций, как у азербайджанских (86,7%), так и у русских (78,4%) респондентов имеют позитивную коннотацию.

[1] Выражаем благодарность Манзар Бехбудзаде за помощь в сборе данных среди представителей азербайджанского этноса.

На следующем этапе для каждой выборки было выделено ядро и периферия социальных представлений о доме на основании двух показателей: частоты встречаемости ассоциации и ранга ее появления в ответах респондентов. Методика П. Вержеса [4] предполагает анализировать только те ассоциации, которые назвали более 5% респондентов, в нашем случае это три респондента. В результате, объем структуры социальных представлений азербайджанцев составил 55% (199 ответов), русских соответственно 52% (188 ответов). В структуру обеих групп вошли только позитивные и нейтральные ассоциации.

В ядро, как наиболее стабильную и устойчивую к изменениям часть социальных представлений, связанную по мнению западных ученых, в частности Ж-К. Абрика [2], с коллективной памятью, историей, нормами и ценностями социальной группы, вошло 10 ассоциаций у азербайджанцев: «семья» (27; 1,3), «уют» (34; 2,5), «тепло» (21; 2,4), «родители» (6; 2,0), «мама» (6; 2,6), «папа» (4; 2,0), «счастье» (6; 2,8), «очаг» (6; 3,0), «комфорт» (6; 3,0), «радость» (4; 2,7) [1] и 9 у русских: «уют»(26; 1,9), «тепло» (25; 2,3), «семья» (18; 1,3), «здание» (7; 1,5), «защита» (6; 2,0), «безопасность» (5; 2,2), «свет» (5; 2,6), «еда» (9; 3,0), «спокойствие» (19; 3,0). Общими, вошедшими в первую тройку оказались слова «уют», «тепло», «семья».

Что касается различий, то у русских дом ассоциируется с безопасностью в два раза чаще (15,1%), чем у азербайджанцев (7,2%) Три из девяти, вошедших в зону ядра ассоциаций («защита», «безопасность», «спокойствие»), отражали эту потребность. Это свидетельствует о том, что войны, революции, репрессии не прошли даром, и, возможно, нашли отражение у русского народа в представлениях о доме, как безопасном пространстве на уровне истории и коллективной памяти. У азербайджанцев ассоциации, касающиеся безопасности и надежности нашли свое место лишь в зоне периферии.

Также важно обратить внимание на выражение «личное пространство», вошедшее в структуру социальных представлений о доме у русских. У азербайджанцев подобных понятий не встречалось вообще. Это можно объяснить тем, что азербайджанская культура в большей степени, чем русская тяготеет к коллективизму по характеристикам культур Г. Хофстеде [3], а приватность не представляет для коллективистских культур такой ценности, как для культур, тяготеющих к индивидуализму.

[1] Здесь и далее в скобках указаны частота встречаемости и средний ранг.

Как выявил прототипический анализ, ядро социальных представлений о доме азербайджанцев состоит исключительно из позитивных ассоциаций, у русских же присутствуют и те, которые мы отнесли к нейтральным, например, «здание». Азербайджанцами не упоминалась ни объективные характеристики дома, такие как «большой», «маленький», «двухэтажный» и др., ни домашние дела («быт», «уборка» и т.п.), характерные для ответов русских. Это может говорить о некоторой доле равнодушия, нейтральности русских в отношении дома. Возможно, наличие индифферентного или равнодушного отношения русских к внешнему оформлению дома, объясняется фемининностью русской культуры с ее ориентацией на духовные ценности, нежели материальные [3].

На основании данного исследования был сделан вывод о том, что дом является универсальным средовым и эмоциональным ресурсом, обеспечивающим выживание, физический комфорт, безопасность, общение с близкими, в подавляющем большинстве источником положительных эмоций. В зависимости от этнической принадлежности некоторые аспекты могут быть более значимыми (как безопасность у русских или семейственность у азербайджанцев), чем другие.

Литература

1. *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2003.
2. *Abric J-C.* A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions / Eds. by K.Deaux, G. Philogene. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 42–47.
3. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA, 1980.
4. *Verges P*. L’Evocation de l’argent: une methode pour la definition du noyau central d’une representation // Bulletin de psychologie, 1992. Tome XLV. № 405. P. 203–209.

Специфика ментализации у людей с желудочно-кишечными расстройствами

Мелёхин А.И.

Гуманитарный институт им. П.А.Столыпина, Москва, Россия

clinmelehin@yandex.ru

На данный момент *воспалительные* (болезнь Крона, язвенный колит) и *функциональные* (синдром раздраженного кишечника)

нарушений желудочно-кишечного тракта рассматриваются как *биопсихосоциальные* и требуют учета социо-когнитивных особенностей человека. Показано влияние личностных особенностей (личностный тип – D) депрессии, тревоги на изменения в иммунной системе, что увеличивает риски развития данных желудочно-кишечных расстройств [2].

Людям с желудочно-кишечными нарушениями свойственны следующие изменения в *социальном познании*: эмоционально-эгоцентрический сдвиг при понимании Другого, чувство разочарования из-за отсутствия контроля над симптомами, стремление к изоляции, конфронтации в лечении с врачом с негативным переносом и самостигматизация [3; 4]. Это приводит к тому, что около 40-70% людей не соблюдают рекомендации врачей, лечатся «в аптеке», прибегают к альтернативным способам лечения [1]. В основе изменений в социальном познании лежат изменения в *стиле привязанности* [3]. Наличие безопасной привязанности, благодаря своей нейробиологической и поведенческой полезной природе, усиливает гибкое поведение и мышление, что способствует эффективной регуляции эмоций. Тем не менее, когда люди сталкиваются с продолжительным стрессом, даже безопасные стратегии привязанности в конечном итоге, как правило, терпят неудачу, что приводит к чрезмерному использования «вторичных» стратегий привязанности в попытке снизить тревогу и дискомфорт. Большинство людей с нарушением желудочно-кишечного тракта имеют небезопасный стиль привязанности (тревожный, избегающий), что часто влияет также на их отношения как к себе, так и с другими людьми. Чрезмерное доверие к «вторичным» стратегиям привязанности и нарушенная способность понимать как собственные психические состояния, желания, намерения, так и других людей, влияет на телесный дистресс [5]. Наш клинический опыт показывает, что в попытке справиться со стрессом некоторые женщины начинают чрезмерно полагаться на *избегающую привязанность*. Если в анамнезе мы наблюдаем психологические травмы и/или есть зависимое расстройство личности, пограничное расстройство личности, то преобладают *стратегии гиперактивации привязанности*. Эти стратегии проявляются в виде тревожных попыток найти поддержку, разубеждение часто через цепляющееся и требующее поведение. Наличие гиперактивации привязанности связано с высоким межличностным стрессом и трудностями построения романтических отношений. Требовательное поведение часто приводит к разочарованию, антипатии по отношению к другим, что усиливает страх быть неправильно понятым и отвергнутым [5].

Если у человека есть изменения в стиле привязанности, то, сталкиваясь с желудочно-кишечными симптомами, он испытывает выраженный уровень психологического дистресса, пребывает в *режиме гипермобилизации* («что-то делать») с постоянной тревогой о здоровье и потери контроля над ним. Эта реакция существенным образом сказываются на такой социо-когнитивной способности, как *ментализации*, т.е. способность понимать как собственные психические состояния (эмоции, намерения, желания) так и других людей [5]. Изменения в ментализации затрагивают: 1) понимание собственных эмоций с чрезмерной негативной аффективностью; 2) искаженное восприятие нормальных физических состояний; 3) искаженное восприятие других в форме гиперментализации, т.е. приписывание другим негативных эмоций и намерений, что приводит к ошибке атрибуции и конфликтам [3; 4]. Это в свою очередь способствует *катастрофизирующей реакции* на желудочно-кишечные симптомы, увеличивая проявление тревожной, небезопасной привязанности («меня не понимают», ощущение брошенности), что приводит к трудностям в регуляции собственных эмоций, конфликтному взаимодействию с близкими, недоверию к врачам, что в итоге снижает приверженность к лечению и положительную ремиссию [1]. Люди с СРК и болезнью Крона часто сообщают о симптомах *сепарационного тревожного расстройств*а. У них наблюдаются дисфункциональные стили привязанности к другим людям (особенно с материнской фигурой). Отношения с матерью, материнская забота влияет на состояние гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, когнитивные и эмоциональные процессы, формируя определенный стиль привязанности. Изменения в этих отношениях вызывает устойчивые изменения в центральной нервной системе на уровне желудочно-кишечного тракта. Например, наличие сильной обиды на материнскую фигуру («а вот она…»). Это формирует сокрытие эмоций (недовольство ситуацией, ощущение себя виноватой, совершенно несвободной), что, согласно *модели интернализации эмоций М. Басты и соавт*. (internalization hypothesis model [1]), усиливает физиологическое и психологическое гипервозбуждение приводя к СРК-индуцированной агорафобии или увеличению болевого синдрома [3; 5].

Мы наблюдаем два типа реакций:

1. люди с «тревожной» привязанностью начинают демонстрировать непропорциональные и постоянные жалобы, чрезмерно прислушиваются к собственному состоянию, показывают Другим собственное страдание, прибегают к целому спектру избегающего перестраховочного поведения;

2. люди с «избегающей» привязанностью пытаются подавить тревогу, что существенно влияет на межличностные отношения в форме раздражительности, обидчивости и стремлению к чрезмерной изоляции.

Во всех случаях дистресс у людей с болезнью Крона, язвенным колитом или синдромом раздраженного кишечника в сочетании с изменениями в ментализации приводит к трудностям в межличностных отношениях и в конечном итоге к дальнейшему сдвигу в системе привязанности к Другому. Отсутствие безопасной привязанности и межличностный дистресс, в свою очередь, неизбежно приводят к усилению гипермобилизации, приводящей к ухудшению симптомов со стороны ЖКТ. Мы подчеркиваем, что отношения между стрессом, катастрофизирующим стилем мышления и симптомами ЖКТ следует считать двунаправленным. Эти заболевания вызывают значительный стресс у человека, и этот стресс может способствовать воспалительным процессам и функциональным сбоям. Восприятие ситуаций как стрессовых, депрессия, тревога приводят к увеличению выделения воспалительных цитокинов через адренергическую активацию и влияют на гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую ось наряду с изменения в секреции кортикостероидов. Из этого следует, что в целом причинно-следственные связи, которые мы описали, должны быть рассмотрены как двунаправленные. Люди с СРК, болезнью Крона, язвенным колитом часто попадают в порочный круг, в котором накопленный дистресс, катастрофизирующий стиль мышления снижают их приверженность к лечению, что в свою очередь увеличивает психологический стресс. В этом порочном круге изменения в ментализации, активизация небезопасной привязанности являются ключевыми аспектами, определяющими состояние человека [1; 2]. Приведенные данные открывают новые способы понимания психологических механизмов, которые приводят к психологическому стрессу у людей с желудочно-кишечными расстройствами. Подталкивают нас к разработке комплексной психологической оценки этих людей с учетом особенностей их *социального познания и стиля привязанности.*

Литература

1. *Мелёхин А.И.* Экспозиционная когнитивно-поведенческая психотерапия при лечении нарушении кишечно-мозгового взаимодействия // Neurodynamics. Журнал клинической психологии и психиатрии. 2020. Т. 2, № 1. С. 20–41.

2. *Мелёхин А.И.* Дистанционная когнитивно-поведенческая психотерапия синдрома раздраженного кишечника: специфика и эффективность // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 56–74.
3. *Agostini A., Scaioli E., Belluzzi A.* Attachment and Mentalizing Abilities in Patients with Inflammatory Bowel Disease. // Gastroenterol Res Pract. 2019. Vol. 5. P. 7-15123.
4. *Colonnello V, Agostini A*. Disease course, stress, attachment, and mentalization in patients with inflammatory bowel disease // Med Hypotheses. 2020. №. 4. Vol. 140. P. 10-19
5. Neumann E., Sattel H. Attachment in romantic relationships and somatization. // J Nerv Ment Dis. 2015. Vol. 203. № 2. P. 101-6.

Проблема исследования особенностей статусного поведения в студенческой группе

Мелконян Н.Ю., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
melkonat2@gmail.com, kochetovatv@gmail.com

Анализируя проблемы изучения поведения человека в статусной иерархии, следует отметить, что такого рода исследования проводятся как в социальной психологии, психологии личности, так и в других отраслях научного знания, например, в социологии, философии и др. В связи с этим систематизация материала по данной проблематике позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к изучению данной проблемы.

Несмотря на большое количество исследований, направленных на изучение статусного поведения человека в сфере межличностных отношений, вопрос определения приемов и способов, которые использует человек для сохранения и поддержания своего статуса в группе, продолжает оставаться недостаточно изученным. Логично предположить, что в социальной психологии, как и в любой отрасли психологической науки, четкие определения могут сужать смысл исследуемого вопроса [3]. Следует проанализировать различные социально-психологические явления, сопутствующие ярким проявлениям статусности.

Статусное поведение можно рассматривать на примере студенческой группы, где такие особенности проявляются достаточно выраженно. Важно проанализировать область и структуру такого поведения, рассмотреть такие важные понятия, как «референтность» и

«авторитет». Так, рассматривая тему статусности индивида в работах М.Ю. Кондратьева, нетрудно заметить, что он очень скрупулёзно подходит к рассмотрению этих понятий, пытаясь определить вопросы, связующие и разделяющие эти понятия [1]. Он отмечает, что изучение проблемы высокореферентного лица и авторитета является важной ступенью на пути к выделению каких-либо особенностей статусного поведения в группе.

В этой связи крайне важно определить область, в которой проявляются поведенческие особенности, связанные с проявлением статусности в групповой иерархии, рассмотреть различные подходы к изучению вопроса малых групп. Важным моментом изучения статусного поведения является определение критериев значимости участников групповых взаимоотношений. Выделить критерии такой значимости можно на основе трехфакторной модели «значимого другого», предложенной А.В. Петровским [2].

В случае со статусным поведением интересным является способность некоторых лиц привлекать или отталкивать, вызывать симпатию или антипатию. В зарубежной и отечественной социальной психологии такой эмоциональный статус (аттракция) часто исследуется с точки зрения метода социометрии. Другими словами, на примере студенческой группы особенности статусного поведения можно рассматривать с точки зрения социометрического статуса.

Таким образом, поставив перед собой задачу изучения поведения в студенческой группе, мы признаем совершенно очевидным, что: 1) в рамках одной группы люди не могут находиться в одинаковом положении по отношению друг к другу и 2) каждый член группы занимает определенное место в групповой иерархии статусов. Поставив своей целью изучить особенности статусного поведения, мы должны рассмотреть различные социально-психологические характеристики, которые имеют непосредственное отношение к проявлению такого поведения

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
2. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель значимого другого// Вопросы психологии.1991. №1.
3. *Чалидзе В.Н.* Иерархический человек: социобиологические заметки. М., 1991.

К проблеме согласованности представлений сотрудников об организационной культуре и стиле руководства

Мельник Ю.И.
ФГБОУ ВО ПетрГУ, Петрозаводск, Россия
urimelnike@gmail.com

По мнению Э. Шейна, первичные механизмы внедрения культурных основ в организации включают как содержательные аспекты руководства, т.е. «что» делает руководитель, так и инструментальные – «как» это делает руководитель, что, по сути, является стилем руководства [5]. Конкретные действия руководителя в контексте организационной культуры раскрыли в своей статье И.В. Грошев, О.В. Королева и Т.А. Загузова [1]. Ссылаясь на Э. Шейна, авторы подчеркнули, что стиль руководства и его проявления влияют на формирование оргкультуры. Содержательное влияние руководителя на реальную организационную культуру через ценностные основания лидера показал А.Н. Занковский [2]. Он считает, что организационное лидерство и корпоративная культура организации могут взаимодействовать друг с другом в зависимости от выраженности ценностного компонента лидерства и уровня сформированности реальной корпоративной культуры и ее приближенности к идеальной культуре. Идея сближения реальной и идеальной организационных культур через ценности и поведение организационного лидера поднимает проблему согласованности стиля руководства и типа организационной культуры, а также влияния этого на эффективность управления.

По мнению К.К. Оганяна и А.А. Ключниковой, вопрос соотношения оптимального типа управления организацией, типа личности руководителя, типа организационной культуры и стиля руководства до сих пор не решен [4]. Авторы предложили три новых типа управления организацией, которые соотнесли с типом личности руководителя, стилем управления и типом организационной культуры. Такое однозначное сопоставление требует эмпирической проверки, а для полноты анализа нужны дополнительные переменные и медиаторы. Это показала на примере изучения образовательных организаций М.Л. Котляр [3]. Она обнаружила, что при одинаковом стиле руководства образовательным учреждением могут формироваться разные типы организационной культуры. А для того чтобы судить о степени согласованности стиля руководства и организационной культуры и оценить их воздействие на организационные процессы следует изучить социально-

психологический климат, который позволит выявить преимущества и ресурсы сочетания стиля руководства и типа организационной культуры, а также «узкие места» такого сочетания.

Наше исследование было посвящено выявлению связи представлений об организационной культуре сотрудников производственного предприятия и их оценкой стиля руководства. Гипотезой исследования является предположение, что у сотрудников производственного предприятия присутствуют согласованные представления об организационной культуре своей компании и эти представления согласуются с их оценкой стиля руководства. В исследовании приняло участие 40 рядовых сотрудников, в возрасте от 29 до 59 лет, из них 9 женщин, 31 мужчина. Для оценки организационной культуры производственного предприятия и стиля руководства использовались методики: «Диагностика организационной культуры» (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна и «Определение стиля управления персоналом», адаптированный вариант экспертной методики В.П. Захарова. В исследовании использовался принцип «двойного замера». Испытуемых просили оценить как актуальную, так и предпочитаемую организационную культуру, и стиль руководства. Результаты исследования показали, что сотрудники производственного предприятия представляют реальную и предпочитаемую организационную культуру компании как иерархическую, что позволяет сделать вывод о внутренней согласованности представлений сотрудников производственного предприятия об организационной культуре и готовности поддерживать сложившийся культурный код. Ведущим действующим стилем руководства, по оценкам сотрудников, оказался авторитарный стиль, а наиболее предпочитаемым стилем для сотрудников предприятия является демократический стиль руководства.

Таким образом, существующая организационная культура в представлении сотрудников производственного предприятия является иерархической и поддерживается авторитарным менеджментом.

Можно предположить, что опрошенные сотрудники предприятия согласны остаться в культуре «Иерархия», но при демократическом управлении, в котором руководство компании добавили бы человечности в своих отношениях с сотрудниками.

Последующий корреляционный анализ подтвердил нашу первоначальную гипотезу о наличии согласованных представлений об организационной культуре среди сотрудников производственного предприятия, но при этом наблюдается не согласованность представлений относительно действующего и предпочитаемого стиля руководства. В практическом плане интерес вызывает то, насколько

такие представления сотрудников согласуются с представлениями руководителей о стиле руководства и типе организационной культуры, что требует, конечно, дополнительного исследования. Несогласованность представлений сотрудников – руководителей и подчиненных об организационной культуре и стиле руководства и других социально-психологических факторов могут стать объектом интервенций в организационном консалтинге в целях интеграции коллективных представлений, что поспособствует «расшивке» проблемных зон в управленческой практике.

Литература

1. *Грошев И.В., Королева О.В., Загузова Т.А.* Взаимосвязь стиля руководства, процессов принятия управленческих решений, организационного климата и организационной культуры в системе предпринимательских структур. Вестник ТГУ, 2007, выпуск 10 (54), 215-222.
2. *Занковский А.Н.* Организационное лидерство в пространстве корпоративной культуры. Дис. ... доктора психологических наук, Москва, 2012.
3. *Котляр М.Л.* Социально-психологический климат образовательного учреждения как показатель согласованности стиля руководства и типа организационной культуры. *Электронный журнал «Психологическая наука и образование» 1, 2013* 2-9. URL: http:www.psyedu.ru (дата обращения: 25.10.2019).
4. *Оганян К.К., Ключникова А.А*. Сравнительный анализ типа личности руководителя, стиля управления и типа организационной культуры. // *Гипотеза / Hypothesis*, 2018*2 (3),*46-50.
5. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство. Санкт-Петербург: Питер, 2006.

Социально-психологическое исследование профессионального выгорания и ценностных ориентаций работников социальной сферы

Мельникова Д.Д. Бабанин П.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krdar@bk.ru, babaninpa@mgppu.ru

Проблема выбора своего профессионального пути всегда была актуальна. Но как понять, анализируя себя, свои ценности и интересы,

какой выбор будет верным? Зачастую люди, которые собираются работать по профессиям типа «человек-человек» могут быть совершенно не предрасположены к данному типу профессий. Абитуриенты, не задумываясь, могут выбирать социальные институты, потому что их привлекает работа с людьми, постоянное общение и взаимодействие с коллегами, клиентами и партнёрами. При этом мало кто готовит их к тому, что в связи с постоянной нагрузкой на эмоциональную сферу, работники социальной сферы гораздо больше, чем других профессий привержены к профессиональному выгоранию, что в свою очередь может негативно сказаться на всей профессиональной деятельности человека, а также на физическом и психическом здоровье.

Что касается степени научной освещённости вопросами профессионального выгорания, в частности, представителей коммуникативных профессий, этой проблемой занималось В.А. Бодров, В.В. Бойко, М.В. Борисова, Н.Е. Водопьянова, В.Е. Орел, С. Сиднева, Е.С. Старченкова и другие исследователи. Изучением проблемы эмоционального выгорания занимались и в зарубежной науке и практике (C.Maslach, S. Jakson, 1981; E. Aronson, A. Pines, 1983; S. Walker, M. Cole, 1989; C.Maslach, M.P. Leiter, 1997 и др.). Исследуя вопрос о причинах и мерах профилактики выгорания, можно прийти к выводу, что данная тема исследована гораздо в меньшей степени, и в этом аспекте следует отметить труды таких ученых как: Н.Е. Водопьянова, И.В. Зборовская, К. Ефремов, Е.С. Старченкова, А.О. Прохоров. Однако полученные данные являются весьма противоречивыми. Поэтому актуальным становится изучение особенностей проявления данного синдрома, уточнение социально-психологических факторов, влияющих на профессиональное выгорание среди работников социальной сферы.

По мнению ученых, люди, которые выбирают профессии типа «человек – человек», подвержены профессиональному выгоранию больше, чем представители других профессий [1]. Исследователи это связывают с тем, что, из-за высокого уровня эмпатии к клиенту, работник социальной сферы принимает на себя все особенности личности и проблемы клиента, что сказывается на его эмоциональном и психическом здоровье.

Статистика показывает, что эмоциональное выгорание встречается от 30 до 90% в таких профессиях, как врачи, учителя, социальные работники, спасатели и психологи [2]. Исследователи отмечают, что почти у 80% врачей психиатров, психотерапевтов, психиатров-наркологов наблюдается различной степени выраженности признаки

синдрома выгорания; причём 7,8% - резко выраженный синдром, ведущий к психосоматическим и психовегетативным нарушениям [3].

Цель нашей работы заключается в изучении социально-психологических особенностей профессионального выгорания и ценностных ориентаций работников социальной сферы.

В нашей работе к категории социальной сферы мы относили те профессии, которые непосредственно оказывают помощь отдельным категориям граждан – это такие профессии как врач, учитель, социальный работник, психолог в социальной сфере и т.д.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Синдром профессионального выгорания развивается в результате длительной профессиональной деятельности социального работника.
2. Существует взаимосвязь между профессиональным выгоранием и ценностными ориентациями личности работника социальной сферы.

Своё исследование мы проводили на практикующих врачах, профессиональный стаж которых 1-5 лет и 20+ лет соответственно. Выборка составила 72 респондента.

В работе использовался следующий комплекс методик.

1. Опросник выгорания К. Маслач, который состоит из трех субшкал: «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «редукция профессиональных достижений».
2. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, позволяющая судить о значимости для человека основных ценностей.

На данном этапе работы, при обработке опросника выгорания Маслач, которая проводилась с помощью корреляции Пирсона, мы можем сделать следующие выводы.

- Трудовой стаж медицинских работников связан с их эмоциональным выгоранием отрицательной корреляцией. То есть, чем больше профессиональный стаж, тем ниже уровень эмоционального выгорания.
- Уровень деперсонализации медицинских работников связан с их эмоциональным выгоранием отрицательной корреляцией. То есть, чем выше деперсонализация личности, тем ниже уровень эмоционального истощения.
- Чем больше стаж профессиональной деятельности испытуемых медиков, тем ниже уровень их деперсонализации.

По результатам анализа научной литературы, мы можем сделать следующие выводы:

- Работники социальной сферы, в частности, врачи, гораздо больше, чем представители других профессий привержены к профессиональному выгоранию. Исследователи это связывают с тем, что из-за высокого уровня эмпатии к клиенту, работник социальной сферы принимает на себя все особенности личности и проблемы клиента, что сказывается на его эмоциональном и психическом здоровье.
- Как для отдельного работника, так и для организации, состояние профессионального выгорания может быть неосознанным или неправильно понятым и оцененным. Синдром эмоционального выгорания практически невозможно увидеть со стороны, поэтому отсутствуют условия для того, чтобы вовремя начать коррекционные и восстанавливающие мероприятия.

Литература

1. *Бойко В.В.* Правила эмоционального поведения [Текст] / В.В.Бойко. – СПб.: Питер, 1998. – 345 с.
2. *Водопьянова Н.Е.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. [Текст] / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
3. *Королева Е.Г., Шустер Э.Г.* Синдром эмоционального выгорания // Журнал Гр ГМУ. 2007. № 7. С. 108–111.

Качество отношений с родителями как предиктор психологического здоровья молодежи

Микляева А.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия

a.miklyaeva@gmail.com

Материалы публикуются при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-29-02438

Категория психологического здоровья является одним из центральных понятий, описывающих благополучие людей. Как указывает Е.А. Сергиенко, «понятие психологического здоровья опирается в значительной степени на внутренние психологические аспекты адаптации личности человека к экологическим факторам,

социальным, культурным, что не только позволяет сохранять психологическое равновесие, но и обеспечивает самореализацию и саморазвитие каждого человека» [2, с. 99]. Психологическое здоровье ассоциируется с благоприятным эмоциональным фоном, отсутствием проявлений депрессии и тревоги, что создает предпосылки для конструктивного личностного функционирования. В детском, подростковом и юношеском возрастах большой вклад в психологическое здоровье вносит качество отношений с родителями, в частности, родительская поддержка [1]. Однако вопрос о том, какие действия родителей воспринимаются как поддерживающие, носит дискуссионный характер.

В данном исследовании изучалось влияние таких параметров отношений с родителями, как мониторинг, контроль, самораскрытие и запрос информации, на самооценку психологического здоровья и уровень тревожных и депрессивных проявлений. К участию в исследовании были привлечены 1534 школьников и студентов (возраст 15-21 год, 68,9 % женщин) из трех регионов России (Санкт-Петербург, Новосибирск и Камчатский край). Для оценки отношений с родителями использовалась методика «Родительский мониторинг» [3]. Психологическое здоровье характеризовалось посредством анализа его самооценки респондентами, шкалы депрессии из «Опросника здоровья пациента» (PHQ-9), Шкалы оценки генерализованного тревожного расстройства (GAD-7). Статистическая обработка данных включала корреляционный (r_s), дисперсионный (F) и регрессионный (β) анализ.

Результаты продемонстрировали наличие сильных корреляционных связей между показателями самооценки здоровья, депрессии и тревоги ($p<0,001$: $-0,51<r_s<-0,48$ для корреляций между самооценкой психологического здоровья, тревоги и депрессии; $r_s=0,75$ для корреляций между показателями тревоги и депрессии), что свидетельствует об адекватности самооценки молодежью своего психологического статуса. Депрессивные проявления отмечают 49,2 % респондентов, проявления тревоги – 69,9 %. Девушки в целом оценивают свое психологическое благополучие ниже, чем юноши ($F=15,61$, $p<0,001$), чаще отмечают проявления тревоги ($F=9,77$, $p<0,01$) и депрессии ($F=3,32$, $p<0,01$). По мере взросления самооценка психологического благополучия имеет тенденцию снижаться ($F=2,74$, $p<0,01$), а проявления тревоги и депрессии – нарастать ($F=3,60$, $p<0,01$ и $F=2,61$, $p<0,05$). На этом фоне наиболее благоприятными периодами является возраст 16 и 19 лет, что, вероятно, отражает стабильность социальной ситуации развития в эти периоды. К 20-21 году уровень проявлений депрессии у юношей сравнивается с показателями,

характерными для девушек, и даже превышает их ($F=2,61$, $p<0,05$), что, возможно, является отражением гендерно-обусловленных различий в нормативных траекториях взросления.

Выраженные проявления родительского контроля отметили 35,1 % респондентов, при этом в выборке девушек этот показатель достоверно выше ($F=41,94$, $p<0,001$). Интересно, что этот показатель оказался независимым от возраста респондентов, в отличие от показателя самораскрытия (высокие значения составили 20,5 %), который с возрастом снижается ($F=2,16$, $p<0,01$), сохраняя при этом более высокие значения в выборке девушек ($F=21,34$, $p<0,001$). Те же тенденции продемонстрировали показатели «запрос информации» (36,9 % высоких значений; $F=10,35$, $p<0,001$ для фактора «пол»; $F=3,87$, $p<0,01$ для фактора «возраст») и «мониторинг учебных дел» (35,8 % высоких значений; $F=3,82$, $p<0,05$ для фактора «пол»; $F=6,35$, $p<0,01$ для фактора «возраст», «пики» приходятся на 9 и 11 класс). Показатель «мониторинг личной жизни» (31,6 % высоких значений) оказался чувствительным только к фактору пола ($F=25,22$, $p<0,001$).

Несмотря на выявленные различия, структура корреляционных связей и регрессионные модели во всех подгруппах, выделенных по параметрам пола и возраста, оказалась сходной. Комплекс показателей психологического здоровья положительно связан с показателями «запрос информации», «самораскрытие» и «родительский мониторинг» ($p<0,01$, $0,16<r_s<0,32$), показатель «родительский контроль» таких взаимосвязей не продемонстрировал. Регрессионный анализ показал, что наиболее надежным предиктором самооценки психологического здоровья, а также уровня выраженности тревоги и депрессии является показатель самораскрытия (соответственно: $\beta=0,13$, $p<0,01$ при $r^2=0,08$; $\beta=0,84$, $p<0,001$ при $r^2=0,08$; $\beta=1,24$, $p<0,001$ при $r^2=0,13$). Кроме того, установлен вклад в дисперсию показателя «депрессия» такого параметра родительского отношения, как «мониторинг учебных дел» ($\beta=0,35$, $p<0,01$ при $r^2=0,13$). В целом, однако, невысокие показатели r^2 позволяют отметить, что характер отношений молодежи с родителями, оказывая некоторое влияние на психологическое здоровье, не является в этом контексте определяющим. Наиболее чувствительным к характеру отношений с родителями аспектом психологического здоровья оказался показатель выраженности депрессивных проявлений, минимальные значения которого связаны с высокой степенью открытости в отношениях с родителями и родительским мониторингом учебной жизни.

Литература

1. *Лифинцева А.А.* Родительская поддержка и психосоматическое здоровье детей и подростков // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2013. №5.
2. *Сергиенко Е.А.* Психологическое здоровье: субъективные факторы // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. №4 (10).
3. *Stattin H., Kerr M.* Parental monitoring: A reinterpretation // Child development. 2000. Vol. 71(4).

К вопросу исследования способов совершенствования системы рекрутинга коммерческой организации

Митрофанов И.С., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mit8@bk.ru, kharchenkma@mgppu.ru

Руководителям современных коммерческих организаций, как правило, не нужно объяснять значимость работы отдела персонала, и, в частности, системы рекрутинга. Многолетние эмпирические исследования показывают, что высокий уровень эффективности системы подбора персонала напрямую связан с прибыльностью компании. По этой причине многих менеджеров интересует вопрос – как сделать существующую систему подбора персонала более эффективной? Несмотря на высокую актуальность, психологическая наука еще не нашла точный ответ на данный вопрос.

Сам термин «рекрутинг» в России узнали лишь 20 сентября 1991 г. из статьи В. Захарько «Охотники за головами». В ней автор подробно описал принципы работы рекрутингового агентства. Многие специалисты, занимающиеся исследованием рекрутинга, стремились дать свое определение этому феномену. Но, несмотря на разнообразие подходов, большинство объединяет идея о том, что рекрутинг – многогранное явление, которое является средством для решения определенных организационных задач.

Притом, что отдельные методы рекрутинга активно изучаются в наше время, до сих пор неизвестно, какие именно факторы влияют в конечном итоге на результат. По итогам проведенного анализа литературы мы отметили, что тема эффективности средств рекрутинга на данный момент крайне мало раскрыта с точки зрения эмпирических

исследований. Именно поэтому мы решили в нашей работе уделить внимание не просто изучению средств рекрутинга, а их взаимосвязям с внешними и внутренними организационными факторами. Цель нашего исследования – разработать и апробировать программу по совершенствованию системы рекрутинга в коммерческих организациях и на основе результатов исследования разработать рекомендации для работников и сотрудников HR-отдела.

В рамках работы была собрана информация на основе анализа документов (регламенты, положения), статистики и научных публикаций, результатов опросов персонала организации (выборочные исследования по опросам внутренних сотрудников организации) и экспертных оценок внешних HR-специалистов. В нашем исследовании приняло участие 24 внешних HR-эксперта.

Статистический анализ показал, что существует значимая обратная взаимосвязь между временем рассмотрения кандидата на вакантную должность и вероятностью его трудоустройства. Это значит, что чем дольше принимается решение о приеме на работу конкретного специалиста, тем меньше вероятность, что человек в итоге это предложение примет и реально приступит к исполнению трудовой функции в данной организации. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что для повышения эффективности системы рекрутинга руководитель структурного подразделения должен принимать решение о приеме на работу нового сотрудника в заранее оговоренные временные рамки.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что работа над совершенствованием системы подбора персонала организации – это сложный и многогранный процесс, в котором должны быть учтены как особенности самой организации, так и индивидуальные особенности кандидатов на вакантную должность.

Сравнительный анализ детско-родительского взаимодействия в казахских и российских семьях

Муканова Г.А., Шаповаленко И.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
gulmiramukanova@gmail.com, irin_vlad@mail.ru

Сегодня мы являемся свидетелями того, как во многих странах осуществляется процесс взаимопроникновения различных культур. Духовные ценности, культурные традиции, многовековые модели и стратегии поведения приходят в противоречие. В структуре семьи

такой раскол ценностных ориентаций становится очевидным и обнаруживается – в изменении традиционных моделей, пересмотре морально-нравственных ценностей, трансформации супружеских ролей, перемене родительских установок и поведения. Различные народы имеют свои уникальные традиции и многовековые устои, но в то же время динамично развиваются и под влиянием глобализации перестраиваются согласно современным тенденциям. В связи с этим актуально изучение современных родителей –представителей разных культур, а также выявление особенностей в реализации их родительского отношения к ребенку, сравнение структуры детско-родительского взаимодействия родителей, принадлежащих к определенным этнокультурам.

Родительство – это сложный социально-психологический феномен, являющийся базовым жизненным предназначением, важным состоянием и значительной социально-психологической функцией каждого человека [1]. В этнопсихологическом плане функция родительства заключается в передаче культурно-нравственных ценностей от одного поколения к другому, а также в сохранении сложившихся убеждений и традиций воспитания. Стиль семейного воспитания определяется родительскими ценностными ориентациями, установками, характеристиками социальной среды, в которой живет семья, эмоциональным отношением к ребенку, особенностями восприятия ребенка родителями и способами поведения с ним. Под стилем семейного воспитания принято понимать совокупность родительских стереотипов, которые являются типичной стратегией поведения родителей с детьми [4].

Цель исследования – проанализировать и сравнить детско-родительское взаимодействие в казахских и российских семьях.

С одной стороны, Казахстан и Россия были в составе СССР, где пропагандировалось единообразное отношение ко всему, без разделений на нации. С другой стороны, на данный момент, каждая из наций – это отдельное независимое государство и представляет свою уникальную культуру. В своей работе мы сравнили детско-родительское взаимодействие в трех группах.

Первая группа родителей – представители российского общества, которое является многонациональным конгломератом. Здесь безусловно происходит взаимопроникновение культур, традиционная модель русской семьи претерпела определенные изменения. Авторитарное отношение к ребенку, которое доминировало долгое время постепенно сменяется на стратегию сотрудничества с ребенком, родительские установки становятся более оптимальными.

Вторая группа – казахские семьи. В традиционной казахской семье воспитательная функция, в основном, принадлежала женщине. Отец являлся добытчиком, воином, защитником. Воспитание в казахских семьях было достаточно строгим, с четкими воспитательными установками в зависимости от пола ребенка.

Третья группа – семьи казахских дипломатов, временно проживающих в Москве. Для нас было интересно оценить родительское отношение казахских дипломатов к своим детям. Прежде всего, казахские дипломаты являются представителями казахской культуры. С другой стороны, в силу служебных обязательств вынуждены периодически менять место проживания. Они имеют опыт проживания в разных социальных средах, тесно взаимодействуют с представителями разных культур. Вместе с преимуществами такое положение дел создает риски для дальнейшего развития семей дипломатов. Большое количество переездов является своего рода испытанием и вызовом для семейной структуры дипломатов. Психологическая адаптация членов семьи, принятие культурных убеждений и социальных норм страны пребывания, все – это, требует большей сплоченности и взаимопонимания внутри семьи.

В исследовании приняли участие 70 испытуемых, из которых были сформированы три выборки по принадлежности к этнокультуре: 25 российских родителей (матери), 20 казахских родителей (матери) и 25 матерей из семей казахских дипломатов, временно проживающих в Российской Федерации. Возрастной интервал респондентов – от 25 до 45 лет. Все респонденты имеют высшее образование, являются родителями и имеют детей в возрасте от 10 месяцев до 10 лет. Методики исследования: «Методика определения характера взаимодействия родителя и ребенка» И.М. Марковской [3]; «Методика диагностики структуры родительского отношения и его динамики в онтогенезе ребенка» (Е.Смирнова, М.Соколова (Быкова)) [3].

В результате проведенного исследования нами были выявлены весьма сходные характеристики детско-родительского взаимодействия (в казахских семьях, российских семьях и семьях казахских дипломатов). Для всех вышеперечисленных групп семей характерны стили воспитания «объяснительный», «содействующий» и «автономный». К тому же, мы обнаружили низкий уровень по шкале «мягкость-строгость родителя». При таких типах воспитания в комплексе родитель ориентируется в потребностях ребенка, считает, что ребенок равен ему и прибегает к словесному объяснению, предоставляя ему максимум свободы в выборе и принятии решения. Инициативность ребенка не подавляется, он может проявить свои способности. С одной стороны, такие воспитательные стратегии при

правильном балансе будут иметь позитивные результаты. С другой стороны, при ее чрезмерности эти типы воспитания способствуют развитию эгоцентризма и завышенного уровня притязаний.

При сравнении трех групп родителей с помощью U-критерия Манна Уитни были выявлены некоторые статистически значимые различия.

Так, было обнаружено, что у казахских семей преобладает ценность интеллектуального развития ребенка в отличии от российских семей и семей казахских дипломатов. Выявлены различия на уровне статистической тенденции по шкале «строгий» стиль воспитания. Если брать во внимание изменения в Республике Казахстан, которые произошли за последние 29 лет, эта тенденция имеет место быть. С получением независимости, в стране масштабно проводится реформа образовательной системы, в том числе действует программа Первого Президента РК Н.Назарбаева «Болашак» (Будущее), с помощью которой лучшие выпускники школ могут претендовать на получение гранта для обучения в топовых ВУЗах мира. Казахские родители стремятся к тому, чтобы их дети получили образование в лучших ВУЗах мира, поэтому с раннего детства активно занимаются их интеллектуальным развитием. Ценность умственного развития наряду со строгим стилем воспитания представляет казахских родителей как более требовательных, ориентированных на социальные достижения своих детей, предъявляющих им завышенные требования.

Необходимо отметить, что в исследуемой выборке практически не обнаружен такой феномен, как «воспитательная конфронтация в семье». Это свидетельствует о благоприятной обстановке для осуществления детско-родительского взаимодействия.

С помощью представленных методик нам удалось сформировать своеобразный профиль детско-родительского взаимодействия каждой группы. При анализе семейных взаимоотношений и стилей поведения российские семьи показали более высокий уровень безоценочного отношения к своим детям (в сравнении с казахскими семьями и семьями казахских дипломатов). Высокая ценность произвольности и морально-нравственных качеств является приоритетными для российских родителей. Такие ориентиры в структуре детско-родительского взаимодействия свидетельствуют о предпочтениях российских родителей замечать в своих детях высокую моральную ответственность, послушание и дисциплину.

Семьи казахских дипломатов имеют статистически значимые более высокие показатели по шкалам «сотрудничество» и «воспитательная конфронтация в семье». Возможно, нахождение по долгу службы в

разных странах, когда периодически меняются круг общения и место жительство, способствует близкому эмоциональному контакту и тесному сотрудничеству, в том числе между детьми и родителями.

Проведенное исследование выявило как выраженную общность во взаимодействии родителей и детей различных этнокультурных групп, так и некоторые различия. Данное исследование лишь частично характеризует детско-родительское взаимодействие в казахских, российских семьях, а также в семьях казахских дипломатов.

Литература

1. *Богомякова О.Н.* Системный семейный подход в обеспечении психологического здоровья ребенка //Вестник ПГГПУ. Серия №. 1 Психологические и педагогические науки. 2014.
2. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. / М.: Академия, 2006. *Марковская И.М.* Тренинг взаимодействия родителей с детьми. – СП.б., 2006.
3. *Целуйко В. М.* Вы и ваши дети. Психология семьи. — Ростов н/Д., 2004

Социально-психологические особенности информационной культуры школьников

Муллахметов А.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
keiya@yandex.ru, social2003@mail.ru

Информационная культура является неотъемлемой частью культуры личности современного человека. Важнейшим условием существования человека в информационном обществе служит его информационная грамотность.

В работах многих исследователей (А.А. Городинова, Г.А. Жаркова, Т.Д. Марцинковская, А.Н. Муллахметов и др.), понятие «информационная культура личности» (ИКЛ) рассматривается как междисциплинарное, поскольку эту проблему изучают психологи, культурологи, социологи, философы и библиотековеды [1; 2; 3; 4].

Информационная культура включает в себя информационную грамотность и грамотность в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также информационное мировоззрение.

В исследовании Г.А. Жарковой ИКЛ характеризуется следующими компонентами:

- владение тезаурусом (информационные ресурсы, информационное мировоззрение, информационная среда, информационное поведение);
- умение формулировать свои информационные потребности и запросы;
- способность эффективно осуществлять поиск информации, с помощью различных поисковых систем;
- рациональное хранение и переработка больших потоков и массивов информации;
- знание норм и правил «информационной этики», умение вести информационно-коммуникативный диалог [2].

На основе анализа социально-психологической и психолого-педагогической литературы нами была разработана и реализована программа эмпирического исследования особенностей информационной культуры школьников с разным уровнем социального интеллекта. В исследовании приняли участие 350 учащихся общеобразовательной школы в возрасте от 10 до 17 лет (184 мальчика и 166 девочек). Использовались тест «Социальный интеллект» (Дж. Гилфорд) и оригинальная авторская анкета для изучения информационной культуры личности.

Анкета составлена в соответствии с выявленными нами в процессе теоретического исследования структурными компонентами информационной культуры личности обучающихся и содержит три блока. Вопросы первого из них – «Источники информации» – позволяют выяснить особенности использования школьниками значимых для развития ИКЛ информационных ресурсов, к которым относятся учебные порталы, библиотеки, интернет и социальные сети. Второй блок – «Удовлетворение информационных потребностей» – включает вопросы о специфике поиска школьников информации об интересующих их фильмах, играх, музыкальных произведениях, а также о значении незнакомых слов, новинках робототехники, различных хобби и т.д. Третий блок – «Способность к эффективному поиску информации» позволяет выявить опыт использования школьниками различных поисковых систем. Полученный эмпирические данные были проанализированы с помощью программы SPSS: подсчёт статистического критерия χ^2 и определение характеристики взаимосвязи. Результаты нашего исследования позволили обнаружить некоторые связи между элементами информационной культуры и социальным интеллектом школьников.

С помощью таблиц сопряженности было выявлено, что учащиеся, обладающие высоким и выше среднего уровнем вербальной экспрессии (субтест №3), чаще, чем другие участники нашего исследования, посещают библиотеки как предпочтительные источники информации. Школьники с низким, ниже среднего и средним уровнем социального интеллекта по субтесту вербальной экспрессии практически не посещают библиотеки. Полученные данные, на наш взгляд, можно объяснить тем, что библиотеки склонны посещать школьники, либо изначально чувствительные к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, либо успешно развивающие эту способность посредством современной библиотечной информационной среды.

Выявлена связь между спецификой использования социальных сетей и композитной (интегральной) оценкой социального интеллекта. Школьники, предпочитающие в качестве источников информации социальные сети (Vkontakte, Facebook, Instagramm и др.), имеют композитную оценку социального интеллекта на среднем и ниже среднего уровнях. Школьники, не считающие социальные сети важным источником информации, обладают высоким уровнем композитной оценки социального интеллекта.

Респонденты, сталкивающиеся с чем-либо непонятным (например, неизвестным словом) и ничего не предпринимающие для его прояснения, как правило, имеют низкий уровень композитной оценки и показателей фактора познания последствий поведения человека (субтест 1). Средний уровень проявили школьники, сообщившие, что в аналогичной ситуации они предпочитают задавать вопросы друзьям и взрослым, либо искать ответ в источниках на бумажных носителях. Социальный интеллект на уровне «выше среднего» определен у школьников, которые для поиска неизвестной информации в первую очередь обращаются к ресурсам интернета. Иными словами, школьники, проявляющие интерес к социальным проблемам и обладающие определенными организаторскими способностями, предпочитают интернет как источник информации, охватывающий ресурсы наибольшей части общества.

Респонденты, использующие исключительно популярные поисковые системы (Яндекс, Google, Mail), обладают пониженным уровнем социального интеллекта по субтесту №4 «Истории с дополнением», то есть характеризуются низкой адаптацией к различным системам взаимоотношений между людьми. По-видимому,

они плохо адаптированы и к использованию малоизвестных, «непривычных» поисковых систем.

Дополнительно нами были выявлены возрастные особенности проявления информационной культуры. Оказалось, что ученики 5-6 классов для поиска новой информации больше других школьников предпочитают ресурсы интернета, а ученики 7-8 классов чаще остальных участников нашего исследования обращаются с целью удовлетворения своих информационных потребностей к сверстникам и взрослым. Полученные данные можно объяснить изменением социальной ситуации развития детей. Также были выявлены гендерные различия: девочки чаще пользуются учебными порталами и посещают музеи, чем мальчики.

Социальный интеллект обеспечивает понимание поступков людей, их вербальных и невербальных проявлений. Информационная культура как неотъемлемая часть общей культуры современного человека имеет специфические связи с социальным интеллектом, что и подтвердилось в нашем эмпирическом исследовании.

Литература

1. *Городинова А.А.* Информационная культура и информационное общество: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы, 2010. 174 с.
2. *Жаркова Г.А.* Теоретико-методолические основы и эвристический потенциал ситуационно-прогностического подхода к развитию информационной культуры личности: дис. д. пед. наук: 13.00.01. Ульяновск, 2014. 470 с.
3. *Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 7. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 15.04.2020).
4. *Муллахметов А.В.* Особенности информационной культуры разностатусных школьников // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы II Ежегодной студенческой научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (10–12 мая 2017 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 202 с. С. 128-130.

Сравнение мотивационно-ценностных ориентаций студентов факультета ИЗОиНР и ГЭФ

Мысин О.И.
ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия
Mysin74@yandex.ru

В динамично меняющейся системе современного образования предъявляются новые требования к личности педагога, формируются новые квалификационные требования к его деятельности.

Выпускник вуза должен обладать рядом развитых личностных компетенций, необходимых в его будущей профессиональной деятельности. Наличие у него определенных личностных качеств и мотивационной направленности должно способствовать его профессиональной успешности и соответствию высоким стандартам профессионализма.

Для изучения указанной проблемы нами ведется многолетние изучение динамики личностных особенностей студентов различных специальностей МГОУ (как младших курсов, так и выпускников).

Целью данного исследования является выявление особенностей мотивационно-ценностной сферы студентов различных факультетов. Объектом исследования выступили личностные особенности и мотивационная направленность студентов факультета ИЗОиНР и географо-экологического факультета. Предметом исследования выступила взаимосвязь характерологических особенностей, мотивов и ценностей студентов. Было опрошено 54 студента факультета ИЗОиНР и 52 студента ГЭФ.

В работе использовались следующие методы исследования: 16-факторный опросник (Р. Кеттелл), ПДО (А.Е. Личко), «Motype» (В.И. Герчиков).

На основе содержательного анализа была построена интегративная модель компетенций идеального специалиста в области образования (независимая от направления подготовки выпускника). Также был оценен вклад личностных качеств в формирование каждой компетенции и создана модель личности.

Далее были изучены личностные особенности и мотивация студентов факультета ИЗОиНР и географо-экологического факультета МГОУ. Были выявлены личностные особенности будущих специалистов, оценивался уровень их соответствия созданной модели и взаимосвязь с мотивацией деятельности. С целью изучения различий между экспериментальными показателями применялся t-критерий Стьюдента. Также был проведен корреляционный анализ.

Анализ результатов позволяет дать многостороннюю характеристику, охватывающую содержание всех основных сфер личности (в первую очередь эмоционально-волевой).

Исследование показало, что наиболее значимой в личности будущего учителя является эмоционально-волевая сфера. Самые высокие значения получены по факторам «Волевой самоконтроль», «Ответственность» и «Эмоциональная устойчивость», что говорит о внутренней готовности учащихся к профессиональной деятельности. Студенты демонстрирующие эти качества отличаются серьезным практическим подходом, взвешенным оцениванием факторов деятельности, сформированностью моральных принципов, развитым контролем эмоций и поведения, эмоциональной стабильностью. Они независимы, проявляют сильную тенденцию занимать лидирующие позиции, активны, коммуникабельны, склонны отстаивать собственное мнение.

В результате сравнения изучаемых показателей студентов обоих факультетов с компетенциями модели (с помощью t-критерия Стьюдента) были выявлены следующие значимые отклонения.

1. Для студентов характерен значительно более низкий уровень абстрактного мышления, что указывает на необходимость повышать интеллектуальный уровень студентов, мотивировать их на развитие познавательной активности.
2. Также у студентов недостаточно развита эмоционально-волевая сфера, они в меньшей степени контролируют свое поведение и демонстрируют навыки самоконтроля.

Между результатами учащихся разных факультетов значимые различия не были выявлены.

Мотивация профессиональной деятельности изучалась с помощью опросника профессиональной мотивации («Motype» В.И.Герчикова). Полученные результаты позволяют говорить о том, что у студентов обоих факультетов преобладают «Инструментальный» и «Профессиональный» типы мотивации. Можно сделать вывод о том, что и в одной, и в другой выборке преобладает прогнозирование получения материальных благ от профессиональной деятельности и маргинальные интересы. Студентов привлекает в будущей работе стабильный заработок и социальные преимущества прфессии. Студенты ориентированы на разнообразный, увлекательный, творческий характер труда; они готовы проявить себя и заниматься саморазвитием.

«Практический», «хозяйственный» и «избегательный» типы мотивации не выражены. Значимых различий между изучаемыми группами (студенты факультета ИЗОиНР и ГЭФ) не выявлено.

Анализ взаимосвязей между мотивацией и личностными компетенциями указывает на определенные тенденции.

Инструментальная мотивация обнаруживает выраженную положительную связь (0,57) с фактором «Абстрактное мышление», что говорит о том, что люди с такой мотивацией направлены на эффективное решение задач, они логичны, склонны отслеживать причинно-следственные связи, нацелены на доход. Также выявлены значимые отрицательные связи с такими компетенциями как: «Ответственность» (-0,48), «Теплота» (-0,43), «Социальная смелость» (-0,39), «Лидерство» (-0,36). Будущие специалисты маловнушаемы, полагаются на себя и мало обращают внимание на эмоциональные состояния других людей.

Такая структура позволяет говорить о доминировании установок профессионального роста и материальной заинтересованности как активизирующего фактора для студентов. Полученные результаты, указывают на перспективы личностного роста студентов в профессиональном плане.

Литература

1. *Кулагин Б.В.* Основы профессиональной психодиагностики. Л.: Медицина, 1984.-250 с.
2. *Марищук В.Л.* Психологические основы формирования профес-сионально значимых качеств: Дис... докт. психол. наук.-Л.,1982. - 418 с.
3. *Мысин О.И., Уварова Л.В.* Взаимосвязь личностных особенностей и профессиональной мотивации студентов старших курсов МГОУ. В сборнике: Проблема личности в контексте современной социальной ситуации развития детей, подростков и молодежи. Сборник материалов международной научно-практической конференции X Левитовские чтения в МГОУ. 2016. С.69-72
4. *Никифоров Г.С.* Надежность профессиональной деятельности // Психология. Учебник. М.: Проспект, 1999.-С.484 -497.

Особенности ценностных ориентаций современной молодежи

Мякишева А.И., Мылтасова О.В.

ФГБОУ ВО УрГЭУ, г. Екатеринбург, Россия

nastya.myackisheva@yandex.ru, olg-gor@mail.ru

Ценностные ориентации – это главные элементы внутренней структуры личности, которые определяются позитивным и

негативным жизненным опытом. Система ценностных ориентиров определяет внутреннюю структуру личности, определяет основу ее отношений к окружающему миру, к обществу, к самому себе. С помощью ценностей человек расставляет приоритеты во всех сферах своей жизни, он решает, что для него стоит на первом месте и что не так важно. У всех, абсолютно всех людей свои ценностные ориентации, это подчеркивает индивидуальность, насыщает личностным смыслом абстрактные понятия «счастье», «любовь», и пр. Наличие общих ценностей помогает людям понимать друг друга, сотрудничать, оказывать помощь и поддержку. Личные ценности лежит в основе любого этического кодекса как общественного, так и профессионального. В случаях расхождения систем ценностей между людьми возникают конфликты и недопонимания. Зачастую, различия в системе личных ценностей приводят к конфликтам между сотрудниками, выполняющими одну задачу. В ситуации, когда ценностные ориентации развиты, для общества наиболее приемлемы ориентации, которые идут на его благополучие, личность в этот момент показывает свою зрелость, как меру социальности. Развитые ценностные ориентации обуславливают такие качества личности, как цельность, верность, надежность, и показывают отношение человека к определенным идеалам и принципам, а также способность к волевым усилиям во имя этих идеалов и ценностей. Ценности постоянно изменяются: одни рождаются, другие отмирают, третьи переходят из одной категории в другую. Но все элементы системы ценностей тесно и неразрывно связаны между собой.

Процесс формирования ценностных ориентиров у человека происходит путем социализации при помощи малых групп, где человек приобретает формы поведения и получает опыт освоения ценностей [1].

Ценности влияют на поведение людей во всех сферах жизнедеятельности. Ценности бывают социальные, культурные, экономические, политические, духовные и т.д. Ценностные ориентации определяют установку субъекта деятельности, что в значительной степени предопределяет направленность поведения личности в её деятельности [3]. Эксперты выделяют индивидуальные и общественные ценности. Первые регулируют поведение индивида в повседневной жизни, вторые - его ценностные приоритеты относительно развития общества.

Ш. Шварц утверждал, что ценности делятся на индивидуальные и коллективные [2]. Он создал методику «Ценностные ориентиры», состоящую из 2 частей: в первой части исследуются идеалы и ориентиры личности, во второй – профиль личности.

Нами были исследованы студенты 1 курса, 70 человек. По результатам было установлено, что ведущими ценностями молодежи являются гедонизм (5,9), конформность (5,5), щедрость (5,5) и самостоятельность (5,3). Полученный результат можно объяснить возрастом опрашиваемых. Стремление к удовольствию, наслаждению жизнью, разнообразию чувственного опыта характерно для данной возрастной группы. Независимость мышления, способ выбора действий, стремление к самостоятельности являются ценностью для людей, которые не так давно отделились от родительской семьи.

Щедрость находится в прямом взаимодействии с ценностью удовольствия жизни, т.к. щедрость обеспечивает сохранение взаимодействия с людьми в которых заинтересован респондент. Он находится с ними в частом личном контакте, проявляя снисходительность, лояльность, дружбу и др.

Будучи заинтересованными в принятии себя обществом для респондентов важна конформность. То есть стремление сохранить общество от разрушений, защитить это общество от собственных негативных проявлений, а значит продемонстрировать послушание и вежливость.

Менее значимые ценности для группы респондентов это власть (4,3) и традиции (3,9), поскольку традиции, обряды, нормы поведения как правило связываются с образом родителей или религиозными конфессиями, то на данном этапе жизни респондентов они скорее всего подвергаются сомнениям. С одной стороны, традиции укрепляют взаимоотношения в группе с другой – требуют времени и жизненного опыта, чтобы выйти на более значимое место в системе ценностей.

Власть. Для характеристики данной ценности необходимо снова учесть возраст респондентов, люди данной возрастной категории находятся в статусе подчиненных, достижение социального уважения, авторитета и богатства требуют времени и активного проявления самостоятельности. Поэтому формирование собственного имиджа (ценность власти) выбирается респондентами регулярно, но не выходит на первые места по объективным причинам.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что на поведение личность, в большей степени, влияют ценностные ориентиры.

С помощью методики Ш. Шварца можно исследовать динамику изменения ценностей в группах в связи взрослением и усвоением новых социальных ценностей и ролей личностью. Проведя опрос и проанализиров информацию, стало ясно, что в группе респондентов, рожденных в 1999-2000 гг., преобладают ценности: гедонизм,

конформность, щедрость и самостоятельность. А менее популярными ценностями для данной группы являются власть и традиции. Интересно, что почти все преобладающие в выборе респондентов ценности являются социальными, то есть связанны с взаимодействием личности с обществом, это говорит нам о том, что, для современного поколения важно быть в обществе, быть его частью, взаимодействовать с ним.

Так или иначе, жизнь человека подвергается влиянию разных событий, идти по жизни человеку помогают ценностные ориентации, ведь они – главные элементы внутренней структуры личности.

Литература

1. *Захарова О.В.* Ценностные ориентиры современной молодёжи // Молодой ученый. – 2018. №4.
2. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности. – СПб, 2004.
3. *Мылтасова О.В.* Ценностные ориентации россиян в разрезе поколенческой теории. – М., 2017.

К вопросу о взаимосвязи агрессивных проявлений и адаптивных стратегий личности у студентов

Наташенков Г.Г., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
grigoriy.natashenkov@mail.ru

Социально-психологическая адаптация – это процесс, направленный на объединение субъекта и средовых условий в новую структуру с повышенной степенью организации. Подразумевается активность человека и окружения, которая приведёт к двусторонним преобразованиям. Взяв в качестве оснований контактность, активность и двусторонность изменений, а также трижды произведя дихотомическое деление, Мельникова Н.Н. построила классификацию из 8 стратегий индивидуального адаптивного поведения: стратегия №1 – активное изменение среды, №2 – активное изменение себя, №3 – активный уход из среды и поиск новой, №4 – активный уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир, №5 – пассивная репрезентация себя, №6 – пассивное подчинение условиям среды, №7 – пассивное выжидание внешних изменений, №8 – пассивное

ожидание внутренних изменений [2, с.375]. В своём исследовании мы задались вопросом о взаимосвязи этих стратегий с такими формами агрессии, как прямая вербальная, косвенная вербальная, косвенная физическая и прямая физическая [3, с. 365-405]. Поиск данной взаимосвязи производился на базе результатов диагностики студентов. Студенческий период, выступая промежутком между этапами созревания и зрелости, устанавливается как поздняя юность – ранняя взрослость (18-25 лет) [1, с. 431].

Эмпирические данные собирались в октябре-ноябре 2019 года. В качестве респондентов тестирование прошли студенты бакалавриата и магистратуры различных вузов (возраст от 18 до 25 лет) в общем количестве 62 человека. Цель работы: исследование взаимосвязи стратегий адаптивного поведения и форм вербальной и физической агрессии у студентов. Объект исследования: адаптивные стратегии личности и формы агрессивного поведения. Предмет исследования: особенности взаимосвязи стратегий адаптивного поведения с формами вербальной и физической агрессии у студентов. Основная гипотеза: существует взаимосвязь между стратегиями адаптивного поведения и формами вербальной и физической агрессии у студентов. Для исследования были подобраны две методики: «Адаптивные стратегии поведения» (Н.Н. Мельникова) и «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев). Респонденты заполняли их при помощи сети интернет (заполнение в среднем занимало 30 минут).

Исследование выявило прямую слабую корреляцию между показателями стратегии №4 (уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир) и косвенной вербальной агрессии. Субъект, у которого стратегия №4 является ведущей или входит в состав ведущих, вполне может быть склонен использовать косвенную вербальную агрессию для временного снятия чувства напряжённости, при этом никак не контактируя с внешним раздражителем и не изменяя ситуацию взаимодействия. Косвенная вербальная агрессия – это выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных выражений (проклятия, угрозы), окольным путём направленное на обидчика или ни на кого не направленное.

Была обнаружена обратная слабая корреляция между показателями стратегии №6 (пассивное подчинение условиям среды) и прямой физической агрессией. Стратегия наиболее ярко проявляет себя через конформное поведение и феномен подражания. Адаптация в данном случае происходит по внешнему критерию, субъект настроен на

бесконфликтное взаимодействие, поэтому нецелесообразно применение прямой физической агрессии.

Также была обнаружена обратная слабая корреляция между показателями стратегии №1 (активное изменение среды) и косвенной вербальной агрессии. Первая стратегия подразумевает использование большого арсенала методов: активное давление на партнёра, всяческие преобразования собственного окружения и разнообразные способы манипуляции. А косвенная вербальная агрессия, в числе прочих своих проявлений, выражается в распространении слухов, пренебрежительных высказываниях за глаза и в других подобных им актах, которые и выступают действенными средствами манипуляции. Можно предположить, что причина такой взаимосвязи кроется в том, что стратегия подразумевает непосредственный контакт с партнёром: субъект стремится влиять и манипулировать напрямую, не прибегая к сложным, более длительным и требующим участия сторонних лиц методам.

Наконец, исследование проявило прямую слабую корреляцию между показателями стратегии №5 (пассивная репрезентация себя) и прямой вербальной агрессии. Субъект, у которого пятая стратегия является ведущей или входит в состав таковых, сосредотачивается на том, чтобы обеспечить внутреннюю удовлетворённость и защищённость собственных границ. Защита осуществляется в том числе благодаря прямой вербальной агрессии в отношении партнёров по взаимодействию, решивших посягнуть на позицию субъекта.

По итогу можно заключить, что существует взаимосвязь между стратегиями адаптивного поведения и формами вербальной и физической агрессии у студентов. Основная гипотеза исследования подтвердилась.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания // Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. М., 2008.
2. *Мельникова Н.Н.* Классификация стратегий адаптивного поведения // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: Сб. науч. трудов. 2001. Т.3.
3. *Хекхаузен Х.* Агрессия. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т.1.

Особенности Я-концепции юношей и девушек с интернальным и экстернальным локусом контроля

Науменко И.Н., Шевцова Ю.А.
ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь

Проблема развития Я-концепции современной молодежи является одной из актуальных в современном мире, т.к. сформированная Я-концепция может выступать как фактор гармоничного развития личности, в то время как несформированная и неадекватная «Я-концепция» может послужить причиной дезадаптации личности [1, с. 210]. Человек с позитивной Я-концепцией ответственность за себя и свою жизнь возлагает преимущественно на себя, не перекладывает ее на окружающих. Молодые люди с негативной Я-концепцией относятся к себе как к неудачникам, не уверены в себе, склонны перекладывать ответственность на окружающих. Это дает основание предполагать, что локус контроля человека оказывает влияние на формирование позитивной, либо негативной Я-концепции личности.

Цель исследования: изучить особенности Я-концепции юношей и девушек с экстернальным и интернальным локусом контроля.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 24 г. Гомеля» со 100 учащимися 11-х классов, в возрасте 16 – 17 лет, из них 46 юношей и 54 девушки, с применением психодиагностического инструментария: опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Важина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда); методика изучения особенностей Я-концепции (Е. Пирс, Д. Харрис, А.М. Прихожан); методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн (модифицированный А.М. Прихожан). Математическая обработка результатов проводилась с помощью критерия φ*-углового преобразования Фишера.

На основании психодиагностического исследования с помощью опросника «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда) выборочная совокупность была разделена на две группы. Первую группу составили юноши и девушки с интернальным локусом контроля (в общем количестве 54 человека, из них 24 юноши и 30 девушек), вторую группу составили юноши и девушки с экстернальным локусом контроля (в общем количестве 46 человек, из них 22 юноши и 24 девушки).

В ходе статистического анализа результатов, полученных юношами и девушками с разным локусом контроля по методике

изучения особенностей Я-концепции (Е. Пирс, Д. Харрис, А.М. Прихожан) и методике измерения самооценки Дембо-Рубинштейн (модифицированный А.М. Прихожан), были выявлены статистически значимые различия по следующим шкалам.

«Интеллект, положение в школе»: низкая оценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.796 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются низкой оценкой интеллекта и школьной успешности; высокая оценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.442 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с интернальным локусом контроля отличаются высокой оценкой интеллекта и школьной успешности.

«Общение, популярность среди сверстников»: низкая самооценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.796 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются низкой самооценкой популярности среди сверстников; высокая самооценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.906 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с интернальным локусом контроля отличаются высокой самооценкой популярности среди сверстников.

«Счастье и удовлетворенность»: низкая оценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 3.16 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются неудовлетворенностью жизненной ситуацией; высокая оценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 4.889 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с интернальным локусом контроля отличаются удовлетворенностью жизненной ситуацией.

«Уверенность в себе»: низкая оценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.936 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются неуверенностью в себе; средняя оценка ($\varphi^*_{эмп}$ = 3.319 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с интернальным локусом контроля отличаются реалистичной самооценкой.

«Уровень самоотношения»: низкий уровень ($\varphi^*_{эмп}$ = 2.941 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девукши с экстернальным локусом контроля отличаются неблагоприятным вариантом самоотношения.

«Уровень самооценки»: низкий уровень ($\varphi^*_{эмп}$ = 3.145 при $\rho \leq 0{,}01$). Юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются низким уровнем самооценки; средний уровень ($\varphi^*_{эмп}$ = 1.929 при $\rho \leq 0{,}05$). Юноши и девушки с интернальным локусом контроля отличаются средним (нормальным) уровнем самооценки.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить особенности Я-концепции юношей и девушек с интернальным и экстернальным локусом контроля. Юноши и девушки с интернальным локусом контроля отличаются позитивной Я-концепцией. Они дают высокую самооценку интеллекту, школьной успешности, популярности среди сверстников, отмечают полное ощущение удовлетворенности жизнью. Считают себя эрудированными,

способными в учебе, проявляют активность в учебной деятельности. Родители и сверстники считаются с их мнением. Отличаются популярностью среди сверстников. Считают себя счастливыми, удачливыми, веселыми. Чувствуют одобрение и поддержку со стороны семьи, верят в лучшее и не зацикливаются на негативных моментах. Уверенность в себе позволяет им регулировать уровень притязаний и правильно оценивать собственные возможности применительно к различным жизненным ситуациям. Юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются негативной Я-концепцией. Они дают низкую оценку собственного интеллекта, школьной успешности, популярности среди сверстников, удовлетворенности жизненной ситуацией, имеют неблагоприятный вариант самоотношения. Считают себя неспособными в учебной деятельности. Низкая самооценка популярности среди сверстников свидетельствует о неудовлетворенности потребности в общении. Переживают неудовлетворенность жизненной ситуацией. Отмечают, что часто думают о плохом, ждут от жизни негативных жизненных поворотов. У них отсутствует уверенность в собственных силах, в себе.

Литература

1. *Палачева Т.И.* Формирование «Я-концепции» в детском, подростковом и юношеском возрастах / Т.И. Палачева, А.Г. Жиляев // Молодой ученый. – 2010. – №1-2.

Взаимосвязь особенностей коммуникативной сферы и типов привязанности у младших школьников

Никишова С.В., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nikishovasofa@mail.ru, tatisheva@yandex.ru

Родительское воспитание оказывает важнейшее воздействие на коммуникативное развитие ребенка. Первыми, кто передает ребенку опыт в непосредственном эмоциональном общении, становятся близкие взрослые, прежде всего мать. Вместе с тем, расширение контактов влечет за собой сильное влияние на ребенка других людей, прежде всего это сверстники и школьные учителя. В начальной школе учитель пользуется большим авторитетом у детей, он всецело влияет на развитие коммуникативных качеств ребенка. В первом классе, как

правило, в период адаптации школьники избегают непосредственного общения друг с другом, их взаимодействие осуществляется посредством учителя.

На важность роли общения между сверстниками в развитии личности ребенка указывали такие исследователи, как Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, М.И. Лисина, Г.А. Цукерман, Е.О. Смирнова, Ю.Б. Гиппенрейтер, М.Ю. Кондратьев. Исследованием проблемы привязанности занимаются ученые-психологи К. Криттенден, К. Бриш, Г. Ньюфелд, Г.В. Бурменская, Р.Ж. Мухамедрахимов, М.В. Яремчук, Н.Н. Авдеева, Н.А. Хаймовская, Н.Л. Плешкова и другие.

Некоторые психологи дополняют термин «общение» эмоциональной составляющей. Общение выступает как взаимодействие людей, смыслом которого является обмен информацией с помощью разного рода средств коммуникации для установления субъективно переживаемых взаимосвязей между людьми [1, с. 289].

Общение ребенка со взрослыми и со сверстниками проходит в своем становлении определённые стадии. На формирование эффективной коммуникации влияют следующие факторы: специфика семейного воспитания (типы родительского отношения), коммуникация в группе сверстников (в классе), взаимодействие с учителем и индивидуально- психологические свойства личности самого школьника

По мере взросление ребенка и роста его самостоятельности, привязанность к матери трансформируется, но сохраняется на протяжении всей жизни. На место потребности в физическом контакте, близости, приходит более глубокая по смыслу потребность в психологической защищенности и поддержке, в искреннем общении. Увеличивается круг людей, к которым у ребенка, а потом и взрослого складывается отношение привязанности, хотя материнская роль в качестве главного объекта привязанности как правило, остаётся. В свой черед и сфера влияния привязанности оказывается намного обширнее области детско-родительских отношений [2].

Для выявления взаимосвязи между коммуникативной сферой и типом эмоциональной привязанности, мы провели исследование, взяв в качестве испытуемых учеников 1 класса одной из московских школ.

При диагностике типов эмоциональной привязанности мы использовали проективную методику Н. Каплан и получили следующие данные: 70% – это дети с надежным типом привязанности, 17% – дети с избегающим ТП и 13% – дети с амбивалентным ТП. Далее в нашем исследовании мы применили социометрическую

методику «Маски», автор Т.Д. Марцинковская, чтобы посмотреть, есть ли взаимосвязь между типами привязанности и статусным местом учащегося в классе. И выявили, что в классе имеются два высокостатусных ребенка, и это дети с надежным ТП. Также диагностика показала, что 69% детей с надежным ТП удовлетворены своим положением в классе, при этом 50% из них имеют положительные взаимовыборы. Это говорит о сложившихся дружеских отношениях среди одноклассников. У детей с избегающим ТП около половины удовлетворены положением в классе и столько же имеют взаимовыборы. Дети с амбивалентным ТП не удовлетворены положением в классе, у них есть только отрицательные взаимовыборы. Это говорит о том, что самый высокий уровень сформированности навыков общения и взаимодействия имеют дети с надежным ТП, а самый низкий уровень – дети с амбивалентным ТП.

Далее для эмпирического исследования коммуникативных навыков у младших школьников мы применили методику «Рукавички», автор Г.А. Цукерман. Эта методика предназначена для выявления уровня сформированности действий по согласованию усилий в процессе организации и осуществления сотрудничества.

Из-за небольшого количества выборки выявить очевидную связь между исследуемыми факторами не удалось. Но некоторые особенности нами были выявлены:

- по показателю «эмоциональная включенность». Дети с надежным ТП и амбивалентным ТП были эмоционально включены в процесс работы. А дети с избегающим ТП вели себя во время диагностики отстраненно, не включаясь эмоционально в процесс взаимодействия;
- по показателю «контроль за ходом работы». Высокий уровень контроля преобладает у 100 % детей с амбивалентным ТП, а дети с избегающим ТП имеют средний уровень контроля, что говорит об их отстраненности от партнера;
- по показателю «способность учащихся договариваться между собой, умение убеждать». У 100 % детей с амбивалентным ТП выявлен высокий уровень.

По двум остальным показателям расхождения не значимы.

Проведя теоретический анализ научной литературы, мы пришли к выводу, что дети с надёжной привязанностью чаще получают от сверстников положительную обратную связь, их поведение более согласованно и адекватно ситуации, они чаще используют стратегию кооперации в отношениях. Дети с ненадёжной привязанностью чаще имеют негативное представление о самих себе и других как о нечутких к их нуждам. Поэтому они ожидают, что группа их не

примет и часто ведут себя, используя неадекватные стратегии и приёмы общения, побуждающие к этому отвержению. При эмпирическом исследовании наша гипотеза подтвердилась, и мы выявили взаимосвязь между коммуникативными навыками, социометрическим статусом и типами эмоциональной привязанности.

Литература

1. *Бодалев А.А*. Психология общения: Избранные психологические труды. – 2-е издание. – М.,2002
2. *Бурменская Г.В*. Методики диагностики привязанности ребенка к матери. Психологическая диагностика, 2005, N 4
3. *Бурменская Г.В*. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития// Вестник МГУ, серия 14 «Психология»,2009. №4
4. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент / Е. О. Смирнова // Вопросы психологии. – 1995. – № 3

Соотношение социометрического статуса и личностных черт у студентов разных направлений обучения

Новикова И.А., Бычкова П.А.
РУДН, Москва, Россия
Замалдинова Г.Н.
НИТУ МИСиС, Москва, Россия
Novikova-ia@rudn.ru

Проблема межличностных отношений была и остается одной из центральных и традиционных проблем социальной психологии. Один из известных методов изучения и «измерения» межличностных отношений был предложен Дж.Морено в начале XX века [4]. Социометрическая методика, не смотря на критику ее теоретических оснований, приобрела широкую популярность в нашей стране. Социометрический статус в современных исследованиях часто используется как показатель положения личности в группе и изучается в соотношениях с различными психологическими характеристиками как группы, так и отдельных ее членов [1-3; 5-7 и др.]. Особенно актуальным, на наш взгляд, представляется вопрос о соотношении социометрического статуса с чертами личности, который в настоящее время недостаточно изучен, хотя и

рассматривался в ряде исследований [1; 3; 7]. Проблема нашего исследования определяется тем, что социометрический статус человека в разных группах может быть по-разному связан с одними и теми же личностными чертами, при этом нет однозначного ответа на вопрос: личностные особенности определяют социометрический статус человека или статус влияет на них. Цель эмпирического исследования, представленного в данной статье, соответственно, заключается в изучении и сравнении соотношений социометрического статуса с личностными особенностями студентов разных направлений обучения.

Выборка включала 127 студентов первого курса РУДН и МИСиС (76 девушек и 51 юноша), средний возраст – 18 лет, которые представляли три разных направления обучения: 1) ППН – психолого-педагогическое (30 студентов); 2) ЭН – экономическое (47 студентов); 3) ЕНН – естественно-научное (50 студентов). Для определения общего социометрического статуса (ОСС) была использована параметрическая процедура по 2 критериям: «общий» (предполагаемая ситуация переформирования группы) и «частный (личный)» критерий (день рождения). Для диагностики личностных черт была использована форма А методики многофакторного исследования личности Р. Кеттелла. Для статистической обработки применялся метод ранговой корреляции Спирмена.

В результате, в группах студентов ППН были выявлены: 1 значимая корреляция ОСС с одним фактором из блока интеллектуальных особенностей личности (B низкий–высокий интеллект) и 3 корреляции с двумя факторами из блока эмоционально-волевых особенностей (C слабость; O уверенность в себе–тревожность). В группах студентов ЭН были выявлены: 1 корреляция ОСС с фактором из блока интеллектуальных особенностей (Q1 консерватизм–радикализм), 2 корреляции с двумя факторами из блока эмоционально-волевых особенностей (I жесткость–чувствительность; Q4 низкая–высокая эго-напряженность) и 3 корреляции с двумя факторами из блока коммуникативных свойств и особенностей межличностного взаимодействия (F сдержанность–экспрессивность; Q2 зависимость от группы–самодостаточность). В группах студентов ЕНН были выявлены: 1 корреляция ОСС с фактором из блока интеллектуальных особенностей (B низкий–высокий интеллект) и 1 корреляция с фактором из блока эмоционально-волевых особенностей (I жесткость–чувствительность).

Соответственно, полностью совпадающих по направленности и уровню значимости корреляций между ОСС и личностными факторами в группах всех трех направлений обучениях выявлено не

было. При этом, существуют только 2 личностных фактора – В (низкий–высокий интеллект) и I (жесткость–чувствительность) – которые прокоррелировали с ОСС студентов двух разных направлений обучения. Во-первых, студенты с более высокими показателями интеллекта имеют и более высокий ОСС в группах ППН и ЕНН, но в разных сферах взаимоотношений: в студенческих группах ЕНН ценится интеллектуальное развитие, которое способствует более успешной учебной деятельности, а у студентов ПНН также ценится высокий интеллект, но в личных отношениях. Во-вторых, в группах студентов ЭН и ЕНН фактор I жесткость–чувствительность прокоррелировал с ОСС и в разных сферах взаимоотношений, и в противоположных направлениях, т.е. студенты ЭН с более высокими показателями чувствительности, как правило, имеют более высокий ОСС по личному критерию, а студенты ЕНН – более низкий общий статус по общему критерию. Следовательно, в группах студентов ЭН личностная чувствительность может способствовать установлению личных взаимоотношений, тогда как студентов с высокими показателями чувствительности в группах ЕНН чаще отвергают.

Таким образом, в ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что существует специфика соотношения ОСС с личностными чертами студентов в зависимости от направлений обучения. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ социально-психологического сопровождения и воспитательной работы со студентами разных направлений обучения.

Литература

1. *Балабина А.Д.* Рефлексивные адаптации характера и социометрический статус // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. №2 (22). С. 55-64.
2. *Добина Н.И.* Психологическая структура конфликтности студентов с различным социометрическим статусом: Дис. канд. психол. н. Ярославль, 2011.
3. *Кнышев Г.Л.* Системно-функциональный подход к исследованию соотношения общительности, агрессивности и социометрического статуса студентов // Комплексные исследования свойств личности: научная школа А.И. Крупнова. М.: РУДН, 2009. С. 269-277.
4. *Морено Я.Л.* Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проспект, 2001.
5. *Павлова Т.А., Молчанова К.С.* Исследование соотношения особенностей механизмов психологической защиты студентов

с разным социометрическим статусом // Наука вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (36). С. 66-71.
6. *Петров В.Е., Рыжов Б.С.* Исследование влияния коммуникативной компетентности студентов на их социометрический статус в учебной группе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-4. С. 103-110.
7. *Sobkin V.S., Lykova T.A.* Sociometric status of Theatre College students and its relation to their personal characteristics and educational activities // Psychology in Russia. 2015. No.4. P.155-166.

Управление тревожностью сотрудников организации

Озорнина А.А., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anastasya_ozornina@mail.ru, kharchenkma@mgppu.ru

Успешность менеджмента напрямую зависит от эффективности управления человеческими ресурсами. Работая с персоналом, руководитель регулярно сталкивается с различными психологическими феноменами, явлениями и процессами, часть которых может носить деструктивный характер и быть потенциально опасной для психологического климата организации.

В ходе работы изучалась тревожность сотрудников как один из значимых факторов, детерминирующих эффективность индивидуальной трудовой деятельности и функционирования организации в целом. Так называемая «полезная тревожность» способна оказывать стимулирующее и организующее воздействие, в то время как повышенная тревожность – дезорганизующее, снижающее качество и скорость профессиональной деятельности сотрудника.

Если организация переживает кризисную стадию жизненного цикла или сталкивается с иными обстоятельствами, вызывающими у сотрудников ситуативную тревожность и усиливающими личностную, руководству рекомендуется проводить диагностические и профилактические мероприятия, позволяющие выявлять очаги тревожности в коллективе на ранних стадиях, а также предотвращать их распространение, снижать интенсивность воздействия на психологический климат организации.

В качестве диагностических мероприятий могут использоваться:

- наблюдение за сотрудниками, включающее анализ невербальных компонентов и признаков тревожности;
- личная беседа, включающая в себя получение словесных самоотчетов и самооценки;
- естественный эксперимент, например, сравнительный анализ результатов труда в условиях стресса и вне контакта со стрессорами;
- проведение стандартизированных диагностических методик с целью подтверждения либо опровержения гипотезы наличия повышенного уровня тревожности.

Осуществление специализированных диагностических мероприятий по установлению уровня тревожности сотрудников организации должен проводить штатный или приглашенный психолог, в то время как общее наблюдение за психологическим состоянием сотрудников и проведение личных бесед может реализовывать непосредственный руководитель.

Важным компонентом эффективного управления тревожностью в организации является профилактика возникновения и распространения тревожности. В качестве профилактических мер могут быть предложены разнообразные, адаптированные для каждой организации программы мероприятий, выделим наиболее универсальные рекомендации:

- поддержание комфортного психологического климата в коллективе;
- предсказуемая и последовательная реализация управленческих функций;
- проектирование карьеры сотрудника;
- оптимизация условий труда;
- совершенствование корпоративной культуры;
- адекватная оценка персонала при приеме на работу (в том числе, с учетом уровня личностной тревожности);
- стандартизация рабочих процессов; наличие актуальных должностных инструкций для каждой должности;
- выстроенная система адаптации персонала;
- проведение тренингов, корпоративных мероприятий, нацеленных на сплочение и командообразование;
- обучение руководителей среднего звена базовым методам определения тревожности сотрудников и мерам, способствующим снижению тревожности;

- оправданное использование конкуренции между сотрудниками, отказ от соревновательных элементов без необходимости.

Психологическое сопровождение сотрудников с повышенным уровнем тревожности, а также оперативная поддержка персонала, находящегося в процессе переживания сильной ситуативной тревоги, могут включать следующие воздействия:

- обращение внимания сотрудника на переживание тревоги (если она неосознаваемая);
- совместный поиск организационных факторов, вызывающих тревожность, минимизация их воздействия;
- ситуационная поддержка сотрудника, предложение выработки и применения нового способа реакции на негативный стимул;
- организация работы сотрудника со штатным или приглашенным психологом;
- снижение нагрузки на сотрудника, помощь в делегировании обязанностей в случае необходимости;
- использование методов нематериального стимулирования;
- горизонтальная мобильность сотрудника в случае целесообразности кадровых перестановок для организации и сотрудника и наличия вакантных мест;
- формирование у сотрудника чувства общности с целями компании;
- допустимое снижение уровня личной ответственности;
- регулярное использование профилактических мер.

Корректные и своевременные диагностические, профилактические и поддерживающие мероприятия дают руководителю возможность оптимизировать процесс управления психологическим климатом, а также сделать профессиональную деятельность сотрудников с выраженной тревожностью более эффективной, соответствующей целям организации.

Литература

1. *Мэй Р.* Проблема тревоги. М., 2001.
2. *Новаковская О.А.* Управление человеческими ресурсами в неустойчивых деловых организациях. Улан-Удэ, 2007.
3. *Хабирова Е.Р.* Тревожность и ее последствия. СПб., 2003.
4. *Шпалинский В.В.* Психология менеджмента. М., 2000.

О разработке кейсовых заданий по обучению разрешению конфликтных ситуаций педагогического взаимодействия

Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vladimirorlov@bk.ru

Одним из средств обучения, отвечающих актуальным требованиям современного образования, является так называемый кейс-стади (case-study) метод [1; 3; 4; 5; 6; 7; 10]. Это метод обучения через анализ конкретного случая или ситуации в профессиональной деятельности [1].

Метод кейсов начинает свою историю с начала XX века, когда его активно стали применять в Школе бизнеса Гарвардского университета. Сегодня этот метод широко используется у нас в стране и за рубежом. В Европе уже более 30 лет существует специальный институт по сбору, разработке и распространению кейсов European Case Clearing House (ECCH) [10].

К. Кристенсен [11] назвал кейс-метод обучением «искусству управления неопределенностью», в котором преподаватель выступает в качестве автора, организатора, модератора, «адвоката дьявола», судьи и партнера в совместных с обучающимся поисках решения реальных проблем и задач [12].

Наиболее мощными считаются кейсы с возможностью получения нескольких обоснованных и убедительных выводов [10]. Предлагается использовать так называемые кейсы-триггеры, которые представляют собой нерешенные или провокационные вопросы, содержащие достаточно информации, но недостаточно подробно описанные, чтобы прийти к определенному выводу без дальнейших поисков и обсуждений [12].

Недостаточно изученными остаются вопросы общей методологии применения кейс-методов в образовательных целях, типологии и классификации кейсов, а также проблема разработки и использования средств оценки их эффективности.

Основой любого конфликта является то или иное противоречие, проявляющееся при субъект-субъектном взаимодействии и переходящее в противоборство. При достаточно высокой значимости цели для субъектов такого противоборства оно сопровождается острыми негативными переживаниями (эмоциями). Конфликт по сути является способом, средством разрешения таких противоречий. Поэтому структура «кейс-задания» должна отражать

психологическую структуру «конфликтной ситуации педагогического взаимодействия» [9].

Для разработки комплекса кейсовых заданий по конфликтным ситуациям педагогического взаимодействия, на основании анализа отечественного и зарубежного опыта, а также данных, полученных во время проведения фокус-групповых занятий, были выделены следующие базовые причины таких ситуаций, которые напрямую или опосредовано связаны с наличием объективных и субъективных противоречий, ведущих к возникновению конфликтных противоборств между субъектами такого взаимодействия [2; 8].

Субъективные причины

С-1. Некомпетентность в организации учебно-воспитательного процесса (администратор, учитель).

С-2. Общекультурная некомпетентность (администратор, учитель, родитель).

С-3. Предметно-профессиональная некомпетентность (учитель).

С-4. Дидактическая некомпетентность (учитель).

С-5. Профессионально-мотивационная некомпетентность учителя.

С-6. Этико-нравственная некомпетентность (администратор, учитель, родитель).

С-7. Когнитивная некомпетентность – отсутствие необходимого уровня развития аналитичности, рефлексии, внимания, памяти и др. (администратор, учитель, родитель).

С-8. Управленческая некомпетентность (учитель; администратор).

С-9. Некомпетентность в знании психолого-возрастных особенностей учеников (администратор, учитель, родитель).

С-10. Некомпетентность в знании социально-психологических особенностей ученика и ученических коллективов (администратор, учитель, родитель).

С-11. Коммуникативная некомпетентность (администратор, учитель, родитель).

С-12. Общая личностная некомпетентность (администратор, учитель, родитель).

С-13. Неуважение к личности партнера (администратор, учитель, родитель).

С-14. Нарушение личностного пространства партнера (администратор, учитель, родитель).

С-15. Несправедливость по отношению к партнеру (администратор, учитель, родитель).

С-16. Личная неприязнь, антипатия (администратор, учитель, родитель).

С-17. Неадекватные ожидания /ролевые, личностные/ (администратор, учитель, родитель).

Объективные причины

О-1. Не следование правилам (невоспитанность, недисциплинированность) учеником (учениками).

О-2. Возрастные кризисы учеников.

О-3. «Педагогическая запущенность» ученика.

О-4. Психолого-возрастные ограничения.

О-5. Низкая общая и учебная мотивация ученика.

О-6. Эмоциональная несдержанность.

О-7. Борьба за лидерство.

О-8. Неблагоприятный психологический климат.

О-9. Финансовые ограничения.

О-10. Социальные ограничения.

О-11. Психолого-соматические ограничения.

Таким образом, «кейс-задание» строится в соответствии с этой базовой классификацией противоречий, наиболее часто встречающихся в системе педагогического взаимодействия. То есть каждой проблемной ситуации присваиваются соответствующие индексы (С-1, …, О-1, ...).

Как уже было сказано, серьезной проблемой в рассматриваемой форме обучения является оценка ее эффективности [19]. С этой целью была разработана система критериев, с помощью которой группа независимых экспертов оценивает эффективность выполнения кейс-заданий обучаемыми.

Критерии оценки выполнения кейс-задания:

- использование психолого-педагогических знаний для анализа ситуации;
- описание факторов, учет которых поможет конструктивному решению проблемы (возрастные, социальные, психологические, профессиональные, иные характеристики участников взаимодействия; их интересы и потребности, ожидания и т.д.);
- глубина и оригинальность суждений;
- учет интересов и потребностей участников взаимодействия для выбора конструктивного способа решения проблемы;
- оценка предполагаемой степени удовлетворенности участников ситуации результатом ее разрешения.

По каждому критерию максимальное значение может составлять 10 баллов. Оценки суммируются. Кейс-задание считается решенным, если суммарная оценка составляет не менее 35 баллов (из 50 баллов).

Литература

1. *Бринкендорф Р.О.* Метод успешного случая. Быстрый способ узнать, что работает, а что нет. М.: Hippo, 2005. 224 с.
2. *Гладких И.В.* Методические рекомендации по разработке учебных кейсов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Менеджмент. 2005. Вып. 2. С. 169–194.
3. *Деркач А.М.* Кейс-метод в обучении // Специалист. – 2010. – N 4. – С. 22-23.
4. *Долгоруков А.М.* Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vshu.ru/lections.php?tab_id=3&a=info&id=2600
5. *Егенисова А.К., Дуйсенбаева А.* Использование метода кейс-стади в образовании // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 7. С. 129–132.
6. *Екимова В.И.* Кейс-метод в высшей школе: проблемы применения и оценки эффективности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2014. Том 3. № 1. С. 86–97. URL: http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n1/69060.shtml
7. Кейс-стади: принципы создания и использования. Тверь: Изд-во «СКФ-офис», 2015. – 114 с. Серия «Технологии работы с молодежью».
8. *Коттл Т.В., Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Взаимодействие психолога с субъектами образовательного процесса в школах США // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 165–178. doi:10.17759/sps.2018090211
9. *Орлов В.А.* Социально-психологические особенности проектирования учебного курса совершенствования коммуникативной компетентности школьного учителя // Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Вып.2 / Под ред. О.Б.Крушельницкой. - М., МГППУ, 2008 - с.30 – 40.
10. Case Method in Practice [Electronic resource] // Harvard Business School. URL: http://www.hbs.edu/teaching/case-method-in-practice/ (Accessed: 15.01.2014).
11. *Cremin H.* Peer Mediation. Citizenship and social inclusion revisited // Open University Press. First published 2007.
12. *Hughes J.N., Cao Q.* Trajectories of teacher-student warmth and conflict at the transition to middle school: Effects on academic engagement and achievement // Journal of School Psychology. V. 67, April 2018, P. 148-162.

К вопросу о связи самоотношения и готовности к профессиональной переориентации в зрелом возрасте

Орлов В.А., Самсонова Д.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
samsonovadm@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru

Феномен профессиональной переориентации личности в зрелом возрасте в современном обществе становится все более актуальной психологической проблемой. Если раньше выбор профессии, как правило, изучался на примерах школьников и юношества, то сейчас все чаще профориентация становится насущной необходимостью для людей зрелого возраста [2; 3]. В то же время, данная проблема рассматривается в основном в социологических исследованиях профессиональной мобильности различных категорий граждан (Т.И. Заславская, С.Л. Дановский, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов и др.). Психологическим условиям изменений профессионального статуса личности зрелого возраста (М.А. Ратникова, М.В. Клищевская, Г.А. Горбунова и др.), на наш взгляд, уделено неоправданно мало внимания [2; 4; 5].

В качестве факторов принятия решения о смене или приобретении новой профессии исследователи рассматривают характер ситуации, в которой находится человек, и его индивидуально-психологические особенности [4]. Проведенный нами теоретический анализ, посвященных психологическим аспектам профессионального выбора взрослого человека, позволяет предположить, что готовность к профессиональной переориентации во многом взаимосвязана с особенностями самоотношения и уровнем тревожности личности. В нашем эмпирическом исследовании приняли участие 189 респондентов в возрасте от 19 до 60 лет (среднее значение 37,68, стандартное отклонение 6,922). Использовались следующие методики: личностный опросник С.Р. Пантелеева для исследования самоотношения (МИС), опросник профессионального самоотношения К.В. Карпинского [1], Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера. Также была применена авторская анкета, составленная на основе теоретического анализа проблемы профессиональной переориентации личности.

Результаты эмпирического исследования показали, что существуют значимые различия в структуре личностного и профессионального самоотношения между теми, кто в настоящее время планирует сменить профессию, и кто не собирается этого делать. Различия статистически значимы на уровне 0,05, согласно

результатам проверки с помощью критериев Манна-Уитни и Краскала-Уоллиса. Так, у планирующих сменить профессию и тех, кто хотел бы поменять только место работы, меньше выражены такие элементы структуры профессионального самоотношения, как внутренняя конфликтность, самообвинение (интегральный показатель – «самоуничижение в профессии»), а также замкнутость, самоуверенность и самообвинение как составляющие структуры личностного самоотношения. Иными словами, у них ниже, чем у тех, кто не собирается менять ничего в профессии или месте работы, индивидуальный уровень внутренней противоречивости, они менее склонны рассматривать себя в качестве преграды на пути к продуктивной трудовой деятельности и реализации карьеры. Они меньше испытывают, в связи со своей трудовой общественно значимой деятельностью чувство вины и негативные эмоции – гнев, раздражение, сожаление, разочарование, стыд, досаду.

Однако у тех, кто готов к профессиональной переориентации, существенно ниже удовлетворенность нынешней работой (большинство опрошенных в настоящее время работают) и своим материальным положением. Чаще, чем остальные, они называют в качестве важного критерия выбора работы ее престижность (различия значимы на уровне 0,01).

Интересно, что во всех вышеперечисленных случаях негативно выраженные показатели профессионального и личностного самоотношения наиболее высоко выражены у тех, кто готов сменить только место работы, а не профессию.

Анализ ответов на вопрос анкеты «Вы бы согласились не работать вообще, если материальный уровень жизни будет достаточным для Вас?» показал, что чаще склонны отказаться от работы люди более старшего возраста, имеющие больший стаж работы, менее удовлетворенные своей нынешней работой. Для них менее значимы такие критерии выбора профессии (работы), как востребованность профессии на рынке труда и дружный коллектив сотрудников. В структуре профессионального самоотношения у них меньше выражена «самопривязанность» – то есть отношение к себе как субъекту профессиональной деятельности, устойчивость профессиональной «Я-концепции», самодостаточность при выполнении профессиональной деятельности.

Респонденты, которым пришлось когда-либо вынужденно поменять свою профессию, в настоящее время менее удовлетворены своим материальным положением и более склонны к самообвинению по сравнению с теми, кто сменил профессию по своему желанию.

Женщины чаще мужчин выражают удовлетворенность своим нынешним материальным положением.

Корреляционный анализ данных с помощью критерия Спирмена показал, что чем больше выражены в структуре самоотношения взрослых субъектов самоуверенность, самоценность, самопривязанность, тем ниже личностная тревожность. Также была выявлена положительная корреляция между тревожностью и такими негативными эмоциональными составляющими самоотношения, как «внутренняя конфликтность» и «самообвинение».

Выявлена положительная корреляция между удовлетворенностью работой и показателями самоотношения «замкнутость», «самоуверенность», «самопривязанность». Степень удовлетворенности материальным положением положительно коррелирует с самоуверенностью, самоценностью и самопринятием. Негативные эмоциональные элементы самоотношения оказались в обратной зависимости от удовлетворенности профессиональным трудом.

Чем больше внутренняя конфликтность личности, тем больше значимы для нее в качестве критериев выбора новой работы престижность, получение профессионального опыта, востребованность на рынке труда, профессиональное обучение и возможность работать в дружном коллективе.

Интересно, что личностная тревожность респондентов отрицательно коррелирует с самопривязанностью в структуре профессионального самоотношения и положительно – с аналогичным структурным элементом личностного самоотношения. Данный факт, на наш взгляд, можно объяснить тем, что у большинства участников нашего исследования показатели личностной самопривязанности выражены невысоко (1-3 стена), что свидетельствует о высокой готовности к изменению своего «Я», к познанию и переменам в жизни. Стремление к самосовершенствованию часто связано с неудовлетворенностью собой, что может быть источником повышенной тревожности. Что же касается самопривязанности как элемента профессионального самоотношения, то здесь она характеризует субъективную удовлетворенность имеющимся у нее уровнем профессионально важных качеств и компетенций. При не слишком высоких значениях профессиональная самопривязанность способствует уверенности и, по-видимому, снижает уровень тревожности.

Таким образом, профиль респондентов, склонных к профессиональной переориентации, характеризуется главным образом стремлением сменить место работы, а не профессию. У них больше,

чем у остальных, выражены показатели самоуничижения в профессии (внутренняя конфликтность и самообвинение). Их личностное самоотношение характеризуется меньшими показателями замкнутости, самоуверенности и самообвинения. Они менее удовлетворены работой и своим материальным положением, а также хотели бы повысить свой профессиональной статус.

Литература

1. *Карпинский К.В.* Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики: моногр. / К.В. Карпинский, А.М. Колышко. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 140 с.
2. *Крушельницкая О.Б.* Условия повышения готовности специалистов к социально-психологической работе в образовательном учреждении // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2012. № 1. С. 320-330.
3. *Орлов В.А.* К вопросу о психологической помощи старшеклассникам в выборе профессии // Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Выпуск 4. Сборник научных трудов под ред. М.Ю. Кондратьева. М., МГППУ, 2006 г. С.45-52.
4. *Ратникова М.А.* Исследование психологических особенностей профессиональной переориентации в зрелом возрасте / Дисс… канд.психол.н. Москва, 1999. 194 с.
5. *Хаймовская Н.А., Бочарова А.Л.* Социально-психологические аспекты профессионального самоопределения в современном обществе // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 1. С. 105-113.

Психологическое благополучие: организационный контекст

Орлова В.А., Литвинова Е.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

viktoriya.orlova@mail.ru, elen-litvnova@ya.ru

С освоением новых технологий и расширением информационных горизонтов требования к сотрудникам в организациях стабильно ужесточаются. Подчиненные вынуждены систематически углублять свои знания и навыки, параллельно приспосабливаясь к новым социально-экономическим условиям и стараясь при этом не терять в показателях продуктивности работы. Безусловно, этот факт не может

не сказываться на психологическом благополучии сотрудников. Этим, в первую очередь, обусловлена актуальность исследования данного феномена в организационном контексте.

Анализ зарубежных и отечественных исследований показал, что под психологическим благополучием понимается интегральный феномен, для которого характерны следующие аспекты. Во-первых, говоря о психологическом благополучии, подразумевается позитивное функционирование человека, которое, в свою очередь, проявляется в субъективном ощущении удовлетворённости жизнью. Во-вторых, психологическое благополучие проявляется в реализации собственного потенциала в различных жизненных сферах. В-третьих, для достижения психологического благополучия необходима высокая интегрированность личности в окружающий мир. И, наконец, в-четвертых, данный феномен предполагает наличие опосредованной системы отношений личности, как с миром, так и с самим собой.

Среди концепций, в которых анализируется феномен психологического благополучия, можно выделить два основных направления: первое – гедонистическое. В качестве объекта исследования для данного направления выступает оценка выраженности положительных эмоций; второе – эвдемоническое. В рамках этого направления исследователи акцентируют свое внимание на благополучии, как на главном показателе позитивного функционирования личности.

Психологическое благополучие в организационном контексте обусловливается как внешними, так и внутренними факторами. К примеру, степень психологического благополучия у сотрудника организации в значительной степени зависит от того, что на данный момент происходит в его профессиональной среде. Здесь мы можем говорить о влиянии внешних факторов, таких как: содержание профессиональной деятельности [1], специфика корпоративной культуры [2]. Из внутренних факторов психологического благополучия сотрудников организаций на сегодняшний день эмпирически исследованы: структура личностной мотивационной сферы [2], копинг-стратегии [3], а также особенности профессиональной идентичности [4].

Таким образом, благодаря оценке уровня психологического благополучия сотрудников организации и его взаимосвязи с различными организационными феноменами, мы можем сделать выводы и прогнозы относительно их продуктивности в профессиональной деятельности.

Благодаря проведенному анализу становится понятно, что в отечественной психологии наблюдается дефицит исследований,

посвященных эмпирическому изучению параметров психологического благополучия в организационном контексте. Большая часть имеющихся на данный момент исследований направлена на изучение данного феномена у подростков, у специалистов, которые работают в экстремальных условиях, а также у работников педагогического профиля.

Поэтому важность исследования феномена психологического благополучия сотрудников самых разных организаций, а также тех личностных ресурсов, которые могут не только его поддерживать, но и повышать, представляется крайне значимым на современном этапе развития общества.

Однако, несмотря на то, что многие авторы подчеркивают важность профессиональной стороны жизни личности как фактора, влияющего на уровень психологического благополучия, в отечественных исследованиях недостаточно работ, посвященных изучению взаимосвязи психологического благополучия и таких феноменов, как удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности. Кроме того, интересна взаимосвязь психологического благополучия с такими компонентами профессионального самоотношения, как профессиональная самоэффективность и профессиональное самоуважение. Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность взаимосвязей, нам представляется, что подобное исследование может вскрыть множество интересных фактов.

В качестве ресурсных перспектив дальнейшей работы, можно выделить эмпирическое исследование специфики психологического благополучия внутри одной организации у специалистов разных профессий, выявляющее систему взаимосвязей уровня психологического благополучия с различными детерминантами профессиональной деятельности. Кроме того, представляется важным рассмотреть особенности психологического благополучия сотрудников в зависимости от таких факторов, как специфика социально-психологического климата в коллективе, тип корпоративной культуры, содержание профессиональной деятельности и т.п.

Благодаря полученным эмпирическим результатам возможно создание перспективных моделей психокоррекционных и адаптационных программ в рамках психологического сопровождения сотрудников организаций, а также расширение теоретических знаний по данной проблеме.

Литература

1. *Злотковская А.В., Титова О.И.* Взаимосвязь психологического благополучия и отношения к деньгам у людей разных профессиональных групп // В сборнике: Молодёжь Сибири - науке России. Международная научно-практическая конференция. 2014.
2. *Погодина А.В.* Феномен эмоционального выгорания и организационная культура образовательных учреждений // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. №4 (67). С. 170-175. (5)
3. *Рущак Е.А., Мясникова С.В.* Копинг-стратегии как ресурсы психологического благополучия сотрудников организаций малого бизнеса // Петербургский психологический журнал. 2014. №6.
4. *Панова Н.В.* Роль личностного развития педагога в профессиональном благополучии // МНКО. 2011. №2.

Взаимосвязь феноменов персонализации и идентичности

Павлинова И.О., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
iopavlinova@gmail.com, alexandrova.elenaandreevna@mail.ru

Значимой проблемой психологии является отсутствие единого методологического базиса, единой парадигмы, о чем в свое время писал Л.С. Выготский [1], однако и в настоящее время методологический кризис остается неразрешенным, причем наиболее острый водораздел проходит между отечественной и западными психологическими школами. В некоторых случаях описываемые зарубежными коллегами феномены являются вторичными по отношению к тому, что было разработано в русле отечественного подхода, в других же случаях «стянуть» между собой тезаурус различных школ и направлений представляется возможным, перенося таким образом существующие концепции на фундамент культурно-исторической психологии.

Одним из наиболее глобальных понятий, используемых в психологии, является понятие идентичности, которое составляет основу эпигенетической концепции Э. Эриксона. При этом ученый различает как эго-идентичность, так и групповую идентичность. Становление второй описано Э. Эриксоном, однако социально-

психологические механизмы при этом остаются не в фокусе внимания, в то время как они детально рассматриваются в рамках научной психологической школы А.В. Петровского.

Целью нашей работы является сопоставление теории деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского и концепции персонализации В.А. Петровского с представлениями об идентичности в психологии в целом и концепции Э. Эриксона в частности.

Сначала определимся с понятиями. Эго-идентичность по Э. Эриксону – это ощущение непрерывного соответствия самому себе в пространстве и времени, а также понимание того, что это осознают и признают окружающие [3]. Групповая идентичность – это чувство принадлежности к некой социальной группе, осознание и оценка значимости своего места в социуме в целом. В современном мире существует множество тенденций, влияющих на феномен идентичности, таких как расширение периода детства, глобализация и взаимовлияние культур, появление новых типов идентичностей (например, гендерных). Социальная идентичность формируется у человека за счет ощущения непохожести, противопоставления различных групп людей: «мы» и «они» или же в совместной деятельности, в процессе которой возникают общие цели, ценности, а, следовательно, и чувство схожести. Влияние одного человека на другого в процессе деятельности А.В. Петровским было названо метаиндивидной личностной атрибуцией [2], другими словами, это инобытие, идеальная представленность в другом человеке.

Таким образом, можно проследить связь между метаиндивидной репрезентацией личности и групповой идентичностью, точнее ее формированием, через деятельность. «Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность», – пишет А.В. Петровский [2, с.237]. И мы замечаем здесь сходство с определением эго-идентичности: нам важно, видят ли люди в нас личность, осознают ли нашу идентичность, целостность и непрерывность нашего бытия. Так же, как и метаиндивидная репрезентация личности, потребность в персонализации опосредована деятельностью; так же, как и социальная идентичность, потребность быть личностью появляется в совместной деятельности, которая предполагает представление ее участников о друг друге.

Инобытие, представленность в другом, подразумевает интериоризацию этим другим неких личностных особенностей первого, в частности, интериоризацию его ценностей, что вновь

приводит нас к связи персонализации с понятием идентичности, ее формированием.

Человек, еще будучи ребенком, входит в разные социальные группы, формируя групповую идентичность, становление его личности проходит в этих группах, соответственно, групповая идентичность оказывает влияние на то, каков человек, какой след он захочет (и сможет) оставить в других, на его персонализацию. Вместе с этим, сформированная личность и эго-идентичность влияют на вхождение индивида в группу, на выбор этой самой группы, на процессы адаптации, индивидуализации и, в особенности, интеграции с ней.

Итак, можно сказать, что психологическая теория коллектива, феномен персонализации и становление идентичности тесно связаны друг с другом и могут быть использованы в рамках единой методологии.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2004.
2. *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
3. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М., 1996.

Ценностные ориентации студенческой молодежи (на примере г. Читы)

Павлова К.Н., Дагбаева С.Б.
ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия
ushakova.ksusha2013@mail.ru, soela@bk.ru

В российском информационном обществе наблюдаются изменения общественных институтов, что влечет за собой размывание и стирание ценностных ориентаций. Ценностные ориентации, выступающие как базовый элемент культуры социума, до сих пор имеют значение в информационном обществе. В современных условиях меняются не только сами ценности, но их место в структуре культуры, в структуре личности, в социальных установках и убеждениях человека, определяющих его поступки и шире – жизненную позицию [2, с. 122].

Разработкой данного понятия занимаются представители различных наук. С точки зрения психологической науки ценностные

ориентации представляют собой важнейший компонент структуры личности. В нее заложено поведение, убеждения, идеалы, склонности, интересы, потребности, отношение к окружающему миру. Система ценностных ориентаций формируется на протяжении долгих лет, она может постепенно изменятся в зависимости от внешнего воздействия социума и внутренними потребностями человека.

М.С. Яницкий пишет, что «ценностные ориентации личности и социальных общностей представляют собой одновременно гетерогенную, иерархическую и динамическую систему» [4, с. 195].

Ш. Шварц выделил семь культурных ценностных ориентаций: аффективная и интеллектуальная автономия, равноправие, гармония, принадлежность, иерархия, мастерство. Данные ценностные ориентации коррелируют между собой, что определяет их совместимость [3, с. 42].

Студенческий возраст представляет собой важный период жизни и развития личности. Он обусловлен становлением устойчивого самосознания, стабильного образа Я, принятием гендерной роли, достижением социальной зрелости, формированием идентичности, переоценкой ценностей, то есть происходит процесс упадка одних и формирование новых ценностей [1, с. 31].

Нами была поставлена цель исследования - рассмотреть и проанализировать особенности ценностных ориентаций у студенческой молодежи.

В исследовании приняли участие студенты 1-4 курсов очной формы обучения г. Чита в возрасте от 17 до 26 лет, всего 104 человека. В рамках нашего исследования применялся ценностный опросник Ш. Шварца, предназначенный для измерения значимости десяти типов ценностей.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у исследуемой группы преобладают, как значимые, так и не выраженные ценности. Значимыми ценностями на уровне нормативных идеалов выступили «Самостоятельность» (средний ранг значимости – 5.15), «Доброта» (4.84), «Достижения» (4.82), «Безопасность» (4.69), «Конформность» (4,63). Наименее значимыми ценностями для студентов явились «Власть» (3.64), «Традиции» (3.97), «Стимуляция» (4.02), «Универсализм» (4.4) «Гедонизм» (4.54). Представленные ценности на уровне нормативных идеалов оказывают большее влияние на всю личность, но как показывают исследования они не всегда могут проявиться в реальном социальном поведении.

Согласно полученным данным на уровне индивидуальных идеалов значимыми ценностями для студенческой молодежи выступили «Самостоятельность» (средний ранг значимости - 2.55), «Доброта»

(2.50), «Гедонизм» (2.37), «Универсализм» (2.34), «Достижения» (2.28). В свою очередь, наименее важными явились такие ценности, как «Власть» (1.34), «Традиции» (1.68), «Конформность» (1.98), «Стимуляция» (2.13), «Безопасность» (2.20). Выявленные ценности как правило наиболее части проявляются в социальном поведении личности.

Анализ полученных данных показал следующую иерархическую последовательность ценностных ориентаций на уровне нормативных идеалов у студенческой молодежи: власть (3.64), традиции (3.97), стимуляция (4.02), универсализм (4.44), гедонизм (4.54), конформность (4.63), безопасность (4.69), достижения (4.82), доброта (4.84), самостоятельность (5.15); на уровне индивидуальных идеалов: власть (1.34), традиции (1.68), конформность (1.98), стимуляция (2.13), безопасность (2.20), достижения (2.28), универсализм (2.34), гедонизм (2.37), доброта (2.50), самостоятельность (2.55).

Таким образом, обобщая полученные данные, можно сказать, что для большинства студентов приоритетными ценностями на нормативном идеале выступили: самостоятельность. доброта, достижения, безопасность, конформность; на индивидуальном идеале: самостоятельность, доброта, гедонизм, универсализм, достижения. Это говорит о том, что студенческая молодежь в современном обществе проявляет самостоятельность в выборе своих действий, в творчестве, в ответственности за свою деятельность и поведение. Для них важно повседневное взаимодействие с близкими людьми, сохранение личных контактов, удовольствие и наслаждение жизнью. Студенческая молодежь проявляет личный успех в достижениях и ждут социальное одобрение от окружающих. Они не пренебрегают своей личной безопасностью, а также и безопасностью своих родных и близких. Но в тоже время такие ценности как традиции, стимуляция занимают не значительное положение в иерархии ценностей.

В целом подводя итоги, можно сказать, что цель исследования была достигнута. Мы рассмотрели и проанализировали особенности ценностных ориентаций студенческой молодежи.

Литература

1. *Куфтяк Е.В.* Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте / Е.В. Куфтяк // Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 31-33
2. *Рудакова О.В.* Формирование ценностно-ментальны установок российского студенчества в современных условиях

/ О.В. Рудакова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 122-130
3. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Ш. Шварц // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т 5. № 2. С. 37-67
4. *Яницкий М.С.* Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике / М.С. Яницкий // Психология. Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (1). С. 194-206

Стиль поведения в конфликте у старшеклассников с разным уровнем субъективного ощущения одиночества

Павлюкова А.В., Щекудова С.С.
ГГУ им. Франциска Скорины, Республика Беларусь, Гомель
kutas.anastasiya@yandex.ru, shekudova@gmail.com

В современном мире феномен одиночества является актуальной проблемой, к которой в разное время обращались представители разных направлений. Изучением одиночества занимались К.А. Абульханова-Славская, Р. Вейс, А. Камю, Л.Э. Пепло, Х. Салливан, Ж.-П. Сартр, Л.И. Старовойтова, Г.М. Тихонов, Э. Фромм, И. Ялом и другие. Изучением психологических особенностей одиночества у подростков занимались такие психологи, как О.Б. Долгинова и И.С. Кон.

Впервые с ощущением одиночества можно столкнуться в подростковом возрасте. В этом возрасте для подростка важно быть включенным в референтную группу сверстников, быть в контакте с одноклассниками. Для подростка очень важно при взаимодействии с друзьями и одноклассниками получить признание и эмоциональный отклик, найти в них поддержку, которая ему необходима на данном этапе.

При переживании чувства одиночества у старшеклассников затрудняется общение, для них проблематично выстроить взаимоотношения со сверстниками и установить доверительные контакты, у них появляется чувство беспомощности, неуверенности в себе, возникают негативные переживания, повышается конфликтность.

Увеличение конфликтных ситуаций в подростковой среде является одной из актуальных проблем современного общества. В этом возрасте у подростков появляется чувство взрослости, протестующий характер поведения, повышенная конфликтность с окружающими, которая проявляется в деструктивных формах поведения.

В работах А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова конфликтное поведение рассматривается, как «результат внутренних и внешних противоречий между обществом, микросредой и личностью». Это результат внутренних и внешних противоречий между потребностью в самоутверждении и возможностью ее удовлетворения, между самооценкой и оценкой группы, между требованиями группы и собственными установками и убеждениями, то есть конфликтное поведение выступает как склонность человека к конфликту при взаимодействии личностных факторов и факторов внешней среды [1, с. 234].

Исследование с целью изучения стратегии поведения в конфликтной ситуации и уровня субъективного ощущения одиночества у старших подростков проводилось в ГУО «Средняя школа № 37 г. Гомеля» и ГУО «Средняя школа № 57 г. Гомеля». Выборка исследования: 120 человек в возрасте 14–17 лет.

Для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению и выявления определенных стилей разрешения конфликтной ситуации использовалась методика «Оценка способов реагирования в конфликте», разработанная К. Томасом.

Анализ данных показал, что для 27 % старших подростков ведущей стратегией является компромисс. Для них свойственно стремление урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки другого, поиск средних решений.

33 % старшеклассников имеют выраженным типом поведения в конфликте приспособление. Они стремятся сохранить благоприятные отношения, обеспечить интересы партнера путем сглаживания разногласий, готовы уступить, пренебречь собственными интересами, претензиями.

10 % старших школьников выбирают стратегию избегание, то есть для них характерно стремление не брать на себя ответственность за принятие решения, не видеть разногласий, отрицать конфликт. Обычно в этом случае старшеклассник пытается стоять в стороне от конфликта, стремится стать нейтральным.

Для 17 % старших подростков характерен тип поведения в конфликте – соперничество. Для них свойственно стремление защищать свои позиции и интересы, игнорировать интересы других, проявлять агрессивность в общении.

13 % старшеклассников используют стратегию сотрудничества. Для них характерно стремление найти решения, полностью удовлетворяющих интересы обеих сторон в ходе открытого обсуждения.

Для определения уровня субъективного ощущения одиночества у старших подростков была использована методика «Экспресс-диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» (Д. Рассел, М. Фергюсон).

Результаты исследования уровня субъективного ощущения одиночества у старшеклассников показали, что высокий уровень субъективного ощущения одиночества выражен у 18 % старших подростков. Для них характерна скромность в отношениях, застенчивость, они, скорее всего, не удовлетворены собой и своим положением, лишены доверия к окружающим.

34 % старших школьников имеют средний уровень субъективного ощущения одиночества. Это свидетельствует о том, что у них слабая инициатива во взаимодействии со сверстниками, наблюдается несамостоятельность в решении межличностных проблем, частые обращения за помощью ко взрослым и более слабый авторитет среди ровесников.

48 % старшеклассников имеют низкий уровень субъективного ощущения одиночества. Это говорит о том, что они не испытывают трудностей в самостоятельном принятии решений, часто берут инициативу на себя, у них более высокий авторитет среди ровесников, для них важны межличностные взаимоотношения.

Таким образом, в результате изучения стиля поведения в конфликте у старшеклассников с разным уровнем субъективного ощущения одиночества, можно сделать вывод о том, что испытуемые с высоким и средним уровнем субъективного ощущения одиночества склонны использовать стратегии соперничества и избегания. У старших школьников со средним и низким уровнем субъективного ощущения одиночества в большей степени проявляются стратегии поведения такие, как компромисс и сотрудничество. Стратегия приспособление наблюдается только при низком уровне субъективного ощущения одиночества.

Литература

1. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2013.

Взаимосвязь религиозного воспитания и ценностных ориентаций подростка 12-15 лет

Панова С.А., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
s.panova88@yandex.ru

На современном этапе развития общества происходят изменения в российской социокультурной и образовательной среде, связанные, в частности, с появлением православных гимназий. Родителей учеников привлекает классический подход к обучению, четкая иерархичность, соблюдение внутреннего распорядка. Однако если посмотреть на данный вопрос глубинно, то следует заметить: если методика и специфика преподавания в данном типе школ, можно сказать, изучены и имеют четкие закономерности, то вопрос изучения психологического типа учащегося остается открытым и может стать предметом дискуссии, поэтому среди общественности есть как сторонники таких образовательных учреждений, так и противники, считающие, что обучение в православных гимназий не способствует гармоничному развитию личности и даже не соответствует современным реалиям, духу времени. Автор, впрочем, является сторонником первого «лагеря», и свою точку зрения собирается проверить на основе нескольких методик, которые будут апробированы на учениках одной из православных гимназий подмосковного города Лобня.

Если говорить о ценностных ориентациях в целом, то можно с уверенностью сказать: вопрос их изучения психологической наукой раскрыт довольно широко. Проблеме изучения ценностных ориентаций посвящен довольно большой круг работ, авторы которых по-разному описывали свои представления об изучаемом объекте. Например, можно выделить работы Э. Шпрангера («Психология юношеского возраста. Ценностные ориентации и типы личности»), В.С. Мальцева («Ценности и ценностные ориентации личности»), Д.А. Леонтьева («Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени»), Ш. Шварца («Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий»), М. Рокича, который разработал методику изучения ценностных ориентаций. Важно отметить также, что некоторые авторы изучают ценностные ориентации в контексте этнической и религиозной культуры. В этой связи уместно вспомнить работы О.С. Павловой [например, 1].

«Ценностные ориентации» – термин довольно широкий, и в науке существует множество значений этого понятия. Само обозначение

термина разными учеными обусловлено их принадлежностью к той или иной науке. Так, например, подход к изучению социологов и психологов, безусловно, будет разным (и это необходимо учитывать при изучении ценностных ориентаций учащихся православной гимназии). Если говорить обобщенно, то автор под ценностными ориентациями понимает закрепленное в сознании человека отношение к окружающим явлениям, обществу и самому себе. Основа ценностных ориентаций – представления, которые определяют характер поведения человека в социуме, особенность общения с другими, его позиция к «вечным» вопросам, жизненные ценностям, идеалы, ожидания в будущем.

Несмотря на многоплановость подхода к изучению поднятой темы, ценностные ориентации школьников из православных гимназий изучены не так досконально. Тем не менее, по выражению А.М. Двойнина, в постиндустриальном обществе «религия остается одним из немногих социальных институтов, выражающих гуманное отношение к человеку, дающих возможность сохранить нравственные устои, найти смысл жизни и личностную «точку опоры»» [2]. Благодаря чему же формируются нравственные устои, или ценностные ориентации? По мнению автора, совокупность всего того религиозного опыта, в который погружается ребенок с момента поступления в церковную гимназию, является базисом, причиной возникновения у него тех моральных, нравственных, этических и даже эстетических представлений о мире. Так, например, авторы С.М. Кравченко, Е.А. Болотова, изучая проблему влияния образа святых на ценности ребенка, отмечают: «Таким образом, изучение житий святых является своего рода приобретением иммунитета к моральному релятивизму наших дней, выработкой у ребенка возможности самостоятельно оценивать и просеивать получаемую информацию на основе критерия общечеловеческих ценностей» [3]. Продолжая данные размышления, можно предположить, что на ценностные ориентации ребенка влияют, конечно, не только облики святых отцов, но и другие объекты религиозного культа: утренние и вечерние молитвы, послушание, причастие, исповеди и проч. Все это формирует в ребенке, пожалуй, самое главное – понимание смысла жизни и, главное, убеждение в его правильности. Ценностные ориентации учащегося православной гимназии состоят в первую очередь из таких блоков, как «любовь», «семья», «добро», «воспитание».

Для достижения оптимального результата исследования и подтверждения выдвинутой гипотезы магистерского исследования было принято решение провести сравнительный анализ данных,

которые будут получены в результате изучения ценностных ориентаций учеников общеобразовательной школы и церковной гимназии, соответственно. Полученные результаты, по нашему предположению, будут иметь широкую практическую значимость, а выводы могут применяться как практикующими психологами-консультантами, так и будущими учеными, которые впоследствии столкнуться с изучением данной проблематики.

Литература

1. *Павлова О.С.* Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С.78-87.
2. *Двойнин А.М.* Смысложизненные ориентации религиозной личности // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. № 3 (22). С. 139–151.
3. *Кравченко С.М., Болотова Е.А.* Значение образа святых в формировании духовно-нравственного облика ребенка // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2016. №3 (42). С. 36-44.
4. *Шпрангер Э.* Психология юношеского возраста. М., 1931.
5. *Мальцев В.С.* Ценности и ценностные ориентации личности. – Москва: Лаборатория книги, 2012.
6. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
7. *Шварц Ш.* Культурныеценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.

К вопросу о субъектности семьи в периоды стабильного и критического развития

Пашкова Я.А., Гайдар К М.

ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия

matvienkoa@yandex.ru, marlen_lora@mail.ru

Исследования развития и функционирования семейной группы на основных этапах ее жизненного цикла распространены в социальной психологии достаточно широко. Однако к вопросу изменений, происходящих с субъектностью семьи на протяжении всего времени

ее существования в стабильные (литические, по Л.С. Выготскому) и критические (имеющие негативную симптоматику, переходные от одного этапа жизнедеятельности к другому) периоды, психологическая наука не обращалась.

Под семейной субъектностью мы понимаем способность семьи как малой группы к проявлению собственной инициативы в социуме, обусловленной наличием конкретной цели и соответствующей ей мотивации, сформированным механизмом саморегуляции, осознанию своей роли в жизни членов семьи и ответственности, а также наличию определенной жизненной стратегии. Рассмотрим, как субъектность семьи проявляется в литические и критические периоды ее жизнедеятельности.

Мы предполагаем, что субъектное развитие семейной группы представляет собой циклическую смену процессов спокойного и бурного развития, что является общей характеристикой развития любого группового субъекта как социальной системы [2]. Резкие изменения имеют место при переходе от одного этапа развития к другому и традиционно именуется кризисом.

Переживая кризис, семья может снижать уровень своей субъектности, что выражается в том, что она несамостоятельна, социально разобщена, малоактивна, конформна, ориентирована на мнение окружающих, при этом не склонна воспринимать себя единым субъектом, не видит ясных перспектив собственного развития, не стремится брать ответственность за свои действия.

Изучение работ Л.С. Выготского [1 и др.] позволяет нам считать, что выделенные им фазы кризисного периода развития универсальны и могут быть применены к анализу жизненного цикла семьи. Предполагаем, что они по-разному сказываются на субъектности семьи:

1. в предкритическую фазу происходит нарастание силы кризиса, в то время как уже сформировавшаяся в предыдущий период семейная субъектность начинает терять свою силу;
2. собственно критическая фаза характеризуется отсутствием или слабой выраженностью каких-либо субъектных характеристик семейной группы;
3. посткритичсеская фаза предполагает спад критической ситуации с одновременным переходом семьи на новый, более высокий уровень развития субъектности, который подразумевает формирование ее новых функций, принятие на себя новых ролей, появление новых социально-психологических качеств семейной группы, лучшее понимание ею своих ресурсов и возможностей.

Итак, кризисный период развития семьи сопровождается изменениями в семейной системе, а именно ожидается, что в середине кризиса, когда он выражен наиболее ярко, семья может заметно снизить или вовсе потерять свою субъектность (приобрести статус несубъекта), а по его окончанию либо вновь стать полноценным субъектом, обретя те или иные психологические новообразования, либо остаться с несформированной субъектностью и разрушиться как система. Причины формирования / неформирования субъектности по выходу из кризиса семьи могут оказаться разнообразными, начиная от исходного уровня ее субъектности, достигнутого к началу кризисного периода, специфики социальной ситуации жизнедеятельности семьи и до особенностей субъектных характеристик каждого члена семьи, влияющих на общую субъектность группы.

Что же касается стабильных периодов развития семейной системы, совершающегося постепенно и поступательно, без каких-либо выраженных преобразований, то в это время она способна накапливать, совершенствовать и улучшать свои функции, качества, способности, в которых и выражается семейная субъектность. В это время семья как субъект стабильна, устойчива к внешним и внутренним изменениям, сохраняет отношение к себе как к активному участнику / инициатору взаимодействия с социумом, проявляет осознанность и саморефлексию, готовность к совместным действиям с окружающей действительностью.

Предполагаем, что в рамках литического периода незначительное изменение одного компонента в структуре и функциях группы не приведет к потере ее субъектности. В данном случае семья может изменяться, но согласованно с меняющимися элементами, не нарушая своей субъектности. Однако если происходят какие-то нарушения в функционировании того или иного элемента семьи или он исчезает, возникает риск для субъектности семьи, причем как на индивидуальном, так и на групповом уровнях семейной системы.

Таким образом, проведенный теоретический анализ проблемы развития семьи как группового субъекта дает основания полагать, что существует определенная цикличность субъектных характеристик в закономерных изменениях, происходящих с семьей на протяжении всего ее бытия. Такой «кругооборот» семейной субъектности (переход от субъектного состояния субъекта к состоянию несубъекта, и обратно) проявляется на разных уровнях:

- макроуровень (при смене основных этапов жизненного цикла семьи: добрачный, молодая семья, семья с маленькими детьми, семья с детьми-школьниками или подростками, отделение детей от родителей, пожилая семья);

- мезоуровень (при переходе семьи от кризисного этапа развития к стабильному);
- микроуровень (внутри одного конкретного этапа развития семейной группы).

Итак, жизненный цикл семьи в контексте ее субъектного развития можно рассматривать как последовательную смену литических и кризисных периодов. Они сопровождаются сменой субъектных и несубъектных характеристик семейной группы. Данная закономерность требует своего учета при психологической работе с семьями, находящимися на разных этапах своего жизненного цикла.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2005.
2. *Гайдар К.М.* Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп): Дисс. … д-ра психол. наук. Воронеж, 2013.

Анализ социально-психологических подходов к изучению политических образов и представлений

Пенькова В.Н.
ГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vika251267@yandex.ru
Палагина А.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
palaginanna@yandex.ru

Очевиден тот факт, что социальные (в том числе политические) образы и представления возникают в результате социального восприятия и социального познания. Два этих процесса достаточно трудно разграничить и отделить друг от друга; с аналогичной проблемой исследователи сталкиваются при определении образов и представлений, которые нередко используются как синонимичные и взаимозаменяемые.

Уточним, что, рассматривая образы и представления, мы опираемся на точку зрения С.Л. Рубинштейна, который определял образ как психическое образование, возникающее непосредственно в момент восприятия, тогда как представление – это более сложный когнитивный конструкт, способный воспроизводиться в нашем сознании в отсутствие воспринимаемого объекта [6; 261-262].

Процесс формирования социальных образов и представлений стал объектом изучения во многих исследованиях, среди которых можно выделить когнитивистский, социально-психологический и политико-психологический подходы.

Когнитивистский подход сосредоточен на изучении познавательных процессов личности, которые в значительной степени обусловливают поведение человека.

Одним из известных теоретиков когнитивизма стал Дж. Келли, разработавший собственную теорию личности с позиции конструктивного альтернативизма, суть которого заключается в том, что человек, обладая «великолепным набором возможностей в интерпретации внутреннего мира переживаний или внешнего мира практических событий» [8; 434], может рассматривать любое событие с разных сторон, причем это «рассмотрение» будет зависеть исключительно от индивидуальных особенностей человека.

Если когнитивистские теории решающее значение в познании мира отдают индивидуальным особенностям человека, то ***социально-психологический подход*** заостряет внимание на влиянии социального окружения личности.

Наиболее разработанной в этом плане считается теория социальных представлений С. Московичи, уникальность которой, по словам самого автора теории, заключается в тенденции стать общей теорией социальных явлений.

Разрабатывая концепцию социальных представлений, С. Московичи опирался на сформулированное Э. Дюркгеймом понятие «коллективных представлений», посредством которых накопленные знания передаются от поколения к поколению. Социальные представления С. Московичи определял, как «сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе личностной коммуникации» [2; 176]. Отсутствие четкого определения понятия «социальное представления» в теории С. Московичи часто становится объектом критики.

Одним из центральных положений теории социальных представлений является стремление человека составить для себя гармоничную картину окружающей действительности. Стараясь сделать свою жизнь более осмысленной, человек посредством селективного отбора информации преобразовывает «необычное в обычное» [2; 177]. С помощью механизмов «зацепления», «объективации» и «натурализации» в сознании индивида возникает новое социальное представление о ранее неизвестном ему предмете или явлении.

Однако направленность процессу формирования социальных представлений задает не индивидуальный опыт, а опыт социальной группы, к которой принадлежит человек. В этом состоит принципиальное

различие между социально-психологическим и когнитивистским подходами, последний из которых С. Московичи критиковал за его «асоциальность».

Называя социальными представлениями любые формы убеждения, идеологических взглядов, знаний, включая науку [4; 5], С. Московичи отказывается от «идеи «тотальной рационализации» и вытеснения обыденных знаний наукой» [3;110]. Согласно его теории, каждый индивид интегрирует в свое сознание формы, уже созданные культурой и отдельными группами. Смысловой нагрузкой социальные представления обрастают постольку, поскольку они являются продуктами социальной группы, чьими глазами на мир начинает смотреть принадлежащий к ней человек.

Продолжая традицию изучения данного феномена, некоторые исследователи пришли к несколько иным выводам, которыми, по нашему мнению, теория социальных представлений может быть дополнена.

Так, К.А. Абульханова-Славская, исследуя социальные представления и социальное мышление, исходит из трех интересных положений. Во-первых, принимая во внимание точку зрения С. Московичи, согласно которой представления являются в большей степени продуктом группового восприятия, нежели индивидуального опыта, К.А. Абульханова-Славская акцентирует внимание на личностных особенностях человека, по ее мнению, в той же степени влияющих на формирование социальных представлений. Во-вторых, развивая собственную теорию социального мышления, К.А. Абульханова-Славская указывает на отсутствие в классических работах Э. Дюркгейма и С. Московичи ссылки на бессознательное происхождение коллективных и социальных представлений, которое раскрыл К.Г. Юнг в своей концепции архетипов. Открытие К.Г. Юнга позволило А.Г. Абульхановой-Славской указать на глубинную укорененность социальных представлений на неосознаваемом уровне личности. В-третьих, еще одно отличие теории социальных представлений от теории социального мышления заключается в том, что С.Московичи рассматривает социальные представления общества в целом, тогда как А.К. Абульханова-Славская настаивает на необходимости дифференциации общественной реальности [1].

Похожую точку зрения мы можем видеть в рамках ***политико-психологического*** подхода Е.Б. Шестопал, отдельно рассматривающей политическое восприятие и особенности политических образов-представлений, возникающих в его процессе [9].

По мнению Е.Б. Шестопал, политическое восприятие, будучи частью восприятия социального, имеет ряд специфических особенностей, отличающих его от других видов восприятия: политическое восприятие в

большей степени направлено не столько на отражение политической реальности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации возникающих образов; политическое восприятие характеризует большая слитность когнитивных и эмоциональных компонентов; политическое восприятие преимущественно является опосредованным СМИ; и наконец, на политическое восприятия влияют ценности, стереотипы и установки, присущие массовому сознанию [5; 14].

Исследуя политические образы, Е.Б. Шестопал обращает внимание на следующие общие компоненты и закономерности в их структуре:

- в политическом образе возможно выделить три шкалы согласно распространенной в психологии концепции Ч.Осгуда: «привлекательность – непривлекателность», «сила – слабость», «активность – пассивность»;
- в политическом образе присутствуют вербальные и визуальные характеристики;
- при оценке политического образа происходит сопоставление воспринимаемого объекта с его идеальным прототипом, являющимся своеобразным ориентиром и облегчающим процесс восприятия;
- в структуре политического образа содержатся рациональные и бессознательные компоненты.

Последнее утверждение является принципиально важным, так как оно указывает на наличие осознаваемого и неосознаваемого отношения к политическому объекту.

Таким образом, рассматривая процесс формирования социальных образов и представлений, когнитивистский подход делает акцент на индивидуальных особенностях личности, которые определяют восприятие, а социально-психологический подход ставит процесс формирования представлений в зависимость от социума – социально-культурной группы, к которой относится индивид, менее значительную роль отводя его индивидуальному опыту. Политико-психологический подход в равной степени учитывает влияние индивидуальных особенностей наряду с групповыми, а также архетипическую природу представлений и необходимость дифференциации сфер общественной жизни. Одновременно в рамках данного подхода указывается на необходимость рассмотрения образов и представлений на сознательном и бессознательном уровнях, так как это позволяет получить более достоверную и полную картину действительности и повысить «валидность результатов исследования» [5; 119].

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А*. Современная психология: Состояние и перспективы исследования. Социальные представления и мышление личности. (Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г.). Часть 3 – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002 – 288 с.
2. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 239 с.
3. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 312 с.
4. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд (окончание) // Психологический журнал. Том 16(2), 1995
5. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: Монография / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 420 с.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2005. – 713 с.
7. Социальная психология. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 176 с.
8. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные исследования и применение). – СПб. Питер Пресс, 1997. – 608с.
9. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: Учебник для студентов вузов / Е.Б. Шестопал. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 342 с.

Особенности сервант-лидерства в современных организациях

Петрушихина Е.Б.
ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
ebpetr@mail.ru

Одна из тенденций в современных концепциях лидерства – все большая ориентация на последователей и переосмысление их роли в лидерском процессе. Примером тому является теория сервант-лидерства или лидерства-служения, предложенная Р. Гринлифом в

1970 году [1]. В последние десять лет в зарубежной литературе наблюдается взрывообразный рост количества работ, посвященных этой концепции.

Сервант-лидерство можно рассматривать как холистический подход к лидерству, ориентированный на развитие последователей в различных сферах - межличностной, этической, эмоциональной, духовной. До последнего времени сервант-лидерство выступало скорее как философия, нежели определенная модель лидерства, в основе который лежала идея служения другим [2]. В силу этого в большинстве работ давалось весьма свободное, нестрогое определение сервант-лидерства, что затрудняло получение исследователями валидных и надежных данных.

Н. Эва с соавторами, проведя анализ 270 работ за период с 1998 по 2018 год, предложили следующее определение данного понятия [3; с. 114]: «***Сервант-лидерство есть ориентированный на других подход к лидерству, предполагающий установление во взаимодействии приоритета потребностей и интересов последователей над таковыми у лидера и переориентацию их заботы о себе на заботу о других в рамках организации или более широкой социальной общности».***

В этом определении подчеркиваются три существенных аспекта сервант-лидерства: ***мотивация, способ взаимодействия и образ мышления***.

Мотивация сервант-лидера предполагает ориентацию на других и отражает убежденность, намерение, веру в то, что лидирование есть отказ от направленности на себя. Данный тезис сильно контрастирует с другими подходами, которые акцентируют внимание на реализации лидерских амбиций и продвижении лидерской точки зрения. Решение служить другим исходит из представлений о себе как альтруистической и моральной личности. Из этого следует не только то, что сервант-лидер должен быть вежливым и дружелюбным. По умолчанию это требует сильной Я-концепции, характера и психологической зрелости. В соответствии с предложенным определением, не желающие служить другим, не могут стать сервант-лидером.

Указание на второй аспект сервант-лидерства – **способ взаимодействия** – отражает признание того, что каждый отдельный последователь уникален и имеет свои собственные нужды, интересы, желания, цели, сильные стороны и ограничения. В то время как организационная система направлена на обеспечение и поддержание сходства, общности, отношения лидера с конкретным последователем могут реализовываться во множестве форм. Сервант-лидер

заинтересован в понимании ценностей, убеждений, установок, особенностей поведения последователей, и потому грань между профессиональной и личной жизнью оказывается размытой. В отличие от других подходов к лидерству, имеющих целью прежде всего достижение организационных финансовых и нефинансовых результатов, сервант-лидерство ориентировано на рост последователей в различных сферах – психологического благополучия, эмоциональной зрелости, этичности и мудрости. Сервант-лидер действует как распорядитель, управляющий, рассматривающий последователей как индивидов, которым необходимо создать условия для совершенствования их личности.

Образ мышления сервант-лидера можно назвать опекунским или попечительским. Сервант-лидеры рассматривают последователей как индивидов, о которых необходимо заботиться. Как опекуны сервант-лидеры обеспечивают рост и развитие последователей и других ресурсов в организации. Поэтому сервант-лидерство выступает некой силой, способствующей ослаблению ориентации последователей на себя и усилению ориентации на других, формирует их как продуктивных и просоциальных акторов, способных к осуществлению позитивных изменений в жизни других людей и социальных структур.

Описанные особенности сервант-лидерства обусловливают ряд важных для организации последствий [3].

Сервант-лидерство позитивно влияет на широкий круг трудовых установок – удовлетворенность работой, вовлеченность в работу и восприятие ее значимости, приверженность организации, воспринимаемое соответствие личности и организации, процветание на работе.

Сервант-лидерство связано и с изменениями в поведении последователей. Прежде всего, в исследованиях обнаруживается влияние сервант-лидерства на уровень организационного гражданства. Кроме того, сервант-лидерство часто оказывается связанным с помогающим поведением, корпоративной социальной ответственностью у сотрудников, проактивным поведением. Также сервант-лидерство негативно связано с уклонением последователей от принятия лидерской ответственности и уровнем девиации работников.

Как показывают исследования, сервант-лидерство способствует росту продуктивности на индивидуальном, групповом и организационном уровне, увеличению клиентоориентированности сотрудников и улучшению качества обслуживания клиентов.

Полученные эмпирические данные позволяют сформулировать ряд рекомендаций для практиков. Построение культуры сервант-

лидерства требует сочетания отбора просоциально мотивированных людей с соответствующим тренингом. Отбор важен, так как существуют ограничения в развитии устойчивых личностных характеристик и маловероятно, что догматичные, центрированные на себе и нарциссичные индивиды в результате тренинга станут ориентированными на других, сензитивными и эмпатичными сервант-лидерами.

Исследователи подчеркивают, что сервант-лидерством трудно овладеть, для этого требуются осознанные, преднамеренные и длительные усилия [3], и фактически каждое существенное организационное изменение, предусматривающее движение от командной и контролирующей культуры к культуре сервант-лидерства, может быть реализовано через несколько лет. Поэтому организации должны быть в этом терпеливыми и упорными.

Литература

1. *Бендас Т.В.* Психология лидерства. СПб., 2009.
2. *Петровская И.А., Бычкова А.В.* Концепция лидерства как служения и возможности ее реализации в российских организациях // Вестник Московского ун-та. Серия «Менеджмент». 2014. №1-2.
3. *Eva N., Robin M., Sendjaya S., Dierendonk D., Liden R.* Servant-Leadership: A systematic review and call for future research // The Leadership Quarterly. 2019/ Vol. 30.

Изучение склонности студентов к разным формам аддиктивного поведения

Пискун С.В., Новак Н.Г.
ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь
svweaps@mail.ru, natalya_novak_80@mail.ru

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что, по данным медицинской статистики, по состоянию на 01.01.2017 г. под наблюдением врачей-психиатров-наркологов состояло 14 991 несовершеннолетних (в возрасте до 17 лет). Большинство из них составляют лица, которые находятся под профилактическим наблюдением в связи с употреблением психоактивных веществ (ПАВ) с негативными последствиями, т.е. с еще не сформировавшимся синдромом зависимости (14 958 человек, из них 14 451 – в связи с

употреблением алкоголя, 202 – в связи с употреблением наркотических средств, 305 – в связи с употреблением ненаркотических веществ). Анализ динамики числа наркологических заболеваний, зарегистрированных впервые в жизни, показывает тенденцию к постепенному росту этой патологии в возрастной группе населения от 14 до 19 лет. Так, в 2005 г. у подростков впервые в жизни был зарегистрирован 151 случай наркоманий и токсикоманий, в то время как в 2015 г. – 184 случая, что на 17,9% больше. Обращает на себя внимание резкий подъем первичной заболеваемости наркоманией и токсикоманией у подростков в 2014 г. (на 39,9% по сравнению с 2013 г.), что было связано с массовым распространением на наркорынке синтетических каннабиноидов (спайсов). Исследование показало, что достаточно значительная часть молодых людей испытывает стрессы и длительные негативные психологические состояния. Такие состояния в равной степени распространены среди несовершеннолетних (14-17 лет) и совершеннолетних молодых людей (18-24).

Аддиктивное поведение является одной из форм отклоняющегося поведения, выражающейся в уходе от реальности путем изменения своего психического состояния, фиксацией внимания на определенных предметах или активностях, сопровождающихся развитием интенсивных эмоций [2, с. 188]. Условно выделяют химическую и нехимическую (поведенческую) формы аддикции, промежуточным звеном между ними являются аддикции к еде [3, с. 61]. Химическими являются аддикции, связанные с применением различных химических веществ. Некоторые из таких веществ, изменяющих психическое состояние, токсичны, вызывают физическую зависимость, а также органические поражения (алкогольная зависимость, наркомания, токсикомания и др.). Нехимические аддикции не связаны с приемом химических веществ, изменяющих психическое состояние человека (азартные игры (гэмблинг), сексуальная, любовная аддикция, работоголная аддикция, ургентная аддикция, интернет-аддикция и др.) [4, с. 61]. Промежуточным звеном между химическими и нехимическими аддикциями являются аддикции к еде (невротическое переедание или голодание).

Аддиктивное поведение можно также рассматривать как начальный этап саморазрушения личности, переход привычки в патологические формы зависимостей. Зависимость – это не только уход от реальности путем изменения сознания посредством употребления психоактивных веществ, но также и длительный период патологического пристрастия к аддиктивному агенту.

Изучая особенности аддиктивного поведения студентов, можно выделить как общие характеристики, присущие аддиктам в целом, так и те характеристики, которые свойственны именно этой возрастной группе. Так, согласно результатам исследований Л.В. Левиной, аддиктивным студентам свойственны специфические психологические особенности: дезаптационная ригидность и фрустрационная регрессия. Также для студентов с аддикциями характерны нарушения мотивационной сферы личности, которые выражаются в усилении потребности в стимуляции, повышенной потребности в новых ощущениях и впечатлениях. Диагностическим критерием склонности к зависимому поведению может выступать инверсия эмоционального отражения. Также было выявлено, что студенты, имеющие признаки аддикций, более склонны к проявлениям физической агрессивности, тревожности, гнева и враждебности [1].

Студенты с выраженной склонностью к аддикциям могут характеризоваться неустойчивыми эмоциональными состояниями, повышенной тревожностью. Можно также отметить наличие у них зависимости от мнения окружающих и высокую зависимость от объекта привязанности, затруднения самоконтроля и сложность в перенесении трудностей.

Для более детального изучения проблемы аддиктивного поведения в студенческой среде на базе ГГУ им. Ф. Скорины проводилось исследованние, целью которого было изучение особенностей аддиктивного поведения студентов. Выборка составила 90 человек (62 девушки и 28 юношей). В качестве метода исследования применялась методика диагностики склонности к различным зависимостям» (Г.В. Лозовая).

В результате диагностики общей склонности студентов к зависимому поведению было выявлено следующее: низкая степень общей склонности к зависимостям (5-11 баллов) характерна для 16,7 % опрошенных; средняя степень общей склонности к зависимостям (12-18 баллов) характерна для 63,3 % опрошенных; высокая степень общей склонности к зависимостям (19-25 баллов) характерна для 20 %. Следовательно, для большинства опрошенных студентов характерна средняя степень сформированности общей склонности к аддиктивному поведению, т.е. в большей степени характерно нормативное поведение. Высокая степень общей склонности к зависимостям характерна для 1/5 части опрошенных (20 %). Из этого следует, что для этих респондентов характерны такие черты, как слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая устойчивость

к стрессам, неумение преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость, низкая устойчивость к фрустрации.

При сравнении показателей склонности студентов к разным типам зависимого поведения, наиболее высокий процент склонных к аддиктивному поведению был выявлен по шкалам «любовная зависимость» (30 %), «зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей)» (23,4 %) и «зависимость от алкоголя» (13,2 %).

В наименьшей степени опрошенные студенты склонны к формированию таких видов аддикций, как «наркотическая зависимость» (88 %), «лекарственная зависимость» (86,6 %) и «никотиновая зависимость» (86,6 %).

Студенты, склонные к любовной аддикции, при формировании межличностных отношений отличаются чрезмерной фиксацией на другом человеке. В таких отношениях большая часть времени и внимания уделяется любимому человеку. Мысли о любимом человеке занимают все время. Данный процесс носит в себе черты навязчивости, сочетаясь с насильственностью, от которой чрезвычайно трудно освободиться. Такая личность находится во власти переживания нереальных ожиданий в отношении другого человека без критики к своему состоянию. Такие люди забывают о себе, перестают заботиться о себе и думать о своих потребностях вне зависимых отношений.

Студенты, склонные к алкогольной зависимости характеризуются частой утратой контроля над количеством употребляемого спиртного; употребление алкоголя продолжается вопреки возникающим препятствиям со стороны окружения, профессиональным и социальным интересам личности; употребление алкоголя часто сопровождается развитием синдрома отмены (совокупность психофизических нарушений, вызванных прекращением приема спиртных напитков вслед за их продолжительным или массивным употреблением.

Студенты, склонные к интернет-зависимости характеризуются большим количеством времени, проведенным в социальных сетях, неумением строить взаимоотношения с людьми в реальной жизни, нарастанием отрицательных эмоций (раздражительность, дисфория, апатия, сниженное настроение, чувство пустоты, чувство скуки) вне сети; потеря интереса к семье, работе, прежним увлечениям. Такие аддикты часто ведут нездоровый образ жизни, пренебрегают личной гигиеной и режимом, недосыпают.

Таким образом, для большинства опрошенных студентов характерна средняя степень сформированности общей склонности к отклоняющемуся поведению. У студентов с выраженной склонностью

к аддиктивному поведению, доминирующими являются такие виды аддикций, как любовная зависимость, зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей) и зависимость от алкоголя. В наименьшей степени опрошенные студенты склонны к формированию таких видов аддикций, как наркотическая зависимость, лекарственная зависимость и никотиновая зависимость.

Литература

1. *Бородина Н.А.* Психологическая причинность аддиктивного поведения личности: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2011.
2. *Змановская, Е.В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. – М.: Академия, 2004.
3. *Короленко, Ц.П.* Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко. – Новосибирск: НГПУ, 2001.
4. *Левина Л.В.* Психологические возможности коррекции отклоняющегося поведения личности: автореф. дис. … канд. психол. наук. Новосибирск, 2005.

Метаанализ теоретических подходов исследования национальной идентичности

Плющ А.Н.

Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, Киев, Украина

plyushch11@mail.ru

Учитывая, что конструируемые теоретические модели обусловлены возможностями ментального инструмента исследователей, при проведении метаанализа в первую очередь будем обращать внимание на логику построения теоретических конструктов нации и идентичности, а уже затем сравнивать содержание и структурную организацию этих конструктов.

Сложность конструкта идентичности обусловлена тем, в каком контексте рассматривается его автор. Это может быть автономный субъект; субъект, действующий в социальном пространстве; субъект в контексте жизнедеятельности [2]. Нарастание глубины контекста приводит к пониманию появления новых измерений идентичности. Идентичность автономного субъекта предполагает наличие

атрибутивных характеристик, присущих ему как целостности – черт характера, стиля саморегуляции деятельности, типа культуры. Для субъекта, взаимодействующего в социальном пространстве, развертывается дополнительное измерение идентичности, как системного набора его социальных ролей. Рассмотрение субъекта в контексте жизнедеятельности (в пространстве и во времени жизни) приводит к тому, что идентичность развертывается в автобиографический (рефлексивный) текст достижения жизненных целей [3].

Нацию будем рассматривать как коллективного субъекта. В соответствии с предложенной логикой развертывания конструктивной сложности (синкрет, система, рефлексивный текст) можно выделить следующие подходы к пониманию нации как организации коллективного субъекта: примордиалистский, конструктивистский, социокультурный [1; 4].

Основные положения примордиализма исходят из того, что нация – это природная объективная данность, существующая изначально и обладающая уникальными качествами. Такое рассмотрение приводит к этническому пониманию нации, и, соответственно, к этнической национальной идентичности.

Представители конструктивистского подхода рассматривают нацию не как заранее заданную объективную реальность, а как результат совместной деятельности ее субъектов, как искусственный социальный конструкт. В качестве этого конструкта может выступать государство как одна из форм самоорганизации граждан [5]. В этом случае нация понимается как политическая нация, а национальная идентичность – как гражданская идентичность. И если в моноэтничных государствах, гражданская и этническая идентичность могут быть совмещены, то в многонациональных государствах они взаимодополняют друг друга, когда гражданская идентичность является новым измерением конструктивной сложности национальной идентичности.

В рамках социокультурного подхода нация рассматривается как исторический проект, базирующийся на глубинных культурных основаниях, но трансформирующийся в различных исторических условиях. При этом масштаб этого проекта может быть различным: построение собственной нации, многонационального государства, человечества в целом. В последнем случае нация понимается как соавтор проекта устройства мировой цивилизации. Нация как коллективный субъект предлагает такой проект многонационального государства, который будет привлекательным и для представителей других многонациональных государств, которые могут

присоединяться к этому проекту (как одной из возможных моделей устройства мирового сообщества). В теоретическом конструкте национальная идентичность появляется новое измерение, когда проявляется рефлексивное понимание роли собственной нации в одном из предполагаемых проектов глобализации.

В культурах коллективных субъектов, претендующих на авторство проекта устройства мировой цивилизации, заложены различные способы конструирования коллективного автора проекта глобализации. Существуют уникальные, «богоизбранные» нации, претендующие на единоличное авторство этого проекта. В рамках других культур мир состоит из «цивилизационных» народов и «варваров», которых могут быть приобщены к «цивилизации» и к ее проекту. Имеется и другое миропонимание, что мир для всех, а не только для избранных, и конструировать совместный проект могут представители различных обществ «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык…».

Проведенный метаанализ позволил выявить, что нарастание сложности понимания теоретических конструктов нации и идентичности приводит к рефлексии роли нации в создании проекта глобализации. Задавая сложность организации мышления коллективных субъектов, можно предполагать степень их участия и возможную роль при конструировании проекта глобализации.

Для большинства постсоветских стран приоритетом развития стало построение этнической нации и моноэтнического государства. В условиях многонационального населения, сформировавшегося в годы Советского Союза, происходит редукция сложности социального проекта, подразумевающая отказ от проекта многонационального государства. Следствием выбранного курса развития государства становится то, что население постсоветских республик (Грузия, Казахстан, Прибалтика, Украина) в рамках модели евроатлантической интеграции совершает переход от статуса государствообразующих наций, соавторов цивилизационного проекта, который у них был в Советском Союзе, в вымирающие этнические нации, с территорий которых эмигрируют ее граждане. Долгосрочные действия по строительству единственной этнической нации в многонациональном государстве приводят к дисфункциональности институтов этого государства и, в конечном итоге, к деградации и вымиранию самой нации.

В заключение, немножко смелый вывод. Если в культуре общества не заложены глобальные цели, то представители этой культуры будут участниками проектов других сообществ, ставящих такие цели.

Литература

1. *Нехаев А.В*. Теории наций и национализмов: проблема классификации // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2016. № 2.
2. *Плющ А.Н.* Конструируемый текст идентичности // Вопр. психологии. 2018. № 1.
3. *Плющ А.Н., Кирилина Т.Ю., Петрунько О.В*. Представления о собственном будущем студентов России и Украины // Вест. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2.
4. *Филиппова Е.И*. Нации, государства, культуры // Культурная сложность современных наций. М., 2016.
5. *Хабермас. Ю*. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999.

Разработка концепции повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ

Пожаркин Д.И.

МБУ ДО ДЮСШ №3, Новокузнецк, Россия

pozharkindi@yandex.ru

Основы и процесс разработки концепции повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ определяется продуктом теоретизации и психолого-педагогического моделирования [1-3].

Профессионализм личности – это:

- продукт оценки качества и теоретизации соответствия поставленных и реализуемых условий и возможностей продуктивного становления личности в профессиональной деятельности;
- ценность профессиональной деятельности, обеспечивающая максимальное достижение и реализацию идей формирования и развития способностей и задатков личности, отражающая общий уровень требований общества и ситуативно и системно реализуемой возможности соответствия личности данному уровню требований;
- механизм реализации идей продуктивного, социально востребованного развития личности в избранном профессиональном виде деятельности и/или специальности, гарантирующий получение материальных и идеальных благ

личностью в структуре реализации профессионально-трудовых функций;

- функция самоорганизации качества решения задач развития личности и общества через профессионально-трудовые отношения.

Концепция повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ – способ построения основ и идей теоретизации и технологизации процесса повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ.

Разработка концепции повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ может быть раскрыта в контексте следующих этапов:

1. определение методологической базы теоретизации качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ (например, синергический подход, креативно-продуктивный подход);
2. детерминация цели и смыслов научной теоретизации в разработке концепции повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;
3. выделение и уточнение ценностей (внутренняя составляющая) и принципов (внешняя составляющая) повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;
4. выделение и уточнение задач и функций повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;
5. теоретизация методов развития личности в контексте признания основ психолого-педагогической методологии и нормального распределения способностей и здоровья личности, а также методов повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;
6. выделение и разработка новых средств повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ
7. разработка, уточнение, апробация и использование технологии повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;
8. разработка и уточнение моделей повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;
9. разработка и уточнение программного сопровождения процесса управления качеством формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ;

10. мониторинг продуктивности и успешности теоретизации и реализации идей и обоснования механизмов повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ.

Разработка концепции повышения качества формирования профессионализма личности тренера в ДЮСШ – одно из актуальных направлений теоретизации качества решения задач развития в педагогике и психологии развития, в педагогической психологии, в педагогике физической культуре и спорта, в инновационной педагогике.

Литература

1. *Гутак О.Я., Козырев Н.А., Козырева О.А.* Педагогическое моделирование как метод и технология продуктивно-инновационного решения задач профессионально-педагогической деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С.154-162.
2. *Коновалов С.В., Козырев Н.А., Козырева О.А.* Профессионализм личности как универсальная категория современного образования // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 2 (47). С.334–343. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.47.203.
3. *Языкова О.В., Горюшкина О.С., Козырева О.А.* Концепция как конструкт и продукт инновационной педагогики // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2020. № 1 (24). Март. (http://ce.if-mstuca.ru)

Взаимосвязь эмоционального интеллекта, ценностных ориентаций и психологического благополучия с уровнем сформированности цифровой компетентности обучающихся юношеского возраста

Полякова А.А., Худякова Т.Л.

ФГБОУ ВО ВГПУ, Воронеж, Россия

aa_poliakova@mail.ru, tanya.dom@list.ru

Современный мир трудно представить без огромного количества смартфонов, компьютеров и планшетов – всё это уже стало неотъемлемой частью нашего существования. Повседневная жизнь многих людей тесно связана с Интернетом, девушки и юноши уже не могут выйти из дома без мобильного устройства.

Актуальность исследования заключается в том, что несмотря на массовое внедрение информационно-коммуникационных технологий и рост интернет-пользователей во всех федеральных округах, ежедневно граждане с низкой цифровой грамотностью становятся жертвами кибермошенников. Такие результаты были получены региональной общественной организацией «Центр Интернет-технологий», проводившей в 2015 году исследование цифровой грамотности. В связи с этим, большая группа пользователей Интернета попадает в зону риска и особенно нуждается в просвещении в области цифровых технологий, а вопрос всеобщей цифровой грамотности населения превращается в задачу национального уровня [6].

Наше исследование опирается на работы А.Е. Войскунского [2], Е.П. Белинской [1], Г.У. Солдатовой [5], которые раскрывают понятие, особенности и специфику цифровой компетентности.

Цифровая компетентность по Г.У. Солдатовой – это основанная на непрерывном овладении системой соответствующих знаний, умений, мотивации и ответственности, способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности, а также его готовность к такой деятельности.

Целью исследования стало выявление психологических детерминант развития цифровой компетентности в юношеском возрасте. Далее мы сформулировали гипотезу о том, что психологическими детерминантами развития цифровой компетентности у обучающихся юношеского возраста выступают высокий эмоциональной интеллект, психологическое благополучие и такие ценности, как безопасность и самостоятельность.

Исследование было проведено на базе МБОУСОШ №83 г. Воронежа. Респонденты – обучающиеся 10 классов в возрасте от 15 до 17 лет. Из них 31 девушка и 19 юношей. Всего 50 человек.

Для проведения эмпирической части исследования мы воспользовались следующими методиками: Тест К. Янг на Интернет-зависимость в адаптации В.А. Лоскутовой (Буровой) [1, с. 154], «Индекс цифровой компетентности» Г.В. Солдатова [5], «Теста на эмоциональный интеллект» Н. Холла [7, с. 41], Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н.Н. Лепешинского [4], Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности [3, с. 135].

В результате исследования уровня цифровой компетентности у обучающихся было выявлено 17 человек с высоким уровнем, 30 со средним и 3 с низким уровнем.

По методике «Шкала психологического благополучие» К. Рифф [4], мы получили следующие результаты: для испытуемых с высоким и средним уровнем ЦК свойственно признание за собой и другими позитивных и негативных чувств. Респонденты, имеющие низкий уровень цифровой компетентности, испытывают сложности в организации повседневной деятельности, чувствуют себя неспособными изменить складывающиеся обстоятельства, безрассудно относятся к появляющимся возможностям и лишены чувства контроля над происходящим вокруг. Испытуемые, имеющие средний и высокий, знают и принимают разные свои стороны. Однако, респонденты с низким уровнем ЦК достаточно недовольны собой, испытывают беспокойство по поводу некоторых личных качеств.

Используя методику Ш. Шварца для изучения ценностей личности [3, с. 135], мы выявили, что респонденты с высоким и средним уровнем ЦК могут преодолевать трудности на пути достижения целей. Наслаждение и чувственное удовольствие являются первостепенными ценностями для старшеклассников, имеющих низкий уровень цифровой компетентности, и играют для них большое значение в жизни. Для испытуемых, имеющих низкий уровень ЦК, свойственна низкая самостоятельность мышления и выборов способов действия. У обучающихся, имеющих низкий уровень ЦК, выявлены тенденции сдерживания и предотвращения действия и побуждения к действиям, которые не соответствуют социальным ожиданиям или могут причинить вред окружающим.

По методике «Тест на эмоциональный интеллект» Н. Холла [7, с. 41] было выявлено, что у обучающихся с высоким уровнем цифровой компетентности, понимание своих эмоций, выражено намного сильнее, чем у тех, кто имеет низкий уровень ЦК. Респонденты с низким уровнем ЦК не умеют управлять своим поведением за счет управления эмоциями, в отличие от респондентов с другими уровнями ЦК. У респондентов с низким уровнем цифровой компетентности умение понять состояние человека по невербальным проявлениям развито хуже, чем у других групп испытуемых.

В результате проведенного исследования, гипотеза о том, что психологическими детерминантами развития цифровой компетентности у обучающихся юношеского возраста выступают высокий эмоциональной интеллект, психологическое благополучие и такие ценности, как безопасность и самостоятельность, получила частичное подтверждение. На основе полученных результатов была разработана программа развития цифровой компетентности для обучающихся.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Психология Интернет-коммуникации: учебное пособие. М., 2013.
2. *Войскунский А.Е.* Психология и Интернет. С., 2010.
3. *Карандашев В.Н.* К 21 Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. С-Пб., 2004.
4. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. №3(15).
5. *Солдатова Г.У.* Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М., 2013.
6. *Солдатова Г.У.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М., 2017.
7. *Фетискин Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. М., 2009.

К вопросу исследования мотивационно-ценностной сферы личности сотрудников организации и их отношения к объекту профессиональной деятельности

Полянская Д.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
darya.polyanskaya.96@mail.ru

В современных организациях проблемы, связанные с человеческими ценностями и мотивацией, как никогда актуальны. Руководители стали обращать особое внимание на вопросы мотивирования персонала, так как сотрудники с высоким уровнем мотивации профессиональной деятельности обеспечивают и более высокий уровень эффективности организации.

Исследованию мотивационно-ценностной сферы личности работника посвящено достаточно много научных трудов как в западной, так и в отечественной психологической науке. Исследователи выдвигали различные подходы к трактовке мотивации трудовой деятельности и объяснению принципов мотивирования работников. Так, основоположники науки об управлении Ф. Тейлор, Г. Гант, Г. Форд и др. развивали традиционный подход к мотивированию работников, подчеркивая значение материального стимулирования,

политики «кнута и пряника» [1]. К сторонникам содержательного подхода относились американские ученые А. Маслоу, К. Алдерфер, Д. Макгрегор, У. Оучи, Ф. Герцберг, Д. Мак-Клелланд. Теории, основанные на содержательном подходе, пытаются определить внутренние факторы, которые мотивируют поведение человека [1]. Слово «фактор» (лат. Factor – делающий, производящий) трактуется как движущая сила совершающегося процесса или одного из его необходимых условий.

Процессуального подхода придерживались Дж. Адамс, В. Врум, Портер-Лоулер. В процессуальном подходе мотивацию рассматривают как процесс и сосредоточены на том, как меняется процесс и результат мотивации под воздействием отдельных факторов.

Психологические концепции ценностей личности разрабатывали такие ученые как Ф. Клакхон, Ф. Стродтбек, М. Рокич, Г. Хофстеде, Ш. Шварц, В. Магун, В.А. Ядов и др. [2].

Современные исследователи продолжают изучать мотивационно-ценностную сферу личности работников организации, но до сих пор недостаточно изученными остаются вопросы взаимосвязи особенностей мотивации и ценностных ориентаций работника и характеристик его отношения к объекту своей профессиональной деятельности [2]. Наш исследовательский интерес был сосредоточен на работниках сферы обслуживания и на том, как особенности мотивационно-ценностной сферы работников влияют на их отношение к клиентам.

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязи мотивационно-ценностной сферы личности и отношения к объекту профессиональной деятельности у сотрудников организации. В исследовании приняло участие 60 сотрудников организации, работающей в сфере обслуживания населения. Организация делится на несколько отделов: отдел производства, клиентский отдел, отдел сопровождения и контактный центр. Все отделы работают с клиентами.

Нами был определен следующий методический инструментарий: методика «Ценностный опросник» (Ш. Шварц), методика «Личностный дифференциал», тест на выявление преобладающих мотивов (В.В. Травин и др.). Методика Ш. Шварца позволила нам определить особенности ценностных установок сотрудников организации, а также выяснить, какие конкретно ценности преобладают у менеджеров, работа которых связана с клиентами. Ценности в этой концепции рассматриваются как представления о целях, служащих основными руководящими принципами в жизни

человека. Тест на выявление преобладающих мотивов позволил нам определить степень выраженности различных мотивов у сотрудников, работающих с клиентами. С помощью методики «Личностный дифференциал» был составлен психологический портрет клиента.

По результатам исследования ведущими ценностями у работников, объектом профессиональной деятельности которых являются клиенты, оказались такие как саморегуляция, стимулирование, гедонизм, традиции. Доминирующими мотивами профессиональной деятельности стали потребности в самоактуализации и уважении. Статистический анализ, проведенный нами с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена, показал, что сотрудники с высоким уровнем этих потребностей дают высокую оценку клиенту, считая его носителем позитивных, социально желательных характеристик.

Корреляционный анализ результатов по методике личностного дифференциала показал, что существуют взаимосвязи между мотивационными факторами и ценностными ориентациями сотрудников, работающих с клиентами, и тем, как они оценивают клиентов. Так, если у сотрудников выражены такие ценности, как саморегуляция, стимулирование, гедонизм, благосклонность, то они оценивают клиента как дружелюбного, общительного, уступчивого, деятельного, энергичного человека.

Однако следует подчеркнуть, что выявленные взаимосвязи являются слабыми или средне выраженными. Сильных корреляций между особенностями мотивационно-ценностной сферы личности сотрудников и характеристиками их отношения к клиенту как объекту профессиональной деятельности выявлено не было. Возможно, что на отношение к клиентам в большей степени влияют не столько внутренние, личностные характеристики работника, сколько внешние факторы, определяющие выполнение работником своей профессиональной деятельности, например, организационная культура компании, принятые в организации модели профессионального поведения, корпоративные ценности.

Литература

1. *Лукьянова Н.А.* Мотивационный менеджмент: учебное пособие [электронный ресурс] / Н.А. Лукьянова – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016 – 106 с. С. 5-29.

2. *Горькая Ж. В.* Психология ценностей: учебное пособие / Ж. В. Горькая. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014 – 92 с. С. 24-37.
3. *Sprynska. Z.* Psychological Analysis of Value Sphere of Personality //Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, Ukraine- – 2017. – Vol. 33. P. 17.
4. *Ngima W.M. Kyongo J.* Contribution of Motivational Management to Employee Performance / A. Kenny, International Journal of Humanities and Social Science Vol. 3 No. 14 Special Issue - July 2013 P. 21.

К вопросу о взаимосвязи социально–психологического климата и корпоративной культуры организации

Потапова А.С., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва
annia34@inbox.ru, tatisheva@yandex.ru

В современном мире вопрос взаимосвязи социально-психологического климата с корпоративной культурой организации становится все более актуальным. Российские компании сегодня находятся в состоянии активной реконструкции, многие меняют свою структуру, расширяются или сливаются с другими. В связи с потребностями современных организаций и руководителей понятие корпоративной культуры тоже может быть расширено, а социально-психологический климат каждой отдельной организации полностью реконструирован.

Корпоративная культура, прежде всего, представляет собой систему ценностей, духовных и материальных, особенностей поведения в коллективе, специфику взаимодействия между коллегами и некоторые характеристики организации, которые делают ее отличной от других. Важная особенность корпоративной культуры в том, что она делает компанию индивидуальной, во многом благодаря ей компания получает преимущество над конкурентами, не только с кадровой точки зрения, но и с точки зрения производства.

Специфика корпоративной культуры была достаточно глубоко изучена в работах Г. Хофстеде, К. Кемерона и Р. Куина, Б.Д. Парыгина, Н.Н. Обозова и др. Современные исследования более глубоко рассматривают проблемы имиджа организации, ее фирменного стиля и миссии (Ж.А. Мугалова, О.Г. Цурри, М.Г. Хасаянова, И.Л. Шевченко).

Многие исследования утверждают, что корпоративная культура организации оказывает непосредственное влияние на все производственные показатели, в частности она регулирует единство корпоративного пространства, которое позволяет создать правильное первое впечатление об организации [1]. Кроме этого, она обеспечивает связь эмоциональных проявлений сотрудников с их поведением. Это в той или иной степени позволяет интегрировать их в общеорганизационные ценности [3].

Одним из ярких механизмов влияния корпоративной культуры на эмоциональное состояние подчиненных является проведение совместных мероприятий, значимых для организации либо государственные праздники [2]. По мнению некоторых исследователей, это способствует единению коллектива, поиску и открытию точек соприкосновения и, соответственно, становлению благоприятного социально-психологического климата.

Многие исследователи разделяют корпоративную культуру (далее – КК) на несколько типов, известны классификации Г. Хофстеде, Дж. Зонненфельда, Д. Бека и К. Кована и других. Одной из наиболее распространенных классификаций также считается типология Ч. Хэнди, она достаточно часто используется на практике и включает в себя основных 4 типа.

КК Власти – характеризуется концентрацией власти в руках одного человека – лидера организации. Часто он является своеобразным примером для своих коллег, поэтому и в состав коллектива выбираются люди, нацеленные в первую очередь на достижение высоких результатов. В таких организациях люди находятся в условиях повышенной конкуренции и соревновательности. Естественно, не каждый человек способен вынести такую обстановку в долгосрочной перспективе. Социально-психологический климат в такой ситуации может быть благоприятным, обычно он отличается сильной эмоциональной заряженностью, повышенной активностью и, иногда спешкой. Психологическое и профессиональное выгорание – не редкость для организаций с подобным типом КК.

КК Роли – отличается четкой иерархией всех сотрудников. В таких организациях, для достижения целей и повышения эффективности важно соблюдение нескольких правил: роли должны быть конкретизированы и распределены максимально равномерно, в соответствии со способностями каждого отдельного сотрудника. В этой связи, грамотный подбор персонала становится одной из важнейших задач руководителя. Стабильность компании достигается за счет квалифицированных кадров, грамотного делегирования обязанностей и четких инструкций, в противном случае,

несоответствие человека занимаемой должности может разрушить не только его деятельность, но и работу всей организации. В идеале, социально-психологический климат в такой организации находится на достаточно хорошем уровне, он благополучен, сотрудники спокойны и уверены в своих действиях, потому что основной ценностью в этой организации считается роль и качественное ее исполнение.

КК Задачи – в ней также как и в предыдущем варианте КК большой упор делается на высокую квалификацию сотрудников, но отличие состоит в переносе основной ценности с выполняемой роли на ведущие задачи организации. Здесь наиболее ярко проявлен коллективизм, деятельность организации – это всегда процесс, основанный на объединении навыков и умений коллег, каждый отдельный человек становится участником процесса. Очень часто этот тип КК может быть одним из самых полезных для повышения эффективности организации, но как часто это бывает в подобных организациях – возможна потеря индивидуальности, работающих в ней людей. Плюсы этой КК для социально-психологического климата в том, что, для многих людей организация может стать практически семьей, но при этом, она может не потерпеть индивидуализма.

КК Личности – может рассматриваться как противоположность КК Задачи – ее основное отличие в умелом использовании индивидуальности и креативности каждого сотрудника, здесь именно человек представляет ведущую ценность для организации. Однако именно в таких организациях растет конкуренция, что может негативно сказываться на социально-психологическом климате, либо, при грамотном руководстве, поддерживать его.

Важно отметить, что независимо от того, какой тип КК представлен в организации, организация может либо развиваться, либо деградировать, т.к. это всегда напрямую связано с управленческими способностями руководителя. Но при этом нельзя забывать, что, так или иначе, любая КК будет всегда взаимосвязана с социально-психологическим климатом.

Таким образом, КК и социально-психологический климат организации – это параметры, которые не всегда поддаются контролю и непосредственному наблюдению, но они всегда взаимосвязаны друг с другом и с эффективностью организации.

Литература

1. *Гриднева Е.А.* Фирменный стиль как проблема современной эстетики / Е.А. Гриднева – НН.: Вестник Нижегородского

университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – №6. – С. 288-292.
2. *Окатов А.В., Соловьев Д.А.* Понятие и виды корпоративной культуры / А.В. Окатов – Вестник Тамбовского университета. – 2017. – №3 (11). – С. 35-47.
3. *Скульмовская Л.Г., Клименко А.А.* Корпоративные ценности как фактор развития корпоративной культуры / Л.Г. Скульмовская – Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – №4. – С. 101-105.

Человеческий и социальный капитал организации

Почебут Л.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ludmila.pochebut@gmail.com
Безносов Д.С.
СПбГИПСР, Санкт-Петербург, Россия
don_bizon@inbox.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, № 19-013-00560

В настоящее время социология и социальная психология тесно взаимосвязаны с экономическими теориями. Расширив понятие «капитал», экономисты стали использовать его и в социологии. Прежде всего, это проявляется при изучении человеческого и социального капиталов общества и организаций. Постепенно это понятия становится важной категорией и социальной психологии. Переход от индустриального и постиндустриального к информационному обществу потребовал от ученых поиска адекватных возможностей и способностей человека, необходимых для жизни в новых социальных условиях.

Человеческий капитал (human capital) определяется по объему компетенций (знаний, умений, навыков) человека как активного члена общества, сотрудника конкретной организации. В науку этот термин ввел американский экономист Дж. Минсер (J. Mincer) в 1958 году. Большую известность приобрело уравнение Минсера, в котором он утверждал, что заработная плата работника является функцией полученного профессионального образования и накопленного опыта работы. Это две основные составляющие человеческого капитала [7]. Затем Г. Шульц (T. Shultz) и Г. Беккер (G.S. Becker) обосновали экономическую эффективность вложений в человеческий капитал. Г. Щульц утверждал, что человеческий капитал является

основополагающим фактором производства, главным двигателем современной инновационной экономики. Инвестиции в человека приводят к развитию созидательных способностей, поддержанию здоровья [9]. Г. Беккер изучал человеческий капитал организации и определял его как совокупность навыков, умений и знаний. Инвестиции в человеческий капитал включают затраты на образование, обучение и повышение квалификации. Он выделял общие и специальные инвестиции в человека. Общие инвестиции в образование, по его данным, дают примерно 12-14% годовой прибыли. Специальная подготовка сотрудников дает фирме конкурентные преимущества и репутацию [4].

Постепенно сформировался экономический подход к объяснению поведения человека, появилось такое направление как экономическая психология [1].

Большой вклад в развитие теории человеческого капитала внес американский экономист С. Кузнец (S. Kuznets). Сравнив опыт передовых в экономическом отношении и развивающихся стран, на первое место он поставил достаточность стартового накопления человеческого капитала. Высокий уровень и качество образования оказались, естественно, самым значимым фактором технологического развития, рыночных преобразований экономики, проведения институциональных реформ [6].

Существует широкое и узкое понимание человеческого капитала. В широком смысле человеческий капитал – это образовательный уровень населения страны, существенный фактор экономического развития. В узком смысле человеческий капитал включает физическое здоровье и интеллектуальный потенциал [2].

Развитие человеческого капитала неразрывно связано с социальным капиталом. Под социальным капиталом понимаются особенности социальной организации фирмы, повышающие эффективность координации действий сотрудников, сплоченность и устойчивость взаимного доверия друг к другу и руководству.

Феномен социального капитала стал изучаться с середины XX в. Обширное исследование социального капитала в Италии провел Р. Патнэм. Сравнивая экономическое состояние северной и южной областей Италии, он пришел к выводу, что социальный капитал создается на основе взаимного доверия и социальной солидарности [8].

Большое внимание взаимосвязи человеческого и социального капитала уделял Дж. Коулмен. В статье «Капитал социальный и человеческий» (1996) он описал смену экономической парадигмы развития общества на социальную. Важнейшим фактором развития

становятся не только экономические факторы, сколько гуманитарные и социальные. Дж. Коулмен определил четыре типа капитала: 1) физический капитал – это инструменты, машины, производственное оборудование, он прирастает за счет инноваций и технологической революции; 2) финансовый капитал определяет уровень богатства страны (золотого запаса); 3) человеческий капитал обеспечивается повышением уровня образования и креативности людей, их способностью к новаторской деятельности; 4) социальный капитал выражается во взаимоотношениях людей, основанных на доверии, совместных ценностей и целей [5].

Как человеческий, так и социальный капитал могут быть четырех видов: 1) человеческий и социальный капитал общества; 2) человеческий и социальный капитал организации; 3) человеческий и социальный капитал социальной группы; 4) человеческий и социальный капитал личности. Таким образом, источниками гуманитарного составляющего капитала являются социальные и человеческие ресурсы, социальная солидарность и взаимные ожидания интеллектуальной и социальной помощи [3].

Литература

1. *Дейнека О.С.* Экономическая психология. СПб., СПбУ, 2000.
2. *Корчагин Ю.А.* Модернизация России должна начинаться с модернизации человеческого капитала. Воронеж: ЦИРЭ, 2005.
3. *Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В.* Социальный капитал личности. М., ИНФРА-М. 2014.
4. *Becker G.S.* Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
5. *Coleman J., James S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology 94 (Supplement): 1998. p. 95–120.
6. *Kuznets S.* Population, Capital, and Growth: Selected Essays, W.W. Norton, 1973.
7. *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy.1958-08.Vol. 66, iss. 4. P. 281–302.
8. *Putnam R.D.* The Prosperous Community. Social and Public Life // The American Prospect. Cambridge, Mass. Spring. 1993. N 13. p. 35–42.
9. *Shultz T.* Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968, vol. 6.

Проблема исследования стилистических особенностей вождения начинающих водителей

Расходчикова М.Н., Паваляева Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Вождение можно характеризовать как многокомпонентную совмещенную деятельность [3], так как водитель не только управляет транспортным средством – источником повышенной опасности, но и должен нести ответственность за свою жизнь и жизнь окружающих людей.

Надо сказать, что при рассмотрении проблемы безопасности дорожного движения фокус внимания исследователей сосредоточен на содержании и результате деятельности водителей, а также на взаимосвязи факторов, влияющих на принятие решений и осуществление тех или иных действий в различных дорожных ситуациях.

Среди профессиональных и личностных компетенций (soft-skills), предъявляемых в качестве требований для эффективного управления транспортным средством, в профессиограмме «водителя» наиболее часто указываются следующие:

- высокая стрессоустойчивость личности, способность выдерживать психоэмоциональные нагрузки;
- способность длительно выполнять однообразную, монотонную работу, не теряя при этом бдительности и критичности к ситуации;
- оперативное мышление, способность в кратчайшее время оценить дорожную ситуацию и принять правильное решение;
- способность к пространственным представлениям и прогнозу развития ситуации на дороге, умение видеть и понимать явные и неявные особенности поведения участников дорожного движения, и некоторые другие [4].

К личностным особенностям, препятствующим успешной реализации деятельности, следует отнести: слабость нервной системы, повышенную тревожность, утомляемость, низкую стрессоустойчивость. Важно подчеркнуть, что водитель, выступая как человек-оператор, исполняет следующие этапы деятельности по работе с информацией:

- прием информации относительно системы «автомобиль – дорога – среда – другие участники дорожного движения»;
- обработка и анализ полученной информации;

- выбор и принятие оперативных решений относительно необходимых управляющих действий;
- исполнение принятых ранее решений;
- получение обратной связи относительно адекватности принятых действий

Как показывает аналитический обзор, индивидуальный стиль деятельности является относительно устойчивым явлением и связан с совокупностью психодинамических свойств нервной системы, а также состоянием основных психических процессов [1; 5].

Исследовательский интерес, на наш взгляд, представляет то влияние, которое оказывают на поведенческие модели водителя его возраст и стаж. Возрастные особенности в достаточной степени определяют психодинамические свойства нервной системы человека, управляющего транспортным средством, его реакцию и принимаемые решения в меняющейся дорожной обстановке. Кроме того, имеют значение такие физиологические ограничения, как общее ухудшение зрения и слуха, снижение двигательных способностей, повышенная утомляемость и т. д.

Возраст является важной переменной как для понимания и прогнозирования индивидуального поведения водителя на дороге [2], так и для развития психологии дорожного движения в целом, однако его анализ необходимо строить с учетом следующих положений: 1) возрастные особенности водителей не имеют четких границ и могут быть поняты лишь в контексте отличительных признаков, детерминируемых особенностями индивидуального стиля деятельности; 2) кроме того, возрастные особенности водителей происходят под воздействием определенных общих социокультурных условий, и не могут рассматриваться без их учета, поскольку находятся между собой в социальном взаимодействии.

Общепринято считать, что наиболее «аварийным» является возраст водителя как слишком молодой (до 25 лет), так и пожилой/пенсионный (после 65 лет). Среди аспектов, характеризующихся зависимостью от возраста и стажа водителя, можно выделить:

- психодинамические свойства нервной системы;
- психофизиологические особенности внимания, памяти, мышления, связанные с возрастными особенностями;
- ценностные ориентации, направленность личности, социальные установки, оказывающие влияние на принятие решений водителя в дорожной ситуации;

- профессиональные навыки и их тренированность, а также другие особенности, косвенно или напрямую определяемые различием возраста и стажа водителей.

Изучение стилистических характеристик управления транспортным средством начинающих водителей обязательно должно проводиться с учетом их физиологического возраста как возможной детерминанты, обусловливающей особенности их водительской деятельности.

Литература

1. *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. 278 с.
2. *Кочетова Т.В.* Новое направление в психологии «Traffic Psychology»: зарубежный опыт, проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Том 1. № 2. С. 39–48. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52264.shtml (дата обращения: 12.04.2020).
3. *Лобанова Ю.И.* Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 1. С. 76- 84. doi: 10.15643/libartrus-2015.1.10.
4. *Лобанова Ю.И.* Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/v/vozhdenie-kak-deyatelnost-povedenie-i-stilevaya-harakteristika (дата обращения 10.04.2020).
5. *Погодина А.В.* Водители и пешеходы мегаполиса в представлениях друг друга // Социальная психология и общество. 2018. № 4. С. 19-32.

Индивидуально-психологические особенности личности военнослужащих, склонных к зависимому поведению

Рафикова В.С., Ярошенко Е.И.
ФГБОУ ВО СГУ, Саратов, Россия
rafikova-vika@bk.ru, yarosh667@gmail.com

В настоящее время все позитивные и негативные поведенческие тенденции, свойственные обществу, проявляются в поведении военнослужащих: «Армия есть зеркало общества» [5]. Актуальность

исследования проблемы зависимого (аддиктивного) поведения не вызывает сомнений в связи с тем, что в настоящее время в условиях социально-экономических изменений, социальных стрессов, возрастают требования, предъявляемые к профессиональным качествам личности военнослужащего, в связи с чем происходит возрастание у них аддиктивных форм поведения. На сегодняшний день задача по раннему выявлению аддиктивного поведения у военнослужащих остается не до конца разрешенной. Подавляющее число лиц с аддиктивным поведением – это молодые люди мужского пола в возрасте до 30 лет, годные по состоянию здоровья к военной службе, что негативно отражается на качестве комплектования ВС РФ [4, с. 4]. Змановская Е.В. определяет аддиктивное поведение как одну из форм отклоняющегося поведения личности, которая связана со злоупотреблением чем-то или кем-то в целях саморегуляции или адаптации [2, с. 119].

Целью нашего исследования явилось установление связи между индивидуально-психологическими особенностями личности и формами аддиктивного поведения военнослужащего.

Эмпирический базис исследования составили 17 военнослужащих в возрасте от 26 до 35 лет, проходящих военную службу по контракту в Саратовской области.

Методы исследования:

1. наблюдение.
2. беседа.
3. тестирование с использованием психодиагностических методик:

- «Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей» (Г.В. Лозовая) [1, с. 15-18];
- «Тест восьми влечений» и его модификация – «Метод портретных выборов» (Л. Сонди, в адаптации Л.Н. Собчик) [3];
- математико-статистическая обработка данных: корреляционный анализ (с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона).

В настоящем исследовании для нас представляют особую важность в условиях военной службы такие виды зависимостей, как наркотическая, игровая [6, с. 244-248] и зависимость от алкоголя.

В результате проведенного исследования и на основании полученных данных мы можем констатировать, что военнослужащих с наркотической зависимостью, а также высокой степенью склонности к остальным формам аддиктивного поведения выявлено не было. Полученные результаты указывают на то, что среди военнослужащих

преобладают испытуемые с низким уровнем - 65 % (11 человек) и 94 % (16 человек) склонности к алкогольной и игровой зависимостям соответственно. Вторую по численности группу составляют военнослужащие со средним уровнем - 35 % (6 человек) и 6 % (1 человек) соответственно.

Статистический анализ результатов исследования производился с использованием программы статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 23. Применение корреляционного анализа Пирсона позволило установить достоверную связь между индивидуально-психологическими особенностями личности (методика Сонди) и формами аддиктивного поведения (методика Лозовой), а именно:

- алкогольной зависимости и фактора e^+, т. о., установлено, чем больше в человеке проявляются черты доброжелательности и мягкости, простодушия, сострадания, терпимости и способности к сочувствию, тем сильнее будет его влечение к злоупотреблению спиртными напитками;
- алкогольной зависимости и фактора k^-, что позволяет проследить закономерность: чем ярче у военнослужащих проявляются тормозимые черты характера, опустошенность, вытеснение реальных причин неудовлетворенности, стремление к отказу от реализации своих потребностей, к изоляции, тем в большей степени они неспособны отказаться от чрезмерного употребления алкоголя, выбирая его в качестве способа расслабления;
- наркотической зависимости и фактора p^+, что означает: чем больше человеку свойственна экстраверсия, пылкость, эмоциональность и переоценка себя, тем в большей степени он склонен к употреблению наркотических средств и психотропных веществ.

Анализ полученных данных позволил нам прийти к выводу, что в изучаемой выборке отсутствует высокая степень предрасположенности к зависимым формам поведения. В эмпирической группе у военнослужащих установлен средний уровень алкогольной и игровой зависимостей. Выявлены прямые корреляционные связи между зависимостью от алкоголя и факторами e^+, k^-, а также наркотической зависимостью и фактором p^+.

Представленные результаты исследования на данный момент времени, ввиду малой выборки, сложно экстраполировать на всю генеральную совокупность. С целью верификации данных, нами планируется расширение выборки исследования, а также проведение психофизиологического исследования с использованием полиграфа,

как метода получения объективных данных, не поддающихся сознательному контролю и искажению.

Литература

1. Диагностический портфель для определения склонности к аддиктивному поведению / Под общ. ред. Иониной О.В. – Тула: ГУ ТО «Региональный центр «Развитие», 2019.
2. *Змановская Е.В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. М.: «Академия», 2004.
3. *Собчик Л.Н.* Метод портретных выборов - адаптированный тест Сонди. Практическое руководство. СПб.: «Речь», 2002.
4. *Тихенко В.В.* Профилактика аддиктивного поведения у военнослужащих (с позиций многоосевой диагностики): Дис. канд. мед. н. СПб., 2016.
5. *Цветкова Е.* Армия есть зеркало общества. URL: https://nstar-spb.ru/news/federal/armiya-est-zerkalo-obshchestva/.
6. *Ярошенко Е.И., Рафикова В.С.* Особенности проявления аддиктивных форм поведения в среде военнослужащих (на примере исследования игровой зависимости) // «Психология интегральной индивидуальности в современном обществе»: сб. материалов Международной научно-практической конференции (22 октября 2019 г., Саратов) / Под ред. Т.В. Белых, Г.В. Грачева – Саратов: «Наука», 2019.

Сравнительный анализ культурных ценностей России и Казахстана

Ромашева Ж.Ж.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
zhanagul.rom@mail.ru

Россия и Казахстан входят в группу восточно-европейских стран и объединены общностью культур, что предполагает схожие паттерны поведения. В свою очередь, географическое положение этих стран между Европой и Азией обуславливает наличие в культуре черт и Востока, и Запада. Однако выраженность этих черт в культурах Казахстана и России различно, что и вызвало научный интерес к данной проблематике. За основу исследования культурных ценностей

были выделены 5 основных параметров, согласно теории культурных измерений Г.Хофстеде.

Сравнительный анализ параметра «дистанция власти» показывает, что уровень неравенства как в Казахстане, так и в России достаточно высокий. При мировом среднем показателе 55, в Казахстане этот индекс достигает 92 (1; с.70), а в России 93 баллов (3). Эти данные подтверждены результатами исследовательской программы по глобальному анализу лидерства и поведения в организациях GLOBE (4) (Казахстан – 5,31, Россия – 5,52). Отсюда следует, что казахстанское и российское общество одинаково терпимо относятся к неравномерному распределению власти между его членами. Так, существует ярко выраженная иерархия во взаимоотношениях между работниками и начальником, населением и институтами власти обеих стран.

Однако если значения дистанции власти, по результатам разных исследований, в Казахстане сходны, то в России они не столь однозначны. Так, Н.В. Латова (2; с.166), отмечает наличие низкой дистанции власти (28) в российском обществе.

Следующий параметр определяет зависимость представителей одной культуры друг от друга – «индивидуализм-коллективизм», по которому в Казахстане получены достаточно низкие показатели – 32 балла [1. с. 71], в России показатели чуть выше – 39 [3] (в других странах средний уровень – 24 балла). Что характеризует казахстанское общество как более коллективистское, по сравнению с российским. Данные проекта GLOBE [4], наоборот, свидетельствуют о более высоком уровне коллективизма в России (групповой коллективизм – 5,63; институциональный коллективизм – 4,5), чем в Казахстане (групповой коллективизм – 5,26; институциональный коллективизм – 4,29). В то же время, противоположными вышеизложенному являются результаты исследования Н.В. Латовой, согласно которым, российскому обществу присущи западные черты - «индивидуализм» (61) [2, с.166].

Параметр «мужественность – женственность» отражает индивидуальные модели поведения индивида в обществе, какими способами он достигает целей, как выстраиваются взаимоотношения мужчины и женщины. Страны мужественного типа нацелены на достижение материального благополучия, ориентированы на результат, в странах женственного типа в приоритете забота о других, милосердие, взаимоуважение, конкуренция стоит на втором месте. Заметим, что по этому параметру выявлены значительные различия ценностей казахстанского общества и российского. Так, Казахстан характеризуется преобладанием мужественности – 52 балла [1, с. 71],

а Россия – женственностью 36 баллов [3]. Кроме того, данные GLOBE [4] по показателю «Уверенность» или «Напористость» подтверждают наличие маскулинных черт у казахстанского общества (4,46) и феминных черт у российского общества (3,68).

Четвертое измерение Хофстеде «избегание неопределенности» показывает, как себя чувствуют люди в неопределенной ситуации, вызывает ли неопределенность чувство страха и насколько стремятся люди к структурированности и стабильности. Показатели по данному параметру высокие как в Казахстане (93 балла) [1, с.72], так и в России (95 баллов) [3]. С другой стороны, по результатам проекта GLOBE [4] у казахстанского общества уровень избегания неопределенности (3,66) выше среднего и сравнительно низкий (2,88) – у российского.

Следует выделить еще один параметр, по которому имеются различия между Казахстаном и Россией – это «краткосрочная / долгосрочная ориентация». Как правило, это измерение выражается в предпочтении планировать будущее и инвестировать в него или удовлетворять желания в настоящем. Данные в работе Ш.К. Жаркынбековой и Р.Ф. Жусуповой [1, с.72], свидетельствуют о краткосрочной ориентации (48 балла) Казахстана, чему противоречат значения проекта GLOBE [4], по которым Казахстан более ориентирован на будущее (3,57). Россия же, по данным исследования Хофстеде [3] больше ориентирована на будущее (81 балл), однако по результатам проекта GLOBE [4] имеет краткосрочную ориентацию (2,88).

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на общую историю, промежуточное географическое положение между Европой и Азией казахстанская и российская культуры имеют свои особенности. Так, казахстанская культура характеризуется маскулинностью, большой дистанцией власти и коллективизмом, российской же культуре присуще феминность. Что касается остальных параметров, то здесь имеются разногласия результатов исследований разных авторов. Это может быть связано с различными факторами, например, такие, как время проведения, выборка, методы исследования. В связи с этим отмечаем наличие потребности в проведении собственного исследования культурных ценностей Казахстана и России.

Литература

1. *Жаркынбекова Ш.К., Жусупова Р.Ф.* Теория измерений Хофстеде для развития межкультурной компетенции (на

примере Казахстана) // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика. 2019.
2. *Латова Н.В.* Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г.Хофстеда) // Вестник «Институт социологии». 2016. № 4 (19).
3. *Hofstede G*. Dimension data matrix. URL: https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/ (дата обращения 12.04.2020)
4. The GLOBE Studies. URL: https://globeproject.com/results/countries/ (дата обращения 12.04.2020)

Субъективная оценка самоэффективности и тревожности личности среди фанатов корейской популярной музыки

Рубцова Е.А.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
elizavetaray@gmail.com
Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nkochetkov@mail.ru

В современную эпоху, где огромную роль играют социальные сети, все большее количество молодежи обращается к виртуальным сообществам. Однако виртуальный стиль жизни, чаще всего, имеет свои характерные особенности. Одним из примеров виртуальных сообществ являются фандомы – интернет-объединения читателей, зрителей сериалов, кинофильмов и слушателей определенного музыкального жанра. Согласно утверждению Г. Джекинса, фандомы имеют четко выраженную форму, которая определяется интеллектуальным и эмоциональным вкладом в общее дело [3]. Стараясь реализовать общую цель в конкретном предмете деятельности, группа изменяет себя, совершенствуя свою структуру и преобразуя ее в систему межличностных отношений [2]. Яркий пример проявление на современном этапе развития фанатской деятельности являются фандомы, организованные в поддержку исполнителей корейской популярной музыки (кей-поп). Основная специфика функционирования кей-поп фандомов заключается в участии в многочисленных голосованиях на музыкальных платформах, стриминговой деятельности, выдвижению хештэгов в социальных сетях в поддержку исполнителей и т.п.

Надо заметить, что корейская музыка транслирует в качестве одной из главных ценностей высокую самоэффективность человека, что характерно для многих азиатских культур [1]. Поскольку фандомы являются «движущей силой», способной к серьезному информационному продвижению или протесту [3] событий, связанных с артистами, то, учитывая стремление к высокой самоэффективности, на каждого члена подобного объединения накладывается личная ответственность, которая усиливается при приближении того или иного значимого события в жизни музыкального коллектива, а, следовательно, усиливается и тревожность. Исходя из этого, мы выдвинули следующую гипотезу: у фанатов популярной корейской музыки будут наблюдаться высокие оценки самоэффективности и тревожности.

Цель нашего исследования – выявить уровень субъективной оценки самоэффективности и показатели тревожности фанатов кей-попа.

Для достижения данной цели нами было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих методик: методика изучения общей самоэффективности личности (Р. Шварцер, М. Ерусалем в адаптации В. Ромека); тест определения уровня самоэффективности (Дж. Маддукс и М. Шеер, модификация Л. Бояринцевой); шкала самооценки тревожности (тест Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина). Общее количество респондентов – 42 человека. Из них были выбраны только те результаты, которые отвечали следующим требованиям: количество лет пребывания в фандоме – от одного года и более; количество времени, уделяемого на прослушивание и получение информации о кей-поп индустрии – более одного часа в день, постоянное и активное участие в деятельности фандома; изучение теорий и концептов, связанные с кей-поп группами. После редуцирования выборки итоговое количество респондентов составило 21 человека. В качестве контрольной группы были взяты люди (количеством 26 человек) той же возрастной группы (18-25 лет), которые не являются кей-поп фанатами.

Результаты эмпирического исследования показали, что в среднем слушатели корейской популярной музыки оценивают самоэффективность ниже нормы (средний балл – 15,2), тогда как у группы «не-фанатов» данный показатель значительно выше (21,3). У фанатов кей-поп направления показатель по реактивной тревожности составляет 31,4, а по личностной – 52,2; у «не-фанатов» 26,6 и 48,4 также соответственно. Однако ни одно из различий не достигает уровня статистической значимости (обработка результатов проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни), что говорит о

том, что полученные данные можно рассматривать только как тенденцию. Однако даже на ее уровне можно сказать, что наша гипотеза подтверждается только частично – в сфере тревожности, которая возникает, вероятно, вследствие увеличения ответственности в результате участия в жизни фандома. Интерпретация различий в оценке самоэффективности – цель наших дальнейших исследований.

Итак, полученные данные не дают нам точных ответов на заданные вопросы, однако задают траекторию изучения влияния феномена корейской популярной музыки на формирование и развитие личности, которая до сих пор остается актуальной в современном мире.

Литература

1. *Крысько В.Г.* Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М., 2002.
2. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
3. *Jenkins H.* Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture. New York, 2006.

Культурные и этнопсихологические особенности современной России

Русских А.В. Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

atlanta-s@yandex.ru, aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru

Россия – огромная многонациональная страна. Каждый из населяющих ее народов характеризуется культурными, религиозными, этническими и психологическими особенностями. Самым многочисленным народом, проживающим по всей территории России, являются те, кто относит себя к русским.

Под влияние географической и культурной среды изменяются и ценностные ориентации народов современной России. Определенный жизненный опыт, накопленный в условиях изменяющегося мира, обретает свое представление в целях, представлениях, идеалах личности и определяет формирование культурных особенностей, ценностных ориентаций.

Повышенный интерес исследователей к проблеме культурных и этнопсихологических особенностей является результатом более

глубокого понимания природы человека, его социокультурной обусловленности, целостности.

Целью нашего исследования является сравнительное эмпирическое исследование культурных и этнопсихологических особенностей русских, проживающих в центральном (столичный регион) и проживающих на периферии (Кировская область).

Для изучения этнической идентичности использовалась методика Дж. Финни. Методика позволяет рассмотреть два компонента выраженности этнической идентичности: когнитивный и аффективный. Для изучения ценностных ориентаций двух групп респондентов использовался ценностный опросник Ш. Шварца. Под ценностями подразумеваются потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества.

В исследовании приняли участие 223 респондента: 123 респондента, проживающих в Кирове и Кировской области и 100 респондентов, проживающих в Москве и Московской области.

Исследование проводилось с целью выявления взаимосвязи ценностных ориентаций и этнического самосознания.

После получения результатов был произведен анализ полученных с помощью математической статистики данных, произведена интерпретация и подведены итоги исследования. Полученные результаты дают понимание роли ценностей исследуемых культур в становлении личностных особенностей.

К вопросу исследования профессиональной зависти у магистрантов с различным мотивационным профилем личности

Саранчина Т.А., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sta19_96@mail.ru

Для современного общества характерно множество процессов, которые вызывают чувство зависти по отношению к кому-либо. Зависть может ярко проявляться в профессиональной сфере, где для каждого сотрудника организации свойственно сравнивать себя и свои профессиональные достижения с достижениями других людей. Так как процесс достижения целей в профессиональной среде для некоторых сопряжен с определенными трудностями, то это вызывает ощущение неравенства, несправедливости, обостряет конкуренцию и может привести к проявлению профессиональной зависти.

Стоит отметить, что проблематика изучения зависти осложняется тем, что данный психологический феномен очень многогранен [2]. В ряде психологических исследований зависть трактуется как неоднозначное чувство, которое, с одной стороны, может погубить человека, а с другой – стать толчком для развития и улучшения жизни. Это чувство проявляется различным спектром чувств, будь то раздражимость, неприязнь, ревность, обида к какому-либо человеку [1; 3].

На протяжении долгих лет существования человечества зависть являлась постоянным элементом жизни. Другими словами, зависть «дана человеку» [3] от природы и на протяжении жизни мы сравниваем себя с другими. Таким образом, появляются мысли, связанные с тем, что кто-то лучше тебя самого. Философы, учёные из разных областей наук изучали и анализировали чувство зависти. Данная проблематика привлекла внимание не только философов и психологов, но и представителей точных наук. В трудах античных философов есть первые упоминания о феномене зависти (Платон, Аристотель, Эпикур).

Анализируя литературные источники, можно заключить, что зависть – это некое отрицательное чувство, которое оказывает разрушающее влияние на психику человека. Задор, желание состязаться и конкурировать – это проявление зависти и ревности к достижениям и успехам других людей.

В связи с явным влиянием зависти на жизнь человека и недостаточным пониманием представителей нашего социума о последствиях проявления зависти как деструктивного чувства, разрушающего межличностные взаимоотношения сотрудников организаций, возникает потребность в детальном изучении зависти в профессиональной сфере. Зависть является неустранимым элементом социальной жизни человека и одним из сильнейших регуляторов межличностных отношений [1; 4].

В контексте предстоящего исследования, планируется изучение особенностей профессиональной зависти у магистрантов с различным мотивационным профилем личности и рассмотрение взаимосвязей зависти с мотивами профессиональной деятельности.

Литература

1. *Бескова Т.В.* Методика исследования завистливости личности // Вопросы психологии. – М., 2012.
2. *Ильин Е.П.* Психология зависти, враждебности, тщеславия. – СПб., 2014.

3. *Согомонов А.Ю.* Социально-нравственная природа зависти // Философские науки. – М., 2002.
4. *Соколова Е.Е.* Психология зависти // Педология. Новый век. – М., 2002.

К вопросу представлений о браке студентов колледжа, воспитанных в полных и неполных семьях

Свирепова Д.Ф., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
svirepovadar@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

В современном обществе становятся заметны изменения в построении брачных отношений, меняется представление о нем. Возраст вступления в брак становится все более поздним, а форма брака все чаще приобретает форму сожительства, но несмотря на это, семья все так же остается важнейшим социальным институтом, именно в семье происходит формирование личности человека [1]. Для молодежи усвоение семейных ценностей, которые являются важным фактором регуляции взаимоотношений между членами семьи, способствует процессам адаптации и социализации [2]. Таким образом, довольно актуальным является исследование представлений о браке современной молодежи. При этом, изучая данный вопрос, важно учитывать состав семьи, в которой растет человек. На данный момент с каждым годом увеличивается процент неполных семей в России (на 2012 год – 30%).

Целью нашего исследования является изучение социально-психологические аспектов представлений о браке студентов колледжа, воспитанных в полных и неполных семьях. Мы предположили, что у студентов колледжа, воспитанных в полных и неполных семьях будут различны ожидания от брака, притязания в браке, оценка брака, а доминирующие ценности, лежащие в основе представлений о браке студентов, воспитанных в полных семьях, будут связаны с получением удовольствия, а в неполных – с развитием. При проверке гипотез использовались следующие методики: опросник "Ролевые ожидания и притязания в браке" (РОП), А.Н. Волковой, методика М. Рокича «Ценностные ориентации», методика «Семантический дифференциал», дополнительные вопросы о составе семьи. В исследовании приняли участие 118 студентов, обучающихся на первых курсах московского коллежа. Из них 67 девушек и 51 юноша. 46 опрошенных воспитаны в неполных семьях и 72 в полных.

В результате исследования, мы подтвердили наличие различий в представлениях о браке студентов колледжа, воспитанных в полных и неполных семьях. Во-первых, различия ($p \leq 0,05$, использовался U-критерий Манна-Уитни) были обнаружены в значимости различных сфер семейной жизни между студентами, воспитанными в полных и неполных семьях. Для студентов, воспитанных в полных семьях, организация быта в семье имеет большее значение, чем для студентов, воспитанных в неполных семьях. Также для студентов, воспитанных в полных семьях функции родителя, являются более значимыми, чем для студентов, воспитанных в неполных семьях. В таком случае мы видим, что студенты из полных семей в большей степени считают родительство основной ценностью семьи, вокруг которой должна концентрироваться жизнь семьи. Такое различие, может быть связано с тем, что респонденты, которых воспитывали только матери, оказывались в условиях, когда родитель должен сам заботиться о всех сферах семейной жизни, ответственность не распределяется на двух родителей. При этом время и усилия, затраченные на воспитание и ведение быта, оказываются меньшими чем у родителей, которые воспитывают ребенка вместе. При этом, студенты из полных семей имеют более высокие ожидания к партнеру в вопросе активного участия в выполнении бытовых дел.

Значимые различия обнаружены при рассмотрении фактора «оценка» в категории брак. При этом он более выражен у студентов, воспитанных в полных семьях. Получается, что студенты, воспитанные в полных семьях, оценивают брак, более положительно, чем студенты, воспитанные в неполных семьях. Это может объясняться тем, что само понятие «брак» подразумевает под собой отношения между мужем и женой. Так как И если студенты, воспитанные в полных семьях, видят перед собой пример таких отношений, в отношениях между своими родителями, то студенты из неполных семей, воспитываясь, как правило, матерью-одиночкой, не видят взаимоотношения партнеров в браке (а пережившие развод родителей видят, как брак распадается). Все это может оказывать влияние на более негативную оценку брака.

В жизни человека ценности – это некий ориентир, с которым можно соотносить свое поведение. Они воплощают собой обобщенные представления людей о различных целях и нормах поведения [3]. Ценности достаточно стабильны и трудно подвергаются изменениям, именно поэтому конфликт ценностей, может оказаться самым сложным конфликтом семьи. В нашем исследовании были изучены доминирующие ценности, лежащие в основе представлений о браке студентов, воспитанных в полных

семьях и неполных семьях, они также имеют свои различия. Терминальная ценность «удовольствие» больше выражена у студентов, воспитанных в полных семьях, а «познание» и «творчество» – в неполных. Инструментальные ценности «аккуратность», «исполнительность» больше выражены у студентов, воспитанных в полных семьях, а «образованность», «ответственность», «самоконтроль» – в неполных.

Литература

1. *Андреева Т.В.* Семейная психология: Учеб. пособие. СПб., 2004.
2. *Гроздова Е.В., Лидерс А.Г.* Комплементарность супругов и удовлетворенность браком // Семейная психология и семейная терапия. 1997. № 2.
3. *Целуйко В.М.* Психология ребенка из неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей. М., 2006.

Взаимосвязь телесных показателей образа Я и самоотношения студентов

Сергеева О.Г., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

В данном исследовании предпринята попытка выявить взаимосвязи образа тела с компонентами самоотношения. Образ тела – многомерное понятие, которое включает в себя восприятие человеком собственного тела, эмоциональную оценку, представления окружающих и т.д. Образ тела воплощает собой целую систему представлений человека о своем теле, в которой основной составляющей выступает представление субъекта о собственном физическом «Я» [1]. Ряд исследователей сходится во мнении, что восприятие собственного тела, своей внешности имеют сильное влияние на протекание жизненных процессов, эмоциональное состояние, межличностные отношения, формирование самосознания и самоотношения индивида [2].

В качестве респондентов в исследовании участвовали 69 студентов в возрасте от 18 до 25 лет (среди них 18 мужчин и 51 женщина). Для проведения исследования были выбраны методики, разработанные Т.Ф. Кэшем: опросник отношения к собственному телу, шкала

состояний образа тела. Также в ходе работы был применен тест - опросник самоотношения В.В. Столина.

Результаты исследования показали наличие значимых корреляционных связей между компонентами самоотношения (по иерархической модели структуры самоотношения В.В. Столина) [3] и показателями образа тела (Т.Ф. Кэш) [4]. Согласно полученным статистическим данным интегральный показатель самоотношения (Шкала S) имеет обратную двустороннюю взаимосвязь с показателем ориентации на внешность (ОрВн). Это означает, что чем меньше человек ориентирован на внешность, тем больше он склонен к внутренней положительной оценке самого себя. Можно предположить, что внутренняя расположенность к себе в меньшей степени зависит от внешних факторов, и имеет более глубинные основания. Также Шкала S прямо коррелирует с такими показателями, как удовлетворенность внешностью в целом, чувство собственной привлекательности, оценка своей внешности по сравнению с внешностью среднестатистического человека. Чем выше оценка своей внешности и удовлетворенность ей, тем более выраженно чувство «за себя». Данные связи могут свидетельствовать о том, что удовлетворенность внешностью положительно сказывается на уверенности, облегчает процесс принятия себя, что является неотъемлемой частью формирования положительного отношения к себе.

Высокие оценки по компонентам самоотношения – самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес, самоуверенность, самопринятие и самопонимание – взаимосвязаны с высокими показателями чувства собственной привлекательности у респондентов. Чем сильнее выражено чувство внешней привлекательности, тем лучше человек принимает и понимает себя, ощущает уверенность в своих силах, находится в близком контакте с собой. Такой показатель как самообвинение имеет обратную взаимосвязь с чувством физической привлекательности. Люди, которым свойственно ярко выраженное чувство собственной привлекательности меньше склонны к осуждению, направленному на самого себя.

Ориентация на внешность в большей степени свойственна респондентам с низкими показателями самоуважения, аутосимпатии, самопринятия, самопонимания (обратная корреляция). Из этого можно предположить, что чрезмерная озабоченность внешним видом, большая значимость его в жизни негативно сказывается на одобрении себя в целом. При этом ориентир на внешнюю составляющую способствует развитию самоуверенности и самообвинению.

Позитивная оценка своей внешности по сравнению с внешностью среднестатистического человека имеет значимую корреляционную связь с высокими показателями самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса, самопонимания и низкими показателями самообвинения. Сопоставление себя с другими людьми имеет большую роль в восприятии и оценке себя, т.к. на примере других людей, индивид может выделить свои положительные и отрицательные характеристики.

По мимо вышеперечисленных взаимосвязей были обнаружены следующие корреляции: отрицательная корреляция между показателями самопринятия и озабоченностью лишним весом, прямая взаимосвязь самопринятия с оценкой собственного веса (демонстрирует способность индивида принимать себя таким, каков он есть в действительности), обратная взаимосвязь между саморуководством и оценкой веса, а также показателями самообвинения и удовлетворенность внешностью в целом. Таким образом люди с высокими показателями самопринятия адекватно оценивают свой вес и не озабоченны набором лишних килограммов, склонность к самообвинению наиболее характерна для людей, неудовлетворенных внешностью в целом.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что показатели образа тела и компоненты самоотношения образуют между собой большое количество статистически значимых связей. Показатели образа тела существенно сказываются как на самооценке в целом, так и на различных компонентах самоотношения. Полученные данные можно учитывать при работе над формированием адекватного самоотношения во время психологических сессий, а также для проведения дальнейших исследований, которые помогут раскрыть сущность причинно-следственных связей.

Литература

1. *Авдюнина Н.А*. Образ тела как компонент самосознания в юношеском возрасте // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016, №2
2. *Карабина Ю.С.* Эталон физической привлекательности как социокультурный фактор образа телесного я у женщин / Ю.С. Карабина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2010. – Том 16. – С. 144-148.
3. *Пантилеев С. Р*. Самоотношение как эмоционально-оценочная система: монография. — М.: Издательство Моск. ун-та, 1991

4. *Cash T.F., Pruzinsky T.* Body Image: A handbook of theory, research and clinical practice. — Guilford Press, 530 pp, 2004.

О понятии самоценности как отдельного компонента самосознания

Серебрякова К.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
egiazarian@yandex.ru

В своей работе психологи-практики часто используют понятие «самоценность». Однако его значение в психологической литературе не определено и используется часто как синоним различных компонентов или аспектов самосознания или Я-концепции. Самоценностью называют как когнитивный компонент самосознания (или Я-концепции), отождествляя ее с Образом Я, а именно с представлением индивида о себе, так и с отдельными аспектами эмоционально-оценочного компонента: самоуважением или самопринятием. Иногда самоценность определяют как Я-концепцию. Безусловно, различные компоненты и аспекты самосознания (или Я-концепции) тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, создавая единую структуру самосознания и начинают активно развиваться начиная с подросткового возраста [5], что создает основу для осознанного функционирования личности, ее ответственности за свою жизнь и адекватному взаимодействию с социумом и самим собой.

Однако вольное обращение с понятиями, смешение их значений вносит большую путаницу в практическую работу. На каждый компонент самосознания и его отдельные аспекты необходимо подбирать свой инструмент работы [6], медленно и тщательно корректируя каждый конкретный аспект самосознания.

Появившееся относительно недавно в обиходе понятие самоценность имеет важнейшее значение для практической работы. Его определение не сводимо к выделенным ранее компонентам и аспектам самосознания, а имеет отдельную практическую значимость, так как отвечает за совершенно иной компонент самосознания.

Те компоненты самосознания, которые были выделены ранее В.В. Столиным [7] и С.Р. Пантелеевым [4]: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты – являются отражением социальной стороны жизни человека и формируются благодаря обратной связи от социального окружения, прежде всего, конечно, от

родителей. Это вербальные и невербальные родительские послания, их оценки действий, внешности, способностей ребенка, их общее отношение к нему. Это вся система воспитания, которая формирует социальное Я человека, его социальный стержень, основу его личности.

В современном видении формирования Я-концепции основной, и, пожалуй, единственный акцент ставится на социальной составляющей сущности человека. И совершенно не берется в расчет, или лишь упоминается вскользь природная, биологическая сторона его существования. Однако в формировании Я-концепции природная составляющая играет не меньшую роль, чем социальная. Человек, согласно современным взглядам отечественной философии является частью природы и одним из бесчисленных ее звеньев, ее закономерностей и связей [9]. И человек ценен как любой живой организм, как полноценный элемент общей биологической системы Земли, ее составная и неотъемлемая часть. Ценен независимо от того, насколько он социально активен или полезен, ценен независимо от характера, силы или слабости его личности, морали, нравственности или вклада в социальную составляющую человечества.

Социальное и биологическое едины. Социальное не существует отдельно от биологического, не находится над ним, а переплетается, соединяется с биологической сущностью человека. [1; 3]. И если природе человека в раннем детском возрасте, особенно в младенческом, был нанесен непоправимый вред в виде травматического стресса, то социальное накладывается уже на слабую, травмированную природу и формируется в попытках преодоления последствий травматического стресса. Травматический стресс (имеется в виду физическое и/или сексуальное насилие) нарушает работу мозга, влияет на работу познавательных структур, приводит к психосоматическим болезням, [10] также ослабляющим организм живого существа [8]. Кроме того, травматический стресс остается в виде определенных телесных реакций на ситуации опасности. Травматический стресс «замораживает» телесные ощущения, ребенок перестает чувствовать свои телесные потребности, а значит и ощущать себя частью природы, неотъемлемой ее частью [2]. Если травма была нанесена близкими людьми – матерью или отцом, и если ребенок остался в условиях насилия любого рода: психологического, морального, эмоционального, не говоря уже о физическом и/или сексуальном, то эта оторванность от биологической основы усугубляется и приводит к тому, что ребенок перестает ощущать ценность своей жизни. Дальнейшее социальное воспитание, при добавлении общего отношения родителей к ребенку как к

функции, вещи усугубляет ощущение ребенка, что у него нет права на жизнь, что он ценен только в силу того, что он может дать обществу (родителям). Таким образом природная составляющая Я-концепции подменяется социальной и приобретает формы других компонентов и аспектов самосознания.

Тем не менее, самоценность человека, как природного, биологического существа является необходимым условием полноценного развития личности в ее единстве природного и социального. Поэтому выделение самоценности, в качестве еще одного компонента самосознания (Я-концепции) необходимо для практической работы, так как затрагивает совершенно иные структуры психического функционирования человека. И работать с этим компонентом необходимо иными инструментами, чем с когнитивным, эмоционально-оценочным и поведенческими компонентами.

Литература

1. Биологическое и социальное в развитии человека / Под общ. Ред. Б.Ф. Ломова. - М.: Наука, 1977. - 228 с.
2. *Левин Питер А.* Пробуждение тигра - исцеление травмы : природная способность трансформировать экстремальные переживания / - Москва : АСТ, 2007. – 318. - ISBN 978-5-17-045796-0
3. *Мамзин А.С.* Природа человека и проблема взаимосвязи биологоческого и социального.// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Изд-во: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 2015. Т.2. №4. С. 56-65. - ISSN:1818-6653
4. *Пантелеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 108 с. ISBN 5-211-02447-8
5. *Серебрякова К.А.* О соотношении компонентов самосознания у старших подростков // В сб. Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Под ред. М.Ю. Кондратьева, О.Б. Крушельницкой. – Вып. 2. Изд-во Московский городской психолого-педагогический университет. – 2004. С. 174-181. – ISSN: 5-94051-029-9
6. *Серебрякова К.А.* Проблема успеха в консультативной практике // Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2019. С. 266-300 ISSBN: 978-5-9558-0376-0

7. *Столин В.В.* Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности. Дисс. д-ра психол. наук. М., 1985. 530 с.
8. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса: Теория и практика//М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.- 304с. – ISBN 978-5-9270-0143-9
9. Философия: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Лавриненко, В.П. Ратникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 622 с.
10. *Felitti F.J., Anda R.F.* The Relationship of Adverse Childhood Experiences to Adult Health, Well-being, Social Function, and Health Care / The Effects of Early Life Trauma on Health and Disease: the Hidden Epidemic; ed. by R. Lanius, E. Vermetten, C. Pain. – New York: Cambridge University Press, 2010. Chapter 8.

Взаимосвязь типа гендерной идентичности и уровня агрессивности студентов

Серебрякова П.И., Пожарская Е.Л.
РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия
89152436050@mail.ru

В настоящее время тема гендерных отношений очень актуальна и является одной из проблем нашего общества. Большинство людей считают, что женщины и мужчины кардинально отличаются друг от друга. Так, мужчины независимы, сильные, логичные и серьезны, а женщины, в свою очередь, – сентиментальны, спокойны, общительные и мечтательные. Все эти характеристики основательно закрепились в сознании общества в виде стереотипов [2]. В тоже время, несмотря на все эти стереотипы, существует такая часть мужского пола, у которой более ярко выражены черты присущие женскому полу. А также существует некоторая часть женщин, у которых проявляются черты присущие мужскому полу.

Гендерная идентичность – это индивидуальное для каждого человека ощущение собственного гендера, а именно набор социально-психологических характеристик (характер, темперамент, поведение) [1].

В психологии выделяют маскулинность и феминность, которые определяют гендерную идентичность, это представления о нормах поведения мужчин и женщин.

Маскулинность (мужественность) является мужским образом, представлением о том, как мужчины должны себя вести, чем

интересоваться и заниматься. Это набор определенных поведенческих, физических, психологических признаков, которые свойственны мужскому сильному полу – сильный, властный, амбициозный, уверенный, самостоятельный.

Феминность (женственность) относится к женщинам, это представления о том, как должна выглядеть женщина, чем она занимается и как себя ведет в обществе и с близкими. Это такой набор качеств, который характерен для женщин: мечтательная, нежная, спокойная, очаровательная, добрая.

Из-за сильного давления общества, из-за круга общения, воспитания и других различных факторов формируется такая категория людей, как андрогинные. Андрогинность – люди, которые наделены признаками мужчин и женщин одновременно. Такие типы людей сами управляют мужскими или женскими ролями, то есть, решают, как будут себя вести, где применить мужские качества, а где женские.

Рассматривая мужчин и женщин с точки зрения агрессивного поведения, принято считать, что существует заметная разница. Так, мужчины чаще проявляют агрессию и являются инициатором данного поведения. Они привыкли решать различные конфликты, ссоры путем физической агрессии, кулаками. Женщины же, в свою очередь, менее агрессивны, они добродушны и миролюбивы [3]. Ведь если они начнут применять физическую или же другую форму агрессии, то будут испытывать чувства вины, чувство тревоги их не будет покидать, нежели мужчин. Изучая гендерные различия, в своих работах американские психологи Маккоби и Джеклин говорят, что агрессия – это единственное социальное поведение, для которого существуют доказательства, говорящие о совершенно явных половых отличиях.

Для изучения данной проблемы было проведено исследование, цель которого – выявить взаимосвязь между типом гендерной идентичности и уровнем агрессивности. Выборку составили студенты 1-3 курсов РЭУ им. Г. В. Плеханова в количестве 55 человек. Из них 25 юношей (реципиентов мужского пола) и 30 девушек (реципиентов женского пола). Каждому респонденту исследования было предложено пройти два теста, результаты которых далее обрабатывались и были проанализированы.

Методы исследования: полоролевой опросник Сандры Бем (известного американского психолога в области изучения гендерных проблем и психологической андрогинии), направленный на выявление доминирующего типа гендерной идентичности. Опросник Басса-Дарки, который определяет преобладающий вид агрессивности.

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. У реципиентов маскулинного типа проявляют высокий уровень физической агрессии, то есть респонденты предрасположены к применению физической силы: пытается различными способами нанести ущерб другому человеку (ударить, толкнуть, поцарапать). Феминному и андрогинному типам, в свою очередь, не свойства физическая агрессия.
2. У респондентов с феминностью ярко выражена косвенная агрессия, которая проявляется через сплетни, шутки — неявно направленные действия.
3. У маскулинного типа ярко выраженная повышенная возбудимость, раздражимость. Они готовы при любом раздражителе проявлять негативную реакцию. Большинству представителям феминного типа, также, не свойствен данный вид агрессии. Они более сдержаны и не проявляют неуравновешенность в незначительных ситуациях.
4. Многие респонденты феминного типа проявляют обиду на высоком уровне. Большинство из них переживают за причинённое оскорбление, за чувство несправедливости и т. д. У маскулинного типа уровень обиды склонен к среднему. Это свидетельствует о том, что данный тип реагирует на сложившиеся ситуации не всегда через обиду.
5. У респондентов с преобладающим андрогинным типом, ярко выражена вербальная агрессия, чем у остальных типов гендерной идентичности. А именно — нанесение морального вреда через слова: крики, угрозы, оскорбления. Данный тип — наиболее адаптивный, они приспосабливаются к различным ситуациям, которые возникают. И в зависимости от этого ведут себя совершенно по-разному.

Таким образом, гипотеза подтвердилась, что существует взаимосвязь между типом гендерной идентичностью и уровнем агрессивности у студентов. Результаты, полученные при исследовании, могут быть применены в различных областях социальной психологии. В дальнейшем планируется расширять выборку и провести данные методики в различных вузах.

Литература

1. *Бендас Т.* Гендерная психология. Учеб. пособие. - СПб.: Питер, 2005. - 431с.

2. *Васякин Б.С., Щербакова О.И., Пожарская Е.Л.* Исследование ценностных ориентаций личности и структурные особенности межличностных отношений в студенческой группе. Инициативы XXI века. 2016. № 3-4. С. 75-79.
3. *Овсяник О.А.* Особенности гендерных различий женщин, проявляющиеся в процессе социального взаимодействия. В сборнике: Проблема личности в контексте современной социальной ситуации развития детей, подростков и молодежи сборник материалов международной научно-практической конференции X Левитовские чтения в МГО. 2016. С. 106-109.

Взаимосвязь мотивов аффилиации с проблемным использованием интернета

Синичкина В.Р., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
veta-sin@yandex.ru, nkochetkov@mail.ru

С появлением компьютерной сети в 1960-х годах общение и взаимодействие людей между собой сильно изменилось. Интернет объединяет миллионы пользователей во всем мире. Значимость интернета, социальных сетей очень высока для современного человека. Если раньше телефон в основном использовали только для звонков, то теперь телефон чаще используют для переписки. Внедрение информационных технологий требует от человека определенных навыков и способствует появлению в его жизни психических новообразований. Активное взаимодействие в интернет-среде позволяет личности развиваться в самых различных направлениях. Такие феномены как анонимность, доступность открывают перед человеком большие возможности в сфере интернет-общения [1; 2]. Высокая скорость передачи информации позволяет пользователем преодолевать территориальные границы за считаные секунды. Скорость, доступность и анонимность обеспечивают не только комфорт в общении, но и открывают большую свободу слова. Такая коммуникация в интернете не требует моментального ответа, позволяя пользователю как следует подумать [3].

Цель исследования: выявить взаимосвязь между коммуникативными способностями и проблемным использованием интернета.

Гипотеза: выраженность мотивов аффилиации взаимосвязана с составляющими проблемного использования интернета.

Методики исследования: методика по определению коммуникативных и организаторских склонностей КОС–2; «Мотивация аффилиации» А. Меграбяна (в модификации М.Ш. Магомед-Эминова); общая шкала проблемного использования интернета (GPIUS-3).

Выборка исследования: в исследовании приняли участие 87 человек, из них: 67 человек женского пола и 20 мужского. Возраст испытуемых от 13 до 61. Наибольшее число испытуемых в возрасте 19–20 лет: 31 человек.

Для выявления корреляций использовался коэффициент Спирмена.

Значимые взаимосвязи получились между предпочтением онлайн-общения и стремлением к принятию ($r=0,405$; $p\leq0,01$), между предпочтением онлайн-общения и страхом отвержения ($r=0,426$; $p\leq0,01$). А также между выраженностью негативных последствий использования интернета и стремления к принятию ($r=0,372$, $p\leq0,01$), а также между страхом отвержения и когнитивной поглощенностью ($r=0,314$, $p\leq0,01$), страхом отвержения и компульсивным использованием интернета ($r=0,312$, $p\leq0,01$).

Из этих данных можно сделать вывод, что использование интернета часто носит компенсаторную функцию и позволяет реализовать ряд потребностей, в том числе, в общении. Так, можно предположить, что страх отвержения, равно как и стремление к принятию подталкивает человека к выбору онлайн-общения. Это происходит из-за того, что интернет дает возможность множества социальных контактов, что невозможно в реальном мире. Кроме этого, эти социальные контакты всегда можно быстро закончить, в том случае, если потребности индивида в данной интеракции не были реализованы.

Если же говорить про страх отвержения, то логично предположить, что он приводит к фрустрации, которая может проявляться в компульсивном поведении, когнитивной поглощенности.

Интересна взаимосвязь между стремлением к принятию и выраженностью негативных последствий использования интернета. Объяснить это можно вопросами нормы – так как человек существо социальное, а глубине социального не может быть предела, то стремясь к принятию в обществе, в группе, человек может переходить рамки нормы, за которой начинается аддикция. Подобного рода выводы требуют дополнительных исследований, которые обязательно будут реализованы в ближайшем будущем.

Литература

1. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. №4.
2. *Войскунский А.Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. №2.
3. *Чучкова Г.С.* Интернет–коммуникация как фактор личностного развития: на примере общения в чатах: Дис. канд. психол. наук. Москва, 2008.

Переживание внутренних конфликтов юношами и девушками, вовлеченными в романтические отношения

Смирнова Ю.С., Витко Д.Д.

Белорусский государственный университет,

Минск, Республика Беларусь

smiry@bsu.by, vitkodasha1505@gmail.com

Внешняя социальная жизнь субъекта во многом определяется содержанием его внутреннего мира: переживаний, ценностей, смыслов, убеждений, мотивов, интересов, предпочтений, опыта и т.д. Феноменология общения и межличностных отношений, наряду с прочими, имеет разнообразные внутриличностные предпосылки [1]. К ним можно отнести, в частности, переживаемые человеком внутренние конфликты, которые могут влиять на характер близких отношений, препятствуя их гармоничному развитию или, напротив, способствуя их успешному построению. Возможно и обратное влияние: гармоничные близкие отношения могут выступать в качестве ресурса, позволяющего субъекту достичь внутреннего баланса, но, будучи неудовлетворительными, такие отношения могут повысить уровень внутренней дисгармонии личности.

В рамках данной статьи мы остановимся на результатах исследования переживания внутренних конфликтов юношами и девушками с различным статусом романтических отношений. Для сбора данных использовались методики системы «Диагностика внутреннего конфликта» Е.Б. Фанталовой [3]. Внутренний конфликт трактуется как «состояние, когда ценностный объект малодоступен или не доступен совсем, «желаемое» не совпадает с «реальным»,

значимые потребности и ценности находятся в состоянии блокады» [3]. Для статистической обработки данных применялись таблицы сопряженности, критерий χ^2, U-критерий Манна-Уитни. В исследовании приняло участие 30 юношей и 30 девушек в возрасте от 18 до 25 лет. 51,7% респондентов отметили, что находятся в романтических отношениях, 43,3% указали, что на момент исследования являются свободными, 1 человек состоит в браке, остальные не ответили на этот вопрос.

Наиболее частыми в исследуемой выборке оказались внутренние конфликты в сферах материально-обеспеченной жизни (33,3% респондентов), счастливой семейной жизни (26,7%), здоровья (23,3%), уверенности в себе (21,7%), свободы как независимости в поступках и действиях (21,7%) и интересной работы (20%). Реже всего внутренние конфликты встречаются в области активной, деятельной жизни (1,7%), познания (1,7%) красоты природы и искусства (0%). У 46,7% респондентов уровень дезинтеграции мотивационно-личностной сферы является низким, у 31,7% – средним, у 21,7% – высоким. Значительное превышение ценности над доступностью материально-обеспеченной жизни и уверенности в себе сопряжено с переживанием внутренней напряженности, разлада с самим собой и внутренней тревоги; при наличии внутреннего конфликта в сфере интересной работы к этим состояниям добавляется апатия, нехватка сил. Внутренний конфликт в сфере здоровья связан с переживанием внутренней тревоги, в сфере счастливой семейной жизни – с состоянием внутренней напряженности, разлада с самим собой.

Далее, исходя из идеи о связи внешних социальных отношений с внутренними переживаниями субъекта, мы сравнили показатели внутренних конфликтов молодых людей, состоящих в романтических отношениях и считающих себя свободными. Статистически значимых различий в показателях дезинтеграции мотивационно-личностной сферы, уровня дискомфорта и количества переживаемых внутренних конфликтов обнаружено не было. Различия были обнаружены в частоте переживания внутренних конфликтов в сферах материально-обеспеченной жизни ($p=0,044$) и счастливой семейной жизни ($p=0,044$). Для респондентов, состоящих в романтических отношениях, значительное превышение ценности над доступностью материально-обеспеченной жизни (48,4%) и счастливой семейной жизни (38,7%) более характерно в сравнении со свободными от отношений (19,2% и 11,5% соответственно). Различий в частоте переживания внутреннего конфликта в сфере любви как физической и духовной близости обнаружено не было, но были обнаружены различия в характере его переживания ($p\leq0,048$): у молодых людей,

состоящих в романтических отношениях, в связи с расхождением ценности и доступности любви статистически значимо более выражены состояния внутреннего спокойствия, безмятежности и комфорта, а у свободных – состояния внутренней напряженности, разлада с самим собой, внутренней тревоги, апатии и нехватки сил. Возможно, связанный с неприятными переживаниями внутренний конфликт превышения ценности любви над доступностью имеет своей причиной как раз отсутствие значимых романтических отношений, а возможно, что такой конфликт побуждает избегать близких отношений как потенциального источника внутренней напряженности и тревоги. В этой связи интерес представляет изучение такого личностного ресурса как психологическая суверенность, которая, с одной стороны, помогает субъекту поддерживать чувство собственной ценности, безопасности, является предиктором эмоциональной устойчивости в период ранней взрослости [2], а с другой стороны, играет немаловажную роль в развитии социально значимых черт личности и определяет качество близких отношений [1]. Перспективу дальнейшего изучения взаимосвязи внутренних конфликтов и особенностей романтических отношений в период ранней взрослости может составить включение в дизайн исследования еще одной переменной – психологической суверенности как адаптивного ресурса, обеспечивающего внутренний баланс и сопряженного с гармонией внешних отношений.

Литература

1. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность и особенности межличностного общения // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 3.
2. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность как предиктор эмоциональной устойчивости в ранней и средней взрослости [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Том 4. № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Nartova_Bochaver.shtml.
3. *Фанталова Е.Б.* Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926.shtml.

Когнитивная флексибильность как фактор конфликтного поведения старших школьников

Смирнова Ю.С., Довгилович А.Е.
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь
smiry@bsu.by, ales.dovgilovich@mail.ru

Проблема психологической детерминации конфликтного поведения активно разрабатывается современными исследователями. Внимание к данной проблематике обусловлено довольно простой логикой: поведение оппонентов в конфликте определяет характер их взаимодействия и, в конечном счете, то, каким будет исход конфликта для его участников – конструктивным или деструктивным. Среди многообразия психологических факторов, детерминирующих поведение субъекта в конфликте, наше внимание привлекла группа когнитивных факторов, которых мы уже касались ранее в своих работах [4]. К ним можно отнести особенности восприятия себя и оппонента в конфликте, образ конфликтной ситуации, прототип конфликта, содержание и особенности атрибутирования в условиях конфликта и т.д. На значимость когнитивных факторов для успешного преодоления конфликта указывали многие авторы. Как отмечают Кашапов М.М. и Башкин М.В., когнитивный компонент наряду с мотивационным и регулятивным входит в структуру конфликтной компетентности как способности субъекта оптимальным способом преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликтов, как умения конструктивно их разрешать [2]. В рамках данной статьи мы остановимся на характеристике такого когнитивного фактора, как когнитивная флексибильность, под которой понимают «ментальную способность, характеризующую умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизнедеятельности» [3, с. 134].

Интерес к конфликтному поведению именно старших школьников обусловлен не только актуальностью проблемы конфликтов для них. В этот период формируется репертуар поведения, который в будущем составит основу конфликтной и конфликтологической компетентностей зрелой личности. В старших классах и в высшей школе этот поведенческий репертуар можно существенно расширить, уделив должное внимание развитию данных компетенций. Вопросу взаимосвязи конфликтного поведения и когнитивной флексибильности студентов мы уже уделяли внимание ранее [1].

Сейчас остановимся на результатах исследования, в котором принимали участие старшие школьники.

Для сбора данных использовались методика диагностики типа реагирования в конфликте (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева), опросник когнитивной флексибильности (Dennis J.P., Vander Wal J.S.) в русскоязычной адаптации (Кургинян С.С., Осаволюк Е.Ю.). Для статистической обработки данных применялся коэффициент корреляции Спирмена. В опросе принял участие 61 старший школьник (29 юношей и 32 девушки). Были получены следующие результаты.

Были обнаружены: статистически значимая слабая отрицательная корреляция между уровнем выраженности у старших школьников в условиях конфликта поведенческой стратегии «Агрессия» и показателями когнитивной флексибильности по шкале «Альтернативы» ($r=-0,256$; $p<0,05$); статистически значимая умеренная отрицатенльная корреляция между уровнем выраженности у старших школьников в условиях конфликта поведенческой стратегии «Уход» и показателями когнитивной флексибильности по шкале «Контроль» ($r=-=-0,493$; $p<0,01$); статистически значимая слабая положительная корреляция между уровнем выраженности у старших школьников в условиях конфликта поведенческой стратегии «Решение» и показателями когнитивной флексибильности по шкале «Альтернативы» ($r=0,298$; $p<0,05$). Таким образом, чем выше у старшего школьника развита способность давать альтернативные объяснения сложившейся ситуации и создавать новые различные решения, тем в меньшей степени в условиях конфликта он склонен к борьбе и в большей степени ориентирован на поиск оптимального, взаимовыгодного решения, и наоборот. Чем выше у старшего школьника развита способность воспринимать сложные ситуации как контролируемые, тем в меньшей степени он склонен уходить от конфликта, и наоборот.

Таким образом, высокий уровень когнитивной флексибильности сопряжен с выбором старшими школьниками наиболее конструктивных стратегий реагирования на конфликт (диалога, направленного на решение спорной ситуации) и с отказом от выбора в конфликте непродуктивных и деструктивных моделей поведения (ухода и борьбы, агрессии). Развитие конфликтной компетентности в старших классах, таким образом, должно включать не только обучение навыкам конструктивного взаимодействия в условиях конфликта, но и повышение когнитивной гибкости, включая способность воспринимать сложные ситуации как контролируемые и давать альтернативные объяснения сложившимся обстоятельствам, создавать новые различные решения.

Литература

1. *Довгилович А.Е., Смирнова Ю.С.* Когнитивная флексибильность как фактор конфликтного поведения студентов // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2019.
2. *Кашапов М.М., Башкин М.В.* Психология конфликтной компетентности. Ярославль: ЯрГУ, 2010.
3. *Осаволюк Е.Ю., Кургинян С.С.* Когнитивная флексибильность личности: теория, измерение, практика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1.
4. *Смирнова Ю.С.* Атрибутивное сопровождение межличностных конфликтов // Философия и социальные науки. 2016. № 3.

Период юности в современном мире

Сорокин А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
a_a_sorokin@inbox.ru

Несмотря на возрастающий интерес психологов к периоду юности, много аспектов остаются незатронутыми и нуждаются в исследовании. В современном мире есть большая тенденция к изменению существующих порядков, это также не могло обойти и развитие человека в обществе. И те устои, которые ранее считались столпами, ныне претерпевают существенные изменения, в том числе это касается и периода взросления.

Обсуждение проблемы возрастных границ юности можно начать с вопросов, какие задачи решаются в этом возрасте? По каким критериям можно понять, что этот период завершен? И если начальная граница является довольно стабильной (17-18лет), то граница, завершающая период юности, является наиболее неустойчивой в современных реалиях. М. Мид объясняет это переходом от постфигуративного и кофигуративного типа культур к префигуративному типу культуры [1]. Это проявляется в изменении детско-родительских отношений, когда родители перестают быть единственным референтным источником знаний для ребенка. Так

Красило Д.А. в своем исследовании (2001-2004 гг.) [2; 3] ставит на центральную позицию в социальной ситуации развития молодого человека в период вхождения во взрослость (18-25 лет) образ наставника («значимый другой»). Можно утверждать, что с появлением новых источников информации и их доступности изменяется и социально-культурная ситуация развития юноши. Речь идет в первую очередь о развитых странах, в которых экономическая, политическая и культурная ситуации позволяют молодому человеку достаточно свободно реализовывать себя в обществе. Наиболее стандартные критерии взрослости конца XX века, начала XXI, это:

1. материальная независимость от родителей;
2. вступление в брак;
3. рождение детей;
4. отдельное место проживания.

Для наглядности приведем пару примеров из данных критериев. Так, наибольший процент заключения браков в России в 1990 года приходится на возраст 20-24 лет, в 2016 году – в возрасте 25-29 лет [5]. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и с рождением первого ребенка, в 1990 году, средний возраст матери 22,65 года, в 2016 – 25,7 года [6]. Данная статистика свидетельствует о том, что доступность информации и благоприятные социальные условия непосредственно влияют на расширение границ основного периода взросления – юности. Схожие тенденции можно наблюдать и в других ключевых признаках взросления, мы видим увеличение периода выполнения возрастных задач периода взросления. И данное направление изменений в мире не прекращает прогрессировать, на что обращают внимание многие отечественные и зарубежные авторы: Н. Постман, Дж. Арнетт, А.А. Галеева, Н.Н. Тостых и др. [4]. Всвязи с чем некоторые исследователи продлевают верхнюю границу юность вплоть до 30 лет. Так Дж. Арнетт связывает это со сложностью для юноши поиска себя в современном обществе и мире. И данная возможность отсрочки взросления исходит в первую очередь из доступности информации и свободы выбора, благодаря современным технологиям и экономическому благополучию. В современном обществе уже сложно представить человека без смартфона, и ребенка не знающего, что такое компьютер.

В наше время информационное поле становится все более открыто, в том числе и для поколения Z, которое составляет основу «взрослеющего общества» сейчас и будет составлять ее в ближайшем будущем. Данное поколение можно с уверенностью назвать «цифровым поколением», с самого детства большинство детей имеют доступ к интернету и «виртуальному сообществу». Что не может не

влиять на социальную ситуацию развития юноши. По нашему мнению, именно «виртуальное сообщество» сейчас и в ближайшем будущем будет играть важнейшую роль в становлении молодого человека, как ранее этим столпом познания себя и мира являлась семья.

Литература

1. *Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука. 1988. 429 с.;
2. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (период вхождения во взрослость) автореферат дис. ... кандидата психологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005;
3. *Красило Д.А.* «Реальное самоопределение» в контексте социальной ситуации развития в период вхождения во взрослость / Международный симпозиум «Л.С. Выготский и современное детство». Сборник тезисов. Ответственный редактор К.Н. Поливанова. М., 2017. С. 40-42;
4. *Толстых Н.Н.* Современное взросление / Консультативная психология и психотерапия, 2015, № 4;
5. Данные РосБРиС, URL: https://ourcountryindata.ru/vozrast-rozhdeniya-detej-statistika/.
6. Росстат, URL: https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/.

К вопросу исследования особенностей организационных патологий в организациях с различным типом психологического климата и стиля руководства коллективом

Софронов А.Ю., Кочетова Т.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

В современной высококонкурентной экономической среде большое внимание уделяется эффективности организаций в достижении организационных целей. В свою очередь, систематическое «недостижение» таких целей считается патологией [1], поэтому высокую важность принимает изучение особенностей организационных патологий.

В зарубежной литературе одной из первых термин «патологии» в отношении организаций стала применять польская исследовательница (социолог) Ядвига Станишкис еще в 70-ых годах прошлого века. В

последующем употребление такого понятия в отношении организационных дисфункций и отклонений от норм получило распространение и использовалось исследователями в рамках аналогии «организация – живая система» [2; 4].

Следует учитывать тот факт, что основой любой организации являются люди, которые в ней работают. Таким образом, исследование организационных патологий целесообразно проводить в совокупности с исследованием «психологической реальности» в организации. Это позволяет составить более полное представление об их особенностях.

Оригинальный подход к изучению организационных патологий с учетом психологических особенностей руководителей предложили М. Кетс де Врис и Д. Миллер [3]. Они составили типологию различных системных дисфункций в организациях, используя классификацию невротических стилей: параноидная, компульсивная, драматическая (истерическая), депрессивная, фрагментированная (шизоидная).

В отечественной литературе подробной разработкой и анализом дисфункций в системе управления организацией занимался А.И. Пригожин [1]. Он описал и сгруппировал такие дисфункции в зависимости от наличия причин «целенедостижения» в том или ином измерении организационной реальности: в строении организации, в организационных отношениях, в управленческих решениях.

На сегодняшний день организационные патологии довольно разносторонне рассмотрены как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Такая широта описания позволяет нам проследить их особенности также и на уровне психологической реальности в организации.

Для проведения собственного эмпирического исследования организационных патологий мы решили опираться опросник, разработанный на основе классификации организационных патологий, представленных в работах А.И. Пригожина. Далее для исследования психологической реальности в организациях мы выбрали методику для изучения психологического климата в группе (А.Н. Лутошкин) и методику для изучения стиля руководства, разработанную В.Ф. Рубахиным и А.Л. Журавлевым.

Таким образом, цель выпускной квалификационной можно сформулировать как выявление и анализ типов организационных патологий, проявляющихся в различной организационной среде, для которой характерен определенный тип психологического климата и определенный стиль руководства коллективом.

Литература

1. *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.
2. *Boardman, C., Ponomariov B.* Organizational Pathology. In: Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance. Springer International Publishing. 2016. P. 1–6.
3. *Kets De Vries M. F. R., Miller D.* Neurotic style and organizational pathology // Strategic Management Journal. 1984. Vol. 5, N1. P. 35–55.
4. *Miller J. G., Miller J.L.* A living systems analysis of organizational pathology // Behavioral Science. 1991. Vol. 36, N4. – P. 239–252.

Ценностные ориентации и религиозная идентичность православных и мусульман: кросс-культурный анализ.

Страхов Н.В., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
astra1185@mail.ru , os_pavlova@mail.ru

Проблема кросс-культурного анализа ценностных ориентаций верующих – представителей различных религий России – является одной из актуальных в настоящее время, так как интерес специалистов различных отраслей гуманитарного знания связан с изучением механизмов и путей гармонизации межгрупповых отношений.

Религиозный ренессанс постсоветской России и особенности религиозности в постсекулярном мире привели к тому, что изучение места и роли религии в общественной и личной жизни россиян стали востребованными. При этом современные исследователи изучают весь спектр вопросов религии, от фактора «социального конструирования и механизма для грамотного понимания политической и общегуманитарной обстановки в современной России» до ее анализа как стратегии «выживания в условиях отрыва от традиции» [1, с. 11-12].

В ряде работ рассматриваются различные аспекты содержания понятия «религиозная идентичность» и пути ее изучения. Широкую известность обрела концепция религиозности Г. Олпорта, на основе которой построен целый ряд исследовательских методик [5, с. 123]. Концепция Г. Олпорта легла в основу четырехфакторной модели религиозной идентичности Д. Ван Камп. Подробно модель Ван Камп

и ее использование на русскоязычной выборке описана в работах О.Е. Хухлаева, В.А. Шороховой, О.С. Павловой [8; 11; 13; 14; 17].

Не менее важны для понимания исследования ключевых ценностей православных и мусульман. Ценность ассоциируется с типом достойного поведения и выступает социальным и индивидуальным ориентиром, который определяет конкретный стиль жизни. Ценность как стандарт поведения исследовалась в работах П.С. Гуревича, О.Г. Дробницкого, В.П. Тугаринова и др. В этих исследованиях ценность выступает критерием выбора профессионального развития и является основой самореализации личности. Социальная зависимость ценностей образуется в результате психического взаимодействия индивидов и реализуется в актах их поведения. В социальной психологии наиболее известной моделью изучения ценностных ориентаций стала модель Ш. Шварца [12; 16].

Целью нашего исследования является сравнительное эмпирическое изучение религиозной идентичности и ценностных ориентаций православных и мусульман.

Для изучения религиозной идентичности, ее внешних и внутренних компонентов использовалась методика Д. Ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» [17] (адаптация русскоязычной версии произведена В.А. Шороховой, исламской версии О.С. Павловой); для изучения идентификации с религиозной группой использовалась методика измерения ингрупповой идентификации К. Лича [15] в адаптации Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловакова. С целью изучения ценностных ориентаций этих групп респондентов использовался ценностный опросник Ш. Шварца [12; 16].

В исследовании приняли участие 146 респондентов, идентифицировавших себя как православные, и 136 респондентов, исповедующих ислам. На основании интерпретации результатов факторного анализа и использования статистического пакета SPSS описана специфика религиозной идентичности и ценностных ориентаций верующих, представляющих традиционные для России религии.

Литература

1. *Александрова Е.А.* Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 10—22.

2. *Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социол. исслед. 2002. №1. С.96–105.
3. *Джеймс У.* Воля к вере и другие очерки популярной философии // Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. С. 3 - 206.
4. *Мчедлова М.М.* Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 123—127.
5. *Олпорт Г.В.* Личность в психологии. М.: Ювента, 1998. 345 с.
6. *Павлова О.С.* Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты // Культурно-историческая психология. 2012. Том 8. № 2. С. 78–87.
7. *Павлова О.С.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 123—124.
8. *Павлова О.С., Миназова В.М., Хухлаев О.Е.* Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике) // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 4. С. 90–99. doi:10.17759/chp.2016120409.
9. *Павлова О.С., Семёнова Ф.О.* Ценностные ориентации мусульманской молодёжи Северо-Западного Кавказа. Minbar. Islamic Studies. 2018;11(2):361-374. https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-361-374.
10. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей / М. Рокич // Свободная пресса. – 1973 – №5. – С. 20-28.
11. *Хухлаев О.Е., Миназова В.М., Павлова О.С., Зыков Е.В.* Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23—40. doi:10.17759/sps.2015060403.
12. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008;5(2):36-67.
13. *Шорохова В.А.* Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 44—62.

14. *Шорохова В.А.* Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ. Minbar. Islamic Studies. 2019;12(2):585-589. https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598.
15. *Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.* Grouplevel self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. 95(1). P. 144—165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144
16. *Schwartz S. H., Bilsky W.* Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications. Journal of Personality and Social Psychology. 1990;58(5):878-891.
17. *Van Camp D.* Religious Identity: Individual or Social? Exploring the Components and Consequences of Religious Identity: PhD. thesis [Электронный ресурс]. Howard University, Washington, D.C., 2010. URL: http://search.proquest.com/pqdtft/docview/743822279/13E4AA38 64B650A BE7C/1?accountid=35419.

Изменение локуса контроля в результате тренинга с применением методики индивидуальных знаков

Сумароков А.И.
Международный независимый эколого-политологический университет (МНЭПУ), Москва, Россия

В настоящей статье мы опишем исследование, цель которого заключается в ответе на вопрос: в какой степени тренинг с использованием методики индивидуальных знаков [6-9] влияет на формирование у испытуемых новых личностных качеств; данный процесс мы проследили на примере изменения уровня локуса контроля. Проведённое исследование представляет собой часть нашего «большого» эксперимента, гипотеза которого состоит в том, что опосредование формируемых на тренинге моделей поведения индивидуальными знаками значительно повышает его эффективность [7; 9]. Испытуемыми нашего эксперимента были студенты гуманитарных факультетов первого и второго курсов МГОУ (Московский государственный областной университет, современное название) в 1986 – 2010 гг.

Для проверки нашей гипотезы были созданы две большие квазигруппы – контрольная и экспериментальная. Тренинг проводился на основе трансакционного анализа Э. Берна [1], теории К. Томаса и того, что мы называем «сторонними элементами» – это особенности мимики, положения тела, ритма речи и др. [3; 5]. При этом в экспериментальной группе приобретаемые модели поведения опосредовались индивидуальными знаками, например, «вер», «кюр», «плин» и т.д.; индивидуальный знак мы определяем, как «любое психическое средство, с помощью которого может быть зафиксирована та или иная единица личностного опыта субъекта» [7, с. 184-185]. По данным нашего исследования вербализация приобретаемых концептов значительно повышает результативность тренинга – таким образом, наша основная гипотеза нашла своё подтверждение. [8, с. 268-274].

На тренинге испытуемым предлагались ситуации, среди которых были: установление взаимоотношений с незнакомым человеком или группой, разговор с сотрудниками кадровой службы, которые по личным причинам не желают принимать испытуемого на работу, обоснование своей точки зрения в дискуссии и многие другие. Общим для всех ситуаций было то, что испытуемый должен был научиться проявлять социальную активность и в финальной части тренинга сдать своеобразный «экзамен», разрешив ситуацию такого же типа, как на предварительном этапе, но гораздо более сложную.

Теперь перейдём к той части исследования, которая связана с локусом контроля, который представляет собой «качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам (экстернальный или внешний Л. к.) либо собственным способностям и усилиям (интернальный или внутренний Л. к.» [4].

Часть испытуемых нашего «основного» эксперимента (всего 32 человека, по 16 человек в контрольной и в экспериментальной квазигруппах, испытуемые не были знакомы между собой) перед началом исследования и после его завершения прошли тестирование по методике определения локуса контроля. В применённом нами варианте этой методики [2, с. 137-139] испытуемым предлагалось 29 пар высказываний, в каждой из которых следовало выбрать одно, с которым он был согласен в большей степени. Уточним, что «о направленности локуса контроля следует судить по относительному превышению результатов одного измерения над другим» – интернального и экстернального [4, с. 139.].

	Контрольная группа	Экспериментальная группа
До эксперимента	7и4	6и5
	9э5	10э6
После эксперимента	9и6	11и7
	7э4	5э3

Сокращение «7и4» означает, что в контрольной группе до эксперимента было 7 испытуемых с интернальным локусом контроля, его средняя величина равна 4, «9э5» означает, что в контрольной группе до эксперимента было 9 испытуемых с экстернальным локусом контроля, его средняя величина равна 5. Аналогичным образом читаются все остальные сокращения.

Как видно по результатам эксперимента, в обеих группах становится больше испытуемых с интернальным локусом контроля, но при этом в экспериментальной группе этот рост представлен более значительно. Это подтверждает нашу основную гипотезу, что опосредование индивидуальными знаками приобретаемых моделей поведения и их компонентов приводит не только к повышению эффективности тренинга межличностных взаимоотношений, но и в большей степени способствует формированию новых личностных качеств у испытуемых.

Литература

1. *Берн Э*. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., Прогресс, 1987.
2. *Елисеев О.П.* Конструктивная типология и психодиагностика личности. Псков, 1994. 280 с.
3. *Пиз А*. Язык телодвижений, Нижний Новгород, 1992, 264 с.
4. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕРСЭ, 2006. 176 с.
5. *Станиславский К.С*. Собрание сочинений в восьми томах. т. 2. Работа актёра над собой, часть 1. М., 1954. 424 с.
7. *Сумароков А.И*. Оптимизация коммуникативных качеств преподавателя на основе методики индивидуальных знаковых систем // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». № 3. 2007. М.: Изд-во МГОУ. 400 с.
8. *Сумароков А.И*. Преодоление конфликтных и предконфликтных ситуаций на основе методики индивидуальных знаков // Социальная психология и

общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. 506 с.
9. *Сумароков А.И.* Преодоление социально-психологических барьеров личности на основе методики индивидуальных знаков. // Проблемы социальной психологии и социальной работы: XV Всероссийская Парыгинская научно-практическая конференция (с международным участием), 17 апреля 2020 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2020. 172 с.
10. *Сумароков А.И.* Формирование коммуникативных моделей поведения на основе индивидуальных знаков / Материалы I Всерос. конф. Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения в правоохранительной сфере. М., 2015. 339 с.

К вопросу о роли курса «Психофизиологические основы деятельности водителя» в подготовке водителей общественного транспорта

Терентьева А.В., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Психологическое взаимодействие водителя с дорожно-транспортной средой – основная составляющая водительской деятельности. Дорожно-транспортная среда определяет (создает) условия движения – реальную обстановку на дороге, на которой находится транспортное средство на данный момент (это совокупность характеристик и параметров проезжей части дороги и придорожного пространства, указателей, дорожных знаков, светофоров, видимости, обзорности, плотности и состава транспортного потока и пр.), т.е. имеется в виду «среда», в которой осуществляется управление транспортным средством [2, с. 123].

На сегодняшний день накоплено достаточно большое количество фактов, демонстрирующих взаимосвязь между психологическими характеристиками водителя и количеством аварий на дорогах. Именно поэтому особую остроту и актуальность приобретает вопрос изучения психологических особенностей, которые могут оказывать влияние на управление транспортным средством. Причем существенную роль начинают играть не столько научные изыскания, сколько различные

практики, в том числе, и обучение водителей пониманию того, как и какие именно психологические особенности особенно важны в водительской деятельности, а также какие психические процессы и состояния обеспечивают вождение.

Подчеркнем, что постановка акцентов на рассмотрение индивидуально-психологических особенностей личности в курсе «Психофизиологические основы деятельности водителя», преподаваемого в автошколах Российской Федерации с 2014 года является важным и актуальным для подготовки именно профессиональных водителей, в частности, тех, которые в будущем смогут стать водителями общественного транспорта и перевозить пассажиров [1].

На наш взгляд, рассмотрение в рамках такого курса психических процессов и состояний водителя, психофизиологических характеристик и индивидуально-психологических свойств, обеспечивающих решение различных задач, возникающих при управлении транспортным средством может способствовать формированию *установки* на безопасное вождение, поскольку данный курс призван дать обучающимся знания и представления о роли человеческого фактора на дороге.

Согласно Д.Н. Узнадзе, «установка – это готовность, предрасположенность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении; обеспечивает устойчивый целенаправленный характер протекания соответственной деятельности, служит основой целесообразной избирательной активности человека. Речь идет именно о готовности к предстоящему действию» [3].

Именно поэтому роль курса «Психофизиологические основы деятельности водителя» для обучающихся курсантов автошкол трудно переоценить [1]. Особую роль этот курс должен играть в подготовке водителей общественного транспорта, отвечающих в своей будущей профессиональной деятельности за жизнь пассажиров – других людей. Формирование установки на безопасное и безаварийное вождение для водителей общественного транспорта – это важнейшая задача, на которую необходимо обратить пристальное внимание преподавателям автошкол в процессе подготовки водителей.

Литература

1. *Ершов С.В.,* Компетентностный подход к обучению в автошколах: проблемы, возможности и перспективы //

Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения. М., С. 104–107.
2. *Коноплянко, В.И.* Основы управления автомобилем и безопасность дорожного движения: учеб. пособие / В. И. Коноплянко, В. В. Зырянов, Ю. В. Воробьев. М., 2005. 271 с.
3. *Мещеряков Б.Г.,* Большой психологический словарь / Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2008. – 868 с.

Современные требования к разработке и реализации образовательных технологий в высшей школе

Титовец Т.Е.
УО БГПУ, Минск, Республика Беларусь
t_titovets@mail.ru

Существенную роль в развитии экономики страны играет интеллектуальный потенциал специалистов и научных кадров, подготовка которых является задачей высшей школы. Сегодня специалист должен обладать не только высоким уровнем владения профессиональными компетенциями, но и трансдисциплинарными качествами и умениями, составляющими ядро успешной профессиональной деятельности – интеллектуальной гибкостью, умениями действовать в ситуации с широкой зоной неопределенности, сформированной способностью к сотрудничеству и работе в команде, непрерывному самообразованию и самосовершенствованию, рефлексивными и проективными умениями, навыками соблюдения безопасности при работе в насыщенной информационной и медиасреде, готовностью к предупреждению и преодолению рисков профессиональной деятельности. Успешность профессиональной подготовки специалиста, отвечающего требованиям современной эпохи, во многом зависит от качества применяемых в учебном процессе образовательных технологий.

Анализ образовательной практики позволяет утверждать, что в настоящее время технологии применяются в качестве вспомогательного средства стимулирования познавательной активности студента, но имманентная им функция системного управления образовательным процессом, перехода от эмпирического к концептуальному способу трансляции социального опыта, остается нереализованной.

Рассмотрим основные требования к разработке образовательных технологий в высшей школе, позволяющие преодолеть вышеобозначенные проблемы.

1. *Концептуальность* (опора на научные концепции). Основными из них является концепция развивающего образования и обучения, которая нацеливает методику реализации образовательных технологий на предупреждение подмены развивающей сущности технологии ее манипулятивной направленностью, конкурентноспособностью на рынке образовательных услуг, а также концепция персонификации педагогического взаимодействия, согласно которой методика должна обеспечивать создание образа действительного представителя профессии.
2. *Управляемость* (возможность перепроектирования, варьирования компонентами в целях повышения гибкости применения технологии).
3. *Системность* (логическая взаимосвязь частей и структурно-содержательная целостность технологии, придающая ей заданные качества).
4. *Целостность* (несводимость результата использования технологий к сумме результатов, производимых каждой из них, установка на взаимодополнительность).
5. *Эффективность* (учет оптимальности временных и экономических затрат для достижения определенного стандарта, невысокая психологическая цена результата).
6. *Аутентичность* – несводимость сложных, по сути, многомерных явлений к упрощенному представлению о них в условиях реализации технологии.
7. *Рефлексивность* – установка на анализ недостатков реализуемой технологии и их коррекцию посредством совершенствования составляющих образовательной технологии; усиления согласованности ее компонентов и взаимодействия между собой; замены отдельных компонентов и комбинаторике технологий; усиления характеристик технологии, обеспечивающих ее развивающую значимость и природосообразность.

Успешность реализации образовательных технологий, особенно технологий, основанных на работе микрогрупп и межличностном взаимодействии, зависит также авторитета преподавателя у группы [1]. Эффективность работы со студентами в рамках образовательной технологии также зависит от содержания учебного материала,

положенного в ее основу. Требования к отбору содержания учебного материала при работе с образовательной технологией включают:

- персонифицированный характера текстового материала, отражающий проблему профессиональной реальности и образ профессионала;
- наличие в учебном материале определенной проблемы, решение которой отвечает задачам технологизации профессионального опыта специалиста;
- включение феномена вопросной деятельности в содержание технологии;
- обеспечение интегративного характера и междисциплинарности технологии;
- выход на проблему смысла человеческого бытия, антропологическая значимость содержания учебного материала.

Развивающий потенциал образовательных технологий, используемых при подготовке специалиста, зависит не только от качества самих технологий, но и их грамотной реализации в тех или иных условиях образовательного процесса – понимания специфики и границ применения той или иной образовательной технологии.

К основным критериям выбора образовательной технологии при постановке определенных задач профессиональной подготовки специалиста относятся:

- соответствие выбранной технологии месту, которое отведено данной группе технологий в дидактической системе;
- зависимость выбора технологий или способа их реализации от уровня подготовки обучаемого (ориентация на технологии персонифицирующей направленности на начальной ступени обучения, т.е. ориентация на деконструкцию профессиональной реальности на категории и законы; ориентация на технологии исследовательской направленности или усиление поискового компонента в реализации технологии на продвинутом уровне обучения);
- учет стадии формирования компетентности студента при выборе технологий, которые также делятся на группы, соответствующие ознакомительному, формирующему и контрольному и саморегулирующему этапам обучения.

Обеспечение студенту позиции творца культуры, управленца сферой выбранной профессиональной деятельности как открытой системой становится возможным не только при разработанности образовательных технологий, гарантирующий формирование опыта инновационной деятельности, но и наличии программно-

методического сопровождения внедрения этих технологий в образовательный процесс.

Содержание программно-методического сопровождения внедрения инновационных образовательных технологий может быть представлено методическим комплектом, включающим руководство по использованию образовательных технологий (для преподавателей вуза), систему вопросов для студентов по рефлексии их работы с образовательными технологии любого типа, дидактические материалы для студентов, необходимые для проведения интерактивных семинаров в рамках образовательных технологий. Существенным шагом повышения эффективности использования образовательных технологий в учебном процессе является создание описательной матрицы каждой образовательной технологии для конкретных условий ее реализации – с учетом уровня подготовки студентов, стадии сформированности их умений, целей и специфики учебного курса.

Литература

1. *Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: ПЕР СЭ, 2006. 272 с.

Гендерные различия в выборе профессии

Тихонова А.Т., Маринова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Современное общество сильно изменилось за последние десятилетия. Рассуждения о том, что мужчина должен заниматься карьерой и обеспечивать семью, а женщина должна заниматься домом и детьми, постепенно, уходят на задний план. Желание женщины развиваться в профессиональной области осуждаются меньше, как и желание мужчины заниматься семьей, по крайней мере, на равных с супругой, воспринимается как положительное качество, а не слабость [2; 4].

Гендерные стереотипы формировались веками. И они, отчасти, влияют на то, насколько у человека сформирована или не сформирована гендерная идентичность, на его удовлетворенность своим положением, в соответствии с тем, коррелируется ли его нынешнее положение и самосознание с предписанными ему стереотипами. Так, гендерные стереотипы определяют основную женскую роль, как семейную роль - матери, хозяйки домашнего очага.

А основная мужская роль определяется как роль работника, кормильца семьи, добытчика и труженика. на протяжении долгого времени (впрочем, эта тенденция сохраняется и сейчас), женщин было принято оценивать по факту наличия или отсутствия у нее семьи, детей, накормленного мужа. Тогда как мужчин чаще оценивали с профессиональной точки зрения, насколько он успешен в своей профессии, может ли он финансово обеспечить свою семью или не может. В соответствии с этими ролями, женщинам стоит развивать чуткость, учиться заботиться и быть сострадательной. Мужчине же следует развивать свои когнитивные способности и формировать свое «имя» в профессиональной деятельности [1; 3].

Понятие гендер может рассматриваться в качестве социального пола, который непосредственно влияет на то, как ведет себя человек в группе и наедине с собой. Более того, в этой трактовке понятие “гендер” может также влиять на то, какими правами наделяется обладатель того или иного гендера и в каком статусе он воспринимается в обществе. На те или иные проявления гендерных особенностей может влиять не столько половая ориентация, но еще и социальная ситуация развития.

Социальные психологи подчеркивают, что в раннем дошкольном возрасте дети, подражая родителям, периодически не отдают предпочтения представителю своего пола. Так, если девочка находится рядом с отцом, она может взять молоток и начать забивать гвозди, а мальчик, глядя на то, как красится его мама, может тоже начать краситься. То есть, в этом возрасте, вероятно, дети еще не разделяют классически-мужские и классически-женские занятия. Лишь вырастая в соответствующей культуре, дети постепенно начинают себя идентифицировать с тем или иным гендером и начинают перенимать поведение значимых представителей своего гендера [1; 4].

В России, на данный момент, все еще гораздо больше гендерно-окрашенных профессий, нежели нейтральных, и, выбирая профессию, многие могут ориентироваться не только на свои способности и потребности, но и на востребованность сотрудников мужчин или женщин в той или ино сфере. Женщины и мужчины, как правило, практически не различаются, когда выбирают ценности на уровне нормативных идеалов, но, при этом, различия проявляются, когда испытуемые говорят об индивидуально-значимых ценностях. На выбор карьеры влияет не только контекст развития субъекта, но и гендерные роли тех, кто выстраивает карьеру. Опираясь на результаты изученных и описанных исследований, можно говорить о том, что представительницы женского пола чаще отдают предпочтение

возможностям развития профессиональных компетенций. Стоит отметить, что результаты студентов и молодых сотрудников, вне зависимости от пола, могут различаться, в связи с тем, что начало карьеры является фактором, влияющим на изменение восприятия себя и собственных карьерных ориентаций [1; 3].

Можно предположить, что современное общество стремится к андрогинности, но это не мешает существованию гендерных установок, сексистских по отношению к женщинам и нормализованных по отношению к мужчинам. А это значит, что влияние гендерных ориентаций на карьерные ориентации может быть ниже, чем влияние биологического пола на карьерные ориентации.

Литература

1. *Байбакова Е. С., Пряжникова, Е. Ю., Соколова Н. Л., Сергеева, М. Г.* Влияние гендера на выбор профессии старшеклассников // Казанский педагогический журнал. – 2018. – №. 2 (127) – С. 181-192.
2. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Журн. «Социальная психология и общество» - 2013. - том 4. №1. – с. 155-161
3. *Маринова Т.Ю., Степочкина К.В.* Проблема профориентации в современных общеобразовательных организациях // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019.- с.317-319
4. *Фан Цзюань, А.С. Огнев, Т.Ю. Маринова, Э.В. Лихачева* Особенности выбора жизненных приоритетов студенческой молодежью Китая и России // Журн. «Педагогика и психология образования» 2018.- №4 - с. 203-209

О социально-психологических условиях мотивации персонала организации

Токарева С.Ю., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
svetlanatok163@gmail.com, social2003@mail.ru

Мотивация персонала играет ключевую роль в достижении высокой результативности организации, успешности ее деятельности. Она может зависеть от разных причин, связанных как с личностными

особенностями, так и с внешними условиями трудовой деятельности [2; 3; 4].

Проблема мотивации профессиональной деятельности личности – одна из важнейших в сфере современных гуманитарных наук. Несмотря на множество методологических подходов в данной области, процесс формирования мотивации, побуждающей личность к деятельности, и факторы, влияющие на нее, остаются в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей и практиков. Руководители современных организаций все чаще стремятся перестроить традиционную систему экономического стимулирования персонала психологически обоснованными мотивирующими условиями. Однако на этом пути зачастую возникают проблемы, связанные как с отсутствием у руководителя компетенций, необходимых для использования социально–психологических средств мотивирования работников. Особую значимость эта тема приобретает в организациях, профессиональной деятельности сотрудников которых связана с общением внутри коллектива или относится к категории профессий «человек–человек». Следовательно, достижение большей мотивированности работника на процесс и результаты своей работы, напрямую связано с выявлением социально–психологических факторов, а также дальнейшей разработкой теоретических и практических вопросов трудовой мотивации.

Состояние научной разработанности проблемы мотивации в зарубежной психологии к настоящему времени представлено рядом подходов к пониманию мотивации поведения и деятельности личности (М. Зайфферт, К. Левин, Д. Макклелланд, А. Маслоу, Р. Нирмайер, Ж. Нюттен, Х. Хекхаузен и др.). Различные теоретические и методологические аспекты мотивации исследуются в работах отечественных ученых (В.К. Вилюнас, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев и др.), проводятся исследования мотивации профессиональной деятельности личности (В.А. Бодров, Т.О. Гордеева, Е.М. Иванова, А.К. Маркова, Н.В. Самоукина, С.А. Шапиро и др). Тем не менее, недостаточность изучения социально–психологических факторов, влияющих на трудовую мотивацию специалистов по подбору персонала, фрагментарность исследований по данной теме препятствуют возможности разработки эффективных групповых форм работы с данными специалистами, направленными на повышение трудовой мотивации.

Теоретический анализ проблемы мотивации персонала организации показал, что в числе важнейших социально-психологических и личностных факторов мотивации персонала

современной организации находятся особенности межличностных отношений сотрудников компании, уровень удовлетворенности трудом, а также субъективная оценка сотрудниками управленческого стиля руководства.

С целью дальнейшего прояснения особенностей мотивации персонала организации, мы провели эмпирическое исследование, в котором использовались методика К. Замфир в модификации А.А. Реана, оценка психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф. Фидлеру), диагностика склонности к определенному стилю руководства (Е.П. Ильин) и методика «Интегральная удовлетворенность трудом» (А.В. Батаршев). Также испытуемым было предложено графически отметить оценки выраженности у руководителя организации показателей референтности, аттракции и властных полномочий (согласно трехфакторной модели «значимого другого» А.В. Петровского) [1]. В исследовании участвовали 98 сотрудников коммерческой организации, занимающейся подбором персонала.

Результаты показали, что в целом сотрудники удовлетворены трудом, однако в структуре мотивации большинства сотрудников (примерно 65%) обследованной организации преобладают внешние положительные мотиваторы. Для этих работников наиболее важны поощрения (не обязательно материальные), а также знаки внимания и одобрения со стороны руководства и коллег. Преобладание внутренней мотивации (направленность на содержание профессиональной деятельности, получение положительных эмоций от процесса труда) было выявлено у 26% сотрудников, а внешней отрицательной, основанной на негативных стимулах, – у 9% работников. Дальнейшее сравнение показателей трех групп работников с преобладанием различных характеристики мотивации показало, что существуют значимые различия между ними в оценках психологической атмосферы рабочего коллектива, управленческого стиля руководства, а также в степени удовлетворенности трудом (использовался однофакторный дисперсионный анализ).

Сотрудники с преобладанием внутренней положительной мотивации склонны оценивать психологическую атмосферу в коллективе как более благоприятную, чем остальные работники. Этой категории сотрудников свойственна и более высокая удовлетворенность трудом по ряду показателей, среди которых – интерес к работе, отношения с сотрудниками и руководством, притязания в профессиональной деятельности, условиями труда, профессиональная ответственность (различия значимы на уровне $p \leq 0{,}01$). Сотрудники, в структуре мотивации которых наиболее

выражена внешняя отрицательная мотивация, оценивают психологическую атмосферу как менее благоприятную и меньше удовлетворены трудом ($p \leq 0,05$).

Стиль руководства в организации наиболее мотивированные сотрудники, имеющие преимущественно внутреннюю мотивацию или примерно одинаковую выраженность внутренней и внешней положительной мотивации, оценили как авторитарно-демократический. Сотрудники с внутренней мотивацией охарактеризовали личность руководителя как более авторитетного и привлекательного в эмоциональном плане человека, чем их коллеги с менее продуктивной мотивацией (использовались шкалы, символизирующие уровни выраженности эмоциональной привлекательности, авторитетности и власти у руководителя). Работники с преобладающей внешней отрицательной мотивацией воспринимают стиль руководства организацией как авторитарный.

На основании полученных результатов можно предположить, что психологическая атмосфера рабочего коллектива, особенности стиля управления организацией и ее подразделениями и уровень удовлетворенности трудом являются важными условиями мотивации трудовой деятельности персонала организации и теми факторами, регулирование которых приведет к оптимизации трудовой деятельности и достижению целей организации.

Таким образом, результаты нашего эмпирического исследования показали, что существуют значимые различия в оценках психологической атмосферы, удовлетворенности трудом и стиля руководства у сотрудников, которым свойственны внешние и внутренние факторы мотивации.

По-видимому, если психологическая обстановка в трудовом коллективе неблагоприятна и возможны конфликты или недостаток взаимопонимания между сотрудниками, это отражается на внутреннем состоянии работников и их межличностных отношениях. Такие последствия могут затруднить общение с коллегами и клиентами, привести к игнорированию своих должностных обязанностей, и снижению интереса к деятельности. Стиль руководства группой должен быть адекватным личностным особенностям сотрудников и соответствовать выполняемым задачам.

Особенно это важно в тех видах деятельности персонала, которые требуют непосредственного взаимодействия работников с руководителем, обсуждения важных вопросов, коллегиального подхода к решению поставленных перед коллективом организации задач.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* О научной психологической школе А. В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. Том 2. № 3. С. 14–31.
2. *Орлов В.А., Терешина Г.И.* Особенности влияния социально-психологического климата группы на эффективность ее профессиональной деятельности // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – 296 с. С. **Ошибка! Закладка не определена.**-247.
3. *Петрушихина Е.Б.* Проблема развития лидерства в организации // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 3 (5). С. 102-114.
4. *Петрушихина Е.Б.* Влияние эмоционального интеллекта на управленческую деятельность руководителя // В сб.: Мышление и речь: подходы, проблемы, решения. Материалы XV международных чтений памяти Л. С. Выготского: в 2-х томах. 2014. С. 276-280.

Социально-психологические аспекты адаптации детей раннего возраста к условиям дошкольного образовательного учреждения

Толчина Е.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
89164479989@mail.ru, social2003@mail.ru

Детский сад является первичным внесемейным институтом социализации ребенка и первым воспитательно-образовательным учреждением. Начальный период нахождения ребенка в группе детского сада сопровождается проблемой адаптации к новым условиям социальной среды, формированием новых способов деятельности. Как правило, в первые месяцы своего поступления в ДОУ ребенок испытывает различные затруднения. Они обусловлены индивидуально-психологическими, возрастными особенностями ребенка, а также социально-психологическими, связанными с кардинальной перестройкой привычного образа жизни, разлукой со значимыми близкими. Неуспешность социально-психологической адаптации способствует формированию у ребенка страхов и негативных эмоциональных переживаний.

Теоретический анализ проблемы адаптации детей к ДОУ показывает, что успешность вхождения ребенка в новую для него социальную среду определяется различными факторами, существенное значение среди которых имеют особенности детско-родительских отношений [1]. Семья оказывает существенное влияние на эмоциональную сферу ребенка и в целом на его развитие. Члены семьи, и в первую очередь родители являются источником условий для психологического благополучия и всестороннего развития детей. Поэтому можно предположить, что особенности детско-родительских отношений могут и облегчать, и затруднять процесс адаптации к ДОУ.

Для прояснения недостаточно изученных аспектов проблемы адаптации ребенка раннего возраста к условиям ДОУ мы провели эмпирическое исследование, в котором были сопоставлены стили родительского воспитания и особенности адаптации детей. Его участниками стали 78 детей в возрасте 2,5-3 лет и их родители. Цель нашего исследования – выявить особенности адаптации детей к ДОУ у родителей с разным стилем воспитания.

Уровень и особенности адаптированности детей оценивались с помощью «Карты наблюдения течения адаптации» Л.В. Макшанцевой [2]. Для выявления особенностей родительского воспитания и отношения к ребенку использовались модифицированный тест «Стили педагогического общения» Р.В. Овчаровой [3] и «Тест-опросник родительского отношения» (А.Я.Варга, В.В.Столин). Сбор эмпирических данных проводился в ноябре 2019 года.

Согласно точке зрения Л.В. Макшанцевой, определяя уровень адаптации детей к ДОУ, необходимо оценивать такие значимые для общения факторы, как настроение ребенка, особенности контактов с детьми и со взрослыми, инициативность и самостоятельность в игре, реакция на отрыв от матери, тревожность. На этой основе автор методики описывает три основные вида адаптации: легкую (или преимущественно успешную), среднюю (неустойчивую, хотя и имеющую признаки успешной) и трудную (на фоне неустойчивой адаптации фиксируются признаки дезадаптивного поведения).

Согласно результатам нашего исследования, только четверть детей успешно адаптировались к новым условиям. Дети данной категории уравновешенны, они спокойно и быстро засыпают, не привлекая к себе внимания, со стороны воспитателей. У них хороший аппетит, их навыки самообслуживания соответствуют возрастной норме. Они активно проявляют инициативу в игре, способны самостоятельно занять себя, легко идут на контакт со взрослыми, способны доводить начатое дело до конца. Приходя утром в садик, они спокойно отходят от родителей и проявляют интерес к сверстникам и взрослым в ДОУ.

Средний уровень адаптированности был выявлен у 35% испытуемых. Данная группа детей характеризуется неустойчивым настроением, затруднениями в процессе засыпания, сниженным аппетитом и капризами во время приема пищи. Их навыки самообслуживания не всегда соответствуют возрастным нормам, они неохотно идут на контакт и редко проявляют инициативность в игре, с трудом отрываются утром от родителей.

Трудная адаптация была диагностирована у 40% испытуемых. У этих детей преобладает подавленное настроение, характер засыпания неспокойный, порой дети совсем не могут уснуть, ведут при этом себя шумно, мешая другим. Эти дети часто отказываются от пищи, их навыки самообслуживания не соответствуют возрастной норме, они не проявляют инициативы и самостоятельности в игре, с трудом вступают в контакт с детьми и взрослыми, начатое действие не доводят до конца, так как быстро теряют к нему интерес, болезненно расстаются с родителями, которые их приводят в детский сад.

Результаты показали, что большинство детей с тяжелой формой адаптации к дошкольному учреждению воспитываются в семьях с преобладанием авторитарного стиля общения, в то время как наиболее успешная адаптация свойственна детям из семей с авторитарно-демократическим стилем семейных отношений. Затруднения в адаптации у детей, на наш взгляд, связаны с повышенной тревожностью детей, которая, в свою очередь, обусловлена тем, что родители проявляют излишнюю авторитарность в сочетании с жесткостью, холодностью во взаимодействии с детьми и другими членами семьи. В таких условиях дети могут чувствовать себя ненужными, нелюбимыми.

Легкость адаптации детей в семьях с более демократическими отношениями, на наш взгляд, объясняется тем, что такие дети чувствуют любовь и поддержку со стороны взрослых, в результате чего образуется крепкая привязанность к родителям в сочетании со свойственным возрасту стремлением к познанию окружающего мира.

Далее мы рассмотрели связь между стилем родительского воспитания родителей и уровнем адаптации детей. В большинстве обследованных нами семей выявлен довольно высокий уровень принятия ребенка родителями. Это значит, что родители проявляют искренний интерес к потребностям ребенка, высоко оценивают его способности, поощряют самостоятельность и инициативу.

Корреляционный анализ данных показал наличие ряда связей между характером семейных отношений и особенностями адаптации детей к условиям ДОУ (использовался критерий Спирмена). Чем ближе стиль внутрисемейного общения к авторитарному, тем ниже

показатели адаптации ребенка к ДОУ (корреляция на уровне 0,05). Чем больше выражены позитивные показатели адаптации (то есть приближены к уровню «легкая адаптация»), тем выше показатели по шкалам опросника родительского отношения «принятие», «кооперация», «симбиоз», а также ниже – по шкале «маленький неудачник» (уровень значимости 0,01).

Таким образом, чем более благоприятны семейные отношения и отношение родителей к ребенку, чем легче проходит процесс адаптации в дошкольном учреждении. И наоборот, чем меньше позитивный интерес взрослого к ребенку, чем больше родители проявляют директивность и акцентируют внимание на неудачах детей, тем сложнее проходит процесс адаптации к ДОУ. Таким образом, успешность адаптации детей раннего возраста к ДОУ связана с особенностями родительского отношения детей и стилем внутрисемейного общения.

Литература

1. *Крушельницкая О.Б., Титова Е.В.* Особенности связи между детско-родительскими отношениями и показателями адаптации ребенка к ДОУ // Семья и дети в современном мире. Сборник материалов конференции «Семья и дети в современном мире». Том VI. / под общей и научной редакцией доктора психологических наук, профессора В. Л. Ситникова — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 1468 с. С. 707-710.
2. *Макшанцева Л.В.* Программа психодиагностики, профилактики и преодоления дезадаптации младших дошкольников к детскому саду // Психолог в детском саду. 2004. № 1.
3. *Овчарова Р.В.* Практическая психология образования: Учеб. пособие для студ. психол. фак. университетов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 448 с. С. 186.

Конструктивные и деструктивные реакции студентов на стресс

Трушкова С.В., Калашникова Д.Д.
ФГБОУ ВО МАДГТУ (МАДИ), Москва, Россия
SvetVTr@mail.ru, dardarikalashj@yandex.ru

Высокая стрессогенность современной жизни обусловлена целым рядом факторов: ритмом и многозадачностью жизни, информационной перегруженностью, социально-коммуникативной

насыщенностью и т.д. У студентов вузов к перечисленным причинам добавляется еще и стресс учебной деятельности. Функциональное состояние студентов в состоянии стресса не только сказывается на снижении эффективности процесса обучения, но и несет в себе опасность нарушения когнитивной, эмоциональной, мотивационной и поведенческой сфер [1], возникновения аддиктивного поведения, закрепления неконструктивных стратегий поведения [3] и в крайних случаях появления попыток суицидального поведения [2].

В течение 2018-19 учебного года проведено исследование когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на стресс у студентов 1-4 курсов МАДИ, обучающихся по направлению «Управление персоналом организации», В качестве метода сбора данных использовалось неформализованное интервью, представлявшее собой вопросы: «Что для меня является причиной стресса?», «Укажите свои сильные и слабые стороны в стрессе» и т.д. В исследовании приняли участие 57 девушек и 28 юношей. Частотное распределение юношей и девушек отражает общую ситуацию долевого распределения учащихся по указанному направлению. Отвечая на вопрос «Что для меня является причиной стресса?», студенты называли следующие причины возникновения у них стресса: экзамены, ссора с друзьями, выступление с докладом, неприятности на работе и так далее. Отвечая на второй вопрос «Укажите свои сильные и слабые стороны в стрессе», студенты указывали когнитивные, поведенческие и эмоциональные аспекты индивидуальной реакции на воздействие стрессора (стресс-фактора): «стараюсь анализировать ситуацию», «сохраняю спокойствие» или, напротив, «паникую» и так далее.

В качестве классифицирующего признака была выбрана степень зрелости реакций личности в состоянии стресса. Данный критерий был сформулирован авторами статьи на основании понятия «Личностная зрелость», представляющего собой сложную совокупность таких характеристик как ответственность в различных сферах жизни, эмоциональная зрелость и самоконтроль поведения, адекватность целеполагания. Таким образом, личностная зрелость обуславливает способы организации и осуществления жизненного пути, стратегий регуляции стрессовой ситуации и взаимодействия личности с окружающим миром.

Все приведенные реакции были разделены на конструктивные и деструктивные – к конструктивным отнесены те, которые, помогают преодолеть стресс; к деструктивным те, которые, напротив, усугубляют реакцию и снижают способность к совладанию. К конструктивным реакциям были отнесены такие ответы, как «не

принимаю близко к сердцу», «стараюсь мотивировать себя на лучший результат», «не поддаюсь панике», «умею принимать обдуманные решения в стрессе», «самоконтроль». К деструктивным отнесены ответы «подаюсь панике и плохим эмоциям», «срываюсь и кричу на окружающих», «сильно погружаюсь в стрессовую ситуацию», «депрессия». Преобладание конструктивных реакций свидетельствует о том, что, находясь в состоянии стресса, участники исследования способны сохранять эмоциональную сдержанность, рассудительность и рациональное взаимодействие с окружающими их людьми. В случае равного соотношения конструктивных и деструктивных реакций можно говорить о наличии жизненных ситуаций, оказываясь в которых испытуемые не справляются с воздействием стресс-фактора. Это может быть выражено в излишней эмоциональности, допущении негативных мыслей при сохранении эмоциональной уравновешенности и рациональном поведении, либо, напротив, отстранении от окружающих. Равное соотношение является показателем средней степени зрелости реакции личности в стрессе. Преобладание деструктивных реакций свидетельствует о низкой зрелости поведения студентов в стрессе: неспособность и нежелание контролировать свои эмоции, проводить мысленный анализ ситуации.

В результате проведенного исследования было выявлено, что у 47% девушек диагностирована низкая степень зрелости реакций на стресс. Высокая зрелость реакций наблюдается у 28% девушек, а средняя степень зрелости реакций в стрессе – у 25 % студенток. Таким образом, можно заключить, что значительная часть девушек не справляется с действием стресс-факторов; поведение, когнитивные процессы и эмоциональная реакция девушек не адекватны, что определяет выбор нерациональной стратегии борьбы со стрессом. У большая часть представлена долей с высокой степенью зрелости реакций - 36%, а низкая и средняя степени зрелости реакций на стресс представлены равными долями по 32%.

Наиболее уязвимыми к воздействию стресс-факторов являются студенты четвертого курса, а менее уязвимыми – студенты второго и третьего курса. И у девушек, и у юношей студентов-четверокурсников одной из ведущих причин стресса является учеба, а именно закрытие академических задолженностей, страх перед отчислением, написание выпускной квалификационной работы, проверка ее на плагиат и заимствования, и предстоящая защита. К этом также можно добавить негативные мысли, связанные с будущей жизнью, последующим трудоустройством, правильностью выбора профессии, а также совмещение рабочего и учебного процесса на очной (дневной) форме обучения.

Таким образом, для профилактики негативных последствий стресса необходима организация психологического сопровождения студентов с учетом специфики актуальных учебных задач студентов каждого курса обучения – от оказания психологической консультативной помощи в процессе адаптации к процессу обучения студентам первого курса до помощи студентам выпускных курсов в нивелировании деструктивных тенденций учебного стресса, снижении страха неуспеха итоговой аттестации и преодолении тревоги неуспеха трудоустройства.

Литература

1. *Теплякова И.В.* Формирование стрессоустойчивости как актуальная проблема студентов-первокурсников вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Том 7. № 1 (22). С. 216-219.
2. *Руженкова В.В., Руженков В.А., Гомеляк Ю.Н., Боева А.В.* Учебный стресс: риск расстройств психического здоровья и формирования суицидального поведения у студентов-медиков первого курса // Научные ведомости БелГУ. Серия: Медицина. Фармация. 2017. №19 (268). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnyy-stress-risk-rasstroystv-psihicheskogo-zdorovya-i-formirovaniya-suitsidalnogo-povedeniya-u-studentov-medikov-pervogo-kursa (дата обращения: 28.04.2020).
3. *Сабадаш А.Г.* Стратегии преодоления стрессов студентами вузов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-preodoleniya-stressov-studentami-vuzov (дата обращения: 30.04.2020).

Ношение медицинской маски в условиях пандемии COVID-19: кросс-культурное исследование

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н.
ИЭА РАН, г. Москва, Россия
fedenok.julia@gmail.com, burkovav@gmail.com

Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

11 марта 2020 г. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) доктор Тедрос Аданом Гебрейесус заявил, что ситуацию с распространением коронавируса COVID-19 можно

охарактеризовать как пандемию [1]. ВОЗ также информировала, что данное вирусное заболевание передается от человека к человеку респираторно-капельным и контактным путем. Любой человек, который находится в близком контакте (в пределах 1 метра) с лицом, имеющим респираторные симптомы, такие как чихание и кашель, рискует подвергнуться воздействию потенциально инфекционных капель отделяемого из дыхательных путей больного.

Согласно рекомендациям ВОЗ только двум категориям необходимо носить медицинские маски – тем, кто уже болен или имеет симптомы респираторного заболевания, и тем, кто осуществляет уход за людьми с коронавирусной инфекцией [3]. Остальных людей носить маски ВОЗ не обязует, так как они не являются гарантированной защитой от заражения COVID-19.

С социо-антропологической точки зрения использование масок или их игнорирование в условиях пандемии может служить показателем того, насколько культурные традиции и ценности влияют на применимость данной практики в той или иной популяции. В данном случае применима теория классификации культур «Индивидуализм–Коллективизм [4; 5].

Данное исследование было проведено среди русскоязычных граждан, на момент вспышки и распространения коронавируса COVID-19 проживающие или пребывающие в других странах, а также россиян из разных регионов России. Для опроса была создана анкета с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов. Всего было собрано 359 анкет (44 мужчин и 315 женщин), возраст варьировал от 19 до 71 года (86 % – от 25 до 48 лет). В нашу выборку попали русскоязычных граждане из 33 стран мира (65,5% из России и 34,5% из других стран). Данные собраны за период с 23 марта по 6 апреля 2020 года. Исследование проводилось на добровольной и анонимной основе.

Проведенная линейная регрессия показала значимый положительный эффект страны нахождения респондента (R^2=0,013; B=0,011; t=2,184; p=0,030) и значимый отрицательный эффект пола респондента на использование масок (R^2=0,032; B=-0,366; t=-3,444; p=0,001). Кроме того, значимыми предикторами использования масок в условиях пандемии были социальное дистанцирование (наличие конкретного указания властей государства на необходимую дистанцию общения между людьми) (R^2=0,71; B=0,305; t=3,260; p=0,001) и доверие к власти (R^2=0,69; B=0,363; t=3,802; p=0,000).

С начала вспышки коронавируса COVID-19 жители Китая, Гонконга), Таиланда, Японии, Тайваня, Южной Кореи начали носить маски как должное. В других странах – России, Британии, США,

многих европейских странах, Австралии – вполне приемлемо ходить в открытым лицом, несмотря на увеличение зараженных COVID-19 людей. Согласно классификации «Индивидуализм-Коллективизм» и GLOBE, первые страны относятся к коллективистским обществам, в особенности в них наблюдаются очень высокие оценки по институциональному коллективизму, а вторые – к индивидуалистским.

Каждая страна выработала свое отношение к ношению медицинских масок В Китае с распространением вируса было введено тотальное ношение масок всем населением. Важным фактором в ношении масок являются личные установки граждан, выработанные благодаря имеющемуся опыту. Вспышка вируса SARS в Восточной и Юго-Восточной Азии в 2002-2003 гг. показала важность данного вида профилактики.

В европейских странах ношение маски изначально не является принятой нормой поведения, и те, кто ходит в маске, часто испытывают на себе недоверие окружающих. Однако, в каждой из стран Европу сложилась своя уникальная ситуация, зависимая от многих факторов – количество заболевших, информированность населения государственными структурами, доверие к власти, этнических и социо-культурных особенностей. С нарастанием количества заболевших во многих странах отношение к ношению масок поменялось в сторону их увеличения, особенно в Италии и Испании.

В России строго предписания правительства носить маски нет. В общественных местах в начале развития эпидемии в масках ходило около 10-15% населения. По мере роста числа инфицированных, до 50-60% людей стало носить маски.

Полученные нами данные показали, что значимыми предикторами использования медицинских масок населением в условиях пандемии COVID-19 были социальное дистанцирование и доверие к власти. Жесткие меры в азиатских странах приводят к хорошим результатам, в то время как в странах Европы вирусом заражается все больше людей. Вопрос успешной стратегии по борьбе с коронавирусом выходит за рамки политики и экономики, и касается ценностей и традиций, принятых в каждой культуре. Высокий уровень доверия властям, гражданской ответственности и коллективизма позволяют народам Восточной и Юго-Восточной Азии быстро и эффективно бороться с эпидемиями.

Литература

1. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic
2. *Буркова В.Н., Феденок Ю.Н.* Медицинская маска как средство индивидуальной и коллективной защиты в условиях пандемии коронавируса: кросскультурное исследование // Гигиена и санитария. 2020 (в печати).
3. Coronavirus disease (COVID-19) advice for the public: When and how to use masks URL: https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/when-and-how-to-use-masks Дата обращения 03.04.2020 г.
4. *House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V.* Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Sage publications. 2004
5. *Hofstede G*. Culture and organizations // International Studies of Management and Organizations. 1981. №10. P. 15-41.

Социальное дистанцирование в условиях пандемии COVID-19

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н.
ИЭА РАН, г. Москва, Россия
fedenok.julia@gmail.com, burkovav@gmail.com

Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Человечество знает множество примеров социального дистанцирования в эпохи эпидемий [3]. Сокращение межличностных контактов и увеличение межличностной дистанции общения является частью поведенческой адаптации к эпидемиям [6]. Межличностная дистанция – один из важных факторов предотвращения распространения патогенов, так как поддержание более дальнего расстояния снижает потенциальный риск заражения [7]. Государственная политика в периоды эпидемий направлена на то, чтобы искусственно вызвать изменения в поведении людей, например, стимулируются увеличение социальной дистанции [6].

11 марта 2020 года Генеральный директор ВОЗ Т.А. Гебрейесус заявил, что ситуацию с распространением COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию [2]. Мерами борьбы против распространения пандемии были названы личная, в том числе респираторная, гигиена, ношение медицинских масок и социальное дистанцирование [1; 5]. Хотя термин звучит как социальное дистанцирование, однако он подразумевает под собой именно физическое увеличение социальной дистанции общения.

Данное исследование было проведено среди русскоязычных респондентов, на момент вспышки и распространения коронавируса проживающих или пребывающих в различных зарубежных странах и разных регионах Российской Федерации. Нами была разработана анкета с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов. В том числе мы просили указать в метрах ту дистанцию общения, которую предписывают власти страны придерживаться при нахождении людей в общественных местах, и соблюдает ли население той или иной страны эти рекомендации.

Всего нами было собрано 359 анкет (44 мужчин и 315 женщин), в возрасте от 19 до 71 года (86 % из них – от 25 до 48 лет). Респондентами стали русскоязычные граждане из 33 стран мира (65,5% из Российской Федерации и 34,5% из других странах ближнего и дальнего зарубежья). Данные собраны за период с 23 марта по 6 апреля 2020 года. Исследование проводилось на добровольной и анонимной основе. Данные были внесены в единую базу и статистически обработаны с помощью пакета программы SPPS-20.

Проанализировав данные, мы получили значимый положительный эффект страны нахождения респондента на указание предпочтительную социальную дистанцию в метрах (B=-0,015; p=0,049). Каждая из стран по мере увеличения числа заболевших коронавирусом COVID-19 выработала свои правила и рекомендации социального дистанцирования [подробнее см. 5].

Проведённый анализ показал значимый отрицательный эффект влияния пола на социальное дистанцирование (B=-0,390; p=0,016), не зависимо от страны проживания респондентов. Женщины достоверно указывают меньшую социальную дистанцию. Это объясняется, на наш взгляд, универсальным правилом во всех культурах –дистанция общений у женщин всегда меньше, чем у мужчин [4].

Всем респондентам мы задали вопрос, испытывают ли они в данный момент стресс, попросив проранжировать ответы от 1 (совершенно не верно) балла до 5 (совершенно верно). Анализ полученных данных показал у женщин значимый положительный эффект стресса на предпочитаемую дистанцию с другими людьми

(B=-0,130; p=0,020). Женщины, отметившие, что в данный момент они стресированы, указывают на более длинную социальную дистанцию. Для мужчин стресс не оказался предиктом увеличения социальной дистанции в условиях пандемии.

Накопленный к сегодняшему моменту опыт показал, что социальное дистанцирование может сдерживать пандемию. Так, исследование Х. Чжан с соавторами показало, что одного лишь социального дистанцирования, осуществляемого в Китае во время вспышки, достаточно для контроля COVID-19 [8].

Знание гендерных, социо-культурных и этнических особенностей восприятия и исполнения населением разных стран санитарно-гигиенических предписаний будет в дальнейшем способствовать выбору наиболее оптимальных форм оповещения населения о рекомендациях санитарно-гигиенического плана, а также выработке действенных и эффективных методов побуждения к их исполнению среди широких масс.

Литература

1. *Буркова В.Н., Феденок Ю.Н.* Медицинская маска как средство индивидуальной и коллективной защиты в условиях пандемии коронавируса: кросскультурное исследование // Гигиена и санитария. 2020 (в печати).
2. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020
3. История карантина — самого старого и эффективного средства от эпидемий. URL: https://bigpicture.ru/?p=1273175
4. *Феденок Ю.Н.* Прострнственное поведение детей и подростков в полиэтничных коллективах: Дис. канд. истор. н. М., 2011.
5. *Феденок Ю.Н., Буркова В.Н.* Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020 (в печати).
6. *Fenichel E.P.* Economic considerations for social distancing and behavioral based policies during an epidemic // J. of Health Economics. 2013. №32. P. 440-451. https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.01.002
7. *Sorokowska A., Sorokowski P., Hilpert P., Cantarero K., Frackowiak T., Ahmadi K., Blumen S.* Preferred interpersonal distances: a global comparison // J. of Cross-Cultural Psychology.

2017. №48(4). P. 577-592. https://doi.org/10.1177/0022022117698039
8. *Zhang J., Litvinova M., Liang Y., Wang Y., Wang W., Zhao S., Wu Q., Merler S., Viboud C., Vespignani A., Ajelli M., Yu H.* Age profile of susceptibility, mixing, and social dinstancing shape the dynamics of the novel coronavirus disease 2019 outbreak in China // MedRxiv. The preprint server for health sciences doi: https://doi.org/10.1101/2020.03.19.20039107

О необходимости подготовительного этапа консультирования при проведении организационных изменений

Федоров И.В., Понукалин А.А.
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Fedorovivan11@yandex.ru

Организационные изменения последние десятилетия привлекают все больше внимания исследователей. Можно предположить, что это связано с высокой значимостью нововведений для развития предприятия, с одной стороны, и повышенной сложностью самого процесса изменений, с другой стороны.

Такие типы изменений, как внедрение новой стратегии, реструктуризация, технологические инновации, реинжиниринг оказываются более выгодными с точки зрения доступности и успешности, нежели изменения организационной культуры (ОК). По статистике более 70 % инициатив консультантов оканчиваются провалом [1]. Данные других исследований говорят о том, что успешность внедрения перемен в ОК составляет лишь 19% и этот тип изменений находится на нижней строчке среди остальных [2].

Такая ситуация может объясняться с двух позиций: первая – это квалификация агентов изменений, вторая – степень готовности предприятия к нововведениям. Анализ теоретических материалов формирует представление о недостаточной сформированности единого представления об эффективном поведении консультантов. Организационные консультанты являются носителями знаний и технологий, позволяющих производить изменения. Однако они не управляют ими, а являются лишь третьей стороной – внутренними или внешними фасилитаторами [3]. В России технологии фасилитации пока известны лишь ограниченному кругу специалистов-практиков. Хотя именно благодаря их энтузиазму и усилиям с 2000-х годов

некоторые методы фасилитации начинают распространяться у нас в стране, проводятся обучающие и практические конференции, посвященные вопросам фасилитации [4].

Если рассматривать сложившуюся ситуацию с позиции готовности к переменам, то обращает на себя внимание концентрация исследований на социально-психологических особенностях сотрудников, при этом зачастую игнорируются уже имеющиеся общепсихологические данные, полученные, к примеру, центром оценки при отборе кандидатов на работу. Крупные государственные и прогосударственные организации, как правило, используют широкий набор методик изучения личности для выбора человека, наиболее подходящего вакантному месту с точки зрения компетенций. Результаты личностных тестов могут привнести значительный вклад в понимание способа реагирования индивида на изменения, о чем свидетельствуют результаты исследования ригидности Залевским Г.В. [5].

При консультировании в организации необходимо проводить психологическую диагностику, что признается многими консультантами, независимо от школы и направления консалтинга, которые они представляют. Но не многие учитывают, что диагностика начинается с первого знакомства с клиентом и его организацией и продолжается до завершения работы с ним. Для получения максимального количества полезной информации используются различные подходы, например технология клиент-центрированного подхода, которая как раз предполагает отдельный обязательный этап консультирования – организационную диагностику. В ряде случаев этот этап продается как отдельная услуга, то есть самостоятельный консалтинговый продукт. Такая диагностика включает важную составляющую – обратную связь, то есть совместное с клиентом обсуждение письменного отчета и экспертной оценки консультантом актуального состояния организации клиента.

Опыт исследователей показывает, что в зависимости от запроса и контракта, количество факторов, на которые обращает внимание консультант в ходе диагностики, может варьироваться, но при этом не должна теряться системность подхода [6].

Организация является сложной и открытой социотехнической системой. При проведении диагностики организации консультант вынужден об этом помнить и, в случае необходимости, выходить за научно-дисциплинарные рамки. Кроме таких психологических и социально-психологических процессов, как групповая динамика, копинг-стратегия, личностное развитие или регресс, в организации протекают ещё и экономические, и технологические процессы,

собственно, и составляющие предметное содержание её деятельности. Игнорирование этой организационной реальности неминуемо приводит к психологическому редукционизму, который влечет негативные последствия при организационном консультировании.

Кроме того, обычно исследователи экономических, психологических, инженерных и других наук, принимающих участие в изучении организационной динамики, стремятся придерживаться внутридисциплинарных подходов. Консультант по управлению обязан обращать внимание на все эти стороны организационной жизнедеятельности, так как и объективная, и субъективная её стороны существуют в единстве, влияя друг на друга, в равной степени представляя угрозы для её существования и возможности для развития. Поэтому при диагностике нужно включать участников в совместную работу по изменению организации, а для этого их стоит предварительно подготовить. Желательно помочь им осознать свои личные и общие организационные цели, обратить их внимание на существующие в организации противоречия и проблемы, возможности и ресурсы, воодушевить их, по возможности сформировать позитивные установки по отношению к предполагаемым изменениям. Такой подход к диагностике требует от консультанта, с одной стороны, более открытой и активной позиции, чем при научном исследовании, с другой стороны, нужна осторожность и осмотрительность в действиях.

Диагностика культуры имеет под собой определенные риски, которые должны быть предварительно оценены, как представителями организации, так и сторонними специалистами. Эти риски определяются целями анализа и неизвестны заранее. Вследствие этого, желания провести исследование со стороны заказчика недостаточно для успешной реализации задуманного. Консультанту лучше произвести оценку степени риска и отказаться от использования таких методов, которые могут оказать на организацию негативное влияние. В дополнение к этому, можно предупредить клиента о том, что вследствие изучения отдельные элементы культуры клиента предстанут в обнаженном виде. Этого может быть достаточно, когда мы имеем дело с поверхностными проявлениями, артефактами и публично декларируемыми ценностями. Если же идет речь идет о более глубоких уровнях культуры, таких как базовые представления и их системы, то в организации вполне могут не осознавать значимости происходящего, и потому исследователь обязан проинформировать о возможных последствиях такого наблюдения. Принцип квалифицированного согласия не может служить средством защиты клиента или исследуемого объекта, если

заказчик не будет представлять того, что именно может открыться в ходе исследования.

Только ясно осознавая возможные последствия исследования культуры, консультант сможет о них достаточно осторожно говорить. Это должно продолжаться до тех пор, пока отношения консультанта с членами организации не достигнут такого уровня, когда он сможет спокойно представлять результаты своей работы или обсуждать возможность опубликования тех или иных ее частей. Внутреннему консультанту так же, как и стороннему, лучше избегать чтения лекций представителям организации об их собственной культуре, поскольку консультант для них субъективен и может «надавить на больные места». Приводить примеры следует с осторожностью, не отождествляя компании, не озвучивая их названия или характерные данные.

В целом, при оценке организации следует вести речь именно о ее глубинных базовых структурах, а не довольствоваться поверхностными проявлениями, которые могут являться отражением совершенно разных систем представлений.

Литература

1. *Хаммер, М., Чампи, Дж.* (2007). Реинжиниринг корпорации. Манифест революции в бизнесе. М.: Манн, Иванов и Фербер.
2. *Smith, M. E.* (2002). Success rates for different types of organizational change. Performance Improvement, 41(1), 26–33.
3. *Marshak R.J.* Organization development as a profession and a field // The NTL handbook of organization development and change: principles, practices, and perspectives / Ed. by Jones B.B., Brazzel M. Preiffler An Imprint of Wiley, 2006. P.13–27.
4. *Мартынова А.В.* Фасилитация как технология организационного развития и изменений. М. журнал «Организационная психология» 2011г. Т. 1. № 2. С. 53–91.
5. *Залевский Г.В.* Избранные труды : в 6 т. – Томск : Томский государственный университет, 2013. – Т. 2: Экспериментально-психологические исследования личности в норме и патологии. – 392с.
6. *Иванов М.А.* Организационная диагностика в процессе клиент- центрированного управленческого консультирования // Организационная психология, 2017. Т. 7. № 3. С. 51–66.

Ценностные ориентации разностатусных старшеклассников

Федорова С.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
svetosha93@yandex.ru, social2003@mail.ru

Сформированность, содержание и направленность ценностных ориентаций является важным показателем личностного самоопределения старшеклассников. Также для личности является значимым ее положение в структуре межличностных отношений референтной группы. Важнейшими психологическими приобретениями ранней юности также являются открытие своего внутреннего мира, осознание и принятие своей уникальности.

Особенности ценностных ориентаций и межличностных отношений старшеклассников изучают многие исследователи [2; 3]. Так, например, В.С. Собкин считает, что на становление профессиональных ориентаций старшеклассников значительное влияние оказывают возраст и пол [4]. Я.Л. Коломинский отмечает, что в старшем школьном возрасте хорошие взаимоотношения и симпатия участников группы друг к другу зависят от согласованности ценностных ориентаций [1]. С точки зрения Д.В. Ярцева, непостоянство социально-экономической среды и ослабление референтной функции семьи создают сложности в формировании основных ценностных ориентаций, которые нужны старшекласснику для социализации в современном обществе [5].

На основании теоретического анализа особенностей формирования ценностных ориентаций личности в старшем школьном возрасте, а также статусно-ролевых отношений учащихся, мы провели собственное эмпирическое исследование. Его цель – выявить особенности ценностных ориентаций разностатусных старшеклассников.

Мы предположили, что существуют особенности ценностных ориентаций старшеклассников, связанные с их статусным положением в структуре неформальных отношений школьного класса. Использовались социометрия (Дж.Морено), референтометрия (Е.В. Щедрина), методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности, методика «Мониторинг уровня воспитанности» (П.В. Степанов, Д.В. Григорьев, И.В. Кулешова), а также разработанная нами авторская анкета для выявления ценностей – качеств личности (наиболее предпочитаемых учащимися личностных качеств, которые они хотели бы развить у себя). Для статистической проверки (применялась программа SPSS) различий в особенностях ценностных ориентаций

разностатусных старшеклассников использовались метод парных сравнений и однофакторный дисперсионный анализ данных. Корреляционный анализ связи показателей ценностных ориентаций с количеством полученных старшеклассниками социометрических и референтометических выборов проводился с помощью критерия Спирмена.

В исследовании приняли участие ученики 10-х и 11-х классов в возрасте 15-16 лет. Общее количество испытуемых составило 129 человек.

Результаты эмпирического исследования показали, что в структуре ценностных ориентаций большинства старшеклассников наиболее выражены ценности доброты и самостоятельности, что соответствует возрастным особенностям школьников. При этом в реальном поведении у них меньше, чем на уровне декларируемых социальных нормативов, проявлены стремление к достижениям и отвержение традиций (критерий парных выборок, $p \le 0,05$). Самыми значимыми в целом по выборке оказались ценности семьи, труда и знаний. Старшеклассники в наибольшей мере ценят и хотели бы развить у себя качества личности «образованность», «целеустремленность», «ответственность», «смелость», «воля».

Старшеклассники с высоким социометрическим и референтометрическим статусом меньше нуждаются в безопасности и меньше ценят гедонизм, чем представители других статусных категорий ($t=6,023$; $p \le 0,01$). Открытость к изменениям и отвержение консерватизма преобладают у среднестатусных и низкостатусных учащихся (использовалась методика Ш. Шварца). Наиболее ценимые личностные качества для высокостатусных учащихся – доброжелательность, жизнерадостность, широта взглядов, рациональность. Для низкостатусных – развитые способности и трудолюбие. Чем больше учащиеся ценят эмоциональные качества личности, тем больше социометрических выборов они получают от своих одноклассников (критерий Спирмена $r=0,191$; $p \le 0,05$).

У учащихся с высоким референтометрическим статусом больше, чем у их одноклассников, выражены ценности универсализма. В отношении к важнейшим сферам их жизни наиболее выражены ценности семьи, культуры и овладения знаниями ($f = 7,275$, $p \le 0,01$). Чем выше референтометрический статус старшеклассников, тем больше они предпочитают личностные качества «смелость», «сильная воля» «трудолюбиие» «высокая культура», «умение дружить» (критерий Спирмена, $p \le 0,05$). Старшеклассники с низким референтометрическим статусом больше ценят и преимущественно стремятся развить у себя коммуникативные качества и навыки.

Литература

1. *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности): Учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 432 с.
2. *Крушельницкая О.Б., Лобанов В.А.* К вопросу о взаимосвязи личностного самоопределения и системы референтных отношений школьников // В сб.: Социальная психология малых групп Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти А.В. Петровского. Отв. ред.: М.Ю. Кондратьев. 2011. С. 381-384.
3. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Особенности референтных отношений школьников со сверстниками и взрослыми // В сб.: Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского. 2019. С. 440-443.
4. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Жизненные ценности и отношение к образованию: Кросскультурный анализ Москва – Амстердам: По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. – М.: Центр социологии РАО, 1994. – 152 с.
5. *Ярцев Д.В.* Особенности социализации современного подростка // Вопросы психологии. 1999. №6. с.54.

Субъективная доказательная этнография и психология

Фоке-Алехин Ф., Лалу С.
SEBE-Lab, Department of Psychological & Behavioural Science,
Houghton St., WC2A 2AE, London, UK
p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk, s.lahlou@lse.ac.uk

Субъективная доказательная этнография (SEBE) была определена S. Lahlou [9]: семейство методов, разработанных в цифровой этнографии для исследований в области социальных наук, основанных на субъективных аудио-видеозаписях с использованием миниатюрных видеокамер (обычно носимых на уровне глаз субъекта: subcam). Этот метод позволяет активировать память субъектов и детально шаг за шагом понять особенности их деятельности: цели, подцели, детерминанты действий, процессы принятия решений, освоение

знаний, ноу-хау и т.д. Данный метод предполагает сочетание трех средств исследования: аудиовизуальные записи действий испытуемого с использованием миниатюрной видеокамеры, установленной на уровне его глаз («подкамера»); самоотчет субъекта о его опыте участия в эксперименте; формулирование результатов и обсуждение их интерпретации с участниками исследования. Перечисленные процедуры позволяют реконструировать и описывать психологическое состояние субъекта в момент совершений действий, направленных на достижение заданных целей. Этот подход, основанный на естественном эксперименте, является прогрессивным средством исследования психических процессов субъектов с учетом их принадлежности к этническим и другим большим социальным группам. Метод все чаще используется в этнографии, психологии, эргономике, социологии и социальных науках в целом [2].

SEBE-Lab собрала большое количество различных примеров применения субъективной доказательной этнографии. Так, например, SEBE использовался для изучения процессов принятия индивидуальных и коллективных решений в реальных организационных условиях [11]. Он был применен для описания и психологического исследования дня, прожитого польскими матерями в заботе о своих детях [10]. Метод также использовался для углубленного понимания потребительского поведения покупателей супермаркета и особенностей стратегий их поведения в связи с этнической принадлежностью [3].

Интересны результаты использования метода SEBE применительно к исследованию особенностей виртуального мира. Так, например, лонгитюдное исследование виртуального мира «Вторая Жизнь» показало, что все более широкое использование цифровых технологий приводит к определенной трансформации «самости» современного человека [4]. Новая «самость» возникает из контекста, обеспечиваемого взаимодействиями человека в реальной и виртуальной средах и получения опыта от других людей.

В области совершенствования программ профессионального обучения SEBE позволила разработать инновационную модель повышения эффективности образовательного процесса [5]; метод полностью описан в книге [6]. Также успешное применение метода было отмечено в атомной промышленности [8], в медицине [7] и в образовании [1]. В ближайшей перспективе SEBE будет применяться в INTRA Robotics (Франция) с использованием устройств визуального наблюдения в целях изучения особенностей познавательных процессов специалистов, управляющих беспилотными летательными аппаратами.

Таким образом, SEBE, как семейство цифровых этнографических методов, представляет собой мощную основу для исследования особенностей поведения и психических процессов субъектов в естественных условиях их жизнедеятельности.

Литература

1. *Фоке-Алехин Ф., Мартинес П.* Повышение компетенций школьников на основе применения модели «воспринимаемый квадрат действия» (SPEAC) // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – 506 с. С. 475-479.
2. *Ле Беллу С., Лалу С., Носуленко В. и Самойленко Е.* // Сохранение и воспроизведение характеристик профессионального жеста. // Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта // Носуленко В., (ed.), Москва, 2016, 382-403.
3. *Fauquet-Alekhine Ph., Fauquet-Alekhine-Pavlovskaya, E., & Gobbo A.* // Innovative subjective evidence-based ethnography applied to food consumer’s behavior: The case of wine. // 2nd International Interdisciplinary Business-Economics Advancement Conference (IIBA 2014), Istanbul, 2014, 430-435.
4. *Evans S.* // Where is the virtual self? Virtual worlds and the self as a cyborg. // Annual Review of Cyber Therapy and Telemedicine // 2016, 51-57.
5. *Fauquet-Alekhine Ph.* // Subjective ethnographic protocol for work activity analysis and occupational training improvement. // British Journal of Applied Science and Technology, 2016, 12 (5), 1-16.
6. *Fauquet-Alekhine Ph.* // Knowledge Management in High-Risk Industries – Coping with Skills Drain. // London: Palgrave Macmillan, 2020.
7. *Fauquet-Alekhine Ph., Bouhours G., Texier J., Loret A., Lahlou S., & Granry JC.* // Training improvement through subjective work analysis: The example of radial puncture for arterial blood gas test. // J. of Anesthesia, 2020 (accepted)
8. *Fauquet-Alekhine Ph., and Lahlou S.* // The Square of PErceived ACtion model (SPEAC model) applied in digital ethnography for work activity analysis: performance and workers’ perception. //

Current Journal of Applied Science and Technology, 2017, 22.3, CJAST-34985.
9. *Lahlou S.* // How can we capture the subject's perspective? An evidence-based approach for the social scientist. // Social science information, 2011, 50 (3-4), 607-655.
10. *Lahlou S., Le Bellu S., & Boesen-Mariani S.* // Subjective evidence based ethnography: method and applications. // Integrative Psychological and Behavioral Science, 2015, 49(2), 216-238.
11. *Phelps J.M., Strype J., Le Bellu S., Lahlou S., & Aandal J.* // Experiential learning and simulation-based training in Norwegian police education: Examining body-worn video as a tool to encourage reflection. // Policing: a journal of policy and practice 2018, 12(1), 50-65.

Личностные особенности кандидатов на службу в пограничных войсках

Хомченко И.А., Новак Н.Г.
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь
Ilseon14@gmail.com

В современном обществе как никогда актуальна проблема безопасности границ. Появляется всё больше и больше способов провоза через границу контрабанды, оружия, наркотиков, переправления незаконных эмигрантов. Уровень террористической угрозы остаётся на высоком уровне, а также военные конфликты в соседних странах приводят и к нестабильности в пограничных зонах, вызывая потоки беженцев.

В данный момент вопрос личности кандидатов на службу и бойцов пограничных войск стоит особенно остро, так как отмечается нехватка кадров и требуется модернизация методов отбора будущих бойцов.

Анализ источников позволяет определить ряд критериев профессиональной пригодности будущего бойца. Главными критериями профессиональной пригодности кандидата является его психологическое и физическое здоровье. Дисциплинированность является одной из базовых характеристик военного, и она в обязательном порядке должна присутствовать в личности кандидата на службу в пограничные войска. Также при приёме на службу проверяется наличие и выраженность акцентуации характера. Будущий боец пограничных войск должен иметь хороший уровень

адаптации, благодаря которому боец сможет приспособиться к быстроменяющимся условиям службы и в дальнейшем эффективно выполнять возложенные на него обязанности.

Стоит отметить, что на основании проанализированных источников можно определить следующим образом: профессиональная мотивация – это совокупность действия конкретных побуждений, которые определяют профессиональный выбор и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с этой профессией; профессиональная мотивация формируется под влиянием факторов окружающей действительности, а также работы по профессиональной ориентации.

К факторам выбора профессиональной деятельности можно отнести следующие:

- отношение к профессии членов семьи и близких родственников;
- отношение к профессии друзей и ближайшего окружения кандидата;
- задатки, способности и предрасположенность к данной деятельности;
- личные профессиональные планы, основанные на интересах, которые, в свою очередь могут разделяться на профессиональный интерес и косвенный (побочный);
- уровень ориентирования на признание со стороны социума, к этому же пункту можно отнести и престижность выбираемой профессии;
- информированность кандидата о содержании профессиональной деятельности;
- склонности, как особые механизмы психики, которые нужны для успешной деятельности в выбранной профессии;
- особенности характера и темперамента кандидата [1, с. 78].

К особенностям профессиональной мотивации кандидатов на службу в пограничные войска, можно отнести желание проходить службу в элитных и престижных родах войск и получая значительную материальную стимуляцию службы. Помимо этого, специфической мотивацией является желание проходить срочную военную службу в более комфортных условиях на основе контракта. Для кандидатов, поступающих на срочную службу по контракту, в основном, соответствует третичный уровень военно-профессиональной мотивации. В остальных случаях стоит говорить о вторичном и третичном уровнях [2, с. 260]. Служба в Вооружённых Силах является типично мужским занятием, потому можно отметить желание кандидатов соответствовать гендерной роли. Ещё раз стоит отметить,

что, зачастую, службу в пограничных войсках рассматривают как способ улучшить собственное материальное благополучие.

На основании проведённого эмпирического исследования были выявлены следующие личностные особенности кандидатов на службу в пограничные войска: словоохотливость, общительность, приподнятое настроение, зачастую экстравертивность. Кандидаты отличаются высоким уровнем эмоционального и поведенческого самоконтроля. Спокойствие и расслабленность сочетаются с высоким уровнем личностного адаптивного потенциала, что позволяет легко и эффективно приспосабливаться к новым условиям. Кандидаты имеют адекватно высокую самооценку, и это сочетается с демонстративными чертами характера, которые характеризуют их как стремящихся к успеху и вниманию со стороны окружающих. Данная характеристика относится к большинству кандидатов, поступающих на службу в пограничные войска.

Кандидаты обладают большей эмоциональной стабильностью, имеют высокие показатели самоконтроля и спокойствия, а также низкие показатели тревоги. Отличаются высокой степенью открытости и общительности, что также выливается в жажду активной деятельности и более высокие результаты в творческой деятельности. Поступившие на службу кандидаты более ответственны и решительны. Также кандидаты обладают демонстративными чертами личности, что выливается в жажду похвалы и одобрения, ради которой способны даже на ложь. Данные характеристики позволяют кандидатам хорошо адаптироваться к меняющимся условиям, при этом сохранять высокую эффективность деятельности и стабильно высокую и адекватную самооценку.

Полученные результаты исследования помогут лучше узнать мотивацию и личностные особенности кандидатов на военную службу в пограничные войска. Исследование позволит в дальнейшем разработать психологический портрет и выявить основные характеристики (в том числе и мотивационные), требуемые от будущего военнослужащего в пограничных войсках. Помимо этого, полученные данные можно будет использовать для корректировки процесса профессионального отбора будущих бойцов пограничных войск.

Данные исследования позволят лучше понимать проблемы, которые могут возникнуть в процессе несения воинской службы и разработать ряд мероприятий, направленных на улучшение психологического климата у военнослужащих пограничных войск.

Литература

1. *Приступа И.В.* Факторы социально-психологической адаптации военнослужащих по призыву различных возрастных групп // И. В. Приступа. - Вестник Военного университета, 2011. – № 3. – С. 28-36.
2. *Оспенников С.В.* Структура личностного роста преподавателя военно-образовательного учреждения ВВ МВД России, особенности и условия его развития // А.В. Шулаков, С.В. Оспенников. – Сибирский педагогический журнал, 2013. – № 3. – С. 257-263.

К исследованию представлений студентов психологических факультетов о профессии организационного психолога

Цветков Р.А., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tsvetkov.roman.96@mail.ru, elen.litvinova@ya.ru

Исследования представлений студентов о будущей профессии актуально, поскольку они должны соответствовать постоянно меняющемуся содержанию профессиональной деятельности и требованиям, которые выдвигает профессия по отношениям к молодым специалистам. Современные тенденции таковы, что возможность корректировать ожидания от будущей профессии и обладание гибкой системой представлений является важным компонентом адаптации на рабочем месте и удовлетворенности трудом. Разработанная модель компетенций организационного психолога наглядно иллюстрирует актуальность подобного рода разработок как для потенциальных работодателей, так и для специалистов данного профиля. В нашей стране профессия организационного психолога только начинает свое становление, поэтому крайне важно, чтобы процесс обучения организационных психологов был нацелен на формирование необходимых профессиональных компетенций и учитывал всю совокупность представлений об этой профессиональной деятельности. Вторая важнейшая задача – формирование самой системы представлений, как гибкой, способной к развитию и изменениям [1].

Мы можем обнаружить различные попытки изучения представлений о какой-либо профессии как со стороны формирования основных компетенций, так и со стороны выявления дифференциации

представлений о профессии в ходе учебного процесса по мере освоение учебных курсов по специальностям [3]. Работ, посвящённых изучению взаимосвязи личностных особенностей с представлениями о профессии, существенно меньше, и носят они фрагментарный характер. Скорее всего, подобное обстоятельство обусловлено, с одной стороны, небольшим количеством подготовленных и работающих специалистов, а с другой – отсутствием представлений у работодателей о принципиальной необходимости организационного психолога, ввиду недостаточной информированности о его компетенциях и возможностях. Кроме того, сами выпускники соответствующих специальностей зачастую также не в полной мере информированы ни о компетентностной модели организационного психолога, ни о требованиях организации к молодому специалисту. Завышенные ожидания, свойственные многим представителям поколения Y, в сочетании с отсутствием гибкости в коррекции представлений о профессиональной деятельности могут приводить к разочарованиям в выбранном профессиональном пути, профессиональной фрустрации и отказу от профессии.

В связи с этим представляет интерес изучение взаимосвязи личностных особенностей студентов психологических факультетов с их представлениями о профессии организационного психолога. Важно также, на наш взгляд, обратить внимание на суждения студентов относительно рейтинга приоритетности компетенций специалиста в области организационной психологии. Возможно, это поможет скорректировать программу обучения на этапе бакалавриата и магистратуры с позиции преподавания и сделать более специфическим отбор студентов магистратуры для нацеленного обучения.

Учитывая необходимость получения обратной связи от представителей всех задействованных групп (работодателей, студентов и преподавателей), мы решили начальный этап исследования посвятить представлениям студентов, как наиболее обширной и заинтересованной группы. Кроме того, именно выпускники вузов по окончании освоения учебной программы по специальности организационный психолог, будут реализовывать такую компетенцию, как психологическое просвещение в рамках организации, создавая и поддерживая имидж специалиста, тем самым формируя целостную систему представлений о специальности и специалисте. Не исключено, что это будет способствовать улучшению ситуации на рынке труда путём информирования о компетенциях специалиста, и как следствие этого - увеличению потребности в организационных психологах со стороны различных организаций.

Выборкой исследования являются студенты факультета социальной психологии МГППУ, поскольку их учебная программа включает в себя как близкие к компетенциям организационного психолога учебные дисциплины, а также близкие к ним кафедры и магистерские программы обучения [2]. Планируется изучить как представления студентов-психологов о профессии организационного психолога на разных этапах обучения, так и проследить возможную динамику изменения этих представлений.

Подобные исследования открывают, в том числе, возможности для детального изучения характерных особенностей восприятия учебной деятельности, как подготовки к будущей профессии студентами психологических вузов, тем самым способствуя созданию наиболее гибкой модели обучения и качества контроля освоения компетенций организационного психолога. Изучение взаимосвязи представлений о профессии организационного психолога с личностными особенностями студентов «целевого» психологического факультета может способствовать также выделению критериев для более обоснованного отбора студентов на соответствующие специальности.

Литература

12. *Погодина А.В., Литвинова Е.Ю., Харченко М.А.* Компетентностный подход к подготовке организационных психологов в контексте реформирования системы высшего профессионального образования // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 108-122.
13. *Серкин В.П.* Специализированные семантические дифференциалы для оценки работы, профессии и профессионала: Опубликовано: Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. № 5, 2007. – С. 11 – 29.
14. *Склейнис, В.А.* Исследование развития представлений о своей профессии студентов медицинских вузов / В.А. Склейнис, С.А. Чередниченко, А.В. Степанюк. Текст: непосредственный, электронный // Молодой ученый. 2012. № 8 (43). С. 283-285. URL: https://moluch.ru/archive/43/5249/ (дата обращения: 14.04.2020).

К вопросу о сравнительном анализе юмористических сюжетов по поводу ситуации неопределенности.

Целищева О., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
divu-olga@rambler.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

Ситуация неопределённости может выступать триггером тревоги. Согласно исследованиям Г.Хофстеде общества различаются по степени переживания ситуации неопределенности [4]. Юмор является одним из способов «отреагирования» страха, возникающим в ответ на ситуацию тревоги и неопределенности [1; 4]. Таким образом цель нашего исследования – проведение сравнительного анализа юмористических сюжетов (интернет-мемов), созданных в США, Китае и России по поводу ситуации пандемии COVID19.

Задачи исследования включали следующие этапы: 1. Подбор юмористических картинок на интернет порталах Китая, США и России. 2. Составление таблицы анализа, которая включала в себя следующие параметры: количество лайков; перепостов; тип психологической реальности (отрицание, торг, депрессия, принятие); описание сюжета; тип юмора; параметры измерения неопределенности по Г.Ховстеде (правила, внутригрупповое согласие, отношение к нормам и т.д.) 3. Проведение подробного категориального и контент анализа картинок по заданным параметрам 4. Сопоставительный категориальный и контент анализ по каждому параметру по каждой стране.

Для анализа неопределенности мы взяли за основу методику измерения культур Герта Хофстеде [5] и метод стадий принятия неизбежной проблемы Элизабет Кюблер-Росс [2] (отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие).

Культуры с высоким уровнем избегания неопределенности имеют очень низкий уровень терпимости к неопределенности, что выражается в высоком уровне тревожности, страха и стресса, и, как следствие, к агрессивному поведению, как к такому выбросу энергии «сбросить пар». Индивидам как бы «разрешается» агрессивное поведение, даже если при этом они предпочитают сдерживать агрессию, избегая конфликтов и конкуренции. Самый высокий показатель избегания неопределенности в выбранных для анализа странах является Россия: UnAv=95 [5]. Культуры с низким уровнем избегания неопределенности имеют более низкий уровень стрессов, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску в незнакомых условиях и для них характерен

более низкий, уровень стрессов в неизвестной ситуации [3]. В выбранных странах показатели неопределённости распределились следующим образом: Китай UnAv=30 и США UnAv=46.

Проведенный сравнительный анализ позволяет предварительно сформулировать следующие выводы:

- различия в показателе терпимость к неопределенности имеют как культурно-универсальный, так и специфический характер;
- тип сюжета значимо меняется в зависимости от фазы развития пандемии во всех трёх странах;
- юмористические картинки из Китая имеют культурно специфический показатель “смешного”, в то время как картинки из США и России имеют универсальный критерий «смешного».
- во всех трёх странах картинки включали в себя популярных культурных персонажей.

Литература

1. *Бергсон А.* Смех/М.: Издательство Искусство. -127 с.
2. *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании/ М.: София, 2001: https://avidreaders.ru/read-book/o-smerti-i-umiranii.html
3. *Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации/М.: Юнити-Дана, 2003.-352 с.
4. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному/ М.: Издательство АЗБУКА., 2015.- 288 с.
5. *Ховстеде Г.* Сайт Герта Хостеде: https://www.hofstede-insights.com/

Социально-психологический тренинг: итоги развития концепции М. Форверга в России

Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

vchiker@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00369 «Интрапсихические предикторы этикетного поведения субъектов учебного процесса в вузе»)

Почти 40 лет прошло с того времени, когда в 1982 г. в Ленинградском государственном университете немецким ученым Манфредом Форвергом (M. Forwerg) впервые был представлен

совершенно новый и до того времени, малоизвестный в нашей стране метод практической социальной психологии – социально-психологический тренинг, получивший устойчивую аббревиатуру – СПТ. Затем, в 1984 г., им же была опубликована концептуальная статья в ведущем психологическом журнале нашей страны [2]. Первоначально метод был апробирован Форвергом в 70-е годы в Лейпцигском и Йенском университетах, а затем ведущие преподаватели факультета психологии ЛГУ были обучены основам методики проведения этого вида тренинга, а те, в свою очередь, передали опыт его ведения и методологии своим ученикам. Взаимодействие по многим вопросам практической работы и освоения тренинга как метода практической социальной психологии проходило в тесном взаимодействии с Л.А. Петровской [3], передававшей с огромным энтузиазмом свой неоценимый опыт ведения тренингов.

Разработанная программа тренинга, его структура и основополагающие бихевиоральные идеи тренировки коммуникативных навыков стали базой для разработки множества идей по совершенствованию этих компетенций, необходимых буквально во всех областях жизни. Например, это тренинги межличностного общения, этических правил статусного взаимодействия, ролевых и социальных умений, адаптационных стратегий поведения в студенческой и профессиональной среде, бизнес-навыков, креативности, ведения переговоров, управленческих и профессиональных умений, разрешения конфликтов, командообразования, публичного выступления, внедрения инноваций, эффективных продаж и многих других [1]. Программы разработаны как для представителей профессиональных аудиторий, так и для людей, имеющих трудности в общении; направлены на аудиторию взрослых людей (как это концептуально было предусмотрено первыми обучающими программами), так и на детей. Практическое овладение навыками групповой работы достаточно быстро стало необходимой компетенцией каждого практического психолога, а элементы групповой работы и интерактивные составляющие передачи знаний считаются неотъемлемой частью практически всех программ обучения.

Вероятно, пришло время оценить результаты столь интенсивного внедрения метода в работу практических психологов и образовательный процесс. Ниже мы постараемся в очень сжатой форме представить самые главные позитивные и негативные следствия широчайшего применения социально-психологического тренинга, уже пришедшего, на наш взгляд, к пиковой точке своего

развития, что позволяет подвести некоторые итоги, привлекая также и личный опыт работы в этой сфере.

Позитивные составляющие групповой работы по программе СПТ обусловлены, на наш взгляд, прежде всего, максимально четко выстроенной целевой направленностью, логической структурой и четко алгоритмизированным построением базовой программы тренинга, на «платформе» которой возможно создание и проведение перечисленных выше вариантов программы. Это делает базовую программу легкой для понимания многих групповых процессов и первоначального освоения действий тренера в группе.

Для психологов работа в тренинговом режиме подтверждает факты влияния малой группы на индивидуальное личностное, социальное и профессиональное развитие участников группы. Речь идет о социально-психологических явлениях, связанных с интенсивным общением в групповом взаимодействии. Это групповое влияние, лидерство, конкуренция, сплоченность, доверие, консолидация и многие другие [4]. При профессиональной работе тренера направленность этих феноменов, как правило, позитивная и развивающая, что и породило высокую востребованность тренингов во многих областях деятельности.

Негативные составляющие групповой работы стали проявляться с накоплением опыта в этой области практической деятельности. Прежде всего, это ярко выраженная коммерческая составляющая, о которой писал еще К. Рудестам [5]. Такая направленность приводит в тренерской работу большое количество людей с несформированным гуманитарным сознанием, исключительно материальной мотивацией и сопутствующей этому профессиональной некомпетентностью. Кроме некомпетентных тренеров появился целый отряд некомпетентных «учителей тренеров».

Другой нерешенной задачей тренингов следует считать довольно быстрое «затухание» эффектов тренинга и обязательную необходимость создания посттренингового сопровождения, программы которого редко существуют в реальных организациях и трудно поддаются реализации в силу многочисленных, в том числе материальных, причин.

Кроме этого, нам кажется, что и в теории, и в практике до сих пор не проведены четкие границы между различными подходами к групповой работе. Не секрет, что словом «тренинг» обозначаются сейчас практически любые групповые обучающие процедуры, что не соответствует базовым идеям М. Форверга.

Литература

1. *18 программ тренингов. Руководство для профессионалов.* Под ред. В.А.Чикер. СПб., Изд-во «Речь», 2007.
2. *Форверг М., Альберг Т.* Характеристика социально-психологического тренинга//Психологический журнал,1984, т.5, №4.
3. *Петровская Л. А.* Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
4. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология. М., «Проспект», 2020.
5. *Рудестам К.* Групповая психотерапия. М., 1990.

Взаимосвязь способности рефлексии и уровня самоактуализации личности в творческой деятельности

Чистякова О.А., Хаймовская Н.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tatisheva@yandex.ru, ecochist@mail.ru

Творческие люди способны создавать что-то новое, полезное, социально значимое. Занятие творчеством помогает людям самоактуализироваться, раскрыть свой внутренний потенциал. Развитая рефлексия способствует самоактуализации личности. При этом рефлексия понимается как процесс отражения субъектом содержания собственной психики, самовосприятие содержания психических процессов, свойств, состояний, а также их регуляции; как специфическая человеческая способность, которая позволяет сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя предметом рассмотрения и практического преобразования. В то же время слишком высокая рефлексия мешает самоактуализации. Поэтому важно понять, как рефлексия связана с самоактуализацией.

Проблема заключается в том, что данные по связи самоактуализации и рефлексии неоднозначные. Так, авторы пишут, что между ними связь положительная. В то же время высокая рефлексия сочетается с такими личностными качествам, которые не встречаются у самоактуализировавшихся личностей. Также данные о самоактуализации у творческих личностей неоднозначные. Хотя самоактуализация связана с креативностью, у творческих личностей

отмечаются качества, которые не характерны для самоактуализировавшихся личностей. Поэтому проблема связи самоактуализации и рефлексии у творческих личностей остается нерешенной.

Понятие «самоактуализация» – центральное понятие гуманистической психологии, которым обозначается полное раскрытие и применение человеком своих талантов, способностей, возможностей. Родоначальниками теории самоактуализации личности являются К. Роджерс и А. Маслоу, которые понимали самоактуализацию как личностный рост, развитие человека, в процессе которого актуализируются и реализуются все заложенные в человеке от природы способности, таланты, задатки.

В современной отечественной психологии самоактуализацию можно определить как психическую деятельность человека по раскрытию своих способностей, личностному росту и развитию; как предшествующий самореализации этап.

А. Маслоу придерживался мнения, что креативность и самоактуализация функционально взаимозависимы: креативность способствует самоактуализации, а самоактуализация обеспечивает развитие креативности. Также А. Маслоу считал, что самоактуализирующаяся личность креативна и оригинальна [4]. Полученные в исследовании А.Е. Ильиных, Н.В. Асановой, А.А. Яшаниной результаты не подтвердили это. В регрессионной модели ни один из параметров креативности не явился значимым предиктором самоактуализации [2]. Таким образом, творческая личность не обязательно является самоактуализировавшейся.

Под творческой личностью обычно понимается индивид, который: 1) имеет установку на осуществление творческой деятельности, готовность к творческой деятельности и 2) умеет ее осуществлять, то есть владеет средствами и способами ее осуществления и имеет опыт их использования в процессе собственной творческой деятельности [1]. Творческую личность характеризуют психологические особенности: 1) стабильные и ярко выраженные увлечения, которые могут приобретать черты страсти; 2) одиночество; 3) открытость и чувствительность; 4) различное сочетание бунтарского и консервативного поведения; 5) склонность к мечтательности и фантазии; 6) отвращение к стереотипам; 7) чувство гордости и смирения; 8) смесь интеллекта и наивного поведения; 9) высокая активность [5]. Среди творческих личностей встречаются люди с различным уровнем самоактуализации. Каков уровень рефлексии у творческих личностей – вопрос, который требует дополнительного

изучения. Однако доказано, что креативность положительно связана с рефлексией [3].

Для исследования рефлексии и самоактуализации у творческих личностей применялись методики: тест САМОАЛ Э. Шострома, методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, тест на вербальную креативность Медника, а также методы математической статистики. По результатам предварительного анкетирования было сформировано 2 группы: первую составили актеры любительского театра (28 чел.), т.е. люди с творческим увлечением; вторую – люди, подтвердившие, что не имеют никакого творческого увлечения (36 чел.). Всего в исследовании приняли участие 64 человека в возрасте от 18 до 45 лет.

Результаты эмпирического исследования показали, что у актеров любительского театра:

1) более выражены гуманистические ценности, выше аутосимпатия, креативность и общительность (по методике САМОАЛ); выше вербальная оригинальность и социорефлексия (осознание переживаний других людей), чем у людей, не имеющих творческих увлечений.

2) социорефлексия прямо коррелирует с общительностью, положительным взглядом на природу человека (верой в людей, в их доброту), гуманистическими ценностями; ретроспективная рефлексия (склонность к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и свершившихся событий) обратно коррелирует с аутосимпатией.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что люди, имеющие творческие увлечения характеризуются как более самоактуализирующиеся, чем люди, не имеющие творческих увлечений. Ретроспективная рефлексия может затруднять самоактуализацию творческих личностей, а социорефлексия, наоборот, способствует их самоактуализации.

Литература

1. *Богин В.Г.* Обучение рефлексии как способ формирования творческой личности. URL: http://school-1.ru/articles/obuchenie_refleksii_kak_sposob
2. *Ильиных А.Е., Асанова Н.В., Яшанина А.А.* Креативность и самоактуализация в контексте смысложизненных ориентаций, эмпатии и самооценки // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2016. № 1(11). С. 31–37.

3. *Маркина Н.А.* Рефлексивные механизмы креативности личности: автореферат дис. … канд. психол. наук. М., 2012. 28 с.
4. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб., 2019. 400 с.
5. *Чиксентмихайи М.* Креативность. Поток и психология открытий и изобретений. М., 2017. 528 с.

Гендерные особенности восприятия женской внешности

Шахтанова А., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
shakhtanova.a.a@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

В современном обществе и в средствах массовой информации существует активное культивирование нереалистичной женской фигуры, связанное с худобой, и принижение здоровой, реалистичной женской внешности с нормальным весом. Подобные социальные установки увеличивают число случаев возникновения расстройств пищевого поведения и нарушения образа собственного тела. При чем чаще всего данные установки рассчитаны именно на женщин, как основных потребителей товаров и услуг культуры «худобы», и чаще всего расстройствами пищевого поведения страдают молодые девушки.

Отсюда возникает вопрос, могут ли гендерные характеристики иметь связь с риском возникновения расстройств пищевого поведения и различается ли восприятие женской фигуры у представителей разных гендерных групп.

Тема гендера является относительно новой, исследования формирования гендера и гендерных стереотипов открывают всё новые факты о причинах и закономерностях в этой обрасти, которая стоит на стыке психологии, социологии и других наук, и влияет на многочисленные стороны человеческой жизни.

Психологи активно занимаются изучением того, с какими другими психологическими или физическими характеристиками может быть взаимосвязан гендер. Одной из таких характеристик является физическая привлекательность. Так же, известно, что гендер оказывает влияние не только на собственное, но и на восприятие образа тела противоположного пола [1]. Опираясь на исследования группу различных исследований, можно сделать вывод о том, что люди, которые принимают традиционные гендерные роли, феминные или маскулинные, при выборе партнера склонны отдавать

предпочтение более традиционным фигурам. Так, маскулинные мужчины будут склонны выбирать традиционно более женственную фигуру (фигура песочные часы), а феминные женщины будут выбирать традиционно более мужественную фигуру (более широкие плечи и спина). В то время как у испытуемых, не выбирающих и не следующих традиционным гендерным ролям, варианты предпочтений будут более разнообразны [2].

Целью данной работы является исследование гендерных особенностей восприятия именно женской фигуры, и у мужчин, и у женщин.

Для достижения этой цели нами было проведено тестирование 172 испытуемых, в возрасте от 12 до 50 лет, из которых 131 – женщины, и 41 – мужчины. В рамках исследования мы использовали следующие методики: вопрос: «представьте и опишите внешне привлекательную девушку», поло-ролевой опросник Сандры Бем, тест отношения к приему пищи (Eat-26) и визуальные методики на оценку женских фигур, разработанные нами.

Обработка эмпирических результатов показала, в ответе на вопрос, мужчины склонны более часто упоминать фигуру или вес при описании привлекательной женской внешности и больше использовать такие описания как: «стройная, спортивная, худая, подтянутая» и т.п. Так, среди мужской выборки, процент упоминания фигуры в ответах – 66%, в то время как среди женщин – 54%. При анализе этой же методики среди групп маскулинных и феминных испытуемых, мы видим, что маскулинные гораздо более чаще склонны упоминать описание фигуры – 75%, в отличие от феминных – 55%.

При анализе теста отношения к приёму пищи мы отметили значительно более высокий средний балл в женской выборке – 92 балла, чем в мужской – 68 балла. Полученные данные соотносятся с тем, как в целом обстоит ситуация в мире, где на данный момент риску РПП намного чаще подвержены именно женщины.

Анализ разработанных нами визуальных методик с изображением женских фигур с различным ИМТ позволяет нам сделать вывод, что гендерные различия проявляются в том, что маскулинные испытуемые имеют более традиционные представления о женской красоте, оценивая женские образы с большим индексом массы тела выше, чем андрогинные и феминные испытуемые. В то время как феминные испытуемые склонны более высоко оценивать женские образы с недостаточным индексом массы тела.

Сравнивая феминных и маскулинных испытуемых между собой, нами была замечена интересная закономерность: маскулинные

испытуемые склонны более часто упоминать описание фигуры при ответе на вопрос о внешне привлекательной девушке, и они предпочитают больший индекс массы тела, в то время как феминные испытуемые склоны меньше упоминать описание фигуры в своих ответах, но отдают предпочтения более худым женским образам. Андрогинные испытуемые занимают среднее положение почти во всех методиках. Из полученных результатов мы можем сделать вывод о том, что гендерные особенности восприятия женской внешности существуют, и гендерные установки будут оказывать влияние на то, какой тип женской фигуры и индекс массы тела будет считаться человека более привлекательным.

Таким образом, так как такие темы как гендер, пищевое поведение и восприятие женской внешности являются актуальными, стремительно развивающимися и меняющимися областями, открывающимися с разных сторон и с появляющимися новыми деталями по мере их изучения и развития общества, нам видится чрезвычайно важным проведение дальнейшего исследования для лучшего понимания современных тенденций.

Литература

1. *Берн Ш.* Гендерная психология. М., 2004.
2. *Суэми В., Фернхем А.* Психология красоты и привлекательности. СПб., 2009.

К вопросу о структуре Мы-концепции личности и группы

Шевченко Н.А.
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
sattva_n@mail.ru

Сегодня от социальной психологии ожидается разработка тех проблем, пути решения которых помогут преобразовать общественную, экономическую и политическую, культурную жизнь страны, достичь ее неуклонного движения вперед. Среди таких проблем находится и проблема Мы-концепции группы и личности, что обусловлено потребностью в понимании группы как единого субъекта и личности как ее неотъемлемой части. Под Мы-концепцией группы мы понимаем интеграцию образов и представлений группы о самой себе как о едином субъекте. Обладателем Мы-концепции может быть не только группа, но и отдельная личность. В отношении

последней Мы-концепция – это итог отождествления себя с конкретной группой, осознание себя типичным членом этой группы [2; 3].

Опираясь на имеющиеся в литературе данные относительно структуры Я-концепции [1; 4; 5 и др.], мы разработали структуру Мы-концепции, представленную когнитивным, эмоционально-ценностным, волевым, поведенческим и мотивационным компонентами. Эта структура одинакова по составу компонентов в случаях Мы-концепции группы и Мы-концепции личности. Но содержание этих компонентов может различаться. Рассмотрим каждый компонент подробнее.

Когнитивный компонент Мы-концепции – это совокупность представлений как индивидуального, так и группового субъекта о себе, составляющих целостный «образ Мы». В случае Мы-концепции личности к этому компоненту относятся ее ролевые и статусные представления об общности, участником которой является личность, а также об особенностях типичного члена группы. В случае Мы-концепции группы это групповые представления об умениях, знаниях и навыках группы, ее уникальных характеристиках, задачах, ценности коллективной деятельности, средствах достижения целей и ближайшей зоне развития, в том числе о возможностях и ресурсах, которыми группа обладает.

Эмоционально-оценочный компонент Мы-концепции личности содержит ее представления об эмоциональных переживаниях относительно своего членства в группе, статуса в ней, принятия со стороны других ее членов. Этот компонент способствует осуществлению оценки человеком разных качеств и действий группы и пониманию того, как они влияют на самочувствие личности, насколько представляют для нее ценность, разделяет ли она их. Этот компонент Мы-концепции отражается на отношении человека к группе и к себе как ее неотъемлемой части, играя важную роль в проявлении самоуважения и уважения к группе, здоровой самокритики и критики в адрес группы. Эмоционально-оценочный компонент Мы-концепции группы включает представления о присущем ей «чувстве Мы» [3]. Они участвуют в создании командного духа, эмоционального настроя на совместную деятельность, формировании чувств вовлеченности в нее, сопричастности, уверенности в успехе, общегрупповой ответственности.

Волевой компонент Мы-концепции личности заключается в представлениях о принимаемых ею способах преодоления препятствий, которые являются типичными для группы, и ориентации

на них в своих действиях и поступках. В случае групповой Мы-концепции этот компонент ее структуры, связанный с проявлением волевого единства группового субъекта, отражает ее представления о совокупности способов и приемов самоуправления группы своими действиями, эмоциями в трудных ситуациях, в том числе конфликтных, сосредоточения сил и ресурсов на достижении стоящих перед группой задачи во фрустрирующих обстоятельствах. Этот компонент является важной предпосылкой принятия групповых решений об осуществлении совместной деятельности, а иногда и осознанного отказа от него.

Поведенческий компонент Мы-концепции группы содержит представления о характерных для нее как единого субъекта поведенческих паттернах, которые она осознает и поддерживает у себя, а также о комплексе используемых коммуникативных средств для выражения своих психических состояний, проявляющихся в действиях и поведении внутри группы и за ее пределами. То есть данный компонент включает представления о видах, формах и правилах как внутригруппового, так и межгруппового взаимодействия. Относительно поведенческого компонента Мы-концепции личности следует вести речь о представлениях человека о своем поведении, которое он демонстрирует как член группы. Этот компонент обеспечивает взаимодействие группы и ее членов со сторонними людьми и общностями, направленное на достижение конкретного результата одновременно с сохранением личностных и групповых границ.

Мотивационный компонент Мы-концепции группы и личности включает в себя представления группового и индивидуального субъектов о движущих силах своего поведения, деятельности, других видов активности. Подчеркнем, что мотивационный компонент является, на наш взгляд, центральным в структуре Мы-концепции, поскольку без мотивационной основы невозможна никакая активность, а, следовательно, и формирование представлений о себе как субъекте этой активности.

Обобщая, констатируем, что сформированность всех компонентов Мы-концепции личности и группы позволяет им быстро адаптироваться к изменениям жизнедеятельности, осознавать свои психологические особенности, а на этой основе создавать комфортные и безопасные условия внутригруппового и межгруппового взаимодействия, повышения качества и продуктивности выполняемой деятельности, реализации творческих ресурсов, взаимного обогащения субъектных потенциалов личности и группы.

Литература

1. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
2. *Бетанели Н.И.* «Мы» и «Я»: концепции общественного и индивидуального самосознания: автореф. дис. … канд. психол. наук. Тбилиси, 1980.
3. *Гайдар К.М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.
4. *Мантрова М.С.* К вопросу о компонентах Я-концепции личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-7. С. 34-37.
6. *Синчурина М.Г.* Структура Я-концепции: интеграция научных представлений // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 115-119.

Анонимное и публичное участие в виртуальных групповых дискуссиях

Ширков Ю.Э.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
shirkov@mail.ru

Анонимность в группе позволяет человеку раскрывать свои истинные мотивы, делиться тайнами и говорить о том, о чем сложно говорить, когда окружающие знают его имя. Прием сокрытия имени нередко используется в групповой терапии, в группах поддержки тяжелобольных, или людей, страдающих зависимостями. В нашем исследовании была предпринята попытка применения этого приема в групповой творческой работе.

Еще Гюстав Лебон писал о том, что причиной появления у толпы таких качеств, которые ранее не проявлялись у отдельных индивидов, является, в числе прочего, анонимность. Толпа позволяет индивиду ослабить контроль над своим поведением и поддаться инстинктам. Наличие чувства ответственности у входящих в толпу индивидов является критерием отличия анонимной разнородной толпы (например, уличная толпа) от не анонимного множества (совещательные собрания) [2].

С 1935 года существует общество Анонимных Алкоголиков, направленное на терапевтическую помощь страдающим алкогольной

зависимостью людям. Однако в данном случае анонимность понимается несколько в ином ключе. Да, члены общества могут представляться каким угодно именем, но принцип анонимности подчеркивает общую проблему, с которой борются члены общества АА. Это движение за достаточно короткий срок охватило практически весь мир и породило массу обществ-последователей: Анонимные Наркоманы, Анонимные Игроманы, Анонимные Шопоголики и пр. Можно констатировать эффективность анонимности как приема если не терапевтического воздействия, то привлечения людей с осуждаемыми зависимостями.

Анонимность вклада каждого участника в групповую работу и ослабление ответственности изучались в качестве причины социальной ленности, характерной для индивидуалистических культур [3]. Однако, как показали исследования этого феномена, при наличии некоторых условий, возникновение социальной лени ослабляется. Если обобщить эти условия, то получится список:

- личная вовлеченность членов группы в процесс решения задачи;
- личная ответственность каждого участника за собственные результаты;
- отдельный вклад каждого участника известен остальным;
- взаимное доверие между участниками;
- ценность самой задачи для группы;
- решение трудных или сложных задач [4; 5].

Это ставит вопрос о специфической связи между анонимностью и «социальным трудолюбием» при решении творческих задач, когда все эти факторы выражены ярко.

В связи с резкими переменами в мире стали актуальными исследования особенностей проявлений личности в интернет-среде. По данным, полученным К.С. Янг, именно анонимность, вместе с доступностью, безопасностью и простотой использования являются наиболее привлекательными аспектами общения в интернете для людей, имеющих интернет-зависимость [6].

Анонимность в интернете может принимать разные формы. Все чаще встречается такой вид анонимности, при котором реальным человеком создается новый персонаж, обладающим вымышленным именем и вымышленной историей жизни. В таком случае написанное этим персонажем технически будет иметь автора и не будет анонимным. Но сам автор – реальный человек – сохранит свою анонимность с помощью «маски» своего персонажа. Отличие этого вида анонимности в интернете заключается в размере личностного вклада автора. Если имя вовсе отсутствует под высказыванием, то

ответственность автора за текст сводится к нулю. Если же текст подписан, пусть и именем персонажа, то ответственность за него, личностный вклад в него остается для автора важными. В обоих случаях степень открытости и искренности текста может быть одинаково высокой в силу отсутствия боязни автора высказать свое искреннее мнение. В нашей работе мы использовать понятие анонимности в интернете как сокрытие истинной личности под «маской» вымышленного персонажа.

Что касается публичности, то она предполагает открытое взаимодействие индивидов, возможность доступа к информации друг о друге. Однако социально принятые стандарты нередко заставляют личность скрывать свои истинные желания и мотивы, подавлять инстинкты и просто менять стиль поведения. Об этом, например, говорит И. Гофман в теории социальной драматургии [1].

Можно говорить об определенном противоречии: при анонимном взаимодействии индивид раскрывается полнее и честнее, хотя зачастую неизвестно, кто он; тогда как при публичном взаимодействии имя индивида известно, но степень его искренности и открытости – нет.

Проблема нашего исследования – сложная связь эффективности анонимного и публичного участия в процессе группового решения творческой задачи. Его целью было выявить, насколько анонимное участие по сравнению с публичным участием в процессе решения творческих задач удовлетворяет членов группы и является продуктивным. Мы предполагали, что при анонимном участии в групповом решении творческих задач эффективность групповой работы будет выше.

Сразу следует сказать, что экспериментально доказать гипотезу не получилось. Но работа над материалом позволила создать экспериментальную схему и сделать некоторые наблюдения.

Для сбора данных использовался метод эксперимента. Проведено 15 групп. Каждая группа состояла из четырех человек – двое мужчин, две женщины. Всего в исследовании приняли участие 57 человек. В контрольных группах происходили реальные встречи членов команд, за столом. В экспериментальных группах с публичным участием участники встречались в виртуальном пространстве под реальными именами. В экспериментальных виртуальных группах с анонимным участием взаимодействие происходило под вымышленными именами. В каждую категорию вошло по пять групп.

Работа в виртуальных группах происходила в социальной сети «ВКонтакте» с использованием функции «групповая беседа» и в онлайн-документах Гугл. Члены публичных виртуальных групп

принимали участие в групповой встрече, используя собственные персональные страницы. Члены анонимных виртуальных групп создавали новые персональные страницы и наполняли их, исходя из своих представлений о выдуманном персонаже.

Групповая работа в каждой группе длилась 60 минут, каждый испытуемый принимал участие в исследовании один раз, сессии модерировались по сценарию. Команды решали задачу создания интерактивной игры-квеста.

После сессий с помощью опроса измерялась удовлетворенность членов группы групповой работой. Каждому участнику предлагалось оценить по шкалам, насколько работа в данной группе удовлетворила потребность в единстве целей, в признании, в значимости вклада в групповое решение, в возможности выказаться. Для оценки продуктивности группы было привлечено пять экспертов, связанных с созданием и проведением квестов. Они оценивали решения групп по четырем параметрам, выработанным нами на основе синтеза критериев, принятых в системах финансирования научно-исследовательских проектов (rsci.ru).

Протоколы групповой работы (аудиозаписи реальных дискуссий и тексты виртуальных дискуссий) были задокументированы и законсервированы для дальнейшего качественного анализа. На настоящем этапе работы была проведена количественная проверка гипотез. Каждая группа получила сводные показатели удовлетворенности и продуктивности. Связь оценок экспертами продуктивности и оценок участниками удовлетворенности проверялась с помощью коэффициента линейной корреляции.

На основе анализа оценок значимости различий в эффективности виртуальных и реальных, анонимных и публичных групп выявлено не было. Этот результат можно связать с особенностями современного способа взаимодействия людей. Анонимный виртуальный способ работы и любого другого взаимодействия становится так привычен, что человек чувствует себя с ним так же, как без него. Другое объяснение – в растущем раскрепощении молодых людей, которые и составили нашу выборку. Публичное самовыражение в интернете все меньше сталкивается с ограничениями социальной желательности. И главная из возможных причин – специфика творческой деятельности, увлекающая участников, перекрывающая соображения опасности самораскрытия возможностью творческой самореализации. В таких условиях увлеченные люди готовы приложить все усилия для помощи общему делу.

Некоторые частные признаки наводят на гипотезы для продолжения исследования. Была замечена тенденция к значимости

различий по параметру «чувство полезности» между реальными и виртуальными группами, которая была выявлена после анализа персональных оценок каждого участника. Эта тенденция может свидетельствовать о такой особенности онлайн-взаимодействия, как ослабление ощущения связи с другими членами группы. Работа за общим столом представляется более «удерживающей» всех членов группы вместе, и стимулирующей к внесению собственного вклада в процесс решения.

Литература

1. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Конон-Пресс-Ц, 2000.
2. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб: Академический проект, 2011.
3. *Ойстер К.* Социальная психология групп. СПб.: Прайм-Еврознак, 2015.
4. *Brickner, M., Harkins, S., & Ostrom, T.* (1986). Personal involvement: Thought provoking implications for social loafing. // Journal of Personality and Social Psychology. 1986, № 51, p. 763-769.
5. *Harkins, S., & Jackson, J.* The role of evaluation in eliminating social loafing. Personality and Social Psychology Bulletin. 1985, №11, p. 457- 465.
6. *Young K.S.* Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction — and a Winning Strategy for Recovery. NY e. a. «John Wiley & Sons», 1998.

Особенности конфликтного поведения современных подростков

Шмырова Э.С., Грибкова О.В.
ФГМУ ТПО МГППУ, Москва, Россия
ela101@bk.ru, gribkova1975@mail.ru

С момент своего рождения человек проходит несколько кризисных периодов развития. Современная психология выделяет несколько основных кризисов, которые случаются с человеком до наступления 25 лет - то есть, до периода полного взросления и окончательного развития всех органов и процессов в организме. Наиболее сложными из них являются кризис трех лет, когда ребенок начинает осознавать свое я, его психика активно развивается, он начинает разговаривать, а

мыслительные процессы ускоряются и совершенствуются, а также, кризис подросткового периода, и как по другому называют этот период - пубертатный возраст или переходный возраст.

Подростковый период отличается в первую очередь бурной гормональной перестройкой, созреванием организма и мальчиков и девочек, что провоцирует определенные изменения в организме, психики, характере и поведении подростков. Психологи отмечают, что дети часто становятся более агрессивными и раздражительными, плаксивыми и обидчивыми именно в период полового созревания. У подростков, в период подросткового возраста происходят важные психологические изменения в жизни - они начинают осознавать себя, ищут свое призвание в жизни, у низ начинают формироваться отношения с противоположным полом, сверстниками и людьми старшего возраста. При этом, в общении с людьми старше себя, подростки стараются вести себя на равных, ощущая себя уже не маленькими детьми. Причины конфликтов в подростковом возрасте могут быть самые разные - неуспеваемость в учебе, лень, нежелание слушать старших, навязывание ребенку старшими своей точки зрения, недопонимание, высокомерное отношение к окружающим со стороны подростка. Можно отметить, что в основном конфликты ребенка происходят именно с окружающими его людьми, однако, основной конфликт ребенок переживает внутри себя.

Одной из причин, из-за которой в период подросткового возраста ребенок становиться более конфликтным, является чувство его взрослости, которое начинается у детей в этом период. На фоне того, что родители, учителя и другие взрослые люди считают подростка ребенком, и ведут себя с ним соответственно, происходит определенный диссонанс в сознании человека и отсюда - конфликт внутренний внешний (со старшими). Проявление отношения к подростку, как к маленькому ребенку, проявляется в чрезмерной опеке, недоверии, контроле действий ребенка. Это не вяжется с его внутренними ощущениями и приводит к конфликту, так как ребенок начинает доказывать свою взрослость и всеми способами пытается отстоять свое право на самостоятельности и собственное мнение. Помимо этого, дети в этом возрасте начинают оспаривать имеющиеся правила, требования, которые предъявлялись к ним ранее, например требования к учебе или режиму дня.

Отличительной особенностью проявления внутреннего и межличностного конфликта в пубертате является смена внешности. Примерно с 13-14 лет подростки начинают активно экспериментировать со своим внешним видом - одежда, прическа, косметика и другие проявления внешнего вида, с помощью которых

человек пытается выделиться из толпы, самоопределиться и заявить о себе как о личности. Такое поведение опять же приводит к конфликту со взрослыми, так как родители часто отказываются принимать новый образ ребенка и это непониманием становиться причинами ссор в семье и в школе.

После достаточно спокойного младшего школьного возраста подростковый возраст кажется бурным и трудным. В этом возрасте подросток самоутверждается среди сверстников, протестует и бунтует против взрослых, проявляет сильные эмоции и переживания. У многих родителей сложилась позиция, которая препятствует развитию социальной активности подростка — он только ребенок и должен слушаться взрослых. В результате в детско-родительских отношениях растет психологический барьер, стремясь преодолеть который, многие подростки прибегают к конфликтным ситуациям. Родители при этом стараются еще больше подавить ребенка, переходя на приказной тон общения.

Большой проблемой современного общества является то, что дети, находясь в конфликтной ситуации с родителями за помощью и поддержкой идут в интернет, где пытаются найти друзей, общение и часто попадают в опасные для себя ситуации. Во всемирной паутине ребенок пытается найти ответы на свои вопросы и способы выйти из конфликтной ситуации, и в результате получает советы от таких же детей, как и он сам. Дети в подростковом возрасте слишком доверчивы ко мнению таких же подростков, слишком восприимчивы к новой информации, и это приводит к тому, что получив неправильный совет, ребенок подвергает себя большой опасности, которая исходит от различных субкультур, криминальных субъектов, порнографии, и других источников информации, которые негативно могут повлиять на его жизнь.

Большинство авторов указывают на высокую вариативность протекания подросткового кризиса и его зависимость от внешне средовых условий таких как, психолого-педагогическое сопровождение, характер идентификации, климат в семье, отношения со сверстниками и учителями и др. В связи с этим актуальным является изучение существующего уровня конфликтности и разработки индивидуальных и групповых мер по снижению конфликтности и агрессивности в подростковом звене. Основной задачей родителей и педагогов в общении с ребенком, который находится в состоянии кризиса переходного возраста, является поиск точек соприкосновения, взаимопонимания и компромиссов, которые позволяют подростку чувствовать себя в безопасности, не подавляют

его развитие как личности и самостоятельность, а также, помогают научить доверять взрослым.

Литература

1. *Грибкова О.В., Манахова В.В.* Модель психологического сопровождения семьи в условиях образовательного процесса // Москва: ООО «Исследовательская компания «Дискурс». 2018. №9. С.47- 52.
2. *Манина К.Е.* Особенности конфликтного поведения современных подростков // Акмеология. 2014.
3. *Огородник С.И., Лященко Л.В.* Особенности конфликтного поведения современных подростков // Образование и воспитание. 2016. №5. С. 16-18.
4. *Смирнова Т.С., Ручкина А.А.* Особенности конфликтного поведения в подростковом возрасте // Молодой ученый. 2016.

Стереотипия общения: взрослые дети и узнаваемость родительских фраз

Шнейдер Л.Б.
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
lshnejder@yandex.ru

Общение отражает социально-психологический аспект образа жизни семьи. В нем проявляются все нюансы детско-родительских отношений и стилей воспитания. Развитие ребенка определяется тем, насколько хорошие условия для общения с ним есть в семье; оно также зависит от четкости и ясности внутрисемейной коммуникации.

Общаясь, родители обмениваются с ребенком информацией. Миропостижению, взаимодействию с другими людьми, пониманию себя ребенок учится, общаясь с ними. С возрастом детей, изменением их позиций, нарастанием потребности в независимости, приобретением опыта детско-родительская коммуникация качественно преобразуется. Так должно быть, но в реальности все обстоит иначе.

Люди рано овладевают различными способами и типами общения, которые остаются устойчивыми на протяжении всей жизни. Прежде и быстрее всего осваиваются коммуникативные приемы, принятые в биологической семье, транслируемые родителями. Эти приемы просто изобилуют речевыми штампами, избитыми фразами. Речь идет о стереотипии общения, сквозь которую личностно-интимный характер общения вообще не просматривается.

Иногда родителям кажется, что они очень убедительны и однозначны в общении с детьми, в то время как дети чувствуют, что идет формальный процесс коммуникации, когда общаются не живые люди, а ролевые манекены. По сути, это объектно-объектный характер общения.

Интернет [3; 4; 5] пестрит набором маминых фраз, которые не продуктивны для общения с детьми и одновременно весьма живучи. Они легко воспроизводятся от одного поколения к другому.

В связи с этим для проверки устойчивости и узнаваемости таких фраз было проведено небольшое исследование, где 25 респондентам (молодые люди от 20 до 25 лет) предлагалось отметить с детских лет хорошо знакомые и известные родительские фразы. Всего предлагалось для опознания 40 таких родительских фраз.

В порядке убывания ответов респондентов они расположились следующим образом:

1. А волшебное слово? - 92% узнавания
2. Доедешь — позвони. – 84%
3. Заняться нечем? – 80%
4. Подрастешь — поймешь. 72%
5. Шапку надень! 72%
6. Я с кем разговариваю? 68%
7. Перехочется! 64%
8. А у тебя одно место не слипнется? 64%
9. Марш домой! 64%
10. А если все с крыши прыгнут, ты тоже прыгнешь? 64%
11. У тебя что, дома своего нет? 60%
12. Ты для нас всегда будешь маленьким. 52%
13. На кого ты похож(а)? 52%
14. Сколько можно говорить? 52%
15. Дома поговорим. 52%
16. Сдачу вернешь. 52%
17. Вот я в твоём возрасте... 48%
18. Я тебе слово — ты мне десять. 48%
19. Потому что я так сказала. 40%
20. Пока не доешь — никуда не пойдешь. 40%
21. Тебе что, одному в школе ничего не задают? 40%
22. Не будешь учиться — пойдешь дворником работать. 36%
23. Я тебе русским языком говорю! 36%
24. Когда я ем, я глух и нем. 36%
25. Ну, так я найду сейчас тебе дело. 32%
26. Так, мне это надоело. 28%
27. Я тоже много чего хочу. 28%
28. Чего сидишь? 20%

29. Надень свитер, я же знаю, что тебе холодно. 20%
30. Все болезни от этого твоего компьютера. 20%
31. Тебя только за смертью посылать! 16%
32. А уроки Пушкин будет учить? 16%
33. Не корчи рожи. 12%
34. Не бурчи под нос. 12%
35. Со своими подружками будешь так разговаривать. 12%
36. За что мне такое наказание?.. 8%
37. А ты через «не хочу». 8%
38. Молись, чтобы эта гадость отстиралась. 4%
39. На каникулах из учебников не вылезешь. 4%
40. За гаражи не ходи. 4%

Обращает на себя внимание, что 12 фраз – это риторические вопросы, которые не предполагают никаких ответов («Я с кем разговариваю?» и пр.). Более того, если вдруг ребенок начнет отвечать, подробно информировать, то это, скорее всего, вызовет раздражение и досаду. Зачем тогда спрашивают… Никакого диалога нет.

Весь смысл таких речевых посылов связан с «призывной мотивацией», направленной на стимулирование какой-то деятельности или прекращение определенных действий. Но подается она в закамуфлированном вопрошающем виде. Содержательно она вокруг трех воспитательных задач, решаемых родителями: еда, послушание, учеба [2].

Часть фраз носит явно указующий характер. Они и произносятся громким голосом, в безапелляционном тоне. Направленность та же самая: повелевающая («Марш домой!») или запретительная («Не бурчи под нос»!).

Третья часть родительских фраз носит запугивающий, устрашающий характер. Сто лет уже звучит в разговорах родителей с детьми одна и та же фраза: «Не будешь учиться — пойдешь дворником». Из этого же набора «Подрастешь — поймешь», «Молись, чтобы эта гадость отстиралась».

Есть еще констатирующие фразы, типа: «Я тебе слово — ты мне десять» и многое другое.

Итак, все фразы узнаваемы, безлики, не соответствуют возрасту респондентов. Вряд ли уместно 25-летней девушке напоминать о «волшебном слове» или надевании шапки. И признание родителей, произносимых умилительным тоном: «Ты для нас всегда будешь маленьким», только обескураживают 20-летнего парня. Ровно так же, ка и «Надень свитер, я же знаю, что тебе холодно». Вероятно, родитель упорно «смотрит на ребенка сверху вниз и считает его маленьким независимо от возраста» [1, с. 55]. Такой образ ребенка

может сохраняться в течение всей его жизни в неизменном виде. Учета взросления не происходит.

Таким образом, в воспитательном взаимодействии происходит следующее. В момент общения с детьми родитель истолковывает и интерпретирует все совершающееся на основе прошлого опыта общения с малышом, на основе этих интерпретаций он строит свое коммуникативное поведение с взрослеющими детьми. Нередко он говорит не то, что думает, не способен и не готов показать свои истинные чувства, соответственно не может выразить в словах своих надежд и требований. Тогда он использует стереотипные родительские фразы.

Все эти фразы, принимаемые за истину в последней инстанции - свидетельства родительской некомпетентности. За ними прячется невнимательность к детям, рассеянный взгляд на их проблемы, шаблонное (схематическое) общение, приводящее к непониманию своих детей.

Литература

1. *Сатир В.* Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту. М.: Апрель Пресс, 2002. – 320с..
2. Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н. Компетентное родительство. М., МПСУ, 2018. – 126 с.
3. 50 маминых фраз, которые я клялась не говорить своим детям. https://www.wday.ru/deti/vospitanie-detei/zolotaya-kollektsiya-50-lyubimyih-vyirajeniy-nashih-mam/. Дата обращения: 30.01.2020
4. 40 фраз https://www.baby.ru/blogs/post/356048847-25111346/ Дата обращения: 30.01.2020
5. 30 фраз https://www.stranamam.ru/post/2088163/ Дата обращения: 30.01.2020

Особенности формирования группы воспитанников в организации для детей-сирот

Шульга Т.И.

ГОУ ВО МО МГОУ, Москва, Россия

Shulgatatiana@gmail.com

В настоящее время основным направлением деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является их устройство в замещающие семьи. Результат данного направления способствовал сокращению детей в

организациях и изменению их состава. В организациях для детей-сирот остаётся контингент группы «риска» по семейному устройству и их психическим особенностям развития. Особенностью создания групп по семейному принципу в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является их состав: в основном мальчики-подростки (10–11лет и старше) и девочки старше 12 лет, довольно часто поздно отобранных у родителей, дети с ОВЗ, дети из многодетных семей (сиблинги) и дети с особым этническим статусом, в банке данных Министерства просвещения РФ с 2017 г. фиксируется, что мальчиков значительно больше, чем девочек, происходит увеличение в организациях детей, родители которых по заявлению оставляют их в организациях.[5]

Дети и подростки, которые редко испытывали любовь и заботу со стороны близких и родных людей, испытывают затруднения в проявлении эмоциональных положительных переживаний, так как их способность любить окружающих тесно связана с тем, сколько любви получили они в более раннем возрасте и в какой форме она выражалась.[3]

При выраженном стремлении подростков-сирот к общению со взрослыми и повышенной зависимости от взрослых проявляются неоднозначные отношения подростка к воспитателю в разных «трудных» жизненных ситуациях: реакция на запрет, замечания взрослых, столкновения различных интересов. Агрессивные, грубые ответы подростков взрослым показывают, что у них не сформирована «дистанция» в общении со взрослым.

Организация деятельности группы воспитанников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеет особенности: создана принудительно, по приказу администрации. Это затрудняет деятельность специалистов и, прежде всего, воспитателей по многим причинам: у детей нет возможности выбора группы, редко учитывается их мнение и интересы, возникает необходимость вынужденного общения в группе с другими сверстниками, часто незнакомыми детьми, постоянная подчинённость требованиям воспитателей, специалистов, невозможность побыть в одиночестве и т.д.[1]

В результате того, что у подростков нет постоянной заботящейся значимой фигуры взрослого, у них возникает постоянная необходимость приспосабливаться и заслуживать хорошее отношение у взрослых, что приводит к снижению активного отношения к жизни, развивается зависимость от других. Подросткам трудно сравнивать свою жизнь в семье с жизнью других детей в их семьях. Отношение к

себе у подростков-сирот повторяет их оценку окружающими взрослыми.

В новых условиях деятельности организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, при обеспечении во всех организациях приближенных к семейным условий проживания и воспитания детей, специалисты и прежде всего, воспитатель) работает с группой – семьёй. Такая группа имеет ряд особенностей в своём развитии, которые должен знать специалист.

Прежде всего «группа–семья» – это малая группа, так как она состоит из 6–8 человек, и у неё есть свои законы формирования и развития:

- сопротивляемость приходу нового члена группы;
- принятие или непринятие норм и правил членами группы; не все члены группы принимают их;
- своих членов группы всегда переоценивают, «наши лучше, чем другие», других оценивают более негативно;
- постоянная организация коалиций в группе – дружим против кого-нибудь;
- большинство наказывает меньшинство;
- не все разделяют ценности группы: группа давит и заставляет принимать установки, ценности;
- чем больше работает воспитатель с группой, тем сильнее идёт идентификация воспитанников, и воспитатель часто не может объективно оценить их поведение, поступки и т.д.;
- воспитатель в силу своего статуса может играть разные роли – роль старшего товарища, деспота, роль матери или отца, роль учителя, воспитателя-наставника.

Кроме особенностей деятельности группы, воспитатель, социальный педагог, учитывают необходимость организации такой малой группы–семьи, связанную с невозможностью передать воспитанника в другую группу, так как он должен обеспечить постоянство нахождения каждого члена группы, до его устройства – передать в замещающую семью, вернуть в кровную семью.

В своей деятельности воспитатель может опираться на модель И.П. Волкова, который разработал концепцию (модель) эмоциональной динамики развития малой группы, включающую 4 фазы. 1 фаза – первичного восприятия и опознания членами группы друг друга; 2 фаза – сближения, формирования оценки и самооценки, рефлексивных отношений, установок на совместное действие; 3 фаза – совместное действие, направленное на принятие межличностных ролей и определение статуса в общении каждого члена группы; 4 фаза – сцепления, укрепления чувства общности «Мы» [2 с.121-122].

В процессе общей деятельности группы происходит групповая социализация, которая позволяет разным членам группы находить взаимодействие друг с другом, договариваться. Происходят аффективные, когнитивные и поведенческие изменения у членов группы. Эти изменения являются результатом обоюдного влияния индивида и группы на протяжении «временного пространства» взаимодействия. Результаты можно видеть в ряде процессов: оценивание, принятие обязательств и ролевое перемещение каждого члена группы.

В социальной психологии описаны и выделены механизмы групповой динамики. К ним относят разрешение внутригрупповых противоречий членами группы (самостоятельно или под руководством кого-либо). Это может касаться столкновения противоречивых тенденций, рассогласования, дестабилизации отношений, конфликта, отсутствия выработки «культурных» критериев оценки действий группы.

Уровень развития малой группы определяется психологическим обменом членов группы. Он может быть ценностным обменом (семья, дети, признание, авторитет). Могут быть действия, адресованные отдельным членам группы (особое выделение, поощрение, доброжелательность и т.д.). Психологический обмен может проявляться как феномен социального проникновения и как феномен социальной эксклюзии (отношения человека и общества в случае невозможности принять социальную реальность, исключение из социальной системы) [3; 4; 5].

Таким образом, воспитатель организации для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должен помочь подросткам найти значимого взрослого для их успешной социализации в обществе.

Литература

1. *Куфтяк Е.В.* Психология семьи: регуляция и защита: Монография. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2011. 384 с.
2. Психология малой группы: ретроспективный научно-вспомогательный указатель отечественных трудов, изданных в СССР и России. 100 лет пути / Сост.: А.В. Сидоренков, В.А. Дорофеев, И.И. Сидоренкова, Н.Ю. Ульянова, О.Ю. Шипитько, Е.С. Коваль. Отв. ред. А.В. Сидоренков – М.: КРЕДО, 2014. – 268 с.

3. Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект/ отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М: Институт психологии РАН. 2015. 670 с.
4. *Шкопоров Н.Б.* Феноменология, динамика и психологические механизмы субъективной значимости другого человека для старших подростков в условиях школы-интерната: дис. … канд. псх. наук. М., 1980. 196 с.
5. *Шульга Т.И.* Роль значимого взрослого в деятельности организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. - Монография. М: ИИУ МГОУ., 2018 - 105 с.

Особенности стиля лидерства в общественных организациях с разным социально-психологическим климатом

Якимчук Е.Ю., Орлов В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elena28041991@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru

Так как для сотрудников общественных организаций в большей степени мотивацией для трудовой деятельности является успех в реализации общих целей, а не экономическая составляющая, то качество социально-психологического климата в них имеет большое значение. Для поддержания эффективности работы сотрудников от руководителя требуется создать и поддерживать структуру межличностных отношений, а также контролировать психологическое состояние отдельных членов организации. Важным условием эффективности руководителя, влияющим как на реализацию профессиональных задач, так и на создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе, является стиль управления.

Эффективность функционирования общественной организации во многом зависит от профессиональных и социально-психологических качеств ее руководителя [5]. Сложность в реализации целей организации для руководителя заключается в том, чтобы правильно делегировать задачи сотрудникам и контролировать выполнение плана, и одновременно с этим поддерживать благоприятные отношения между сотрудниками и контролировать поведение сотрудников в случае отклонения от плана. Основной задачей, с точки зрения развития благоприятного психологического климата в организации, является создание сплоченного коллектива.

Установлено, что между психологическим климатом развитого коллектива и эффективностью совместной деятельности его членов существует положительная связь [6].

Социально-психологический климат группы можно определить как «состояние коллектива, которое обусловлено особенностями жизнедеятельности группы. Это состояние представляет собой специфическое соединение психологического, социального и умственного – направлений, взаимоотношений, расположений, эмоций и суждений членов группы» [2]. Все это – отдельные компоненты социально-психологического климата.

Социально-психологический климат характеризуется как благоприятный или неблагоприятный. Для благоприятного климата характерны: активность и вовлеченность сотрудников при решении совместных задач; поддержка, доверие и доброжелательность членов организации друг к другу, взаимопомощь; свободное выражение мнения; чувство защищенности и безопасности. Для неблагоприятного психологического климата характерны ощущение зависти, агрессивный или пассивный настрой к работе, раздражительность, сплетничество, синдром профессионального выгорания у сотрудников, а также возникновение таких ситуаций, как групповая травля одного из членов коллектива или создание конфликтующих групп лиц, которые отказываются от выполнения общих задач.

Важным фактором, который определяет социально-психологический климат, является стиль руководства, который складывается из профессиональных и социально-психологических качеств руководителя. Основанием классификации стилей управленческой деятельности выступают также особенности делегирования полномочий (традиция идет от К. Левина) [3]. С тридцатых годов XX века стили управления принято разделять на авторитарный (директивный), демократический (коллегиальный) и либеральный (попустительский). Для авторитарного стиля управления характерны: единоличное принятие управленческих решений, ориентируясь на собственные знания и цели; доминирование руководителя над подчиненными; строгий контроль выполнения поставленных задач; подавление личной инициативы исполнителей. Для демократического стиля управления характерны: активное вовлечение сотрудников в процессы принятия решений, управления и контроля; разделение инициативы и ответственности; использование творческого и профессионального потенциала сотрудников. Для либерального стиля характерны: предоставление сотрудникам возможности самоуправления в желаемом для них режиме; снятием

ответственности с руководителя; отсутствие прямого контроля. Однако не все руководители используют в своей работе только один стиль управления, чаще всего у опытного руководителя идет совмещение нескольких стилей, что способствует лучшему и эффективному результату деятельности руководителя [4].

Объектом нашего исследования является социально-психологический климат коллектива в Центре гражданских инициатив «Право на жизнь» (25 сотрудников) и коллектива «Московской городской ассоциации родителей детей-инвалидов и совершеннолетних инвалидов» (27 сотрудников).

Исследование влияния стиля руководства на социально-психологический климат коллективов проходило в 2 этапа: на первом этапе было проведено тестирование на определение стиля управления руководства (методика В.П. Захарова - А.Л. Журавлева) [1]; на втором этапе в коллективах было проведено тестирование на определение психологического климата (методика О.С. Михалюк - А.Ю. Шалыто) [7].

Результаты исследования социально-психологического климата в коллективе свидетельствуют о том, что большинство сотрудников (80%) дают ему благоприятные оценки.

В результате данного исследования было выявлено, что в обследованных организациях сложился благоприятный социально-психологический климат, на что, по-видимому, благотворно повлиял преимущественно коллегиальный стиль управления. Для поддержания благоприятного климата руководству целесообразно предложить рекомендации для кадрового отдела и личные рекомендации для руководителей. Для отдела кадров: обучение и аттестацию руководящих кадров, комплектование первичных коллективов с учетом фактора психологической совместимости. Личные рекомендации для руководства: информировать сотрудников о состоянии дел и этапах реализации проектов, поощрять инициативу сотрудников и развивать в них творческие способности, проявлять терпимость и давать объективную критику при свободном выражении собственного мнения сотрудниками при обсуждении вопросов, касающихся всего коллектива. Кроме этого, проводить регулярную диагностику социально-психологического климата в коллективе на основе использования разнообразных методик и разрабатывать механизмы по поддержанию благоприятного социально-психологического климата.

Литература

1. *Захаров В.П.* Методика определения стиля руководства трудовым коллективом [Электронный ресурс] / В.П. Захаров, А.Л. Журавлев. - Режим доступа: URL: http ://psylist.net/praktikum/00050.htm
2. *Зиновьева Н.В.* Психологическая подготовка руководителей-профессионалов; проблема развития стиля деятельности / Н.В. Зиновьева // Доклад на заседании кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносовым. - М.: МГУ, 2004. - С. 57.
3. *Ковалев А.Г.* Коллектив и социально-психологические проблемы руководства / А.Г. Ковалев. - М., 1975. - С. 248.
4. Менеджмент / Под ред. В.В. Лукашевича, Н.И. Астаховой. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. - 255с.
5. *Наприс А.В.* Психология управления / А.В. Наприс. - М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2009. -С. 24.
6. *Платонов Ю.П.* Психология конфликтного поведения. — СПб.: Речь, 2009. — 246 с.
7. Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина: В 2 т. -М.: Владос. 1999. - Т. 2. - 248 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ[1]

Абраменко Вероника Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Авраменко Вера Григорьева, главный специалист Научно-исследовательской лаборатории «Развития личности и здоровьсбережения» ЗелО-ИДА МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент.

Агапова Ирина Андреевна, студент факультет математики, информатики и физики ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». Волгоград.

Адеева Татьяна Николаевна, заведующая кафедрой специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», кандидат психологических наук, доцент, Кострома.

Адилова Эльнура Темиркановна, студент Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна, доктор психологических наук, магистр социальных наук, профессор. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Айметдинова Ольга Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Алдашева Айгуль Абдулхаевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник. ФГБУН «Институт психологии РАН».

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Алибекова Сияра Велибеговна, старший преподаватель, КГАУ ДПО «Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», Красноярск.

[1] Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

Алигаева Нигар Назимовна, аспирант, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», Калуга.

Андронов Борис Борисович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Анисимова Екатерина Владимировна, педагог-психолог сектора психологического сопровождения отдела по внеучебной и социальной работе. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Анисимова Юлия Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Анцупова М., студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Архангельская Виктория Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Канта», Калининград.

Архипенкова Юлия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Асташина Елена Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бабанин Пётр Алексеевич, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Баранова Виктория Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова.

Безносов Дмитрий Сергеевич, доцент кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного института практической психологии и социальной работы ФГБОУ ВО СПбГИПСР, к.психол.н., доцент, Санкт-Петербург.

Бессережнева София Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная

психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бессонов Денис Олегович, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бессчетнова Оксана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии. Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Балашов.

Бехбудзаде Манзар Бешир кызы, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология в образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Богачева Татьяна Игоревна, аспирант кафедры психологии по направлению социальная психология. ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск.

Богданова Ольга Сергеевна, студент факультета педагогическое образование. Программа бакалавриата «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки: «Иностранный язык (французский) и Иностранный язык»». ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Болтова Анна Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Буренина Евгения Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Буркова Валентина Николаевна, старший научный сотрудник, доктор исторических наук. Институт этнологии и антропологии РАН, НИУ ВШЭ.

Бутовская Марина Львовна, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики».

Вавакина Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии. Институт психологии «Российская академия наук».

Вачков Игорь Викторович, профессор кафедры социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО МПГУ, доктор психологических наук.

Витко Дарья Дмитриевна, студент факультета философии и социальных наук. Программа бакалавриата «Психология». «Белорусский государственный университет», Минск, Республика Беларусь.

Власова Кристина Олеговна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Водяха Сергей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург.

Водяха Юлия Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург.

Волков Роман Сергеевич, аспирант, «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Волкова Татьяна Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Воложаева Евгения Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Воробьева Анастасия Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.

Воронина Елена Сергеевна, студент факультета психологии. Программа магистратуры «Юридическая психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Воронина Мария Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Габриэлянц Иван Александрович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гагарина Мария Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и психология». ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва.

Гайдар Карина Марленовна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет, д.психол.н., доцент., Воронеж.

Глаголева Елена Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Горчакова Анастасия Андреевна, аспирант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Ярославль.

Грибкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Григорян Марина Арцруновна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гриценко Валентина Васильевна, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доктор психологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Губкина Инна Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гукасова Марина Павловна, студент факультета педагогики и психологии. Программа магистратуры «Социально-психологический тренинг в работе с молодежью». ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Гут Юлия Николаевна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой возрастной и социальной психологии, «Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород.

Даниленко Ольга Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Данилова Елизавета Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Демниченко Наталия Вацлавовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Денисенкова Наталия Сергеевна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Денисов Владимир Владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Джуматаева Мадина Булатовна, магистр психологии, тренер русского языка в Центре подготовки «Aiplus». Алматы, Республика Казахстан.

Добрынин Ярослав Витальевич, магистр, «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Довгилович Алесь Евгеньевич, студент факультета философии и социальных наук. Программа бакалавриата «Психология». «Белорусский государственный университет», Минск, Республика Беларусь.

Дубров Дмитрий Игоревич, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник. НИУ «Высшая школа экономики».

Дьячков Сергей Александрович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Елизаров Дмитрий Николаевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Елфимова Юлия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ермоленко Полина Ивановна, студент магистратуры, ФБГОУ ВО КГУ, Курск.

Есина Галина Константиновна, преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Есипов Михаил Алексеевич, аспирант факультета психологии. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Ефанкина Екатерина Васильевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Жахмалидинова Адиля Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Железняк Кристина Владиславовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор. ФГБУН «Институт психологии РАН».

Закарян Давид Анатольевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Замалдинова Гульнара Нуровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры наук и технологий, НИТУ МИСиС.

Заруцкая Екатерина Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Заславская Мария Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в практической психологии». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Захаркина Анна Геннадьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Зезюн Наталья Сергеевна, студент факультета психологии. «Гомельский Государственный Университет Им.Ф.Скорины», Гомель, Республика Беларусь.

Зеленова Марина Евгеньевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник. ФГБУН «Институт психологии РАН».

Зимина Наталия Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии. ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород.

Знаменский Виктор Викторович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Зотова Лариса Эдуардовна, доцент кафедры социальной психологии ГОУ ВО МО Московский государственый областной университет, к.психол.н., доцент, Москва.

Ильиных Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии семьи и детства. ФГБОУ ВО РГГУ «Институт психологии им. Л.С. Выготского».

Ильющеня Оксана Александровна, аспирант факультета социальной психологии. «Белорусский государственный педагогический университет», Республика Беларусь, г. Минск.

Кадурина Юлия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кадырмаева Римма Рифатовна, студент факультета психология образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Казанцева Дина Борисовна, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону.

Казанцева Нелли Алексеевна, заместитель директора, МБУ ДО ДЮСШ №3, Новокузнецк.

Калашникова Дарья, студент, ФГБОУ ВО МАДГТУ (МАДИ).

Калиничева Наталья Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кауненко Ирина Ивановна, доктор психологии, доцент, старший научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Министерства образования, культуры и исследований, Кишинёв, Республика Молдова.

Кирсанова Настасья Вадимовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология».

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. ФГБУН «Институт психологии РАН».

Кишея Инна Леонидовна, старший преподаватель кафедры психологии и физического воспитания. УО «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь.

Кляхина Полина Руслановна, студент факультет Liberal Arts. Программа бакалавриата «Технологии социологического исследования. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Ковыльникова Екатерина Александровна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Козерод Владимир Сергеевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кокурина Ирина Георгиевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. Ломоносова».

Кондратьев Михаил Дмитриевич, старший преподаватель, кандидат психологических наук. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Котковец Елена Сергеевна, студентка факультета педагогики и психологии, практическая психология. УО «Барановичский государственный университет», Республика Беларусь, г. Барановичи.

Кочетков Никита Владимирович, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кочетова Татьяна Викторовна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Красило Дарья Александровна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Красило Татьяна Александровна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и этнической психологии. АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

Кривцова Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Крикун София Дмитриевна, аспирант, ассистент кафедры общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», Саратов.

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Крючкова Валерия Владимировна, студент факультет Психологии Liberal Arts. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Кулдина Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин факультета Либерал Артс Колледж. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Лазарева Елена Геннадьевна, аспирант лаборатории жизнеспособности. ФГБОУ ВО ВГСПУ, г.Волгоград.

Лалу С., SEBE-Lab, Department of Psychological & Behavioural Science, Houghton St., WC2A 2AE, London, UK.

Латыпова Шабнам Азамовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Леганькова Ольга Викторовна, заведующая кафедрой общей и детской психологии, кандидат психологических наук, доцент. УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка», Минск, Республика Беларусь.

Лейбман Ирина Яковлевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ленкова Наталья Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в

психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Леонова Татьяна Игоревна, студент факультет клинической психологии. ФГБОУ ВО РязГМУ, Рязань.

Лепшокова Зарина Хизировна, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, к.психол.н., Москва.

Лесин Александр Михайлович, старший преподаватель кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, к.психол.н., Рязань.

Липатова Любовь Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лисицын Владислав Александрович, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Литаврина Анастасия Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Литвинова Елена Юрьевна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Логвинова Маргарита Игоревна, аспирант. ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск.

Лукьянченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», Красноярск.

Майсак Надежда Васильевна, доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет, кандидат психологических наук, Астрахань.

Макаров Кирилл Дмитриевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Макеева Светлана Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная

психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Максин Станислав Владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Малышева Олеся Олеговна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мананкова Юлия Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат биологических наук, доцент. Декан факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Масленникова Алена Анатольевна, студент факультета психологии. Программа магистратуры «Медиация в образовании и социальной сфере». ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань.

Махаринская Елена Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мелёхин Алексей Игоревич, кандидат психологических наук, доцент Гуманитарного института им. П.А, Столыпина, клинический психолог высшей квалификационной категории, сомнолог. Москва.

Мелконян Наталия Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мельник Юрий Иванович, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск.

Мельникова Дарья Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук.

Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Митрофанов Иван Сергеевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Муканова Гульмира Альбеновна, студент факультета психологии образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Муллахметов Андрей Владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мысин Олег Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития. ГОУ ВО МО МГОУ.

Мякишева Анастасия Игоревна, студент, программа бакалавриата «Гостиничное и ресторанное дело». ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург.

Наташенков Григорий Геннадьевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Науменко Ирина Николаевна, студент бакалавриата. ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь.

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии, РУДН.

Озорнина Анастасия Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Орлова Виктория Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Паваляева Татьяна Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология

дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлинова Ирина Олеговна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлова Ксения Николаевна, студент факультета психолого-педагогического. Программа аспирантуры «Общая психология, психология личности, история психологии». ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита.

Павлова Ольга Сергеевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат педагогических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлюкова Анастасия Валерьевна, студент факультета психологии и педагогики. Программа магистратуры «Психология». ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь.

Панова Светлана Александровна, студент факультета психологии образования. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пашкова Яна Андреевна, студент факультета философии и психологии. Программа аспирантуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж.

Пащенко Александр Константинович, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пенькова Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пискун Снежана Валентиновна, студент факультета психологии и педагогики. ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь.

Плющ Александр Николаевич, доктор психологических наук, старший научный сотрудник. Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, Киев, Украина.

Погодина Алла Васильевна, заведующая кафедрой психологии управления, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пожаркин Дмитрий Иванович, директор МБУ ДО ДЮСШ №3, Новокузнецк.

Полякова Анастасия Александровна, студент. Программа магистратуры «Психологическое консультирование в образовательных учреждениях». ФГБОУ ВО ВГПУ, Воронеж.

Полянская Дарья Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Потапова Анна Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Почебут Людмила Георгиевна, профессор кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет, д.психол.н., профессор, Санкт-Петербург.

Пошехонова Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии. ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Ярославль.

Расходчиков Артем Анатольевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Расходчикова Марина Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рафикова Виктория Сергеевна, студент факультета психологии. Программа магистратуры «Юридическая психология». СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Романцова Юлия Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ромашева Жанагуль Жумабековна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рубцова Елизавета Андреевна, студент Института иностранных языков, программа бакалавриата «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки (английский язык и итальянский язык)». ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Саликова Эвелина Мария Вячеславовна, студент факультета педагогики и психологии. Программа аспирантуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО МПГУ.

Самсонова Дина Михайловна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Саранчина Татьяна Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии, доктор психологических наук, доцент. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Свечникова Юлия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Свирепова Дарья Федоровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сергеева Ольга Геннадьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Серебрякова Каринэ Арташесовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Серебрякова Полина Ильинична, студент факультета менеджмента. Программа бакалавриата «Психология управления». РЭУ имени Г.В. Плеханова.

Сидячева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии. ГОУ ВО МО МГОУ.

Синичкина Виолетта Радиславовна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Смирнова Елена Олеговна, директор по развитию, Благотворительный фонд «Шанс», г. Москва.

Смирнова Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии. Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

Сонькин Дмитрий Мирхайдарович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сорокин Александр Андреевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Софронов Алексей Юрьевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Страхов Николай Викторович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сумароков Александр Иванович, психолог, «Международный независимый эколого-политологический университет», Москва.

Суркова Юлия Геннадьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Терентьева Александра Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Терентьева Вероника Эдуардовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Титов Сергей Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент. НИУ ВШЭ.

Титовец Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики. УО БГПУ, Минск, Республика Беларусь.

Тихонова Александра Тимуровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Токарева Светлана Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Толчина Елена Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат исторических наук; член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. ФГБОУ ВО МАДГТУ (МАДИ).

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой Ватель-РМАТ Российской международной академии туризма и профессор кафедры психологии и педагогической антропологии Московского государственного лингвистического университета. ЧОУ ВО РМАТ, ФГБУ ВО МГЛУ, Москва.

Феденок Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЭА РАН.

Федорова Елена Валерьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Федорова Светлана Владимировна, магистр по направлению «Психолого-педагогическое образование», выпускник факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Феоктистов Леонид Михайлович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные

технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Фоке-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), SEBE-Lab, Department of Psychological & Behavioural Science, Houghton St., WC2A 2AE, London, UK.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Харченко Максим Андреевич, доцент кафедры психологии управления, кандидат физико-математических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Хомченко Илья Анатольевич, студент факультета психологии и педагогики. Программа бакалавриата «Психология». ГГУ им. Ф. Скорины, Минск, Республика Беларусь.

Худякова Татьяна Леонидовна, заведующая кафедрой практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, к.психол.н., доцент, Воронеж.

Хухлаев Олег Евгеньевич, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук, доцент. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Цветков Роман Алексеевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Целищева Ольга, студент магистратуры факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Чистякова Ольга Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Чикер Вера Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии. СПГУ, Санкт-Петербург.

Чикилева Дарья Владимировна, выпускник факультета дошкольного образования. УО БГПУ им. М. Танка, Республика Беларусь, Минск.

Шапаваленко Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой возрастной психологии имени профессора

Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, доцент кафедры. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шахтанова Анасатсия, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шевченко Наталья Андреевна, студент факультета философии и психологии. Программа аспирантуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «ВГУ», Воронеж.

Ширков Юрий Эдуардович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник. кафедры социальной психологии факультета психологии. МГУ им. М.В. Ломоносова.

Шмырова Элеонора Сергеевна, студент факультета социальная психология. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шнейдер Лидия Бернгардовна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии семьи и детства ФГБОУ ВО РГГУ, Москва.

Шульга Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Москва.

Якимчук Елена Юрьевна, студент факультета социальной психологии, программу магистратуры «Социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ярошенко Елена Игоревна, старший преподаватель. СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Социальная психология: вопросы теории и практики

Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева

(12–13 мая 2020 г.)

Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Факультет социальной психологии